

Литературный

АЛЬМАНАХ

2005

СЕНТЯБРЬ

Администрация МО "Город Сыктывкар"
Управление культуры
администрации МО "Город Сыктывкар"

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

Повести
Рассказы
Стихи
Очерки
Статьи

Сыктывкар
Издательство «Полиграф-Сервис»
2005

Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта Управление культуры администрации МО "Город Сыктывкар" и лично главу администрации МО "Город Сыктывкар" Сергея Михайловича Катунина.

Проект доктора филологических наук В.Н. Демина

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

В. Шевцов
А. Бернштейн
В. Демидов
А. Канев
А. Иевлев
М. Курочкин
В. Полещиков
А. Ульянов
И. Белых

Сыктывкар : литературный альманах: повести: рассказы: стихи: очерки: статьи / Ред.-сост. А. В. Канев, худ. Е. Ширшова. - Сыктывкар : Полиграф-Сервис, 2005. - 307, [1] с. : ил.

Оглавление

Виктор Шевцов. СЛОВО О "СЫКТЫВКАРЕ"	7
ПРОЗА.....	8
Алексей ИЕВЛЕВ. Без нас спокойнее на свете (повесть).....	8
Екатерина ИЗЮМСКАЯ. Ромашковое поле (рассказы)	48
Александр ЛОБАНОВ	
Высота безымянная (рассказ).....	65
Двадцать (рассказ)	68
День республики (рассказ)	71
На воне как на войне (рассказ).....	75
Приданое к свадьбе (рассказ).....	81
Николай МАЛЬЦЕВ. Бабье лето на всю жизнь (повесть)	85
Андрей КАНЕВ. Тридцать восьмой, расчет окончен (повесть)	103
Марк КАГАНЦОВ. Байки «Скорой помощи».....	123
Владимир ПОЛЕЖАЕВ. Мои медведи (очерк).....	126
Александр ПАРНАЧЕВ. Зона. Сударь. Исповедь (главы из романа)	127
Митрофан КУРОЧКИН. Горе горькое (маленькая повесть)	129
Иван БЕЛЫХ	
Бревно и щепки (рассказ)	136
У сверкающего фонтана (рассказ).....	137
Иван ПОВАРОВ. Пророк (повесть).....	138
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	153
Раиса КУКЛИНА. Ненужные слова, посвященные матери.....	153
Вениамин ПОЛЕЩИКОВ. История одного стихотворения.....	154
Мария ПЛОСКОВА. Истоки языка и культуры.....	157
Андрей КАНЕВ. «Рукою нежною я слово напишу...»	159
Владимир СОЛОВЬЕВ. «Ты – мое солнышко...»	162
Елена ЧЕРНАВСКАЯ. В его стихах любовь и свет.....	165
Митрофан КУРОЧКИН. Книги их творцы.....	165
ПОЭЗИЯ.....	170
Юрий ГРИНЬКО	170
Алексей ИЕВЛЕВ	170
Валентин ГРИНЕР.....	171
Оксана НАРКЕВИЧ.....	171
Юрий ВОЙТЕХОВСКИЙ	172
Раиса КУКЛИНА.....	172
Евгений КАРПОВ.....	173
Александр ЛОБАНОВ.....	173
Владимир ОЛОФИНСКИЙ.....	173
Андрей КАНЕВ	174
Валентин ОХАПКИН.....	175

Елена ШЕВЕЛЕВА.....	175
Аркадий КАЛИМОВ.....	175
Маргарита ПРИЛУЦСКАЯ.....	176
Евгений ТЕКУЧ.....	176
Валерий УДАЛОВ.....	177
Данил ДЖИГАЛЛО.....	177
Елена ИВАНОВА.....	177
Сергей МАЛЫХ.....	177
Александр СЕЛЕЗНЕВ.....	178
Сергей СТАНОВОЙ.....	178
Олег ЖДАНОВ.....	178
Виктория МАРТЫНОВА.....	179
Михаил ИЕВЛЕВ.....	179
Тамара КУРОЧКИНА.....	179
Митрофан КУРОЧКИН.....	180
Иван КАМЕНСКИЙ.....	180
Дарья ШУЧАЛИНА.....	181
Любовь ГАЛОЯН.....	181
Алексей КАРПОВ.....	182
Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ.....	182
Людмила ЧЕБЫКИНА.....	183
Николай ЕВСТРАТОВ.....	183
Андрей КРАЙЛЬ.....	183
Вадим КИТОВ.....	184
Наталья ИВАНОВА.....	184
Ольга ВИШЕРАТИНА.....	184
Ирина ЗАГОРЯНСКАЯ-ГАРТМАН.....	184
Нина НИКОЛАЕВА.....	185
Юрий КОЧЕВ.....	185
Геннадий ТРОФИМОВ.....	185
Владимир КУЛИКОВ.....	186
Серафим ПОПОВ.....	186
Юрий ФИДЕЛЬГОЛЬЦ.....	188
Галина МАРКОВА.....	196
Виктор ДЕМИДОВ.....	197
А. ВАСИЛЕНКО.....	197
Сергей ПОТОЛИЦЫН.....	198
А. КОЖЕВНИКОВ.....	198
Мария ВАСИЛЬЕВА.....	198
Елена МАРКОВА.....	199
Роберт РАЗМЫСЛОВ.....	199
Татьяна ШАХОВА.....	200
Наталья СТАРЦЕВА.....	200
Лана ШЛЫЧКОВА.....	201
Ирина КОВАЛЬ.....	201
Анастасия РЫБАКОВА.....	201
Алиса УРНЬШЕВА.....	202
Мария ХОЗЯИНОВА.....	202
Нина ПУНДИКОВА.....	202
Альбина МИШАРИНА.....	203
Ольга ДРИНДРОЖИК.....	203
Юрий КОНАКОВ.....	203
Ольга МИШУРОВА.....	204

Николай ТЮРНИН.....	204
Александр КЛЕЙН	205
Олег ЧУПРОВ	206
Людмила ХАНАЕВА.....	206
Лара ГОНСКОВА.....	207
О Ч Е Р К И.....	207
Николай ЮШКИН	
Покойницкая	207
Шлите тыщу	208
Смятение	208
Егор ФЕФЕЛОВ. Судьба, опаленная пламенем (очерк).....	209
Альфия КОРОТАЕВА	
Коми песня в моей судьбе (очерк).....	210
Подарок	212
Как я сэкономила 800 рублей	212
Андрей КРАЙЛЬ. Гусар в душе – гусар на сцене (очерк)	213
Альберт БЕРНШТЕЙН.	
Судьба эсгардта-старшего:.....	214
Преступление быть немцем.....	214
Константин АНДРЕЕВ. Человек с рабочей закалкой и головой ученого (очерк)	221
Валентин ОХАПКИН. Сеанс вслепую... ..	224
Анатолий ПОПОВ. Наш учитель.....	226

СЛОВО О "СЫКТЫВКАРЕ"

Наша столица в 2005 году празднует свой 225 юбилей. Много событий культурной жизни города Сыктывкара посвящены этой знаменательной дате. Посвящен ей и этот литературный сборник. Нельзя не отметить и тот факт, что очередная книга выходит в год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне, есть в сборнике и произведения посвященные военной тематике.

Этот выпуск литературного альманаха, который ты сейчас держишь в руках, читатель, двенадцатый. Спонсирует выход книги в свет Управление культуры МО "Город Сыктывкар". До 2000 года альманах выходил под разными названиями: «Звезда забытого завета», «Авария», «На изломе», «Берега», «Открытая дверь», «Выбор». В год смены тысячелетия сборник обрел свое постоянное имя – «Сыктывкар». Произошло это с легкой руки доктора филологических наук, профессора Владимира Николаевича Демина.

С тех пор литературный альманах "Сыктывкар" зарекомендовал себя, как интересное неординарное издание, в котором публикуются новые произведения как маститых, так и совсем юных авторов. Его двери открыты не только столичным поэтам и писателям, но и литераторам из городов и районов всей республики, что, несомненно, подчеркивает значимость этого ежегодного сборника для регионального литературного процесса.

Альманах за годы своего существования сменил несколько адресов, выходил в свет в издательско-полиграфическом отделе ОАО «КРТ», в типографии ХОЗО МВД Республики Коми, издательстве «Эском», Коми книжном издательстве, ООО «Полиграф-Сервис». И всегда бессменным руководителем этого проекта был известный в Республике Коми и за ее пределами писатель, литературовед Андрей Валерьевич Канев. Нынешний сборник по содержанию разбит на несколько разделов. В него вошли проза, поэзия, критика, литературоведение и краеведение.

Поэтическое слово никогда не оставляло читателей равнодушным. На этот раз в альманахе представлены стихотворные произведения Серафима Попова, Александра Клейна, Олега Чупрова, Виктора Демидова, Алексея Иевлева, Андрея Канева, Валентина Гринера, Юрия Гринько, Раисы Куклиной, Митрофана Курочкина, Александра Лобанова, Валентина Лычковского, Юрия Кочева. В этом литературном сборнике напечатана поэма Юрия Фидельгольца «Звенья», посвященная теме безвинного наказания в сталинское время. Впервые опубликованы стихи победителей республиканского поэтического конкурса сотрудников Главного управления МЧС России по Республике Коми (Д. Джигало, Е. Иванова, С. Малых, А. Селезнев, С. Становой, О. Жданов).

Литературный альманах «Сыктывкар» уже давно стал трибуной ждя таких известных в столице литературных объединений как эжвинское «У комелька» и литературный клуб Сыктывкарского высшего педагогического колледжа № 1 имени И.А. Куратова «Лист». В этом номере сборника опубликовали свои стихи «комельковцы» Л. Ханаева, М. Прилуцкая, Н. Николаева, Л. Чебыкина и другие, а также «листовцы» Н. Пундикова, В. Мартынова, Т. Шахова, Н. Старцева, Л. Шлычкова, А. Рыбакова, А. Урнышева, М. Хозяинова, А. Мишарина, О. Дриндрожик, Ю. Конаков.

Прозу представили А. Парначев, И. Белых, М. Каганцов, Е. Изюмская, Н. Мальцев, В. Полежаев и другие. Разнообразен по тематике и раздел, посвященный критике, литературоведению и краеведению, в нем представили свои статьи ученые-литературоведы Р. Куклина, М. Плоскова, В. Соловьев, В. Полещиков, Е. Чернавская и другие. Очерк в литературе – явление своеобразное, в этом жанре выступили Анатолий Попов, Альфия Коротаева, Николай Юшкин, Альберт Бернштейн и Валентин Охупкин.

Произведения около ста авторов нашли свое место под обложкой данного издания. Хочется верить, что и этот выпуск литературного альманаха "Сыктывкар" найдет дорогу к сердцу внимательного и заинтересованного читателя, не оставит равнодушными критиков и литературоведов, займет свое достойное место в литературном процессе Республики Коми.

Виктор ШЕВЦОВ,
*советник заместителя Главы
Республики Коми, член общественной
редколлегии литературного альманаха
«Сыктывкар»*

БЕЗ НАС СПОКОЙНЕЕ НА СВЕТЕ
(повесть)

Он не узнал этот город. Правда, и лет прошло немало... Появились новые улицы. Практически это был новый, незнакомый ему Сыктывкар. Но парк был все тот же, и желтое трехэтажное здание местного НКВД (он по привычке иногда называл «службу» ее старым именем) все так же смотрело ясными окнами сквозь наготу зимних деревьев на замерзшую реку.

И сейчас, стоя у окна выделенного ему просторного кабинета, он почему-то силился вспомнить, словно это было жизненно важно, - здесь или в другой комнате ему переломили пальцы, поочередно засовывая их в дверной проем? Воспоминание, словно рыба, внезапно поднятая с невероятной глубины, разорвалось бомбой, и осколки ее пронзили покалеченную руку. Боль была той, старой, он как будто даже услышал хруст дробящихся костей.

Инстинктивно дернув рукой, прогнал наваждение... Он здесь не за тем, чтоб сводить счета. Точнее, не этот счет он хотел предъявить сегодня.

Вчера ночью, спустившись с трапа рейсового самолета Москва-Сыктывкар и пожав руку встретившему его начальнику местного Управления ФСБ Сажину, он раздумал сразу ехать на службу. Утро вечера мудренее.

А с утра взял быка за рога. Машину, как он и приказал, ему подали к полвосьмого, а еще через десять минут Сажин докладывал:

- Вопрос о Дмитрие Балабине уже поднимался два года назад. Тогда из Москвы поступил запрос. Я лично занимался. В нашей картотеке дело Балабина отсутствует. В архиве тоже ничего нет. Я так и доложил в Москву.

- Читал твой доклад. Отписка!

- Извините, Павел Анатольевич! Я сделал все, что было в моих силах. Конечно, через наш край прошли миллионы людей, но Балабин мог попасть и в другие места. Чем, например, Колыма или Казахстан лучше Коми? Может, там надо искать?

- Там пусть другие ищут. А я знаю, что в сорок шестом он был в Сыктывкаре. Я сам его здесь видел, своими глазами. Поэтому Альберта будем искать здесь!

- Какого Альберта?

- Оперативный псевдоним Балабина – Альберт.

- Мне об этом ничего не известно. В архиве есть дела, в которых фигурируют только какие-то клички, а кому они принадлежат – не понятно. Видимо, пояснительные записки сожгли вместе с «неудобными» материалами после краха ГКЧП. Тогда много чего уничтожили – концов не найти.

- А ты поищи. Дело Альберта могли изувечить, но уничтожить полностью – это подписать себе расстрельный приговор.

- Суды сейчас не приговаривают к смертной казни.

- А мы во внесудебном порядке, как в прежние времена... Кто у тебя займется архивом? Есть кто-нибудь толковый из молодых?

- Так точно. Лейтенант Канев. Андрей Канев. Год как из училища. Не только хорошо палит из пистолета, но и обнаружил склонность к аналитической работе.

- Вот и замечательно. Пришлешь его ко мне. Я сам проинструктирую, на что ему обратить внимание...

- Слушаюсь.

- Погоди. Еще вопрос. Журков жив?

- Да ему сто лет в обед! Но бодрится.

- Вот ты мне этого бодрячка через часок-другой и привези. Он ведь у вас, поди-ка, ветеран, наставник молодежи?

- Ветеран. А куда деваться? Обвинений ему никаких не предъявлено, значит, чист перед Родиной.

- Перед какой Родиной? Ты чего мне, Сажин, как сопливному газетчику, мозги пудришь? Молчит твой Журков в тряпочку о прошлых подвигах и медалями в День Победы бренчит, как все. А попробовал бы язык распустить – быстро бы вспомнил, что Родина и ФСБ – это одно и то же! Он перед «службой» чист, потому и жив. А кого мы отдали на растерзании из таких, как он? Никого! И не отдадим. Они выполняли наши приказы, и нам решать их судьбу.

- Ясно.

- Ну, и хорошо, что ясно. Канева и ветерана ко мне. Свободен.

Сажин вышел, а он еще немного постоял у окна, разминая руку и прогоняя из нее невольное воспоминание о боли. «Журков – еще та сволочь, - подумал, неторопливо расхаживая по кабинету. – Интересно, узнает меня? Хотя, чего он должен помнить всех?»

В дверь постучали:

- Разрешите? Лейтенант Канев прибыл в Ваше распоряжение!

- Проходи. Садись.

Канев действительно оказался сообразительным и быстро ухватил суть поставленной задачи.

- Имени Альберт может и не быть в деле. Тогда ориентируйся на время – конец Великой Отечественной. И на место, где его взяли – Венгрия.

- Ясно! Разрешите исполнять, товарищ генерал?

- Мы не на плацу. Зови меня Павлом Анатольевичем. Да и мне проще обращаться к тебе по имени. Не возражаешь?

- Никак нет, т... Павел Анатольевич!

- Исполни!

Канев ушел. За архив можно было быть спокойным. Если там есть хотя бы тень или призрак Альберта, Андрей его найдет. А вот если нет этой тени?

Тогда поможет другой призрак прошлого – Журков.

Он позвонил Сажину и приказал принести ему отчет об оперативной обстановке в городе. Раз уж все равно придется провести несколько дней в Сыктывкаре, следовало войти в курс дел.

* * *

Журков появился в его кабинете в образе седенького, чуть сутулого старика с прозрачными голубыми глазами. На левой стороне пиджака – планка с ленточками наград. Встретишь такого на улице – ни дать, ни взять ветеран, кровь за Родину проливавший. «Этот-то попроливал! Только не свою», - подумал он, усаживая Журкова.

- Ну, что, Михаил Иванович, Вы, наверно, знаете, зачем я Вас пригласил?

- Да, Сажин ввел в курс дела. Но, Павел Анатольевич, я еще два года назад все рассказал без утайки. Не помню я никакого Балабина. И Альберта никакого не припоминаю. Много воды утекло... Может, и был он здесь, да разве ж их всех упомнишь, - старик развел руками. Лицо его бесхитростно выражало полную готовность помочь родной «службе».

- Тогда я Вам напомним. Это был не обычный зека. Вместе с ним пришел пакет из Москвы на Ваше имя. Там был его приговор, и Вы лично должны были привести его в исполнение. Такое не забывается!

- Бог с Вами! Прямо сюжет из романа! Не было ничего такого.

- Михаил Иванович, Балабин к Вам поступил не один. С ним вместе был еще один зека – Леднев.

- Не припоминаю, - Журков опять беспомощно развел руками, но взгляд его стал напряженным. Он словно силился что-то понять, но истина ускользала.

- Леднев – это я. Павел Анатольевич Леднев. Помнишь, сука, как ты мне пальцы дверью шелкал, как орехи?!

Журков отстранился, продолжая напряженно разглядывать собеседника:

- Мстить приехали? Так ведь я ничего не боюсь. Мне и так уже пора на тот свет. Зажил я. Чужой век, наверно, живу.

- Врешь, Журков! Помирать не страшно, когда делом занят по горло. А когда день-деньской гуляешь на солнышке, да цветы от пионеров на праздники получаешь – ой, как жить становится охота!

- Пионеров-то нынче нет. Повывели.

- Зато скаутов развелось. Ты не крути, Журков! А то голова открутится.

- Что, мой черед пришел? – тихо спросил Журков. – Или личные счета сводите? Времени-то сколько прошло с той поры. Или недосуг было?

- До чего мне было – не тебе судить. Хотел бы тебя задавить, давно бы это сделал. И без всяких проблем. Веришь?

- Верю. Вам верю. Скажите, это Ваши ребята в Москве председателя Либеральной партии убрали? Красиво. Профессионально. Чувствуется рука мастера.

- Ты что болтаешь? Я-то причем? Там и суд был, и убийц нашли.

- Как в наши годы! – кивнул головой старик. - И открытый процесс над выродками, и справедливый приговор народа! Поэтому, верю. Захотели бы меня хлопнуть – хлопнули бы. Похоронили бы с почестями?

- Да хоть завтра! Оркестр-то в городе найдется?

- Найдется... А я ведь подписку давал. О неразглашении. И никто ее не отменял, подписку-то, - глаза старика были по-прежнему водянистыми и безмятежными.

- Ты подписку «службе» давал. Вот эта «служба» и спрашивает тебя, как ты исполнил приказ. И ответ твой в «службе» и останется. Ясно?

- Ясно, товарищ генерал.

- Ну, выкладывай, раз ясно. И не тяни резину. Я знаю, приказ был расстрельный. И исполнить его должен был ты. Выполнил?

- Так точно, - Журков спрятался от страшной, долго лет скрываемой правды за сухими субординационными ответами.

- Ну, поехали, - вздохнул Леднев.

- Куда? – глаза старика обеспокоено встрепенулись.

- Покажешь место, где закопал труп. Или оно уже асфальтом закатано, и дом стоит?

- Да, нет...

- Ну, вот видишь. У вас тут лесов да оврагов хватало. Это в Москве по подвалам расстреливали. А у вас все больше на свежем воздухе? Читал в какой-то из ваших газет, что не использовали чекисты Коми подвалы этого здания для казней. Правда?

- Мало ли что газеты напишут. Чем мы хуже Москвы? Там, значит, додумались стрелять в подвалах, а мы что, щи лаптем хлебали?

- Так ты что, здесь Балабина расстрелял? В этом здании? А труп-то куда дел?

- Приказ был странный, - уходя от ответа, медленно проговорил Журков. – Убрать так, чтоб никто не знал и чтоб при надобности легко труп было отыскать. Вот задали задачу! Чего проще – пустил бы его в расход с другими, вон, ныне как ни начнут дорогу прокладывать или котлован рыть, так косточки и посыплются. А чьи они – поди узнай. Тысячи положены здесь в землю. И имен не осталось, не то что отчетов...

- Ты от ответа-то не уходи. Выкладывай, как было дело.

- Да так и было! В Москве-то, небось, думали, что я его стрельну да под каким-нибудь кустом в лесу закопаю – и шито-крыто. А того не знали, что у нас весь лес людьми поделен – кто охотится, кто грибы собирает здесь испокон веку. Да они не то что могилу – сломанную веточку тотчас обнаружат. Проще труп посреди улицы бросить!

- Ну и куда ты его бросил?

- Да здесь он, - нехотя протянул Журков. – Надо в подвал спуститься. Покажу.

Леднев вызвал Сажина.

- Да, ну – бред! – не поверил Сажин. – Мы в свое время весь подвал обследовали. Нет там ничего такого и не было! Мы и старых работников опрашивали – не расстреливали в наших подвалах!

- Так они Вам и сказали, - фыркнул Журков. – Они тоже подписку о неразглашении давали в свое время. Да и жизнь научила: чем меньше треплешь языком, тем целее голова на плечах.

Втроем спустились в подвал. Оштукатуренные стены, бетонный пол. Журков уверенно провел их в дальний угол и остановился:

- Здесь.

- Что – здесь?! – вышел из себя Сажин. – Мы весь пол в подвале простучали и руками прощупали. Монолит. Никаких пробоин и полостей. Как однажды залили при строительстве здания, так больше и не тревожили.

- Здесь, - повторил Журков и указал на стену.

- Да за ней улица и двор! И всегда был двор. Это можно посмотреть на плане здания.

- План здания перерисовали в сорок шестом. А старый я сжег.

- Зачем? – Леднев решил поторопить старика, ударившегося в воспоминания.

- Затем... Молодые не знают, а посторонние и не видели никогда, что тут флигель был небольшой. Он во двор выходил. А после войны решили двор расширить, вот флигелек-то и снесли. Как раз вовремя... Стены-то разобрали, а подвал сверху закрыли асфальтом. Эту перегородку тогда же соорудили. Там Балабин... Никуда не делся.

- Что ж, - тяжело вздохнул Леднев. – Зови людей, Сажин. Будем ломать перегородку.

- Я бы не стал, - медленно сказал Журков.

- Здесь не тебе решать, - резко оборвал его Сажин.

- Не мне, - согласился тот. – Но вскрывать не стоит. Честное слово, не стоит.

- Почему? – поинтересовался Леднев. – Или не найдем никого? Может, нет там никакого Балабина? Говори, старик, отступать тебе некуда.

- Там ваш Балабин, - упрямо повторил старик. – Но не один...

- О-па! У тебя тут что – массовое захоронение? Час от часу не легче. Вот журналисты-то, не приведи Господь, пронюхают! – Сажин даже переменялся в лице, представив себе на мгновение возможный скандал.

- Не болтай лишнего, вот и не пронюхают, - резко оборвал его причитания Леднев. – Сколько там трупов, Журков?

- Два.

- Кто второй?

- Фамилию его я тогда не знал, - сказал Журков, налегая на слово «тогда». – Он поступил к нам под кличкой. Иностранец. И с таким же приказом Москвы, как Балабин. Только позже его. Как я доложил об исполнении приказа по Балабину, так и прислали этого.

- Ты как-то странно подчеркнул – тогда! А что, сейчас знаешь?

- Знаю. Его фотография последние годы часто в прессе мелькает, да и по линии «службы» запросы были не один раз.

- Ну? И чего ж не отвечали?

- Да Вы и сами догадаетесь... Это Седой.

- Тот самый Седой?!

- Так точно.

Леднев, конечно, предполагал, что загадка места кончины Седого когда-нибудь разрешится именно таким образом. Точнее, он был уверен, что если она и раскроется, то только так.

«А могла бы и не раскрыться», - подумал он. И эта мысль ему показалась очень разумной.

* * *

- Кто еще знает об этом? – слегка барабанив пальцами по столу, спросил Леднев.

- Никто, - не отводя глаз, сказал Журков.

- Не крути. Ты один бы не справился. Помощники были?

- Одинцов помогал. Но он в прошлом году преставился. Хорошо похоронили, с оркестром и тремя залпами, как ветерана войны.

- Он на фронте-то был? – насмешливо спросил Сажин.

- А у нас тыл помогал фронту! Слышал, небось, как поэт сказал: из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд? Пули тоже из одного свинца лили, что для немецко-фашистских оккупантов, что для врагов народа! – резко ответил Журков.

- Ладно, - прекратил начинавшуюся перепалку Леднев. – Не будем тревожить наших мертвых. Раз их Журков так хорошо спрятал, что даже твои, Сажин, «спецы» их не нашли, пускай и дальше покоятся с миром. В Москве я доложу, кому следует. Страсти вокруг гибели Седого поулеглись. По крайней мере, здесь-то точно никому не придет в голову его искать. Не глуп был Лаврентий Павлович...

- Павел Анатольевич, а кто этот Седой? – неуверенно спросил Сажин.

- Эх, молодость-молодость, - укоризненно покачал головой Журков. – Отвыкли работать. Отучили вас в каждом человеке возможного врага распознавать, так вы и вовсе нюх потеряли. Старики с их опытом поумирали, а юнцам наш опыт ни к чему, страшный он, в крови. А, кроме крови-то, и дело было.

- Хватит философствовать. Раз ты, Сажин, ничего не знаешь про Седого, так и забудь сразу. Без тайн легче живется... Тем более, что напоминать о них будет некому. Мы с Журковым скоро получим билеты на тот свет, - и, как будто что-то вытаскивая из дальних глубин памяти, Леднев произнес медленно, почти по слогам, - без нас спокойнее на свете...

- Это точно, - почему-то подтвердил Журков. – Без нас спокойнее на свете.

- Ну, ладно. Вы, Михаил Иванович, свободны. За помощь спасибо. О сохранении тайны напоминать не надо? – чисто формально спросил Леднев.

- Не надо. Всего доброго, - Журков ушел, плотно закрыв за собой дверь кабинета.

- А теперь давай с тобой, Сажин, потолкуем. Во-первых, обо всем, что сегодня узнал, - никому! Ни жене, ни начальству, ни бумаге! Если это вылезет наружу, разбираться не стану – найду и тебя, и Журкова. Но он-то будет молчать, ему признаваться в этом геройстве не с руки. Понял?

- Так точно!

- Вот и хорошо. Теперь еще одно дело к тебе есть. Нужен толковый журналист, пишущий смело и на самые щекотливые темы. И чтобы никак не был связан с нашей «службой». Я расскажу ему один сюжет... Очень занимательный.

- Журналист есть. Например, Сергей Морозин. В газете «Молодежь Севера» работает. Частенько разные запросы нам присылает. И пишет остро, хотя по сути придраться не к чему.

- Вот и организуй мне с ним встречу. Лучше не здесь. И не на конспиративной квартире. Где-нибудь в кафе – чтоб уютно, и народу немного. Скажи ему, что ветеран разведки из Москвы мог бы рассказать интересную историю, связанную с Коми. Для газетчика это – клад!

- Есть! Но, Павел Анатольевич, предупреждаю заранее, на вербовку Морозин не пойдет. Уже пробовали.

- А он мне сексотом и не нужен. Мне действительно нужна статья. Причем написанная не под мою диктовку, а с вдохновением. Ты ему скажи, что я уже отошел от дел, но раскрывать меня еще рано. Государственная тайна, гриф «Совершенно секретно», но некоторые детали... – словом, напусти тумана! Газетчики это любят. Скажи, что я завтра уезжаю. Поэтому встретиться лучше сегодня, через пару часов. Ясно?

- Так точно.

- Исполняй.

Через десять минут Сажин доложил, что встреча с Морозинным состоится в три часа дня в «Койфейном дворике». А тут и Канев вернулся:

- Разрешите, Павел Анатольевич?

- Проходи. Садись. Что удалось найти?

- Только вот это, - Канев положил на стол тоненькую картонную папку. – Здесь всего два документа. Это формуляры заключенных. В первом указано имя Альберт, дата задержания - начало сорок пятого, место задержания – Венгрия. И почему-то в разделе «Особые приметы» написана фраза: «Без нас спокойнее на свете». Во втором формуляре фигурирует кличка «Седой», время и место взятия под стражу – те же. Особых примет нет. Всё.

- Есть какие-то указания об их дальнейшей судьбе?

- Никак нет. Наверно, другие документы уничтожены.
- Хорошо. Папку пока оставь мне. Можешь идти, занимайся своими обязанностями. Вызову, когда понадобится.

Канев ушел. «Итак, - подытожил Леднев, - их судьбы связали вместе. В этом и зарыта собака. Интересно, зачем?»

* * *

Он пришел в кафе за полчаса до назначенного времени. Сказалась многолетняя привычка предварительно осматривать место встречи. Кафе как кафе. Очень уютно и немногочисленно. Он заказал чашечку кофе и фруктовый салат со взбитыми сливками. Выбрал столик в углу, откуда хорошо просматривался весь зал.

Леднев принялся за салат, между делом наблюдая уголком глаза, как вошедший мужчина его возраста тоже заказывает кофе. Это не мог быть корреспондент. По описанию Сажина на встречу придет человек лет тридцати, коренастый, с короткой стрижкой.

- У Вас не занято? - не дожидаясь ответа, мужчина поставил чашку с кофе на столик и расположился на стуле напротив.

- Нет, - несколько опешил Леднев. - Но здесь много свободных столиков. Вам спокойнее было бы...

- Без нас спокойнее на свете, - не дав ему договорить, медленно произнес мужчина. - Здравствуй, Паша. Давно не встречались.

- Здравствуй, Дима, - Леднев ничуть не удивился, увидев Балабина живым и здоровым. - А кто же там, в подвале у Сажина лежит? Один Седой?

- Да никого там нет, - отмахнулся Балабин. - Хотя и флигель раньше был, и подвал под ним имелся. Журков все правильно рассчитал. Услышав про Седого, никто туда не сунется. И ты бы не сунулся. Так?

- Так, - подтвердил Леднев. - Ты зачем решил встретиться со мной?

- Ты назвал пароль. Это значит, нужна срочная встреча.

- Да. За тобой долг. А он платежом красен.

- Поясни.

- Хорошо. Седой занимался выкупом евреев из нацистских концлагерей. Огромные деньги платил. И самое главное - знал счета и банки, куда эти средства переводились. А куда потом эти деньги делись? Седой-то с тобой работал. Ты его еще в Будапеште завербовал?

- Не говори ерунды. Сам прекрасно знаешь, если не запамятовал, что Седой был прагматиком. Таких ни купить, ни запугать. Он верил, что деньги в этом мире решают всё. Кстати, не лишено!

- Не лишено, - согласился Леднев.

- И это не Седой со мной работал, а мне удалось найти к нему подход и стать доверенным лицом. Конечно, я знал не все, но многое. Почти все.

- Вот и «служба» желает это знать.

- «Служба» - это твой новый начальник?

- Пусть так.

- А ты подумай сам и начальнику своему помоги раскинуть мозгами... Почему я жив-здоров и сижу перед тобой, не прячась? Хотели бы меня найти - нашли бы и под землей. Чего не искали?

«Потому что знали, где ты есть», - подумал Леднев.

- Правильно думаешь, - подтвердил Балабин. - Я от «службы» не прятался. Я из нее и не уходил. И звание у меня такое же, как у тебя. Ты все еще генерал-лейтенант?

- Лейтенант, - кивнул Леднев.

- И наград у меня, поверь, не меньше. Только я их, как и ты, не ношу.

- Внукам, небось, подарить, когда на пенсию выйдешь? - съехидничал Леднев.

- Внуки у меня, Паша, в Америке живут. На черта им советские боевые ордена, тем более, что их дед - обычный американский бизнесмен, каких тысячи?

- На деньги Седого можно было бы и крупный бизнес организовать.

- Деньги Седого работают на «службу». Она и решает, как ими распорядиться. Большого сказать не могу. Не имею права. Да и пора уходить. Сейчас твой журналист появится. Прощай, Паша. Захочешь увидеться - пароль пока прежний.

- Прощай, - Леднев коротко и крепко пожал руку Балабина.

* * *

Журналист, несмотря на молодость, оказался точен.

- Спасибо, Сергей, что нашли время встретиться со мной, - поднялся Леднев навстречу Морошину.

- Да что Вы, Павел Анатольевич! Это Вам спасибо. В нашем городе редко можно услышать что-нибудь новое и действительно стоящее. Вы ведь хотели рассказать о работе разведки в наших краях?

- Почти. Вам, наверно, известно, что в конце Второй мировой некий человек предпринял успешную попытку предотвратить окончательное решение нацистами еврейского вопроса. Он предложил деньги в обмен за человеческие жизни. И у него все неплохо получилось.

- Вы говорите о Рауле Валленберге? Конечно, я слышал о его деятельности. Героический человек. Спас от верной гибели тысячи людей. Да ему надо памятник поставить! Говорят, что погиб где-то в ГУЛАГе.

- Ну, я бы не стал его сравнивать со Спасителем. Тот спустился с небес на землю, чтобы даровать спасение всем, независимо от национальности. У нацистов в лагерях, как известно, сидели не только евреи. Отношение к славянам, в частности к русским, тоже было, мягко говоря, негуманным. Но Валленберг спасал только народ Израиля.

- Это не мало!

- Согласен, не мало, - кивнул головой Леднев. – Вот пусть спасенные и поставят ему памятник. А отвергнутые-то за что должны быть благодарны? За смерть?

- Ну, смерть-то несли нацисты.

- Правильно. Но правда и то, что Валленберг проповедовал не силой слова, а силой денег. Немалых денег, как Вы догадываетесь. И деньги-то эти шли не сиротам и не на костелы, а прямым в карман нацистам. Не тем, которые тогда бесславно проигрывали войну. А тем, которые создавали запасные пути для отхода в подполье, в эмиграцию. Он фактически финансировал врага, с которым Советский Союз был в состоянии войны.

- Павел Анатольевич, Вы хотите, чтобы я об этом написал?

- Господь с Вами, Сергей. После этого Вас в лучшем случае обвинят в антисемитизме. А это сейчас немодно.

- Тогда о чем? Кстати, а что, если я откажусь печатать материал, полученный по линии ФСБ?

- Бойтесь запачкаться? Не бойтесь. Во-первых, я Вам ничего не навязываю. Вы можете ни о чем не писать, если моя информация Вас не заинтересует. Во-вторых, спецслужбы в ряде случаев обращаются к услугам прессы. Разве кого-нибудь это поставило в неловкое положение? Мы умеем молчать. Поверьте, если бы мне нужно было просто слить нужную информацию, я бы с Вами не беседовал. Возможно, Вы с удивлением прочитали бы ее на днях в ближайшем номере Вашей газеты.

- Верю. Но зачем я-то Вам понадобился?

- Вы – талантливый журналист. Пишите остро и интересно. Я предлагаю Вам сделку. Не пугайтесь – не деньги! Я даю Вам информацию, которая никого персонально не компрометирует. В ней не будет ни одной фамилии ныне здравствующих людей. В то же время, информация правдива. В ее основе – реальные факты. Но Вы представите ее как версию, которая имеет право на существование.

- Для чего?

- Не спешите, Сергей! Вы изложите новую версию судьбы Рауля Валленберга. Вы не бросите никакой тени на его героическую и трагическую судьбу. Эта версия породит новую волну интереса к этому вопросу. Шведы по линии МИДа сделают запрос. Наши спецслужбы проведут свое расследование, дадут ответ. Словом, шума и гама будет много. Может быть, всплывут новые факты и свидетельства о судьбе Валленберга. И в центре всего этого – Вы! Разве плохо для журналистской карьеры?

- Больше всего мне импонирует, что Вы все время говорите о «судьбе» Валленберга, а не о его «гибели».

- Ну, вот и прекрасно! Значит, будем сотрудничать?

- Вы что – меня вербуете?

- Бог с Вами! Вербуют на страхе, жадности или идее. А у нас с Вами – взаимный интерес без принуждения. Возможно, в некотором роде Вы можете считать себя агентом влияния, но с очень большой натяжкой.

- Вы умеете убеждать собеседника, Павел Анатольевич!

- Это часть моей работы. Итак?

- Я весь во внимании.

- В конце 1944-го шведы обратились к нам с просьбой взять под защиту первого секретаря их миссии в Будапеште Рауля Валленберга. В январе 1945-го наша военная контрразведка арестовала его. Приказ об аресте подписал Булганин – заместитель Сталина по наркомату обороны. А вечером 17 июля 1947 года Валленберг якобы скончался от инфаркта в камере внутренней тюрьмы на Лубянке.

- Ну, да, именно так представлено дело в меморандуме советского правительства, направленного шведской стороне в 1957 году. Причем виновником незаконного ареста дипломата был назван министр госбезопасности Абакумов.

- Да, только самому Абакумову такого обвинения не предъявлялось. Его расстреляли совсем за другие грехи... Но это к слову! А что касается Валленберга, то его никто не хватал в подворотне и, заломив руки, не заталкивал в «воронок». К нему на квартиру пришли наши сотрудники и предложили поехать в штаб группы советских войск. В Москву он попал под охраной, но в спальном вагоне и питался едой из вагон-ресторана. Он был гостем, а не пленником. Правда, в Москве его поместили в спецблок внутренней тюрьмы на Лубянке. Конечно, здесь приводились в исполнение смертные приговоры в отношении особо важных лиц. Не обязательно через расстрел. Там была и так называемая «Лаборатория-Х». Человеку под видом лечения делали смертельную инъекцию. В этой тюрьме закончили жизнь Тухачевский, Якир, Уборевич, Мейерхольд – да мало ли их!

- Вот видите! Видимо, и Валленберга не миновала такая участь.

- Сергей, эта тюрьма была необычной. Камерами были светлые и теплые помещения с нормальной мебелью, высокими потолками. Еду заключенным приносили из столовой и ресторана НКВД – это не тюремная баланда, уверяю Вас!

- За что же и кому такое обхождение?

- Кому? Тоже очень важным и полезным людям. Тем, кого здесь склоняли к сотрудничеству. Не к шпионажу или диверсиям, а к сотрудничеству на самом высоком уровне.

- Вы хотите сказать, что Валленберга сломали, и он стал работать на нашу разведку?

- «Ломают» в других случаях. Валленберга именно убедили в возможности и необходимости сотрудничества с нами.

- В какой области?

- В той, в которой он и работал. Успешно работал. В выкупе евреев из лагерей.

- Что-то я Вас не понимаю, Павел Анатольевич! Война закончилась, евреи из нацистских лагерей освобождены без всякого выкупа.

- Вы забываете, Сергей, что они остались в наших лагерях, - спокойно парировал Леднев.

- В наших? – изумленно повторил Морошин.

- В наших, - подтвердил Леднев, наслаждаясь растерянностью журналиста. И продолжил: - А какая разница? Валленберг спасал евреев за деньги. Нам надо было восстанавливать страну после войны. Чтобы получить деньги из-за рубежа, надо было что-то продать. Извечная формула «товар – деньги»! Вопрос был – что продать? Уголь, нефть, металл – самим нужны. А вот разные «враги народа» уже выброшены из нашей жизни и Стране Советов без надобности. Представляете, какая удача – за совершенно ненужных людей получить совершенно необходимые денежные средства! И Валленбергу совсем не надо было насиловать свою совесть и поступаться принципами – он снова спасал евреев от смерти.

- Но это же работоторговля! В каком свете могли бы представить нашу страну на Западе!

- Ой, да она уже была в таком свете, что хуже некуда! – отмахнулся Леднев. – И, кроме того, в такого рода делах документы отсутствуют. Тут железно соблюдают устные договоренности. Тем более что интерес был взаимный.

- Подождите! Вы хотите сказать, что в лагерях отбирали евреев, грузили в эшелоны и этапировали – куда? – наверно, в черноморские порты, чтоб потом отправить в Палестину. Да такие перевозки легко бы зафиксировали все, кому не лень!

- Ну, во-первых, тогда распространялись упорные слухи, что в Крыму будет создана Еврейская автономная республика, поэтому такие перевозки легко легендировались. А, во-вторых, никто евреев на черноморские пляжи не отправлял. Мы в этом вопросе не контактировали ни с американцами, ни с британцами – тогдашними нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. Палестина была под протекторатом Великобритании, которая не желала видеть там еврейских репатриантов. Мы работали со скандинавами, в основном, со шведами, но финны тоже были в курсе дела. Этапы отправлялись в северные порты – Мурманск, Игарка, Дудинка. А Северный морской путь – это вотчина ГУЛАГа. Куда и кого перевозили – это никого не касалось. Куда надо и кого надо! И никто посторонний ничего не мог проконтролировать.

- Но ведь заключенные трудились на разных стройках и производствах. Дармовая рабочая сила.

- Вот именно – дармовая. Вспомните, что в это же время у нас были пленные немцы, переданные союзниками в наши руки казаки, бывшие белогвардейцы, власовцы – рук хватало! Мы вполне могли продать избыток рабочей силы. По правде сказать, Валленберг не торговался за качество товара, он выкупал всех – старых, малых, увечных, больных, обесиленных. Его интересовала только национальность. А мы, естественно, никаких физиков и нужных нам самим специалистов не отдавали, хотя не особенно были щепетильны в национальном вопросе. Может, с евреями и кого другого ему подсовывали. Нам-то какая разница? Кстати, ликвидация в 1946 году Еврейского антифашистского комитета и расстрельный приговор в отношении тринадцати его активистов за антисоветскую деятельность очень способствовали нашему бизнесу.

- А как технически осуществлялась передача людей?

- Как вы понимаете, мы не могли это делать открыто, например, через Красный Крест и подобные организации. Поэтому поступали следующим образом. Оговаривались количество людей и цена. После этого по закрытым дипломатическим каналам мы получали половину денег. Затем евреев грузили в трюмы барж и буксировали в определенный квадрат нейтральных вод. Там баржи отцепляли, и подошедшим туда же скандинавам оставалось только поймать их. Для настоящих моряков – несложная задача. Они пересчитывали тела – и живые, и, что греха таить, некоторые мертвые – и выплачивали нам вторую часть денег опять же по дипломатическим каналам. И так операция за операцией. Кстати, разного рода страшные рассказы свидетелей, что из порта вышла баржа с заключенными и никуда больше не пришла, частично порождены именно этими нашими секретными делами.

- А почему эта история не всплыла до сих пор?

- А кто мог рассказать? Нам признание в работоторговле было абсолютно ненужным.

- А скандинавы?

- Они нам заплатили деньги. А мы их пустили на создание атомной бомбы и ракет. На перевооружение армии. Когда это до них дошло, торговле пришел конец. И что – они должны были признаться Америке и Великобритании в том, что их провели, как малых детей? В глупости никому неохота сознаваться.

- Ну, а конвоиры? Ни один не сболтнул?

- О чем они могли сболтнуть? Как только людей загружали в баржу, лагерный конвой меняли на «расстрельную команду». Это были наши люди, а они умеют молчать. Разного рода Калугины не в счет. Поэтому конвоиры могли только подтвердить – баржи уходили, и больше их никто не видел.

- А сами евреи, которые вдруг из ГУЛАГа оказались на Западе? Они-то чего молчат?

- Ну, им скандинавы рассказывали то о случайности, то о блестящей работе спецслужб, благодаря которым им удалось перехватить баржу с заключенными. И всех просили молчать, чтобы Советы думали, что заключенные погибли в море. А там глядишь – опять случайность, и можно будет новых людей вырвать из лап ГУЛАГа. Естественно, счастливицы охотно шли на такое сотрудничество ради возможного счастья других. И потом – они ехали на землю обетованную! А там евреев, прошедших концлагеря, - пруд пруди. И никого лагерным прошлым не удивишь.

- А что, этот новый еврейский поток не привлек внимания других стран?

- Каких стран? Какое внимание? Послевоенная Европа – это взорванный котел. Все куда-то едут. Миллионы людей. И еще какие-то десятки тысяч. Кто на них задержится взглядом? Расскажи они любую сказку – кто станет проверять?

- Да, - задумчиво протянул Морошин. – Любопытную Вы рассказали историю.

- Любопытную, - согласился Леднев. – Может быть, это будет звездный час в Вашей журналистской карьере, Сергей.

- Может быть, Павел Анатольевич... Но все-таки, какие есть документы, подтверждающие это? А то я прокукарекаю...

- А там хоть и не рассветай! – подхватил Леднев. – Сергей, изложите именно версию, а не историю. Пока. Так сказать – плод журналистского расследования или размышления. Размышлять-то Вы имеете право? И подождем реакции. Я почему-то уверен, она будет бурной. И когда Вас разгромят за нелепые домыслы, тогда я Вам подкину кое-что документальное. А, может, это и не потребуется...

- Почему не потребуется? – осведомился Морошин.

- Не пугайтесь. Я всего лишь хочу сказать, что, например, заговорят дети, которым родители рассказывали, как отважные скандинавы спасли их из лап ГУЛАГа. Или что-то в этом роде.

- А, - все еще колеблясь, неопределенно сказал журналист.

- Впрочем, если Вас что-то смущает, скажите. Просто я должен знать ответ. Если Вы отказываетесь изложить эту версию в Вашей, естественно, интерпретации, то я просто найду другого журналиста. Не обязательно в этом городе. Решайтесь!

- А что решаться? Это, действительно, мой шанс. Второго такого может и не быть. У меня последний вопрос. Вас, конечно, не упоминать?

- Конечно, - спокойно подтвердит Леднев. – Это Ваша, Сергей, версия. Кстати, когда выйдет газета?

- Послезавтра.

- Успеете в номер?

- Успею. Ради такого материала редактор снимет любую другую статью!

* * *

Ян Мяртович ждал гостя. Он очень удивился, когда вчера вечером в его доме раздался телефонный звонок, и Дмитрий Балабин сообщил ему о своем приезде. Самолет Москва-Галлинн, наверно, уже приземлился. Дорога от аэропорта займет у Дмитрия немного времени. А уж этот красивый дом еще довоенной постройки он найдет без труда, тем более, что одно время был здесь частым гостем.

- Ну, здравствуй, Дмитрий, - сказал Ян Мяртович, обнимая Балабина. – Или у тебя сейчас другое имя?

- Какая разница? – отмахнулся тот. – Я привык быть с тобой Дмитрием. Им и останусь, если не возражаешь.

- Не возражаю. Проходи, располагайся. Давно не виделись. Ты с хорошими или с плохими вестями?

- Да как сказать... Леднев объявился.

- Леднев? Но его же арестовали по делу Берии в пятьдесят третьем. Тогда много голов полетело. А Леднев был одним из ближайших сотрудников Лаврентия Павловича. Неужели уцелел?

- Уцелел, но хлебнул горя. Его рассматривали как ключевую фигуру в преступных планах Берии по устранению неугодных лиц.

- Неудивительно. У него слишком громкая судьба. Почтище Скорцени будет. Он ведь у вас за всю диверсионную и террористическую работу отвечал?

- Ты еще не забыл? А на возраст жалуешься. Да у тебя память, как у молодого!

- На память не грешу. Так что с Ледневым?

- Отсидел пятнадцать лет. За это время несколько правителей сменилось. «Служба» периодически пыталась поднять вопрос о пересмотре приговора, но безрезультатно. Кстати, сам Берия на следствии заявил, что Леднев лишь выполнял приказы, которые ему передавались от имени правительства. Это тоже могло спасти жизнь. Его освободили 21 августа 1968 года – в день вторжения в Чехословакию.

- Ну, ладно. А я-то здесь причем? Какая мне разница – жив Леднев или умер?

- Он хочет разыскать тебя.

- Уж не кокнуть ли ледорубом он меня собрался, как Троцкого?

- Нет, его интересует судьба денег, которые ты платил за освобождение евреев из лагерей. Точнее, куда ты переводил деньги.

- А то Вы не знаете? – удивился Ян Мяртович.

- Мы-то знаем, а вот он, видимо, нет.

- Ну, скажите ему, чтобы не лез не в свое дело! Или он действует по личной инициативе?

- Не похоже, – медленно произнес Балабин. – Леднев всегда был смелым и инициативным, но знал свое место. А вот порученное умел доводить до конца. Самое трудное и фантастическое дело ему удавалось! Думаю, в руководстве «службы» начался передел сфер влияния. Кто-то очень осведомленный поручил Ледневу найти нас.

- А чего нас искать? Я официально скончался от инфаркта 17 июля 1947 года в Лефортовской тюрьме. Ты тоже где-то помер, нет?

- Это официальная версия. Но мы-то с тобой сидим и чай гоняем. Когда «служба» нас прятала, то где-то все равно остались следы. Без нас хоть и спокойнее, но пока не обходятся! Кстати, Леднев плохо сыграл удивление, когда увидел меня живым и здоровым.

- Ты с ним виделся? – поразился Ян Мяртович.

- Он назвал пароль.

- Сколько лет прошло, а мы все играем в казаки-разбойники. Пароли, явки... Да мы уж на пенсии давно! Интересно, как он меня найдет? Правда, ты можешь подсказать.

- Ну, сложного-то ничего нет, – сказал Балабин. – Я бы на месте Леднева поступил так. Он теперь твердо знает, что мы оба живы. Знает, что спрятали нас в Сыктывкаре. Там после войны и лагерей такой интернационал был – никого не удивить ни судьбой, ни акцентом. А с произношением-то у тебя, Ян Мяртович, было неважно.

- Да я и сейчас по-русски говорю, как прибалт.

- Вот именно, как прибалт. Он и будет искать прибалта в Сыктывкаре.

- Сам же говоришь, много разного народа там было в то время.

- Понимаешь, Леднев сам столкнулся с проблемой трудоустройства после тюрьмы. На «службу-то» ему ход был заказан. Ему помогли стать литератором, вступить в секцию переводчиков при Литфонде. Обеспечили заказами от издательства «Детская литература» на перевод повестей с немецкого и украинского. А это, сам понимаешь, не каждому перепадает. Четырнадцать книг выпустил в свет. Кстати, в московском Союзе писателей много тогда было наших ветеранов – Зоя Воскресенская, Ирина Гуро... Поэтому он сначала поищет среди писателей Коми, но никого не найдет. С языком-то у тебя было неважно, какой из тебя писатель?

- Ну, и хорошо, что не найдет!

- Не спеши. Раз ты не стал писателем, значит, стал ученым, там тоже нашего брата – и ветеранов, и действующих – хватает. И проще всего тебе, как бывшему дипломату, заняться историей.

- А почему не архитектурой? Это же моя специальность по образованию.

- Ты еще вспомни, что когда-то возглавлял экспортно-импортную контору в Стокгольме! Где бы ты в Сыктывкаре дворцы возводил? А бараки у нас до тебя были спроектированы – один типовой проект на всю страну от Балтики до Берингова пролива! И с кем ты здесь собирался торговать?! С чудью белоглазой? Поэтому, друг мой, – занялся ты историей! Например, угро-финнами. Тут тебе и Коми, и Скандинавия, и Россия, и Петр, и война со шведами под Полтавой – раздолье для научного поиска. И ты ведь не с пустыми руками пришел в науку, а с солидным багажом шведских исторических знаний. Нашим-то они не очень известны. Поэтому ты мог и смог продвигаться, стать известным в научной среде. Вычислит он тебя быстро. А то, что ты уже лет двадцать как не живешь в России и перебрался в Прибалтику – когда это границы оставляли Леднева?

- Раз тебя не остановили, его и подавно не удержат. Ну, хорошо – найдет он меня, и что? Что дальше? Ну, расскажу я ему, куда полвека назад перечислял деньги за освобождение евреев? Он что, думает, они там так и лежат, Леднева ждут?

- Наверно, он не дурак, хоть и постарел. Но, может, он думает сенсацией вызвать интерес к той давней истории? Возьмет и бабахнет в прессе – Рауль Валленберг жив!

- Это секрет Полишинеля! В Москве всегда знали, что я жив. Да и шведы на этот счет не заблуждались. Не зря же они уже в 1955-м наотрез отказались обсуждать мою трагическую судьбу с представителями КГБ. Беда в том, что я и Стокгольму, и Москве неудобен. Да, я спасал евреев, но денежки-то шли нацистам. Это сейчас в глазах Запада и Москвы выглядит не очень героически. И Швейцария что-то не любит вспоминать о переводе еврейских капиталов из Германии и Австрии во время войны. И евреи обо мне помалкивают. Я всем удобен пропавшим, даже моей семье! Хотя сейчас-то у меня нет проблем с выездом за границу. Из Таллинна в Стокгольм – несколько часов пути, а на дорогу всей жизни не хватит!

- Ты так и не завел новую семью за эти годы, – тихо заметил Балабин.

- Зачем? Что бы я рассказал детям о себе и своих предках? Чем бы они гордились – мифами? Легендой, которую мне создал КГБ?

- Неплохая, кстати, легенда оказалась. Столько лет надежно работает!

- Не травми душу...

* * *

В тот послевоенный вечер на ближнюю дачу Сталина Берия взял с собой Леднев и Балабина.

Сталин поставил перед ними задачу:

- Война закончилась, но у нас дел меньше не стало. Ваш успех по склонению к работе с нами Рауля Валленберга несомненен. Это может стать хорошим источником поступления средств на восстановление страны. Поэтому, Вам, товарищи, надо обратить особое внимание на поиск тех денег, которые Валленберг заплатил немцам. Там суммы немалые, надо, чтобы они послужили нашему делу. Какие есть соображения?

- Разрешите? – поднялся Берия. – Я считаю, что надо поработать с Валленбергом. Он, безусловно, должен вспомнить и передать нам все банковские реквизиты, куда перечислялись деньги. Это, конечно, всего лишь начало ниточки, которую придется распутывать. Но это наиболее надежный путь.

- Валленберг не только платил деньги. Он еще и разрабатывал схемы их легализации. Они должны были поступать на банковские счета надежных фирм в Швейцарии под благовидными предложениями, - вступил в разговор Балабин. – Это были известные Валленбергу фирмы.

- Я думаю, что в конце финансовых цепочек мы наверняка обнаружим хорошо нам известных лиц. Это те, кто сумел улизнуть из Берлина в последний момент. Например, Борман или Мюллер. Поэтому, кроме денег, мы в результате этой операции сможем выйти и на скрывшихся нацистских преступников, - выразил свое мнение Леднев.

- Вы правы, товарищ Леднев, - спокойно сказал Сталин. – Однако поимка этих бывших наших врагов меня волнует меньше всего. Нацизм разгромлен и в обозримом будущем не будет представлять для нас угрозы. А политическими трупами мы заниматься не будем. Сумели удрать, сидят по кустам и трясутся – это уже не противники. Кроме того, нам надо всячески избежать огласки в этом деле. Потому что, предположим, найдем мы какого-нибудь Бормана с деньгами и объявим об этом на весь свет. Бормана-то возьмем, а вот денег нам не дадут ни копейки. Получится, что мы задаром поработаем на наших союзников. Поэтому в первую очередь надо подумать, как изъять деньги, чтобы нас в этом не заподозрили. А судьба их нынешних владельцев меня не интересует. Кстати, куда по Вашим сведениям ушли деньги? В какие страны?

- Швейцария, по нашему мнению, была перевалочным пунктом, товарищ Сталин, - доложил Берия. – Далее нити идут в Южную Америку – Уругвай, Парагвай, Бразилия, Аргентина, Чили. Там наши резидентуры пока небольшие, но мы сможем быстро усилить их испанцами. Война их проверила на надежность многократно, а опыт западной жизни они вспомнят мгновенно. И с языком не будет никаких проблем.

- Хорошо... Опять испанцы, - Сталин помолчал. – Доложите, как обстоят дела у Фрэнка Джексона.

- Ситуация резко изменилась, - Берия немного напрягся. – Почти шесть лет с момента убийства Троцкого Джексон продолжал утверждать, что совершил его из личных побуждений. Мексиканцы не смогли установить его подлинное имя и вынуждены были считать Джексона обозленным троцкистом, разошедшимся во взглядах со своим руководителем. Причем, как нам известно, его избивали дважды в день, пытались заставить раскрыть истинное имя...

- Продолжайте, - спокойно промолвил Сталин.

- Мы, товарищ Сталин, согласно Вашему указанию наняли лучших адвокатов, средств не жалели. Они должны были доказать, что убийство совершено из-за склок и внутреннего разброда в троцкистском движении. Этой линии мы и придерживались до последнего времени. Но, как Вам известно, недавно на Запад бежал один из соратников Долорес Ибаррури, испанский коммунист. А он знал истинное имя Джексона, и произошла утечка информации.

- Кто ему сообщил имя, выяснили?

- Да, товарищ Сталин, - ответил Берия. – Это мать Джексона. Во время войны она была в эвакуации в Ташкенте, где и проболталась соратнику по партии, что это ее сын убил Троцкого. Дальше – дело техники. Мексиканцы запросили из испанских полицейских архивов нужное досье, и настоящее имя Джексона – Рамон Меркадер – было установлено. Отпираться было бессмысленно.

- Понятно, - сказал Сталин. – А в связи с нами Меркадер тоже признался?

- Нет, товарищ Сталин. Он по-прежнему говорит о личных мотивах убийства. И будет придерживаться этой версии. Правда, полковник Саласар, ведущий расследование, установил, что паспорт, по которому Меркадер прибыл в Мексику, был выдан в Оттаве в 1937-м году на имя Тони Бабича. Тот отправился в Испанию и погиб в бою, будучи бойцом интербригады. Этот паспорт полковник считает косвенной уликой принадлежности Меркадера к нам. У троцкистов нет мастеров, которые бы так подделывали документы.

- Сколько ему осталось сидеть?

- Он получил двадцать лет за убийство. Шесть уже прошло. Кстати, после того, как мексиканцы установили его подлинное имя, Меркадера перестали избивать. В настоящее время он считается узником № 2 тюрьмы «Лекумбери».

- А кто же № 1? – поднял брови Сталин.

- Местный гангстер, специалист по разным темным и мокрым делам.

- Понятно, - усмехнулся Сталин.

- У Меркадера в камере мягкая двуспальная кровать, собственная библиотека, радиоприемник. Два раза в неделю его посещает жена. Ему даже разрешили изредка выезжать в Мехико в сопровождении тюремной охраны и обедать в ресторане.

- Товарищ Сталин, мы легко можем выкрасть его в одну из таких поездок, - подал голос Леднев.

- Не сомневаюсь, товарищ Леднев. Но личность Меркадера все еще привлекает большое внимание и прессы, и спецслужб. Нам не удастся скрыть, что это мы украли его, - Сталин немного помолчал и продолжил, - пусть пока все остается, как есть. Кстати, его мать обращалась ко мне с просьбой добиться освобождения сына. Но раз она сама виновата... И не время еще. Да, напомним, мы наградили товарища Меркадера?

- Награды получили все, кроме него, товарищ Сталин. Было принято решение наградить Меркадера после возвращения в Москву, чтобы сейчас не было ни малейшего намека на его связь с нами.

- Вернемся к деньгам, - Сталин принял к сведению информацию о Меркадере. - Ответственным за операцию назначаетесь Вы, товарищ Балабин. Ледневу по ряду причин появляться за границей нельзя, примелькался. Но и он, и товарищ Берия окажут Вам всемерную поддержку.

- Слушаюсь, товарищ Сталин, - ответил Берия, вставая. Поднялись и Леднев с Балабиным. - Разрешите идти?

- Время уже позднее. Спешить Вам некуда, - ответил Сталин. - Сейчас будем ужинать. Наверно, я единственный в мире человек, согласный сидеть рядом за одним столом с такими опасными людьми, как вы, а? Без вас спокойнее на свете.

- Но пока мы нужны, товарищ Сталин, - ответил за всех Леднев.

- Нужны. И в отставку вам не скоро.

* * *

Вторая встреча со Сталиным состоялась через полгода.

- Докладывайте, - коротко приказал он.

- Нами выявлен круг банков в Швейцарии, через которые шли деньги Валленберга. Установлены фирмы-посредники. В ряде случаев получены неопровержимые сведения о переводе денег в Южную Америку. Но, товарищ Сталин, пока обнаруженные нами ручейки не складываются в денежные реки.

- Мне не понятно, почему Вы, товарищ Балабин, считаете, что деньги должны непременно уйти из Швейцарии? Зачем? Там надежная охрана тайны банковских вкладов. Мы вот до сих пор царские деньги не можем вытребовать. Прямых наследников царя надо представить. А где их взять, наследников? Юровский их всех в свое время... А что у Вас, товарищ Леднев?

- Получены сведения о нахождении ряда бывших видных нацистов в Южной Америке. Режимы Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая и Чили заключили секретное соглашение под названием «Кондор». Оно позволяет беглецам-нацистам свободно пересекать границы этих стран в поисках безопасности.

- Кто конкретно из нацистов установлен?

- Мартин Борман. Проживает на границе Парагвая с Аргентиной, в городке Колония Хогенау на реке Парана. Это целое немецкое поселение. Снимает дом у некоего Альбана Круга. По нашим сведениям Борман болен раком.

- Кто еще?

- В Аргентине обнаружен Адольф Эйхман, отвечавший у нацистов за окончательное решение еврейского вопроса. Ведет себя крайне осторожно. Ищем подходы к нему. Его соратник Франц Радмахер установлен в Сирии. Живет в Дамаске на улице Шахабандер. Кроме того, Йозеф Менгеле по нашим сведениям проживает в деревне Педро Хуан Кабальеро в провинции Амамбей, на границе Парагвая и Бразилии. Зафиксирован визит Менгеле к Борману. Наверно, консультировал по поводу болезни. В Асунсьоне установлен Эдуард Рошман. А помощник Геббельса Иоганн фон Леерс замечен нами в Египте.

- Понятно, - Сталин помолчал, обдумывая полученную информацию. - Наверно, надо сосредоточиться на Бормане и Эйхмане. Это были фигуры в Третьем рейхе. Могли остаться влиятельными до сих пор. Может, и найдутся у них деньги Валленберга. А вот Менгеле, этот врач из концлагеря Аушвиц... Он ведь обвиняется в массовых убийствах заключенных и опытах над ними?

- Так точно, товарищ Сталин, - отрапортовал Леднев.

- Это мелкая фигура. А этот Рошман, кто он?

- Его называют «мясником Риги».

- Тоже мелочь. Вряд ли Менгеле, Рошман и остальные могли стать доверенными лицами в денежном вопросе у нацистов. Но присматривать за ними надо. Может быть, выведут на крупного зверя.

- Товарищ Сталин, - встал Берия. - По данным наших агентов, работающих в Швейцарии, там находится Мюллер, бывший шеф гестапо.

- Вот это крупный зверь. Не удивлюсь, если он контролирует нацистские деньги.

- Товарищ Сталин, - продолжил Берия, - сейчас идет подготовка к Международному трибуналу над нацистами. У товарища Леднева есть предложение.

- Догадываюсь, - улыбнулся Сталин, - что может предложить нам товарищ Леднев. Опять кого-нибудь украсть? Докладывайте, товарищ Леднев, не смущайтесь.

- Товарищ Сталин, - Леднев слегка побледнел, волнуясь, - давайте покажем союзникам, чего стоит наша разведка! Возьмем Мюллера в Швейцарии и посадим в Нюрнберге на скамью подсудимых!

- Зачем? - спокойно спросил Сталин.

- Пусть ответит за свои злодеяния!

- Какие? - так же спокойно поинтересовался Сталин.

- Преследование коммунистов, массовые аресты, депортации, концлагеря, расстрелы!
- Вы о какой стране и о каком режиме говорите, товарищ Леднев? – мягко, почти безразлично произнес Сталин.

Леднев остолбенел от удивления. А Сталин, ничуть не повышая голоса, продолжил:

- Война закончена. Мы победили. Результаты войны – новые территории, репарации, контрибуции, зоны влияния – это все мы решим с нашими союзниками кулуарно. Поторгуюемся, поругаемся, но решим. Международный трибунал нужен для создания прецедента. Нам нужно осудить национал-социализм как политическое течение, систему отрядов СС и вермахт как преступные организации. А гестапо – это тайная полиция. Она нужна в любом государстве. Это очень удобный и безотказный инструмент борьбы с политическими противниками. Мы осудим гестапо в трибунале, а потом нам же будут тыкать в глаза деятельностью наших спецслужб. Мюллер – Ваш коллега, товарищ Берия. Я бы на Вашем месте постарался ему помочь в случае чего.

- Похоже, он уже получил помощь от американцев, товарищ Сталин.

- Поучитесь у них, товарищи чекисты. Не только Вернера фон Брауна, но и Мюллера привлекли к работе. У гестапо, наверняка, по всей стране была сеть агентов и доверенных лиц. Надо ею воспользоваться в новой Германии, а не городить огород. И американцы воспользуются!

- Ясно, товарищ Сталин, - отрапортовал Берия.

- А мне пока ничего не ясно, - отрезал Сталин. – Идите и работайте. Найдите деньги нацистов. Кстати, как ведет себя Валленберг?

- Он-то ведет себя спокойно. Шведы нервничают. Все время бомбят наших дипломатов запросами о его судьбе. А они нас дергают.

- Решите эту проблему раз и навсегда. Объясните Валленбергу, что его жизнь теперь накрепко связана с нашей страной. Он носитель важных секретов и на родину никогда не вернется. Пугать не надо. Если он хорошо работает, пусть станет гражданином СССР с новым именем и фамилией. А Рауль Валленберг должен официально исчезнуть, уйти из жизни. Например, заболеть и умереть. Проработайте этот вопрос, товарищ Берия.

- Слушаюсь, товарищ Сталин.

- Валленберг в Ваших документах, надеюсь, не под своим именем проходит?

- Он фигурирует как «Седой».

- Седов? – не расслышал Сталин. – По-моему, это была фамилия сына Троцкого, Льва? Он носил фамилию матери...

- Не Седов, а Седой, товарищ Сталин, - поправил Берия.

- Хорошо... Еще раз вернемся к нашему основному вопросу. Товарищ Леднев, это была Ваша идея – поискать бывших главных нацистов и через них выйти на деньги Валленберга. Кроме тех лиц, о которых вы сказали, есть еще кто-то, кто остался в Европе?

- Точных сведений нет, товарищ Сталин. Но наш агент в американской стратегической службе АСС сообщил, что они нашли вдову Канариса с дочерьми. Она проживает в деревне Нидерау вблизи Мюнхена. Почему-то генерал Билл Донован, начальник АСС, принял активное участие в облегчении их затруднительного нынешнего положения. По его приказу семье Канариса выделены деньги, она обеспечена питанием. Причины такой благосклонности не ясны. Может быть, подозрения о сотрудничестве абвера и спецслужб наших союзников имеют под собой некое основание?

- Подозрения – дело хорошее. Но факты еще лучше, товарищ Леднев. Канарис был руководителем одной из крупнейших и успешных разведок. Донована, наверняка, интересуют его дневники и письменные воспоминания. Жена может знать, где они находятся, если сохранились после ареста и казни ее мужа. Там много может быть интересного по Вашей, товарищ Леднев, части.

* * *

- Скажи, Дмитрий, как ты думаешь, что имел в виду товарищ Сталин, говоря о том, что в воспоминаниях Канариса может оказаться много для меня интересного? – задумчиво спросил Леднев Балабина, когда они вернулись от Сталина на Лубянку.

- Тут и гадать не о чем. Ты же перед войной отвечал за немецкое направление. Настало время сравнить твои догадки и разведанные с данными немцев. Узнать в чем ты был прав, а в чем ошибался.

- Для чего?

- Всегда уместно знать истинную цену работнику. Вот товарищ Сталин и предлагает тебе сделать это. Думаю, раз дело идет об абвере, товарищ Сталин хотел бы получить точное представление о том, в чем нас немцы обманули накануне войны. Например, правда ли, что информация Бенеша о связях Тухачевского с командованием вермахта была сфабрикована и подброшена нам немецкой разведкой?

- К делу Тухачевского я не имею никакого отношения! Его и еще семь человек арестовали в мае 37-го, а через две недели уже расстреляли по приговору закрытого военного суда. Если бывший чешский президент Эдуард Бенеш и передавал информацию Сталину, то это шло не по нашим каналам. Скорее всего, тут замешаны дипломаты.

- Какая разница, кто передал документы? Главное, что в них поверили. А ты в тот момент ничего, что могло бы опровергнуть или подкрепить подозрения, не представил. Подумай, это может стать серьез-

ным поводом для расследования в отношении тебя. Поэтому, очень советую, найти хоть что-нибудь о связях немцев с Тухачевским.

- Да в 20-х и 30-х годах тесное советско-германское военное сотрудничество было санкционировано партией и правительством! Мы хотели получить их технологические новинки в военной области. А они как раз после поражения в Первой мировой разрабатывали новую стратегическую доктрину. И были крайне заинтересованы в хороших отношениях с нами, чтобы в случае новой войны не допустить боевых действий на двух фронтах.

- Почему же потом эти контакты были прерваны?

- Вот тут кто-то действительно дезинформировал товарища Сталина, доложив, что немцы тайно делятся с французами полученной от нас информацией. - Леднев прошелся по кабинету, припоминая старое. – Кстати, накануне войны немецкое военное руководство высоко оценивало потенциал Красной Армии. А устранение Тухачевского они рассматривали лишь как свидетельство того, что товарищ Сталин полностью контролирует положение дел в армии.

- Я припоминая, - сказал Балабин, - что наш полпред в Чехословакии Александровский в июле 37-го, уже после расстрела Тухачевского, сообщал, что Бенеш не поверил, будто тот - шпион и саботажник. Бенеш, конечно, как и все мы, одобрил устранение группы Тухачевского, но, похоже, сам не приложил к этому руку.

- Вот видишь... Дело в том, что Тухачевский позволил себе открыто обвинить наркома Ворошилова в некомпетентности. Значит, он выступил против правительства и партийного руководства! А это мог сделать только враг народа! Никому не позволено ставить вопрос о замене наркома обороны – это может сделать только Политбюро. А если бы Тухачевский во время войны затеял оппозицию? Были бы колоссальные жертвы. Власов – мелочь по сравнению с тем, что могло бы быть!

- Не кипятись, Павел, - Балабин открыто посмотрел в глаза Ледневу. – Я тебя ни в чем не обвиняю. Но другие при случае могут это сделать. А случай – он случай и есть! Его не предвидишь. Поэтому мой тебе совет – найди свидетельства тайных контактов Тухачевского с немцами. Пусть у тебя в сейфе всегда лежит маленькая папочка с этими материалами. Может, она когда-нибудь спасет тебе жизнь...

- Да где же я материалы возьму? – растерялся Леднев. – Выдумую?

- Выдумай, Паша, - спокойно посоветовал Балабин, - выдумай. Несколько донесений от твоих агентов из числа тех, кто погиб, но чья преданность не вызывает сомнений. Не мне тебя учить: «в среде немецких офицеров упорно ходят слухи...», «в беседе со мной полковник Отто фон Кранц доверительно сообщил...» и тому подобное. И пошли кого-нибудь из толковых ребят, а лучше – сам покопайся в наших архивах. Насобирай вырезок из довоенных немецких изданий, где они положительно говорят о Тухачевском, о его взглядах, о его действиях. Пусть их будет немного, но пусть они будут! И вся эта каша вместе будет называться – досье.

- А если меня спросят, что же я это досье не довел до сведения партии и правительства?

- Скажешь, что не успел окончательно систематизировать материалы. Суд-то был скоропалительный. Но, по крайней мере, ты не бездействовал, а стоял на страже интересов нашей страны.

* * *

Морошин, действительно, оказался толковым журналистом. Статья под броским заголовком «Как сейчас зовут Рауля Валленберга?» впечатляла. Леднев прочитал ее несколько раз и остался довольным. Мало того, что журналист подробнейшим образом изложил новую версию судьбы шведского дипломата, он еще нашел в различных изданиях свидетельства людей, сомневавшихся в гибели Валленберга и даже встречавших его в тюрьмах и пересылках. Кроме того, Морошин использовал данные «Мемориала» о количестве евреев, погибших в советских лагерях, – цифра получилась чудовищная! Если хотя бы часть этих жертв была спасена путем выкупа...

И замечательно, что Сергей где-то в интернете нашел четкую фотографию Валленберга, причем не снятую откуда-то издали, а как будто специально сделанную для какого-то документа, удостоверяющего личность. Разглядывая ее, Леднев подумал: «Да, именно так выглядел Седой в нашу последнюю встречу. Вряд ли ему сделали пластическую операцию, не увлекались мы этим в то время. Разве что изменили прическу да помудрили с усами и бородой. Может, кто из старожилов и узнает на этом фото своего сослуживца...»

Он отложил газету, но взгляд его случайно зацепился за краткое объявление, набранное крупным шрифтом на последней странице. «Куплю круглый обеденный стол», - прочитал Леднев. Под объявлением был указан шестизначный номер телефона. «Не может быть!» – подумал Леднев, отгоняя дурные предчувствия.

* * *

Одиночество Леднева нарушил Сажин, буквально ворвавшийся в кабинет:

- Час назад на перекрестке улиц Интернациональная и Крутая в своей машине убит начальник отдела нашего Управления майор Прокушев!

«Это в Сыктывкаре-то!» – подумал Леднев, а вслух сказал:

- Рассказывай, что известно об обстоятельствах гибели?

- Пока маловато, - возбужденно ответил Сажин. – Там улицы сходятся буквой «У». Прокушев утром ехал на работу и у перекрестка, по-видимому, притормозил. Что произошло дальше – неясно. Передняя дверь со стороны пассажира открыта. Прокушев убит тремя выстрелами в грудь, почти в упор. Выстрелов никто не слышал. Таксист видел человека, бегущего от машины в сторону реки. Выехавшая оперативная группа обнаружила на том берегу, в поселке Заречье, труп этого человека. Возле трупа – следы взрыва.

- Точно этого человека?

- Этого! Свидетель происшествия опознал. У убитого с собой крупная сумма денег – девяносто тысяч рублей.

«Не такая уж крупная, - мысленно возразил Леднев. – Впрочем, может быть для Сыктывкара...»

- Ну, и что ты, Сажин, обо всем этом думаешь? – спросил Леднев.

- А о чем я могу думать? – всплеснул руками начальник Управления. – О чем, Павел Анатольевич? Три дня назад в город приехал человек, для которого в свое время не было проблем организовать любую диверсию в любой точке мира! А сегодня убивают моего офицера! Что я должен думать – совпадение?

- Ну-ну, - примиряюще поднял руку Леднев. – Не горячись. Ты знаешь, от кого я приехал. И потом, мелковат твой Прокушев для меня. Не та фигура!

- Да понимаю я! – все еще не остыв, бросил Сажин. – Это не Троцкий и не Коновалец!

- Ты смешал в кучу разные вещи. Троцкого не я убивал. Я руководил операцией из Москвы, получил за это орден Красного Знамени... А Коновалец, руководитель украинских националистов – да, это лично я вручил ему бомбу с часовым механизмом, замаскированную под коробку конфет, в Роттердаме в ресторане «Атланта» 23 мая 1938 года. Потом мы расстались. Смерти его я не видел, слышал лишь хлопок. Взрыв произошел на улице, рядом с Коновальцем в тот момент никого не было... Что-то я ударился в воспоминания! Какие у тебя версии убийства?

- Пока одна. Видимо, Прокушев на перекрестке увидел знакомого, открыл ему дверь и получил пули в грудь. Потом убийца побежал в Заречье, где его уже поджидали сообщники, которые его ликвидировали, бросив в него гранату, чтобы замести следы.

- Выясни, каким делом в последнее время занимался Прокушев. Установи личность убитого в Заречье. Кто он? Был ли знаком с Прокушевым? Встретимся через два часа. А пока пусть Канев покажет мне место преступления.

* * *

- Это здесь, - сказал Канев, выходя из служебной «Волги». – Оперативники уже уехали. Труп увезли в морг. Зеваки разошлись. Словно ничего и не было.

Леднев поехал, осматриваясь. Улица Крутая упиралась здесь в улицу Интернациональная, образуя букву «У». Гаражи за бетонным забором. Четыре девятиэтажки. Детский сад, ограда которого граничит почти с проезжей частью. Небольшой магазин, торгующий автозапчастями. Место преступления хорошо просматривается со всех сторон.

- Куда побежал предполагаемый убийца? – поинтересовался Леднев.

- Туда, - махнул рукой Канев вдоль Интернациональной. – Там река рядом, а за ней Заречье.

- Пошли, прогуляемся, - предложил Леднев и пошел по заснеженному тротуару, пропустив попавшего навстречу старика. «Впрочем, какой он старик? – поймал он себя на мысли. – Моего возраста. А я себя еще старым не считаю. Этот старик кого-то мне напоминает... Впрочем все мы чем-то похожи друг на друга».

Улица шла вверх и делала резкий поворот направо. Еще метров через двести она круто спускалась к реке. По льду вилась тропинка, по которой шли несколько человек. Заречье представляло собой десятка три деревянных домиков, вытянувшихся несколькими рядами вдоль реки. Идти туда не было никакого смысла.

- Поехали куда-нибудь, - сказал Леднев Каневу. – Чаю поьем, согреемся и подумаем.

* * *

Сажин докладывал:

- Личность предполагаемого убийцы установлена. Это Максим Иловайский. Двадцать два года. Нигде не работает. Живет в Сыктывкаре у мамы, отец недавно умер. Опергруппа туда выехала. Наркоман. При случае мог «толкнуть» одну-две дозы. В сбыте крупных партий зелья не замечен. В армии не служил по состоянию здоровья.

- Какие-нибудь операции против наркоманов в последнее время проводились? – Леднев рассматривал фотографию Иловайского.

- Неделю назад была задержана крупная партия наркотиков. Но это была операция по линии Госнаркоконтроля России. Мы были лишь проинформированы о ней.

- Понятно. А чем занимался Прокушев? С наркотиками был связан по роду службы?

- Да, он следил за оборотом наркосодержащих веществ в медицинских и научных учреждениях республики. Мать Прокушева руководит крупнейшей аптечной сетью. Отец – главный специалист в нашем Минздраве.

- Прокушев и Иловайский были знакомы друг с другом?

- Не известно. Возможно, Иловайский был осведомителем, но такого рода отношения не всегда оформляются документально.

- Это тоже понятно, - спокойно сказал Леднев. – Значит, по-вашему, Иловайский тормознул Прокушева у перекрестка и, когда тот открыл дверцу автомобиля, всадил майору три пули. Затем убежал в Заречье, где и сам был убит. Так?

- Пока ничего лучшего не придумали, Павел Анатольевич, - неуверенно ответил Сажин.

- Не так уж и плохо, - успокоил его Леднев. – Правда, есть вопросы. Где пистолет, из которого стреляли в Прокушева? Раз выстрелов не слышали, он, что, с глушителем? Есть ли на пистолете отпечатки пальцев Иловайского?

- Пистолет не нашли. То ли выбросил его Иловайский, пока бежал, то ли забрали его убийцы.

- Если выбросил, прочешите местность. Это плевое дело. Займет пару часов. Найдете – один расклад. Не найдете – совсем другой! Что-то не пойму я, зачем надо было все так усложнять? – задумчиво произнес Леднев.

- Как это? – не понял Сажин.

- Да так! Если ваши наркобароны обиделись и решили, что Прокушев навел на них Госнарконтроль, то убрать его можно было гораздо проще. В подъезде, в лифте, во дворе, когда он заводил машину. Да и просто в машине, когда он ехал по городу. И все это, заметьте, без всякой беготни в Заречье. Зачем им нужна была эта публичная акция?

- Может, нас решили поугагать? Все-таки так нагло, почти в центре города... - начал Сажин.

- У вас город-то – везде центр, а дальше – лес! – отмахнулся Леднев. – Потом этот мальчишка Иловайский. Нанимать его в качестве киллера? Человек, никогда этого раньше не делавший, должен решиться на заказное убийство – а это время. Пока он думает и размышляет, может кому-нибудь сболтнуть о заказе. Куда проще было нанять профессионала со стороны, чтоб никаких связей и контактов в Сыктывкаре не имел. Приехал, стрельнул и уехал.

- Может, это он чего-то сболтнул Прокушеву о наркотиках, вот бандиты и решили их одним махом кончить, - предположил Сажин.

- Может. Но зачем так сложно? Задавили бы каждого по отдельности в своем углу – нет, ведь, как нарочно, одного к другому подложили. Как в рекламе – попробуйте «Твикс»!

- Не знаю, - честно, но несколько обиженно протянул Сажин. – Это Вы «спец» по этим вопросам, Павел Анатольевич!

- Я как «спец» тебе скажу: чем проще план, тем удачливее проходит диверсия. Любая многоходовая операция может сорваться из-за какой-нибудь нелепости или случайности. Это я проверил на своей шкуре. Знаешь, почему мне было нельзя выезжать в загранкомандировки после убийства Коновальца?

- Откуда?

- Когда мы с Коновальцем в 1936 году гуляли по Берлину, к нам подошел уличный фотограф и снял нас. Я понял, что таким образом у немцев оказалось мое фото. А в годы войны СМЕРШем были захвачены лазутчики, у которых был этот снимок. Они не знали, что за человек сфотографирован, но имели приказ на его ликвидацию.

Леднев походил по кабинету и, остановившись напротив Сажина, спросил:

- Хочешь услышать мою версию?

- Конечно, Павел Анатольевич!

- Очень может быть, что Иловайский не убивал Прокушева, а оказался случайным свидетелем убийства. Вероятно, Прокушев ехал с убийцей в то утро. На перекрестке, когда машина остановилась, убийца сделал свое дело и вышел из автомобиля. На свою беду рядом оказался Иловайский, который побежал, куда глаза глядят. Убийца не бросился за ним, иначе свидетели видели бы двоих бегущих. Но его сообщники сработали профессионально, настигли и убрали Иловайского.

- Но у Иловайского с собой была крупная сумма денег! – возразил Сажин.

- Зарботки у киллеров побольше будут, - добродушно парировал Леднев. – Скорее всего, «толкал» ваш Иловайский наркотики своим клиентам. И это либо выручка от продажи, либо средства на покупку новой партии товара.

- Тогда выходит, что мы имеем дело с кем-то из нашей «службы»? Прокушев-то на работу ехал. Может, нашего сотрудника вез?

- Ну, если он не подрабатывал извозом, то ты, Сажин, прав. Но не обязательно сотрудника. Может быть, просто хорошо знакомого человека. Или хорошо знакомый человек попросил его кого-то подвести.

- Да, столько возможных вариантов – голова кругом, - пожаловался Сажин.

- Мы всего лишь в начале расследования, - успокоил его Леднев. – Кстати, насчет случайностей. В 1942 году мы готовили покушение на Франца фон Папена. Тогда он был германским послом в Турции. По слухам, мог возглавить правительство, если бы генералы вермахта отстранили Гитлера от власти. А это – сепаратный мир Германии с Англией и США. Остались бы мы тогда один на один с фашистами. Но диверсия не удалась. Наш агент нервничал, и бомба раньше времени взорвалась в его руках. Может быть, и в этом случае никто не кидал гранату в Иловайского. Надо быть полным идиотом, чтобы делать это посреди деревни. Скорее всего, Иловайский заметил, что его преследуют, и сам попытался отбиться с помощью гранаты. Но не справился с ней и погиб от взрыва. В армии-то он не был, где ж ему было научиться?

- А откуда у него боевая граната? – удивился Сажин.
- Это раньше шпана заточки да финки таскала. А сейчас за деньги хоть ствол, хоть гранату достать можно. А деньги, оказывается, у Иловайского водились... -И, помолчав, Леднев продолжил: - А вдруг я не один в этом городе, кто в свое время мог где угодно совершить диверсию в отношении кого угодно?

У Сажина вытянулось лицо.

* * *

На следующее утро Леднев не стал вызывать машину, а отправился в Управление пешком. Идя вдоль парка, он увидел спешащего навстречу Морошина.

- Здравствуйте, Павел Анатольевич! А я думал, что Вы уехали. Или остались в связи с убийством Прокушева?

- Сергей, я уже отошел от дел. У нас в ФСБ, как в жизни, - когда молодые дерутся, старикам надо держаться подальше. Зашибут! Не со зла, а просто с размаху. Пришлось остаться на несколько дней по личным делам.

- Жаль. А то информации по убийству почти никакой...

- Неужели пресс-служба Управления ничего не сообщает? – удивился Леднев.

- Они говорят, что ведется расследование. Что в интересах следствия детали пока не сообщаются... Что расследование взял под свой контроль директор ФСБ...

- Может, они и правы. Ну, а какова реакция на Вашу статью?

- Бурная! – широко улыбувшись, ответил Сергей. – Несколько центральных газет – «Труд», «Комсомольская правда», «Независимая газета» – перепечатали мою статью. А сколько региональных изданий ее растиражировали – даже не представляю! Из некоторых редакций звонили, просили прислать дополнительный материал.

- Вот так и станете известным в России, - доброжелательно сказал Леднев. – А какая-то официальная реакция есть?

- В нашем Представительстве МИДа мне сказали, что посла России в Стокгольме приглашали на беседу к шведскому министру и пока в устной форме попросили дать комментарий моей статьи. Наверно, дипломаты запросят ФСБ?

- Ну, пускай запрашивают. Сейчас свобода слова, Вы высказали свою точку зрения. ФСБ тут не при чем... Что еще интересного?

- Звонил начальник республиканского Комитета по печати Безносков. Спрашивал, как мне в голову пришла такая чушь. Кроме того, буквально на следующий день после моей публикации появилась статья Изъюрова в «Красном знамени». Он часто пишет на экономические темы. Вот и сейчас задается вопросом – сколько надо было продать евреев, чтобы сделать атомную бомбу? Язвит, конечно. Говорит, не хватило бы в СССР евреев!

- Плюньте на это, - посоветовал Леднев. – Чтобы Вы чувствовали свою правоту, скажу следующее. Когда в 1944 году появилась идея создать в Крыму Еврейскую советскую республику, то мы рассчитывали, заручившись поддержкой американской общественности, получить от союзников кредиты на восстановление нашей разрушенной войной экономики. Вопрос был на контроле у Сталина. А он мелочевкой не занимался. Думаете, какую сумму мы рассчитывали получить?

Морошин пожал плечами.

- Десять миллиардов долларов! И это в те годы. Тогда деньги были намного весомее, чем сейчас. Поэтому плюньте на Изъюрова, мой Вам совет. Какая разница, что евреев не в Крым, а в Палестину отправили?!

- Кстати, мне тычут еще тем, что была создана Еврейская автономная область на Дальнем Востоке, а не в Крыму.

- Зря тычут! Это не было шагом к созданию еврейского государства. Статус автономной области означал, что здесь не будет ни своего законодательного органа, ни верховного суда, ни министерств. Никаких признаков государства! Это была лишь особая приграничная территория.

- Для чего?

- Очень просто! Граница в тех местах часто нарушалась белогвардейскими террористическими группами. Идея Сталина заключалась в том, чтобы поставить преграду на их пути в виде поселений, жители которых настроены враждебно к белоэмигрантам, и особенно к казачеству. Это был заслон, а не государство. Ну, да ладно! Скажите, Сергей, а какие-нибудь свидетели не объявились?

- Извините, у меня голова идет кругом! Конечно, появились. Звонил Суханов Николай Васильевич. Он сейчас на пенсии, а когда-то долгое время работал начальником отдела кадров Коми филиала Академии наук. Вот он утверждает, что на фото Валленберг очень похож на нашего историка Петрусявичуса, который лет двадцать назад уехал в Прибалтику.

- Здорово! Надо взять его личное дело и сравнить фотографии, - посоветовал Леднев.

- Суханов так и хотел сделать еще до звонка мне. Но оказалось, личное дело Петрусявичуса утеряно. Хотя они хранят в архиве все дела ученых, когда-либо работавших в Коми филиале. Суханов не может понять, как это могло произойти.

- Зато я понимаю. Дело изъяли. Поздравляю Вас, Сергей. Вы на правильном пути!

- Да, но, похоже, этот путь очень короткий - сразу обрывается!

- Ну, не все так грустно, - ободрил его Леднев. – Поговорите с Сухановым, пусть он Вам назовет тех людей, которые общались с этим Петрусявичусом. Были же у него друзья, сослуживцы, женщины, в конце концов. Не в вакууме же он существовал. Может, сохранились любительские снимки, где он запечатлен. Кроме того, посмотрите изданные им книги – а вдруг да там есть фото автора? И еще. Ученые проводят разные конференции, симпозиумы, на которых принято фотографироваться всем вместе, просто так – на память. Может, в архиве Коми филиала есть такие фотографии.

- Спасибо, Павел Анатольевич, - искренне обрадовался Морошин. – Вы мне целый план действий составили!

- Ну, что ж, - усмехнулся Леднев, - с моей помощью Вы быстро станете опытным оперативным работником! Шучу-шучу. Не обижайтесь.

* * *

Как-то после войны Берия вызвал Леднева и Наума Леонидова:

- Собирайтесь. Поедем посмотрим выпускников спецшколы. У Вас большой опыт закордонной работы, вот и попытайте их вопросами.

Ребята оказались неплохие. Хорошо владели оружием и приемами рукопашного боя. Особенно выделялся Семен Безносов. Его-то и выбрали для своеобразного теста.

- Представь, - сказал Берия, - что ты являешься руководителем разведки и должен отправить за рубеж двоих сотрудников, которые хорошо знают друг друга. Они сначала будут выполнять задания самостоятельно, в разных странах. Но в определенный отрезок времени должны встретиться в крупном городе третьей страны. Причем заранее неизвестно, кому из них как повезет легализоваться. Как им встретиться, не привлекая особого внимания, и в то же время достаточно быстро?

- Можно встретиться в заранее условленном месте, например, на явочной квартире, - с ходу предложил Семен.

- Неплохо, - одобрил Берия. – А если у нас там нет пока своих агентов?

- Тогда у какого-нибудь общеизвестного места. В Париже – у Эйфелевой башни. В Риме – у Колизея. В Москве – у мавзолея!

- Молодец, - усмехнулся Леднев. – А если кого-нибудь из них уже ищут и разосланы ориентировки. Предположим, он появится первым, на несколько дней раньше второго. И будет маячить в людном месте. Очень высок риск, что его засекут и арестуют.

- Тогда не в людном месте, а в какой-нибудь гостинице на окраине, - быстро перестроился Безносов.

- Хорошо, - включился Наум. – А если мы этот город плохо знаем? Однажды, мы договорились о встрече таким образом. Таксист меня несколько раз переспросил, когда я на вокзале назвал адрес. И привез, конечно. Но оказалось, что за это время отель превратился в самый настоящий дом свиданий, причем самого низкого пошиба. Прожить там несколько дней без общества дам известного поведения и не привлечь к себе внимания очень сложно!

- Где это ты так отдыхал за казенный счет? – поинтересовался Берия.

- Это я в фигуральном смысле, - отперся Наум.

- Ладно, - Берия был благодушен. – Итак, Семен?

- Не знаю.

- Тогда давай, Наум, сам разгадывай свой ребус. И так нельзя, и так нельзя! А как можно?

- В городе есть самая популярная газета. Приехавший первым подает в нее объявление с заранее обусловленным текстом и, например, номер телефона, по которому его можно найти. Второй просто ищет это объявление в газете. Если объявления нет, то выполняет роль первого.

- Ну, ты завернул. Не поймешь, где первый, где второй, - рассмеялся Леднев. – Да у тебя, может, нет возможности торчать у телефона и ждать звонка.

- И не надо, - воскликнул Наум. – Объявление можно оплатить сразу на пару недель вперед. А в номере телефона четыре последние цифры будут означать время встречи, например, 14-30. То есть каждый день в это время у какого-то, тут Семен прав, самого достопримечательного места. Народу там много, то, что кто-то еще появится на пару минут – ничего страшного!

- А какой текст объявления? Вдруг появится много одинаковых? И будет наш агент бегать в одно и то же место по несколько раз на дню! – вмешался Берия.

- Тю! – схулиганил Наум. – Самое краткое и простое: «Куплю круглый обеденный стол». Хочешь – иди и купи в магазине. И мало желающих продавать круглые столы, у большинства обычно четырехугольные.

- Ладно, - подытожил Берия. – Тоже не идеальный вариант! Можно придраться. А, что поставим Безносову?

- Молодец, парень, - сказал Леднев. – Сгодится для нашей работы.

* * *

Сегодня Леднев встал пораньше. Объявление «Куплю круглый обеденный стол», прочитанное им в газете «Молодежь Севера», предполагало встречу в полвосьмого утра. Идти надо было, по-видимому, к памятнику Ленину на Стефановской площади. Самый центр Сыктывкара, главная достопримечательность.

- Привет, Паша, - услышал он знакомый, не забытый за много лет голос. Он обернулся.

- Не знаю, как и обратиться. Том? Пьер? Товарищ Пабло? Генерал Котов? Леонид Наумов?

- Не кипятись, Паша. Зови меня, как обычно.

- Ну, здравствуйте, Наум Исаакович, - холодно сказал Леднев.

- К чему это ты? – укоризненно произнес Наум. – Давай, как прежде, без отчеств! Мы все-таки друзья.

- Друзья друзей не бросают, Наум.

- Вот, уже лучше! Ну, кто тебя бросил? Это же я помог тебе после освобождения получить работу в Литфонде. Книги переводить – чем плохо? И оплачивается хорошо.

- Ты почему меня обратно в «службу» не позвал? Сам вон – в действующих! А я ведь помоложе тебя!

- Не кричи, Паша. Прохожие подумают, что два деда подрались. Да еще у памятника Ленину! Стыдоба... Пойдем-ка лучше погуляем. И поговорим, - Наум взял Леднева за локоть и повел его вдоль улицы.

- Не сердись, Павел. Да, ты моложе. Но ты на пять лет дольше меня просидел в тюрьме. В нашей советской тюрьме. По себе знаю, это не курорт. Сколько у тебя инфарктов было – два? Два. И тебе дважды делали спинномозговую пункцию! А это боль страшная! После этого человек может стать инвалидом.

- Ты-то откуда знаешь? У тебя же пункцию не брали, - недоверчиво спросил Леднев.

- Сам же сказал, что я постарше тебя. Я видел живого Камо. Он меня отобрал в свою группу в 1919-м. Я тогда был курсантом первых Московских Кремлевский пулеметных курсов. Это он нам, молодым чекистам, говорил, что если удастся выдержать эту ужасную боль, то любая комиссия признает, что человека нельзя подвергать допросам и судить.

- Ну, советская судебная практика в наши годы не топталась на месте, тем более не плелась в хвосте гнилой буржуазной юриспруденции! У нас допрашивали и судили кого угодно. Хотя ты прав, позвоночник мне серьезно повредили... Но у тебя тоже нога болит еще со времен боев с бандитами в Башкирии, когда ты там возглавлял ЧК.

- Давай оставим мою биографию в покое. Она нам обоим известна, - предложил Наум.

- Давай, - легко согласился Леднев. – Прокушева ты убрал? Ты что, был с ним знаком? На тебя же выйдут в два счета!

- Паша, кончай меня учить! Не встречался я раньше с Прокушевым. И он меня не знал. Журков попросил его меня подбросить к центру. На перекрестке он притормозил. А тут парень какой-то через улицу переходил. Увидел машину Прокушева и кинулся бежать, размахивая пакетом. Прокушев отвлекся, я сделал дело и спокойно вышел из машины. Тот удиравший парень даже ничего не заметил! Я спокойно сел в поджидавшее меня такси и уехал.

- Так это твой сообщник дал показания, что видел убегающего убийцу?

- Мой, - спокойно сказал Наум. – Оказал, так сказать, помощь следствию... Мои ребята решили посмотреть, куда этот бегун так спешил. Но там место открытое, не спрячешься. Он и занервничал, гранату достал. Мои легли в снег, а граната-то у того почти в руках рванула. Такие дела... Да ты сам, наверно, обо всем догадался. Реконструировал точно?

- Почти, - признался Леднев. – Но тебя заподозрил, когда объявление прочитал.

- Я и так мог к тебе подойти, - покаялся Наум. - Но черт меня дернул – захотел проверить твою память!

- Проверил? – улыбнулся Леднев.

- С памятью у тебя все в ажуре, Паша!

- Тогда скажи, а директор ФСБ в курсе твоей, - Леднев помедлил, подбирая слово, - миссии?

- Э, да у тебя и с головой все в порядке, - деланно подивился Наум. – Он ведь взял расследование под личный контроль? Ты же знаешь, так всегда делают, когда хотят либо по-быстрому раскрыть, либо по-быстрому закрыть дело. Раскрыть не всегда получается.

- Да, трудно... с нами!

- Без нас спокойнее на свете, - медленно сказал Наум.

- И ты, Брут?! Ты-то каким образом?

- Ну, тебе ведь нельзя было светиться за границей...

- Это после фотографии с Коновальцем?

- Не только, Паша. Помнишь, перед войной тебя взяли финны при переходе границы? Ты тогда месяц просидел в тюрьме в Хельсинки.

- Тогда у меня была другая фамилия! И меня отпустили под гарантии украинских националистов.

- Тебя отпустили, а фото твое осталось и у финн, и у абвера. Они тогда сотрудничали. Сталин решил, что слишком много твоих портретов в руках врага. Поэтому ты руководил операцией из Москвы, а я – непосредственно на месте.

- Как в Мексике, когда мы Троцкого устранили?

- Паша, это сейчас не модная тема. Да и ордена наши, полученные за то дело, - мой орден Ленина и твоя Красная Звезда – тоже не в почете сейчас.

- Погоди ты с орденами! Ты, что, в Южную Америку ездил?

- Кто-то ведь должен был подвести к Эйхману нашего человека.

- А почему ты? Разве ты был с ним знаком?

- Паша, я рано порадовался за твою память. Ты же знаешь, я был знаком с главой испанской фашистской партии Примо де Ривейрой. Между прочим, другом Гитлера. И один из лидеров фаланги Фердинандо де Куэста был ко мне благосклонен. Франко-то оказался дальновиднее других фашистов, в мировую войну особо не лез, поэтому его и не тронули, когда остальных вешали. Правда, Гитлеру и Муссолини симпатизировал и называл положение Испании не «нейтральным», а «невоюющим». Испанские фашисты и дали мне связь с Адольфом Эйхманом. Он тогда без семьи скрывался. Вот я и познакомил его с Симоной. Эффектная была женщина, как ты помнишь. И умная.

- Да. Она ведь знала моих ребят – Гарбуза, Семенова и Колесникова? Партизанили вместе на Украине и в Белоруссии. Я их в 1946-м забросил в Палестину через Румынию. Мы тогда поддерживали идею создания демократического еврейского государства. Но у нас не было там такого влияния, как в Восточной Европе. Евреи стремились к независимости и были тесно связаны с Америкой. Вот мои ребята и создали там агентурную сеть внутри их политической и военной структуры.

- Знаю... Слушай, Паша, а ты-то что на пенсии не усидел? Какого черта тебя в Сыктывкар-то понесло?

- А ты думал, только тебя вспомнили? Я тоже в свое время кое-что умел!

- Меня, между прочим, в отличие от тебя так и не реабилитировали. Я числюсь просто освобожденным из тюрьмы по отбытию срока наказания. Конечно, сейчас мало кого волнуют те дела... Новых успели наворотить. И все же, я повторяю свой вопрос – как пенсионер Леднев снова оказался в строю?

- Да в каком строю, - махнул рукой Леднев. – Вызвал тут меня нынешний начальник службы разведывательно-диверсионных операций ФСБ...

- Владимиров?

- Он. Понимаешь, иногда «служба» рассекречивает архивы. Но они, как ящик Пандоры: оттуда такое порой вылезет, что лучше бы было и не открывать! Вот они и страхуются, с ветеранами беседуют, консультируются. Ну, и попало им в руки странное послевоенное дело. Человек несведущий ни черта в нем не поймет, но они зацепились и поняли, что тут и Валленберг, и Эйхман, и евреи, и мы с Балабиным. И деньги. Вот меня и попросили – не в службу, а в дружбу – узнать все, что еще можно узнать. Понятно изложил?

- Вполне. Значит, в высших сферах началась ссора, и нас чуть не столкнули лбами?

- Вроде того.

- У меня предложение, Паша. Давай как-то расхлебывать эту кашу. Я проконтролирую ход расследования убийства Прокушева. Там ничего не вылезет. А ты постарайся сбить эту волну интереса к Валленбергу. Пусть живет спокойно, он свое дело сделал. Журналист на тебя тоже не должен обижаться – ты его сделал известным всей России. По рукам?

- По рукам, - согласился Леднев.

* * *

Сажин, чувствовалось, едва дождался прихода Леднева:

- Что-то Вы припозднились сегодня, Павел Анатольевич!

- Прогулялся с утра по городу. Я ведь на пенсии.

- Ладно Вам голову мне морочить. Впрочем, это не мое дело. Я к Вам за советом. Мне пришлось указание из Москвы дать ответ от имени ФСБ этому Морошину, прокомментировать статью. А у меня забот по горло с убийством Прокушева! Подвижек нет. Журналисты замучили нашу пресс-службу, требуют новых данных.

- Пусть отбивается твоя пресс-служба.

- Она-то отбивается! Павел Анатольевич, подскажите, что Морошину написать. С одной стороны, Вы с ним встречались, и статья-то после этого появилась. С другой стороны, не знаю я ничего про Валленберга. Может, так и написать – новыми сведениями не располагаем?

- Не поверит! Кто сейчас верит нашим отпирательствам? – Леднев немного подумал и предложил: - Давай сделаем вид, что мы пошли на сотрудничество с прессой. Надо дать новую информацию Морошину. Пусть она будет интересной и правдивой, но такой, которая ни на шаг не продвинет его в расследовании.

- А где же ее взять-то? У нас в архиве ничего нет, - развел руками Сажин.

- Зато в моем архиве имеется, - Леднев постучал себя пальцем по лбу. – Я тут покумекаю и составлю ответ Морошину. А ты иди, занимайся делами.

- Спасибо, - обрадовался Сажин, покидая кабинет.

Несколько часов работы родили на свет документ следующего содержания: «По сведениям советской разведки в конце войны состоялось несколько контактов высших руководителей нацистского Третьего рейха с различными представителями Запада по вопросу освобождения лиц еврейской национальности из концлагерей.

В октябре 1944 года в Берлине состоялась встреча президента Еврейского союза доктора Мюзи с рейхсфюрером СС Гиммлером. Была достигнута договоренность об освобождении заключенных еврейской национальности и предоставлении им возможности эмигрировать через Швейцарию в Америку. Гиммлером был подписан приказ об удовлетворительном отношении к евреям в концлагерях и запрещении причинять им какой-либо ущерб. Кроме того, Гиммлер согласился на безотлагательное освобождение всех евреев, находящихся в женском лагере Равенсбрюк.

Вторая встреча Мюзи и Гиммлера состоялась в январе 1945 года в Вильдбаде. Нацисты обязались вывозить каждые две недели по тысяче двести евреев из концлагерей в Швейцарию. Мюзи взял на себя обязательство оповестить мировую общественность о начале изменений в политическом курсе Германии. Была достигнута договоренность, что за освобождение евреев будет выплачена определенная сумма, которая поступит в распоряжении Германии. Однако по сведениям нашей разведки реальным получателем денежных средств оказался Международный Красный Крест.

В феврале 1945 года из лагеря Терезиенштадт к швейцарской границе были доставлены тысяча двести евреев. По нашим данным, в обмен от Швейцарии получили согласие на право убежища для двухсот пятидесяти нацистских руководителей.

В конце 1944 года вопрос об освобождении венгерских евреев обсуждался между Салли Мейером и штандартенфюрером СС Бехером. В обмен за освобождение нацисты требовали валюту, тракторы, медикаменты и другую продукцию.

В марте 1945 года состоялась встреча Гиммлера и родственника шведского короля графа Бернадотта, в то время занимавшего пост вице-президента шведского Красного Креста. Были обсуждены шаги для облегчения положения евреев. Гиммлер обещал не эвакуировать лагеря, а передавать их союзникам. Это касалось лагерей Берген-Бельзен, Бухенвальд, Терезиенштадт, а также лагерей в Южной Германии.

В апреле 1945 года Гиммлером и Шелленбергом был разработан план обращения к западным державам с просьбой заключить четырехдневное перемирие на земле и в воздухе, чтобы использовать это время для того, чтобы провести через линию фронта всех евреев и продемонстрировать добрую волю Германии. Это давало надежду на отдельные переговоры без участия Советского Союза.

21 апреля 1945 года Гиммлер и Шелленберг встречались в Гарцвальде с представителем Всемирного еврейского конгресса Мазуром. Требованиями конгресса были: прекращение физического уничтожения евреев, предоставление данных обо всех лагерях, где находятся евреи.

Таким образом, целый ряд доверенных лиц Запада, помимо Рауля Валленберга, предпринимал усилия по освобождению лиц еврейской национальности из фашистских концлагерей на различных условиях, в том числе на условиях выкупа».

Перечитав получившийся текст, Леднев остался вполне удовлетворенным проделанной работой. «Очень хорошо, - подумал он. – Это снимет с Валленберга ореол исключительности. А когда нет героя – интерес быстро ослабевает».

Сажин, пробежав глазами текст Леднева, обрадовано бросился согласовывать его с Москвой.

Через час Москва дала свое согласие. Текст Леднева был официально передан редакции газеты «Молодежь Севера».

* * *

Вторая статья Морошина тоже имела броский заголовок «Рауль Валленберг живет в Прибалтике!» Полностью приведя официальный ответ ФСБ, Сергей одновременно поведал читателям версию Суханова. И просил всех, кому что-либо известно о судьбе ученого Петрусявичуса, сообщить об этом газете. «Молодец! – оценил работу Морошина Леднев. – Цепкий парень».

Он нашел возможность позвонить Морошину в редакцию и похвалить вышедшую статью. Сергей обрадовался:

- Мы сегодня с Сухановым идем в институт геологии. Его директор академик Юшкин когда-то дружил с Петрусявичусом. Мы уже договорились о встрече. Юшкин обещал принести фотографии.

- Хорошо, - похвалил Леднев. – А в архиве Коми филиала фото Петрусявичуса так и не нашлось?

- Нет, - огорченно ответил Морошин. – Там вообще не так много фотографий того периода. А на общих коллективных снимках Суханов его не обнаружил.

- Бывает, - неопределенно сказал Леднев. – А возьмите-ка и меня на встречу с Юшкиным. Я тоже хочу взглянуть на фотографии.

- С удовольствием! Встречаемся через час в фойе института.

- Ладно. Только, Сергей, не говорите Юшкину, что я бывший сотрудник разведки. Пускай я буду исследователем из Москвы, заинтересовавшимся Вашей версией.

- Нет проблем! До встречи.

* * *

Юшкин встретил их радушно и предложил рассаживаться за огромным столом у окна.

- Очень рад, - сказал он по-простому. – Правда, не знаю, сумею ли Вам помочь. Мы действительно дружили с Романом Петрусявичусом. Я тогда был молодой доктор, входил в Совет молодых ученых при ЦК

комсомола. А Ромка, хоть и был постарше, тоже мыслил оригинально. На этом мы и сошлись. К сожалению, снимков того времени осталось мало. Я их принес, взгляните. Но вряд ли они Вас устроят.

Да, фотографии мало помогали делу. То ли случайно так получилось, то ли Петрусявичус делал это сознательно, но только на всех снимках он был запечатлен со спины или с опущенной головой. Лишь на одном фото было его лицо, но именно этот снимок был сделан со значительного расстояния и оказался нечетким.

- Все, что есть, - сокрушенно развел руками Юшкин. – А Вы, Павел Анатольевич, знали Петрусявичуса?

- Скорее мы были коллегами по области исследования.

- Тоже занимались историей угро-финнского движения?

- Я специалист в более узкой области, - улыбнулся про себя Леднев. – В свое время занимался вопросами разгрома этого движения в Коми в двадцатые-тридцатые годы.

- А, - как-то недоверчиво отозвался Юшкин. – Ваше лицо мне показалось знакомым.

- Мы действительно с Вами встречались, Николай Павлович, - не стал отпираться Леднев. – Пару лет назад. На Годичном заседании Президиума Академии наук. Вы там делали доклад о происхождении жизни. Если не ошибаюсь, Вы считали, что некие природные углеродные волокна стали своеобразной матрицей, с помощью которой органические молекулы, так сказать, отлили жизнь. Так?

- Образно говоря, да! Вы ухватили самую суть, - похвалил его Юшкин. – А вы тоже делали доклад?

- Я был содокладчиком по проведенному анализу роли российских исследований в современном состоянии наук о Земле. Вы тогда, по-моему, не согласились с выводом о том, что мы теряем ведущее положение в ряде отраслей геологического знания.

- Я согласился теоретически с тем, что такая тенденция намечается, и она очень опасна для российской науки, - горячо возразил Юшкин. – Я не согласился практически. Я тогда говорил и сейчас настаиваю – надо привлекать в геологию молодежь. Не можем давать большую зарплату, значит, надо заманивать возможностью быстро защититься, получить ученое звание, отсрочкой от армии, романтикой – чем угодно!

- Судя по всему, Вы так и делаете. Уж Ваш-то институт недостатка в молодых кадрах не испытывает!

- Да, это наша заслуга, - не стал скромничать Юшкин.

- Скажите, Николай Павлович, - вернулся Леднев к теме визита, - вот Вы говорите, что Петрусявичус мыслил оригинально. Не припомните что-нибудь?

- Да, пожалуйста! Однажды прихожу к нему, а он книжку новую разглядывает. Что-то о непоколебимом единстве советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Показывает мне фотографию оттуда и спрашивает, что я об этом думаю. А там снята группа людей у танка, и подпись – «Писатели Сибири купили фронту танк!» Что я должен был об этом думать? Похвалил их за сознательность. А он мне не спешно, будто разжевывая, и говорит: «Коля, идет война. Все силы и средства страны подчинены задачам фронта. Всем распоряжается Государственный комитет обороны. Люди в тылу трудятся сутками, получая за это продовольственные карточки. На рынках можно достать кое-что из продуктов, но не за деньги. А, например, за норковую шубу – полбуханки хлеба. За сережки с бриллиантами – кусок сала. Деньги торговцам не нужны. И заводам не нужны. Потому что там – план, план и еще раз план! И танковый завод не за деньги, а по жесткой разрядке ГКО получает сталь, пушки, пулеметы, горючее, боекомплект с разных фабрик и заводов. И в собранные им машины практически на конвейере уже садятся экипажи и едут грузиться в эшелоны – на фронт! И тоже под жестким контролем ГКО. Было время, сам Сталин поштучно распределял танки по фронтам и дивизиям. А тут из Сибири в тулупах вышла группа писателей! И за пачку никому не нужных банкнот приобрела танк! У кого? Кто ей продал? Шпионы и вредители?» Вот так он расшатывал мои идейные основы, - усмехнулся напоследок Юшкин.

«Вполне в духе Седого», - сделал для себя вывод Леднев. И спросил вслух:

- А вы с Петрусявичусом не виделись после его отъезда в Прибалтику?

- Нет, не довелось.

- Может, у Вас есть его адрес? Или Вы знаете, где он сейчас пребывает?

- А разве я не сказал? – Юшкин как-то странно посмотрел на всех. – Знаю я, где он пребывает. На таллинском кладбище.

- Как на кладбище? – не понял Морошин.

- В прямом смысле. Он умер почти сразу после отъезда. Нам об этом никто не сообщил. Я был в Таллинне на конференции по горючим сланцам, пытался его разыскать. И нашел.

- А как выглядит могила? – поинтересовался Леднев.

- Вы, наверно, хотите спросить, есть ли на памятнике фотография? – окинул его Юшкин цепким взглядом. – Нет. И оградки нет. Простое надгробие из черного камня. Фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти. На двух языках...

- Понятно. У меня последний вопрос. Вы, конечно, никогда не сопоставляли личность Вашего друга с Валленбергом. А вот сейчас, когда появилась эта версия у Морошина и Суханова, ничего странного не вспоминается в поведении Петрусявичуса?

- Да, нет, - пожал плечами Юшкин. – Я уже об этом думал. И вспомнил только один случай. Я как-то активно звал его к нам в Совет молодых ученых при ЦК ВЛКСМ. Считал, что он там был бы на месте. И

любой другой человек ухватился бы за эту возможность! Москва, связи, карьера! А он просто отмахнулся, дескать, не молодой уже. Мне сейчас почему-то кажется, что он не горел желанием ехать в Москву.

- Спасибо за то, что уделили нам время, Николай Павлович!

- Павел Анатольевич, а вы действительно теперь занимаетесь наукой, - полюбопытствовал Моршин, когда они вышли от академика.

- Вы о том докладе в Академии наук? Нет, конечно. Просто любой обобщающий доклад, анализирующий мировые тенденции, опирается не только на открытую информацию, но и на данные разведки. Надо было, чтобы кто-то поддержал выступающего, если дело коснется закрытых данных, чтобы взял ответственность на себя и рассказал то, что можно обнародовать без особого ущерба. Но не могла же ФСБ послать туда действующего разведчика. Вот и попросили меня сыграть эту роль.

- А чем Вы сейчас занимаетесь? Или отдыхаете на пенсии?

- У нас пенсия, как и у Вас журналистов, всего лишь вопрос личного отношения к жизни. Если умеешь работать и получается, то будут обращаться за помощью, не взирая на возраст. А если и до пенсии ничего не умел, то получи премию в размере оклада - и привет! Я нынче писатель, Сергей. У меня вышло полтора десятка книг по истории. А это тоже, как в науке, работа с первоисточниками, беседы с очевидцами, выезд на место событий, анализ полученных материалов и формулировка выводов – словом, тоже исследование!

- Понятно, - тяжело вздохнул Моршин. – А мое исследование, видимо, завершено...

- Зря Вы так вздыхаете, Сергей, - подбодрил журналиста Леднев. – Это, может быть, Ваша большая удача. Может быть, Вы раскрыли загадку судьбы Рауля Валленберга! А это не мало.

- Да ничего я, по большому счету, пока не разгадал! Пока по свидетельству Юшкина и Суханова сыктывкарский ученый Петрусевичус был очень похож на Валленберга. Но совсем не обязательно, что это одно и то же лицо.

- А Вы молодец, Сергей! Удача не вскружила Вам голову. С научной точки зрения Вы правы – результат еще требует доказательств. А с точки зрения газетной шумихи - все ясно! Ваша версия намертво вошла в историографию судьбы Рауля Валленберга. И Ваше имя тоже теперь всегда будут связывать с этой историей. Я говорю искренне, без всякого подвоха.

- И что же мне делать дальше? Может, попытаться попросить таллинских коллег о помощи? Вдруг что-то выяснят интересное?

- Вы все больше и больше меня поражаете, Сергей. В хорошем смысле слова, - удивился Леднев. – Попробуйте! И желаю удачи!

* * *

В этот раз Берия взял с собой к Сталину одного Леднева.

- Сегодня не будем касаться вопроса нацистских денег, - сказал Сталин. – Поэтому Вы, товарищ Леднев, приглашены без Балабина. Доложите, что Вам известно об агентурной сети немцев в Южной Америке.

- Товарищ Сталин, своеобразным трамплином немецкого разведывательного проникновения в страны Южной Америки стали агентурные сети нацистов в Испании и Португалии. С помощью ряда торговых фирм, во главе которых стояли люди Шелленберга, им удалось не только создать широкую сеть информаторов в портах этих стран, но и организовать курьерскую службу доставки разведанных из всех частей Америки. Кроме того, немцами была налажена отличная радиосеть.

- Хорошо работали, - похвалил Сталин немцев.

- Кроме того, товарищ Сталин, благоприятной средой для немецкой разведки послужило то, что еще с конца прошлого века немецкие промышленники начали распространять на Южную Америку свою сферу влияния. Немецкие поселенцы охотно шли на контакт с людьми Шелленберга. Да и местное население в испаноязычных странах Южной Америки, особенно в Аргентине, хорошо относится к немцам.

- Очень похоже на нашу ситуацию, товарищ Сталин, - прокомментировал Берия. – Мы тоже во время войны смогли опереться не только на связи по линии Коминтерна, но и на сочувствующих Родине бывших белогвардейцев, и широкие эмигрантские слои.

- Продолжайте, товарищ Леднев, - кивнул головой Сталин.

- Однако в Бразилии правительство президента Гетульо Варгаса враждебно относилось к нацистской Германии. Оно даже объявило ей войну и предоставило США сухопутные и военно-морские базы. Там развернули свою деятельность ФБР и разведка США. Им удалось выследить и арестовать большую часть немецкой агентуры, работавшей в Рио-де-Жанейро. Но остальным удалось перебраться в Парагвай.

- А какие-то совместные проекты спецслужбы Германии и стран Южной Америки осуществляли? – поинтересовался Сталин.

- Нам известно, что Шелленберг вел переговоры с представителями аргентинской армии о создании авиалинии. Предполагалось использовать немецкую авиацию дальнего действия для беспосадочных рейсов из Испании в Буэнос-Айрес. Кроме того, один из руководителей аргентинского молодежного движения при посредничестве того же Шелленберга посетил Восточный фронт, где встречался с солдатами испанской «Голубой дивизии». Ему даже устроили аудиенцию у Гимmlера.

- Понятно, - Сталин прошелся по кабинету и остановился напротив Леднева. - Вам, товарищ Леднев, надо продумать варианты нашего проникновения в Южную Америку. Там, Вы правы, скопилось сейчас много беглых нацистов. Сама по себе их судьба нас не волнует. Но мы сейчас ставим вопрос о создании дружественного нам еврейского государства в Палестине. У евреев поиск и наказание бывших нацистских преступников будет одной из приоритетных задач в первые годы существования их государства. Мы должны быть готовы оказать им существенную информационную и, если понадобится, практическую помощь в этом вопросе. А в практике лучшего специалиста, чем Вы, не найти.

- Ясно, товарищ Сталин, - воодушевлено ответил Леднев.

- Вот и хорошо. Подумайте еще, как ненавязчиво укрепить будущую еврейскую разведку нашими кадрами. А пока Вы будете думать, у нас есть для Вас одно задание. Очень ответственное.

- Слушаю, товарищ Сталин! - вытянулся Леднев.

- Суть задания изложит товарищ Берия.

- Товарищ Леднев, мы полагаемся на Ваш большой оперативный опыт. Задание сложное и опасное. Мы располагаем данными, что в лагерях на территории Коми АССР готовилось вооруженное восстание. Там сейчас скопился большой контингент из числа бывших наших военнослужащих, оказавшихся в немецком плену во время войны. Прибавьте сюда еще бывших белогвардейцев, казаков и прочих врагов и предателей Родины. Взрывоопасный котел из людей, прошедших огонь и воду, ничего не боящихся, смотревших в глаза смерти. Это я их не восхваляю, а говорю, чтобы Вы правильно оценили обстановку.

- Ясно, товарищ Берия.

- Нам удалось выявить и изолировать главарей восстания. Их вывезли в Сыктывкар. Но мы не уверены, что полностью отрубили голову гадине. Это Вам и предстоит выяснить.

- Каким образом? В Сыктывкаре нет следователей? - удивился Леднев.

- Среди арестованных много Ваших бывших знакомых, - спокойно продолжил Берия. - Не удивляйтесь, это люди прошедшие кто Испанию, кто партизанские отряды в Белоруссии, кто диверсионные рейды против фашистов. Потом они все запятнали себя изменой Родине.

- Ясно, - сказал Леднев. - Почему Вы думаете, что они мне раскроются?

- Пока Вы занимаете свой пост на Лубянке, они Вам ничего не расскажут. Но если Вы тоже будете обвинены и арестованы по подозрению в измене, то есть окажетесь в их положении, то они захотят привлечь Вас на свою сторону. Но если они заподозрят в Вас подсадную утку, ликвидируют, не задумываясь. Вы их этому сами учили.

- А в чем меня обвинят? - спросил Леднев.

- В контактах с зарубежными спецслужбами, - вмешался в разговор Сталин. - У Вас ведь были такие контакты, товарищ Леднев?

- Так точно, товарищ Сталин, - побледнев, ответил Леднев. - По роду службы пришлось вступать в контакт с сотрудниками немецкой, французской, американской, шведской и...

- Достаточно, - мягко перебил его Сталин. - Для обвинения достаточно. Значит, Вы - немецкий, французский, американский и шведский шпион. Товарищ Берия позаботится о соответствующей легенде. Мы не будем Вас долго содержать в Москве, чтобы у Вас не возникли натянутые отношения с товарищами, ведущими важную работу по получению сведений от врагов народа. Вас сразу этапируют в Сыктывкар. Кстати, кто у Вас командует в Сыктывкаре, товарищ Берия?

- Журков, товарищ Сталин. Неоднократно проверен в деле.

- Хорошо, позаботьтесь, чтобы он не переусердствовал с товарищем Ледневым. Пусть в другой раз проявит служебное рвение.

- Есть, товарищ Сталин.

- Кроме того, товарищ Леднев. В это же время в Сыктывкар поступят Балабин и Валленберг. Они там исчезнут, как мы договаривались раньше. Нас интересует, как этот факт отразится в тюремных слухах. Что туда просочится?

- Понятно, товарищ Сталин.

- Будьте очень осторожны, товарищ Леднев, - предупредил Берия. - Чтобы Вы представляли всю степень опасности этого задания, хочу сказать, что за годы войны в лагерях Коми была выявлена и ликвидирована 31 повстанческая группировка. Когда мы в начале 1942 года подавили вооруженное восстание заключенных в районе Усть-Усы, то с их стороны было убито 48 человек и 8 взяты живыми, а с нашей стороны убиты 33, ранены 20 и 52 человека получили серьезные обморожения. Так что операция Вам предстоит боевая!

- Ясно, товарищ Берия.

- Ну, товарищ Леднев, Вы свободны. Идите готовьтесь.

Леднев вышел из кабинета. Сталин сказал, обращаясь к Берии:

- Если Леднев появится перед арестованными в Сыктывкаре таким чистеньким и красивым, ему никто не поверит. Проинструктируйте Журкова, пусть поработает с Ледневым как следует, чтобы сомнений у его бывших друзей не возникало... Да это и полезно, - неожиданно добавил Сталин. - Вдруг что новое узнаем про самого Леднева. Может, Журков, освежит его память?

* * *

Леднев не стал откладывать поручение Сталина в долгий ящик и вызвал к себе троих опытных работников - Гарбуза, Семенова и Колесникова.

- Вам, товарищи, поручается ответственное дело. Это задача на перспективу, на много лет вперед. Может быть, на всю жизнь. Сейчас полным ходом идет дипломатическая работа по созданию на территории Палестины еврейского государства. Наше правительство заинтересовано в дружеских отношениях с ним. Но ждать факта его образования ни к чему. Вам поручается войти в полное доверие к возможным будущим руководителям и сотрудникам еврейской разведки. А для этого вам надо успеть хорошо зарекомендовать себя. Сейчас удобный момент, туда едут целые потоки евреев со всех концов света. Легко затеряться и сравнительно просто легализоваться. Разбираться в вашем прошлом им некогда, да пока и некому.

- Товарищ Леднев, уточните задачу, - попросил Лев Колесников. - Мы должны внедриться в их создаваемые разведывательные структуры или...

- Да, - не дав ему закончить, подтвердил Леднев. - Но не думайте, что там все будет организовываться на пустом месте. Еще в 1920 году еврейские поселенцы в Палестине создали свою подпольную армию «Хагана». В этой армии действует разведывательное подразделение ШАИ. Его возглавляет подполковник Исер Беери. Он родился в Польше в 1901 году. В возрасте двадцати лет прибыл в Палестину в числе первых иммигрантов. В подпольном движении с 1938 года. Надо поискать в архивах, нет ли у нас каких-то выходов на него?

Леднев помолчал, что-то припоминая, и продолжил инструктаж:

- Есть там еще один интересный человек - Исер Харел. Его настоящая фамилия Гальперин. Он прибыл в Палестину из Латвии в 1930 году. В 1943-м вступил в «Хагану». Сейчас командует подразделением ШАИ в районе Тель-Авива. Жена Ребека, уроженка Польши. Познакомились они уже в Палестине... Надо выйти на наших сотрудников, кто в те годы работал в Латвии. Чем черт не шутит, может, попадал он в наше поле зрения?

- Товарищ Леднев, разрешите, - подал голос Илья Семенов. - В ходе последней заграничной командировки я служил в Еврейской бригаде, воевавшей в составе английских войск. У нас была специальная часть «Ханокмин», что в переводе значит «каратели». Главная задача - поиск прятавшихся нацистов. На основе свидетельств бывших узников концлагерей были составлены огромные списки нацистских преступников. По ним удалось обнаружить и захватить многих бывших сотрудников СС.

- И что вы с ними сделали? - поинтересовался Марк Гарбуз.

- Сначала мы передавали их военным властям союзников. Но в неразберихе того времени нередко задержанным удавалось избежать наказания. Однажды в Венгрии мы захватили двух высокопоставленных нацистов и отвели их в советскую военную комендатуру ближайшего городка. А комендантом оказался раненный в руку лейтенант-танкист. Мальчишка совсем. Он почему-то решил, что наших свидетельств недостаточно для задержания этих людей, и приказал их освободить. Сопляк! Фрицы чуть ли не в лицо нам смеялись...

- Так и отпустили? - поинтересовался Леднев.

- Отпустили, - нехотя подтвердил Семенов. - До ближайшего угла. А там расстреляли их. И хотели еще набить морду этому лейтенанту, да я ребят удержал. После этого мы уже никуда фашистов не водили, сами уничтожали их.

- И много удалось уничтожить? - уважительно спросил Гарбуз.

- По моим сведениям, около тысячи.

- Что ж, - подытожил Леднев. - Твои, Илья, «карательные» связи тоже могут вам пригодиться. Людям из такой организации прямая дорога в новую еврейскую разведку. Наверняка, встретишь там своих знакомых.

- И все-таки, Павел Анатольевич, на кого из действующих лиц нам следует сделать ставку в Палестине? - спросил дотошный Колесников.

- Из политиков - на Давида Бен-Гуриона. Он наверняка войдет в высшее руководство страны. А из разведчиков - на Харела. По нашим данным, он собрал огромный архив. Там и сведения о нацистах, и секретные материалы ШАИ, и много еще всякого интересного. Хранит архив где-то в тайнике. Англичане несколько раз пытались обнаружить документы, но безуспешно. При работе с ним учтите - он одержим маньер секретности! У него начисто отсутствует чувство юмора. Но, к его чести, никогда не оставляет в беде сотрудников, зарекомендовавших себя верной службой.

- Павел Анатольевич, а каковы позиции нашей «службы» в Палестине? Неужели нет никого, кто работает в этом регионе? - осведомился Гарбуз.

- Есть. В Палестине еще с двадцатых годов работают наши люди. Они надежны, многократно проверены и, самое главное, никогда не были засвечены в акциях Коминтерна. Никто из них не участвовал в пропагандистских мероприятиях, а их членство в компартиях засекречено. Все они работают за рубежом без контактов с нашими торговыми и дипломатическими учреждениями. Главное, на что мы их всегда ориентировали, - это проведение диверсионных операций в тылу противника в случае войны.

* * *

Таллинские журналисты ничем существенным помочь Морошину не смогли. Они действительно обнаружили на кладбище могилу Петрусявичуса. Она ничем не отличалась от соседних. Причину смерти

установить не удалось. Сторож кладбища не смог припомнить, приглядывал ли кто-нибудь специально за этой могилой.

В научных учреждениях Таллинна никаких следов пребывания Петрусявичуса журналисты тоже не нашли. Не помог и рассекреченный архив местного КГБ. В документах бывшего городского ЗАГСа обнаружилась лишь запись с констатацией факта смерти Петрусявичуса без указания ее причины. Родственников его в Таллинне не оказалось.

«Чисто сработали наши ребята, - подумал Леднев, когда узнал эти новости от растерянного Моршина. – Хорошо спрятали Седого. Все правильно сделали, без ошибок. И все-таки вопрос остается прежним – как сейчас зовут Рауля Валленберга?»

* * *

Журков постарался на славу, выполняя поручение Берии.

Когда после многочасового допроса Леднева втолкнули в камеру, он уже и сам нисколько не сомневался в том, что арестован как настоящий враг народа. А все разговоры со Сталиным казались хорошо расставленной ловушкой. «Неужели провели, как мальчишку? – думал Леднев, стараясь не выть от нестерпимой, тягучей боли в изуродованной руке. – Догадывались, наверно, что живым мог бы и не даваться». Когда его волокли по коридору, он мельком успел заметить белое, как снег, растерянное лицо Балабина.

В камере было еще два человека. Они молча помогли Ледневу устроиться на нарах. Не было ни сил, ни желания начать разговор. «Отчего это камера не переполнена? Прямо как в доме отдыха, - размышлял Леднев. – Или специально так подстроили? Тогда зря. Люди опытные насторожатся и к новым соседям будут относиться, как к стукачам... Хотя Берия обычно все продумывает. У него не бывает мелочей. Впрочем, Сыктывкар сейчас оказался на обочине ГУЛАГа. После строительства железной дороги на Воркуту весь спецконтингент направляют на Север».

- Павел Анатольевич, это Вы, - неожиданно спросил один из соседей по камере.

Леднев повернул голову и всмотрелся:

- Кто вы? Не узнаю.

- Не мудрено. Я с 1938-го в ГУЛАГе. Я и сам себя бы не узнал. Зубов я.

- Петр? Я думал тебя уже нет в живых. Мне сообщил о твоём аресте Берия и приказал в письменной форме дать тебе характеристику.

- И какую Вы дали характеристику? – безразлично спросил Зубов.

- Объективную. У меня к тебе претензий не было. Роль нашего резидента в Праге ты исполнил блестяще. Я знаю, это ты профинансировал в 38-м отъезд людей президента Бенеша в Англию. И самое главное – получил расписку от его секретаря. Это большая удача. Расписка в получении денег – это как поводок у собаки. В любой момент можно дернуть... Так что хорошую я дал тебе характеристику, Петр.

- Наверно, потому я и жив пока, - согласился Зубов и добавил. – Но, может, из-за этого и Вы здесь. Связь с разоблаченным врагом народа, так сказать.

- Я видел твоё дело и резолюцию Сталина «Арестовать немедленно». Как тебе пришло в голову не выполнить прямое указание товарища Сталина?

- А как я должен был поступить? – ошетинился Зубов.

- Выполнить приказ товарища Сталина! – твердо сказал Леднев. – Ты в том деле был просто курьер. И должен был всего лишь передать деньги сербским офицерам. А из-за тебя переворот в Югославии и устранение правительства Стоядиновича в 1938 году были сорваны! Ты вмешался в большую политическую игру!

- Да это была лишь кучка авантюристов – без четкого плана, без поддержки в армии! И я им должен был отдать двести тысяч долларов?! – зло выдохнул Зубов. – Да после этого над нами бы весь мир издевался...

- А сейчас издеваются над тобой. Это лучше?

- Со мной разберутся. Нет на мне вины! А вот те, кто засадил меня сюда, не разобравшись в сути дела, те, кто выдвигают обвинения против таких, как я – вот настоящие враги нашего народа! – убежденно произнес Зубов.

- Не правда! – так же убежденно ответил Леднев. – Есть среди них и дураки, и карьеристы. И не разоблаченные враги, наверно, есть пока. Но основная масса – это люди честные, они исполняют свой долг перед партией и советским народом.

- Все враги! – упрямо повторил Зубов.

- Не горячись. Я сам в 38-м был под подозрением. Тогда Берия только пришел в органы. Во многом сразу не разобрался. А тут один мой сослуживец, Гукасов, обвинил меня в подозрительных связях с разоблаченными врагами народа. Чуть из партии не исключили. Но потом отделался строгим выговором.

- И Вы простили Гукасова? – презрительно спросил Зубов.

- Он в моем прощении не нуждался, - отрезал Леднев. – Я на него зла не держу. А человек он оказался героический. В 41-м гестаповцы штурмом брали здание нашего консульства в Париже. Один из них сорвал со стены портрет товарища Сталина. И тогда советский консул Гукасов начал с ними драку. Избили его жестоко. Но пока он дрался, шифровальщица успела сжечь все кодовые книги. Вот так-то! – Леднев немало успокоился. – Ты верь, Петр. Если ни в чем не виновен – разберутся! Раз жив пока, значит, считают,

что можешь пригодиться. Помнишь Якова Серебрянского? Его тоже в 38-м арестовали и приговорили к смертной казни. Но не расстреляли. А в 41-м его, по моей инициативе, освободили и снова привлекли к активной работе в разведке... Ты верь!

- Я верю! – блестя глазами, выдохнул Зубов. – Без веры давно бы загнулся.

- А чего тебя в Сыктывкаре держат? – осторожно спросил Леднев.

- По подозрению в участии в подготовке вооруженного восстания, - тяжело вздохнул Зубов.

- Ну-ну, - неопределенно промолвил Леднев. – И как повоевали?

- Да разговоры одни были, - досадливо отмахнулся Зубов. – Конечно, сейчас в лагерях боевого народу хватает. Ничего не бояться. Блатных попржиали – чуть что вякнут против них, режут, как свиней! Дай им волю и оружие – много дел натворят.

- Что ж не натворили? Или весь пыл в разговоры ушел?

- Разговоры-то к делу клонились. Но, видать, стукачи в лагерях хорошо работают, вот и замели нас.

- А, может, предал кто? – предположил Леднев.

- Может, и так, - спокойно согласился Зубов. – Я думаю, что они главную ошибку допустили, когда обратились за помощью к таким, как мы с Вами. Думали, что мы с ними товарищи по несчастью. А у нас дороги – разные!

- Разные? – удивился Леднев.

- Разные! – подтвердил Зубов. – Они-то и за Советскую власть, и против нее успели навоеваться досья. И сейчас только за свою шкуру биться будут. А мы против партии и правительства не пойдем! Мы за Советскую власть, если надо будет, остаток сил и жизни отдадим! И воевать против нее не будем, – Зубов перевел дух. – Наверно, кто-то из наших и доложил лагерному начальству. Дело-то и не выгорело.

- Может, ты и заложил? – спросил с верхних нар человек, до сих пор не принимавший участия в беседе.

- Может, и я, - бесстрашно ответил Зубов. – Теперь-то чего гадать? Ежели всех не расстреляют, в другой раз умнее будете. Не станете верить таким, как мы.

- Не станем, - согласился человек и спустился вниз. Подойдя к Ледневу вплотную, сказал: - И Вам, Павел Анатольевич, не поверим. Вы не из тех людей, которых так далеко от Москвы увозят. Вы – птица высококого полета. Таких сразу уничтожают, на месте. Поэтому не лезьте в наши дела. Зубов прав – задавим!

- Мы были знакомы? – поинтересовался Леднев.

- Были, Павел Анатольевич, - мрачно подтвердил человек. – Встречались во время войны, в партизанском отряде Медведева. Я был в группе «Пуха».

- Николая Кузнецова? – Леднев взгляделся в лицо человека.

- Не всматривайтесь, Вы меня видели мельком. Вы тогда долго инструктировали Кузнецова перед заданием.

- Жалко Николая, - произнес Леднев. – Такие дела делал, а погиб глупо. Предлагали же ему затаиться и дожидаться прихода наших войск. А он решил пересечь линию фронта сам. И погиб. И людей погубил.

- Не всех, - сказал человек. – Я остался в живых в последнем бою. Дрались мы, как надо, как учили. Отстреливались до последнего патрона, а потом пошли врукопашную. Но бандеровцев оказалось больше. Николай, чтоб в плен не попасть, подорвал себя гранатой. А меня схватили раненым и передали немцам. Когда наши взяли Львов, я из немецкой тюрьмы попал напрямик в советскую. Двадцать лет за измену Родине.

- В чем обвиняют?

- Пособничестве фашистам в гибели Кузнецова. Других-то свидетелей его гибели нет.

- Добивайтесь пересмотра дела! – горячо посоветовал Леднев. – Кузнецову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Надо верить в справедливость!

- Я никому не верю. Ни Советской власти, ни Вам, Павел Анатольевич, - сказал человек и забрался наверх. И уже оттуда добавил: - Не лезьте в наше дело. Вы человек бесстрашный, но и нам терять нечего. Задавим!

* * *

Леднева снова повели на допрос.

Готовясь к мучениям, он был удивлен переменой в поведении Журкова.

- Присаживайтесь, Павел Анатольевич, - доброжелательно сказал Журков. – Вчера я выполнил указание насчет Вас. Сами знаете, от кого оно исходило. Можете на меня пожаловаться там, - он указал глазами на потолок. – Чем больше будете меня ругать, тем мне же лучше. У меня был приказ!

- Ну-ну, - сцепив зубы, процедил Леднев. – Пусть осмотрят мою руку.

- После нашего разговора, Павел Анатольевич, сразу же отправитесь к врачу. У меня теперь приказ выполнять любые Ваши распоряжения. Задержитесь у нас или достаточно насиделись в камере?

- Да уж, спасибо за гостеприимство, - с сердцем сказал Леднев. – Пора и честь знать. Отправляйте назад. В Москву.

- Слушаюсь, Павел Анатольевич.

* * *

Сталин внимательно слушал доклад Берии:

- Не поверили они Ледневу. Решили, что он с ними играет. Оставаться было бессмысленно, товарищ Сталин.
- А что сообщает Зубов?
- Его донесение полностью совпадает с докладом Леднева.
- Хорошо. Это задание было проверкой товарища Леднева на крепость. Вы исследовали его сейф?
- Да. Обычные оперативные материалы. Есть досье по заговору Тухачевского. Но ничего нового. Все это было вскрыто на заседании военного суда... Что будем делать с арестованными повстанцами?
- Журков там сам разберется. А Зубов действительно честно сотрудничает с нами? Вы ведь его знали еще по работе в Закавказье?
- Да, товарищ Сталин, знаю с 1922 года. Он всегда хорошо работал. Уже после ареста склонил к сотрудничеству с нами бывшего руководителя польской резидентуры в Берлине Станислава Сосновского и князя Януша Радзивилла. Его поместили к ним в камеру, и он помог завербовать их.
- Рассмотрите вопрос об облегчении участи товарища Зубова. Подготовьте предложения.
- Слушаюсь, товарищ Сталин.
- Есть какие-то новости о судьбе нацистских денег?
- Поступила интересная информация, товарищ Сталин. Мы всю войну пристально следили за деятельностью Эрика Эриксона. Этот бизнесмен из Стокгольма торговал немецкой нефтью. Неоднократно бывал в Германии, завел дружбу с людьми из гестапо. В октябре 1944 года даже встречался с Гиммлером.
- Что они обсуждали? – бесстрастно спросил Сталин.
- Эриксон предложил построить в Швеции завод по производству синтетической нефти. Немцам это было выгодно. Во-первых, они получили бы источник нефти в нейтральной стране, которую не бомбит авиация союзников. Во-вторых, вложившись в это дело, можно было бы спрятать часть денег партии на случай поражения в войне. Необходимая сумма денежных средств оценивалась примерно в пять миллионов долларов.
- Хорошая идея, - одобрил Сталин. – Только поздно они за это взялись. Через полгода войне пришел конец.
- А теперь и «пособничеству немцам» со стороны Эриксона тоже пришел конец. Американская дипломатическая миссия в Стокгольме устроила официальный обед в его честь. Оказалось, он с начала войны сотрудничал с разведкой союзников. Причем, отказался от денежного вознаграждения. Всю информацию о размещении немецких фабрик и заводов передавал союзникам, и они наносили точные бомбовые удары. А купленная им у нацистов нефть шла на нужды союзных армии.
- Смелый человек, - оценил Сталин. – И тоже швед, как Валленберг.
- И рискованный, товарищ Сталин. Он всем своим немецким партнерам по бизнесу за то, что они предоставляли не только общую, но и специфическую информацию, необходимую разведке, выдал свидетельства за своей подписью, подтверждающие их тайное сотрудничество с союзниками, для предьявления после победы.
- Чем он сейчас занимается? Для целей разведки он теперь бесполезен.
- Вернулся к обычной жизни. Живет в Стокгольме. Продолжает заниматься бизнесом.
- Вернемся и мы к нашим баранам, товарищ Берия. Выясните детально у Журкова, как прошло исчезновение Балабина и Валленберга. И еще, товарищ Берия, чем больше будет неопределенности в судьбе Валленберга, тем лучше. Пусть один след ведет в Сыктывкар, второй в Москву, третий – еще куда-нибудь. Разработайте несколько вариантов.
- Слушаюсь, товарищ Сталин.

* * *

Журков вызвал к себе начальника отдела кадров Коми Базы Академии наук СССР. В этом не было ничего необычного. Кадры, особенно научные, всегда были предметом пристального внимания со стороны партии и правительства. И со стороны компетентных органов.

- Здравствуйте, Михаил Иванович, - сказал Черных, заходя в кабинет Журкова.
- Здравствуйте, Иван Ильич, проходите. У меня к Вам особая просьба.
- Ваша просьба для нас закон. Сделаю все, что в моих силах.
- Вот и хорошо, - одобрительно кивнул Журков. – Надо устроить к Вам на работу одного человека. Он не наш сотрудник. Но мы заинтересованы в его судьбе.
- На какую должность желательно определить? – уточнил Черных. – По хозяйственной части или инженером?
- Нет, - задумчиво произнес Журков. – Надо определить его по научной части, куда-нибудь в сектор истории.
- А ученое звание или научные труды имеются?
- Иван Ильич, - жестко сказал Журков. – Если бы это было, я с бы с Вами не разговаривал. Еще раз подчеркиваю – особая просьба.
- Вы не подумайте, Михаил Иванович, - забеспокоился Черных, - я, не дай Бог, не отказываюсь от сотрудничества! Просто к научной работе склонность надо иметь. Статьи писать, выступать на конференци-

ях. А то будет Ваш человек, как белая ворона. Коллектив у нас пока небольшой, все друг друга знают. Если Ваш человек не впишется в эту среду, ему же самому неуютно будет. Так бы я его назначил завхозом – и горя мало! Знай выдавай пробирки, да спирт казенный пробуй на крепость. Никаких забот! А в науке-то головой работать придется – вот я о чем беспокоюсь.

- Не беспокойся, голова у него работает неплохо. Правда, говорит по-русски не совсем правильно пока. Но освоится. Он из прибалтов. Запиши себе – Роман Петрусявичус.

- Из репрессированных? – опасливо поинтересовался Черных.

- Депортирован был из Прибалтики после войны. Тогда многих на всякий случай вывезли, - махнул рукой Журков. – Но насчет этого Петрусявичуса не беспокойся. Со стороны нашей «службы» претензий к Вам не будет. Совсем даже наоборот! Поможем, в случае чего.

- Понятно, товарищ Журков. Но есть одна проблемка.

- Какая, говори. Решим твою проблемку.

- Штат-то у нас укомплектован. А новую штатную единицу исхлопотать – это надо в Москву обращаться. Такой запрос должен делать директор Базы академик Образцов.

- В любом другом случае я тебе штат-то бы живо проредил, - пошутил Журков. – Но в этот раз не буду. Поговори с товарищем Образцовым. Объясни ему ситуацию. Если будете хлопотать о новой штатной единице, поставь меня предварительно в известность. Мы поможем по своей линии. Кстати, какую должность получит Петрусявичус?

- Лаборант, - извиняющимся тоном сказал Черных. – Выше без научных трудов нельзя!

- Ну, и ладно, - легко согласился Журков.

* * *

Через несколько дней после возвращения из Сыктывкара Леднев встретился с Балабиным на конспиративной квартире в Москве.

- Знаешь, Паша, когда я увидел тебя в Сыктывкаре, - признался Балабин, - да еще в таком виде, у меня сердце оборвалось. Я решил, что либо Журков что-то напутал, либо сопроводительные документы в отношении нас где-то задержались. Меня ведь сразу после тебя ввели в его кабинет. Он весь был возбужденный и распаренный.

- Да уж, попарил он меня. Руку вон до сих пор ломит, - сквозь зубы процедил Леднев.

- Вот и я подумал, что настал мой смертный час. Мало ли что в Москве решили. А в Сыктывкаре поняли по-своему! Иди потом ищи виноватого! Журков бы приказом прикрылся. Да и я - не та фигура, чтобы из-за меня шум Москва подымала.

- Знаешь, Дима, когда он меня обрабатывал – по всем правилам, на полную катушку – я тоже грешным делом решил, что это конец! Но пока пронесло... Ладно, к черту Журкова! Нам надо с тобой продумать вопрос с Южной Америкой. У меня распоряжение товарища Сталина подготовить предложения по этому региону.

- Давай сразу уточним – ты ведь не собираешься сам туда выезжать? По-моему, нельзя тебе за рубеж...

- Знаю! Не наступай на любимую мозоль. Поэтому там придется работать тебе или Науму Леонидову. Но Наум сейчас нужнее в Китае.

- Понятно.

- С Наумом-то все понятно, - усмехнулся Леднев. – А вот с поручением товарища Сталина пока не все так ясно. Что у нас есть в активе?

- Ну, кое-что имеется. Филоненко с семьей, Гринченко и «Патрия», как тебе известно, удачно легализовались в Аргентине под видом чешских бизнесменов, сбежавших как раз из Китая от преследований тамошних коммунистов. Все они – настоящие профессионалы в области диверсий. Имеют боевой опыт партизанской войны с немцами. Интересы бизнеса позволяют им беспрепятственно перемещаться по континенту. Они были в Бразилии, Аргентине, Парагвае, Уругвае и даже в Мексике и США! Их всех специально подготовили для проведения диверсий на американских судах в случае начала войны между СССР и США.

- Знаю. Кое у кого здесь в Москве чешутся руки побыстрее снабдить наших ребят взрывными устройствами. Пока мои категорические возражения пересиливают эту ретивость. Не хватало нам сейчас еще и в войну с Америкой вляпаться!

- Но есть, Паша, и проблема. Американцы сейчас активизировали деятельность разведки, вошли в контакт со спецслужбами государств Латинской Америки. Ищут «Артура». Им откуда-то доподлинно известно, что он создал в Аргентине разведывательно-диверсионную группу в годы войны.

- Ну, «Артура» мы вызвали домой еще за год до окончания войны. Сейчас он уже работает в Западной Европе. Поэтому американцы ищут миф. Но, ты прав, активность их, конечно, нервирует.

- А почему возникла кандидатура Наума для этой работы? – спросил Балабин. – Он, что, бывал в Южной Америке.

- Он много где бывал, но там точно не был. У Наума остались прочные связи кое с кем из видных испанских фашистов еще со времен их Гражданской войны. В Испании сейчас кого только нет – даже Отто Скорцени там. Вот мы и решили, что через Испанию Науму прямая дорога в испаноязычные страны Латинской Америки.

- Ясно, - уважительно протянул Балабин.
- А раз ясно, то сиди и думай над конкретными предложениями. А я пойду заниматься другими делами. Прощай!

* * *

В этот раз Морошин сам нашел Леднева.

- Как хорошо, что Вы еще не уехали!

- Что, есть новые материалы по Валленбергу? – с нескрываемым любопытством спросил Леднев.

- К сожалению, нет, - грустно сказал журналист. – Но это не так важно. Газетная сенсация живет несколько дней. Если ее не поддерживать, она быстро забывается.

- Вы правы, Сергей, - успокоено согласился Леднев.

- Павел Анатольевич! Выручайте. У нас сейчас полное информационное затишье. Думали, что убийство Прокушева взбудоражит наше захолустье. Но прошло уже столько дней, а ФСБ не дает никаких новых сведений. И, похоже, все в городе уже забыли об этом.

- Но я, как Вы понимаете, тоже не располагаю никакими сведениями. И даже если бы располагал, то все равно не имел бы права их распространять.

- Да я понимаю! Не об этом я хотел Вас попросить. У нас есть рубрика – встречи с интересными людьми. Не только с теми, кто постоянно живет в республике, но и с приезжими, с гостями. Бывает, просто перепечатаем любопытные статьи из других изданий. Вот я и подумал, может, Вы расскажете что-нибудь занимательное из разведывательного прошлого. То, что можно уже сказать. Пожалуйста!

Леднев задумался: «С одной стороны, я могу отказаться. Газетная шумиха вокруг моего имени мне не нужна. Но, с другой стороны, парень мне помог. Все мои старые знакомые сочли необходимым встретиться со мной. Не стоит его обижать. Кое-что уже можно раскрыть».

- Хорошо, Сергей. Но Вы не назовете мое имя в газете. Я уже привык быть просто писателем. Ни к чему знать мое прошлое моим новым знакомым. А кому надо, те и так все знают.

- Согласен! – обрадовано согласился Морошин. – Так даже более таинственно получится. Что-то вроде – «нам удалось получить интервью у человека, чье имя раскрывать преждевременно по соображениям государственной безопасности!»

- Ладно, - усмехнулся Леднев. – У меня есть полчаса свободного времени. Пойдемте в «Кофейный дворик». Там и побеседуем.

- Ну-с, с чего начнем, - спросил он журналиста, когда они расположились за столиком с чашками кофе.

- Право, не знаю, - развел руками Сергей. – Давайте о военном времени. Скажите у нас были свои люди в разведке Германии? Эта история про Штирлица...

- Понятно, - остановил его Леднев. – Мне известно только об одном достоверном факте сотрудничества с нами высокопоставленного сотрудника гестапо.

- Как его звали?

- Вилли Леман или «Брайтенбах», как мы его именовали в наших документах. Он сотрудничал с нами с 1935 года. Снабжал исключительно важной информацией. О внедрении немецкой агентуры в среду русских эмигрантов и в коммунистическое подполье. О проверке немцами агентов польской контрразведки. И многое другое.

- Он жив?

- Нет, он погиб, предположительно, в 1942 году. Его арестовали на улице и тайно казнили. В гестапо его жене сообщили, что ее муж исчез, и его усиленно разыскивают.

- А как произошел провал?

- Немцы захватили двух наших парашютистов, направленных к нему на связь. Один из них погиб в гестапо, а другой выдал Лемана во время допроса. В 1946 году этого предателя нам передали англичане. Он был расстрелян.

- А Вы не пытались найти что-то в архивах гестапо?

- Конечно, пытались. Но нашли только его регистрационную карточку в тюрьме Плетцензее в Берлине. Это все, что я могу сказать о Лемане.

- Понятно. А вот ходят всякие нелепые слухи, что кто-то из самых высших руководителей рейха был советским агентом. Называют Мюллера. Говорят, именно поэтому его не нашли после войны. Дескать, скрылся в СССР.

- Ерунда, - отмахнулся Леднев. – Мюллер был руководителем спецслужбы, имевшей широкую сеть агентов и осведомителей не только в Германии, но и в других странах. То, что он сумел скрыться бесследно, делает ему честь как профессионалу. Хотя он мог предложить свои услуги нашим союзникам.

- И они бы пошли на сотрудничество с шефом гестапо?

- А почему нет? – пожал плечами Леднев. – Смотря что он им предложил в обмен за свою жизнь и безопасность. Ему было что предложить, уж поверьте мне!

- Значит история о русском Мюллере – это миф?

- Он активно поддерживается. Например, Шелленберг написал в своих мемуарах, что Мюллер восхищался Сталиным, ставил его выше Гитлера по способностям управлять государством. Мюллер считал, что

если бы в 1933-38 годах Гитлер согласился с его предложением провести чистку аппарата и армии, то война бы не была проиграна. Более того, Мюллер считал, что национал-социализм склонен к разным компромиссам, тогда как идеология коммунизма предполагает окончательные решения вопросов, без колебаний и сомнений. Вот так-то! И именно это, полагал шеф гестапо, предопределило исход войны, а не военная мощь русских.

- Интересно! А что стало с самим Шелленбергом?

- Он умер в Турине в 1952 году. Там и похоронен.

- Помогли или умер своей смертью?

- Его много лет мучила болезнь печени. Но он боялся операции, а когда решился, было уже поздно.

- Он избежал наказания?

- Нет, его осудили к тюремному заключению на Нюрнбергском трибунале. Но через некоторое время американцы выпустили его из милосердия к больному. Некоторое время жил в Швейцарии, а потом перебрался в Италию.

- Он не пытался вернуться в разведку?

- Точнее сказать, его туда никто не позвал. Наши союзники быстро в нем разочаровались. А в Западной Германии разведку воссоздал его конкурент – генерал Гелен. По правде сказать, Шелленберг пытался восстановить свои прежние связи. По нашим данным, он выходил на контакт с великим муфтием Иерусалима, пытался наладить отношения с бывшими руководителями СС, эмигрировавшими в Испанию. Но нигде ему не обрадовались. Поэтому он и прозябал с женой в апартаментах курортного отеля в Турине.

- А на что он жил? На деньги нацистской партии?

- Я по роду службы в свое время интересовался этим вопросом, Сергей, - улыбнулся Леднев. – Шелленберг, конечно, не был бережливым и не накладывал на себя каких-то ограничений. Жизнь в таком отеле требует средств. Сам он распространял слухи, что его поддерживают разного рода друзья – то богатая французенка, то граф Бернадотт. Но мы выяснили, что деньги он получал в Милане. Его субсидировал Ватикан. Кроме того, он получил аванс под будущую книгу мемуаров. Словом, деньгами фашистской партии там не пахло.

- Понятно. А вот...

- Сергей, - мягко, но решительно сказал Леднев. – Я сказал достаточно для статьи. Мне, действительно, пора по своим делам. Не обижайтесь.

- Что Вы! Спасибо, Павел Анатольевич!

- Желаю удачи.

* * *

Леднев и Наум шли по аллее парка.

- Ну, что, - сказал Леднев, - я свое обещание выполнил. Волна ажиотажа вокруг судьбы Валленберга, похоже, схлынула. Морошин – молодец. И пишет хорошо, и думает нестандартно. Просто он не знает, что добился выдающегося результата. Могила на таллинском кладбище похоронила его надежды раскрыть одну из тайн советской разведки.

- Не суди его строго, - откликнулся Наум. – Он же не знает, что это обычный прием нашей «службы». Да и не надо ему об этом знать. Пусть живет спокойно. Я тут прочитал его интервью с неким ветераном разведки. Ты ударился в воспоминания?

- Я правила знаю, - отмахнулся Леднев. – Ничего нового я ему не сказал. При желании он мог бы все это найти в открытой печати. Но кто сейчас из молодых читает серьезные издания. Толстые, скучные книги – это удел стариков, таких, как мы с тобой. А молодежь нынче читает, а точнее, смотрит боевики и фантастику.

- Понимаешь, Паша, - задумчиво произнес Наум, - то, что мы делали – это тоже из разряда боевиков и фантастики. Просто мы не можем рассказать всей правды. А полуправда – это та же ложь. Вот поэтому наши воспоминания и умрут с нами.

- Знаешь, я еще пожить хочу! И ты мне голову не морочь, а рассказывай, зачем убрал Прокушева. Или боишься, что журналисту разболтаю?

- Ну, зачем ты так, Паша? В нас с тобой столько тайн навсегда спрятано, что одной больше – какая разница? Ты не из тех, кто треплет языком... А скажи, ты не осуждаешь меня, что я пошел на крайнюю меру? Не делай удивленные глаза! Раньше я тебя бы об этом не спросил. Но сегодня другое время. Говорят, надо расставаться со скверными привычками...

- Дело не во времени, а в характере. Жиденькие характеры стали. А меры должны быть адекватными ситуации. Помнишь Васю Рясного?

- Да, как-то я обращался к нему за помощью в 1952-м. Тогда почему-то перестали от нас поступать деньги матери Рамона Меркадера. Он – в мексиканской тюрьме, она – в Париже... Помог.

- Он сразу после войны был наркомом внутренних дел на Украине. И была проблема во Львове с бандитами. Те совсем распоясались. Среди бела дня врывались в квартиры, грабили, убивали. В окно ему сколько раз стреляли. Вася тогда радикально решил проблему. Жестоко и кроваво.

- Как?

- Одел своих сотрудников как на выставку, женщин – в норковые шубы, мужиков – в кожаные пальто. И приказал гулять по вечернему Львову. Подходит, к примеру, к такой даме бандит с предложением расстаться с шубой, а она ему в лоб из пистолета! Утром убрали трупы и составляли рапорт о проделанной работе. Очень скоро стало спокойнее... Поэтому выкладывай свою историю. Не буду я тебя осуждать.

- Спасибо, - слегка улыбнулся Наум. – Видишь ли, Паша... Все дело в Илье Семенове.

- Он жив? – обрадовался Леднев. – Я ничего о нем не слышал с начала пятидесятых. Как отправил его в Палестину к евреям... Потом тюрьма. А потом я уже не имел доступа к информации.

- Семенов – один из руководителей Моссада, израильской разведки.

- Ого! – присвистнул Леднев. – Значит, он все эти годы работал? И сделал такую карьеру?

- Ты не понял, Паша, - загадочно посмотрел на него Наум. – Он - не наш разведчик. Он действительно честно служит Израилю. И добился этого поста своей безупречной службой.

- Что-то я тебя не понимаю! Это же я послал его за рубеж с перспективой многолетнего внедрения в еврейскую разведку!

- Правильно, а потом тебя арестовали. И меня арестовали. Илья был на связи только с тобой. Никаких других сведений о нем в наших архивах нет. Мы ведь специально все почистили перед его заброской, помнишь?

- Да. А, предчувствуя арест, я уничтожил его досье, лежавшее у меня в сейфе. Его и еще нескольких человек.

- Ну, вот все так и получилось. У тех, кто пришел на наше место, никаких сведений о Семенове не было. А у него после расправы с Берией не было никакого желания напоминать о себе. Поэтому Израиль стал для него второй и единственной Родиной. А в измену Берии он не поверил.

- Мы тоже не поверили, - мрачно сказал Леднев. – А чего ты о Семенове вспомнил.

- Он сейчас в Сыктывкаре.

- Просто какое-то вавилонское столпотворение! Что Моссаду здесь надо?

- Моссаду ничего не надо, - рассмеялся Наум. – Просто в последние годы, как ты знаешь, мы опять стали сблизиться с Израилем. Разведки тоже налаживают сотрудничество. Именно по этой линии и приехал Илья в Москву. Естественно, когда мы вновь встретились, то на людях виду не подали, что давно знакомы. А наедине поговорили. У меня нет никакого желания ворошить прошлое. У него тоже...

- А в Сыктывкаре-то он что делает?

- Он родом отсюда. Родственники его давно умерли. У него сейчас, естественно, другая фамилия. Поэтому риска, что его вычислят наши, нет. Он попросил разрешения погулять по городу детства. В Москве согласились. А я с ребятами из «службы» на всякий случай его прикрываю. Мало ли что... Он должен уехать, не привлекая внимания к своей персоне.

- А Прокушев как-то помешал этим планам?

- Да, он по роду службы был проинформирован о визите израильтянина, но про мою группу ничего не знал. И он решил выяснить личность нашего гостя. Стал ненавязчиво показывать его под разными предлогами старым сотрудникам «службы», которые давно на пенсии. Но Илья здесь никогда не работал, поэтому его никто и не опознал. Никто, кроме Журкова!

- А этот-то откуда его знает? По-моему, у них не было точек соприкосновения.

- Были, Паша, - вздохнул Наум. – Журков не всегда был начальником местной «службы». Начинал, как все, со спецшколы. А я в ней тогда преподавал, готовил себе помощников. Вот там и учились вместе Журков и Семенов. Но у Журкова немецкий не пошел. Он и по-русски-то говорил с явным местным акцентом, а на немецком – ни в какие ворота! Пришлось отстранить его от работы за рубежом. Но он нашел себя в другом.

- Да, уж, нашел, - подтвердил Леднев, тяжело вздыхая.

- Не вздыхай... И вот через много лет Прокушев показывает Журкову Семенова. И Журков опознает своего сокурсника! Представляешь, руководитель Моссада – бывший агент советской разведки?! Да Прокушеву за такую информацию – зеленый свет в смысле карьеры и наград!

- Да, рванул бы парень по служебной лестнице!

- Но Журков между делом и меня засек. Не зря я его учил в свое время! И он подумал, что тут не все чисто. Возможно, Москва проводит какую-то операцию негласно, без местных чекистов. Журков решил подстраховаться и проинформировал меня о случившемся. Представляешь мое состояние?

- Догадываюсь. И что дальше?

- Дальше дело техники. Я попросил Журкова, чтобы он представил меня Прокушеву как ветерана, тоже знавшего Семенова. Остальное ты знаешь.

- А Журков не проболтается?

- Ну, во-первых, он не знает, почему Семенов заинтересовал Прокушева. А, во-вторых, Журков привык исполнять приказы. Ты имел случай убедиться в этом. Я приказал ему молчать об этом эпизоде.

- А если Прокушев успел доложить?

- Не успел, я проверил. Он был опытным карьеристом. Понимал, что это его коронный шанс. И хотел собрать железные аргументы. Одного свидетельства Журкова было мало. А показания нескольких человек – это уже очень серьезно!

- А Москва тебя не накажет за самоуправство?

- У меня широкие полномочия, Паша. Я представил дело так, что Прокушев по собственной инициативе стал выяснять личность нашего гостя. Вместо того, чтобы обеспечить негласность его визита, стал демонстрировать его, как заморскую диковину! Он зашел слишком далеко и превысил данные ему указания. Я счел необходимым устранить угрозу тайне пребывания у нас руководителя Моссада.

- И что Москва?

- Там сейчас есть люди с железным характером. Мои действия одобрены.

- А как отнесся к этому Семенов?

- К чему?

- К устранению Прокушева?

- А откуда он знает, что это его как-то касается?

- Понятно, - Леднев помолчал. - Я все-таки спрошу. Можно с ним встретиться?

- Я должен получить его согласие.

* * *

Встреча была радостной. После первых объятий и приветствий расселись кто где в просторном гостиничном номере.

- Как давно я Вас не видел, Павел Анатольевич! - сказал Семенов. - Столько лет минуло.

- Скажи, а ты ждал связи?

- Первое время ждал. Хотя скучать не пришлось, мы попали в самое пекло. Не успели принять Декларацию об образовании Израиля, как тут же пришлось воевать с пятью государствами - Сирией, Египтом, Ираком, Иорданией и Ливаном. Добавьте сюда Ливию и Южный Йемен, которые тоже объявили нас врагами. Причем наши противники получали оружие и советников от ряда западных стран, а мы на первых порах воевали почти музейными экспонатами. Я сразу вспомнил начало Великой Отечественной, когда чуть ли не с берданками пришлось стоять против вооруженных автоматами немцев.

- Да, несладко вам пришлось...

- Чего вспоминать... А когда расстреляли Берию и Вас арестовали, ждать перестал. Знал, что могут придти, но сотрудничать с советской разведкой уже не желал. Не знаю, как бы дело обернулось, но, слава Богу, никто не появился!

- Я перед арестом уничтожил твоё досье, а архив мы с Наумом еще раньше почистили. Так что не беспокойся, твоя тайна умрет вместе с нами. Мы секреты хранить умеем.

- А я и не боюсь, - спокойно ответил Семенов. - У нас много людей с интересным прошлым. Одни от Гитлера пострадали, другие от Сталина. Кто у англичан служил, кто у французов, кто у русских. Мы принимаем это как данность. Главное, как человек работает на нас, а старые связи бывают иногда полезны в нашей профессии. Даже если моя история выплывет наружу, мне не в чем себя упрекнуть. Я честно служил Израилю и ничем себя не запятнал.

- Скажи, - немного помолчав, спросил Леднев, - если можешь, конечно, что стало с Марком Гарбузом и Львом Колесниковым? Живы?

- О судьбе Марка я ничего не знаю с пятидесятых годов. Он решил отойти от наших дел. Это его выбор, я не осуждаю. А Лев жив, - улыбнулся Семенов.

- Мы не имеем права тебя ни о чем расспрашивать, - сказал Леднев. - Но раз улыбаешься, дела у него идут неплохо?

- Много я Вам, конечно, не могу сказать, но похвастаться хочется, - рассмеялся Семенов. - Помните эту нашумевшую историю с ракетными катерами?

- Это когда вы неожиданно для всех украли их у Франции в 1969 году? - вмешался Наум.

- Ну, во-первых, не украли. Израиль их вполне легально заказал в Шербуре, полностью и в срок оплатил заказ. А когда катера были готовы, арабы заявили протест де Голлю. Он не захотел с ними ссориться и ввел эмбарго. А, во-вторых, неожиданность - основа успеха в таких операциях. Сами же нас учили!

- Научили на свою голову, - добродушно проворчал Наум.

- Погоди ворчать. Пусть человек закончит, - поднял руку Леднев.

- Да я почти закончил, - еще раз улыбнулся Семенов. - Доставкой последних пяти катеров командовал Лев.

- Прав, Наум, - покачал головой Леднев. - Мы учили Вас, как чужие секреты да нужных людей доставать, но чтобы увести под носом у всего мира целую флотилию - это форменная наглость!

- Что ж, достойные ученики всегда перерастают учителей, - философски сказал Наум. - А катера во время перегона так и не обнаружили? Они что, от Ла-Манша до Хайфы дошли незамеченными, как призраки?

- Если бы! - воскликнул Семенов. - Их засекли возле Гибралтара. Но у Франции не было кораблей, способных их перехватить. Это попробовали сделать египтяне, направив навстречу им подводную лодку. Но мы тоже выслали свои боевые корабли.

- Зачем? - удивился Наум. - Пять ракетных катеров не справятся с одной подводной лодкой?

- Катера-то были без вооружения. Поэтому трепали нам нервы все кому не лень! Самолеты всех стран НАТО отметились. Авианосец 6-го флота США счел необходимым провести фотосъемку. А русские? Лев рассказывал, что возле Кипра один советский корабль чуть ли не на таран пошел. Но у Льва нервы ока-

зались железные, не стал сворачивать. Тот еле увернулся. Обменялись матюгами и разошлись! Ну, а вблизи наших берегов мы их прикрыли с воздуха истребителями.

- Что творят?! – притворно ужаснулся Наум. – И это наши с тобой ученики, Паша!

- Ладно тебе, - довольно усмехнулся Леднев. – Илья, ты нас, стариков, останавливай, если что не то будем спрашивать.

- Знаете, - произнес Наум, - а я ведь тоже в пятидесятые годы потерял всякую связь с моим агентом в Южной Америке - с Симоной. Она тогда нашла подходы к Эйхману, хорошая операция намечалась. А тут меня в камеру бросили на десять лет. Пока сидел, твои коллеги, Илья, немца выкрали. Да Бог с ним, с немцем! Что с Симоной стало, не знаю...

- Я ведь не сразу в разведку попал, - медленно заговорил Семенов. – Вы как в воду глядели, Павел Анатольевич, когда говорили, что мы придем не на пустое место. Разведка у израильтян уже была. Не такая серьезная, как сейчас, но была. И они очень тщательно отбирали туда сотрудников. Мне, правда, удалось устроиться в полицию, хорошо работал, стал старшим офицером. И, честно говоря, не о чем другом уже и не помышлял. Поэтому когда в начале 1958-го года меня пригласили на беседу к руководителю Моссада, то я подумал, что всплыли мои связи с советской разведкой. К моему удивлению, им потребовался мой полицейский опыт. Оказывается, из официальных немецких источников была получена информация, что Адольф Эйхман скрывается в Аргентине. За ним установили слежку, но, видимо, что-то почуяв, он затаился. Словом, нужен был сыщик. Вот мне и предложили этим заняться.

- Значит это твоя работа? – удивился Наум.

- Красивая операция, - похвалил Леднев.

- Не спешите, - прервал их Семенов. – Первым человеком, которого я встретил в Аргентине, была Симона. Я ее никак не ожидал там встретить. Да и она не думала, что израильтянин Эфраим Элром окажется Ильей Семеновым

* * *

Начальник Моссада Исер Харел инструктировал Эфраима Элрома:

- Адольф Эйхман лично руководил мероприятиями по уничтожению евреев в Европе. Только в марте 1944 года он отправил в Освенцим 437 тысяч венгерских евреев. Этот человек должен предстать перед нашим судом!

- Я с Вами согласен.

- Я получил информацию из Германии от прокурора земли Гессен господина Бауэра. Ему написала письмо одна аргентинка. Она утверждала, что Эйхман проживает в Буэнос-Айресе, улица Чакабуко дом 4261. Мы установили за этим домом наблюдение, но слежку, видимо, обнаружили. Эйхман исчез.

- В чем заключается моя задача?

- Найти Адольфа Эйхмана! Он не мог уехать из города, тем более из Аргентины. Он просто лег на дно. Я на Вас надеюсь.

- С чего же начать?

- С самого начала. Встретьтесь с этой аргентинкой в Буэнос-Айресе. Можете открыто признаться ей о цели своей миссии. Кроме того, Вам дадут связь с нашими людьми. Они Вам окажут всемерную поддержку. Вопросы есть?

- Нет. Наверно, они появятся на месте.

* * *

Прибыв в Буэнос-Айрес, Семенов отправился на встречу по адресу, данному ему в Тель-Авиве. Дверь ему открыла молодая женщина, увидев которую, он не смог сдержать вопроса:

- Симона?

- Илья? – она была одновременно поражена и напугана. – Проходи.

Они расположились за столом напротив друг друга.

- Кому-то надо начать разговор, - решительно сказала Симона. – Я не ожидала тебя увидеть. Хотя думала, что кто-то от вас может придти. Я не желаю с вами работать!

- Почему? – спросил Семенов, пытаясь понять, о чем идет речь.

- Я не желаю иметь ничего общего с советской разведкой! – твердо произнесла Симона. – Я не верю и никогда не поверю, что Павел Леднев и Наум Леонидов были врагами народа. И в предательство Берии я тоже не верю.

- Понятно, - произнес Семенов. – И я не верю. И я не желаю иметь и не имею ничего общего с советской разведкой. Я работаю на Моссад. Это они дали мне твой адрес.

- Ты – израильский шпион? – искренне удивилась Симона.

- Шпион – это громко сказано, - отмахнулся Илья. – Я воевал с оружием в руках за Израиль. Это моя страна. Теперь я служу в полиции. Также защищаю мою страну. Видимо, неплохо это делаю, поэтому меня и привлекли к этому делу. Потребовались мои полицейские, а не шпионские навыки. Поверь, я тебя не осуждаю. Я сам в такой же ситуации, как и ты. Раз такие, как мы, не нужны прежней родине, я буду честно служить новой. Работаем вместе?

- Вместе, - положила ему ладонь на руку Симона.

- Тогда для начала расскажи мне все, что ты знаешь о пребывании Эйхмана в Аргентине.
- К Эйхману меня подвел Наум. У него были рекомендации от кого-то из крупных испанских фашистов. Но Эйхман ведет себя очень осторожно. Тщательно готовит и оговаривает каждую новую встречу. Потребовалось много времени, прежде чем я точно установила его адрес. А тут арестовали Наума! Сволочи! – не сдержалась Симона.

- Сволочи, - согласился Илья. – Продолжай.

- А что продолжать? Оказалось, что Эйхман никому не нужен! Или мне никто не поверил. Кому я только не писала – в конгресс США, премьер-министру Англии, де Голлю, всем прокурорам германских земель. Никакого ответа!

- А как же информация попала в Моссад? Мне сказали, что им о твоём письме сообщил как раз один из немецких прокуроров?

- Думаю, все получилось просто и случайно. Видимо, Израиль делал какой-нибудь запрос о нацистских преступниках. Ему вежливо отказали, но, чтобы не ударить лицом в грязь, заодно проинформировали о моем письме. Дескать, пусть Моссад повозится с этой сумасшедшей!

- Что было дальше?

- Приехали ваши ребята и с ходу установили наблюдение за домом Эйхмана. А он, как я уже говорила, человек осторожный. И спрятался где-то в другом месте.

- Знаешь, Симона, если бы передо мной сидела не ты, а другая женщина, я бы собрал чемодан и поехал назад в Израиль. Но тебя я хорошо знаю. Я тебе верю. Мы найдем Эйхмана.

* * *

- Павел Анатольевич! Интервью с Вами вызвало много откликов! Читатели столько всяких версий и слухов о судьбе бывших главарей рейха прислали – хватит на целую книжку. Я Вам так благодарен, - глаза Морошина сияли от радости.

- Что ж, я рад, что сумел быть чем-то Вам полезным, Сергей. Долг платежом красен. Вы мне помогли, я Вам, - улыбнулся Леднев.

- Правда, некоторые читатели пишут, что у советской разведки есть не только несомненные заслуги. На ней лежит и огромная вина за сегодняшнюю обстановку в мире, - осторожно сказал Сергей.

- В каком смысле?

- Например, говорят, что это мы подготовили террористов, которые сейчас наводнили весь мир.

- Частично они правы, - спокойно ответил Леднев. – Россия с ее революционной историей имеет богатый багаж террористического опыта. И мы щедро им делились в свое время. Можно согласиться, что джин выпущен из бутылки. Но тенденции развития терроризма иные, чем пишут в газетах.

- То есть?

- Ну, например, журналисты преподносят «пояса шахидов» как новейшее изобретение мусульманских террористов. Это не так. Еще в 1919 году небезызвестный Камо – его настоящее имя Семен Аршакович Тер-Петросян – готовил по заданию Ленина особый отряд для взрывов в тылу противника. Сейчас бы сказали – диверсантов или террористов. Он так инструктировал своих людей: «Привяжу тебе к животу бомбу, пойдешь в штаб врага и взорвешься с ней!» Похоже?

- Как две капли воды! – воскликнул Морошин. – И они шли на эту неминуемую смерть?

- Сейчас это часто называют фанатизмом. В наше время это называлось «непоколебимая вера в идеалы революции».

- Да... - развел руками журналист. - То есть шахиды стоят как бы на первой ступени терроризма.

- Правильно. Диверсии требуют квалифицированных кадров. На первых порах ими можно разбрасываться. Но схема «один диверсант – один взрыв» малоэффективна. Лучше, когда один человек способен совершить серию акций. И опыта наберется для более сложных операций, и отдача выше от одного профессионала. Все, как в экономике.

- Вы так просто рассуждаете о человеческих жизнях! – укоризненно воскликнул Морошин.

- У меня такая профессия. Впрочем, мы уклонились от темы беседы. Второй шаг в развитии диверсий – это рассылка писем или посылок с сюрпризами. Кто-то вкладывает в них бомбы, кто-то отравляющие вещества, а кто-то и бактерии смертельных заболеваний. При этом сами диверсанты не подвергают себя смертельному риску. По-моему, это Вам тоже очень знакомо?

- Да, примеров – хоть отбавляй! И что дальше?

- Прежде, чем ответить, я расскажу Вам, Сергей, реальную историю. После войны многие нацисты укрылись на Ближнем Востоке, в частности в Египте. Например, некто доктор Эйзеле, известный своими преступными экспериментами с нервно-паралитическим газом над заключенными концлагерей Дахау и Равенсбрюк, помогал египтянам создавать биологическое оружие. А небезызвестный Вам авиаконструктор Вилли Мессершмитт и ведущий конструктор фирмы «Юнкерс» Александер Бранднер разрабатывали сверхзвуковые самолеты. Немцы работали и над ракетным оружием. Там были Эугер Саэнгер, который еще в 1935 году создал первую немецкую экспериментальную ракету, Вольфганг Пильц, работавший над «Фау». Кроме того, много германских специалистов легально отправилось туда на заработки. Естественно, вся эта военная мощь, которую предполагалось создать, была в то время направлена против Израиля. Евреям это не понравилось, и против немецких военных специалистов была развернута компания террора. Причем методы

были разные. Кто-то бесследно пропал. Кому-то направили посылки со взрывчаткой. Были и вооруженные покушения на немцев. Но не они сыграли главную роль в прекращении деятельности бывших нацистов в Египте.

- А что?

- Информация, - веско сказал Леднев. – Именно информация. Израильтяне организовали широкую кампанию в мировой прессе, рассказывая о деятельности бывших нацистов в Египте и об угрозе, которую они несли народу Израиля. Они сформировали общественное мнение. Немцы в Египте были представлены в глазах обывателей «слугами дьявола». И правительство ФРГ под давлением именно общественного мнения издало закон, запрещающий своим гражданам работать на ракетных и военных заводах Египта. Постепенно все немецкие специалисты вернулись на родину.

- Удивительно!

- Ничего удивительного, - махнул рукой Леднев. – Правда, израильтяне несколько сгустили краски. Немцам, работавшим в Египте, не удалось создать надежную систему наведения ракет. А без этого ракета как оружие бесполезна и опасна. Да и Мессершмитт на старости лет подкачал. Так что программа вооружений провалилась.

- Значит, против террористов можно бороться словом? Так надо понимать? – обескуражено спросил Морошин.

- Нет! Боевик с автоматом вряд ли прислушается к Вашим словам, Сергей, - терпеливо стал разъяснять Леднев. – И потом мы говорим с Вами о видоизменении подхода к диверсионным операциям. Образно говоря, мы рассматриваем, как эволюционируют боевики, а не методы борьбы с ними. Вы в детстве смотрели советские фильмы про разведчиков?

- Конечно!

- А никогда не задавались вопросом, почему наша разведка не захватила в плен или не убила Гитлера?

- Сколько раз! Вроде бы так просто: убили Гитлера и победили, - сказал Морошин.

- Есть такая точка зрения. А действительность, к сожалению, была прямо противоположной. Мы могли победить фашизм, только пока его лидером был Адольф Гитлер!

- Вот это Вы сказали! – удивленно посмотрел на Леднева журналист.

- Это правда, Сергей. Гитлер в глазах всей мировой общественности был извергом, исчадием ада, с которым ни один уважающий себя политический деятель не сел бы за стол переговоров. Потому что на этом политическая карьера любого человека закончилась бы. Иное дело, если бы какие-то силы устранили Гитлера с политической арены. И не важно, кто бы пришел ему на смену – Борман, Гиммлер или кто-то другой, - здесь появлялась возможность для переговоров с немцами. Общественности бы сказали, что новый лидер будет придерживаться нового курса, более человеческого и демократичного.

- Разве это плохо?

- Смотря для кого! В то время это означало, что Запад спокойно бы пошел на сепаратные переговоры с немцами, мы бы потеряли союзников в войне и бились бы с немцами до последнего издыхания в одиночку.

- Понятно, - протянул Морошин.

- Ничего Вам не понятно, - отрезал Леднев. – Чтобы было понятно, знайте – Сталин запретил разрабатывать и осуществлять любые акции по устранению Гитлера. Более того, когда появились слухи, что немецкие генералы хотят отстранить Гитлера от власти и поставить во главе государства фон Папена, мы организовали на него покушение. Правда, неудачное.

- Значит, от вооруженных методов диверсанты постепенно переходят к информационной войне? – сделал вывод Морошин.

- Правильно, Сергей. И под войной надо понимать не только какие-то акции в прессе или вброс компромата. Побеждает тот, кто знает о противнике и его планах все или почти все. Потому что тогда можно просчитывать будущие действия врага и находить противодействие. Именно поэтому тихая война знаний гораздо эффективнее громких и кровавых террористических акций. Хотя без них иногда не обойтись.

- Вы практически прочитали мне лекцию по основам терроризма! Павел, Анатольевич, можно я из всего этого сделаю статью?

- Валяйте, - благодушно сказал Леднев.

* * *

Исер Харел вылетел в Аргентину в мае 1960 года для проведения завершающего этапа операции.

- Нам нельзя ошибиться, - этими словами он начал встречу со своими сотрудниками. – Мы должны быть уверены на сто процентов, что этот человек и есть Адольф Эйхман. Кто начнет?

- Разрешите? – Семенов решил изложить свою часть работы первым. – Я считаю, что мы установили Адольфа Эйхмана. Он проживает в доме по улице Гарибальди под видом разорившегося владельца прачечной Рикардо Клемента. К сожалению, мы не располагаем фотографиями Эйхмана военного времени. Но все физические данные, привычки, тембр голоса Клемента полностью идентичны показателям Эйхмана.

- Вы как следователь уверены в своих словах? – спросил Харел.

- Да. Последним доказательством стало то, что двадцать первого марта в доме Клемента шумно справляли какое-то торжество. Согласно имеющемуся досье, в этот день Эйхманы должны праздновать серебряную свадьбу.

- Ясно. Дани, как у тебя дела?

- Все готово, - спокойно сказал Шалом Дани. - Паспорта для всех членов нашей группы и Эйхмана готовы.

- Итак, мы вступили в завершающую стадию. Группу захвата составят двенадцать человек. Остальные – группа поддержки. Эйхмана будем вывозить самолетом нашей компании «Эл Ал». Со дня на день сюда прилетит официальная делегация Израиля на празднование 150-летия независимости Аргентины. Возглавляет делегацию наш представитель в ООН Аба Эбан. Он ничего не знает о наших планах. Вылет в Израиль назначен на двадцатое мая.

- А когда будем брать Эйхмана?

- Завтра, одиннадцатого мая. Клемент вечером около 19.40 возвращается автобусом домой. Вблизи остановки забарахлят моторы у двух наших машин. Когда появится объект, ослепите его фарами и, не дав опомниться и позвать на помощь, втолкнете в машину. Привезете его на эту конспиративную квартиру.

- Почему мы берем его так рано? – забеспокоился Семенов. – До отлета целых девять дней!

- За эти дни мы должны твердо установить прежде всего для себя, что этот человек – Адольф Эйхман. Если будут сомнения, мы его отпускаем. Мы должны подробно допросить Клемента и здесь убедиться, что взяли того, кого надо!

- А если семья Эйхмана заявит о его пропаже в полицию? – не унимался Семенов.

- Вряд ли они свяжутся с полицией. Тогда им надо будет раскрыть подлинное имя пропавшего. А его нацистские друзья тоже в драку не полезут. Им надо сидеть тихо и не высовываться. Думаю, что с этой стороны мы себя обезопасили.

- А если все-таки что-то просочится в полицию или газеты? – поинтересовался Шалом. – Я просто хочу знать наши действия на самый крайний случай.

- Если это случится, Эйхман будет немедленно казнен, - жестко ответил Харел.

* * *

- В принципе, все прошло по плану, - рассказывал Семенов. – Правда, Эйхман задержался. Мы пропустили три автобуса. Но дождались четвертого!

- А как прошел допрос? – спросил Леднев.

- Ничего сложного. Он сам подробно отвечал на наши вопросы. Хотя мог бы запереться и все бы пошло к черту. Мы думали найти у него татуировку номера СС на теле, а там оказался только небольшой шрам. Он избавился от татуировки! Мне кажется, он страшно боялся, что мы казним его на месте, поэтому рассказывал нам все и не сопротивлялся, когда мы его вывозили из страны.

- И никто не попытался вам помешать? – поинтересовался Наум.

- Когда самолет уже вырубивал на взлетную полосу, из терминала выскочила группа людей в форме и побежала к нашему самолету. Кто такие, не знаю. Но мы уже взлетали и быстро набрали высоту.

- Остальное мы знаем. Эйхмана судили и повесили. А ты, стало быть, после этого остался в Моссад? – утвердительно произнес Леднев.

- Да. И не только я. Если хотите, передам от Вас привет Симоне. Она – моя жена.

- Наши поздравления, хотя и очень запоздалые, - искренне обрадовался Наум. – Завтра в Москву?

- Да. Хочу там задержаться на день. Как вы думаете, мне покажут могилу Рамона Меркадера?

- А почему нет? – пожал плечами Леднев. – Слава Богу, она доступна для всех. Он умер в 1978 году на Кубе. Тело тайно доставили в Москву и похоронили на Кунцевском кладбище. Герой Советского Союза Рамон Иванович Лопес.

- У него не было детей?

- В 1963 году они с женой усыновили двоих детей его друга, участника гражданской войны в Испании. Мать детей умерла при родах дочки. А отец погиб, выполняя наше задание. Мальчика зовут Артур, девочку Лаура.

- Да, - вздохнул Семенов, - так заканчиваются легенды.

- Твоя еще в самом начале, - подбодрил его Наум.

* * *

- Ну, Паша, Семенов вчера благополучно прибыл в Москву. Мои ребята его проводили. Пора и мне честь знать.

- А какие перспективы у дела Прокушева? – поинтересовался Леднев.

- Никаких, - просто ответил Наум. – С гибелью Иловайского все нити у следствия практически оборваны. Правда, нет худа без добра. Милиция прошерстила всех местных наркодельцов. Кого припугнула, кого взяла в оборот. Так что на этом фронте здесь долго будет относительное затишье.

- А чего пресс-служба ФСБ молчит?

- А чего зря болтать! О Прокушеве все уже почти забыли. Дело спустят на тормозах, а потом сдадут в архив.

- Это хорошо. Нас учили не оставлять после себя следов. Мы заварили эту кашу с Прокушевым и Валленбергом, мы ее и расхлебали.

- А что ты доложишь Владимирову? Он же хотел узнать о судьбе Валленберга и его деньгах?

- А я привезу ему папочку из архива местного Управления ФСБ. Из нее ничего не понятно, но можно полагать, что судьба Рауля Валленберга оборвалась где-то в Коми. С одной стороны, сделаю вид, что старался, как мог. С другой стороны, увезу эту папку отсюда от греха подальше. Нет документов – останется только миф. В него, конечно, можно верить, а доказать нельзя.

- А судьба нацистских денег? Он же будет дальше копать!

- Наум, Владимиров - неглупый человек. Да и я помогу ему пораскинуть мозгами. Конечно, сразу после войны мы бросились искать недобитых фрицев с их деньгами по всему свету. И многих нашли. И деньги кое-где обнаружили. Но в это время в мире резко изменилась обстановка. Наши союзники стали нашими смертельными врагами. На первое место встал вопрос усиления разведывательной работы во всех регионах мира, создания резидентур, привлечения новых агентов. Поэтому выгоднее было не изымать нацистские деньги из разных стран, банков и предприятий, а пристроить к ним наших людей. Во многих случаях это удалось. Так что деньги Гитлера или, если хочешь, деньги Валленберга давно и успешно работают на нашу разведку. А значит, и на нашу страну.

- А эта история, которую ты так ловко подал журналисту? Про продажу наших евреев? – смеясь, спросил Наум.

- Забудь, - дружески посоветовал ему Леднев. – Об этом уже все забыли, кроме тебя. Мало ли каких историй мы с тобой не сочиняли за эти годы! Мой журналист уже увлеченно печатает воспоминания «особо секретного советского разведчика» и думать забыл о евреях.

- Ты прав, - сказал Наум, крепко пожимая руку Ледневу. – Прощай! Надеюсь, еще увидимся.

- Увидимся! – уверенно ответил Леднев. – Хотя...

- ...без нас спокойнее на свете? – со смехом продолжил Наум.

- Именно, - подтвердил Леднев.

* * *

- Павел Анатольевич, - Морошин находился в состоянии радостного возбуждения, - мои последние статьи с Вашими воспоминаниями вызвали целый всплеск читательской активности. Мы столько писем не получали никогда! Давайте я Вас еще немного помучаю вопросами?

- О разведке? – улыбнулся Леднев. – Но учтите, Сергей, что я многого могу не знать. А многого не имею права рассказывать. В остальном – пожалуйста, я весь к Вашим услугам.

- Спасибо! – журналист собрался с мыслями. – А какими качествами должен обладать разведчик? Раньше всегда говорили – преданность идеалам коммунизма и Советской Родине. Сейчас ни коммунизм, ни всё «советское» не в почете...

- А зря! Такие качества как смелость, решительность, честность, способность к самопожертвованию, патриотизм не помешают никогда! – горячо начал Леднев. Но, заставив себя успокоиться, продолжил. – Конечно, приходится обманывать и лгать. Если кто-то думает, что в разведке можно обойтись без этого – пусть ищет себе другую работу! Более того, многое, что считается обычным в разведке, в обыденной жизни является противозаконным. Приходится вскрывать чужие письма, подслушивать телефонные разговоры, искать компромат, принуждать, шантажировать. Если разведчик работает за рубежом, то ему приходится склонять людей к нарушению закона по отношению к их собственной стране. А в исключительных случаях, никуда не денешься, надо организовывать и осуществлять террористические акты и политические убийства. Разведка или шпионаж, называйте, как хотите, - печальная необходимость современности.

- Я как-то не ожидал услышать от Вас такую характеристику разведки!

- Сергей, разведка, как любое другое человеческое учреждение, действует согласно неких правил. Нынешние цели разведки я Вам не буду формулировать, но в мое время в «Положении о задачах разведывательно-диверсионных операций» о них говорилось совершенно определенно. Я помню наизусть: «служба осуществляет наблюдение и подвод агентуры к отдельным лицам, ведущим вражескую работу, пресечение которой в нужных случаях и по специальному разрешению правительства может производиться особыми способами: путем компрометации, секретного изъятия, физического воздействия или устранения»!

- Вы – страшные люди! – констатировал Морошин. – Впрочем, я думаю, Вы правы – без таких, как Вы, пока не обойтись... А правда, что Берия был агентом белогвардейцев и англичан?

- Ну, это уже не модные обвинения, Сергей! В приговоре по «делу Берии» говорилось, что эти разведки внедрили его в Бакинскую большевистскую организацию в 1919 году. Однако я больше верю Серго Орджоникидзе. Он дал письменные показания в Комиссии партийного контроля, что Берия был послан компартией в организацию азербайджанских националистов, чтобы проникнуть в их спецслужбу.

- Хорошо. Читатели еще спрашивают о Зорге. Почему ему не поверили, когда он сообщил о дате начала войны?

- Понимаете, Сергей, история Зорге освещена в печати очень однобоко. Она показана, так сказать, с героической стороны. Но, как я уже говорил, разведка действует по правилам, которые не известны широкому кругу людей. Именно эти правила и привели к такому исходу операции.

- Что же это за правила? Или это секрет?

- Думаю, уже нет, - усмехнулся Леднев. – Понимаете, Зорге получил от нас санкцию на сотрудничество с немецкой военной разведкой в Японии. Разрешение-то получил, но такого рода двойным агентам традиционно не доверяют и их данные перепроверяют во всех спецслужбах. Таковы жесткие правила нашей игры! – Леднев развел руками. – Именно поэтому, а не по недомыслию Сталина Зорге не пользовался полным доверием как источник информации.

- Жаль! – искренне огорчился Сергей.

- Жаль, - подтвердил Леднев. – Но, помимо Зорге, на нас работали и другие агенты, пользовавшиеся абсолютным, насколько это возможно, нашим доверием. Один из них был советником японского посольства в Москве, а другой - начальником жандармерии Квантунской армии. Об этих людях Вашим читателям ничего не известно, не правда ли?

- А почему не предпринимались попытки спасти Зорге? – Морошин пропустил мимо ушей вопрос Леднева.

- Например?

- Например, обменять его, как Абеля на Пауэрса?

- Понятно. Конечно, практика обмена в то время была невелика. Вам эти имена ничего не скажут, и, тем не менее, поляки в 1930 году отдали нам нашего нелегала Федичкина, американцы в 1941 году – резидента НКВД в Нью-Йорке Овакимяна. Это не было сделано в отношении Зорге по одной причине. Он нарушил главную установку советской разведки: никогда не признавать шпионажа в любой форме в пользу Советского Союза. Поэтому вопрос об обмене не ставился.

- А как же Абель? Его ведь судили как советского шпиона, - спросил Морошин.

- Судить-то судили. А доказать не смогли! Там было прямое предательство агента, находившегося на связи с Абелем. И спецоборудование, которое американцы захватили в момент ареста. Но сам Абель не признал ни своего советского гражданства, ни работу на нас. Вы знаете, в чем его официально обвинили?

- Нет.

- Первоначально – в шпионаже. Это было очень серьезно. Как раз тогда конгресс США вынес решение, что шпионаж даже в мирное время должен караться смертной казнью. Фактически же суд доказал только одну вину Абеля: пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте. По закону наказание за это – пять лет лишения свободы. А он получил тридцать! Вот Вам и хваленая демократия! Это был политический процесс.

- Какой-то сумасшедший срок! Как в наше не такое уж и далекое время.

- Чтобы Вы не очень удивлялись, хочу напомнить, что другой наш разведчик, работавший в Англии, Джордж Блейк получил сорок два года тюрьмы! И Гордон Лонсдейл в Англии получил 25 лет тюрьмы. Так что жизнь агентов может оказаться очень несладкой.

- Да... А все-таки как обменяли Абеля?

- Да почти так, как показано в фильме «Мертвый сезон», - улыбнулся Леднев. – Правда мост был побольше. Инициатива исходила от американцев, они хотели получить назад пилота Фрэнсиса Пауэрса. А мы до последнего публично делали вид, что Абель не наш человек. Была создана легенда, что его жена в то время якобы проживала в Восточной Германии, и СССР просто пошел навстречу ее просьбам. Конечно, все понимали, что это шито белыми нитками. Но разведка – это всегда игра. В данном случае эта версия устроила обе стороны, и обмен состоялся. Правда, не Абеля на Пауэрса.

- Как это? – опешил Морошин.

- А так! – Леднев наслаждался его удивлением. – Фактически мы отдали троих за одного нашего. Даже пятерых! 25 января 1961 года были освобождены два американских пилота, сбитых за полгода до этого в разведывательном полете над Баренцевым морем. Это был как бы наш первый шаг, приглашение к переговорам. А 10 февраля 1962 года вместе с Пауэрсом был освобожден еще американец Фредерик Прайор, обвиненный в шпионаже против Восточной Германии. Кроме того, фактически в рамках договоренности об этом обмене 11 октября 1963 года был выпущен на свободу американский студент Марвин Макинен, приговоренный к восьми годам тюрьмы за фотографирование наших военных объектов. – Леднев немного помолчал и усмехнулся: - В отличие от фильма, Пауэрс и Абель даже не взглянули друг на друга на мосту.

- Фильм, наверно, во многом, отличался от реальной жизни Абеля?

- Конечно! Там рассказывается только об одном, пусть и героическом, эпизоде его биографии. Но Рудольф Абель, точнее Вильям Генрихович Фишер, поступил в органы госбезопасности еще в 1927 году, а в США отправился только в конце 1948-го. Кроме того, он награжден орденом Ленина, тремя орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и медалями. Как Вы, Сергей, догадываетесь, столько наград не дают за одну операцию.

- А что он делал после возвращения в СССР? Передавал опыт молодым разведчикам? – поинтересовался Сергей.

- Надеюсь, Вы говорите это без всякого подвоха, - медленно сказал Леднев.

- Да! А разве я спросил что-то неприличное? – удивился журналист.

- Как Вы думаете, каковы были мотивы, которыми руководствовались американцы, возвращая нам человека, нанесшего им значительный ущерб? Забудем пока про Пауэрса.

- Мне кажется, он уже не представлял опасности для США. Он ведь пять лет уже отсидел. Все данные, если он их хранил в памяти, уже устарели. И потом, его уже нельзя было использовать как нелегала. Так?

- Почти, - одобрил Леднев. – Кроме того, немаловажно было и то, что он наотрез отказался сотрудничать с американскими спецслужбами. А такие предложения ему поступали регулярно. Следовательно, он не мог стать бесценным источником секретной информации для них. Но и это не всё!

- Что же еще? – полюбопытствовал Морошин.

- Горькая правда, - спокойно ответил Леднев. – Как и в случае с Зорге – горькая правда. Разведка не может идти на риск и по-прежнему полностью доверять провалившемуся агенту. Его наградят, он будет щедро делиться опытом, им будут гордиться. Но никогда больше не допустят к совершенно секретным работам, к каким-либо новым операциям. Это тоже одно из правил разведки.

- Неужели нельзя сделать исключение в отношении таких людей?

- Нельзя, - твердо ответил Леднев. – Чтобы Вы, Сергей, почувствовали всю серьезность запрета, скажу Вам еще одно. Абель был не просто доверенным и проверенным человеком в нашей разведке. Он был вне всяких подозрений, потому что его отец Генрих Матвеевич Фишер был членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Того самого, созданного Лениным.

- Н-да, - задумчиво произнес Морошин. – Я думал, что это только у простых людей двойственное отношение к разведчикам – с одной стороны, герои, а с другой стороны, они ведь воруют не только военные секреты, но и экономические разработки. А это чья-то собственность. Оказывается, и внутри разведки тоже все непросто.

- Хотите, я развею еще один Ваш стереотип? - усмехнувшись, спросил Леднев.

- Вам это будет не трудно, - развел руками журналист. – Какой?

- Ну, например... Вы ведь со школьной парты уверены, что поработанные народы Европы ждали нас, как своих спасителей от фашистов, не так ли?

- Да, - несколько растерянно ответил Сергей.

- Чтобы Вы не очень-то доверяли школьным знаниям, хотите узнать самый популярный анекдот 1942-го года в Голландии?

- Давайте, - удивился Морошин.

- Тогда мы предприняли успешное контрнаступление против немцев. И вот в это время на границе Голландии и Германии будто бы был установлен плакат: «Стой, Иван! Здесь начинается Голландия». Это значит, мы могли делать с немцами все, что хотим, но вот в Голландию нас не звали. Это правда. Люди Запада понимали, что наши победы будут иметь решающее значение для исхода всей войны, но никакой любви к русским не испытывали, а, скорее, страх и отвращение к коммунизму.

- Но они ведь тоже боролись с фашистами. В той же Голландии было Сопротивление.

- Было, - подтвердил Леднев. – А что Вы о нем знаете?

- Ничего. В школе об этом не рассказывали.

- Вот именно. Не додумались тогдашние наши идеологи, что не надо было это замалчивать или говорить вскользь. На фоне того же голландского Сопротивления наша партизанская «рельсовая война» или походы Ковпака смотрелись бы еще более значительно и героически. А так – не с чем сравнивать!

- Последний вопрос, - задумчиво спросил Сергей. – А как же семьи и жены разведчиков? Их тоже приходится обманывать?

- Бросьте! Этот вопрос давно решен практически во всех спецслужбах мира. Здесь приветствуются так называемые «служебные» браки. Это позволяет избежать многих проблем, если бы сотрудник женился «на стороне».

- А что, если любовь? – поинтересовался Сергей.

- Ничто человеческое нам не чуждо, - рассмеялся Леднев. – Но приходится выбирать. Наша профессия вполне может предложить такой сюрприз, что придется всю жизнь прожить где-то за границей под чужим именем при ежеминутной опасности разоблачения. Муж и жена должны быть полностью уверены друг в друге. И потом... Именно из таких семей принято получать новые кадры, уже легализованные и полностью адаптированные к той жизни. Так сказать, семейные династии.

- Неужели?

- Я не открыл никакой тайны, - Леднев помолчал и продолжил. – Ведь часто приходится слышать – «детали этой операции еще рано рассекречивать». Задумайтесь, почему?

- Наверно, или сам человек еще работает на этом направлении, или есть родственники и друзья, которые еще живы, - неуверенно предположил Морошин.

- Частично так, - согласился Леднев. – Но, в конце концов, какое нам дело до родственников и друзей? И, учтите, нередко не раскрываются даже операции двадцатых годов. А с тех пор времени-то прошло... Сергей, представьте, что Вы организовали успешное дело или, как говорят на Западе, бизнес. Зачем же его прекращать? Пусть это дело перейдет к сыну, от него – к Вашему внуку и так далее. Разведка – тоже своеобразный бизнес. Тем более, что нередко внедрение разведчика действительно связано с организацией «крыши», то есть легального занятия. Одно дело, когда такой «крышей» является профессия мусорщика. Тут особых вложений не надо – лазай по мусорным бакам и выбирай оттуда, что требуется. Правда, и круг решаемых задач здесь соответствующий. Другое дело, когда человек внедряется в высшие слои общества.

Значит, нужен солидный капитал. Акции, счет в банке, даже фабрика или завод. Или богатое наследство. Поэтому, еще раз повторяю, вкладываются большие деньги, и следует сто раз подумать прежде, чем их бросить.

- И что же, папа в определенный момент жизни говорит сыну: «Ты теперь русский шпион»?

- Не совсем так, - усмехнулся Леднев. – До поры до времени дети ничего не знают и ни о чем не догадываются. Если их и используют, то помимо их воли и желания, так сказать, втемную. Но наступает срок, когда сын должен принять бизнес отца. И тут он узнает, что на самом деле первоначальный капитал имеет определенную историю, которая надежно зафиксирована и в любой момент может быть обнародована. Встает вопрос – лишиться всего этого или продолжать жить, как раньше. Если родители всегда были примером для детей, то выбор происходит безболезненно. Кроме того, от агентов такого уровня не требуется умение стрелять и сыпать яд в чашку. Они поставляют информацию, лоббируют наши интересы, принимают на работу нужных людей и тому подобное. Это уже не простые агенты, а агенты влияния или друзья, называйте, как хотите.

- Друзья? – искренне поразился Морошин.

- Друзья, - подтвердил Леднев. – Этот термин вошел в обиход нашей разведки еще в 1952 году с подачи Сталина. Он тогда при обсуждении проекта постановления ЦК КПСС о Главном разведывательном управлении прямо сказал: «Иметь друзей – высший класс разведки». Так-то!

* * *

Леднев пришел проводить Балабина в аэропорт.

- Знаешь, Паша, - сказал Балабин, - я несколько удивлен, что ты не просишь меня организовать тебе встречу с Седым. Ты потерял интерес к Валленбергу? Это на тебя не похоже.

- Дима, я с твоей помощью точно знаю, что он жив. Поверь, в первые минуты мне очень захотелось его увидеть. Но это чисто человеческое желание было тут же подавлено моим чекистским опытом, - усмехнулся Леднев.

- Почему?

- Слишком я приметный для спецслужб. То, что я на пенсии, ничего не значит. Зафиксируют мой визит к Валленбергу, который сейчас в образе благообразного старичка спокойно проживает в какой-нибудь прибалтийской деревушке, и начнут думать, а чего это главный диверсант страны Советов посетил божьего одуванчика? Чего доброго, сдуют с него ореол тайны!

- Ты прав, Паша.

- И ты, Дима, около него часто-то не светись! Тоже наследил в свое время!

- Ладно. Не учи ученого. Давай прощаться.

- Прощай! И поосторожней там.

- Где там? – не понял Балабин.

- Там, куда ты едешь, - просто ответил Леднев.

* * *

В перерыве заседания международного конгресса, посвященного сотрудничеству стран Баренц-Евроарктического региона, к Яну Мяртовичу подошел человек примерно его возраста.

- Разрешите представиться, - сказал он на довольно сносном русском. – Эрик Эриксон.

- Очень приятно, - пожал ему руку Ян Мяртович. – Я знаю Вашу историю. Вы во время войны были агентом американской разведки. С Вашей помощью была почти разгромлена нефтяная промышленность Германии.

- Я делал то, что считал нужным, - улыбнулся Эриксон. – Конечно, приятно, что моя работа так высоко оценивается. Но у шведов был еще один человек, немало сделавший во время войны. Это Рауль Валленберг.

- Мне знакомо это имя, - спокойно сказал Ян Мяртович.

- Я давно отошел от разведки. Но американцы каждый год приглашают меня в свое посольство на празднование Дня победы над фашизмом. Я буквально несколько дней назад разговаривал с послом США в Швеции. Он сказал мне, что в двадцатом веке только двум людям был присвоен титул почетного гражданина США. Это Уинстон Черчилль и Рауль Валленберг.

- Любопытно, - согласился Ян Мяртович.

- И еще посол сказал, - продолжил Эриксон, - что если бы Рауль Валленберг, какую бы фамилию он ныне не носил, обратился в любое время в любое дипломатическое представительство США в любой точке земного шара, то вопрос о его американском гражданстве занял бы только время, необходимое на оформление паспорта. Фактически он и так уже признан гражданином Америки.

- Спасибо, - так же спокойно произнес Ян Мяртович. – Я учту эту информацию в своей дальнейшей научной работе.

- Всего доброго. Приятно было познакомиться.

- До свидания.

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ

Ромашка первая – о списке любви

Жила-была лошадка. Окрас у неё был пегий. Так её и звали - Пегая лошадка. Лошадка верила в сказки... и не знала, что такое любовь.

Лошадка жила без забот и хлопот. Щипала травку да иногда лузгала семки.

Лошадка жила на опушке, всегда согретой лучами солнца... Исключая, конечно, ночи.

Да, да, да... там не было зимы. Всегда солнышко и тепло. Почему? Потому что там стоял домик волшебника. А он любил солнышко и тепло.

Поэтому он всегда колдовал тепло, и лошадка мило пристроилась к опушке волшебника. Лошадка не мешала волшебнику, поэтому он её не прогонял. А других, кто мешал - прогонял. Потому как он и был добрым волшебником, но не выносил шума и всякого рода гама. Вечерами волшебник выходил на опушку из домика, усталый от своих заклинаний и волшебных порошков и болтал с лошадкой...

Болтать с лошадкой волшебнику помогали те же самые заклинания. А потом он опять забирал у лошадки речь. Но лошадка была не против, ибо ей кроме тепла, травки, семак и сказок не надо было ничего.

Однажды, к волшебнику в гости пришла Сказка. Она принесла с собой много новых сказок. Лошадка очень обрадовалась.

Но Сказка не хотела просто так отдавать свои сказки. Она сказала, что за это, волшебник должен дать ей то, чего она не сможет никогда потерять, но сможет отдать.

Волшебник долго думал.

Дал речь лошадке. Лошадка тоже не смогла ответить на эту загадку ничего.

Сказка и сама не знала, чего хочет. Просто повредничать решила.

Волшебнику-то было все равно, а лошадке нет. Вот лошадка и пошла искать ответ на этот вопрос... Чего никогда нельзя потерять, но можно отдать.

Пошла лошадка... походила по лесу и обратно вернулась.

Лень ей стало что-то искать, и ляпнула она первое, что в голову пришло.

-Вот любовь ей эту непонятную и дай. Пусть отдает, кому хочет.

Волшебник пошел в домик - нашептал какие-то слова, намешал чего-то, на листочке написал компоненты, сжег его, и пепел в настой волшебный бросил. Дал Сказке выпить и получил сказки.

Сказка ушла. А через месяц вернулась... Не могу, говорит, так больше. Забирай её назад. Больно это. И отдаю её, а она все равно со мной...

Волшебник ухмыльнулся только и сказал - рецепт со всеми составляющими я сжег... Восстановишь - сделаю снова отвар, и пройдет всё...

Сказка составила весь перечень чувств, что с ней были с того момента, как она отвар выпила. Пришла обратно, дала волшебнику... Сделал он отвар... выпила Сказка... Не помогло...

-Чего-то не хватает, сказал волшебник...

Сказка дописала еще что-то... и опять не помогло...

И еще... И еще... И еще...

И все никак не помогало ей...

Тогда сказка решила спросить у всех, кого знала, что у них при любви испытывается?

Лошадка не знала, что это и от неё ничего в списке не прибавилось... Волшебник прибавил глупость... Зайка - страх... Каждый добавлял чего-нибудь в этот список... Но даже когда Сказка обошла весь лес со своим вопросом, даже тогда не помог отвар...

А всё почему? А всё потому, что никогда не собрать Сказке ВСЕ чувства любви... А если хоть одного не будет, то и не пройдет любовь у неё... Тогда попросила Сказка у волшебника, чтоб у всех так было... Чтоб все любили... А если кто-то полный список напишет про чувства любви, то у всех этот дар пропал...

С тех пор люди ищут ответ на вопрос, что же есть любовь, ибо иначе от неё не избавиться.

А лошадке было хорошо, потому, как на неё это не распространялось.

Ромашка вторая - про сову

В одном дремучем лесу жила сова. Она была очень умной и красивой... перышки у совы были пушистые и нежные... И сова очень любила их и следила за ними... По всему лесу они слыла самой-самой...

Когда был у кого-нибудь какой-нибудь вопрос, они шли к сове и сова всегда помогала им. Но она не давала ответа на вопросы. Она лишь наводила на размышления и тонко указывала путь, по которому следует идти. При этом зверушки всегда сами находили решения, но помнили, что помогла им сова...

Пришел однажды к сове зайка. У него была одна проблема - его все хотели съесть. Он спросил у совы - что ему делать, что бы выжить?

Сова призадумалась... (надо сказать, она никогда не давала ответ быстро - она всегда ДУМАЛА, прежде чем сказать)

- Зайка, - спросила сова - а почему тебя все хотят съесть?

-Потому что я вкусный - ответил зайка

- А еще?

- Потому что я красивый...- неуверенно ответил зайка.

-А еще?

Тут призадумался зайка. И, правда, почему же хотят съесть его, а не лису или волка. Вот почему они не едят друг дружку? А его в покое оставили бы...

- Почему, сова? почему меня?

- Ты знаешь это...

- Потому что, они не боятся, что я их съем... со мной не надо бороться...

- И что же надо сделать, чтобы изменить ситуацию?

- Надо...! надо...! - запальчиво начинал зайка, но закончить не мог...- а что надо, сова?

- Зайка... ты все знаешь сам... ну?

- Надо дать им отпор!

- Есть ли у тебя еще вопросы?

-Нет! я всё знаю САМ! Спасибо тебе, сова... ты самая умнааааяяя...

Сова мудро улыбнулась и проводила зайку до дверей, а потом пошла чистить перышки. Ибо все в сове должно быть прекрасно - и ум, и перышки.

Иногда так было - приходили к сове зверушки и уходили довольные и просветленные...

Однажды сова сама озадачилась вопросом - куда же подевались все мышки, которыми она так любила лакомиться.

Надо сказать, что сова была хорошей и ела только очень стареньких мышек, либо умерших. Но в один день мышек не стало, что очень озадачило сову. Она задумалась. (как и всегда, перед тем, как дать ответ - даже самой себе)

-Куда же могли деться мышки?

-Они могли уйти...

-Но почему ...? и куда...?

-Могли перевестись старые и умершие мышки... и остались только здоровые и молодые...

-Но не во всем же лесу?

Сова долго перебирала варианты, а потом решила слетать к мышкам и узнать в чем дело. Она прилетела на полянку, где обычно веселились мышки, но сейчас они были грустны...

-Что случилось, мышки?

-Ыыыыыыыыы - испугались и заплакали мышки...

-Ну что же случилось? (надо сказать, что сова была еще и очень терпеливой и спокойной)

-Ты нас съееееееееешь - не унимались мышкены рыдания...

-Почему вас? я же только уже старых и мертвых ем...

- Ааааааааа (плакали мышки).. не осталось больше таких.... все здоровы и молоды и живы...аааааааа

-Хых... (ухнула сова) вот горе-то... ну буду я вегетарианкой... давно уже хотела... напугали-то меня...

И сова улетела домой. Мышки очень удивились. Как же так? Ведь сова всю жизнь их ела. Как же теперь она без мяска?

Мышки стали переживать за сову, принесли ей молоденькую мышку. Уж больно они все любили сову и не могли оставить ту без еды.

А сова только посмеялась над ними и сказала: "В этой жизни нужно уметь сделать так, чтобы тебе было хорошо не от того, что плохо другим". И не стала есть мышку, а отпустила её домой. И у мышки было много-много мышат. И они тоже любили сову. И сова любила их. А в дремучем лесу было согласие и гармония.

Сказка третья - про гномика

Так вот, был этот гномик один-одинешенек на этом свете. Не потому что у него не было, а потому что ему не нужен был никто. Он сам от всех ушел. Не физически. Жил-то он со всеми рядом, но был непреступен как китайская стена. Он говорил "привет" не потому что хотел, а потому что так надо было.

Он смотрел на остальных гномиков - они смеялись, дружили, радовались, огорчались... У них были эмоции, а у нашего гномика их не было. Он их продал. Обменял на спокойствие.

Он даже радовался (насколько мог - ведь и радости у него не было), что ему так спокойно...

-Фи... веселятся... влюбляются... плачут.. зачем все это? ведь так хорошо ничего не чувствовать... - думал гномик.

Но и гномику надо было как-то развлекаться. И он придумал как...

Он решил лишать чувств других людей и находить в этом свою радость. Ибо зависть не ушла с другими чувствами. И он завидовал радости других, но виду, конечно, не подавал.

Первый гномик, которого он лишил чувств стала его мама. Он сказал ей, что не доверяет и не любит её, и что её любовь ему не нужна. Мама обиделась на гномика, но не поверила ему. Тогда он стал повторять это ей каждый день. И, в конце концов, она поверила ему и потеряла свою любовь к сыну.

Гномик обрадовался. Это так просто - убить чувство, решил гномик.

Тогда он решил убить еще и её радость. И затоптал цветник мамы. Надо сказать, что делал он это не от злости (ибо злости у него тоже не было), а от зависти(от неё избавится значаиительно труднее). Мама плакала.

Гномик ушел из дома, поселился один. Ему некому было завидовать, но в один день появилась в его жизни Она.

Сначала он ей не завидовал. Вообще ничего не чувствовал (как всегда). Но прошло время и... Она влюбилась в него.

И сказала ему об этом. Ему было все равно. Чувств-то нету. Но он смотрел на неё и понять не мог - чему она радуется? Почему плачет? Почему танцует просто так и прыгает от счастья при виде его?

Он не понимал, что ей от него надо. И некоторое время пытался ей объяснить, что ничего он не чувствует и лучше бы ей уйти.

Но она не уходила. Тогда он решил, что и у неё отберет любовь и радость.

И стал делать ей больно, говорил только то, что могло причинить ей боль. Опять же не из злости, а от зависти.

Но Она терпела, долго. Она сильно любила.

Но любовь, как цветок, нужно поливать, а иначе он засохнет. И Её любовь стала уходить потихоньку. Она пыталась её удержать, спасти. Она понимала, что гномик хороший. Просто так получилось. Но любовь её не слушала. И однажды ушла насовсем.

А с ней ушла и Она. И гномик опять порадовался (насколько смог), что ему удалось убить чувство.

Только одного не мог знать гномик, что убивать он мог только те чувства, которые испытывали гномики к нему. А другие мог только чуть-чуть подпортить.

И мама его вырастила другой цветник и радовалась ему. И Она полюбила другого и радовалась ему. И только гномик остался один. Со своей завистью.

А потом он понял (ибо ушли только чувства, но не разум), что если иметь это самому, то не придется завидовать никому. И он будет тоже любить, и радовать и все на свете.

Только где ж теперь искать ему эти чувства? Любовь... Радость... Печаль... И даже ненависть (она же тоже нужна)

Он пошел к Ней, попросил ему помочь. Но Она уже не могла ему помочь.. Она любила другого. Но сожаление он почувствовал. А это уже одно чувство! Он пошел к маме и извинился,. сказал, что очень любит её и сожалеет (о первом соврал, о втором - нет)

И мама простила. На то она и мама. И конечно, же она его любит. И гномик почувствовал радость. А это уже второе чувство.

И так потихоньку он возвращал себе все чувства.

Только с любовь не получалось.

Спокойствие ушло от него - ведь какое спокойствие при всей гамме чувств. И только тогда, когда он собрал весь набор, он понял, что любовь - это всё вместе и сразу.

И все вернулось на круги своя и стал гномик самым счастливым гномиком на свете, ибо ждала его впереди счастливая, ответная, долгая любовь.

Ромашка четвертая – о друге для муравья

Муравей решил завести себе собаку. Ну что это такое? У всех приличных муравьев есть друзья, а у него нет. Вот он и подумал, что лучший друг – это собака. Долго он собирался пойти на ее поиски. Все думал, а где она будет жить, чем он будет ее кормить и как познакомит с остальными муравьями? Но, потом махнул на все одной своей лапкой и пополз за собакой. Из его муравейника было далеко идти за собакой. Но муравейка был очень упрямым и даже не спал по ночам, так ему хотелось поскорее добраться до друга. Он ни с кем не разговаривал по дороге, потому что боялся, что его не поймут и высмеют. Поэтому он просто перебирал лапками по земле и пел песенку под нос, чтоб было не скучно. Слов в этой песенке не было, он просто напевал: Тра ля ля, тра ля ля» Иногда вставляя слово «собака» после последнего «ля». Получалось весело, и он смеялся. Он давно привык быть один, и поэтому его не смущало, что он сам смеется над своими шутками.

Через два дня муравей дополз до дороги. «Ууу, какая она большая» –подумал муравейка. На дороге было страшно – все время ездили машины. Но! Цель стоила того, что бы рискнуть. Он смело ринулся на дорогу. Благополучно избежав столкновений с этими громадинами, он продолжил свой путь к другу.

Наконец-то, вот оно место, где можно найти собаку. Каких там только не было: и большие, и маленькие, и белые, и черные, и спящие, и играющие. Муравей долго ходил между ними и выбирал. Он искал

глаза ДРУГА. Он знал, что как только их увидит, то сразу его узнает. Маленький щенок в самом последнем ряду открыл глаза и сонно посмотрел на муравьишку. «Так вот ты какой, мой друг» сказал восторженный муравей и подошел к собачке. Залез на его мокрый носик и погладил его лапкой. А щеночку стало щекотно, он слизнул с носа муравья и съел его.

Ромашка пятая – о Всё Хорошо и Так Себе

Жил -был на свете Всё Хорошо. И было у него все прекрасно, но вот только заболела у него дочь Так Себе.

Позвал Всё Хорошо всех своих советников, мудрецов и врачей - узнать чем дочь больна.

Пришли мудрецы - Семь пядей во лбу, посмотрели, ничего не поняли.

Пришли советники - Крепки задним умом, ничего не поняли.

Пришел врач - Гомеопатия, ничего не понял.

Плохо Так Себе и никто не понимает в чем дело. Решил Всё Хорошо сам посмотреть, что с дочкой.

-Что с тобой, дочь дорогая? - спросил он.

-Я не сплю ночами, папа, сна нет. Украли его у меня - ответила Так Себе.

-Кто?

-Я не знаю. Была ночь. И был сон. А потом пришел ОН и сна не стала.

Приздумался Всё Хорошо. Как же сон вернуть. Ведь без него никак.

Так Себе подурнела, появились мешки под глазами и Всё Хорошо стал опасаться, что не возьмет ее замуж жених нареченный Как Всегда.

Вот тогда и говорит Всё Хорошо:

-Сын мой будущий, Как Всегда, найди сон моей дочери, получишь все мое царство, а я на покой уйду.

А Как Всегда не хотел идти сон искать. Лень ему было и послал он за сном брата младшего Отлично. А брат этот давно любил Так Себе. И пошел. Пошел, зная, что все равно она брату достанется.

Но и брата он любил, и желал им обоим счастья.

Пошел он к Так Себе - узнать, что та помнит еще о НЕМ, о том кто сон украл. Пришел. Сел на стул и слова молвить не может. Просто смотрит на Так Себе и молчит. Любуется.

Тогда так себе спросила:

-Что, Отлично, украли речь твою, да? И нет ее больше? И сна у меня нет. И знаю я где они оба.

А Отлично молчит. И правда не может слова сказать. Взяла его Так Себе за руку и повела в сад. А в саду пруд, в котором луна отражалась.

-Смотри- говорит Так Себе- вот здесь они и есть. Звезды с луной и украли твою речь да мой сон. И всё потому, что указание имели. От ЛЮБВИ. От любви моей. Не хочу я замуж за Как Всегда. Тебя я люблю. А батюшке ведь не скажешь. Договор давний между отцами нашими на нас.

Пригорюнился Отлично. Что же делать? Как решить это дело? Да так, чтоб все довольны остались, чтоб больно не было никому? И решил Отлично, скажу правду, всё как есть. Если любят их отцы да брат, то простят и благословят. Если нет, то он от любви не откажется!

Да вот беда, речь-то украдена! И не вернуть ее пока два сердца одним не станут. И Так Себе спать не будет до тех пор. Не посылать же девушку любимую на такое испытание. Подумал, подумал Отлично и решил. Уж коль скоро они с любимой понимают друг друга, то и родные поймут. И повел он Так Себе домой во дворец к своему отцу Грандиозно. А отец его горячим нравом обладал - чуть что - лишал всякой радости. А как человек на свете без радости? Ни как....

Пришли. Встали перед очами грозного Грандиозно. За руки взялись. Посмотрели в глаза, глазами полными любви и понял все отец. Позвал он Как Всегда. Говорит:

-смотри, брат у брата невесту увел!

Он сказал:

-что ж братец, отдам невесту, но и ты мне отдай кое-что. Отдай мне брат благословение матушки нашей, что тебе удачу во всем приносит, чтоб без бед жить мне коль невесты нет.

А Отлично и не задумался, снял с шеи талисман матери с наговором ее и отдал, да не знал он, что только ему он счастье приносит, и больше никому. А для всех остальных это просто камушек красивый.

И что же? Чем все закончилось? А хорошо все было. так Себе родила Отлично пять детей - одного мальчика- наследника, да четырех девочек - лапочек. Грандиозно с Всё хорошо в шахматы играют, да внуков нянчат, а Как Всегда верил, что талисман ему счастье приносит и был счастлив этим. Женился он на принцессе заморской, да и уехал к ней в графство править. А все советники - Крепки задним умом, мудрецы - Семь пядей во лбу и врач - Гомеопатия просто стали в царстве жить-поживать да радости наживать.

Ромашка шестая – о микропринце и мухе – навознице.

начнем с мааааааленькой девочки, которая жила. А где же она жила. Жила в мааааааленьком-маааааленьком домике. Прямо как у гномиков, только еще меньше.

Прошло некоторое время она выросла кукол и захотелось ей любви. Но самИ понимаете, что трудно найти такого же маааааленького мальчика. Но она была отважная, хоть и мааааленькая. И решила ждать своего принца у окошка.

Проходили разные принцы. Был принц - муравьишка, принц-божья коровка, принц черепахи(большой, зараза). А её принца не было. Тогда она решила пойти к мухе-навознице погадать на гуще, чтоб узнать, когда ж он придет её мааааленький принц.

Муха была злая, потому что у неё все время воняло. Кто ж на её месте был бы доброй? Она не хотела говорить мааааленькой девочке, что принц уже рядом и скоро придет и сказала, что он далеко и ей самой надо за ним идти.

Тогда девочка собрала свои мааааленькие вещички в мааааленький чемоданчик и маааленькими шажками пошла по огромной людской дороге искать своё маааленькое счастье.

Она все время оглядывалась на свой домик, ведь шажки её были маааленькими и она долго еще видела свой домик.

Но там никого не было видно - тихо и спокойной, даже к ночи она могла видеть свой дом и только на утро он скрылся за горизонтом. Девочка тяжело вздохнула и пошла искать ЕГО.

Она шла три дня и три ночи, так сказала ей муха, а потом так устала, что спала три дня и три ночи.

А в это время к её дому подъехал принц. На коне как и полагается. Приехал - а там пусто. И пошел принц к мухе, узнать где его любимая маааленькая девочка.

А муха как увидела принца, так и влюбилась в него. Думает - фиг я ему скажу, где она, сама буду его любить.

Ну так вот, стала она с ним говорить и убеждать, что она и есть его любовь. Даже на гуще ему погадала - разложила. Все так и вышло - она его любовь. Но принц-то знал, что не она и не соглашался с ней.

Да так по-доброму с ней говорил, так ласково, что захотела ему муха добра. Говорит:

- ладно, прЫнц, скажу где твоя лубымая. Только вот ты мне тоже доброе дело сделай - будь всегда счастлив... а как станешь несчастным, так и горе на вас посыпаться всякие.. и утонем мы все в гуще.

А принц-то не дурак, говорит:

- А ежели мне поколотить жену захочется по пьянки, я ж утром несчастный буду, что делать?

Муха призадумалась. И правда, всяко же бывает.

Надо какое - нибуть заклинание найти от этого дела.

Ну принцы тоже с недостатками идут. И придумала.

- ты, -говорит,- как на жену руку захотишь поднять, так сразу серить будешь. И рука не поднимется. И будет всем хорошо. Только ты один в "гуще"...

Принц согласился и пошел за своей маааленькой девочкой. Ехал день (он же на коне) и нашел свою маааленькую девочку спящей.

Поцеловал, туда-сюда, всякая ерунда. Встала она. Поехал принц на коне домой, маааленькая девочка рядом бежит. Приехали и стали жить поживать и добра наживать.

А принц не раз серил.. Дурак он был...

Ромашка седьмая – о том, в чем счастье

Девочка медленно прикрыла дверь в спальню и уселась на кровать. Сегодня мама сказала ей "Не в этом счастье". А в чем же, задумалась девочка? Не в деньгах, говорит бабушка. Не в трамвайном билетике, говорит брат. Не в красивых одежках, говорит папа. Не в большом количестве поклонников, говорит мама. А в чем? В чем же счастье? Ведь есть же оно в чем-то? Она медленно разделась, легла в постель и попыталась уснуть. "Счастье, счастье - крутилось у неё в голове- в чем же ты?"... Так и не уснув, она решила позвонить в справочную службу. "В чем счастье?" - спросила она у девушки на том конце провода. "Этого здесь не написано" - ответили ей.

Нет, так не пойдет. Надо же его найти, этот измеритель счастья. И она пошла искать. Во всех сказках кто-то что-то ищет. В нашей сказке ищется счастье...

Сначала девочка пошла к своей подружке - воспитательнице в доме-интернате для умственно-отсталых детей. "Вот где счастье" - сказала воспитательница. Кормят, поят, убирают за ними, проблем у них нет, забот нет и никаких вопросов и счастье нет.

"Вы счастливы?" - спросила девочка у детей. Но дети не ответили ей, они были заняты игрой. Знают в этом счастье? Девочка хотела быть счастливой и осталась с ними. Два дня она играла, ела и спала. И все. Но этого ей было мало. Она затосковала и поняла, что несчастна. Что ей не хватает чего-то. И она пошла искать счастье дальше. Пришла она к другу своему - строителю. "Счастье - сказал он- это когда приходишь с работы, поешь и спать ложишься. Ну, еще боевик хороший и жена не ругается" Решила девочка попробовать. Пошла с ним на работу, натаскалась тяжестей, устала как черт, пришла, поела, жена не ругается, боевик хороший. А счастья ей нет. Строитель рад сильно, а ей счастья нет... и пошла она дальше. Пошла к стааарому старцу. "Счастье - говорит он - это когда кости не ломит на погоду". Как это подумала девочка.

Это я не проверю никак. Значит не в этом счастье. Ну где же оно?.. в чем же?.. Кто мне это расскажет? - девочка считала шаги и на каждом задавала вопросы...

И тут она наткнулась на парочку малышей.

Мальчик трогательно дергал девочку за косичку и дразнил коровой - он первый раз признавался в любви. И девочка, вся в слезах убежала от него. А он.. он догнал её, обнял как-то очень робко(тоже же в первый раз) и тихонько шепнул - "я ж люблю тебя". Мокрые от слез глазки стали такими счастливыми, солнечные лучи отражались в них и делали взгляд еще прекраснее. А слезки на ресницах стали символом их любви.

"Так вот оно в чем счастье- подумала девочка -чтоб любимый человек улыбался тебе не смотря ни на что. Значит, улыбка и есть - счастье".

И тут она оглянулась назад - улыбались отсталые дети, улыбался строитель, улыбался старик и улыбались малыши. Осталось только улыбнуться ей. Что она и сделала.

Ромашка восьмая – о понимании

Где живет понимание? Далеко? Или рядом с нами? Одно мальчика тоже очень волновал этот вопрос. Его ему очень не хватало. Понимания этого. Из-за того, что мальчик многого и многих не понимал ему жилось очень трудно. Он никак не мог понять, кто и что от него хочет, и никак не мог объяснить другим, что ему надо. Согласитесь, это очень не просто. Мальчик стал плохо спать ночами... впрочем и днями ему тоже не спалось. Он перестал есть. А когда мама пыталась объяснить ему, что так нельзя жить, они только ругались, потому что понимания у них не было. Вообще, у всей его семьи не было понимания. У бабушки и дедушки, у прабабушки и прадедушки, у мамы и папы, у брата и сестры... Ни у кого. От этого они все время ругались и очень страдали. Потому как любовь у них все же была. И они любили друг друга, только не понимали. И в один дождливый день мальчик решил найти это понимание. Потому как не очень-то ему хотелось вот так всю жизнь прожить.

Мальчик, конечно же, не нашел понимания в семье, относительно его желания найти это понимание. Но все равно пошел.

Искал его у всех. У школьной учительницы, но её заботили только оценки мальчика - успеваемость. И она не стала помогать ему искать понимание. Он пошел к хорошему знакомому(друзей без понимания не очень-то много). Но знакомому было не до него - намечался важный матч по футболу и знакомый к нему готовился. Морально. Пошел мальчик дальше. Долго брел он по улицам родного города, пытаясь найти понимание. Встретил он маленького, мокрого, беззащитного котенка. Он жался к стене дома, укрываясь от капель с неба. Мальчик подошел, взял котенка на руки и спрятал в куртку. Котенок довольно заурчал, согревшись. "Маленький, ты, горемычный...Что же ты будешь делать в этом огромном мире?". Мальчику стало жалко котенка и он взял его с собой искать понимание. Дождик без приглашения заходил к мальчику под куртку и весело говорил с мурашками, бегающими по телу. И тепло мальчику было только там, где довольно урчал котенок. Долго ли, коротко ли шел мальчик, только привела дорога его к домику за городом. К тому времени, он изрядно замерз и устал. Поэтому решил не надолго прекратить поиски и зайти в дом - отдохнуть и погреться. В доме жил молодой человек лет двадцати четырех. Он приветливо встретил мальчика и накормил его ужином. За едой молодой человек поинтересовался, что же ищет мальчик.

-Понимание, - ответил мальчик.

Молодой человек усмехнулся:

-А у тебя его нет?

-Нет.

-А зачем оно тебе?

-Я хочу жить с людьми в мире и согласии... А еще хочу, что бы хоть кто-нибудь меня понимал... Мои мысли, желания, стремления... Хочу, с кем-нибудь разделить свои мечты... А меня никто не понимает...

-А может, это ты не понимаешь людей?

-И я их не понимаю. - сказал мальчик.

- Откуда у тебя этот зверек? - сменил тему молодой человек...

-Я подобрал его на улице...

-Почему?

-Мне стало его жааалко...

-Почему же? - с улыбкой спросил молодой человек.

-Потому что... потому что ему было холодно и страшно одному...

-А откуда ты это узнал?

-Мы были с ним в одном месте, в одно время... И я понимал, что он испытывает...- тут мальчик осекся, поняв, что только что сказал. - Ой... я - ПОНЯЛ его чувства...

- А говоришь, у тебя нет понимания ни с кем?

Мальчик призадумался. И правда.. если у него не было понимания, откуда же оно пришло?

-Знаешь, малыш, понимание есть в каждом из нас.. надо просто хотеть им пользоваться... Уметь поставить себя на место того, кого хочешь понять...Ты знал, что зверюшке холодно и страшно, но только

потому что сам был в такой же ситуации... А понимание требует того, чтобы ты, даже не зная каково это, пытался себе это представить и помочь человеку в той ситуации. Или хотя, бы не сделать хуже и больнее.

Но еще больше, пониманию нужно, чтобы оно было даже тогда, когда оно не взаимно. Даже если человек не хочет тебя понять, ты должен понять, почему он не хочет тебя понять. Это очень сложно. И если ты с этим не справляешься, то на место понимания приходят недоверие, страх и злость. Некоторых это устраивает, но ты, как я вижу, не такой... Иначе не пошел бы искать понимания - улыбнулся молодой человек.

-Но это же так просто

-Просто, да не просто. Есть же еще гордыня. Она часто не дает человеку понять другого человека.

Нужно знать во всем меру.

Мальчик слушал молодого человека, не отрывая от него глаз. Он понимал его, потому что очень хотел.

-А еще - добавил мальчик - очень важно ХОТЕТЬ понять другого человека, правда?

-Правда. Ложись спать, малыш, завтра тебе предстоит долгий путь.

Мальчик лег спать. Рядом веселился выпавший котенок. А мальчик все думал и думал, заново прокручивая в голове разговор с молодым человеком. Он искал своё понимание в самом себе. Незаметно он заснул, и ему снилось его понимание... Очень светлое и открытое.

Утром он поблагодарил молодого человека и отправился домой, ибо нашел своё понимание.

С тех пор его жизнь не стала проще, но стала гораздо счастливее.

Ромашка девятая – о вреде алкоголя и коми-поэтах.

Жила-была де.. ой, опять я про девочку.. Не, пусть жил-был кот. Но у девочки. А она любила книжки. И в особенности коми-поэтов. Читала и читала их все время. КОТУ. А он их не любил жутко. Коми этих. Потому что сам был татарской породы и любил кулебяку(просто так, а не потому что был татарской породы)

Так вот, задумал однажды кот истребить все книги в доме, чтоб ему девочка больше не читала. Решил сжечь, но потом подумал, что весь дом сожжет, что не есть хорошо. Решил утопить в унитазе - не влезли все. Думал-думал кот, что же делать?

Решил сделать так - надо девочку направить на путь неистинный, что стала она нечиталкой.

А плохалкой. Тогда она с ним будет молоко лакать и целый день играть в клубок - думал кот.

На молоко была у девочки аллергия и пить она бы его никак не стала. Прознал кот, что есть такой напиток - воТка. Говорят от всего отвращает, кроме собутельников.

Но где же взять деньги на воТку бедному коту? А вот и продам я эти "чудесные" книги коми-поэтов и буду поить девочку на вырученные средства

только что-то плохо расходились эти книжки... никому нужны не были.. взял их только один странный дяденька. За оочень большие деньги. и убежал с ними.

Кот думает - что-то тут не так. Чего это он убежал так быстро?

Надо разузнать. И кинулся за ним вдогонку. А дяденька только еще больше припустил. Бежали они три дня и три ночи.

Тут дяденька устал (у него же не четыре лапы) и говорит:

- Чего тебе надо? я же дал тебе денег.

А кот и сам не знает, что ему надо. Просто любопытно.

- Зачем они тебе? - просил кот про книги.

- Читать буду. Очень уж люблю я коми-поэтов. Много лет назад, когда я был хорошим бомжом, я спасся только тем, что в студеную зиму грелся у костра из книг коми-поэтов и за это, за сожжение книг, я должен был найти все экземпляры пропавшие тогда и только тем очистить свою совесть. А то спать даже не могу. Коми-поэты сняться. Замучили, гады.

Кот успокоился и решил вернуться к девочке, молоку, клубку и кулебякам.

Только куда идти - ведь далеко убежали. И пошел кот домой по следам своей шерсти(у него как раз линька была)

Так вот, приходит он домой. Покупает воТки на денюшки за книжки и спаивает девочку. Благо это было не трудно - она с горя о пропаже книг и кота одновременно сама пить стала.

Пьют день, пьют два, а она все не играет с котом клубок и не играет. Только пьет и философские беседы ведет. С котом. А кот не философ - отвечать ей не может. Скучно ему стало. Да еще и коми-поэты во сне приходиться стали. Мучают. "Верни книги девочке!" - говорят они грозным голосом и кулаки кажут.

Спать кот не может.

Пойду, - думает - куплю я книги эти девочке, а то совесть мучает.

А книг-то нет этих нигде. Стал дядечку искать, которому продал книги. Три дня и три ночи бежал он за ним.

Нашел.

- Отдай, -говорит,- мне книги! Я тоже без них не могу!

Подрались они, короче. Победила дружба.

Решили все вместе жить. С девочкой и книгами.
Дядечка на девочке женился...ой.. Что-то страшное получается. Не, он её удочерил! И она стала печь кулебяки и читать стихи коми-поэтов дядечке. А кот играл с клубочком.

Ромашка десятая – о девочке, жившей у самой высокой горы

У самой высокой горы жила девушка. Откуда она пришла, кто её родители - никто не знал. Они ни с кем не говорили, никому не улыбалась. Тихонечко жила в своем домике. Её лучшими друзьями были деревья, трава и гора.

Сначала люди пытались с ней общаться, но она не хотела и постепенно её оставили одну.

Ей было хорошо - сплетни не доходили до неё, в жизни не было ничего, чем бы она хотела поделиться с другими. Да и от других ей ничего не надо было.

Каждое утро она вставала и занималась одними и теми же делами. Убрать дом, постирать, приготовить еду...

Постепенно она стала забывать, что такое говорить. Да и не нужна ей была речь.

В один прекрасный день она утопилась.

Ромашка одиннадцатая – о цирковой лошадке

Жила была лошадка. В цирке. Когда она была маленькая, её украл цыган с хутора и вырастил. Она была очень послушная и верная. А еще очень веселая, но с грустными глазками. За эти грустные глазки она не раз получала морковку и сахарок. Но однажды цыгана убили в неравной драке бандиты и лошадка осталась одна..

Она очень скучала по цыгану и ходила на его могилу каждый день. А рядышком была могила одной тёти - бывшей жены директора цирка

И заметил директор верную лошадку с грустными глазками, приманил морковкой, но лошадка не далась - она ж верная была и грустная. Не пошла... Тогда директор стал приманивать её на всё что мог - сало, конфеты, мясо, мороженное и всякое другое. Не шла лошадка - была верна.

Но директору цирка уж больно она приглянулась и он хотел всенепременно её получить. И придумал такую хитрость - приманить её на фотографию цыгана.

С трудом отыскал он фотографию бродяжки цыгана и пришел приманивать лошадку. Лошадка была как всегда на месте. Обманом директор завладел лошадкой.

Она пошла с ним в надежде увидеть своего цыгана и пронестись с ним как прежде по лугам... Но не было в цирке никакого цыгана, даже самого захудалого, потому как цыгане не работают в цирках...

Но лошадку заперли в загоне и она не могла уйти обратно на могилу к цыгану. Плохо стало лошадке - грустно. И так веселая лошадка с грустными глазками превратилась в грустную лошадку с грустными глазками.

А директор все не оставлял надежды превратить красивую лошадку в цирковую артистку. Как он только не работал с ней - и кнутом и пряником. Ни в какую. Лошадка была и упряма к тому же.

В один прекрасный день надоело лошадке быть невольницей и очень уж захотелось уйти. Собралась она и со всей силы лягнула свой загон. Надо сказать, что некогда веселая лошадка с грустными глазами, а ныне грустная лошадка с грустными глазами была еще и сильной лошадкой. Упали стены и только лошадку и видели.

Подалась она в бега. Долго ли коротко ли бегала лошадка, но привела её дорога в хутор, из которого её украл цыган. Там её признали(по пупку) и приняли с распростертыми объятьями. Но лошадка все равно скучала по цыгану. Тогда местные детки стали её развлекать - строили рожицы, гуляли с ней и давали хрустящую сладкую морковку...

А лошадка полюбила маленького щеночка и у них завязалась дружба. Только тогда она ожила и стала опять веселой лошадкой хоть и с грустными глазками. А у щеночка появился хозяин и забрал его. Лошадка так сильно заскучала, что хозяину пришлось взять и её. И зажили они дружно и счастливо честной компанией из трех живых существ

Ромашка двенадцатая - о рыбаке-Вене и рыбке с червем и акулой

Рыбка жила в море. Кто был её родителями она не знала. Да в общем-то и не до того ей было. Забот-то много - надо как-то выживать.

Потому как был у неё злейший враг акула.

Все время хотела её съесть, а рыбка этого не хотела. А когда акулы не было поблизости, приходил рыбак-Веня и хотел её поймать на очень привлекательного червя.

Червь, правда, не хотел ловить рыбку, но рыбак об этом его не спрашивал, а просто сажал на крючок и швырял в море.

Однажды рыбак - Веня подумал, что, в общем-то, акула гораздо больше рыбки и лучше её ловить. Но на червя акула не попала.

Тогда рыбак поговорил с Червем, чтоб тот поговорил с рыбкой, чтоб она послужила приманкой для акулы.

Ну, конечно, наобещал и червю и рыбке, что потом их отпустит, и не будет никогда швырять в море одного и ловить другого.

Червяк переговорил с рыбкой, она согласилась. Акулу они долго ловили. Рыбка даже устала быть приманкой. Посочувствовала червю, осознав весь ужас его положения.

Червь-то уже гулял в земле, а рыбка еще мучалась.

Но, наконец, поймали они акулу. Рыбак - Веня очень обрадовался. Да так сильно, что на радостях забыл про обещание рыбке и посадил её в аквариум.

Тут рыбка обнаружила в себе редкостный дар - колдовать, и превратила она рыбака - Веню в охотника-Веню, что б он ей никогда не прельщался и занялся другими.

Сама, конечно же, вернулась в море посредством магии и жила там долго и счастливо.

Ромашка тринадцатая – о пчелках

Жили -были пчелки. Хорошие, полосатые такие. Желтенькие и черненькие полосочки веселели на их тельцах

Они трудились с утра до вечера. Одно плохо - на всех мужиков - тружеников была одна женщина. И долгое время это всех устраивало.

Но однажды, одному пчёлу захотелось иметь личную женщину. И он решил украсть пчелку и жить с ней счастливо.

Но как украдешь, если потом лучший друг Колька останется без неё. и вообще все останутся без неё. Жалко их же. Тогда он придумал другую придумку.

Сделаю такую красивую куклу и оставлю вместо своей женщины.

Ну так вот. Долго он её мастерил. Не спал ночами(днем же работал). Уставал сильно. Но любил же и шел к намеченной цели.

Искал резину для резиновой пчелы, краску, усики долго думал из чего делать.

Сделал. Пришел к ней, говорит: "Паехали отседова со мной. Будет тебе все хорошо прям. Не то что с ними..."

Но женщина не захотела. Так столько мужчин её любят и всякое такое, а тут один будет. Кому ж это понравится?

Ну так вот, не пойду говорит. Мне и здесь хорошо. Ну он пострадал, пострадал и уговорил Кольку с собой пойти. И жили они счастливо. А куклу оставили всем желающим, чтоб было хорошо им.

Ромашка четырнадцатая - о девочке и апельсинах

Она жила во дворце с папой и девятью братьями. Все они были наследники, но государство - одно. И тогда король решил его поделить, чтоб всем братьям по куску досталось. Поделил на девять. Раздал. И умер. А девочка осталась ни с чем. И братья все злюки - не хотят брать её к себе. И стала она скитаться по этим девяти кускам. Долго она ходила... ела, что придется и спала где придется... а братьям было все равно. У них было все. И тогда сестра придумала им отомстить. Прикупила на выпрошенные у прохожих деньги апельсин. Проросила косточки из него и посадила дерево. Через несколько лет оно выросло и стало плодоносить.

Девочка стала собирать с него плоды и продавать. А попутно высадила еще много-много апельсинов. Прикупила земельки и разбила сад. Стало её дело идти в гору. Стала она богатеть. Разбогатела. И пошла она скупать акции одного куска. прибрала его к рукам. А потом таким же способом все остальные куски. Стала хоть и старой, но счастливой. А братья - нищими. Но жалко было ей их детей. Те-то ни в чем не виноваты. Она открыла для них приют и там они целыми днями работали на апельсиновых плантациях.

Выросли, задумали недоброе и убили тетку. Но в принципе, она и сама уже была готова умереть. Так что все стало хорошо. Все дети стали начальниками и апельсины росли замечательно.

Ромашка пятнадцатая - о пеликанах

Жил на свете пеликан. Жил, как и полагается, вместе с коллективом. И так хорошо им всем жилось, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Всё-всё у них было. Они вместе охотились на рыбок. И делили это очень дружно и толково. Одна группа пеликанов - загонщики - полукругом выстраивалась у берега и, громко хлопая крыльями по воде, гнала рыбу на мель к берегу. Там рыбок уже ждали другие пеликаны - ловцы. Они хватали рыбу и потом, делясь с загонщиками, устраивали славный пир. И на одном из таких пиршеств наш пеликан увидел одну очень привлекательную особу. Эта пеликаниха совсем недавно присодинилась к коллективу пеликана и он её еще не видел. Но как только увидел, влюбился страстно - раз и навсегда(как он тогда подумал). Он пошел и нарвал пеликанихе самых красивых лилий, что росли в заливе. Застенчиво подарил. Улыбнулся во весь свой длинный клюв и покраснел. Пеликаниха тоже покраснела. От смущения. Она была очень рада, потому что пеликан ей очень понравился. Они стали дружить. Вместе гу-

ляли, плавали и ловили рыбок рядом друг с дружкой. Очень красивая была пара. И очень трогательная любовь. Вскоре они поженились и зажили счастливо. Душа в душу. Через год появились детки - маленькие пеликанчики. Еще красивее, чем пеликан и пеликаниха. И всё бы хорошо, но счастье не может быть вечным. Как, впрочем, ничто не может быть вечным. Рано или поздно одно состояние сменяется другим. И на смену счастью, как не прискорбно, приходит несчастье. Осенью, в сухой и на удивление теплый денек пеликаниху застрелили охотники. Застрелили и забрали с собой. Больше никто не видел её. Горевал пеликан. Горевали детки, так привыкшие засыпать под теплым крылом мамы. И если бы всё дело было в теплом крылышке... Маму не может заменить папа. И чужая пеликаниха тоже не может. Хоть и пыталась. Потому как пеликаны дружные и не бросают друг друга в беде. Шла зима. Пеликанчики подрастали. Они очень любили папу - ведь он был единственной родной птицей. Хотя и других птиц они любили, но согласитесь - родителей любят иной любовью, тем более после потери одного из них. Пеликан старался как мог, чтобы пеликанчики не очень скучали по маме. Даже надумал жениться еще раз, чтоб у них была мама. Своя, а не из чужого гнезда. В родном коллективе все были заняты и любящий папа пошел к соседям за невестой. Невесту он выбирал с умом. С холодным расчетом - чтоб была хорошей мамой пеликанчикам. А на себя ему было все равно. Он любил свою первую пеликаниху и сердце его замерзло с её смертью. А к детям, спросите вы? К детям у него было теплая привязанность и осознание того, что это маленькие частички его любимой. Но всё же любовь покинула его сердце и оно билось лишь для того, чтобы гонять кровь по организму. Но вернемся все же к невесте пеликана. Она не была хороша собой(ибо маму дети любят не за внешность). Она была доброй. Что для детей гораздо важнее. А еще она умела любить. Именно умела. И делала это очень искренне и открыто. "Подойдет" - решил для себя пеликан и забрал с собой вторую пеликаниху. Почему же она пошла с ним? Всё очень просто - ей было очень жалко маленьких пеликанчиков. но не в плохом смысле жалости, а в самом хорошем. Долго она искала путь к сердцу пеликанчиков и, безусловно, нашла, потому как дети хорошо чувствуют настоящую любовь к ним и всегда отвечают на неё взаимностью. Но гораздо дольше пеликаниха пыталась найти путь к сердцу пеликана. Ведь и его она полюбила сильно. Но... сердце пеликана не могло ответить взаимностью ей. Ибо оно было полностью отдано первой пеликанихе. Пеликанчики любили свою новую маму и очень переживали за неё. Ведь безответно любить, пусть и одного пеликана (другие-то любимые ею пеликанчики отвечали взаимностью) очень сложно. Больно. Но пеликаниха была умной и настойчивой. Ради своей любви она была готова на всё.

"Не всё же сердце у него замёрзло. Должен же быть где-то хоть кусочек тепла". И пеликаниха поняла, что обязательно найдет этот кусочек и с него начнет отогревать своей любовью сердце пеликана. Она чутко следила за каждым проявлением чувств пеликана и очень скоро поняла, что единственное на что хоть чуть-чуть откликается сердце пеликана - это его пеликанчики. А дальше всё было предельно просто - пеликанчики дети его и его любимой. значит в них есть частичка его любимой, а следовательно и капелька любви к ней. Значит, надо собрать эти капельки в одно целое и вернуть пеликану. А там уж будет проще.

Пеликанчики всегда любили своего папу. Теперь оставалось лишь показать пеликану, что и он любит их. Любит, а не просто заботится о детях. А если любит их, то может любить и всех остальных, а не просто сосуществовать. И пеликаниха по-тихонечку, очень осторожно стала вплетать в свою речь слово "любовь". Обращалась к пеликанчикам не иначе, как папины любимцы. Любимушки. Первое время пеликан никак не реагировал. А затем незаметно сам для себя привык и стал так же обращаться к детям. Мои любимые детки. Милые сердце пеликанчики. Слова - словами и сначала он просто повторял за пеликанихой, а потом понял, что это правда. Очень удивился, откуда же в нём взялась эта способность - снова любить. Не просто видеть в детях частичку любимой, не просто заботиться о них, а любить... А потом уж пеликанчики стали звать свою новую маму не иначе как любимая мама. И снова история повторилась. Пеликан понял, что любит новую свою жену. Л-ю-б-и-т. И любит сильно. Как, спросите вы? А очень просто. Если отдавать свое сердце целиком кому-то одному или оставлять при себе, то его очень просто разбить. А если раздать хоть по небольшому кусочку нескольким любимым, то что бы ни случилось с сердцем, эти частички любимые люди вам вернут и у вас снова будет сильное, любящее сердце. Не жадничайте, любите, отдавайте своё сердце. Но! Только в надежные крылья.

Ромашка шестнадцатая – о Дождевой Туче.

Было это давно. Еще на заре культуры, когда человек только научился говорить и верил в силу различных природных явлений и состояний. Поклонялся всему - ветру, молнии, воде, земле, дождю и, конечно, солнцу. Люди верили, что только их стараниями солнышко встает по утрам, а дождь поливает землю и все живое на ней. Что приливы случаются лишь по большой просьбе, а затмение - в случае недовольства солнца.

Ну что ж, поверим в это и мы. Тем более, был один такой случай.

Дождевой туче стало поклоняться целое племя, решив, что она - самая сильная и могущественная. В то время было много разных столкновений, связанных с выяснением права на место проживания. Всем хотелось иметь плодородные земли, с большим количеством корней и ягод, и лес рядом - для охоты.

И решило одно племя, что самым сильным союзником в войнах будет им дождь. А именно - Дождевая Туча. Они стали ей поклоняться, приносить всяческие жертвы. Делали подношения в виде утренней

росы. Пели ей песни и танцевали для неё смешные танцы. И Дождевая Туча, никогда до этого не обращавшая внимания на людей, возгордилась.

"Вот я какая...как люди носятся со мной, как любят... Значит я - лучше всех. Даже лучше Солнца".

И Туча стала помогать этому племени во всех их схватках с другими племенами. Как только какое-нибудь племя хотело напасть на племя Тучи, она нещадно поливала их дождем несколько дней и ночей, преследую всякое их перемещение. И продолжалось это до тех пор, пока враги не уходили далеко-далеко от её племени.

И всё бы ничего, но могущество развращает и через некоторое время племя стало не только защищаться при помощи тучи, но и нападать, убивать и грабить остальных. Дождевая туча становилась все больше и больше. Чем больше из неё выходило дождя, тем огромнее она становилась. Остальные племена либо тоже в страхе начинали ей поклоняться, либо уходили как можно дальше от неё. Но Земля не бесконечна (тем более в то время была заселена лишь небольшая её часть) и вскоре остался лишь маленький уголок, куда еще не добралась Туча со своим племенем. Пока было куда идти, племя не задумывалось о том, что без солнца, которое заслонила собой Туча, не растут растения и погибают животные в тех местах, что они оставляли за собой.

И вот встала проблема пропитания. Племя стало просить Тучу, чтоб она позаботилась о еде для людей.

Но к тому времени Дождевая Туча так загордилась, что совсем не собиралась уступать место солнышку, чтобы смогли вырасти новые растения и животные.

Люди обратились к Солнцу с мольбой о помощи. Но из-за Тучи Солнце не услышало их. Они день и ночь просили то Тучу прекратить дождь, то Солнце выйти из-за Тучи.

И, наконец, Солнце их услышало. Лучик за лучиком оно пробивалось сквозь Тучу к людям. Не только за тем, чтоб людям было хорошо, но и потому, что само оно начинало топиться от своего тепла - ведь никуда оно не уходило, а оставалось при ней. А так и не долго совсем исчезнуть. Этого Солнце, конечно, не хотело. Совсем быстро Солнце справилось с Тучей и обогрело Землю своими лучами. Запретило Туче изливаться на Землю и прогнала с глаз долой.

Люди зажили хорошо. На лишь некоторое время. Ведь и без воды жизни нет. Тогда попросили уже Тучу поделиться тем, чего в ней так много – водой. И Туча с удовольствием пролилась дождем. Но не только потому, что любила людей, а еще и потому, что иначе бы взорвалась от такого долгого воздержания.

С тех давних пор нам осталось понимание того, что добро необходимо одинаково и делающему его, и получающему.

Ромашка семнадцатая - о маленькой лошадку и Зеленом коте.

Она совсем недавно появилась на свет. Сначала её долго-долго мяли нежные женские ручки. И она родилась первый раз. Но была какая-то несурзкая. Голова была совсем не лошадкина. И женские ручки помахав на прощанье лошадке смяли её.

Потом она родилась во второй раз. Уже более красивая и гордая. Но в этот раз голова с шеей почему-то отпала от тела и с ней опять попрощались.

И наконец-то, с третьего раза лошадка осталась в этом мире. С самого первого дня она знала какой он. Она видела его в окно и крепла, мужала, твердела.

Но она была совсем - совсем безлика...

Мир познавала как ребенок - через ощущения тела

Тогда те же нежные ручки взяли и сделали её самой красивой на земле, а главное - дали ей возможность видеть мир. Через зеленые глазки

После этого лошадка стала грустить, потому как её определили место на полочке и она там стояла уже два дня.

Рядом с ней на полке стояла попа с ушами, но с ней она не говорила. Какая-то лошадка была с предубеждениями к попам с ушами...

еще был чертик и тигренок. Но они не захотели говорить с лошадкой, потому что она была черная, а они - оранжевые. Расисты, одним словом.

В общем, скучала лошадка, скучала, а потом решила пойти погулять.

И надо же было такому случиться, что первый кого она увидела на своей прогулке был зеленый кот.

Зеленый кот был хороший. Только гулящий. Сам по себе. Они немножко поболтали с ним и лошадке он очень понравился.

Лошадка решила пойти с Зеленым котом гулять. И Кот стал называть лошадку - Черная лошадка. (друзья-братья, значит)

Только кот оказался очень уж самостоятельно гулящим и оставил лошадку одну, прямо по среди неизвестной местности...

И лошадка испугалась

заплакала грустно и стали у неё растекаться акварелью нарисованные зеленые глазки

Как только лошадка это ощутила, сразу прекратила реветь. И в её жизни появился первый принцип - никогда не плакать. Что бы ни случилось

Лошадка собралась с мыслями и решила возвращаться к тем нежным женским ручкам, что подарили её жизнь.

Она вспомнила Зеленого кота и в её жизни появился второй принцип - никогда никому не доверяться полностью. Что бы ни случилось.

Лошадка медленно побрела по той дороге, которой они пришли с Зеленым котом. "Вроде тот путь" - думала она.

И в её жизни появился третий принцип - всегда знать, как вернуться домой. Что бы ни случилось.

К утру лошадка вернулась к себе на полку. Она не поздоровалась ни с кем. Встала на свое место и встретила утро в молчании.

Целый день она думала, а к ночи опять пошла на гулять. И опять встретила Зеленого кота. И сказала ему спасибо, потому как в её жизни благодаря ему появились принципы. А Зеленый кот улыбнулся, мурлыкнул и был таков.

На другую полку утром поставили красного слона с длинющим хоботом и ушами чебурашки... Его тоже надо было научить жизни...

Ромашка восемнадцатая – о лошадке и Пегасе (продолжение семнадцатой ромашки)

Лошадка попала домой к взрослой лошадке. Та была не совсем обычной. Лошадка (будем называть её Пегас - ибо работала она вдохновением) умела мурлыкать.

И стал Пегас обучать лошадку(будем называть её маленькой лошадкой) этой премудрости

Но у маленькой лошадки не очень-то получалось. Пегас был терпелив и работал над маленькой лошадкой день и ночь. От этого очень страдала его работа, он её почти забросил и кое-кто остался без вдохновения

Маленькая лошадка не плакала, хотя и очень хотела, когда у неё что-то не получалось. Но был у неё принцип, оставшийся еще от знакомства с Зеленым котом - не плакать.

Терпение и труд все перетрут. И вскоре маленькая лошадка стала мурлыкать. По началу, конечно, не как Пегас, но кое что стало получаться

А через некоторое время она стала мурлыкать получше Пегаса.

И Пегасу это не понравилось. Он стал ревновать к лошадке умение мурлыкать.

Однажды по дороге с работы Пегас встретил Зеленого кота.

И попросил его забрать маленькую лошадку куда-нибудь.

А Зеленый кот, хоть и был гулящим, все же был хорошим.

Кот забрал маленькую лошадку к себе. И стал приходит в гости к Пегасу.

И вот однажды Пегас сказал, что у него не получилось намурлыкать вдохновение.

Кот предложил вернуть маленькую лошадку, чтоб она намурлыкала.

Пегас обломался и пошел тренироваться и совершенствоваться в деле мурлыканья. А потом попросил Зеленого кота вернуть маленькую лошадку. Потому что тот всегда бы был для него стимулом к самосовершенствованию.

маленькая лошадка вернулась к Пегасу. И даже не обижалась на Пегаса. Потому как Зеленый кот всё-всё ей объяснил. Что был у Пегаса кризис среднего возраста

Пегас нашел маленькой лошадке отдельный фронт работы и они стали жить в согласии и гармонии. Поддерживая друг друга в форме.

Ромашка девятнадцатая – о бобре – специалисте по социальной работе.

Жил был бобр.

Жил вдоль одной очень полноводной реки. Строил себе хатку. Он был уже довольно взрослым бобром, хоть и совсем недавно ушел от родителей. Бобры всегда уходят от родителей довольно взрослыми. только тогда, когда встает вопрос о второй половине. Вот у нашего бобра он и встал. Вопрос этот.

За два года своей жизни бобр многому научился. И в принципе для него не было ничего сложного в построении хатки.

Построил. Красивая получилась. Пришла мама-бобр. Ей понравилось. Она ушла и больше уже никогда не встречалась с сыном. Она была спокойна за него и растила других своих детей-бобрят

А бобру надо было искать свою вторую половинку.

Но прежде ему хотелось нагуляться. Так, чтоб потом уже никогда не захотелось.

И он пошел гулять. С кем только не гулял. И с выдрой, с зайцем, и с белкой

конечно, гулял он не просто так, а с нехорошими вещами. Водка из орешника, трава из рогоза. Чего только не было в молодых гулянках бобра.

После очередной гулянки, проснувшись в норке кролика и увидев рядом на кровати тушканчика, бобр призадумался: "а стоит ли продолжать в том же духе?"

Знаете как иногда бывает остановится, если ответ держишь только перед собой. Себе всегда прощается и разрешается больше. А еще всегда есть "завтра", с которого все пойдет по - новому, по-хорошему.

Бобр вспомнил всё, чему его учили родители. Но там было лишь знание, умение и навыки постройки плотов, хаток и просто ведения хозяйства. А с хаткой у бобра было все отлично. Не смотря на бурную молодость, он никогда не звал друзей гулять у себя в хатке. Поэтому домик был всегда чист и пригож.

Так вот, задумался бобр, лежа в кровати с тушканчиком в норке кролика. Решил бросить все это, найти бобреху и детей делать.

Решить-то решил, да вот тушканчик с кроликом сидят опохмеляются рядом.

И как всегда отложил на завтра начало новой жизни

В общем, погуляли они еще немножко и пошел бобр домой отсыпаться.

Подходит к хатке, а она опечатана. Кругом милиции полно.

Бобр подумал-подумал и не стал домой тѣпать.

Решил окольными путями выяснить что к чему и почему

Послал друга тушканчика выведать.

Тушканчик узнал, что в доме у бобра произошло убийство и теперь все думают, что это бобр убил стрекозу

Бобр успокоился и пошел в милицию говорить, что это не он и что у него есть алиби - пьянка с друзьями.

Рано пошел. Как всегда кто-то спал украшенный петрушкой лицом в салате, Кто-то зажигал с девочками-белочками, и никому друг до друга дела не было.

В общем, алиби плохое было у бобра

Следователь ему так сразу и сказал.

А тут еще и родственники стрекозы донимают угрозами, говорят, мол, личинки малые у стрекозы остались сиротами, холодными-голодными.

Бобр кинулся к друзьям - спасайте, выручайте.

Но нет. Все улики вели к норке кролика, а значит, кто-то из участников вечеринки убил стрекозу.

Теперь каждый был сам за себя.

Тогда бобр нарисовал трогательный плакат, про сиротливых личинок. Тронул он душу убийцы - выдры и призналась она.

Выдру арестовали, а бобр стал самым главным соцработником леса и реки. Взял к себе в хатку всех личинок стрекозы. Провел работы с бывшими собутыльниками и девушками легкого поведения, женился и стал вести образцовую жизнь.

Вот так появились специалисты по социальной работе.

А все от чего? А все от того, что хатка хорошая - это еще не счастье жизни.

Ромашка двадцатая - о улитке

В одном старом-старом лесу жила улитка. Звали её все почему-то Виноградной. Хоть винограда она в жизни своей не видела. И ладно бы похожа на него была... ну нет, ничего ведь виноградного в ней не было.

Раковинка её была оранжево-желтой. Виноградом даже и не пахло.

Но улитка не грустила по этому поводу. Ей нравилось такое имя. Было в нем что-то сладкое. А сладкое улитка любила. Особенно сахарную вату.

А еще улитка любила воду. Более того, она почти полностью из неё состояла. И самым страшным для неё было - высохнуть.

Поэтому она каждый день ползала к ручейку. Плескалась там, пила водичку и радостная возвращалась домой.

Да и вообще, мало проблем было у улитки. Питалась она травкой. А зимой, когда травки не было - спала.

Очень многие ей завидовали. Потому как улитка всегда была радостной и приветливой. А вот червячок дождевой всегда трудился и злился на улитку, что ей ничего делать не надо. Завидовал.

Но улитка не знала об этом и к червячку всегда относилась очень хорошо. Здоровалась, улыбалась. Думала, что раз и он с ней здороваётся, значит, у них хорошие отношения.

только червячок так не думал и всегда показывал язык в спину улитке.

А улитка искренне звала его с собой купаться и есть травку. Только не надо было это червячку.

Он решил сделать так, чтоб улитка тоже делом каким-нибудь занималась.

дал ей задание - собрать все цветочки с красными крапинками в лесу.

А улитка не стала. Потому как у неё своих дел было полно. И то, что червячок о них не знал, не делало улитку бездельницей.

Она, между прочим, когда купалась в речке каждые день, очищала воду.

Через фильтр. А всем казалось, что она просто веселится в водичке.

И когда червячок узнал об этом, ему стало стыдно, что он так об улитке думал. И, чтоб загладить свою вину перед улиткой, он сползал для неё за виноградом.

И улитка, наконец, узнала, что такое виноград. Ей очень понравились листики винограда (ягодки они червячку дала) и решила уйти жить в виноградник.

Только у неё работа же. Кто будет воду чистить? а потом подумала о себе и ушла. Вот так вот иногда, из-за личных желаний загрязняются реки.

Ромашка двадцать первая – о Тришечке

Жил был на свете... Нет, жила-была на белом свете Тришечка. Миленькая, забавненькая, безобидная Тришечка. Жила, ни кого не трогала, дарила радость - сколько могла, но от всей души. У неё было много друзей. Больше всего она любила петь и улыбаться. И пусть первое у неё получалось не очень хорошо, зато второе - великолепно. Поэтому все с ней улыбались. Даже, когда она пела.

И однажды эту милую улыбку увидел с неба гордый конь Пегас. Увидел, подлетел, потоптался рядом, пофыркал и взлетел обратно. Тришечка и ему улыбнулась. Помахала вслед ручкой и продолжила жить.

Долгое время Пегас летал в небе и думал о своем. В гордом одиночестве. Такой красивый и неприступный.

Но улыбка творит чудеса. Пегас стал все чаще спускаться с неба полюбоваться на улыбку Тришечки и вскоре не проходило и дня, чтоб они не встретились. Эти встречи всегда случались по желанию Пегаса. Ведь Тришечка, как бы ни хотела, не могла найти Пегаса... Попробуй, разыщи его в таком огромном небе. А она, ходящая по земле, всегда была на виду.

Так улыбались они друг другу до тех пор, пока Тришечка не поняла, что влюбилась в этого гордого коня. А поскольку ничего и ни от кого она скрывать не привыкла, то сразу ему об этом сказала. Конь фыркнул и лизнул Тришечке нос. Потом подхватил и понес с собой в небо. Ничего более прекрасного не случалось с Тришечкой за всю её жизнь(а прекрасного было много, поскольку никто никогда Тришечку не обижал, а всегда делали приятно). Но это было незабываемо. Сладкие, нежные облака, теплое солнышко, мягкий ветерок... И рядом он - любимый Пегас. Тришечка позабыла обо всем на свете. А Пегас посадил её на одно из облаков и улетел. Она долго бродила по этому небу одна. Она была счастлива. Ведь у неё было всё. Даже Пегас. Пусть только в мыслях, но он же был её... Он же забрал её с собой. Прошел месяц и Пегас вернулся. Но лишь затем, чтоб сбросить Тришечку с облаков на землю.

Одна незадача - летать-то Тришечка не умела... И сила притяжения взяла своё. Тришечка полетела вниз. Больно ударилась она о дорогу, на которую упала. Её тут же окружили друзья, которые очень соскучились по ней. А Тришечка горько плакала... Ведь это очень больно - падать.

А потом кто-то из друзей Тришечки тихонько запел. И Тришечка улыбнулась - ведь это её любимая песня... И запела сама...

Она стала жить как и прежде... Петь и улыбаться... Пусть чуть грустнее.. Иногда это было даже не заметно...

А потом вдруг вернулся Пегас. Лизнул Тришечке нос и ушко. Но она ему уже не верила. Он звал её с собой в небо, но она знала, что такое падение и страх мешал ей отдаться лошадке. И все же... когда очень кого-то любишь(а Тришечка по-прежнему любила Пегаса), то хочешь ему верить. И она снова поверила Пегасу.

На этот раз он поднял её ещё выше. И облака были еще слаще, и солнце еще теплее, и ветерок еще мягче. И Тришечка была еще счастливее, чем в прошлый раз.

Она только об одном просила Пегаса - не поднимать её очень высоко, чтобы падать было не так больно. Но Пегас просил верить ему, и поднимал все выше и выше. И маленькая, глупенькая Тришечка верила.. Верила, что нужна коню, что он не бросит её, что будет рядом, что не сделает больно...

Глупенькая...

Ромашка двадцать вторая – о милиционере Пафнутии и всех, всех, всех.

Маленький черненький человечек со знака "Пешеходный переход" был очень дружелюбным. Сколько миллионов глаз ежедневно смотрели на него и он всегда всем сообщал о том, что можно идти. Его лучшим другом была зебра. Не живая полосатая лошадка, а дорожка из белых полосочек на проезжей части. А еще у них были в друзьях светофор и дяденька милиционер Пафнутий. Почему его так родители называли - отдельная история. Но именем своим он ужасно гордился и всегда всем представлялся не по фамилии, а по имени.

Еще он часто разговаривал с человечком на знаке, зеброй и светофором.

Рассуждал о нелегкой судьбе проституток. Почему о них? Тоже загадка. Но он всегда сравнивал светофор с проституткой. Говорил, что он подмигивает зеленым глазом, как эти женщины, и дает добро. Светофор обижался и ломался. В такие периоды он обиженно моргал желтым глазом и был похож на тигра. А зебра и человечек на знаке работали в удвоенном режиме. Ведь на их хрупкие плечи и полоски ложилась и работа светофора.

Пафнутий ездил за мастером и рассказывал ему сначала о нелегкой судьбе проституток, затем о схожести со светофором и его обидах на эти сравнения.

Мастер приезжал, "ласкал" светофор сравнением с светомузыкой на дискотеке. Это светофору нравилось и он снова включался.

Тогда человек со знака отдыхал, потому что все смотрели на светофор. И лишь зебра всегда была в работе.

Вывод: будьте выше всех и будут у вас выходные.

Ромашка двадцать третья – о Скрипке

*«Скрипка издергалась, упрашивая
и вдруг разревелась так по-детски...»
Вл. Маяковский.*

Он купил себе скрипку. Отличную, замечательную скрипку. Она не пела, а таяла в его руках. Потому что любила его. Как только он вошел в магазин и посмотрел на нее, она поняла, что пропала. Но она страшно боялась ему об этом сказать. Она знала, что как только он добьется этого от нее, то сразу утратит интерес. И она пела ему веселые песенки. Ему было хорошо с ней. Его все устраивало. Но вот пришла весна, и ему захотелось любви. И он стал рассказывать скрипке о своей любви. И она подумала, что он любит ее. А он просто любил свою любовь. Он нежными и опытными руками извлекал из нее любовь к себе, он делал это до тех пор, пока в ней ничего не осталось. Она отдала ему все, что могла отдать молодая, неопытная, нежная и очень любящая скрипка. Он всё взял с благодарностью. Он даже сказал ей, что любит ее. И сам верил в то, что говорил. Он обманул сам себя... и её.

А потом... потом он нашел НАСТОЯЩУЮ женщину и понял, что вот это и есть его любовь. Времени на скрипку не осталось. Он уложил ее в футляр и убрал на шкаф. И оттуда она наблюдала за его жизнью. За его счастьем. И сама была счастлива его радостью..

Только иногда по ночам она плакала...

Ромашка двадцать четвертая (самая крупная) – Капризке и мандариновой корке

Утро в сладкоевском общежитии. Комната Капризки ГОСТ 6478.

Стук в дверь.

Лакомка: Капризка, вставай дрыхалка несчастная. Обьедышь с Ненасытышем сейчас все стрескают, останешься без завтрака.

Капризка: Ууууууум, уходи, я спать хочу, фиг с ним, с завтраком этим.

Лакомка: Знаю я тебя.(заходит в комнату) Сейчас фиг, а потом стонать удешь – есть хочу, есть хочу. Быстро вставай!

Капризка: Ух, и до чего же вредная ты, Лакомка.

Лакомка: Я?! Я вредная?! Ну и ладно. Сиди голодная!

Уходит.

Капризка: (напевая) Мы пойдем с конем по полю вдвоем...

Заходит Батончик.

Батончик: Оставь коня в покое. Лучше масло моё отдай.

Капризка: Да останьте вы от меня. Чего с утра пристали? Одна – иди завтракать, другой с маслом! Бесит!

Батончик: (в сторону) ПМС. Точно ПМС. (Капризке) Капризонька, милая, да не нужна ты мне, мне масло бы. И побыстрее, а то эти троглодиты всё стрескают без меня.

Капризка: Да провались ты со своим маслом. И со всеми остальными тоже.

Швыряет масло Батончику. Он уходит.

Из шкафа вылезает мандариновая корка.

Мандариновая корка: правда всех провалить?

Капризка: А ты кто?

Мандариновая корка: Мандариновая корка. Сама же меня туда засунула от моли.

Капризка: А чего ты тогда вылезла?

Мандариновая корка: А я тут кое с кем пообщалась, волшебной стала и теперь буду твоё желание исполнять.

Капризка: С чего бы это?

Мандариновая корка: я не понял, ты хочешь желания выполнение или нет?

Капризка: Хочу! Хочу, чтоб все от меня отстали, будто и нет меня.

Мандариновая корка: ок. Как скажешь.

Мандарин-чебурек,

Нет, а был человек.

Есть и сейчас

Только невидим для вас.

Мандариновая корка залезает обратно в шкаф.
Капризка подходит к зеркалу.
Капризка: Нет, а был человек... невидим для вас... Ух, и для меня самой невидим! Вот так да! Корка! Эй, мандарин!
Мандариновая корка: (выглядывая из шкафа) чего?
Капризка: А надолго я так?
Мандариновая корка: А кто его знает...
Залезает обратно.
Капризка: Аллэ, гараж! Ты чего?! Мы так не договаривались! Вылезай, шкура цитрусовая!
Лезет в шкаф, достает засохшую мандариновую корочку
Капризка: Приехали...

Занавес.

II

Комната Лакомки ГОСТ 6480. Завтракают Обьедышь и Ненасытышь. Входит Лакомка.
Лакомка: Совсем обнаглела! Вредная...! Когда это я вредной была? Вечно ни за что ни про что обижают... Ну, Обьедка, я разве вредная?
Обьедышь: мням мням (жуёт)
Лакомка: Ах, ничего от тебя не добьёшься. Ненасытышь, хоть ты скажи, я вредная?
Ненасытышь: ты? Ты аппетитная.
Лакомка: Всё вы только об этом. Только о еде и думаете. У меня тут, можно сказать, назревает внутренний личностный конфликт, обусловленный необъективной оценкой моей реальности некоторыми субъектами, а вы...

Обьедышь и Ненасытышь перестают жевать, смотрят на Лакомку.
Лакомка: ну ничего, ничего.
Пользуясь моментом ест то, что осталось от Обьедыша и Ненасытыша.
Входит Батончик.
Батончик: и нечего было швыряться. (в дверь) Лечиться надо, совсем распахивалась девочка.
Обьедышь: Да ей просто поесть нормально надо. А то со своими диетами человеческий облик потеряла.
Батончик: Ага, поесть. А масло моё постоянно таскает. Молодого человека ей надо!
Лакомка: Какие вы... Какие вы... Злые! У неё просто период такой. Переоценка ценностей. Трудное время. Ей помочь надо, а не за спиной гадости говорить.
Из шкафа вылезает Мандариновая корка. Её видит только Лакомка.
Мандариновая корка: вот именно! Помочь!
Залезает обратно в шкаф.
Лакомка: Ой, мамочка...
Батончик: Хороший конец речи, но мама далеко, а гадости мы вовсе не говорим. Так ... обсуждаем слегка...

Лакомка: Я мандариновую корку видела.. большую...
Батончик: (в сторону) ПМС. Точно ПМС. (Лакомке) Лакомка, милая, ты только успокойся. Не будем мы больше о Капризке сплетничать. Бог ей судья.
Капризка: Да я не об этом! Я мандариновую корку видела!!!
Ненасытышь: а я и мандарин видел. Даже не раз. И апельсин тоже видел.
Обьедышь: ага, апельсины я тоже люблю.
Батончик: А я больше лимоны люблю, с сахарочком...ммммм....
Лакомка: До чего же с вами сложно! Только что я видела живую, говорящую мандариновую корку! Она из шкафа вылезла!
Батончик: Отлично... и что же тебе эта корка живая сказала?
Лакомка: Что не надо Капризку обижать.
Батончик: (в сторону) ох уж эти женщины. (Лакомке) безусловно. Больше не будем. Никогда.
Лакомка: ты мне не веришь!
Батончик: Верю, как маме. Кстати, надо маме позвонить. (хлопая Обьедыша и Ненасытыша по плечам) Держитесь ребята.
Уходит напевая «И только лошади летают вдохновенно...»
Лакомка: ох уж эти мужчины!
Уходит.
Обьедышь: а о мандаринах она кстати заговорила.
Ненасытышь: у Ириски видел...
Обьедышь: идем?

Занавес.

III

Комната Капризки ГОСТ 6478. Входит Ромашишка.

Ромашишка: Капризонька, дорогуша, не у тебя ли моя пудрочка?

Молчание.

Ромашишка: (озираясь) Капризулька, ты где, лежебока?

Заглядывает под кровать.

Ромашишка: хм.. странно...

Заглядывает в шкаф.

Ромашишка: мамочкаааа!

Падает в обморок.

Батончик: (входя) Мама в отпуске, в Сочах.

Видит Ромашишку.

Батончик: Ромашишечка, что с тобой?

Бросается к ней.

Ромашишка: я корку видела...

Батончик: мандариновую?

Ромашишка: ага...

Батончик: (в сторону) и у этой... новый синдром ПМС. (Ромашишке) Ромашишечка, милая, она не кусается. Только Капризку защищает. Кстати, где она?

Ромашишка: не знаю. Тут только она (кивает на шкаф)

Батончик заглядывает в шкаф.

Батончик: Понятненько. И у тебя летают вдохновенно...

Уходит.

Голос Капризки.

Капризка: Ромашишечка, ты меня видишь?

Ромашишка: тебя? Не очень. А ты где?

Капризка: тут я, тут, на стуле сижу.

Ромашишка: погоди. Перекрещусь сейчас, а то мне кажется, что тебя нет.

Капризка: можешь не креститься. Меня нет, но я есть. И корка мандариновая есть.

Ромашишка: (сидя на кровати) помедленнее... я думаю...

Капризка: И я думаю. Хочу обратно быть. Не просто вроде как, а на самом деле быть.

Ромашишка: еще медленнее. Я пытаюсь понять...

Капризка: а что тут понимать? Утром меня все достали. Ну я и говорю – хочу, чтоб все от меня отстали, будто и нет меня. А этот цитрус взял и вылез из шкафа. Чего-то набурчал и я исчезла...

Ромашишка: Так здорово же. Можно не красится.

Капризка: Дааааааа. А толку-то? Сижу тут как дура.. одна.. никому и дела до меня нет... Обидно даже...

Ромашишка: так ты обратно виднейся.

Капризка: А как? Даже эта шуба апельсина не знает как...

Мандариновая корка: (выглядывая из шкафа) не апельсиновая, а мандариновая.

Капризка: Исчезни! И пока не расколдуешь, не вылезай!

Мандариновая корка: будешь капризничать и голоса лишу...

Капризка: ты же обещал мои желания выполнять!

Мандариновая корка: а подарок не отдарок. Первое слово дороже второго.

Ромашишка: а первое слово съел Объедаешь. Или Ненасытышь.

Мандариновая корка: так на вас заклинаний не напасешься.

Капризка: кто из нас Капризка? Ты или я? Вертай всё взад!

Мандариновая корка: Да не могу я! Что мне жалко что ли?

Капризка: а мне-то что теперь делать?

Мандариновая корка: ну влюбись там в угря какого, поцелуй его и расколдуешься. Или нет, что-то я путаю... Вырасти аленькой цветочек и пусть его добрый молодец рвет и тебя любит.

Капризка: ты это откуда выкопал? Из каких сказок-то? Ты мне дело говори!

Мандариновая корка: ладно, вот тебе дело: когда тебя Объедаешь полюбит, тогда и будешь видимой.

Капризка: ты че, масяня?! Офигел что ли? Он же кроме еды ничего не любит. У меня даже шансов нет никаких!

Мандариновая корка: есть еще один способ, но я его не могу сказать. Сама отгадывай.

Залезает в шкаф.

Капризка: Мда... Ромашишка, что посоветуешь?

Ромашишка: А я что, я ничего.. я не знаю...

Капризка: О! Придумала. Зови всех.

Ромашиска уходит.
Капризка: эй, мандарин засохший, вылезай. Я тебе петь буду.
Мандариновая корка: (вылезая) Концерт? Это я люблю. Давай (садится на стул)
Входят Ромашиска, Лакомка, Батончик, Обьедышь и Ненасытышь.
Мандариновая корка: эй, мы так не договаривались.
Лакомка: я его и видела! Вот. (Батончику) А ты мне не верил!
Батончик: Стоп, я ж не баба. У меня-то ПМС откуда?
Мандариновая корка: (собираясь в шкаф) Я так не играю. Я только для девочек.
Капризка: Подожди. Не уходи. Сейчас все будет.
Батончик: о, а эта где? Капризище, ты где?
Капризка: да тут я, тут. Петь буду сейчас.
Батончик: зачем?
Капризка: хочу, чтоб манда...кхм.. мандариновая корка меня послушала и я снова видимой стала.
Батончик: О боги, что происходит? Пойте скорее, я маме должен звонить.
Капризка: Мандарин – чебурек,
Нет, а был человек.
Есть и сейчас.
И видим для вас.
Чум, блюм, блю,
Я мандарина люблю.
Появляется Капризка.
Капризка: так и знала.
Мандариновая корка: слава тебе Господи, хоть из шкафа перееду.
Обьедышь: не понял. А есть когда будем?
Ненасытышь: сейчас...
Наступают на Мандариновую корку.
Занавес.

Ромашки грустные и совсем не сказочные.

Слова. Почему так нужны всегда слова? Словам было трудно. Они никак не могли найти выхода. Они пошли к глазам. Чтоб он все понял по ним и словам бы не пришлось мучаться, вылезая наружу. Но его глаз рядом не было. Слова. Нужны слова. И слова стали пихаться куда угодно. В мысли - "проговаривать" всё себе в голове. Но сказать вслух не получалось. Они пошли чуть ниже. К сердцу. А оно что? Оно или радуется и парит, или огорчается и падает. Оно все понимает, но сказать тоже не может. Еще ниже. Там желудок усиленно пытается помочь. Выпихивает наружу слова. От этого только тошнит, а слов по прежнему нет. Слова пошли к ногам. Ноги и сами пошли. Просто стали ходить, этим надеясь помочь. Но словам нужно не это. Слова, уставшие маяться и просить о помощи, пришли к губам. Ну почему они сразу не помогли? Ведь это так просто. И губы, чуть слышно, еле различимо прошептали то, что слова хотели выдать огромным потоком, и что умещается всего в несколько словечек: мне хорошо, только когда хорошо тебе.

Александр ЛОБАНОВ

ВЫСОТА БЕЗЫМЯННАЯ (рассказ)

Утро выдалось на редкость приятным. Зарядившие было на неделе дожди неожиданно прекратились, и наконец-то прояснел небосвод. Стало тепло. От земли пошли испарения. Заклубились туманы, потянулись куда-то кудрявыми отарами по овражкам и лощинам, а куда – и сами не зная. Прибрежные кусты разомлели, заблестели. Защебетало, засвистело неугомонное птичье хозяйство. Хоть и ранняя, а всё ж весна...

В окопах стало душновато. Влажные стены запахла пробудившимся чернозёмом. Земля жаждала семени и, взбудоражившись, набрякла соками. Повсюду закопошились корни растений. Тут и там пробивались зелёные ростки. Невдалеке от позиций то и дело проносились ошалевшие зайцы. Из-за кустов иногда выглядывала хитрая мордочка лисы и мгновенно исчезала. Зато ворон набиралось – тучи целые. Барражировали, бомбили, поднимали неистовый гвалт. Бойцы сладко потягивались, шурились на яркий свет. Настроение появилось, шутки и смех, особенно когда на батарею прибыла еда. Из открытых походных термосов исходил волшебный аромат гречневой каши с мясной тушёнкой, сдобренной поджаркой из лука. Сглатывая слюну, гвардейцы извлекали котелки, ложки и млели в сладостном предвкушении одного из самых приятных пороков человечества - кревоугодия. А хорош аппетит на свежем воздухе! И особенно после дождя.

Пристраивались, кто, где хотел. Многие разулись и радостно шевелили подопретыми пальцами, не брезгуя возникавшим при этом запахом.

В зоне конфликта было временное затишье. Никто ни в кого не стрелял. Даже снайперы не шалили. Некоторые бойцы до того смелели, что выбирались вверх, через бруствер и на виду у всего правобережья лакомились первым ультрафиолетом, подставив под солнечные лучи свои белые животы и спины.

Высотка, на которой расположились две гвардейские роты и батарея миномётчиков, считалась господствующей и на оперативных картах была обозначена как «Безымянная». У её подножия сверкал излучиной Днестр. От воды тоже поднимался парок и обволакивал берега мутновато белым шёлком. Вокруг пулемётных гнёзд, тщательно замаскированных бурьянами, тускло поблескивали закопчённые стреляные гильзы. Их валялось россыпью великое множество. Пару дней тому пришлось поработать. На этом участке правобережья, видимо, решились захватить плацдарм и нагнали множество всякого сброда, вооружив его, чем попало. Поговаривали, что большую часть этого войска составляли уголовники, которым пообещали аннулировать сроки за участие в конфликте. В основном, все соглашались, по-видимому, рассчитывая на увеселительное времяпрепровождение. То, что эту свору обязательно опаивали водкой, секретом не считалось. Нагло переправляясь через реку, они в полный рост пёрли на позиции приднестровцев, не видя, не слыша и не чувствуя опасности. Стреляли наугад, дико орали. Дружного «ура» не получалось, а вот матюги взлетали выше туч. Гвардейцы же строили оборону надёжно, умело, со знанием военного дела. Фортификации у них отличались инженерными выдумками. Всё рассчитано, пулемёты пристреляны, ходы сообщений хитро переплетались между собой, создавая целую систему жизнеобеспечения и безопасности. Первые атаки горе волонтёров выкашивались до последней травинки. Правобережье отвечало миномётным огнём. Потом орава «вольных» стрелков опять пыталась овладеть пространством перед высоткой и также в полный рост без страха вваливалась под пулемёты. Когда людские ресурсы убывали, начинались миномётные дуэли. Жуткие моменты. Стены окопов оживали, становились подвижными, пинали бойцов в спины, бока. Людей швыряло из стороны в сторону, контузило, глушило. Ну, а уж если мина залетала в окоп, то...

Во время минных обстрелов какие-то команды пытались стаскивать вниз убитых. Гвардейцы по ним не стреляли из суеверных соображений. Да и у кого рука поднимется? Покойников обижать грешно. Потом в оптику разглядели, что трупы попросту стаскивались в воду. Со временем это уже не вызывало удивления, так как стало обычным делом. Если не те, то приходилось самим. В тепле покойники долго не сохраняются. Смерд от разлагающихся тел заставлял выполнять этот нехитрый обряд обе стороны. Уже летом санитарные службы Тирасполя запретили пользование днестровской водой из-за возросшего процента в ней трупного яда...

Да, утро действительно было славным. Часам к десяти появился командир батальона со свитой. Среди вновь прибывших мелькали незнакомые лица. Интересно, кого это принесла нелёгкая? Гвардейцы приглядывались и пожимали плечами. Выяснилось, что у них пополнение. Казаки! Коренастые, крепкие мужички. Одеты в камуфляж, как и гвардейцы. Хотя вначале казачество носило свою «национальную» форму: заправленные в хромовые сапоги синие штаны с яркими красными лампасами, кителя с золочёными погонами, фуражки с лакированным козырьком, из-под которого обязательным атрибутом свисал вьющийся вихор русых или тёмных волос. И конечно – шашка на боку. Это впечатляло. Особенно девиц. Но не снайперов. Красные лампасы так хорошо обозначались в тубусе прицелов, что промахнуться по казаку было грешно. После первых глупых потерь от снайперских пуль, казачий атаман резко переделал своё войско в малоприметную камуфлированную «лягушатину».

На этот раз казаки приволокли с собой какую-то установку. Таких гвардейцы ещё не видывали. Похожа на связанные в охапку миномёты, но с всякими мудрёными прибабасами вроде лазерного прицела, электронной системы наведения, автоматического режима огня и прочих. Для диковинного аппарата оборудовали отдельный окопчик, установили стереотрубу, к которой тут же приник широкоплечий, на вид лет тридцати, казак. Изучая противоположный берег, он надиктовывал наводчику замысловатые словосочетания, нашпигованные незнакомой для приднестровцев терминологией. Тот делал пометки на карте, что-то заносил в записную книжку, щёлкал какими-то клавишами, нажимал кнопки. Словно колдовал над установкой.

Хотелось, конечно, посмотреть на диковинку поближе. Но крутой нрав комбата охладивал. А приказал комбат всех любопытных – в шею! Не поспоришь. Кто в своё время позволял себе послушаться, мог получить и тумака.

А солнце уже поднялось высоко, однако. Становилось уже жарковато. Над горизонтом откуда-то всплыли облака. Вначале маленькие, курчавые, они постепенно округлялись, раздавались вширь и вскоре заполнили полнеба. Медленно переваливаясь с бока на бок, эти светящиеся комки ваты периодически рсасывались, исчезали и тут же на их месте зарождались новые, приобретая очертания зверей, людей, различных предметов – кому, как подсказывала фантазия. От нечего делать бойцы глазели вверх и загадывали, кому какое облако чего предскажет. Всем казалось, что облака исполняли пророчества без обмана, причём без проволочек, тут же на глазах.

- А это что ещё такое? – рявкнул, не отрываясь от стереотрубы, широкоплечий казак, - Товарищ подполковник, а ну гляньте сюды...

Он навёл оптику на излучину, где действительно возникла какая-то возня. Комбат припал к окулярам.

- Вот обнаглели, мерзавцы! Не, ну ты дывься, Семёныч, что вытворяют. Среди бела дня... Поди, поди сюда, взгляни. Как это? Может, обожрались опять и не соображают, что делают?

Подошёл Семёныч. У казаков он был начальством, судя по нашивкам и манере разговаривать.

- Я так думаю, товарищ подполковник, они понтоны спускают. Только не вразумею, почему среди бела дня и на виду у всех. Может, провокация?

- Да и я ж думаю, какого черта! Смотри, смотри... Вон и моторку прилаживают сбоку. Четыре понтона... Настил сооружают. Интересный расклад получается. Это что же, они переправу налаживают? Ну, наглецы! Вот идиоты... Как специально для нашего эксперимента.

- Так, товарищ подполковник, давайте и опробуем? Прекрасный случай. Как по учебнику.

- А что! Другого такого момента может и не представится. Посмотрим, что они дальше собираются делать.

Движение на противоположном берегу не осталось незамеченным и для других. Гвардейцы, не дожидаясь команды, заняли свои боевые точки, расчехлили пулемёты. Наступило затишье. Почувствовав, что их оставили в покое и больше не терзают нескромными взглядами, облака в своё удовольствие заметались по небу, дурачась, корча рожицы, прикидываясь, кем только ни вздумывалось.

- Грузятся, товарищ подполковник. Прямо на понтоны. Ни стыда, ни совести... Вон, и миномёты тащат. Ей Богу, звезданулись. Они, наверное, уже лыка не вяжут, пьяные в стельку... И ещё прутся... Дела... - казак наблюдатель, не переставая выказывать удивление по данному случаю, тем не менее продолжал координировать наводчика и сообщал ему всё новые и новые данные. А наводчик приколдовывал над своим пультом и в свою очередь докладывал есаулу о готовности к выполнению заданной команды.

Тем временем от правого берега переполненный людьми понтон стал медленно отчаливать. Слышалось тарахтенье моторчика буксирующего его катерка.

- Ну, что, есаул, - комбат обратился к казаку-начальнику, - вдарим по супостату? И не захочешь, так ведь сами заставят. Прямо просятся на цугундер, мать их... Такой наглости я, к примеру, не прощаю. У тебя готово, браток? Всё?

- Так точно, товарищ подполковник! Система в действие приведена. Приказывайте...

- Ну, тогда с Богом, сынки. Мочи их, гадов, есаул! Всем, в окопах – к бо-о-о-о-ю!

Тишина над позициями напряглась до осязаемости всеми клетками и тканями тела. Люди уже догадались, что сейчас произойдёт, и, кто с любопытством, а кто и со страхом, наблюдали безмолвно за понтоном, который доплыл уже до середины. От катера взвивался сизый бензиновый дымок. Моторчик беззаботно тарахтел себе мелкими мощностями, а эхо разносило над водой их выхлопы далеко вверх и вниз по реке. От бесшабашности, исходившей из плывущей на понтоне ватаги, наблюдавших за нею кидало в жар. Как же так возможно? Ведь – война... Стреляют же... А они, как дети, ей Богу. Ведь не игрушки тут им...

Залп вовсе не был громким. Не таким, как из миномёта или пушки, к примеру. Автоматы и те грохочут страшнее. Это походило больше на шипение змея Горинича, выплонувшего из трёх пастей длинные языки пламени, после чего некультурно рыгнувшего пороховыми газами. И над рекой пронеслось протяжное «У-у-у-у-у-х». Как в замедленном кино, понтон разделился на две части, между которыми метнулась похожая на небольшое солнце ослепительная вспышка, из воды взвился вверх вертлявый смерч, в туче брызг и дыма исчезло через секунду всё - и люди, и обломки понтона, и часть реки. А ещё через мгновение раздался оглушительный удар, который воспринялся не только ушами, но и ногами, как будто кто-то большой и страшный саданул по берегу многотонной кувалдой.

Секунд через тридцать – сорок ветер развеял дым и водяную пыль. Гладь реки успокоилась, как будто ничего и не произошло. Ни людей на поверхности, ни каких-нибудь обломков – ничего... И тишина. Ещё более ощутимая, чем перед этим.

Казак, наблюдавший в стереотрубу, побелевшими губами процедил:

- Ну, вот и всё... Закончились игрушки...

И следом, как послесловие этой глубокой по смыслу сентенции, возникло характерное с усилением завывание. На позиции обрушились мины. Тут же ответно захрохотали миномёты гвардейцев. На правом берегу заплясали вспышки разрывов, пытаясь нащупать огневые точки неприятеля. Но и на безымянной высоте во всю хозяйничал сущий ад. Всё потонуло в грохоте и рёве. Казаки спешно сворачивали установку. Больших денег она стоила по тем временам. Наблюдавший в стереотрубу казак неподвижно застыл в не совсем обычной позе. К нему метнулся есаул, схватил за плечи. Голова казака безжизненно откинулась. Лицо в крови, вместо левого глаза – месиво. Согнувшись, по окопу спешил санитар с носилками. Склонившись над казаком, он пытался прослушать пульс, потом прижал ухо к груди. Что услышишь? Пространство над землёй трескалось, шипело, харкало смертью. Заволакивало пылью и гарью, пороховыми миазмами. Кто-то строчил по кому-то из автомата.

Боезапас гвардейцев подошёл к концу гораздо быстрее, чем на противоположном берегу, и миномётчики зарылись по щелям, пережидая, пока не кончатся мины у тех, кого считали врагами.

Но вот бабахнула последняя... Тарахтели лишь пулемёты, да кое-кто из злости разряжал автоматы по невидимым целям. Потом и это стихло. Налетевший ветер лихо разгребал дымовые завалы. Когда воздух, наконец, очистился, обратила на себя внимание огромная жирная туша, навалившаяся на высотку мокрым пузом. Потемнело. Упали первые капли. Через минуту начался дождь. Длинный предлинный обложной дождище...

Раненого казака унесли на носилках гвардейцы, которыми вполне уверенно командовал санитар. Эту нештатную работу парни выполняли безропотно и старательно. Каждый, да обладал, пусть хоть самым ничтожным, но воображением, и без труда мог представить на таких же носилках себя. Как ни странно, казак оказался жив. Комбат на своём «пикапчике» лично увёз его в ближайший медсанбат, где всю уже потели хирурги-добровольцы из районной больницы. Они-то и постарались, чтобы казаку Бог дал жить и дальше. Он так и останется в Приднестровье. Таким же широкоплечим, дюжим мужичком. Женится на местной красавице из молдавского села. Сколотит крепкое хозяйство. Казаки – люди работающие. Жена не могла нарадоваться такому счастью. Ну и что, что без глаза. Стекланный почти как настоящий. Шрамы через лицо. Так ведь с ними ещё и красивше... Полюбила молдавская девушка казацкого парня до беспамятства. И чем он её взял?

- Последнее, что помню, это тихая водная гладь. Нет, взрыв тоже помню. Когда мы их раздолбили в пыль... Только вот эта тишина и без единой волны поверхность реки... Степаныч, не поверите, как глаза закрою, так сразу эту картину и вижу. Жутко порой становится. Может, не надо было так-то...

Казак задумался. По привычке погладил ладонью шрамы на лице. Он приходил в штаб уже не в первый раз. Пытался упрямить комбата взять на службу. Хоть кем-нибудь... Но не просто попасть в вооружённые силы Приднестровской Молдавской Республики, а именно так сейчас уже называется гвардия. Военно-врачебная комиссия ни за что пропускала, как ни старался ходатайствовать на различных уровнях подполковник Титаренко. Инвалиды армии не нужны...

- А после, будто кто дунул мне в глаз. Боли не было вообще никакой. Всё исчезло. Очнулся уже в реанимации. Сперва показалось, что дома нахожусь. Проснулся и не пойму, почему встать не могу. Потом мама подошла и говорит, Андрюшенька, где ты ходишь? Домой пора. А я себе думаю, как же так, мама-то давно уже померла...

Титаренко, слушая это не в первый тоже раз, молча раскупоривал бутылку коньяка. Война закончилась. После того, как Лебедь ввёл между враждующих сторон свою армию, военный конфликт себя исчерпал. Началось другое... Политиканы, не насытившись кровью, стали высасывать из народа соки. Поналезло бюрократов. Тех, кто воевал, начали постепенно изживать со всех структур, в том числе и из бывшей гвардии. Комбат раскупоривал бутылку и чувствовал, что в глазах откуда-то появился песок. Защемило на сердце... Потом по щеке сбежала слеза. Скупая и горькая. От обиды... Никто ещё не знал, что утром молодой подполковник, которого раньше никогда не видели на позициях, привёз приказ об освобождении Титаренко от должности и назначении себя, никому неизвестного выскочки, командиром героического гвардейского батальона, прославившегося в тяжёлых боях именно под Титаренка командованием.

- Да мне, Павел Степанович, грех жаловаться. Живым остался. Жена у меня, Вы ж видели, какая прелесть. Хозяйство крепкое. Только душа не принимает такой хорошей жизни. Стрелять перестали и всё на этом? Нет, командир, далеко не всё... Дерьмо-то разгрести не один год ещё будем.

- Эх, Андрюха! Давай, за ребят, не чокайся... За тех, кто остался на той высоте, где тебя зацепило. А, может и меня тоже... Теперь, видно, быть и нам безымянными...

ДВАДЦАТЬ (рассказ)

Яркое весеннее утро. Вот-вот зацветёт сирень. Птицы сходят с ума с самого рассвета. Творится нечто древнее, архаичное и вечно молодое. Бурлят инстинкты. Неистово вопят по квартирам и подъездам домашние коты, требуя реабилитации заложенных природой возможностей по продлению рода. Это, которые некастрированные. А приبلудные, полноценные, работают на все кошачьи фронты.

Стайки молодёжи оккупируют парки и набережную. Солнце щедро разливается по соскучившейся по теплу земле. А сады всю дымятся первоцветом. Красота идёт по Приднестровью, возбуждая чувства, страсти, поэзию. Войны уже нет. Её выкурили люди в голубых касках, загнали в резервации, огородили колючей проволокой, блокпостами и бетонными надолбами. Появилось множество границ, которых раньше не знали картографы. Но что такое границы для весны? Она хозяйничает на обоих берегах, красивая, полнокровная, пышногрудая. Сколько малышни во дворах! Галдят, смеются. Беленькие, смугленькие, розовенькие. За детьми умильно наблюдают старушки и неработающие мамы.

В одном из дворов, на подоконнике, на первом этаже ведомственного дома сидел и любовался чужой жизнью бывший гвардеец Ильяшенко Владимир Иванович. Своей он любоваться уже не мог и по этой причине часто прикладывался к горлышку. Одугловатое лицо его приобрело характерный синюшный оттенок, стало пастозным и некрасивым, хотя, это был, в общем-то, молодой парень, лет так двадцати пяти, шести. Правительство ему выделило трёхкомнатную квартиру в компенсацию за полученное на позициях увечье. Сержант гвардии Ильяшенко подорвался на mine в персиковом саду на участке плацдарма Кошница – Кочиеры, под Дубоссарами. Это произошло прошлым летом. Нет, боёв в те дни не было. Просто, когда здоровые и молодые мужики попадают в обстановку вынужденной военной бездеятельности, они чумеют. В них просыпается дурь, которую невозможно ни вытравить, ни выветрить. Пытаются, естественно, заливать самогонкой. Но в результате дурь не только не убывает, но – удесятерается. Сколько неоправданных потерь, безвозвратных, горьких, понесли и ополчение и гвардия в той памятной войне из-за этой самой дури!

Батарея миномётчиков расположилась в окопах вдоль трассы на Тирасполь. Движения транспорта давно уже не наблюдалось. Война... Деревья в прилегающем саду стояли израненные пулями и осколками от мин. На пригорке когда-то красовался гипсовый пионер с горном, олицетворявший счастливое детство. Там теперь наблюдался лишь изрешечённый кирпичный постамент и кучка щебня. Уж очень приметная цель... Болтались перебитые электрические провода. Правобережье на боезапас не скупилося. Плотность огня была такова, что даже повидавшие виды казаки удручённо покачивали головами: да, мол, заварили кашу...

Жара размягчала мозги. В окопах было душно, воняло потом, несвежими портянками, мышами. Гвардейцы, чумазые и не бритые, томилась от безделья. Заняться было ну совершенно нечем. Оружие чищено и перечищено, дырки и прочая рвань давно перештопаны, окопы оборудованы по всем фортификационным канонам, не придумать большего. Высовываться нельзя. Музыка нет. Баб нет. Втихаря послали «разведчиков» в село, что в верстах в семи, за самогонкой. Те вскорости прибыли с трофеями: две трёхлитровки с мутной опалесцирующей жидкостью, запах которой ветром, наверное, уносился аж в Кишинёв, деморализуя противника. А также небольшой шматок сала с прожилками, пара цыбулин и буханка серого хлеба.

Выпили, потом повторили. Перекурили. И ещё по стопочке. Сало увернули за один присест. Всё, жрать нечего. Сварили перловку. В глотку не лезет. Без масла и без тушёнки, которые были съедены в первый же день. А заместитель по тылу выдал под обрез, как положено по приказу: только лишь для приготовления первых блюд и каш. Гвардейцы же уминали тушёнку прямо из банок, намазывали на хлеб, не меряя толщину слоя. Словом, сожрали всё.

Что такое молодой организм? Это – подавай мясо, побольше, почаще!

Загрустили бойцы. И тут-то подоспела на подмогу одной дури другая.

- Так, мужики, рядом персики растут, спелые, душистые, ешь, не хочу. Жрать охота в самом деле, твою мать! Надо слазить.

- С ума сошёл! Сад заминирован, забыл что ли? Иди, рви... Только где тебя потом собирать, придурок?

- Чего-о-о-о? Кто придурок! Сам ты козёл!

- Чего-о-о-о? Кто козёл?..

И понеслось... Сцепились. Наставили синяков друг другу бойцы гвардии Приднестровской Молдавской Республики. Перекурили. Выпили ещё по стопке, по гранённой стограммовой.

Володя Ильяшенко подошёл к командиру батареи Пете Лунгу:

- А что, командир, может и вправду слазить аккуратненько в этот долбаный сад? Щупом проследим, где мины, и всё нормально будет.

- Отвали, Иваныч, на хрен! Вы тут, ей Богу, с глузду зъихалы. Я за вас, идиотов, отвечать не хочу. Сиди и не тренькай.

- Ну, командир, бля буду... Мы осторожно, - подкатил дружок Ильяшенки Степан Руссу. Видно было, что хмель ударил парно не только в голову, но и во все мыслимые и немыслимые части тела, - Жрать охота - невозможно как! Подумаешь, заминировано. Видали мы их мины в одном месте. Первый раз что ли? Никто и знать не будет.

- Я сказал, нет! И без обид. К тому же к вечеру жрачку обещали подвезти, - соврал Петро. Он знал, что недельный запас, съеденный ещё вчера, никто им пополнять не собирался. Наоборот, за такое разгильдяйство ему всыпят, мало не покажется. - Короче! Запрещаю и всё. Ложитесь, спите, если не в охранении.

Недовольные, бойцы разбрелись по щелям. Однако к вечеру в окопах появились персики...

Снова налили по гранёной. И снова – нехватка закуски. Что такое ведро персиков на батарею миномётчиков... На один зуб. Смеркалось. Летний вечер плавно накатил откуда-то с востока душещипательной негой. Захотелось взвыть. В жилах молодая кровь кипела и рвалась наружу. Самогонки оставалось на один-два стакана. Закуски не было и не предвиделось. Появились первые звёзды. На западном горизонте во всю полыхали вечерние зарницы. Пахло землёй, садом. Комбат обходил посты. Потом пошёл по окопчикам, сверяя личный состав.

Руссу и Ильяшенки не досчитался...

- Где эти уроды? Поубиваю, гадов! Что я им, пацан? Лично буду требовать у Титаренко, чтоб повыгонял их из гвардии к чёртовой матери.

- Да всё нормально, командир. Уже ж ходили раз. И ничего. И сейчас обойдётся

- Обойдётся, обойдётся... Раз на раз не приходится. Ну, собаки, поубиваю...

Лунгу разозлился не на шутку. Что же это делается, никакого сладу. Дисциплиной и не пахнет. А кто виноват? Как вести себя с этой бандой? Раздобыл же командир батальона, подполковник их незабвенный Титаренко, специальную резиновую дубинку. У ментов взял. Только так и воспитывает. На разводе, бывало, проштрафившегося при всех как огреет по спине... Другим не повадно чтоб. Может, также надо? Так ведь на плацу – это не в окопах. Тут, если обозлишь кого, то и пристрелят запросто. А и хрен с ними! Что, мне больше других надо?

Задумался Петя Лунгу, командир боевой батареи миномётчиков. Что за жизнь наступила! В магазинах ни черта. Денег нет. Ни сегодня, завтра подстрелят, не дай Бог. Какого чёрта мы тут делаем в этих траншеях?

А есть действительно хочется...

Выкатилась луна. Застрекотали цикады. Где-то за рекой протарахтел пулемёт. Взвились сигнальные ракеты. Потом всё стихло. Но не надолго. Ударил в колени виртуозы соловьи. Мерзавцы! Что вытворяют... Сердце рвёт, прямо на куски. Интересно, а у них там, за рекой, такая же дурка в окопах? Чего люди бесятся, чего б не жить по-человечески? Петру припомнилось, как по весне выдавали сестру замуж. Вот это была свадьба! Вообще молдавские свадьбы – это что-то особенное. Столько традиций, обрядов, приколов. Еды, вина – ешь, пей, не хочу. Девушек скольких перецеловал, танцую «Переницу»! До утра веселье, смех. Какая жизнь была! И куда всё девалось? Вроде и

звёзды те же, и луна. Лето тёплое, разомлевшее. Комары те же. А всё ведь уже по-другому. Вон, перед глазами бруствер, смотровые щели. Мыши пищат в окопе. Язвы их душу...

Бабахнуло! Совсем рядом... Гвардейцы повыскакивали из щелей. Схватились за автоматы. Лунгу заорал, что есть мочи: «К бо-о-о-ю!»

Что произошло, никто сразу и не сообразил. Артналёт? Давно уже их не было. Опять, что ли попёрли брать плацдарм? Все лихорадочно готовились к отражению нападения. Там, где только что взорвалось, слышался то ли вой, то ли стон. Потом затишье. И снова – ба-ба-а-ах! Уже чуть ближе. И протяжное «А-а-а-а... А-а-а-а... Помогите-и-и-и...»

А ещё через десять минут гвардейцы притащили окровавленных Ильяшенко и Руссу. Оба в сознании, но как не живые. Шок! Самая опасная штука. Им доктор на занятиях по военно-медицинской подготовке не раз об этом рассказывал. При такой стадии шока жди самого страшного. Может и дыхание остановиться, и сердце перестать биться от боли. Хотя эту нечеловеческую боль уже некоторые могут и не чувствовать. Организм чувствует, а сам человек – нет. Такая вот это загадочная штука, шок. Раненные, безучастные ко всему, молча таращились на звёзды. У Ильяшенки не было ног, у Руссу – только одной. Как смогли, наложили жгуты, перевязали. У кого-то, как ни странно, в аптечке оказались шприц-тюбики с промедолом. Надо же... Обычно промедол, если попадает в аптечку при получении, моментально вкалывают себе. Наркотик ведь, кайф... А что ещё в окопах делать? Тоска – она хуже смерти. Вкололи, заглушили эту смертельную боль. Оттого и не умерли от шока оба...

Гвардеец Ильяшенко Владимир Иванович стал, таким образом, инвалидом первой группы и героем войны. Подоконник на первом этаже, квартира трёхкомнатная. Жена не ушла. Оказалась порядочной и преданной женщиной. Молдаванки редко уходят от мужей. Мужья – бывает, а жёны... Что ей, сердечной, пришлось вытерпеть, совсем отдельная история, достойная целого романа. Плакала первое время. Особенно, когда её Володя начал спиваться, «стрелять» у соседней деньги в долг на бутылку и не отдавать, конечно. Он ведь защищал нашу независимость от румын. А значит, все ему обязаны... За независимость. Ведь кто мы для Кишинёва – сепаратисты. Слово-то какое придумали. Как через сепаратор пропустили, молоко в одну сторону, сливки – в другую. Только вот кому сливки?

- Привет, Петрович! С работы? Закурить не найдётся?
- Найдётся, Володя. На, закури.
- Слышь, Петрович, только ты не серчай, хорошо? Дай займы пять лей. Я ведь отдам. Честно. Не могу, душа горит. Подлечиться надо.
- Так ведь, Иваныч, я тебе сколько раз давал уже. И нету у меня сейчас.
- Эх, люди, не понять вам. А ведь меня, Петрович, Бог наказал. Присядь, расскажу. Да куда тебе торопиться, успеешь. Я долго не задержу. Никому ещё не рассказывал. Тебе расскажу. Ты мужик правильный. Пять лей не дашь? Ну, ладно, так слушай. Невмоготу в себе держать стало.

Неудобно было просто так уйти. Что делать, надо слушать, не отстанет ведь. Не сегодня, так завтра подкараулит. И Володя, проведя рукой по лицу, тяжело вздохнул и начал свой рассказ.

Как раз за месяц до трагедии под Кочиерами стоял он в дальнем охранении среди полей и перелесков. С правого берега повадились тогда на нашу сторону разведгруппы шастать. Где подстанцию подорвут, где трубопровод или ещё чего. Бывало, мирных сельчан поубивают. Казачий командир на своём «уазике» тогда же подорвался. Какой был мужик! Полковник, настоящий вояка. Наводил ужас на все правобережье. Заминировали супостаты ему дорогу. На смерть разбился. А чуть раньше привезли из-под Кошницы семерых наших гвардейцев. Убитых. Попали под ихнюю «шилку». Правда, они тоже хороши. Зачем было переться на «бэтре» в нейтралку? Первые румынам захотели пощекотать. Кто же знал, что у них «шилка» появилась?.. Всех наших тогда и порешили. И «бэтр» сожгли. Хоронили всем городом. Помпезно. Жертвовали, кто сколько мог. Речи какие говорили. Молодёжь так и рвалась потом на фронт. Отомстить, значит...

Дело к вечеру шло. Хорош воздух за городом! Тишина вокруг. Несколько раз на пост выбегали косули, чуть ли не в шалашик к нему в гости. Забавные, красивые такие. Горлицы курлыкали. Кузнечики всякие стрекотали. А птиц, каких только не было! Ночами особенно донимали соловьи. Уж наслушаешься, и жить хочется.

Где-то за кустами застрекотали сороки... Э, что-то тут не так. Сорока – птица осторожная, близко не подпустит, всех оповестит. Подруги-вороны сорвались стайей и рванулись за перелесок. Спугнул, значит, кто-то. Шалашик был замаскирован, с дороги не видно, а ему из него – обзор хороший. Обстрел в случае чего вести весьма удобно. Володя почувствовал в груди неприятное громохание. Застучало в висках. Страшно сделалось. Сменщик не приехал ещё, хотя уже давно время вышло. Напарника тоже где-то чёрт носил. По девкам, как всегда, наверно. Один тогда был среди своего испуга сержант Ильяшеко. Один со своим «калашниковым».

Вот прямо на него одного и вышли из перелеска незнакомые люди. Одеты не по-военному, но вооружены кто винтовкой, кто автоматом.. Не наши... Сторожко идут, озираются. Возрастом от тридцати до сорока пяти где-то. По всему видать, крепкие мужички. Однако, оружие за спиной. И уставшие какие-то. Немало прошагали, видать.

Владимир, так и не справившись с сердцебиением, быстро приладил рожок к автомату, передёрнул затвор. Предохранитель перед этим перевёл на стрельбу очередями. В карман сунул пару лимонок и ещё два запасных рожка. Всё происходило, как не вправду. Был очень тихий вечер. Обалденно пахли травы и цветы. Вечерние бабочки мелькали, стремительно проносились летучие мыши. Где-то у горизонта заискрились первые звёзды. Раскраснелись тучи, что брели кудрявой отарой вдоль востока на ночлег, очевидно. Идиллия... И вот тебе на!

Он возник перед ними, как архангел. Разведчики, если конечно это были разведчики, опешили. Даже рты разинули. А Ильяшенко, оправившись от испуга, вдруг сообразил, что у него эффект внезапности, и преимущество в тактике поведения явное. Вскинув автомат на изготовку к стрельбе, он громко рявкнул:

- Стоять! Кто такие? А ну, руки вверх подняли, чтоб я видел. Стоять, я сказал, б...

А насчитал он их - аж двадцать человек! И все подняли руки, потому что положение у них было никудашнее. До перелеска шагов пятьдесят, справа, слева – поле. Спереди гвардеец придурковатого вида с автоматом на взводе. Так и стояли, оцепеневши. Только один, самый чернявенький, всё время чему-то улыбался. «И чего он тащится, сволочь?», - Володю это начинало злить. Может, это передовой отряд? А в кустах – целая банда? Может, его самого уже на прицеле снайпера держат...

- Ты чего лыбишься, гад? Штиу молдовенешти, панове? А, домнуле румыны? А ну, отвечать, скотобаза, б... Кто такие, мать вашу так перетак! Что тут без моего разрешения разгуливаем?

Он слабо себе представлял, что делать дальше. Ситуация складывалась, хуже не придумаешь. Двадцать голворезов, а Володя нисколько не сомневался, что именно самых отъявленных он и поймал, стояли перед ним и уже догадывались, наверно, что гвардеец один, что к тому же чуть не обделался с испугу, и брать его можно голыми руками.

И вдруг в кустарнике справа, шагах в ста, завязалась какая-то возня, затрещали ветки, кто-то то ли зарычал, то ли ругнулся. Ильяшенко вздрогнул всем телом, невольно повернул туда голову. Чернявенький, что всё время улыбался, неожиданно кинулся бежать. За ним рванули ещё человек пять. Палец сам нажал на спусковой крючок. Ильяшенко даже и не целился толком. Через минуту все двадцать человек уже лежали - кто посреди дороги, кто на поле - истекая кровью.

Владимир обезумел. Мало соображая, он автоматически поменял пустой рожок на полный, передёрнул и пошёл добывать ещё живых...

- Во, какие дела, Петрович... За что двадцать душ загубил? Сам не пойму. Вот ноги мне и оторвало. И поделилом, мать её... Бог всё видит. Дай пятёрочку-то взаймы, что ли? Душу мутит, мочи нет терпеть. Петрович, будь другом...

ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ (рассказ)

Старый кобель, задыхаясь от гнева и обиды, не просто лаял, а впадал в пароксизмы истошной хрипоты с утробным завыванием. Будка вся тряслась сама и содрогала примыкавшую изгородь. Его, заслуженного пса, грозу бродячих котов, соседских курей и воров, как последнюю шваль, запихнули внутрь этого родного, но вдруг сделавшегося ненавистным, собачьего приюта, а снаружи подпёрли массивной крышкой от винной бочки. Он упорно драл её когтями, царапал, пытался захватить клыком, отчего из пасти ручьём бежала слюна, как при бешенстве. Вот до чего довели... Хозяева, называется! Где же та справедливость, где гуманизм? И он с утроенной яростью принимался по-собачьи материть весь белый свет и ещё злее кидался на проклятую крышку, от которой так мерзко пахло кислым и несъедобным.

- Ану, цыть, бисова скотына! – ругнулся Титаренко и, что было мочи, саданул сапогом, - зовсим здурив на старость, подлюка. Цыть, я казав, тварь! – и комбат повторил процедуру тем же самым сапогом, только чуток сильнее. Пёс, казалось, вот-вот задохнётся, зайдясь в длинном астматическом приступе, как в агонии при дыхательной недостаточности. А каким ещё другим образом собаке выказать крайнюю степень возмущения творимой несправедливостью?

- Та шоб тэбэ розирвало, прыдурок! – подошёл хозяин с хворостиной в руке. Отодвинув крышку, он за ошейник вытащил одичавшую собаку наружу и смачно, от души, протянул хлыстом вдоль облезлой спины. Бедняга громко заскулил, будто заплакал, униженно поджал хвост, припал на лапы, начал лебезить. Его тут же пинком водворили на место и снова подпёрли вход той же дубовой крышкой, - сиди и не рыпайся тут, шоб я тэбэ и не чув даже. Зрозумив, чмо болотное?

Небольшой заасфальтированный дворик был чисто выметен, прибран. Плодовые деревья на метр от земли побелены известью, аккуратненькие бордюрики, выложенные силикатным кирпичом вдоль асфальтовых дорожек, приветливо белели в глубине ухоженного сада. Прямо в дворик свисали отяжелевшие ветви двух черешен, белой и красной. Жена комбата, Мария Захаровна, не спеша, срывала сочную крупную ягоду и складывала в полиэтиленовый мешочек, чтоб после помыть и подать на стол. Известью же, традиционно, была побелена и хата. Наличники окон выкрашены яркой голубой краской. Крыша, как водится, из кровельной жести. Её покрыли красно-коричневым суриком. Вдоль забора густо росли малина, крыжовник, смородина. Несколько грядок были отданы цветам. Огромные белые лилии источали резкий необычный аромат, переполнивший не только сад и дворик, а и часть улицы. Слышалось монотонное гудение пчёл, собиравших нектар и опылявших цветник. Видимо, у кого-то из соседей имелись два, три улика. Пчёлы мирно возились на своей плантации, людей не трогали и беспримерной своей работоспособностью создавали иллюзию земного вечного благоденствия.

Хозяйка споро накрывала на стол. Помогая ей, муж частенько нырял в погреб, сооружённый тут же во дворе, как добротное бетонированное хранилище, в котором замечательно соседствовали и виноградное вино, и компоты, и свежие яблоки, всевозможные закрутки, консервы и прочая съедобная всячина, ка-

кую дарит к осени трудолюбивым приднестровцам щедрая молдавская земля. Рыжая тощая кошка Марыся бегала следом за хозяйкой, надеясь на подачку, лезла ей под ноги, тёрлась впалыми боками о хозяйкины икры, пока та, наконец, не споткнулась и не отправила назойливую Марысю к «бисовой матери» не сильным пинком.

Стол быстро заполнялся аппетитным великолепием. По центру расположились глубокие тарелки со студнем. Холодец, как правило, варили из петуха-каплуна. Навар получался густой, душистый, золотистого цвета, быстро и прочно застывал. Рядом красовались жареные перцы, бочковые помидоры, мочёные яблоки. Аппетитными ломтиками розовел нарезанный солёный арбузик. Чуть раньше хозяйка накрошила салат из свежих помидоров, огурцов, гагашаров, сдобрила его сметанкой, добавила петрушки, укропа, надала чесноку. Предвкушая это кулинарное торжество, организм принимался вырабатывать пищеварительные соки, которые бурными перистальтическими волнами будоражили кишечники, и это могучим урчанием витало по дворику. У собравшихся по приглашению хозяев гвардейцев уже сводило животы. Сглатывая обильную слюну, мужчины стойко пытались бороться с охватившим нетерпением. Это были крепкие, разных возрастов люди в военной форме. Почти у всех на груди позвякивали медали и ордена. Больше всех наград было у комбата, подполковника Титаренко Павла Степановича, и его заместителя по тылу полковника Сумарокова Николая Ивановича, которого все называли «дедом». Полковнику уже перевалило за пятьдесят. Весь седой, с испещрённым глубокими морщинами лицом, Сумароков, однако, отличался крепкой статурой и выпуклым мышечным рельефом. В одном из боёв, поговаривают, он в рукопашной уложил голыми руками четверых. Рядом с дедом прохаживался начальник медицинской службы, а чуть поодаль молча курил замполит батальона, подполковник Вовчанский. Хозяину помогал носить из погреба прапорщик Жиганов Митя. Вскоре подъехал командирский «уазик». Вася, водитель, извлёк из «собачника», так назывался отсек за задними сиденьями, объёмистую сумку, содержимое которой загадочным звоном отвечало на встряхивание. Сумка торжественно была передана «деду».

Наконец, хозяйка дома, моложавая пышногрудая хохлушка, которую все ласково называли Ганнушкой, пригласила рассаживаться. На столе тем временем появилось тушёное мясо, мамалыга и голубцы. Характерно, что ударение в слове «голубцы» обязательно делалось на первом слоге, в отличие от того, как говорят в России. Русские голубцы – огромных размеров, съедались в два–три приёма. А молдавские – маленькие. Накальываешь на вилку, обмакиваешь в сметану и – в рот. Некоторые умудряются за один заход отправить по три, а то и по пять сразу. Опытные хозяйки при изготовлении этого блюда использовали и капустные и виноградные листья. Вкус – изумительный. И тем впечатлительнее, когда на столе по соседству красуется глиняный кувшин с превосходным сухим вином и покрывается испариной.

Хозяин, муж Ганнушки, небольшого роста и почти пожилой с такой же, как у «деда» белой головой, старший прапорщик Стецюк Иван Семёнович, был доверенным человеком у командира батальона. Занимая должность начфина, Семёныч одновременно являлся чем-то вроде ординарца. Через него проходила вся информация, и многие батальонные вопросы Титаренко доверял решать ему самостоятельно.

- Ну, что ж, панове, прошу сидаты за стол, - Семёныч широко улыбнулся, обнажив ряд золотых зубов, - Павлу Степановичу сюда, замполиту – здесь. Доктор, проходите, будь ласка, до Марии Захаровны. Сидайте, гости дорогие.

- По ко-о-оням, - громогласно отшутился Титаренко и, подмигнув «деду», скомандовал, - к бою!

Сумароков под столом расстегнул сумку, принесенную Васей, и выставил одну за другой пять бутылки «Белого аиста». Не в силах сдерживать слюну, гвардейцы ринулись к столу, как в атаку. Лица у всех блаженно растянулись улыбками. В течение нескольких секунд бутылки были откупорены, еда разложена по тарелкам, а рюмки до краёв наполнены божественно золотистым напитком. Запах коньяка ещё сильнее взбудоражил «червячка», которого срочно требовалось заморить. Крепкие гвардейские челюсти приняли боевую готовность, а мышцы могучих глоток вошли в рабочий тонус.

И вот поднялся комбат. За столом затихли. Улыбки вдруг исчезли, и лица посерьёзнили. Выдержав паузу, Титаренко взялся за рюмку:

- Товарищи офицеры, товарищи прапорщики! Боевые друзья и братья мои, - произнёс он приглушённым, но твёрдым голосом, - сегодня у нас необычный день. Такого праздника раньше не было, да вы знаете... Мы впервые отмечаем День нашей республики, независимость которой завоёвана нашими с вами руками, кровью и великим страданием. Пусть не признанна она бюрократившимся и деморализованным мировым сообществом, продавшимся американским капиталистам, но мы здесь и стоим для того, чтобы жила Приднестровская Молдавская Республика на века.

Комбат опустил голову, помолчал. Потом глубоко вздохнул, оглядел сидящих.

- Первый тост. Родные мои...

Все поднялись и стали «смирно». Рюмки – на уровень груди. Воцарилось молчание. Только пчёлы продолжали неизменно жужжать в саду. Вечерний луч, пробившись сквозь листву старой орешины, могучая крона которой укрывала двор от зноя, заиграл на хрустальных гранях золотистыми зайчиками, запрыгал по лицам, брызнул блёстками в глаза. Митя Жиганов при этом низко склонил голову, пытаясь скрыть набежавшие слёзы, до скрипа в зубах сжал челюсти. Ему довелось первым в этой войне получить вражью пулю, а потом испытать все ужасы плена в Кишинёвских тюремных застенках, где румынские полицейские до смерти забили его друга детства Серёжу Жована, а ему самому, раненному и невзлюбленному в тюремном лазарете, раздробили прикладами голеностопы и не оставили ни одного целого ребра. А в один из

проклятых дней после очередного жестокого избиения Митю наголо остригли и заставили есть волосы. И он съел...

Потом их, Митю, подполковника Вовчанского и других, оставшихся в живых, обменяли на пленных румынских офицеров. Митя в боях искал уголения жажды ненависти, рвался в самое пекло, убивал, не щадя, был повторно ранен, но из батальона не уходил, залечивался в санчасти. Как и другие, он с болью в душе хоронил погибших друзей, каждого из которых считал братом или отцом. И они, погибшие, в эту минуту незримо были рядом. Поэтому первый свой тост гвардейцы всегда пили в молчании, не чокаясь и стоя «смирно».

Сердобольная Ганнушка не выдержала печальной торжественности момента и щедро залилась слезами, вспомнив, как год назад ей позвонили на работу и сообщили, что муж Иван в больнице и состояние очень тяжёлое. Не помня себя от горя, всё бросив, летела она быстрее ветра на встречу с неизвестностью. Стецюк тогда был ранен в грудь навывлет снайпером. Хирурги успели его спасти, так как вовремя влили почти три литра крови, благо запасы имелись. В реанимации её ждала Мария Захаровна. Женщины обнялись и долго горько плакали. А Иван Семёнович в это время, хоть и медленно, но всё же возвращался с того света.

Гвардейцы выпили одновременно, не проронив ни звука. Уселись. Молчание ещё некоторое время не нарушалось ничем, ни разговором, ни звоном посуды.

- Ну, а теперь – за живых. Замполит, скажи тост...

На село медленно опускался бархатный сентябрьский вечер. Облака висели под куполом синего неба яркие, багрово-розовые. Где-то в саду заворковали горлицы. А в кустарнике у реки защёлкали соловьи. Чуть позже начались лягушачьи концерты. По селу заматались мычания и бляньня. Где-то заиграла гармонь, но её вскоре заглушила громкая молдавская мелодия, кто-то, видимо, вывел колонки на улицу и через усилитель гонял кассету с записями местных песен и танцев. За столом вовсю уже шли оживлённые беседы. Пять опустевших бутылок сменились полными, извлечёнными всё из той же «дедовой» сумки. Командир даже позволил водителю Васе пропустить пару рюмок. Ганнушка подала очередное блюдо – «мититеи» Это такие своеобразные молдавские котлеты, удлинённые, будто колбаски, и приправленные чуть больше обычного чесноком, перчиком и чем-то очень душистым и весьма приятным на вкус.

Мужчин основательно развезло. Потянуло на воспоминания. Мария Захаровна затянула песню, широкую и добрую, как украинская степь с неизменным «чумацким шляхом» над нею в ночном небе:

- Ой, чий-то ки-и-и-инь стои-и-и-ть,

Сывая гры-и-и-ивонька-а-а-а.

Сподобала-а-а-ась мэни, спо-го-добала-а-ась мэни

Тоя дивчы-и-и-и-онька-а-а-а....

Тут же вторым голосом подхватила Ганнушка. Слившись в двузвучие, песня своей красотой заполонила пространство и возымела воздействие на ещё сохранившиеся лирические струнки в душах загрубевших на войне мужиков. Почти все стали подпевать. И никто, конечно, не обратил внимания на то, как Митя Жиганов быстро встал из-за стола и удалился в сад, туда, где потемнее, и как там, присев под яблоней, он уткнулся лицом в скрещенные на коленях руки и затрясся от безмолвных рыданий. Получилось так, что женщины, того не ведая, запели любимую его и Серёжки Жована песню. Они её исполняли дуэтом с самого детства и всю остальную жизнь. Особенным успехом это пользовалось на товарищеских вечеринках, когда, разложив мелодию на голоса, парни прямо-таки завораживали слушателей своим мастерством. Девчата так и млели. Многие вспомнилось Мите в этот вечер, и душевная боль сделалась невыносимой. Он сидел под яблоней, пьяненький, и горько-горько плакал. Как дитё...

Было начало зимы. Их пост расположился в будке ГАИ на перекрёстке дорог, где имелась транспортная развязка в виде кругового движения. Из Кишинёва дорога подходила прямо, по мосту через Днестр, слева примыкала Тираспольская трасса. Сливаясь, они разветвлялись одна кзади на Дубоссары, а другая – на плотину ГЭС. Будка была построена типично, с огромными для обзора окнами. Внутри приспособили две печки киловаттки, чтобы греться.

В основную задачу гвардейцев входила проверка проходящего транспорта, документов у пассажиров и груза. Как правило, у кое-как оборудованного шлагбаума стояли по двое. События того времени, хоть и отличались настороженной напряжённостью, однако, открытых схваток ещё не было. Служба проходила в основном спокойно, без каких-либо эксцессов. Граждане с готовностью предъявляли паспорта, открывали багажники, нисколько не препятствуя досмотру. И так ежедневно, неделя за неделей, месяц за месяцем. Кончилась осень. Прихватив с собой охапку мокрых серых туч, заявился декабрь. Заметно похолодало, но не до морозов. Над Днестром носились необузданные ветры, словно молодые жеребцы, которых вдруг выпустили из загона на волю. Давно уже опустели сады, виноградники. С полей колхозы вынесли свои урожаи, а что осталось – добрали жители местных сёл. Небосвод перестал синеть и сделался как из папье-маше. Частьенько спадали дожди, и жирный чернозём становился глянцево зеркальным, особенно в тех местах, где собирались невообразимых размеров лужи. Потянулись неприглядные зимние будни. Снег ещё не выпал, земля оставалась голой, неприветливой. Природа Приднестровья медленно входила в парабиоз.

На этот раз ночь выдалась как никогда спокойной. Через пост проехало две-три машины и всё... Само собой как-то получилось, что гвардейцы приладились дежурить по одному, чтобы не торчать на пронизывающем ветру четыре часа к ряду. Постоял два часа, потом напарник два часа, и все довольны. Конеч-

но же, нарушение это было замечено начальством, но жёстких мер не принималось. Спокойно ещё было в Приднестровье, беспечно...

Митя Жиганов проснулся сам. Было без четверти два. В гаишной будке воздух от киловатток прогрелся хорошо, гвардейцы мирно посапывали. Рация молчала, никто не требовал докладов. Видно, в штабе, в центре Дубоссар, тоже дрыхли. Митя сладко потянулся, до хруста в суставах, тихо встал, надел сапоги, которые ещё раньше он обрезал в голенищах по типу десантных, как в армии, накинул бушлат и, прихватив солдатскую шапку-ушанку, бесшумно вышел наружу. Нашупал в кармане пачку сигарет. Закурить что ли? До дежурства ещё пять минут. Серёжа Жован бродил метрах в двадцати без дела и, видимо, мёрз.

Ба-а-а... А на небе-то звёзды! Чудеса. С вечера хныкал дождь, а сейчас - такая благодать. Митя отыскал Большую Медведицу и залобовался ею. Где-то справа подплыл к взору месяц. Стояла тишина.

- Серёга! Ты там живой? Иду пост принимать, - и Митя, дурачась, промаршировал к другу детства строевым парадным шагом, высоко вскидывая носки своих «десантных» полусапожек и громко печатая подмётками по асфальту.

- Товарищ прапорщик гвардии! Докладывает старший сержант гвардии Жован, - Серёжка дурачился в тон Мите, - за время Вашего отсутствия и моего присутствия присутствие кого-либо, чьё присутствие для присутствия среди присутствующих было бы нежелательно, отсутствовало. Докладываю, автомат не пропил, так как было не кому. Проехала одна машина, угостили пачкой сигарет «Прима» и двумя леденцами «Театральные». Один иссосал, второй передаю Вам.

- Вольно, сержант! Гони сюда бандуру и иди дрыхни. А звёзды, Серёга, гляди, какие. Что назавтра будет, может, потеплеет?

- Да неплохо было бы. Чёрт! И замёрз я, как голодная собака. Ладно, давай закурим.

Чиркнув спичкой, дал другу прикурить, затянулся сам. Они поболтали ещё несколько минут, и Серёжа поднялся в будку. Опять удивила стоявшая вокруг тишина. До звона в ушах. Звёзды усыпали весь небосвод и хороводили по кругу. И вдруг Мите взгрустнулось. Что-то тревожное выползло откуда-то из подсознания и, разложившись на хрононы, повисло незримым облачком вокруг молодой ещё его головы. Как-то всё сложится в жизни дальше? Мир перевернулся с ног на голову. Была страна, и нет страны. Всюду политические какие-то страсти. Вот и он сейчас стоит здесь, с автоматом в руках, и совсем ещё пацан. Тишина вокруг. Но в руках-то автомат, не гармошка...

Где-то за мостом через Днестр над верхушками деревьев заплясали сполохи. Наверно, машина. Чудно, подумалось Мите, люди-то всюду одинаковые. Женятся, рожают детей, которые ходят в школу, потом - кто в институт, кто на работу, кто, как Митя, в армию. А потом всё опять повторяется. Так было, так будет. Причём здесь автоматы? Из темноты, что, загустев, заволокла кусты поодаль, мелькнули светящиеся точки. Собака или волк? Ближе не подойдёт, побоится. Прислушавшись, Митя различил шум воды на реке. Это в опорах моста течение завихривалось и негромко разговаривало с берегами. Раньше к мосту выбирались порыбачить дубоссарцы. Таскали судаков. Некоторые ухитрились выловить рыбку до полутора метров на зависть менее удачливым. Теперь мост заминирован. Между правым и левым берегами возник политический конфликт, который по всей вероятности уверенно переходил в военный.

Зябко поёжившись, холодно-ватно становилось под утро, Митя попрыгал на месте, взбодрился и принялся шагать у шлагбаума туда сюда, чтобы согреться. Время подходило к четырём. За Днестром вновь появились сполохи, которые через несколько минут стали отчётливее и вскоре полоснули по ночному небу двумя клинками. Над рекой замутилась дымка, и лучи от автомобильных фар ковырялись в ней, как в масле. Послышалось урчание мотора. Чуть погодя, показала и сама машина и, ударив прицельно мощными лампами в отражателях по сетчатке глаз, на время ослепила гвардейца Митю Жиганова.

Когда он вновь смог различать пространство перед собой, машина уже перебралась через мост и, сбавив ход, подкатывала к его посту. И кого несёт в такую рань, подумалось с досадой. Митя поднял руку, призывая водителя остановиться и притушить фары. Удалось разглядеть, как подъехал и остановился автобус «пазик». Однако, водитель свет не погасил, что являлось грубейшим нарушением условий проезда через пограничный пост. Прикрываясь рукой, Митя подошёл к шлагбауму и помахал, показывая тем самым, что требует, чтобы кто-то вышел к нему.

Он до сих пор не поймёт, почему не среагировал тогда на то, что водитель не погасил фары. Чувство вины за свою беспечность до конца жизни будет жечь Мите Жиганову душу, пока не сожжёт её дотла. И тогда свернёт Митина дорожка далеко в сторону от тех светлых тропинок, по которым шагали его и Серёжины идеалы юности. Спустя пять лет, Митя ограбит своего бывшего сослуживца, того самого доктора, начальника медицинской службы их батальона, который лечил его раны и, в конце концов, вылечил их. Он придет к нему с бандой вымогателей за несчастными ста долларами, пригрозив убить, если тот начнёт артачиться, единственного ребёнка. А ещё через три года его пристрелят свои же поделщики в пьяной разборке. Но это - потом, потом...

Из автобуса, не спеша, вышел человек и под прикрытием слепящего света фар направился к Мите.

- Буна диминяцэ, домнул гвардеец, - с ехидцей произнёс подошедший, - что вам угодно? Может, хотите взглянуть на наши документы?

Митя сумел разглядеть военную форму необычного образца. Само по себе возникло чувство, но не опасности, нет, а уже обречённости, так как он успел живо сообразить, какую ошибку допустил по неопытности и ЧТО сейчас произойдёт...

Противник был в пределах их досягаемости, но, не стесняясь, нагло долбил по соседям ополченцам, словно был на сто процентов уверен, что ему это спустят на тормозах. Налетавший ветер доносил запах пороховой гари. Что происходило сейчас там, у соседей, можно было только догадываться. Судя по частоте разрывов, их обрабатывали основательно, не скупясь на боезапас. Откуда такая щедрость, интересно? И почему нет приказа открыть огонь? Странно... Капитан Ружинский, командир батареи, не находил себе места. Уже в который раз он пытался дозвониться на КП до своего комбата Титаренко, и всё без толку. Ручка полевого телефона, которую капитан с яростью то и дело накручивал, уже до крови намозолила пальцы, однако в трубке безнадежной тоской царил тишина. Заснул комбат, что ли?

Ружинский тихо выругался и окликнул сержанта Витю Черненко, который был у него и за ординарца, и за связиста. Виктор моментально возник, как из-под земли, и весь обратился в слух.

- Что со связью? – не очень ласково буркнул командир батареи.

- А что, товарищ капитан? Была в порядке. С вечера самолично всю проверил. Обрывов нет, аппараты рабочие. Не знаю, чего Вы недовольные...

- Так какого чёрта комбат не отвечает? Уже полдня, как эту хреновину кручу, не дозвониться никак.

- А ну дайте, я попробую, - Черненко ухватился за аппарат и принялся терзать ручку вызова, - та-а-а-к, не ясно, может на линии что? Командир, а Вы по радиии свяжитесь.

- По какой радиии... Радию замполит вчера ещё забрал к себе в резиденцию. Ему она, видите ли, нужнее.

- Ну, я не знаю тогда, товарищ капитан. Может, слетать, разведать, что к чему?

Ружинский почесал затылок. Эта неопределённость начинала раздражать, и тем более чем отчётливее становились разрывы слева, которые как будто приблизились к их позиции. Надо было принимать какое-то решение. Ох, не лёгкое это дело – самостоятельность на войне! Любое боевое решение – это жизни людей, ответственность, в особенности, когда обстановка далека от понимания, а уяснить её уже нет времени. Ждать, пока начнут молотить по тебе, весьма чревато. Противник что-то задумал на этом участке, это ясно как день, а вот, поди, разгадай... Если что, тебя же потом и обвинят.

- Так что будем делать, товарищ капитан? - Черненко переминался с ноги на ногу, прислушиваясь к усиливавшейся канонаде слева. Ему также уже становилось не по себе. И было, чему волноваться.

Над головами зажужжали шальные осколки. Совсем близко зачалась пальба. Кто-то в кого-то строчил из автомата, на флангах затараторили пулемёты. Среди всеобщей трескотни порой различалось уханье трёхлинейек, раздобытых в местном краеведческом музее. Редкостной убойной силы, эти винтовки времён первой мировой войны, старательно отчищенные и отремонтированные, разили на большом расстоянии и, если пули попадали в цель, то разрывали жертву в клочья. Часть ополчения была вооружена охотничьими ружьями. Патроны набивали картечью и в ближнем бою осыпали атакующих свинцом, как горохом, нанося существенный урон живой силе. Ружья при выстреле изрыгали огромные облака дыма и оглашали окрестность характерным сильным кашлем. Всё это сейчас гулко гремело и взвизгивало. Впереди, на нейтральной полосе взметнулось несколько смерчей, а через секунду-другую раздался грохот разрывов.

- Всё, амба... Шутки кончились, - Ружинский заметно побледнел. С минуту поразмыслив про себя, он, срываясь на фальцет, заорал:

- Командиры расчётов, ко мне! – и, пока по окопам к нему спешили подчинённые, приказал Черненко:

- Витя, что есть мочи, бегом по проводам, проверь, нет ли обрывов. И вот что, добеги до КП, до комбата, мать его... Живой он там? Давай его на связь. Или замполита на худой конец. Смотри там сам, по обстановке. Видишь, что детсяя?

- Есть, командир! Я мигом... - Виктор резво сиганул через бруствер и быстро исчез за густыми кустарниками.

Тем временем в окопчик к командиру набежали миномётчики и, присев на корточки, напряжённо ожидали, что скажет Ружинский. Капитан ещё некоторое время что-то раздумывал, вглядываясь в разрывы мин уже в непосредственной близости. Наконец-то он заговорил:

- Так, гвардия, слушай пропозицию... Я так полагаю, что румыны сейчас перекинутся сюда, на нас. Поскольку начальство летает в облаках, или чёрт их бисову душу знает, где они шляются, будем решать самостоятельно. Давайте совместно мороковать. Ждать больше некогда, да и некого.

Батарейцы зашмыгали носами. Все уже и так догадались, что, если не предпринять срочные меры, то будет очень погано всем - и соседям, и им самим. Решалась ни много, ни мало, а судьба всего плацдарма.

- Капитан, - простужено прохрипел командир расчёта прапорщик Сиволоб, - а что тут рассусоливать? Надо въе... по ним со всех стволов, пока они нам «огурцов» не накидали.

- Верно, командир, - поддержал младший лейтенант Шульга, командир другого расчёта, - надо работать, причём аккордно. И так вон, уже не знаешь, как потом соседям в глаза смотреть, - и смачно выругался в адрес чьих-то батюшки и матушки, грешным делом упомянув и Бога, и душу...

- Ладно, мужики, давайте по местам и приготовьтесь. Я дам знать.

Когда командиры расчётов разошлись, к Ружинскому доставили запыхавшегося посыльного от ополченцев. Ободранный, потный, весь закопченный, как чертёнок, с блестящими белками глаз боец без обиняков накинулся на капитана чуть ли ни с кулаками:

- Это что же такое делается, а! Вы, бля, чего тут бездельничаете, мать вашу так, бля?.. – посыльный закашлялся, сплюнул Ружинскому прямо под ноги и, разойдясь не на шутку, стал орать, как ошпаренный, - ты, командир, бля, ты знаешь, что нас там мочат, как капусту, а вы тут загораете, бля !!! Суки вы...

- Боец, полегче на поворотах! – Ружинский вдруг рассвирепел. Ему и самому хотелось на ком-нибудь разрядиться от накопившейся досады на своё начальство. А тут ещё этот, психованный, на мозоль больную начал давить. - Ты, сукин сын, как разговариваешь? Да я тебя...

- Ой-ё-ё-й! Он меня... Да что ты можешь, крыса тыловая,- ополченец скривил презрительно гадкую гримасу, - вы, бля, проститутки гвардейские, на кого вообще работаете? А? У нас, бля, окопы уже по колено в крови... А ты, гнида капитанская... Ну, чего... Чего вылупился, бля?

- Что-о-о-о!!! Ах ты щенок... Пристрелю на хрен! – Ружинский почувствовал, как у него зазвенело в ушах. Он ещё ни разу в жизни не подвергался такому открытому оскорблению, причём от нижнего чина. Заметно дрожавшими от гнева пальцами капитан выхватил из кобуры «Макарова» и взвёл курок.

- Стреляй, козёл вонючий, - посыльный уже себя не контролировал и бесновался, - ну, стреляй, гад! Жопы румынские... Не зря ребята поговаривают, что вы все тут предатели. За сколько купились, суки? Эх, вы...

Белый, как мел, Ружинский затрясся. «Убью подлеца! Вот сейчас возьму и прикончу... Будет знать... Господи! Да что он потом-то знать будет?». Капитан отметил, что целится пистолетом ополченцу прямо в лоб.

- Что, слабо? – боец без тени страха смотрел Ружинскому в глаза и криво ухмылялся, - жилка не та, капитан? Герой...

И вдруг, совершенно неожиданно, ополченец рухнул на дно окопа лицом вниз и задёрнулся в конвульсиях. Потом послышалось его горькое, тяжёлое, с надсадой рыдание. «Да что это я, в самом деле? – Ружинский опустил оружие, - чуть было хлопца не застрелил. Он что ли виноват в этом бардаке? Они там действительно хлебуют из полной чаши. А мы...»

- Батаре-е-е-я!!! По це-е-е-лям, бе-е-е-гло... Ого-о-о-о-нь!!! Ого-о-о-нь, в Бога, душу... - последовавший мат потонул в грохоте.

Миномётчики, как бы пытаясь компенсировать ущерб от невольного своего бездействия, повели стрельбу невероятно скоро. Позиции затянуло удушливым дымом. По флангам, как отбойные молотки, буравили загазованное пространство пулемёты.

Капитан, как только грянули залпы его батареи, сразу же успокоился и приобрёл свой обычный сосредоточенный вид. Вспомнив, что в руке пистолет, он оглянулся. Посыльный ополченец сидел, охватив голову руками, и покачивался со стороны в сторону, как обезумевший. Чувство жалости к этому оборвышу, невесть откуда взявшееся, пронзила всё нутро. Совсем ещё зелёный... По щекам размазались слёзы и сопли, волосы всклокочены, взгляд отрешённый. Ружинский незаметно поставил «Макарова» на предохранитель и спрятал обратно в кобуру.

Работа шла вроде бы нормально. Боекомплект позволял некий размах, и батарея щедро обрабатывала линии окопов и огневые точки правобережцев, удачно сбивая им азарт и умеряя волчьи аппетиты. Внезапное интуитивное чувство тревоги заставило капитана напрячься. Ещё не поняв, в чём собственно причина, он вдруг различил сквозь грохот боя характерный щелчок у себя за спиной. Это клацнул затвор автомата. Ружинский был боевым офицером и имел глубоко въевшиеся рефлексы самосохранения. Моментально среагировав на опасность, он резко рванул в сторону и припал к стенке окопа у самого дна. Над ним просвистели пули. Не раздумывая, капитан тот час же ринулся в другую сторону, и очередь прошла место, где он только что был. Стрелял ополченец. В горячности никто, в том числе и сам Ружинский, не догадался отобрать у тронувшегося умом бойца автомат. Деваться капитану больше было некуда, он упёрся в угол. Краем глаза удалось отметить, как прямо через открытое пространство, не пригибаясь, бегут, сломя голову, к нему на выручку Сиволоб и Шульга. Да, им не поспеть, отметил про себя машинально Ружинский и с каким-то непонятным безразличием стал наблюдать, как зрачок дульного среза ополченецкого автомата медленно повёл взор в его сторону и остановился прямо на переносице. На лице ополченца блуждала загадочная улыбка, а палец, зацепивший спусковой крючок, не спеша, плавно сдвинулся с места...

Метрах в десяти за окопом разорвалось несколько мин, взъерошив осколками бруствер и подняв тучу пыли. Обдало удушливым пороховым смрадом. Батарейцы несли потери. Появились раненые и убитые. Миномётные стволы раскалились до красна. Их остужали мокрыми тряпками и снова стреляли, стреляли. Бой принимал серьёзный характер. Правобережцы, застигнутые было врасплох гвардейским огнём, не позволившим им безнаказанно расправиться со слабо вооружённым ополчением, довольно-таки быстро оклемались и перенесли основную ударную мощь на позиции подразделений гвардии. Их стволы уже нашупали, где можно было пожить. Мины ложились не наугад, а пристрельно, смертно воя и отвратительно шипя. Тонны чернозёма перепахивались слепой силой разрывов, взметались вверх и расплывались по обугленным окрестностям. Несчастливая земля! Будучи невероятно плодородной и щедрой, она вскормила не одно поколение. Её поля, сады, виноградники одаривали добрыми плодами не только Молдавию, но и Россию, Украину, Белоруссию, всё то, что сейчас называется СНГ. Знаменитые Криковские вина и сейчас широко известны во всех уголках планеты. А образец её почвы хранится в эталонной сокровищнице как самый уникальный и жизнеспособный. За что ей всё то, что случилось на рубеже двух веков? Просторы, где сегодня

должны полахать бы цветы, сочиться изумрудом буйные травы, бродить беспечно отары и стада, покрылись язвами артиллерийских воронок, в глубине которых накапливалась, словно кровь, грунтовая влага, а вокруг творилось братоубийственное жертвоприношение неведомо во имя чего или кого.

Витя Черненко спешил. Пробежавшись по всем линии связи, он повреждений не обнаружил. Войдя в село, где в одной из крайних хат расположился КП батальона, Виктор вздрогнул от грохота разгоревшегося позади боя. Из села в сторону позиций бежали гвардейцы, бывшие до этого на отдыхе. Да, заварилась каша... У хаты, которую облюбовал комбат для своего КП, прохаживался автоматчик, по все видимости часовой. Черненко направился к нему.

- Стой! Куда? Ишь, какой приткий... - часовой преградил было путь, но узнав связиста от Ружинского, улыбнулся, - а, Витёк? Чего тебе?

- Как чего! Как чего! Ты оглох? Не слышишь, что творится? Где комбат? Меня Ружинский срочно послал за ним...

- Та нэма комбата, ещё утром в четыре часа в Тирасполь укатил, начальство вызвало.

- Так шо робыть? – Витя растерялся, - А кто из начальства есть?

- Замполит за командира вроде...

- Ну, так давай замполита! Земляк, не до шуток, ей Богу! У нас мочиловка.

- Та слышу вжэ... Бери, иди своего замполита, мать его... С вечера тёпленький... А зараз зовсим с глуду зыхав, собака...

Черненко, не дослушав, вбежал в хату. В комнатах, некогда чистеньких и прибранных, с рушниками на стенах и белыми занавесочками на окнах, царил хаос. Хозяева накануне ушли, чтоб от войны подалее, а временные гости похозяйничали так, что стало, как в хлеву и хуже. Повсюду пустые бутылки, на деревянном столе опрокинутые стаканы, куски хлеба, банки из-под тушёнки, окурки, шкурки от сала, крошки, не съеденный огурец... Пахло чесноком и цибулей. На кровати рядом со столом упокоился вдрызг пьяный замполит. Витя остолбенел... Как же так? Человек, который их гонял при любой возможности, драл, как сидоровых коз, наказывал и всячески унижал во имя высокой, как он утверждал, боеготовности, гроза и ужас целого гвардейского батальона, валялся в собственной блевотине и храпел, извергая такие выхлопы, что Черненко самого чуть не стошнило.

- Товарищ подполковник... - робко начал Витя, тронув замполита за рукав. Но, не дождавшись хоть какой-то реакции, он изо всех сил заорал, - товарищ подполковник! Вставайте! Господи, Боже ж мой... Та вставай же, сволочь... Там ребята гибнут! Слышишь ты, подпол хренов...

Обозлившись, Черненко наотмашь врезал подполковнику ладонью по щеке. Потом по другой.

- Ах ты, скотина! Ну, погоди! Я ж тебя...

Удары звучали, как выстрелы из пистолета. Виктор хлестал своего высокопоставленного начальника изо всех сил. Тот что-то мычал в ответ и пытался отмахиваться от гвардейца, как от назойливого сна.

В это время за околицей началась автоматная стрельба. Взорвалось несколько гранат. В хате зазвенели стёкла. Из-под замполита потекло... Прямо через постель на деревянный пол. «Что это? – Виктор оторопел, - та он же обоссался... Тьфу, мразь!» Задыхаясь от гнева и брезгливости, гвардеец левой рукой схватил подполковника за грудки, приподнял, как сумел, а правой саданул ему куда-то в глаз, аж хрустнуло под кулаком. Войдя во вкус, Виктор замахнулся, было, чтобы заехать посильнее да поточнее, но не успел. Прямо под окном раздались автоматные очереди и матерная ругань. Одна из очередей пришлась аккурат над замполитовской кроватью. Осколки стекла посыпались по полу, по кровати. Один из осколочков впился подполковнику в щёку, потекла тоненькая алая струйка.

«О, уже его и ранило, как героя войны...» - Витя попытался шутить, но надо было реагировать на обстановку. Он быстро выбежал из хаты. Часовой, припав на колени, стрелял в сторону набежавших небольшой ватагой гвардейцев их же батальона, правда, не по ним, а вверх. Один из гвардейцев снова прошил очередью окна. Другие при этом не прекращали несусветную ругань в адрес командования.

- Продали, гниды! Сдали за просто так румынам всю гвардию! А ну, пусти, слышь, ты! Мы его, падлу, быстро к присяге возвернём.

- Назад, мужики! Я не шучу, бляха муха, - часовой для острастки выпустил в небо пару очередей, - хоть убейте, не пушу...

- Ты, б..., заладил, не пушу, не пушу... Продался подпол наш, неужели не ясно? Защищаешь иуду. Смотри, неровён час, положим тебя здесь...

- Та куда ему? Прода-а-а-лся... Пьяный в стельку валяется, - закричал Витя Черненко, - ему по фигу всё сейчас. Хоть на куски режьте, не поймёт. Меня Ружинский послал. Комбата нету. А значит никого нету, считай... Этот, - Витя кивнул на окна, - пустое место. Самим разгрести надо. Мужики, давайте в окопы! Там народу скоро поубавится. Митинговать потом будем. И разберёмся потом, кто где чего делал...

Бойцы, немного успокоившись, ещё некоторое время погудели, словно растревоженный рой пчёл, и разбежались по позициям.

- Слышь, Витёк, вроде как телефон? – часовой, приставив ладошку к уху, указывал пальцем на окна. Действительно, послышался зуммер. Виктор кинулся внутрь к аппарату. Телефон стоял в углу на тумбочке и настойчиво дребезжал.

- Алло... Алло... Да, товарищ капитан, это я, Черненко. Да... Нет, комбата нет, утром в Тирасполь уехал. Командует? А командует замполит. Да... К телефону? Не-е-е, не получится, командир. А вот почему... Nate, послушайте сами...

Виктор поднёс трубку прямо к губам подполковника. Здоровый храп вперемежку с хрюканьем и бульканьями хлынул в микрофон и по прочному полевому кабелю быстро добрался до барабанной перепонки капитана Ружинского.

- Алло, Черненко! Алло, твою мать... Что за х... Ты что, фокусы со мной шутить вздумал, ё...

- Какие фокусы, капитан? Если бы... Валяется Ваш подполковник без памяти. Только что вот обмочился при мне, прямо на кровати, пьянь поганая. И что, скажите с ним делать? Прикажете доставить?

- Как валяется... Пьяный? Повтори, я правильно тебя понял, Черненко? За такие шутки - в расход!

- Правильно, капитан, правильно... Его бойцы самого в распыл едва не пустили. Еле с часовым отбили...

- Отбили, говоришь? На хрена?! Пусть бы уж лучше сдох, чем такой позор... Вот тварь...

- Да, тварь ещё та... Так, что Вы теперь самый главный, товарищ капитан.

- Черненко, рацию, рацию найди мне.

- Понял, командир...

- Что ты понял?.. Найдёшь, свяжись срочно с медсанбатом. У нас раненые. Много... Давай... И ещё... Попробуй, может получится, как-нибудь до штаба...

- Да всё понял, товарищ капитан... Всё сделаю. А с этим-то как быть?

- С этим?.. Связать и запереть в чулан... И - под охрану.

- Это есть! Это мы мигом. Это мы с удовольствием...

Рация оказалась у замполита за пазухой. Не ахти, какая, но по ней удалось связаться с начмедом батальона, который уже и сам спешил на трёх санитарных машинах и врачей санбата давно на ноги поставил. Виктору также посчастливилось застать дежурного по штабу и доложить ситуацию. Тот в свою очередь пробился по эфиру в Тирасполь. Информация была принята, кем надо. В том числе и о подвиге замполита, что моментально дошло до Титаренко. Комбат сразу же выехал к месту событий с подкреплениями из резервов командования.

Пока Титаренко на всех парах летел по стокилометровой трассе из Приднестровской столицы к своему истекавшему кровью батальону, замполита за неимением чулана кинули в курятник, прямо на кучу помёта. Часовой, смачно сплюнув ему на ватник, прикрыл дверь и навесил амбарный замок. На душе становилось тревожно. Бой не угасал, а наоборот становился сильнее. Над селом уже всюду летали шальные пули и осколки. Мины рвались почти на окраине. Группа вооружённых людей показалась из-за хат метрах в пятидесяти. Часовому сделалось не по себе. Кто такие? А вдруг румыны... Передёрнув затвор, он быстро упал под стену сарая, и прицелился. Однако люди пробежали мимо, совсем в другую сторону, и скрылись за дальними хатами. Сколько ж их было? Человек сто, наверно... Или с десяток. У страха-то глаза велики. В этот момент послышался треск автоматных очередей, и раздался взрыв гранат, как раз там, куда пробежала компания незнакомцев. Кот-то душераздирающе закричал, но не на русском языке, а вроде как на молдавском. Захотелось куда-то бежать, что-то предпринимать. А замполита на кого оставить? Боец застыл в напряжении и приготовился к худшему. Но вскоре из-за тех же хат показались гвардейцы, их он узнал по ватникам, которые накануне раздали всему батальону. Таких больше ни у кого не было.

- Эй, ребятишки, своего не приешите ненароком, бо мэни тут трэба важного птаха каравулыты! - с радостью заорал гвардейцам часовой, - а шо трапылось? Кто ж цэ таки булы?

- А, это ты, служивый? Ну, молись Богу, уберёт. Разведка ихняя прорвалась с боем. Ну, мы их быстренько... А ты чего тут разлётся?

- Так я ж кажу, шо важну птыцю охороняю...

- Чего ты пи...? Какие тут важные птицы могут быть? А ну, покажи...

- А ось, дывыться, панове...

И он снял замок. Гвардеец отворил дверь и заглянул внутрь курятника.

- Тьфу, нечистая сила! Я-то думал... - и он стал расстёгивать штаны, - что-то, братцы, по маленькому захотелось вдруг...

Все дружно заржали. Но в этот момент с яростным завыванием прилетела и шлёпнулась совсем рядом мина. От взрыва в близлежащих хатах повывлетали оконные стекла. Отчётливо взвизгнула картечь, рассыпав черепицу с того самого курятника, где содержался замполит батальона с весьма подмоченной репутацией. По селу начали попадать вражеские мины. Бойцы, не долго думая, рванули к своим на подмогу, так как всем стало ясно, что правобережцы атакуют уже непосредственно гвардейские позиции.

Капитан Ружинский, предвидя рукопашную, отдал приказ примкнуть штык ножи и приготовить гранаты. Пулемёты, захлёбываясь, обрабатывали фланги, на которых появились вражеские «бэтры». За «бэтрами» просочилась пехота. Миномётчики продолжали стрельбу раскалёнными стволами, рискуя взорваться от собственных же мин. «Бэтры» подбирались всё ближе. По ним били из гранатомётов, но пока безуспешно. Небо заволочло гарью и пылью. Сделалось темно. Оглушённые и опаленные боем гвардейцы сникли. Из окопов доносились стоны. Несколько тяжелораненых уже умерли. Был убит санинструктор, пытавшийся оттащить в безопасное место прапорщика Сиволоба, которому осколком разворотило живот. Лёжа на дне

окопа рядом с погибшим медиком прапорщик безучастно смотрел на облака, проглядывавшиеся между дымами. По все вероятности ему уже не было больно.

Ружинский сам был ранен в плечо навывлет. Кость, слава Богу, не задело. Кое-как самостоятельно перевязавшись, он метался от расчёта к расчёту, подбадривая бойцов и корректируя их огонь. Автоматчики, пристрелявшись, отгоняли очередями пехоту, напиравшую нагло и упёрто, как будто смерть на свете прописана была не для них. Перед окопами гвардейцев и на нейтралке повсюду лежали трупы. Много трупов. Воочию апокалипсис войны. Запах сгоревшего пороха и крови возбуждал самые отвратительные инстинкты. И люди зверели.

Неожиданно «бэтр» на правом фланге ярко вспыхнул, задымился и через пару секунд, приподнявшись над поверхностью, развалился на куски, после чего оглушительный грохот заставил всех воюющих содрогнуться и припасть к земле. Душераздирающие крики, огласившие округу, навеяли ужас на всех, кто их слышал. Ружинский при этом различил непривычный для уха миномётчика шум вертолётного винта. Над позициями пронёсся «МИ-сто четвёртый» с, до боли родными, красными звёздами по бортам. Сделав круг, вертолёт устремился на левый фланг, где вскоре также вспыхнул и взлетел на воздух другой «бэтр». После этого боевая винтокрылая машина прошлась над атакующими, расстреливая их из автоматических пушек. И на закуску, зависнув над окопами правобережцев, борт-стрелок спустил весь оставшийся боекомплект на их пулемётные гнёзда и миномётные расчёты. Очевидно сдетонировав, где-то в глубине вражеской обороны рванул склад боеприпасов, осветив полнеба и распылив на молекулы часть горизонта, где появились признаки наступающего вечера. Ружинский и Черненко инстинктивно прикрыли головы руками. От неслыханного грохота завибрировали печёнки с потрохами, а по спине побежали мурашки.

Бой быстро угасал. Миномёты с той и другой сторон умолкли. Трещали только автоматы. Капитан перевёл дух. В такой заварушке, как сегодня, ему бывать ещё не приходилось. Командиры подразделений подсчитывали потери. Доклады поступали ошеломляющие. Да, заплачут завтра вдовушки да сироты... Господи, а ведь кому-то сообщать придётся! Бумаги на погибших оформлять. Вот работы-то привалило замполиту. Ружинский вдруг осёкся в мыслях. Замполит... Замполит!!! Надо его расстрелять! Прямо сейчас. Перед строем! Пусть потом судят. Не гоже такой мрази землю топтать и поганить...

- Черненко! – глухим утробным окриком позвал он ординарца.

- Я, товарищ капитан...

- Вот, что, Черненко... А тащи-ка ты сюда эту гниду...

- Я Вас понял, капитан. Знаю, кого Вы имеете в виду Я мигом...

Связист рванул за бруствер и мгновенно исчез в надвигающемся полумраке.

Ружинский перевёл взгляд и увидел лежавшего связанным по рукам и ногам ополченца. А с этим что делать? Блин... Не случись осечка, валяться бы тебе, капитан, с простреленным черепом в этом ржавом окопчике... Он наклонился к посыльному, к самому лицу. Совсем пацан...

- Как тебя зовут, земляк? – стало невыносимо жаль этого закопченного мальчишку, в сущности ещё ребёнка. – Ну, что молчишь, звать-то как, я спрашиваю?

- М-м-м... Саня меня зовут, товарищ капитан.

- Саня? Звучит... Выпить хочешь, Саня?

Боец удивлённо поднял брови и глупо заморгал. Потом, встrepенувшись, быстро пробормотал:

- А давайте, товарищ капитан... Давайте, выпьем.

- Она как... Мы уже на «вы»? Прогресс...

- Да, я... - ополченец потупил глаза, - прости меня, капитан! Брата у меня на глазах миной разорвало. Не в себе я был.

- А сейчас?

- Сейчас в себе...

- Ну, раз так, то ладно. Выпьем. Дай-ка...

Ружинский достал нож и перерезал верёвки, после чего извлёк из вещмешка солдатскую флягу, в которой заплескалось то, что в данный момент этим двоим было всего нужнее на свете...

Черненко, продираясь сквозь кустарники, весь изранился. Он торопился, словно предчувствовал, что не успеть ему исполнить приказание командира. Уведут ведь мерзавца, как пить дать, уведут. Потом-то он выкрутится, гад. Кизильники, терновник и шиповник, будто нарочно, цеплялись колочками за одежду, царапались. Под ноги то и дело попадались воронки, которые приходилось перепрыгивать с риском чего-нибудь сломать. И расстояние, как назло, сделалось вроде дальше. Какие-то корни хватили за сапоги. Виктор вконец запыхался и вспотел. Встречный ветер немного охлаждал разгорячённое лицо, но всё равно было жарко, в горле першило, а глаза разъедало солью.

Вот и крайние хаты. Ну, слава Богу! Часовые... Целых два. А того, что дежурил днём, не было. Этих он не знал и забеспокоился. Курятник открыт, двери настежь. Виктор быстро заглянул внутрь. Пусто... Чёрт! Опоздал-таки... Мимо на большой скорости пронесли санитарные машины. Им навстречу ползли, утробно урча, два «бэтра», наших. Позади одной из хат стоял комбатковский «уазик». В это время на крыльцо вышел какой-то полковник. Не знакомый, вроде.

Часовой, увидав Черненко, закричал:

- Товарищ полковник, это тот самый связист, о котором Игнатенко рассказывал...

Игнатенко... Кто такой Игнатенко? Виктор растерялся на время, но тут же вспомнил, что Игнатенко – фамилия его знакомого, что днём караулил замполита.

- Сюда его. Живо! - рявкнул с крыльца полковник и скрылся в дверях. У связиста ёкнуло сердце. Он машинально отвёл за спину руки. На кулаках так явственно красовались ссадины от замполитовской физиономии...

- Чего там? – Виктор с опаской поинтересовался у подошедшего часового, - кто это?

- Из Тирасполя полковник, из особого отдела. Вместе с комбатом прибыл. Бой ещё не кончился когда. Он же вызвал вертолёт. А когда этого, что в курятнике отсиживался, на свет божий извлекли, комбат ваш, Степаныч, и озверел. Досталось замполиту вашему, мало не покажется. Он его сперва резиновой дубинкой охаживал, потом свалил и ногами стал пинать. Полковник оттащил. Так Степаныч в сердцах чуть полковнику не захал... - Услыхав шум машины, часовой оглянулся, - А вон, слышь, командир ополченцев едет. Да... Натворили делов-то сегодня. Ладно, Черненко, иди к комбату. Выспрашивать начнут, что да как... Теперь виноватого надо искать. Просрали нынче и взаимодействие и начало атаки. Людей-то положили... Господи, не приведи такого ещё когда-нибудь, даже во сне...

- А мне Ружинский приказал доставить эту мразь туда, на передовую, - Черненко растерянно махнул рукой, - и как быть теперь?

- Поздно, брат. Сразу надо было шлёпнуть. А теперь-то чего уж? Поздно...

ПРИДАНОЕ К СВАДЬБЕ (рассказ)

- Вот сука! Откуда же он бьёт, гад? – распластавшись за полуразрушенной каменной изгородью, есаул Птицын по-казацки щедро матерился. У него из-под волос по лбу стекала струйка тёмной крови. Рядом валялась простреленная полевая кепка. Пуля угодила прямо в звёздочку и по счастью лишь слегка задела кожу на темени. Школьный парк шумел под летним ветром и, видимо, недоумевал по поводу случившегося. Плотный лиственный покров, обычно спасающий от полуденного пекла, как оказалось, был бессилён перед снайперским прицелом. Заметив, что к нему бегут, не пригнувшись даже, два казака, Птицын, что было мочи, заорал:

- А ну, ложись, мать вашу!

Спешившие на выручку командиру казаки на миг оторопели, но потом, быстро сообразив, рухнули в зиявшую в клумбе воронку от мины.

- Семёныч, - негромко процедил один, - не заметил, откуда?

- Да пёс его знает! Шёл себе, горя не знал, а тут по башке как саданёт... Так, мужики, вон сарайчик разбитый, видите? Давайте, на счёт три – туда, рывком.

- Хорошо, командир, поняли. Командуй.

- Раз, два, три... Пошли, мать мою так...

Все трое ринулись к сараю. Обгорелые доски с торчащими гвоздями когда-то были стенами. Внутри хранился школьный хлам. Крышу снесло, скорее всего, гранатомётом. Вокруг валялись куски толи, битое стекло, всякие тряпки, пепел. Заскочив внутрь, казаки прижались к остаткам стен и сквозь щели приглянулись наблюдать.

- Фу ты, ажник вспотел, Семёныч. Жарковато нынче-то. Чем это воняет тут? – казак брезгливо поморщился и огляделся. Это был коренастый, крепко сбитый парень лет двадцати двух. На порыжевшей от пота и выгоревшей под солнцем гимнастёрке виднелись тёмные пятна, где раньше размещались нашивки и знаки различий. Атаман приказал всё спороть, чтобы не привлекать вражьи прицелы.

В углу напротив назойливым скопищем жужжали мухи. Оказалось, там лежал трупик котёнка. Бедолага, наверное, прятался в сарае, когда прилетела граната.

- Ты глянь, пал смертью храбрых, сердешный, - пробасил другой казак. Этот был повыше ростом и худее, но не тощий, а мускулистый и жилистый, и в таком же обезличенном камуфляже. В это их ветхое убежище совершенно не проникал ветер, и становилось нестерпимо душно. Люди быстро покрылись потом. Запах растления вызывал дурноту. Хотелось задержать дыхание. Солнце жгло напрямую, и никаких не предвиделось туч.

- Та-а-ак... - многозначительно протянул есаул, - что будем делать, господа товарищи? Мы ни хрена не видим, а нас, наверное, на прицеле держут. Какие будут соображения?

- Примануть бы как-то эту шельму... - басовитый казак, хитро сощурившись, стал стаскивать гимнастёрку, - шапочку-то, Ваше благородие, где потерять изволили? Пригодилась бы...

- А ху-ху не хо-хо? Свою-то - чё не носишь? – есаул раздражённо кусал ус. По привычке он почесал макушку и, видимо, разодрал спёкшуюся корочку. Опять потекла кровь.

- Командир, давай, перевяжу, у меня пакет есть, - коренастый запустил руку куда-то вглубь штанов.

- Оставь, Саня. Знаешь ведь, что ИПП – дефицит. Не хватало ещё им царапины заматывать. Водка есть?

- А как же, Семёныч! Обижаешь... Чтоб у казака, да не было дезсредства? – он отстегнул от пояса флягу, - держи, командир. Как знал, с утра заполнил.

Птицын отвинтил колпачок, понюхал. Разогретая водка шибанула в нос ядовитыми парами.
- Бр-р-р... Ну и бьёт, прямо в нервы! Ты где эту гадость добыл, Санёк? Не отравя, случаем?
- Не-е-е... Опробовано. Не бойсь, батька. Заводская, Тираспольская, высший сорт.

Есаул, поколебавшись малость, полил себе из фляги на голову. Защищало так, что в уголки глаз набежали слёзы.

- У-у-ух, ядрёная, собака! Всю инхвекцию убьёт, это точно. Что ли внутрь ещё закапать...

- А и закапай, Семёныч. Ты, как никак, а раненый у нас. Это ж самое проверенное средство.

Казачи дружно рассмеялись и каждый по очереди сделали по глотку из лечебной фляги.

Меж тем, Серёня, так прозывался басовитый, натянул свою гимнастёрку на доску, а на месте предполагаемой головы приладил найденный в мусоре ученический глобус, на котором угольком нарисовал глазницы, нос и подобие рта.

- Кепочку-то в самый раз было бы... Ну, ничё... Мы яво щас в косыночку обрядим, - Серёня отыскал тряпицу какого-то ржавого цвета и повязал приманке на «голову», - ну, чисто из разведбата диверсант!

Казачи опять прыснули со смеху. Где-то кварталах в двух справа зачалась пальба. Автоматная трескотня периодически перебивалась уханьем какой-то артиллерии и гранатными разрывами, что ощущалось даже подошвами.

- Наши выкуривают румын из ментовки, - произнёс Птицын, - хорошо долбят, я чувствую. Во-во, слышь, «бэтр» матюгаются. А эта гнида, - есаул кивнул куда-то в сторону, - с тыла повадилась доставать!

- А ничё, командир, щас мы его, паскуду...

Серёня подкрался к проёму в стене и стал периодически новоиспечённым «разведбатовцем» выглядывать. За школой начинались многоэтажки, но они прикрыты листвой. Получалось так, что снайперу и негде пристроиться. Не на дереве ж. Что он, сдурел? Тут шальной миной запросто прихлопнуть может. Но вот налетел порыв ветра, и разлапистый старый платан качнулся в сторону, да так, что скрывавшийся в нём ландшафт вывалился вдруг во всём своём великолепии на полное обозрение. И в этот же миг глобус разлетелся на куски, а Серёню кинуло на спину.

- Опаньки! Есть, есть, Семёныч, засёк, - заорал то ли со страху, то ли от радости казак, потирая ушибленные при падении на битые кирпичи места, - вон там, за платанами, щас не видно, качнуло ветром когда, двенадцатиэтажка. Точно с неё.

- Будем брать. Значится, так. Ты, Серый, и ты, - есаул ткнул пальцем в коренастого Саню, - бегом вон туда, через ту дыру, в конец парка и по кустарнику перебежками огибайте площадь перед домом. И следите в оба. Я – по прямой запетляю. Авось, не попадётся...

- Да ты что! Командир, ведь подстрелить, гнус.

- А иначе как? Уйдёт, тварь...

И он, не дожидаясь других соображений, резво перескочил через оконный проём и побежал. Казачи мгновенно рванулись в обход и, обдираясь о сучья, быстро приблизились к двенадцатиэтажке.

Солнце пекло нещадно. Камни и асфальт накалились. Ветер временами доносил из центра города трупный запах. Бойня в Бендерах шла уже третий день. Враждовавшие стороны лютовали, не жалели боеприпасов. Не вынесенные погибшие прямо на улицах разлагались и смердели. Тут и там виднелись засохшие лужи тёмно-красного цвета. Полчища мух тучами носились над побоищем, обещая городу неминуемые эпидемии.

Схватка в районе Бендерского отдела внутренних дел разгоралась всё сильнее. Оттуда долетали осколки. Шальные пули срезали ветки деревьев и секли стены домов. Почва содрогалась взрывами. Казачи видели, как есаул шмыгнул в подъезд, и устремились туда же. Вбежав на верхний этаж, они по лестнице через люк выбрались на крышу и принялись её обследовать.

- Ушёл! Успел-таки, подлюга, - с досадой выругался Серёня. То, что именно отсюда работал снайпер, сомнения не вызывало. Размякший на солнце рубероид у края крыши отпечатал контур тела. Рядом валялось с десятков стреляных гильз.

- Ещё пахнут... Порох свежий, - есаул принюхивался к каждой гильзе, - сегодня стреляны. Он! Несомненно. Интересно, которой из них по мне? Ну, сволочь! Погоди, выслежу я тебя...

- Семёныч, слыш-ко, а чавой-то я не пойму. Снайпер какой-то не тот. Глянь, подошвы у него пропечатались тут. Размерчик-то хилый. Не бойцовский. Маловат будет. А вот на этой гильзе вроде как кровь... - Саня мазнул пальцем и принюхался, - ё..., понюхайте, братцы, чем пахнет.

- А ну, дай, - Птицын присмотрелся и принюхался к гильзе, - да, Санёк, ты прав. Это – баба... Гильза в помаде. Видно, когда вставляла в затвор, поцеловала наудачу. Сучар-р-ра! Ушлая. Ничего, возмём. Жрать не буду, спать не буду, а эту лярву живьём спымаю, - и, злобно выматерившись, есаул быстро направился к люку...

Казачи с хмурыми лицами шагали по площади перед зданием администрации. Асфальтированная поверхность сплошь рябила бурными кровавыми пятнами. Кое-где белели брошенные туфельки-лодочки. Три дня назад на этой площади проходил торжественный митинг выпускников. Вчерашние школьницы в бальных платьях украшали площадь, как пышные белые розы. Перед собравшимися выступали уважаемые

горожане, представители властей, учителя. Звучала музыка. Растроганные отцы украдкой вытирали глаза, а матери плакали, не таясь. От счастья. А потом, в разгар вечера, на площадь въехали «бэтры»...

Три дня, так и не оправившись от шока произошедших событий и неся большие потери, подразделения приднестровской гвардии вели жестокие уличные бои. А с правого берега всё прибывали и прибывали свежие пополнения людей и бронетехники. Стрельба велась по всему, что двигалось, дышало, жило. Как проказы, наехало всяких волонтеров, наёмников и снайперов со всех стран. Прорумынское правительство Кишинёва не скупилось, платило хорошие деньги. Ох, как надо было задушить мятежную республику, не пожелавшую стать Румынией. Расстрел выпускного бала на главной площади Бендер поставил точку. Ни о какой человечности больше никто не говорил. Кровавопролитные сражения велись не на жизнь, а на смерть. Пленных ни та, ни другая стороны не брали. Зверя в рукопашных, бойцы, если не было под рукой оружия, рвали врагов зубами.

Выручить славянских братьев прислало своих сынов донское казачество. Казачьи подразделения, бойцы которых с детства приучаются к дисциплине и военному мастерству, сыграли в приднестровской войне немаловажную роль. За каждого убитого казака снайпер-профессионал, к примеру, получал по тысяче и больше долларов. А в Кишинёве казаками пугали детишек. Но пуще пугались сами взрослые. При одном только слове «казак» у многих возникало ощущение ужаса.

Тем временем, перестрелка перекинулась в дальние кварталы, поредела. Взрывов поубавилось, и вскоре бой затих. Благополучно миновал площадь, есаул со своими товарищами углубился в укромный проулок, где в одном из полуподвалов расположился их штаб, а заодно и медицинский пункт. Здесь царило несуетливое оживление. Постоянно подходили одетые в камуфляж люди, решали вопросы и уходили в боевые расположения своих подразделений. В медпункте царил аврал. Хирурги производили первичную обработку ран, отсекали, пришивали, штопали, латали. Фельдшера и санитары сновали с бинтами, шприцами. Пахло йодом, карболкой, кровью. Раненые тут же отправлялись в свои тылы, в основном на Тирасполь, в военный госпиталь. Легкораненые обычно просились обратно в строй. То и дело появлялись казачьи патрули. Проверяли документы, кое-кого обыскивали, подозрительных задерживали и уводили в комендатуру. А бывало, что и ставили к стенке...

Птицын доложил атаману о случившемся днём. Полковник долго молча курил, о чём-то задумавшись.

- Это напасть какая-то, Семёныч, - наконец заговорил он, усиленно растирая шею безразмерной ладонью, - за сутки наших ребят семь человек убито снайперами. И каких ребят! - заскрипев зубами, атаман рубанул ладонью по воздуху и, сжав её в кулак, ухнул по столу так, что вся канцелярская мелочь, карандаши, линейки, скрепки, разлетелась в разные стороны. - Извини, есаул, нервы не выдерживают. Они, словно упыри, как призраки, ей Богу... Я уж разведчиков посылал. Обложили вроде одного. Но тот... Ваню Холодного помнишь? Наповал, а сам как сквозь землю.

- Ваньку?! - Птицын побледнел, - так мы ж с ним из одной станицы! Ну, б... Ну, б... Он же недавно женился, я на свадьбе гулял. Горе-то...

- Так-то, брат. Горе, конечно. У других - тоже вон... У того трое, у того - двое... Теперь - сироты. А ну, подробней расскажи мне про эту твою сучонку...

Решено было действовать в том же составе. Лишних людей не брать, чтоб не спугнуть. Другие будут «выманивать». Изготовили чучела, боле менее похожие на всамделишных бойцов. Несколько отвлекающих групп затемно выдвинулись и скрытно расположились в разных местах, в том числе и в школьном сарайчике.

Двенадцатизажек стояло три. Появится ли там снайпер? Кто знает, может и нет. Но у Птицына была уверенность. Он всем нутром чуял, как эта нелюдь чем-то привязалась к обнаруженному ими месту. Уж слишком удобная позиция. Да и вид красивый. Метрах в трёхстах Днестр. Берега поросли кустарником, цветами. Под солнцем так и играют красотой в серебристых отблесках от реки. А дальше - сады. Город весь в зелени. Сверху можно любоваться часами. Ветер обдувает, сбивая июньскую жару. Гильза с губной помадой... Магия! Обязательно вернётся.

Есаул решил послать своих на соседние, а сам юркнул в единственный подъезд того самого дома. Как в омут нырнул. Темень и тишина. Мёртвая, могильная. Стараясь не шуметь, он, медленно крадучись, двинулся по бетонным ступенькам вверх. Миновав последнюю жилую площадку, Птицын затаился и весь обратился в слух. Казавшаяся мёртвой, тишина вдруг ожила. Из ниоткуда возникли призрачные шорохи, шептания. Изредка поскрипывали конструкции лифта. Захлопала крыльями где-то по стеклу ночная бабочка. Сквозь открытые фрамуги залетало множество эх от спящего в тревожном ожидании утренних событий города. Где-то у реки просвиристела автоматная очередь, щёлкнули несколько одиночных выстрелов, скорее всего пистолетных. Очевидно, патруль кого-то пугнул. Выждав с полчаса, как на охоте, есаул также очень медленно выбрался на крышу, люк закрыт не был. От мышечного напряжения подрагивали колени. Пластуном прополз по всему периметру, вслушиваясь и внюхиваясь. Присутствия другого человека не наблюдалось. Что ж, это хорошо. Значит, не опоздал. Теперь - в засаду. Затаиться и взять на горячем. Спустившись на площадку, есаул потрогал двери квартир. Заперты. Жители от беды ушли подальше. Дом стоял осиротевший, обезлюдивший.

Открытой оказалась дверь помещения для сушки белья, которая располагалась за шахтой лифта. Вместо выбитого стекла в центральной филёнке прибита фанера. На полу было полно голубинового помёта, а в углу два пустых птичьих гнезда. Пожалуй, место подходящее. Теперь главное не задремать. Сказывалась усталость. Ноги гудели. Хотелось есть. В кармане имелась пара галет. Но – нет! Съешь, вмиг разморит. Голодный – злее. Есаул прикрыл дверь и подпёр её попавшейся под руку доской. Выбрав место почище, присел на корточки, а после и вовсе на бетон.

Тишина не держалась на месте. Шевелилась, ползала по углам, витала под потолком. Светящийся циферблат «командирских» часов сумеречно фосфоресцировал половину четвёртого. В небе между звёздами возникли неясные, но уже осязаемые энергетические потоки. С востока двигалось утро. Ночная чернота поползла к западу, сгустилась, зашипела, как змея перед укусом. А в противоположном секторе заиграла, сперва бледненькая, но с каждой минутой всё блёстней, заря, которая тут же сыпнула горстью серебряных монет в излучину Днестра. Вода заискрилась. Потянуло ветерком, свежим, живительным. В мусоропроводе завозились голодные крысы. Преодолевая сонливость, Птицын пытался сосредоточиться на шумах. Все эти шорохи, царапанья, крысиная возня – свои, родные. Есаул жаждал услышать чужой. Но время шло, а «долгожданная» гостья не появлялась, во всяком случае, ничем себя пока не обнаруживала. Занемели мышцы. Как-то надо было бы размяться. Стараясь не создавать новых звуков, он сделал несколько приседаний, потом наклоны туловища – вправо, влево, назад, вперёд...

Стоп! Что-то неуловимо знакомое шмыгнуло по памяти в тот момент, когда наклонился к полу. Он наклонился ещё раз и задержался в этой пикантной позе. В щель под дверью тянуло из подъезда лёгким сквознячком. Есаул прислушался. Нет, по-прежнему тишина. Как вдруг, вспышкой мелькнуло: да ведь это ж тот самый запах. Некурящему Птицыну не составило труда поймать носом тончайшую ниточку в сквозном потоке воздуха, по которой мысль притянулась к источнику. Так пахла губная помада на гильзе. Пожала лова, голубушка...

Стараясь даже не дышать и не стучать так громко сердцем, он, как хищный зверь, мягко подкрался к металлической лестнице на крышу, тронул за перекладину. Железо предательски скрипнуло. «А чтоб тебя...», – пробубнил про себя есаул и опрометью бросился в растворённый люк, на лету выхватывая пистолет. Кувыркнувшись через плечо, он лихо скатился под прикрытие вентиляционной трубы и приготовился стрелять. Лучше бы, конечно, по ногам, чтоб взять живой. А там уж – как придётся. Вновь резким рывком метнулся к другому прикрытие и уже после открыто поднялся во весь рост.

Кроме него, на крыше никого не было. Как волной цунами, навалилась ярость. Захотелось зарвать, разрядить во что-нибудь обойму. Перехитрила... Тварь, мразь, б...

И в эту минуту от горизонта щедро пахнуло солнечным потоком. Раскалённый докрасна диск выглянул из-за кромки земли и уверенно стал взбираться на своё законное место в удивительном многоцветье небесной палитры. Тут же заиграли мириады оттенков на всём, на деревьях, крышах домов. Засияла от счастья пасущаяся где-то в зените отара кудрявых тучек. А ещё через пару минут вспыхнуло и запылало могучим пламенем древнее днестровское русло. Утреннее пространство, проснувшись, запело миллионами птичьих глоток и звенящей, как хрусталь, влажной листвой. Слеплённый и даже переставший материться Птицын ошалело таранился на великолепие этого утреннего торжества жизни. На мгновение ему почудилось, что рядом не Днестр, а его родимый батюшка Дон. Хотелось забыться или громко запеть во всю мощь богатырских казачьих лёгких...

Выстрела он не услышал. Кто-то невидимый, злобный очень-очень сильно ткнул в грудь кулачищем. Резко, наотмашь. Ничего не понимая, есаул инстинктивно подпружинил ноги, чтоб не упасть. По телу мгновенно распозналась неимоверная слабость. Сознание ещё не покинуло его тренированное тело, но сил сопротивляться этой предательской слабости уже почти не оставалось. На какое-то время вернулись звуки. Он вновь различил птиц, шум ветра в ушах. «Так ведь это ж меня подстрелили, мать твою... Как же это? Господи, подставился!» – есаул почувствовал пустоту, как будто внутри не было ни сердца, ни лёгких, вообще ничего. Он увидел, как на крыше второй двенадцатизатжки, напротив, мечется Серёня. Ветром донесло:

- А-а-а-а... Су-у-у-ка, су-у-у-ка... Семё-о-о-ныч, я щас ! Держись, родной! Су-у-у-ка!!!

Дюжими ручищами Серёня трепал, как ветошь, что-то белокрысое, бесформенное. Потом рядом, там же, объявился его другой подчинённый, Саня, вырвал у Серёни добычу и стал колотить руками, ногами. Потом они оба, ухватившись, кто за руки, кто за ноги, потащили её к краю крыши.

- Отставить!!! Живьём, живьём... - пытался им кричать есаул, но кроме хлюпающих хрипов ни одного членораздельного звука так и не получилось. Во рту посолонело. Из уголков губ потекло. Кровь... И он медленно стал оседать. Душераздирающе, с протяжным эхом полетел над просыпающимся городом визгливый женский вопль, и, размахивая, словно птица крыльями, руками, в воздухе мелькнула тоненькая фигурка...

- Сестрёнка, да мы на минутку всего лишь, повидаем и всё, - коренастый казак с молодым симпатичным лицом охаживал неприступную фельдшерницу в хрустящем от крахмала белом халатике выше колен. Рядом суетился Серёня.

- Лапушка, милая, командир это наш, понимаешь? Не убергли мы его. Пусти, надо.

- Да, жив, жив ваш есаул. Идите подобру-поздорову, пока охрану не вызвала.

- Эх, милая... Да что нам твоя охрана? На один зуб. Душа болит. Пойми ты. Хочешь, гранату подарю?

- Ещё чего выдумал! А ну, выметайтесь, - фельдшерница грудью перекрыла вход в реанимацию и не сдавалась. В это время подошёл атаман. При виде боевого полковника она приосанилась. Однако уступать не собиралась. Атаман, как можно ласковее, заговорил с нею:

- Дочка, видишь ли... Наш Семёныч снайпера ликвидировал. Заешь, скольких ребят уложила, мерзавка? Мы только поблагодарим и пойдём.

- Ну товарищ полковник... Ну, нельзя, как Вы не понимаете? Не-ль-зя! Слаб он ещё. Чудо, что пуля сердце не задела. Видно, в рубашке родился Ваш Семёныч. Но состояние тяжёлое. Не могу пустить. Ради друга же вашего.

- Тогда извиняй, родная. Но жить-то будет? Как думаешь, милая? Век тебя благодарить станем...

- Посмотрим...

Несолоно хлебавши, казаки направились к выходу. В госпитале сияла чистота. Даже неловко сделалось. Уж такими дремучими они выглядели на фоне госпитальной белизны и ухоженности, несмотря на то, что все палаты и даже коридоры были переполнены искалеченными и щедро забинтованными телами. Уже в фойе их нагнала фельдшерница.

- Эй, казачки! Семёныч ваш только что очнулся и просил передать, что любит вас, паршивцев...

Серёня не удержался, на радостях сгрёб девушку в охапку и закружил. А после поцеловал прямо в губы. Та возмущённо отбрыкивалась, но не рассердилась, а только сделала вид. А когда обнаглевший казак ещё раз прижался губищами к её маленьким и аппетитно пухленьким губкам, густо покраснела.

- Я чего спросить хотела, - наконец вырвавшись, девушка обратилась к полковнику, - а правда, что снайпер этот – девица?

Атаман, посерьёзнев, рассказал:

- Их из Латвии завезли, заразу эту. Наёмницы. Уже пятерых выловили. Все – мастера спорта по стрельбе. За деньгами приехали. Ту, что ребята на крыше взяли... - полковник осёкся, он ещё не решил, что делать со своими людьми за расправу над пленной, - утверждала, к примеру, что хотела заработать себе на приданое к свадьбе...

- Это она во второй раз уже в Семёныча стреляла, гадина, - не выдержал и вставил Серёня, - мы её втроём выслеживали. Я со своей крыши видел, как она тенью шмыгнула в тот дом, где Семёныч засел. Ну, думаю, он её легко возьмёт. Но через пять минут, гляжу, она выбежала и напрямик ко мне. Ну, я спрятался прямо в вентиляцию и наблюдаю. Как рассвело, она и появилась. Осторожная, тварь! Сижу, не дышу. Огляделась... Проверила всё. А потом свою винтовочку распаковала, прицел приладила. А когда патроны заряжала, то каждый губками чмокнула да ещё перекрестила, слева направо. Когда солнце поднялось, гляжу, она к прицелу припала и не шевелится. А у нас подсадки имелись. Ребята выманить её должны были на выстрел. Только странным показалось, что целится-то она в другую совсем сторону. Откуда ж было знать, что Семёныч в открытую вышел, подставился. Пока это я сообразил, та и бабахнула. Ну, я выскочил и сграбастал её, родимую, на горячем. Только потом уже дошло, в кого стреляла, когда увидел, как Семёныч упал. Ну, мы и того...

Девушка-фельдшер потупилась, покачивая головой.

- Надо же... На свадьбу... Что же за люди они такие? – и вдруг резко развернулась и быстро пошла обратно, а потом побежала.

- Чего это она? – казаки недоумённо глядели вслед, - чудная...

- А хороша, чёрт меня подери! - заметил Серёня и собрался было рвануть вдогонку, но полковник удержал, - командир, а я ведь на ней и женился бы...

А девушка тем временем забежала в раздевалку и разрыдалась. Казаки не могли знать, что будущей осенью собиралась она замуж. Да убили её суженого месяц назад под Дубоссарами в бою за гидростанцию на плотине...

Николай МАЛЬЦЕВ

БАБЬЕ ЛЕТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ (повесть)

*«Я о прошлом теперь не мечтаю,
и мне прошлого больше не жаль...»
/из репертуара К. Шульженко /*

1. Вечер.

С работы Зина пришла в приподнятом настроении. Не стала придумывать себе непривычных дел – быстренько переоделась и вышла в огород. Собрала в большую кружку малины, нарвала огурцов. А долгие ли осенний вечер? Приготовила ужин, а тут и подошёл Коля, её муж. Хотя работа школьного завуча и не то, чтоб лес рубить, но усталости за день наберёшься ещё как... И настроение чаще всего не приподнятое.

- Мать накормила? – спросил он у Зины. – Наверное, за день изголодалась она.
- Не-ет, что оставляли, то ещё не доела, - грустно промолвила тёща Николая Семёновича. Он был с ней в отношениях, которые наиболее точно можно назвать взаимозаботливыми. Она слепая и ходит к умывальнику и до крыльца, держась за шнур, протянутый к этим «объектам» от её кровати.
- Коля, завтра мы едем за брусникой, - объявила мужу Зина.
- «За брусникой», а не «бруснику собирать»? Кто-то для вас её в лесу уже приготовил? В этом году, говорят, на бруснику неурожай. Да ведь завтра ещё и рабочий день.
- Селиванов говорит, что кое-где немного можно набрать.
- Селиванов – председатель рабочкома профсоюза в совхозе.
- Он ведь наверняка с тех «кое-где» уже собрал, вам, думаете, что-то оставил? - начал сомневаться Николай Семёнович.
- Говорит, найдутся необхоженные места.
- Не надоело ещё – ведь весь осенний отпуск угробила беготнёй по лесам. Надо же, наконец, больше заниматься домашними делами. Ты что, думаешь угнаться за Густей? Ей ведь что: она одинока, участок маленький – когда и куда захочет, туда и пойдёт.
- Густя с нами не едет.
- А кто?
- Все конторские.
- И куда?
- В Тымсерский лес. На совхозном автобусе.
- Прогульщики. Главное, не знают, что-то наберут или нет.
- Неудобно отстать от коллектива.
- Какой - такой коллектив? – и тут Николай Семёнович дал «дидактическое» определение коллектива, - ведь коллективом называется единая, целеустремлённая группа. Конечно, если едете с добрыми намерениями. А если ничего путного в ваших хотениях нету, как такой «коллектив» называется?
- Ну, пусть группа.
- А, может быть, шайка? Шатай-болтай?

Конечно, склад разговора был не очень корректный, но настрой жены на бесполезную поездку, на пустую трату времени почти раздражал Николая Семёновича. Тон разговора был бы и дальше таким, если бы он сам не успокоил себя. Хотелось настоять на своём, но подумал: пусть уж съездит, раз не хочет отстать от коллектива. Но пусть это в последний раз. Домашние дела никуда не уйдут. Конечно, школьные дела занимают много времени. Как и в каждую осень, директор бросил школу (иначе Николай Семёнович не мог это назвать), вышел в отпуск. Как же: охота, грибы-ягоды, рыбалка – какого мужчину не привлекает наша золотая осень с богатыми дарами природы? Приходилось Николаю Семёновичу крутиться и как завучу, и как директору школы. Хорошо хоть то, в школе большинство учителей были опытными, хорошо знающими своё дело педагогами. И ещё одно было на руку Николаю Семёновичу: в этом году пока был помощник, сын-десятиклассник Вася. А дочь Надя уже училась в пединституте, в городе.

Как-то вяло, без особого общения прошёл вечер. Поужинали. Ужин, как обычно готовила Зина. Он не был ни праздничным, ни изысканным, а простым и как-то в каждый раз своеобразным, это уже было в пристрастиях хозяйки. Если вчера на ужин она испекла пирожки с брусникой, то сегодня подала молоко с голубикой. Вчера были белые волнушки в сметане, сегодня – оладьи в масле. Как правило, старания хозяйки всегда создавали благоприятную атмосферу в доме.

После ужина Николай Семёнович сел за мольберт, чтобы закончить начатый этюд и этим, как он выражался, «улучшить настроение», но ничего путного не получалось. «Мазня, товарищ Мальшев», - корил он себя. Послушали выступление юриста Бабаева по телевизору, как он говорил о раскрываемости преступлений, о неотвратимости наказания за содеянное зло.

Было уже достаточно поздно, если учесть, что утром придётся вставать рано, и теперь следовало раньше ложиться спать. Ушли на покой, кто как сумел: Николай Семёнович ещё довольно долго сидел над книгами и газетами, Вася закончил письменные домашние задания, Зина убрала посуду и поухаживала за больной матерью – всё делалось как по заведённым настольным часам, спокойно и размеренно. Конечно, изредка каждый перекликался с кем-нибудь несколькими словами о сельских новостях, но это не меняло канву домашнего лада и покоя. Заснули, кто как сумел отвлечься от своих забот. Николай Семёнович научился быстро уходить от мелких мыслей и вскоре уснул. А Зина ещё долго ворочалась: она не находила особого интереса к поездке в лес, понимала возражения мужа, но и отказаться от этой поездки не хотелось, раз уж договорились.

2. Утро

Божественное утро! Несчастен тот, кто проспал эти часы светлой, свежей тишины золотой северной осени, когда святое сияние льётся с бездонной выси небес. Давно проснулись птицы, своими трелями и чирканьем веселят всю земную суть, и ведь не устают в своих стараниях! Кажется, будто вернулись ангелы с того света и призывают к счастью: живите, радуйтесь, живые, наша земля так божественно красива, умеете жить и наслаждаться! Даже ворона пролетающая кричит не кар-карр, а иначе: р-рада, р-рада!

Да что там птицы, вся оливковая зелень на грядках и на клумбах нацепила на себя гирлянды осенних цветов. Тут и разноликие астры, гордые и величественные георгины, миленькие анютины глазки, горячие ноготки и нежные маки ... Смотри и радуйся! Раскрыли они навстречу солнцу свои милые очи, чтобы, может быть в последние разы в этом году с восхищением поглядеть на красоту мира и подержать на своих лепестках – ресницах светлую прощальную слезу.

И деревня в таких нарядах, будто старые северные мастерицы вынули из своих сундуков узорчатые шарфы и накинули на кусты пламенеющей калины, игривой смородины, на золотое кружево берёз, на праздничную палитру песенной рябины. Вся эта цветовая гамма мажорным бисером радовала взоры: радуйся, человек!

Николай Семёнович проснулся, как обычно, рано. Привык, чтобы в пять часов вставать и приступать к домашним делам. А этих дел и забот в деревенском хозяйстве хоть отбавляй. Затопил печь и, пока греется завтрак, осмотрел усадьбу, накормил свиней, подобрал материал для занятий в школе. Занятый делами, не заметил, как уже на ногах Зина. Оказывается, успела собрать и сложить в вещмешок кое-какие продукты, чай в термосе. Не с пустым же «сидором» ехать в лес, тем более в Тымсерский: ведь до него около семидесяти километров, без ночёвки эта «брусничная поездка» не получится.

Позавтракали, можно сказать, второпях и молча. Не терпелось Николаю Семёновичу ещё раз предупредить жену, чтобы осталась дома, но и не хотелось быть занудой. Так и быть, пусть съездит, но это – в последний раз. Вернётся – с брусникой или без неё – всё! Забросит её «сидор» куда подальше.

А собиралась Зина медлительно, как-то с неохотой. То ли потому, что муж очень был недоволен с её намерением, то ли не было надежды на удачное брусничание. Да и после нескольких ходок по ягоды с другой Густей уже было немного брусники и даже морошки впрок на зиму.

- Что будет, то будет... Раз собралась, съезжу.

- Лучше бы, - Николаю Семёновичу хотелось сказать «не рыпалась», но смягчил, - сидела дома.

Этими словами и закончилось напутствие жене. Он не любил, чтобы при расставании уходящий уносил с собой недовольство, плохое настроение. Помнил он, как ещё вот время практики в педучилище наставница говорила: «В школе за день всякое бывает, но, покидая школу, ученик должен уносить с собой добрые, дружеские чувства, чтобы не возбудились в нём неприязнь к школе и нежелание учиться». Эти слова мудрой наставницы запомнились Николаю Семёновичу на всю жизнь как кредо в отношениях не только с учениками.

Зина накинула на ладненькую свою фигуру легонькую куртку, заправила вьющиеся волосы в серый тёплый платок. Надела мягкие резиновые сапожки – и всё как-то не спеша, будто в чём-то сомневалась. Видно, какое-то предчувствие сдерживало её. Но вещмешок «сидор», лежащий на стуле, будто звал: идём, пошли...

- И сколько же человек едете,

- Восемнадцать, - промолвила Зина.

- Столько? Больше, чем деревьев в лесу. Уж не по бруснику едете, - получилось у Николая Семёновича. Конечно, никакого неприличного подтекста в его словах не было: Зина не любила заводить шашни с чужими мужчинами, не поддерживала всякие там пикники, банкеты. – Кто же ваш шофёр?

- Иван Паршуков из Мыса.

-Этот? Разве не знаешь, как он умышленно пытался направить с Ньивсерского моста автобус с руководителями совхоза в речку? Хорошо, что рядом сидел главный инженер и сумел предотвратить катастрофу. Удивляюсь, почему его до сих пор держат на шофёрской работе. Не сотворил бы он чего-нибудь и с вами. Ну да ладно, съезди, но от товарищей не отлучайся. Лес незнакомый, бескрайний.

Вышла Зина за калитку, не решается набрасывать крючок на дверную петлю, как будто призадумалась: ехать – не ехать. Посмотрела на цветы под окнами. А как красивы! Как на ярмарке игрушек, горят многоцветьем, наполнены непорочным, приветливым узором. Каждый цветок обласкан её нежными руками, каждому сказаны вслух добрые слова. Своей красотой горды и деревья, что хороводом окружают родной дом. Есть им чем гордиться, возносить к нему ажурные венцы – кокошники. Черёмуха удерживает на ветках гроздь блестящих ягод – собирай и кушай, наслаждайся в своё удовольствие. Можно сварить компот, а лучшей настойки, чем из черёмухи, нельзя и придумать. А рябина? Ладно уж, каким разноцветьем полыхает, но гроздь её сгибают жесткие ветки книзу: на, собирай. Там же очарование для глаз: калина, смородина, малина, крыжовник. Хотя брусника и нужная ягода, но не сравнить её с ягодами на своём подворье. Они как дети родные: возвращены и обласканы своими руками, в них вложена душа.

Что-то щемящее сердце боролось в женщине с той симфонией утренней красоты, которая звучала у дома, по всей деревне, портило её и без того подавленное настроение. Попрощались по-деревенски просто. Сделав несколько шагов, Зина обернулась, посмотрела на свой дом, на мужа, но тот не стал донимать её возражениями. Она, возможно, и хотела бы этого, но тоже не решалась возвращаться, показаться смешным. Легкие шаги Зины постепенно утихли, и Николай Семёнович зашёл в дом. Нужно кое-что уладить, поубирать дома, а потом и снова окунуться в водоворот школьных забот.

3. Едут

У крыльца совхозной конторы возле автобуса уже стояли десятка полтора будущих пассажиров.

Кое-кто уже успели «клюнуть» и оживлённо балагурили, травили «солёные» анекдоты, хохотали и дымили дешёвыми папиросами. Трое мужчин, - казалось, со знанием дела, - рассказывали друг другу о случаях на рыбалке. Женщины, сбившиеся небольшими группами, не обращали внимания на «крапивные слова» и даже на матерщину - бесполезно совестить пьяных мужиков, и обсуждали огородные, бытовые дела, лишь бы убить время до посадки в автобус.

А ждать пришлось более часа. И главный инженер Потапов, и инженер-строитель Палкин, которые тоже намерены ехать, задержались: Потапов давал кое-какие распоряжения в центральном гараже, а Палкин проверял наряды в бригаде строителей. Когда они подошли к ягодникам, Потапов «благословил старт», и все наперебой стали втискиваться в автобус, не жалея ни локтей, ни плеч - занять бы получше места в салоне автобуса. Конечно, мужчины, чтобы показать себя рыцарями, всё же уступили первенство в этой толчее. А «клюнувшие» подошли последними - дай Бог, чтобы вообще взяли в автобус. Селиванов взял и ружьё - как же в лес без ружья? И занял место позади шофёра. Потапов, как и положено главному, сел на первое место возле двери.

Автобус натужно тронулся с места, и

-Бабы, давайте споем!- кто-то провозгласил.

Долго упрашивать не пришлось. Поётся бабам! Кто-то чуть ли не фальцетом «Ой цветёт калина», кто-то овечьим голосом затянул «Рябину», а потом другие поддержали эту «Рябину». Но к единогласию, к более или менее благозвучию втянулись где-то в третьем куплете. Этому способствовало, видимо то, что однотонное гудение машины сошло по тональности с большинством голосов поющих.

А мужики не пели: в их «сидорах» блестящеголовые мальчишки-шкальчики не дождались своего часа, чтобы возбудить их певческие таланты. Может быть, чуть позже, когда, как обычно, втихаря будет сделан повторный вдохновляющий глоток. Это будет сделать нетрудно: после одной песни сразу начинали другую, выбранную при общем галдёже, перекрывающем гудение автобуса, а тихие дела сподручнее совершать именно тогда. Ещё после выезда из села Виталий, сидевший почти у ног шофёра, развязал свою котомку и достал початую бутылку самогона, утянутую тайком от жены. Глотнул сам, угостил рядом сидящих Андрея и Сашу. Все трое были довольны и рады, что никто, кроме шофёра не заметил их трапезы « по чуть-чуть».

Зине не хотелось ни петь, ни смеяться. Не потому, что автобус на просёлочной дороге трясло как в молотилке: шофёр и не заботился о состоянии пассажиров, да и, откровенно говоря, был не способен ровно вести свой автобус. Выходила из дома очень нехотя. Даже приостанавливалась, оборачивалась, но почему-то муж не позвал, не вернул обратно. Получилось, будто она убежала от больной матери, от домашних дел, от мужа и сына, у которых забот было больше, чем о нескольких литрах брусники. Кроме всего этого, тяготило какое-то необъяснимое предчувствие, которое постоянно нарастало, когда стала понимать, что вся компания едет не столько бруснику собирать, сколько на обычный пикник.

Уже начало смеркаться, когда проехали сосновые урочища Лемдинского лесничества. До этого времени дорога была более или менее подходящей, хотя возле перевоза через Вычегду и у песчаного карьера пришлось пару часов побуксовать. Но теперь выехали на Тымсерскую дорогу, которая была разбита тяжёлыми лесовозами. Эта дорога стала ухабистее, автобус то и дело буксовал, дёргался то вперёд, то назад. Несколько раз большая часть трезвых пассажиров выходила толкать автобус. Правду сказать, тяпнувшие свой заветный глоточек иногда тоже выходили, но больше мешали своей суетой и «ценными» советами.

Вскоре шофёр включил фары, чтобы лучше видеть рытвины и валяющийся на дороге лесной хлам. Вдруг в лучах фар заметалась ... лисица! Небольшая, возможно, лисёнок, по неопытности не догадывающаяся отскочить в сторону от яркого пучка света. Потапов крикнул шофёру:

-Замедляй! - и схватил ружьё Селиванова, открыл дверцу автобуса, спрыгнул на ходу и метким выстрелом уложил бегущую лисицу. Всё это произошло мигом: Потапов не успел попросить ружья Селиванова, тот не успел возразить, лисица не успела... Что ни говори, охотничий талант Потапова был очевиден.

Все были ошеломлены, когда автобус остановился и Потапов сбегал за добычей. Но больше всех был шокирован Селиванов. Злобно крикнул Потапову:

- Давай сюда лису!

- Пошёл! - услышал он бесцеремонный ответ.

- Дай, говорят! И ружьё, и заряд мои, я бы сам застрелил лису.

- Этого не хошь? - и Потапов поднёс к лицу Селиванова кулак с телячьей головой и презрительно из него торчащую фигу.

У Селиванова кулак - тоже как телячья голова. Возникла драка вроде вольного бокса, но бабий визг и всеобщий крик быстро уняли противников.

- Если добром не дашь, всё равно отберу!

- Соси!

Это событие вызвало в Зине особенно тягостное впечатление. Ну и компания: одни бестолково галдят, другие пьянствуют, эти дерутся... Да и шофёр, сразу заметно, уже «тяпнул» втихаря.

4. Всех вас!

В то урочище, которое наметил Селиванов, приехали уже вечером, когда ещё вполне различимы были и деревья, и ягельный покров соснового леса. Но разойтись для сбора брусники не решились: в плотных су-

мерках много не соберёшь, а потерять из вида своих товарищей можно запросто. Решили с большей пользой заняться делом при рассвете.

А теперь – отдохнуть, кто как сумеет. Место райское: кругом сосновый бор. Под ногами – хрустящий ягель и кое-где реденькая трава. Небольшие её островки теснятся вокруг старых пней брусничными воротниками, возле давно сваленных деревьев – полосками тёмной зелени. Но ягод не видно то ли из-за густых сумерек, то ли их уже успели собрать вездесущие ягодники.

Привал устроили там, где дорога почти вплотную приближается к небольшой речке Мылва. Здесь, у её изгиба, берег обрывистый, хотя, речка в своём течении спокойная. Между дорогой и обрывом лежит длинный хлыст, видно выпавший на здешнем повороте дороги с какого-нибудь лесовоза. Чем не скамья для отдыхающих?

Мужики, которые были сравнительно «в норме», быстро развели костёр между хлыстом и обрывом, однако, оставив небольшой простор вокруг костра. Здесь и заняли «круговую оборону» вылезшие из автобуса пассажиры.

Как хорошо в лесу у костра: воздух чистый, тепло, друзья – товарищи, шутки, смех... Кое-кому не терпелось петь, но из-за крикливого пения в автобусе горло скрипит. Нужна смазка, и она быстро нашлась. Кому всё равно, что пить – самогон. Рядовым гражданам, выдающим себя за непьющих – «чай с винтом», попросту говоря – «Шипр» с чаем. Любителям – чай – звездоносец с запахом клопа. Какой же дурак будет трястись семьдесят километров из-за простой чашки чая? Таких недураков нашлось и среди женщин, правда, не меньше двух, но не больше трёх, как говорят строители. Женщины, держащие себя в рамках, сидели на хлысте. Прочие гудящим роем стали веселиться, пикничать вокруг костра. Но остались в автобусе шофёр и ещё трое, которым, наверно, казалось, что они всё ещё едут.

У шофёра после недавнего причащения к самогону во рту – как коты ночевали. Где-нибудь принять бы ещё чуть-чуть... Ощупью искал в «сидорах» спящих соседей, ничего не нашёл. Лишь под ногами валяются две пустые бутылки. Пусть их сдадут в сельпо эти мужики (называют «сдачей пушнины»), не стоит выбрасывать.

А веселье у костра становится громче и громче, раздаётся оно далеко по местным просторам, возвращается дразнящим хаотическим эхом. Кто-то пытается петь, кто-то хохочет, но до драки не доходили. Из всего гвалта иногда выделялись частушки с грязными словами, сопровождаемые или диким хохотом, или такого же содержания другими час тушками.

Шофёру завидно аж до помутнения сознания. От злобы и зависти глаза заблестели, свекольного цвета лицо пуще потемнело – вот-вот лопнет:

- Ах вы, сукины дети, поёте? Пьёте коньяк, а я – будто обделённый Макап! Покажу гадам, каков вкус коньяка, - скрежетал он зубами. – Всех вас, сволочей, столкаю вместе с костром в Мылву, к чёртовой матери!

Нажал он на кнопку стартера, включил скорость, газанул, и автобус зверем рванулся в сторону костра. Но поперёк ему лежал хлыст, на котором, к счастью, тогда никто не сидел.

5. Хлыст

Муторно было на душе у Зины во всё время, пока ехали. Не пелось. Лишь изредка перекидывалась с соседкой малозначительными фразами. Даже после приезда на берег Мылвы они с Вале́й Сеновой сидели на хлысте или стояли особняком, не поддерживая общего сабантуя. Попили чай из термоса, пожевали немного кое-чего из привезённого в котомках. Посидели, поговорили о том, о сём, а потом сходили за автобус – в укрытие от лишних глаз. Когда Зина начала возвращаться, стала не спеша перешагивать хлыст, автобус взревел мотором. Неожиданно он свирепым броском наехал на хлыст, толкнул его на женщину и повис на хлысте своим передним мостом. Левая нога Зины оказалась под двойным грузом – автобуса и хлыста. От нестерпимой, сатанинской боли женщина закричала, и все, кто стояли у костра, бросились к автобусу, стали кулаками грохотать по всем его бокам, кричать надрывными голосами и ругать шофёра. Многих охватил ужас, некоторые растерялись, не понимая, как спасти женщину. Но что-то нужно делать! Решил съехать с хлыста, тогда, возможно, всей оравой смогут отодвинуть хлыст. Стал он газовать и дёргать автобус то вперёд, то назад. Автобус раненым зверем ревел, а хлыст перемещался на ноге, дробя уже переломанные кости. Невозможно представить, какую адскую боль переносила она в эти минуты.

Неизвестно, когда автобус сойдёт с хлыста, но женщину нужно спасти, извлечь из-под него. Кое-кто попытался переместить хлыст, но где там! Тогда Селиванов бросился искать топор. Нашёл, начал перерубать хлыст. При каждом ударе дерево вздрагивало, и это отдавалось пронизывающей болью в теле женщины, разрывая грани между жизнью и смертью.

Когда, наконец, хлыст был перерублен, часть хлыста кое-как оттолкнули на полметра и освободили Зину, а потом дико орущей толпой, матерно угрожая шофёру, столкнули автобус с оставшейся части хлыста. Кое-кто нашёл в салоне автобуса кусок то ли брезента, то ли мешковины, соорудили нечто вроде носилок, уложили на них Зину.

Это страшнее происшествие отрезвило всех, кто был на ногах. У многих, особенно имеющих хоть какую-то должность, возникло опасение: а что скажет начальство за прогуливание, за пикник и за это ужасное событие? Может быть, придётся расстаться с партбилетом, а там и с должностью, с тёплым местом.

Все искренне жалели Зину: её уважали и на работе, и в селе. Свои обязанности выполняла толково и добросовестно, ни с кем не ссорилась, никогда не опаздывала на работу. Скажем, о её выпивках не было и речи, а ведь некоторые женщины были не прочь и прикладываться к зелёному змию. Была она правой рукой Селиванова: ей уже много лет доверяли ответственную работу кассира в рабочкоме. Вот и теперь Миля, заведующая отделом кадров, подошла к лежащей на носилках Зине и протянула кружку с водкой:

- На, выпей, легче будет терпеть-то...

- Убирайся! Перестань издеваться... Знаешь, что никогда не пила, и теперь? Чтобы потом сказали, что по пьянке попала под хлыст? Убирайся со своей водкой, глотайте сами!

Никому не пелось. Никто не был безразличен. Одни беспокоились, что придётся держать ответ. Другие понимали, что в селе будут ехидно спрашивать: «Ну что, шпана, много брусники собрали?» Были и такие, которые думали с облегчением: «Слава Богу, хоть не со мной это произошло».

Уже поздно, почти в полночь, автобус со всей оравой - естественно, без песен и смеха - направился в ближайший посёлок Тымсер, примерно в двадцати километрах от злополучного места трагедии. В посёлке была больница, где врач мог оказать нужную помощь больной женщине, а потом вызвать самолёт и отправить её в Усть-Куломскую районную больницу.

6.Сны сбывлись

Ночь для Николая Семёновича выдалась длинной и беспокойной: только заснёт, сразу же появляются сны, почему-то связанные с брусникой. Видит сон, будто получил от двоюродного брата Семёна, погибшего в 1945 году в Венгрии, письмо. Спрашивает, дескать, интересовался в прежнем письме, много ли собрали на зиму брусники, хорошо ли сохранилась. Пишет, что приедет домой после победы и с удовольствием поест пирожки с брусникой, испечённые мамой. И будто Николай Семёнович отвечает, оправдывается: ответное письмо посылали, но оно тебя в живых не застало.

Проснулся Николай Семёнович весь в поту после этого сумбурного сна. Никогда не видел Семёна во сне, к чему бы это? Он уже забыл об этом письме, но видно, как утверждают психологи, в подсознании сохраняется давно забытое; в письме тогда Семён действительно спрашивал о бруснике, которая, по народному поверью, символизирует кровопролитие.

Через, пожалуй, полчаса Николай Семёнович с трудом заснул, но снова сон: двоюродный брат Николай, лежащий в Литовской земле, благодарит за пластинку с песнями Валентины Есевой, но просит послать хотя бы баночку брусники из коми лесов.

После этого сна Николай Семёнович и не надеялся заснуть, но незаметно явь перешла в тяжёлый, мучительный сон, где уже приснился отец, отпущенный по слабости здоровья на сорок пять дней из учебного подразделения в 1942 году. Приснилась та осень, когда они всей семьёй отправились в лес собирать бруснику. Отец будто решил сразу же из того леса пойти на фронт пешком, взяв полный вещмешок брусники. Там он и исчез, не оставив никакого следа...

- Что, зять, всю ночь ворочаешься, не спишь, что ли? – слышно, спрашивает тёща.

- Что-то всё время брусника снится... Не надо было позволять Зине ехать в лес.

- И я всю ночь вижу сны, будто собираем крупную чёрно-синюю голубику.

Сны снами, постель постелью, а вставать придётся. Ночной туман рассеивается, а из марева с востока высовывается багровое солнце, похожее на немного сплюснутый помидор. «Если его таким нарисовать, кто скажет, что таким оно не бывает», - подумал Николай Семёнович, имея в виду любителей подольше поспать. Кто спит ещё дольше, тому солнце покажется апельсином, но большинству сельских жителей солнце всегда было святым светилом, дарующим тепло и свет, а значит, и жизнь. По большому счёту, оно и кормит, и вселяет в нас душу. Не зря самое заветное слово у коми – «солнцеликое». Оно употребляется и в песнях (Ах ты, молодость солнцеликая), и при убаюкивании ребёнка (спи, дитятко солнцеликое), и при обращении к любимой (милая моя солнцеликая).

Николай Семёнович завершил обычные утренние дела и решил накрывать стол к завтраку. Вдруг зазвонил телефон.

- Алло. Да.

На том конце линии из Тымсера сообщили такую весть, от которой холодеют руки - ноги даже у безутешных людей. Николай Семёнович молча слушал и не верил, что именно с Зиной случилось такое несчастье. И опять с ней... Ведь ещё в младенческом возрасте у неё был перелом той же левой ноги.

- Зять, кто звонил? - спросила тёща.

- С Зиной несчастье случилось.

- Что же опять?

В нескольких словах Николай Семёнович рассказал тёще то, что сообщили ему по телефону.

- Опять с ней несчастье, ой-я да и ой-я, и мать заплакала. – Наверно, Богу угодно, чтобы все её грехи отпустились, прежде чем предстать перед Ним...

- Сколько можно калечить одного человека? Да и какие у неё грехи? Иные всю жизнь грешат, а жирут-красуются, - такие слова вырвались у Николая Семёновича.

Этим и закончился разговор с тещей. Вася слышал, что бабушка и отец о чём-то озабоченно разговаривали, упоминая имя мамы.

- Что случилось с мамой?

* * *

- Очень сильно покалечили, и отец рассказал, что знал. – Накорми бабушку, сам поешь, что найдёшь. Наверно, я сегодня съезжу в райцентр.

- А ты сам не будешь завтракать?

- Я сыт, всю ночь «бруснику ел». Пойду в школу. Убери посуду. И чтобы везде было честь честью.

В школе Николай Семёнович выяснил, что ягодники ночью вернулись домой ни с чем, даже не заходя в брусничный лес. Уже почти всё село знало о происшествии, и многие спрашивали, как и что именно случилось. Но не Николай Семёнович, а Людмила Михайловна, тоже ездившая «за брусникой», подробно рассказала о случившемся в Тымсерском лесу.

Николай Семёнович позвонил лаборанту школы, чтобы он приготовился съездить в райцентр за учебниками, которые распределяли по школам из РОНО в централизованном порядке.

- Я – один? – засомневался лаборант. – Мне же не дадут.

- Со мной съездим. Тебе одному ведь и не справиться: целых четыре мешка нужно будет перевезти в аэропорт, сдать там по документам. Потом я задержусь в больнице до вечернего рейса. Ты купишь билеты.

Чтобы успеть к утреннему рейсу самолёта, пришлось спешно проделать кое-какие завуческие дела, обговорить с некоторыми учителями порядок проведения осенних контрольных работ. Труднее было составить расписание уроков на завтра, пятеро учителей числились в отпуске, дескать, они летом были на работе. Николай Семёнович всегда возмущался таким порядком – учитель должен бы летом отдыхать, а в учебном году работать в школе. Но ничего не менялось уже много лет.

Поехать в райцентр на машине не решились: из-за плохой дороги можешь день потерять (если вообще доедешь), да и добиваться машины уже не было времени.

В аэропорту, конечно, билетов на утренний рейс не достать, но бывают дополнительные рейсы. Или отправляют женщин с детьми, больных, солдат. Пришлось обратиться к начальнику аэропорта – тот был не только хорошим знакомым Николая Семёновича, но и человеком, всегда понимающим нужды пассажиров. Он сказал, что формируют дополнительный рейс и уже подана заявка на самолёт. Вышел он в зал, где размещалась билетная касса, и громко приказал кассиру:

- Отправьте дополнительным рейсом вне очереди двух пассажиров. Срочно едут за учебниками.

Ожидающие пассажиры и не стали возмущаться: уже сентябрь, а их дети учатся без новых учебников. Пусть и едут двое вне очереди.

7. Первые встречи.

Сотрудники РОНО уже упаковали нужное количество учебников, осталось оформить документы и отвезти в аэропорт. Заведующий РОНО Иван Трофимович распорядился, чтобы его сотрудники полностью занимались этими делами, а Николаю Семёновичу посоветовал сразу навестить жену в больнице.

Здание районной больницы имело удручающий облик. Оно было старое и огромное среди серых изб, похожее на списанную баржу, только большие окна пытались создать впечатление, что в нём есть что-то от районного масштаба.

В хирургической палате на всех койках лежали по-разному искалеченные больные. У большинства – руки – ноги, оттягиваемые так или этак гириями, привязанные к штангам, перекладинам. Заходящему туда впервые становиться тягостно видеть всё это, и не потому, что всё необычно. Сколько людей и как тяжело они страдают по вине других таких же, нет, не таких, а просто двуногих тварей!!! Или бы, этим тварям, лежать в этих палатах.

Глаза Николая Семёновича наполнились слезами, тяжело стало дышать, ноги стали ватными. Не осознавал, как очутился возле Зины:

- И опять это ... с тобой случилось ...

- Так уж ... Как Богу угодно, - срывающимся голосом промолвила жена.

Какие слова сказать ей? Что – жалеет её? Это и так понятно. Что любит, что желает скорейшего выздоровления? А как же иначе? Корить за поездку? А не осудить ли крепенько самого за то, что не предотвратил ту злосчастную поездку жены?

В кино показывают и в книгах пишут, как приходят посетители к больным: беседы, напутствия. У Николая Семёновича ничего такого не получалось. Всё смешалось внутри: и чувства, и разум, и само состояние тела, даже мышцы как будто переживали часть боли жены. Сквозь пелену слёз её вид воспринимался как в густом тумане, её тяжёлое состояние чувствовалось и умом, и сердцем. Все слова, какие хотелось бы сказать, казались банальными и даже фальшивыми. Это, может быть, потому ещё, что у северян такая особенность – все чувства прятать в себе, не выливать их наружу словесной шелухой. Трудно сказать, хорошо это или плохо, но что есть, то есть. Порядком долго молчали, только часто утирались носовыми платками.

- Мама что говорит? – наконец нарушила тяжёлое молчание Зина.

- Плачет без конца.

- А Вася?

- Переживает, хотя виду не подаёт. Думаю, скоро закончит копать картошку.

- А капусту пока...

- Ты не думай о доме, - перебил жену Николай Семёнович. – У тебя одна забота теперь.

Опять молчание. И другие больные молчат, вроде тоже переживают за Зину.

- Я убью этого ублюдка шофёра...

- Не марай, Колуш, свои руки. Тебя засудят – что мы будем делать? Мать слепая, я калека... Васе придётся бросать учёбу. Что случилось, то случилось, Бог всё расставит по своим местам. Ты сделай вот что. Дома в выдвижном ящике есть чековая книжка рабочкома, отдай Селиванову. Там профмарки и отчёты - всё в норме.

Николая Семёновича всегда радовала пунктуальность жены, её постоянная привычка к порядку, но чтобы и в этом состоянии?

У попавших в больницу обычаи и поведение всегда особенные: каждый стремится бескорыстно помочь более слабому утешительным словом, поделиться гостинцами, принесёнными родственниками. Это хороший знак, но больница есть больница. Хотя и врачи, и санитарки были учтивы, благожелательны, всё же она не свой дом; больница отдалённого райцентра отличается от городской как земля от неба и по оснащению оборудованием, и обеспечением лекарствами, и прочими условиями пусть бытового характера. Остаётся – как можно меньше нервничать.

В аэропорту мешки с учебниками уже были сданы в грузовую камеру, документы оформлены, билеты лаборант купил, - осталось ждать вылета вечернего самолёта.

- Здравствуйте... - услышал Николай Семёнович голос за спиной. Посмотрел – тот самый шофёр Паршуков, который искалечил Зину.

- Ах ты, мерзавец, - не удержался и в сердцах выругался Николай Семёнович. – Ещё и смеешь здороваться! Здесь много народу, не буду марать руки. Был бы я у автобуса в лесу, то сделал бы из тебя покойника. Встретишься в нашем селе – застрелю или изуродую твою рожу!

Злость обуяла Николая Семёновича, и он больше ничего не мог выговорить. Конечно, он понимал, что не опустился до примитивной драки и тем более до убийства, но гневные слова возмущения срывались сами, безудержно. Понимал он и то, что мог бы сгоряча «марать руки» там, в лесу, в автобусе. Но была в его характере особенность: по прошествии времени всегда успокоиться, даже простить.

Люди в зале ожидания удивлялись, но никто не вмешивался, никто не интересовался, что произошло. Однако, кажется, понимали, что колунообразного вида человек, сидящий особняком, виноват в чём-то очень значительном.

Николай Семёнович не сразу сообразил, зачем этот человек находится в райцентре. Но потом стал постепенно понимать: он прилетел дневным рейсом, чтобы подстраховаться от ответственности за содеянное. В Тымсерском лесу он был пьян за рулём. В посёлке Тымсер он избежал экспертизы на алкоголь. А тут, в райцентре заместителем главного врача – его двоюродный брат. Выходит, он приезжал за справкой, что у шофёра Паршукова признаков содержания в организме алкоголя нет. Такая справка дала бы возможность свалить часть вины на что-то или на кого-то. И что удивляло Николая Семёновича: почему главный инженер, находившийся там же, в Тымсере, не заставил шофёра пройти ту экспертизу на содержание алкоголя? Не посчитал нужным или не знал, что так надо? Не верится. Скорее всего боялся, что ему первому придётся отвечать за допуск к управлению автомобилем нетрезвого водителя.

Поездка в райцентр, встречи и размышления не успокоили Николая Семёновича, а лишь утвердили в намерении подать заявление в суд.

8. Ночь

В своё село завуч и лаборант приехали уже в синих сумерках. Дел и забот хватило на обоих порядком, поэтому уже не хотелось заниматься чем-либо в школе. Тем более, что там, кроме уборщиц, очевидно, никого нет.

Моросил мелкий ленивый дождик, который даже и дождиком назвать трудно - как пыль, нудно оседающий на одежду, постепенно набухающую под этой пылью. Пока брели до своих домов, вконец промокли и устали до изнеможения.

Дома Николай Семёнович рассказал сыну и тёще о посещении больницы, о состоянии Зины. Конечно, не стал «сгущать краски», чтобы не слишком расстраивать больную старую мать жены. Пока передевался, Вася приготовил ужин и рассказал о домашних делах. Оказывается, он уже закончил копку картофеля, мешки сложил под навес. Накормил свиней. А ещё приходил ветфельдшер.

- А что – ветфельдшер?

- Сделал какие-то прививки обоим свиньям.

- И потом? - Николаю Семёновичу хотелось узнать, против какой болезни сделаны прививки, платные ли они. Но Вася, видимо, по своему понял это «потом»:

- А что потом... Всё время матерился.

- За что?

- Из-за того, что позволили маме поехать в лес. Обматерил, говорит, всю контору. Сам не ездил, чихал, говорит, на ихнюю бруснику. Говорит, ещё позавчера забили корову, конторские чуть не подрались из-за кусков мяса, им всё мало, поехали ещё за брусникой.

- Как бабушка себя чувствует? Вроде она спит?

- Всё время плакала и молилась, недавно вздремнула. А всё-таки, - тихим голосом спросил сын, - у мамы насколько сильно искалечена нога?

- Очень сильно. Не знаю, ампутируют ли, - Николаю Семёновичу было трудно говорить на эту тему. – Ладно, делай домашние задания. Без телевизора «весело». Я раньше лягу спать, до школы нужно успеть в Оль-озере сеть проверить. Если есть караси, они, может быть, не испортятся пока, а если щурята – сгниют, ведь уже двое суток не проверял.

Прежняя усталость немного прошла, но заснуть Николаю Семёновичу не удавалось. Крутился с боку на бок, пытался отвлечься от тяжёлых дум, но бесполезно. Всё туловище ныло, неотвязная грусть мешала сосредоточиться на одной какой-нибудь стоящей мысли. Решил как-нибудь стряхнуть с себя это состояние. Тихонько, чтобы не беспокоить тещу и только что уснувшего сына, уже около полуночи встал. Обтёрся мокрым полотенцем до пояса, оделся-обулся. Выпил стакан сухого вина, пожевал краюшку хлеба и вышел во двор.

Моросить – пылить перестало. Ночь обычная, по-деревенски молчаливая, по погоде невозмутимо и блаженно тихая. Спит всё: люди, птицы, трава, телеги и, наверно, лодки. Всё на заслуженном покое после дневной суеты. Воздух после нежного небесного пыления стерильно чистый, сам просится в лёгкие, чтобы освежить бодрствующего полуночника, успокоить, воодушевить. По-сентябрьски темно, но в своей деревне каждый уступ-выступ под ногами знакомый, «свой в доску», грех споткнуться или поскользнуться. Шагашь неслышно и думаешь: как прекрасно на вольном свете! Как хороша была бы жизнь, если б не было войн, пожаров, ненависти и зависти, увечий и слёз... Ни днём, ни ночью.

До Оль-озера рукой подать: оно спит между селом и Вычегдой, прямо под косогором с картофельными огородами. Оно небольшое, но в середине очень глубокое. На возвышенном берегу сосновый лесок сторожит его покой, а нижняя сторона озера опушена листовным воротником: грустная ива, до поры немая ольха, лирическая черёмуха и величественная красавица берёза смотрятся в зеркальную гладь озера, наперебой любуются земной благодатью. И неважно, что это зеркало, утыканное отражениями тысяч звёзд, лессированное ультрамарином, в отражениях не делает различия, какая красавица смотрится в озеро – все там чёрные. Придёт утро, и все они зыграют своим обаянием.

Николай Семёнович часто приходил сюда с альбомом и этюдником, чтобы потом зимой написать картины по этим наброскам. Каждое посещение этих мест, особенно в дни бабьего лета, для него было временем вдохновения, воодушевляло на поиски новых тем, на создание новых живописных работ. Они вселяли в душу ощущение радости бытия, желание стать лучше и чище, отбросить мысли о невзгодах, встречающихся в жизни, к сожалению, не так уж редко.

Как по заказу, из-за плотной темно-синей занавеси, которая покоится над берегом Вычегды, начала высываться луна. Видно, и ей хотелось снять камень забот и грусти с душ человека. Она ярким серебряным диском отразилась на немом зеркале озера. Легко стали просматриваться прибрежные гривы и кочки осоки, застывшая в покое ткань листвы водорослей. Звёздная россыпь небосвода повторялась на глади озера и при ударах весла билась в весёлой пляске.

Помнится Николаю Семёновичу, как они с Зиной провожали майские вечера и кукушкины белые ночи у этого озера. Было это уже давно, но, когда приходишь сюда, кажется, будто это было вчера. Когда в мыслях охватываешь прошлые годы, невольно всплывает всё хорошее, что было в жизни. И потом уже, конечно, то омрачающе тяжёлое, что случилось в эти дни, что не уходит из сознания ни на минуту.

Николай Семёнович протолкал маленькую лодку сквозь густую осоку и лёгкими взмахами весла поплыл к сети. Старался бесшумно работать веслом, и всё же раздробил серебряный диск луны на мелкие блёстки. Но с вышины лился прежний спокойный свет, и рыба в поднимавшейся сети сверкала с тем же серебром. Поэтому глаза, привыкшие к темноте, легко различали, что есть в сети: рыба или водоросли. А карасей и щук оказалось немало, хватит и себе, и соседкам, у которых в семье нет рыбаков.

Домой Николай Семёнович вернулся уже в третьем часу. Чтобы быстрее забыться и уснуть, выпил рюмку того же вина и лёг отдохнуть. Но какой там сон, наоборот: глаза раскрыты, мысли тяжёлые... Что делать дальше?

В школе многие сразу заметили: сегодня с Николаем Семёновичем что-то «не то».

И запах не скроешь: ведь почти не завтракал. Оставалось утешать себя тем, что ненормальный вид обусловлен не только алкоголем, но и более всего теми переживаниями, которые ему пришлось испытать в эти дни. Конечно, и усталостью, и бессонницей. Но всё же пятно на репутации получилось заслуженно: ведь учитель перед обществом имеет больше обязанностей, чем прав, он в селе на самом видном месте.

9. Райком и прокурор.

Звонок из райцентра.

- Слушаю. Мальшев.

- Это из райкома партии. Вам, Николай Семёнович, нужно приехать в райком. Возьмите программу политучёбы на этот год.

- И в этом году вы поручаете мне эту работу? Мне теперь не до неё. У вас есть член райкома, считается пропагандистом, ему и поручайте.

- Не указывайте, что нам делать и не делать. А член нашего райкома в отпуске.

- Какой отпуск в общественной работе?

- Одним словом, завтра приедете. В аэропорт сообщим, чтобы всех пропагандистов отправляли вне очереди.

- У меня домашние условия такие, что в этом году не смогу проводить эти занятия. Вам бы не мешало заняться позавчерашним происшествием в нашем Лазаревском совхозе. Наверняка уже в курсе дела – там были несколько коммунистов.

- Знаем. И не будем заниматься, у нас есть свои заботы! – грозно ответили на том конце провода. – И дайте нам самим знать, чем заниматься.

Раздражение и приказной тон работника были неожиданными для Николая Семёновича. Можно было предположить, что событие с массовым прогулом в Лазаревском совхозе и происшествии в Тымсерском лесу всерьёз обеспокоили райком партии, поскольку были там и коммунисты, и в обкоме партии КПСС могут строго спросить прежде всего с райкома КПСС. В райкоме подобрали и предложили тему для занятий по национальному вопросу. Николай Семёнович осторожно возразил:

- У нас в Коми пока острых национальных проблем нет, все живём в согласии. Если можно, дайте программу, соответствующую проблемам обучения и воспитания.

- Берите, какой предлагает райком, - и положил трубку.

Николай Семёнович не привык хныкать и отлынивать от работы, но согласился с большой неохотой.

* * *

Уже опытный человек, Николай Семёнович понимал, что в трудных обстоятельствах ясно обнажаются черты характера человека, выявляются, по выражению В. Тендрякова, люди и нелюди. В этом он ещё раз убедился, когда после посещения райкома партии зашёл к районному прокурору Цыганову. Когда Николай Семёнович положил на его стол заявление о возбуждении уголовного дела, он с минуту помолчал, а потом спросил просто:

- Вы хотите, чтобы Паршукова посадили?

- Посадить неважно. Искалеченный человек будет на инвалидности всю жизнь. Пусть виновный и будет материально в ответе всю жизнь.

Прокурор и здесь промолчал некоторое время. Потом достал из папки бумагу, протянул её Николаю Семёновичу и сказал:

- Посмотрим... А Вы пока прочитайте вот это.

Николай Семёнович взял ту бумажку и увидел заявление, где крупными буквами было написано, что водитель Паршуков был трезвый, дорожно-транспортное происшествие произошло случайно, возбуждать дело нет необходимости. Подписали главный инженер и ещё двое. Потемнело в глазах Николая Семёновича то ли от негодования, то ли от обиды из-за того, что его же бывшие ученики лгут, свою же уважаемую сотрудницу так легко предадут, как в омут толкают. Было противно держать эту писульку. Но тут же мысли Николая Семёновича «преобразились»: так тебе и надо, учитель, каких воспитал, таких и получай по заслугам.

В больнице Николай Семёнович об этой бумажке Зине ничего не рассказал: ей и так всего хватает, нельзя излишне расстраивать. Да и что она может предпринять в её положении?

От больницы до аэропорта – всего около километра. Когда ничего не заботило, дорога казалась короткой и лёгкой. Высокий простор, вокруг совхозные поля. Они прячутся за кустами с пожухлой листвой; а вдали виднеются соседние деревни как на ладони; ещё дальше – поля и перелески в пёстрой палитре сентября, окаймлённые расплывчатой седоватой синью горизонта. Однако, несмотря на разноцветье, пейзаж равнодушный, дорога пыльная и скучная. Тротуары настолько стары и разбиты, что по ним мало кто ходит – не поломать бы ноги.

Николаю Семёновичу неохота и любоваться осенними далями. Ноги шагают машинально, даже как-то сами перешагивают колдобины и обломки досок на обочине дороги, а мысли ищут ответа на вопрос: каков был сценарий составления и спешной доставки заявления прокурору?

Ответ на этот вопрос дали некоторые конторские работники, когда Николай Семёнович побеседовал с ними через день. Оказывается, главный инженер собрал тех, кто был участником поездки и растолковал им, что никому не поздоровится, может быть, и выгонят с работы кое-кого, если о происшествии будет известно в столице – Сыктывкаре. Не просил, а требовал, чтобы было подписано заявление «соответствующего со-

держания». (Какого – сам прочитал, им же составленное.) Многие отказывались, но главный сказал: «Подписались те, кто больше других боялся потерять своё кресло».

10. Новые встречи

Поездки Николая Семёновича в райцентре по разным делам были удобны тем, что удавалось посетить в больнице свою жену. Конечно, иногда он связывался по телефону, интересовался состоянием его здоровья, просил передать, что дома всё в порядке. Но личное посещение и встреча с Зиной – это совсем другое.

Получил в октябре Николай Семёнович повестку из райвоенкомата. Спросил по телефону о причине вызова и узнал: надо сниматься с воинского учёта – прожито пятьдесят пять лет, больше полувека. Эта поездка даст возможность посетить жену – это главное. Снятие с учёта не срочное дело. Другой вопрос – если бы явка, скажем, по вызову на сборы. Ну, а повестка военкомата – это опять отправка дополнительным рейсом вне очереди.

В райцентровском аэропорту Николай Семёнович встретился с председателем райкомитета профсоюза работников сельского хозяйства Игнатовым. Он рассказал, что добивался, чтобы райисполком и райком партии серьёзно и объективно расследовали происшедшее в Тымсерском лесу, встали на защиту пострадавшей.

- Но меня там и слушать не захотели. Мы больше, видимо, ничего не сможем сделать, - поделился своим выводом Игнатов. – А над Селивановым мы вдоволь посмеялись и удивлялись, когда получили докладную, будто в кассовом отчёте Вашей жены не хватает рубль двадцать копеек. Вот, говорим, жмот, о такой мизерной сумме докладывать?

Лучше бы Николай Семёнович не слышал этих слов! Представитель «школы коммунизма» не смог защитить свою работницу от произвола (или не обнаружил настойчивости перед тупогрубой силой чиновников?), а серьёзный разговор перевёл на комический лад. Как говорится, начал во здравие, а кончил – за упокой.

Военком поздравил Николая Семёновича с наступлением нового периода в жизни, пожелал крепкого здоровья ему и его семье («Из твоих бы уст да Богу в уши», - подумал Николай Семёнович с грустью). Поблагодарил военкома увольняемый и даже пошутил по солдатскому фольклору:

- Служу Советскому Союзу, помкомвзводу и главному повару!

Военком тоже умел шутить:

- Добавь: милой жене и дорогой теще.

Уже выходя из военкомата, Николай Семёнович подумал: «Что поделаешь, надо и им служить».

В череде встреч и разговоров посещение военкомата было самым простым, чувствовалась доброжелательность военкома и других офицеров третьего отделения. Везде бы так! Ведь человек, когда он встречается с невзгодами и ищет пути выхода из них, более всего хочет понимания в его поисках. Замыкание в малом кругу общения – в семье или в самом себе – чаще всего приводит к субъективным выводам и даже ошибочным. Человек – часть мира, и он не должен избегать встреч со всеми сущими: с людьми и их характерами, с животными и их повадками, с растениями и их цветением – увяданием, с дыханием природы. Влияние окружающего мира может возбудить или успокоить, и как им воспользоваться, зависит от нас самих.

В хирургической палате райбольницы всегда есть новые больные: кто-то ушибся, кого-то избили. У некоторых хмель из головы ещё не улетучилась, не соображают, у тещи на блинах они или в больнице лежат. Но боль от ран быстро будит их соображение.

Зина лежит всё на той же койке, только в гипсе по грудь – почему так, конечно, врачам виднее. Лежит она под белоснежной простыней, лицо бледное, лишь тёмные волосы да пара зелёных глаз, слёзно сверкающих в тоскливой задумчивости, резко выделяются на фоне больничной драпировки. В выражении лица – грусть и терпение, как у раненого голубя. Когда Николай Семёнович приблизился к жене, её лицо враз осветилось нежной улыбкой, слёзы переполнили края несомкнутых век. По легко дрожащим губам было видно, как она сдерживает плач. Точно то же самое случилось с её мужем, и всё скрылось в тумане слёз. Долго сидели молча.

Николай Семёнович достал из сумки солёную речную рыбу и прочую домашнюю снедь. Пусть больничная еда сытна, но домашние гостинцы пахнут по-домашнему, они приготовлены руками родных, привезены из родного очага. Они ценны ещё и тем, что ими можно угощать и соседей по палате!

Разговор при сдержанной тишине соседей начался не сразу, но мало-помалу Николай Семёнович и Зина начали обмениваться вопросами-ответами. Зина рассказала о приезде дочери Нади, а Николай Семёнович прочитал её письмо, полученное на днях. Он никак не мог отвести глаз со своей жены: в памяти всплыла старинная картина, где изображён ангел с ранеными крыльями, который пытается взлететь, но ему это не удаётся, его белоснежные крылья раскинулись, как и простыня, покрывающая Зину. Николай Семёнович видит: и шея, и руки жены словно из белого мрамора, чуть ли не прозрачные – как у статуи какой-то античной богини. Никакого признака кровообращения: ведь в её положении не выйдешь на улицу, на прогулку под солнцем.

- Ну и как мама? – произносит она.

- Очень горюет, - промолвил он.

- Хоть бы ещё и не парализовало её.

Помолчали.

- Колюш, вот что тебе скажу: не поддавайся зелёному змию. Всё зло от него.

Николай Семёнович понимал, что винопитие – во многом следствие Великой прошедшей войны. Когда с фронта возвращались ветераны и поднимали «свои боевые сто грамм», каждому парню хотелось быть таким же взрослым и героями, как те победители. Привычка чокаться и пить «на брудершафт» тянется уже много лет, даже принимая странные формы: не пьёшь – значит, зло держишь.

- Да уж... Особенно сейчас надо будет воздержаться.

Попрощавшись с женой, Николай Семёнович решил зайти к прокурору. На вопрос о реакции прокуратуры на заявление по поводу происшествия в Тымсерском лесу он сказал, что, «мы тут посоветовались и решили», что для возбуждения уголовного дела достаточных оснований нет.

- Вы же знаете, что есть!- возразил Николай Семёнович. Человека калечили, и чуть ли не до смерти.

- Если бы было со смертельным исходом, тогда бесспорно возбудили уголовное дело. Говорят, что Ваша жена сама виновата в происшествии.

Что тут сказать? Николай Семёнович был не в состоянии ни возразить, ни спросить о чём-либо. Волна возмущения, состояние отвращения и даже необъяснимого стыда за ответ прокурора заполнил его сознание. Как будто плюнули в лицо: оказывается, нужен был «смертельный исход», чтобы привлечь к ответственности хотя бы непосредственного чиновника.

Николай Семёнович встал и, не прощаясь вышел на улицу. Недолго постоял на крыльце этого учреждения. Настроение было подавленное, под стать ему и погода: день хмурый, ладно ещё - нет дождя. Был полдень, до обратного вылета из райцентра оставалось около трёх часов, и Николай Семёнович решил пообедать в столовой. Мысленно горько прогнозировал: «Зайду, может быть, хоть тут не посоветуются, изморить ли меня голодом со смертельным исходом». И - вот так встреча: старый друг, однокашник по институту, Анатолий Федотов в раздевалке в столовой. Не видались уже лет десять, были искренне рады увидеть друг друга.

- Я в командировке, - говорит Анатолий. – Только что освобожден. Проверяли, как военкомат проводит работу с допризывниками.

Сегодня я там тоже был.

- Разминулись – значит, были в разных кабинетах.

С этим умным и бдительным майором в одно время они заочно учились в пединституте. Много было книг и конспектов перечитано – переписано, экзаменов и зачётов сдано. Анатолий и не мечтал стать учителем, но по работе требовался диплом, чего он никогда не скрывал. Теперь он работает в республиканском военкомате.

Встреча старых друзей началась с воспоминаний о прошлом, но вскоре повели они разговор о сегодняшних делах.

- Не может быть, чтобы прокурор отказал. Ты слишком доверчив и уступчив. Если хочешь, я к нему зайду, спокойно поговорю, - сказал Анатолий.

- Незачем. Либо партбилет потеряешь, либо «звёздочку». Я их уже давно знаю.

А ты тогда пиши повыше, пусть событие получит огласку, может быть, тогда пошевелятся. Если смиришься, всю жизнь будешь раскаиваться. Может стать, что твоя благоверная через какое-то время бросит тебе в лицо слова: «В трудное время ты не был способен защитить меня».

- Зина не такая.

- Верю. Но у жены, как и у природы, «погода» бывает солнечная и облачная.

- Как и у нас самих, - взгрустнул Николай Семёнович.

Беседа мирно текла больше часа. Никто не вмешивался в неё: в столовой было мало посетителей. Разговор был откровенный, обо всём: о друзьях, о политике, о смысле жизни. Встретились весёлыми друзьями, а расстались грустными друзьями.

11. Дома

После приезда в своё село Николай Семёнович зашёл в школу, просмотрел классные журналы. Поговорил с завхозом о делах прошедшего дня. Школа жила, можно сказать по инерции, не особенно выделяясь чем-нибудь. Одна из причин – всеобщая рутинность, у которой опять же причины: нехватка то одного, то другого.

И дома дела идут, как по расписанию, но с одной особенностью – в атмосфере несчастья, постигшего семью.

После ужина Николай Семёнович уже при густых сумерках спустился к озеру Оль. Лодка, причаленная было к прибрежной иве, мирно дремала близко к середине озера, видать, кто-то ею пользовался и оттолкнул от берега. Вброд всё же подошёл к лодке, но в ней не было весла. Пришлось воспользоваться палкой, которая нашлась недалеко на берегу. Но на шесте, к которому был привязан шнур сети, висел лишь его отрезок. И здесь пакость! Что за люди? Есть, очевидно, в селе или завистники, или просто воры. Уж попросили бы ту же сеть, не жалко – отдал бы, пользуйтесь, черти.

Что за бабье лето в этом году – одно событие за другим, и всё без просвета на добрый знак... Оно прошло, отзвенела золотая осень. Что впереди?

Однако, как подумал Николай Семёнович, потеря сети – не такая уж беда. «Раз кому-то очень надо, пусть пользуется. Вору суждено всю жизнь воровать и жить в нехватках, а мне Бог снова даст всё необходимое», – такие мысли своей матери вспомнились Николаю Семёновичу.

Уже поздно вечером он написал заявление в республиканскую прокуратуру, раз уж районная прокуратура игнорировала его просьбу. Добавил в конце заявления, что оставляет за собой право в случае отказа обратиться в Прокуратуру РСФСР.

На другой день заявление ушло в Сыктывкар.

* * *

Прошло несколько недель. По утрам стало подмораживать, и поскольку настоящих дождей не было, дороги уплотнились, стали вполне проезжими. Не так трясло, почти нигде машины не буксовали, и вездеходы – узики даже находили узкие объезды возле «долгоиграющих» ям и луж, а то и траншееобразных следов колёс в колее дороги.

В своём селе заведующей больницей работала Тамара Михайловна, бывшая ученица здешней школы. Она нередко ездила в райцентр на санитарном уазике по разным служебным делам, и Николай Семёнович мог воспользоваться попутным транспортом, чтобы навестить Зину.

Вот и вышло однажды, что Николаю Семёновичу пришлось выехать за женой: из райбольницы позволили, чтобы она побыла дома до снятия гипса и проведения операции.

Привезли Зину домой, уложенную на носилки, на том же уазике. Занесли в дом осторожно, стараясь не причинять ей боли. Но она плакала – от радости – снова дома! Она может дышать домашним воздухом, ощущать вокруг себя всё, что домашнее, родное, своё, незабываемое, вечное. Радость была горькой, пусть и неполной, слёзной, но она была необъяснимо возвышенной, светлой. Зина и её мама плакали молча, неутешно, всхлипывая и неутомимо, прерывисто дыша...

Уложили Зину на кровати в спальне, которую оставила как будто много лет назад – такой длинной казалась та злосчастная осень, когда судьба отняла у неё самое драгоценное – здоровье на всю жизнь.

Николай Семёнович устроил при кровати разные поручни и держатели, чтобы больная жена могла по возможности с помощью своих рук немного менять своё положение, иначе от однообразного лежания на теле могут образоваться пролежни. Забот в семье, конечно, прибавилось: нужно дополнительно готовить пищу, быть и санитаром. Но пусть, зато жена не в больнице, а дома, можно хоть словами поделиться её болью, успокоить, воодушевить что ли, и этим помочь ей быстрее выздороветь.

К несчастью, в это время парализовало тещу – вероятно, от новых переживаний. Николай Семёнович вспомнил её же слова: где тонко, там и рвётся. Да и в школе забот не убавилось. Уже октябрь, а директор из отпуска не возвращался. А как же: охотничий и ягодный сезон. Хорошо хоть то, что учителя работали в полную силу и добросовестно, наверно, сочувствуя трудному положению завуча.

К концу октября директор наконец вернулся в школу, но почти всегда был хмур и придиричив. Было время, когда Николай Семёнович подумал уволиться или отпроситься на некоторое время в отпуск, но Зина отговорила:

- Не торопись, всё станет на свои места.

А теперь – дни без отдыха, ночи без сна. Разбитая левая нога Зины в гипсе – как в кипящем котле. Кроме того, крупинки гипса впиваются в кожу больной ноги и усиливают дополнительным истязанием всё тело. Время от времени Николаю Семёновичу приходилось извлекать их гладко обструганной лучиной. И за парализованной тещей требуется время для ухода. Но что поделаешь, не бросишь же больных женщин в их безнадёжном состоянии.

Пришло письмо из республиканской прокуратуры, где сообщали, что заявление товарища Малышева Н. С. направляется в Усть – Куломскую районную прокуратуру для рассмотрения и так далее. Вот и пойми: кто ничего не предпринимал, к нему же и направляется бумага. Как разматывать этот бюрократический клубок, никто не знает. Пришлось Николаю Семёновичу ещё раз лично обратиться к районному прокурору. Он, видимо, понял, что дело принимает огласку, и постановил возбудить уголовное дело. На руках у Николая Семёновича оказалась копия постановления – бумажка шириной в два пальца, выданная секретаршей. Подпись прокурора и печать – всё чин чинном, но – «Такие бумажки в школе называют шпаргалками», – в шутку подумал Николай Семёнович, а улыбка не получилась. Но кличка бумажке осталась.

Да, бумажка – великое дело. Она – мотор и весло в океаническом шторме бюрократизма. Только, что из них сильнее, время покажет.

12. Операция

Уже в ноябре настало время отвезти Зину на операцию в районную больницу. Мать, прерывисто дыша, тихо произнесла:

- Зинук, дитя, если умру, прости же...
- Сама, мамук, прости, если что-то со мной...
- Там в больнице, в изголовье кровати повесь крестик.
- Конечно. В операционную его не занесёшь.

Хоть бы о многом ещё поговорить, но и в груди, и в горле у обеих чем-то давящим стянуло. Долго молчали мать и дочь, шмыгая носами и изредка утирая слёзы.

-И ты, Колюш, прости, ведь как ещё всё дальше получится... Я тебя всегда любила. Если мне суждено... - и Зина еле сдерживала рыдания, - ты один на свете останешься моей болью... Не потеряйся в жизни.

-Не говори пустое. Всё будет путём. Не настраивай себя на худшее. Разве мало было в жизни тягот, всё как-то проходило, - и у Николая Семёновича в глазах слёзы.

-Васюк, учись хорошо. Слушайся папу, - обратилась мать к сыну. - А он ничего не ответил, тихо вышел из комнаты. Может быть, не нашлись у него нужные слова или стеснялся своих слёз, непроизвольно наполнивших глаза. Он очень любил мать, а теперь к тому же примешалось чувство жалости к ней.

* * *

В отдельной секции операционной громкие голоса, удушающая пыль, стуки, натужный скрежет и треск – всё это напоминает то ли кустарную кузницу, то ли мельницу в преисподней. Разбивают – разламывают гипс и рвут бинт, чем была «бронирована» больная от пятки до груди. Потом санитары помыли, обтёрли её тело и всё место действия этого. Как-то избавили от пыли и пятен крови, но от боли... Тупая боль смешалась с острой, стала вызывать дрожь, тошноту и чувство безысходности.

Уже во второй половине дня Николай Семёнович позвонил хирургу, который провёл операцию. Тот сказал, что операция прошла успешно. Что содержалось в этом «успешно», не разъяснил, сказал только, что больная должна пройти ещё курс реабилитации, и положил трубку. В этом сухо-официальном ответе Николай Семёнович учуял некоторый тревожный подтекст и позже вечером позвонил знакомой медсестре Майе Илларионовне, которая присутствовала в операционной. Она рассказала, как проходила операция:

- Оперировали после снятия гипса Зину, конечно, под наркозом. Вдоль левого бедра сделали глубокий продольный разрез и удалили кусочки бедренной кости. Потом забили металлический стержень в трубчатую кость. Он с трудом влезал в полость кости. Врачи сильными ударами, молотком забивали его туда. Санитарки даже плакали, а Валентина Ивановна даже закричала, что, мол, с бабой делаете? А врачи сами стали переговариваться, как, мол, будем обратно вытаскивать стержень, если будет надо...

И тут голос Майи Илларионовны стал срываться, послышались всхлипы. Николай Семёнович поблагодарил её, попросил успокоиться и передать сердечный привет жене.

Зину после этой операции перенесли в палату на верхнем этаже. Из зашитой раны ещё долго сочилась кровь, и врачи постоянно беспокоились о состоянии здоровья больной. Был даже случай, когда один из них, Ким Егорович, сдал свою кровь для переливания Зине. Она впоследствии с благодарностью вспоминала об этом.

13. Снова дома. «Ходоки».

Прошло безумно тяжёлое бабье лето, прошумела и суетная, тягучая осень, подкралось тревожное звонящее предзимье. Снег не выпадал почти до середины ноября, лишь однажды в октябре дня два прохлады с лёгким хихом выдала неудобную погоду, но на большее у неё не хватило сил.

Зина уже была дома – после «курса реабилитации». Хотя чувствовала она себя разбитой, но всё же дома, и это ей давало надежду на улучшение здоровья.

Казалось странным, что при таком состоянии здоровья Зина постоянно интересовалась домашними делами и наставляла, что и как нужно делать, хотя знала, что в своём хозяйстве полный порядок: урожай с огорода убран, картофель заложен в яму, щели в окнах законопачены. Но она не ограничивалась «домашними интересами». Её очень тревожило то, что происходит в совхозе: там как-то хозяйственности и рачительности с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Картофель убрали кое-как и то с помощью школьников. Сена заготовили мало, зато много хороших сенокосных угодий остались необработанными. А часть заготавливаемого сена некоторые совхозники воровали и втихаря продавали на сторону, частникам. Многие об этом знали, но всё кончалось разговорами. Люди жили сегодняшним днём. Это страшное безразличие порождало тупую лень, которая никак не была присуща самой сути сельского жителя. Николай Семёнович невольно приходил к выводу, что и к происшествию с его женой у многих односельчан было то же тупое безразличие. А, впрочем, есть поговорка: других поймешь, когда самому будет больно. И трудно что-то изменить: другие, чужие не чувствуют ни физической боли, ни, кажется, особой, колокольной тревоги за совхозные дела.

Однажды днём, уже после паузина, когда Малышевы все были дома, к ним пожаловал неожиданный гость - следователь Борский. Видимо, по поручению прокурора. Человек порядочный, вежливый, умеющий ровно вести линию беседы по своему замыслу - это сразу почувствовал Николай Семёнович. Борский посетовал, что вести следствие по делу о событии в Тымсерском лесу сложно и что «вряд ли закончится всё это положительным образом».

- Скажите откровенно, - чуть ли не прерывал размеренную речь следователя Николай Семёнович, - намерены ли и будете ли по-серьёзному вести следствие?

- Мы бы и хотели, но ничего не сможем сделать: звонок за звонком то из райкома, то из обкома партии, требуют, чтобы прекратили работу по этому делу.

Вот так: оказывается, прокурор сомневается, быть или не быть: притормозил действие своего же постановления.

- Мы это так не оставим. Подумайте, какой урок воспитания вы преподаёте этому десятикласснику, - и Николай Семёнович указал на стоящего там же сына. - В школе будут долбить ему о правовом государстве, о патриотизме, о справедливом обществе. А он что подумает?

- Мы ничего не можем поделать, - промямлил следователь, который, конечно, был пешкой и ничего не мог, когда «ферзи» не хотят.

Очевидно, следователь передал прокурору слова Николая Семёновича о намерении «так это не оставить», и Цыганов передал Малышеву по телефону, что нужно написать обстоятельное заявление с указанием свидетелей и их подписями. А их было восемнадцать человек. Пришлось обратиться к ним.

Опираясь на костыли, Зина с помощью мужа кое-как добралась до конторы совхоза – там и восседали большинство «брусничников». Николай Семёнович хотел было собрать подписи, не утруждая жену, но она пожелала сама:

- Пусть каждый посмотрит мне в глаза, и я сама посмотрю в глаза каждому. Хочу понять, какова цена совести тех, кто написал заявление к прокурору, что шофёр не виноват и будто я сама полезла под бревно. Конечно, те не подпишут наше заявление, но ведь есть и другие.

Зашли «ходоки» в отдел кадров. Зина сразу обратилась к заведующей:

- Миля, ты видела всё, что было в Тымсерском лесу. Мы написали заявление. Прочитай и подпишись, будь свидетелем, а на суде расскажи правдиво, что и как там было.

-Я-то видела, но таскаться по судам неохота, - и отказалась, даже не прочитав заявления. Обратились к её мужу Андрею.

-Я ничего не помню, пьян был, - с каменной откровенностью пробурчал он. Действительно, он и был тогда пьян в стельку; хиловатому мужику много ли надо? Но он не был ещё вырублен, когда видел, как шофёр прикладывался к бутылке. Об этом он скажет потом, когда будет поздно говорить о состоянии суда.

Такого же характера собеседования были с несколькими свидетелями. Один из них с раздражением сказал: «Все там были пьяные», но и он отказался подписать заявление. Были даже такие, которые прикидывались ничего не видевшими, хотя знали и видели, что автобус сорвался с места без необходимости, что это было преднамеренной попыткой наехать на людей. Кто же станет подобно мерину добровольно совать свою голову в хомут, когда можно тихо сопеть, не испытывая угрызений совести и животного страха, что вытурят с работы? Работал принцип «Моя хата с краю – ничего не знаю».

Всё-таки удалось уговорить трёх свидетелей подписаться под заявлением после того, как Николай Семёнович стал выходить из терпения:

- Я назову вас в заявлении, и вас вызовут повесткой. Откажетесь – приведут милицией.

Николай Семёнович не знал, будет ли так на самом деле, но эта лёгкая угроза оказалась необходимой и полезной. В то же время он понимал, что этими подписями он ставил этих троих под угрозу гонений со стороны руководителей совхоза. В этом опыт у них был немалый: или тонко попросят уйти «по собственному желанию» или подведут под «сокращение штатов», или произвольно перетасуют сроки отпусков, или «не найдут возможностей» с путёвками в санаторий, или с премиями вопрос замнут – мало ли рычагов давления на строптивых? Если же лишишься тёплого конторского места, иди копайся в грязи на картофельном поле, в навозе на ферме, по пояс в снегу на валке леса – при этом и ставки пониже, и суп пожиже, да и всегда не вовремя зарплатушка улыбается.

14. Кнут и гроб.

Ответ на заявление, «украшенное» подписями свидетелей, пришлось ждать недолго. В возбуждении уголовного дела отказали, дескать, это обосновали выводами Усть-Куломского отдела милиции, что проведена экспертиза какими-то Пермскими спецами, что предотвратить наезд не было «технической возможности».

Николай Семёнович точно знал, что работники милиции и не ездили на место происшествия (позже он выяснил, что те даже приблизительно не сумели указать по карте то злополучное место). Начальник милиции Крушев посчитал достаточным блистать грамотными словами вроде «экспертиза», «техническая возможность»...

Всё становилось на свои места. Кнутом партии был отстранён Цыганов. Испугавшись этого кнута, уволился и уехал в Белоруссию красоваться на своей даче Крушев. В полуразвалившемся совхозе – тишь да гладь. Зину Малышеву «сократили», а просто говоря – выгнали с работы. Происходило это в завидно ударном темпе. Пройдут годы, будут говорить об этом беспределе вслух. Но найдутся и защитники того безобразного прошлого: нельзя обливать грязью то самое прошлое. Конечно, было и хорошее, но слова правды – никак не грязь.

А в дом Малышевых к одному горю приспешило другое. В один из зимних дней, когда ненадолго вдруг завьюжило, искалеченная нога Зины вспухла, покраснела до багровости, ужасная боль свела все мышцы – хоть дико кричи, хоть плачь ревмя. Но она лежала в раздавленном, напряжённом состоянии терпения, как натянутая до предела струна. А вот её мама не выдержала...

Когда Николай Семёнович присел теще, она попыталась что-то произнести, возможно, проститься, может быть, дать какое-то наставление, но так тихо навечно замолкла на руках зятя, как угасла догорающая свеча. Вечная труженица, конечно, в последнее время доставляла дополнительные хлопоты, но Николай Семёнович её уважал и очень жалел: она была как родная мать, наставница. Зять и теща всегда были в ладах. Когда она была здорова, работала, как пчела, была опорой в хозяйстве. Рано оставшаяся вдовой, воспитала троих детей, а за добросовестный труд на колхозной ферме во время войны была награждена медалью.

Когда теща уже лежала в гробу, Николай Семёнович пригласил христианку Елису, чтобы отпевать покойницу – не хоронить же православную христианку, как блудную странницу, без соответствующего обряда. Это было бы неуважением по отношению не только к покойнице, но и к тому поколению, которое пережило тяготы и лишения в своей судьбе. Поклон земной ему. И ей, переселяющейся из земного рая в потусторонний.

Хороним покойницу всем селом. На похороны бабушки приезжала и её любимая внучка Надя, студентка пединститута.

15. О жизни. Самовар.

Зима выдалась холодная, снежная. Сугробы, дрова, вода, сено, хлев... Да только ли они в круге деревенских забот? Всякий здоровый человек жалуется на нехватку времени, на усталость. А каково тяжело больному?

Длинные и ночи, и дни. Все они одинаково бесконечны и тягостны до изнурения. Всякие мысли путаются в голове больной. Пусть хоть во сто крат больше уставала, лишь бы была здоровой. Пусть бы тяготилась нехваткой времени, лишь бы не болела. Как не удалась жизнь...И что такое жизнь? Почему одни всю жизнь красуются, а другим суждено весь свой век терпеть бедность, болезни, унижение? Есть ли где-нибудь Правда? Есть ли Бог? Что будет потом, если оставить эту жизнь, здешнее бытие?

На сороковой день после смерти матери Зина напомнила Елисе по телефону, чтобы она пришла на проводы души покойницы – по христианским правилам душа умершего до сорокового дня оставалась в доме. Пришли многие из односельчан, родственницы и соседки. С ними рядом перед образами постояла и Зина. Конечно, долго стоять было невозможно: опухшая нога непрестанно жгучей болью звала к отдыху. Но когда женщины пели молитвы и осеняли себя крестным знаменем, Зина старалась делать то же самое, – конечно, во многом неумело. Она не сумела объяснить себе, почему, но как-то становилось легче от этого, как будто становилось становилось легче от этого, как будто чувствовалось внутреннее утешение, приобщённость к добрым словам и чувствам стоящих рядом. Нынешняя осень, самая горькая из ушедших, полностью и навсегда отняла её здоровье, но взамен постепенно входило в неё новое, ранее не существовавшее состояние – вера во что-то высшее, чем земная суета, надежда на любовь со стороны людей и всего окружающего. На это звал её внутренний голос, обнадеживающий на праведный конечный исход. Она стала понимать, что это – вера к Богу. Верно люди говорят, что истинная вера приходит к человеку, когда он оказывается в критическом состоянии, на грани смерти.

Ничем не подпереть ход времени. После беснующихся зимних метелей на смену пришли «белые мухи» покладистее. Вовсю в бездонном небе засияло вечное солнце, обнадеживающее и возвышающее всё и вся, дающее новое, свежее дыхание всему живому. Это особенно чувствовалось в Пасху. Как ни старались извести из памяти народной этот светлый праздник, ничего не вышло. Что могло быть сильнее единения человека с природой – земной сутью, тела с душой, земного с неземным, суетного с божественным?

В день Пасхи к Малышевым пришли многие знакомые, родственники, некоторые даже из соседних деревень. Большинству из них хотелось просто зайти и поговорить за чашкой чая из самовара. Некоторые сказали, что давно хотели проведать Зину, но всё было недосуг.

Зина старалась по возможности привыкать к своему состоянию («боль не выплунешь») и не жаловаться («кого этим удивишь, кого это интересует?») Она пыталась сама возиться у плиты, стараясь готовить угощения для гостей.

Женщины не умеют сидеть молча. Особенно располагает и воодушевляет на бесконечную беседу себерибистый хозяин стола – весёлым дискантом поющий самовар. Стремительно вздымающийся из него пар задаёт темп и особый комфорт застольному разговору. Испокон веков известно, что в беседе у самовара наиболее талантливы женщины, бабы – северянки особенно. Они и тему находят, темп разговора держат, выразительностью не обделены, никого не обидят, соблюдают лад. Бывает, кого-то похвалят, кого-то осудят чуть-чуть – а как же без этого, жизнь есть жизнь. А самовар ухмыляется: давайте, бабы, липкие языки, мелите, мелите, но пейте, чай вкусный – «поповский»...

Разговор течёт уставным чередом, как кружево северных мастериц, но сходится в один узелок: нет правды на белом свете. Подтекст этого глубокомыслия вскоре выплывається:

- Пиши, Зина, куда следует. Твоя пенсия – по рублю в день – это издевательство.
- Надо требовать, чтобы у шофёра – страмины карман потоньше стал.
- Перестаньте, бабы, ничего невозможно добиться. Кто силен, тот и волен, правды нет.
- Если попустишься...

- Вон, жену Шешукова чуть не до смерти задавили, дак что сказали? Что шофёр партийный, а из-за какого-то шалопаю его сажать не будем. Будто баба сама полезла под машину.

- Сказали, что поскользнулась.
- Вот-вот, я же говорю: правды нету.
- Что Бог сказал, так и будет.
- Где уж, не умеем мы к нему обратиться.
- Жизнь научит. Будешь у погибели – станешь на колени, Господи, мол, прости.

Все слова, разговор баб отзывался болью для Зины. Когда они почти все ушли, легла на кровать. Всё тело ныло, нога как будто затянута тугой паутиной, а сердце билось, как птичка, запутавшаяся в сети. Думала: «С одной стороны, рада всем гостям, но с другой – не в восторге при таком состоянии здоровья»

В этот день Николай Семёнович и Зина решили ещё раз попробовать «найти правду», как советовали самоварные гости. Поскольку пока где-то валяется «шпаргалка» от прокурора, может быть она на что-то пригодится. Решили съездить в Москву. Живёт там племянник Николая Семёновича, мужчина грамотный и толковый, может быть, он что-то подскажет, посоветует, к кому и как обратиться.

16. Сыктывкар-Москва.

После выхода в летний отпуск Николай Семёнович купил два транзитных авиабилета в Москву, но решил с женой попутно зайти в республиканскую прокуратуру в Сыктывкаре. Вдруг да и что-то решится без Москвы - билеты сдать не трудно.

В Сыктывкаре Малышевых встретила заместитель прокурора. Это была вроде бы всё знающая, но ничего не могущая женщина. Спросила у Николая Семёновича, в чём заключается его просьба. Он вкратце объяснил, даже показал «шпаргалку» Цыганова.

Заместитель прокурора велела подождать до послезавтра.

- У нас билеты куплены уже на сегодняшний вечер в Москву. Вы же заместитель прокурора, нашу суть дела хорошо знаете. Если намерены что-то предпринять, сдадим билеты.

- Придет Можегов и сообщит свой взгляд на вашу просьбу.

- Что важнее: закон или «свой взгляд»?

- Не знаю...,- ухмыльнулась зам.

«Прикинулась дурочкой, - подумал Николай Семёнович. – Здесь будет только столпотворение». Обсудили Малышевы, подождать ли самого прокурора до завтра. Но припомнили, что однажды он уже отфутболивал одно заявление, чего можно ждать и теперь?

В Москве племянник Николая Семёновича встретил гостей очень радушно. Он уже знал из писем, как складывалась жизнь в далёкой северной деревне у родственников. Когда же Николай Семёнович подробно рассказал всю историю от события в Тымсерском лесу до Сыктывкарской встречи, племянник выслушал его внимательно и сказал:

- Дядя Коля, давайте-ка, бросьте всю эту вашу затею. Никакой вашей правды вы не найдёте. У всех она своя. Ну, скажем, заведут уголовное дело. Тогда ваши совхозники – а у них денег найдётся больше, чем у вас – наймут адвоката. Они же не захотят быть виновными. Вы только изведёте себя. И ещё кому-то стукнет в голову: не психбольны ли вы? Поведут вас к невропатологу, затолкают в психбольницу и сделают вас действительно психами. Плюньте на всё и думайте о будущем. Лучше поездите по нашей первопрестольной, посетите музеи, выставки. Ты ведь, дядя Коля, наверное, не бросил ещё свою палитру?

- В этом году было не до красок и палитры. Разве только при подготовке к урокам рисования.

- Выше голову! Помнишь, как пел: «туманы, как водится, быстро расходятся, тают облака»?

- Было... Но раз уж приехали, зайдём к прокурору РСФСР.

- Ваше дело. Только потом мне скажете спасибо, что я советовал не ездить попусту к нашим чиновникам.

* * *

В приёмной прокуратуры РСФСР полно народу. У крошечного окошечка большая очередь. Убогая старушонка жалуется, что сын её в лагере и что его там сильно обижают, избивают. Закошечная сотрудница обещает помочь, чем может; старушке и этого хватило, чтобы ей было легче на сердце. Отошла она от окошка с чувством благодарности к высокому учреждению. Сидел в зале и важный майор в парадном мундире, весь в медалях и значках. Бодрится:

- Я, если захочу, к любому зайду, мою просьбу незамедлительно исполнят, куда они денутся?

- Рот у него до ушей, будто уже всё вышло по-нему. Через некоторое время он зашёл к прокурору, но вышел от него, как выжатая тряпка: на покрасневшем лице не то удивление, не то испуг. Почти сутулясь, он робкими шагами прошествовал к выходу.

Закошечная юристка многим отказала в просьбе, то ссылаясь на недостаточность документов, то передавая обращение, то ещё по какой причине. Когда Николай Семёнович предъявил копию постановления Цыганова, она сказала:

- Да, это серьёзно. Становитесь в отдельную очередь к прокурору.

«Отдельная очередь» была немногочисленной. Николай Семёнович вошёл в кабинет прокурора и с удивлением обнаружил: он был почти пустой, не было видно ни на столе, ни на стенах никаких бумаг, даже

кнопки, не говоря уже о часах и о портрете какого-нибудь вождя, чем оснащены обычные мирские конторы. Было там только три существительных: Стол, Табуретка (может быть, времён Петра I) и Прокурор в сочетании со стулом.

Николай Семёнович изложил свою просьбу. Предъявил копию цыгановского постановления и заявление, которое написал уже в Москве. Прокурор прочитал предъявленные бумаги. Промолчал с минуту. Потом в нервном возбуждении громко произнёс, почти крикнул:

- Зачем вы приезжаете в такую даль без подготовленных документов?

Это ошеломило Николая Семёновича. Разве заявление потерпевшего и выписка из постановления районного прокурора не могут быть основанием для тревоги? Взять бы телефонную трубку, вызвать прокуроров чином пониже и строго спросить, почему они не выполняют своих прямых обязанностей. Встревожиться бы, кто и с какой стати вмешивается в дела прокуратуры, ставит ей подножки, а не повышать голос на заявителя. Только и вышло у Николая Семёновича:

- Пожалуйста, не кричите.

Взял своё заявление и многострадальную шпиргалку Цыганова: пусть останутся на память детям и внукам. Понял: и этот прокурор под чьим-то каблуком, иначе он бы, по крайней мере, мог обещать разобраться или выразил намерение «приструнить» говоря прокурорским языком тех, по воле которых тянутся бюрократические потешки. Не возмётся, самого приструнят.

17. Троица. О вечном.

Москва шумела, скрипела, скрежетала и гудела бесконечным водоворотом людей, всевозможных машин. Люди, как в муравейнике, ходили, толкались, сустились каждый сам по себе. У всех свои заботы, не слышно ни смеха, ни песен – везде лица сосредоточенно важные, кажутся бездушными. В голове Николая Семёновича бродили мысли – сравнения большого многоголосого города с некой гидрой, обхватывающей человека и делающей его маленьким, бесправным существом. Конечно, он понимал, что это сравнение невольно возникло после посещения высочайшей прокуратуры. Сознал, что это пройдёт. Понял, что следует остепениться и сказать племяннику заветное спасибо.

Чтобы отвлечься от невесёлого настроения, Малышевы поехали посмотреть Бородинскую панораму. Она не понравилась Николаю Семёновичу: то ли было муторно на душе, то ли ожидал увидеть в ней чего-то более возвышенного, чем просто сцену битвы. Панорама не оказала сильного впечатления, наверное, ещё и тем, что многие её детали смотрелись по-современному, слабо отражали дух того времени. Зина же смотрела панораму равнодушно.

После Бородинской панорамы Малышевы решили посетить Третьяковскую галерею – посмотреть своими глазами картины знаменитых русских художников.

Вот и Лаврушинский переулок и знаменитая Третьяковка, посетить которую Николай Семёнович давно мечтал. Хотя у него дома было много репродукций, сами картины смотрятся совсем иначе: у зрителя возникает чувство сопричастности к поискам художника, восприятие картины становится более осмысленным и ёмким. Зине было трудно ходить по залам или стоять перед картинами, и она часто садилась на стулья у входа в зал, а Николай Семёнович восхищённо смотрел и как будто впервые видел шедевры русских художников. Много нового было увидено и оставлено в памяти.

Он довольно долго стоял у «Троицы» Андрея Рублёва. Эта икона особо притягивала к себе, приглашая к мышлению о жизни, о вечности. Николай Семёнович вспомнил о своих давних предках, об их многотрудной судьбе... Три ангела – юноши мирно сидят в глубокой задумчивости (или беседуют?) – не о тех ли поколениях зовут вспомнить они, не о судьбе ли грядущих поколений размышляют? В душе, наверное, у каждого здешнего посетителя возникает вера в добро, в согласие. Хорошо, что зал с Рублёвской «Троицей» был почти пустой: там не место толчее, шуму или топоту ног. Нужна тишина, располагающая к глубоким размышлениям о вере, о надежде, о любви.

* * *

Лето, как и день, начало клониться к своему вечеру – ранней осени. Солнце начало играть через прохладные утренние туманы. А когда лил с неба при игривой погоде слепой дождь, появлялась чарующая дуга – радуга, часто двойная, иногда тройная. Она, по народному поверью – хорошее предзнаменование. И впрямь: ни с чем не сравнить золотую осень с её обильными дарами леса, лугов, своей усадьбы.

Приближалось новое бабье лето. Оно бывает недолго, как и бабье счастье в судьбе женщины. Бывает и дольше. Тогда говорят: «В этом году бабье лето, слава Богу, долгое». Но почему-то относят это к природе и погоде, не имея в виду продолжительное счастье женщины. А бывает ли оно таким?

Лес за домом Малышевых – рукой подать. Поблизости молодой березняк, где весёлыми пуговичками рассыпаны белые волнушки, коричневым блеском манят к себе грибника маслята. Николай Семёнович пропустил их – соберёт, когда будет обратно возвращаться домой. А пока решил посмотреть, каков будет лесной урожай. Заморозков во время цветения ягод не было, должно быть, осень одарит ими каждого ягодника вдоволь.

Николай Семёнович увидел, что лес во многих местах изуродован гусеницами тракторов, остатки после рубки леса не убраны и даже на обочинах лесных дорог всюду виднеются свалки мусора. Тяжёлое впечатление складывалось от того, что свои же люди (мы сами!) перестали уважать свой дом – окружающую нас природу.

Но не всё оказалось настолько удручающим, когда Николай Семёнович прошёл дальше, в сосновый бор – нетронутый, светлый и приветливый. Невольно возникало сравнение этого леса с православным храмом: стоят красавицы-сосны вольно и чинно, как прихожане с чистыми и светлыми помыслами. Стоят молча, будто слушают нисходящий с голубой выси Символ Веры. Праздник и для глаз: мощные медные стволы гордо держат зелёные доспехи богатырей. А вон там – стального цвета шершавые панцири елей, сторожащих самые гостеприимное прибежище под разлапистым своим шатром для путника и в зной, и в слякоть. Кое-где веселят глаз молоденькие тонконогие берёзки своими ожерельными листочками, завораживают своим изяществом.

Шагал этим лесом Николай Семёнович и думал: «Я могу в любое время приходить сюда, а Зине уже не суждено. Остаётся только ей любоваться пейзажами на картинах в рамке да на голубом экране в углу комнаты». Как они любили вместе приходить сюда, ступать по ягелному ковру, наполнять корзины белыми грибами- крепышами, чувствовать приятную лёгкую усталость, вдыхать живительный, освежающий воздух соснового бора! Никогда уже не услышит Николай Семёнович зовущий, мелодичный голос своей жены в этом лесу.

Брусники в этом году будет много. Конечно, на нашей грешной земле будут уронены не только ягодки брусники на мох, но и капельки слёз на подушки матерей, жён, невест, сестёр.

А не хотелось бы.

Повесть основана на реальных событиях, произошедших в 1979-1980 годах.

Андрей КАНЕВ

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ, РАСЧЕТ ОКОНЧЕН... (повесть)

Это было в конце семидесятых. В выпускном «А» полномочным классным руководителем была любовь. Любовь правила взаимоотношениями в классе, подстегивала или снижала интерес к учебе. Любовь была всем и во всем, и во взглядах, и в разговорах, и в походке... Она висела туманом над разномастными головами, зацепившись воздушным платицем за люстры, и млела. Касалась изредка ветреной ладонью взъерошенных волос «Камчатки», гладко причесанных отличников и «среднячков» – всех без разбору.

Учитель, входящий в классную комнату, погружался в эту невидимую вату, размахивал руками, спрашивая домашнее задание, бегал между рядами парт, объясняя новый материал, тшечно стараясь пробить оболочку, отделяющую его от влюбленных друг в друга юношей с ломкими басками и девушек в изумительно коротеньких школьных платьицах.

Глаза учеников, излучающие любовь, изредка наталкивались на безгласую, жестикулирующую фигуру молодой курносой биологички и снова перебегали на свой предмет воздыханий.

Бесперывные полоски взглядов, которые были видны лишь повисшей под потолком туманной любви, пересекались, иногда путались, и любовь старательно, как квалифицированная ткачиха, управляющаяся с четырьмя десятками станков, направляла их в нужный затылок или профиль, восстанавливая обравшиеся, создавая цветастый ковер влюбленности.

Любовь экспериментировала и ставила опыты, иногда сама как бы подтверждая аксиому о том, что она слепа, превращаясь из опытной ткачихи в шаловливого ребенка, намеренно закрывала всевидящие очи и, балуясь, перемешивала линии взглядов, внося в головы учеников разброд в чувствах.

Несмотря на то, что ковер влюбленности выглядел достаточно пестро, в глазах большинства девочек чаще всего отражался один объект. Субъект сей имел маленькую круглую голову на высокой спортивной шее, покрытую ореолом мелких русых кудряшек, лицо с тонкими, тоже мелкими чертами аристократа, подбородок чуть выдающийся вперед, глаза с наглыми искорками, зеленеющие из-под бровей... Завершала картину щегольская полоска усиков на верхней губе.

Этого мальчика звали Костиком Виденским в школе и Птицей на улице, среди дворовой шпаны. Рослый, в аккуратном костюмчике, он был почти всеобщим любимцем и вождем класса.

Покорял сердца Костик своей дерзкой самоуверенностью, бросающейся в глаза физической силой и напичканностью всякого рода неологизмами, скандальными фактами, историческими датами, анекдотами и сплетнями из жизни эстрадных певцов. Был кумир 10 «а» находчив на слово, всегда имел в кармане на кино, мог в любое время дать десятку взаймы, достать недорогие фирменные штанишки из-за «бугра» и одолжить на вечеринку самые свежайшие магнитофонные записи зарубежной попсы года эдак семьдесят пятого – правда, со строжайшим запретом на переписку.

Учился Костик легко и вежливо, не имея больших претензий к учителям, выполнял поручения, не перетруждая себя общественной работой. В общем, был человеком, которого иногда даже ставили в пример,

потому как никто из учителей не знал, сколько раз класс им поднимался на неблагоприятные делишки. Когда проступок раскрывался, всегда кто-то другой оставался виноват. Об истинном же виновнике все молчали.

В школе Костик Виденский никогда не дрался, но все его боялись, потому что знали за ним возможность встретить обидчика где-нибудь в дальнем углу двора с друзьями намного старше, чем одноклассники. Знали и подчинялись безропотно, благо Костик ничего такого сверхъестественного и не требовал.

Отец и мать мальчика работали в одном большом ресторане города, в котором и произошла вся эта история. Отец - директором. А мать, тихая, потухшая женщина, внизу, в кулинарии, буфетчицей. Виденский-старший следил за мужанием своего сына чуть свысока, не лишая его самостоятельности и не вторгаясь в его личную жизнь. Мать для Костики в семье никакого веса не имела. Вот и получилось, что воспитанием сына родители практически не занимались. Рос он сам, и учили его жизни, как говорится, школа да улица.

Весь разговор между сыном и отцом обычно укладывался в следующий диалог:

– Ну что, как дела в школе?

– Пока не сгорела.

– Жизнь, сынок, штука нелегкая, она образования требует.

– Поступлю, куда скажешь.

– Смотри, чтобы я не краснел.

– Все хоккей, папуля...

На то, что Костик посещает его ресторан «Водный» и проворачивает кое-какие делишки с дисками и «шмотьем», Виденский смотрел сквозь пальцы. Для него было достаточно того, что он знал круг знакомых сына и исподволь мог влиять на его дела. Отец был спокоен, у отпрыска проявлялась деловая хватка и сметливость. Мудрому поведению, считал он, ресторанный круговерть с её постоянными пассажирами – научит.

С матерью у Костики разговор был короткий:

– Маман, что похавать?

– Сейчас приготовлю...

На этом общение и завершалось.

Вот таким был всеобщий любимец Костя Виденский. В него и были влюблены почти все девчонки класса. Он родился на свет божий вожаком стаи и рабовладельцем, примерным пай-мальчиком и мелким спекулянтом.

– А сейчас запишите домашнее задание... – голос биологички был словно скрежет железа на ветру.

Прозвенел звонок, любовные нити оборвались, туман рассеялся.

Все заспешили из кабинета биологии вон – на волю, на волю...

Как быстро летит время в десятом классе. Кажется, только вот начали учиться, а уже и конец второй четверти. Скоро Новый год и двенадцатидневные зимние каникулы.

Под ногами белый снег хрум-хрум, как капуста. Морозец пощипывает лицо. Идешь после школы домой, и радостно, и грустно, и непонятно как. Ведь скоро, совсем скоро ты станешь взрослой настоящей... Ты, конечно, и сейчас уже взрослая, но тогда будешь уже совсем-совсем.

Красиво зимой в городе. Везде чисто, белым-бело, правда, если не обращать внимания на посыпанную солью проезжую часть улиц.

Падает с неба снежная крошка, садится на лицо. И кажется, что это сама Снежная королева пролетает над любимым, родным твоим городом и задевает плащом за крыши, антенны, балконы... Сыплется с него снежная крошка, ложится на прохожих. Пощипывает морозец щеки.

Под ногами хрустит снег... Красиво и счастливо. Ведь дома все в порядке, в школе дела на пять с плюсом. Так и хочется запеть, до того радостно на душе:

*Снег кружится, летает, летает,
Невидимкою кружа...*

Домой спешит раскрасневшаяся от быстрой ходьбы и морозца девушка. Ее зимние сапожки оставляют чуть заметные следы в натоптанной полосе тротуара. В руке пляшет дипломат. В глазах прыгают озорные огоньки. Ресницы чуть покрыты инеем от дыхания. Черная шубка стянута ремешком, талия получилась как у Монро. Это вам ни блинчики с капустой трескать. Это вам Люся Попова бежит домой после уроков. Люся, или как ее еще звали в классе из-за маленького роста, «Тридцать восьмой, расчет окончен». За всю свою учебу в школе на физкультуре «Тридцать восьмой расчет окончен» как стояла последней в шеренге, так таковой и остается – не выросла. Но это не беда, с каблучком не такая уж и маленькая.

Люся в любовном ковре класса тоже не исключение. Она так же, как и большинство однокашниц, влюблена в Костику и хочет с ним дружить... Сам собой выстраивается в голове в музыкальный ряд под хрум-хрум:

*Миллион, миллион, миллион...
Алых роз...
Из окна, из окна, из окна...*

*Видишь ты...
Кто влюблен...*

Она, конечно, не выдающаяся какая-нибудь девушка, не супермодница, не суперкрасавица и, вообще, не супер. Лака на ногтях нет, почти не красится, не курит... Подаренный мамой на шестнадцатилетие небольшой перстенок лежит в общей шкатулке с «драгоценностями» семьи, рядом с поломанными запонками, заколками для волос и простыми брошками.

Ничего в ней такого, на что бы Костик обратил внимание, нет.

И училась до сего дня на одни «четверки», ни выше, ни ниже, и коль уж списывать домашнее задание, то, конечно же, не у нее. Даже ни с кем не ссорилась – и тут не выделишься... И подруга единственная, тоже не супер. Катя Кузьмина, или по классному – Кузя. Занимается себе тихо со своими подшефными пионерами, вот и сейчас осталась после уроков. Ходили они с ней вместе в школу и из школы, вместе сидели за одной партой, вместе иногда делали домашнее задание, обе были большими домоседками, делились друг с другом нехитрыми девчоночьими тайнами, но даже и Кузя не знала о существовании у Люси дневника, коричневой толстой тетрадки в девяносто шесть листов.

Узнают в школе, засмеют, это еще в седьмом классе перестали заниматься песенниками, такими, где все про любовь, и песни, и стишки лубочного ширпотреба, типа: «Любовь до гроба, дураки оба», и черт знает кем выдуманные советы как подманить и завлечь кавалера, и красавицы с красавцами из журналов мод... Но у Люси был песенник, она, конечно же, записывала туда понравившиеся песенки и стихи, а на внутреннюю сторону обложки был наклеен портрет Чилинтано, но все-таки это был дневник, настоящий дневник, как у Толстого и других, друг, с которым Люся советовалась, которому доверяла свои радости и горести, кое-что о Костике.

Видятся в этом возрасте девушкам сны о Грехах и Дартаньянах, о смелых и красивых юношах, о любви. А «Тридцать восьмой, расчет окончен» снился Костя и только Костя, единственный сильный и смелый мальчик в 10 «а» классе.

Будет сидеть вечером Виденский-старший в небольшом банкетном зале для работников, глухо здесь, не проникают сюда ни шум, ни кухонные запахи, а главное – не найдет его здесь никто, не додумаются.

В свои сорок Михаил Григорьевич выглядел намного старше. В когда-то могучих плечах чувствовалась теперь женская покатошь, фигура согнулась под тяжестью живота, крутого и налитого. Мелкие, привлекательные черты лица обрюзгли, обвисли. Мешки под глазами стали коричневыми, появилась хриплая, нездоровая одышка. От пышной шевелюры мало что осталось.

Виденский развернулся всем корпусом в мягком красном кресле, глянул через плечо в зеркальную стену. Смотришь на Михаила Григорьевича, поникший медведь, пускает зайчики на постукивающем пальце массивная золотая печатка, побежал складками шитый в салоне легкого женского платья великолепным мастером кройки и шитья, старой закваски евреем Серафимом Зильбергом, костюм от неестественной позы.

Вся жизнь отдана увеселительному заведению. Учился когда-то Миша Виденский на экономическом факультете. Учился, учился, ничем особо не выделялся, да к концу третьего курса чуть не погорел за перепродажу. Ребят судили, он шел лишь как свидетель, но все равно учиться дальше там не было больше никакой возможности, не ушел бы сам, так выгнали бы. Тогда еще понял Миша Виденский, что жить нормально – это значит уметь чувствовать, когда нужно отойти в сторону, чтобы шальной камень попал в другого.

Учился... Когда это было, боже мой... Как давно... А потом, отслужив, пришел сюда учеником офицанта. Окладец мизер, отец в загранке, матушка бог знает где, крутись. Все эти руки узнали. Какие только сделки не заключались там, внизу, за столиками, в пестром, гудящем зале. Даже щенки кокер-спаниеля, по четыреста рублей штука... Шли через него из одних рук в другие обои, стройматериалы, а сейчас...

Вспомнился бородатый анекдот о том, как старый подавальщик учил молодого: «Сначала приходят грузины, они пьют исключительно грузинский коньяк, за ними приходят армяне, они пьют исключительно армянский коньяк, потом за этот столик садятся глухонемые, выпивают по двести граммов водки и отваливаются, распахнув рты. Только ты не пугайся, это они поют. Попоют, попоют и разойдутся, смотри, напитки не перепутай...» Виденский усмехнулся. Вот так и крутился всю жизнь, этому то, этому это, этого подсади сюда, этого познакомь с этим... Потом пошло, запрыгало, завертелось...

Да ведь не зря вертелся, «зря плату» получал, квартира, четыре комнаты, кооператив, ломится от добра, гараж такой, что четыре «Волги» можно поставить, все Костьке останется, ему и сейчас перепадает слава Богу, еще и детям его хватит... такой же крученный, как березовое полено...

А он, Михаил Григорьевич, что-то устал, осточертело все - и власть над людишками, и положение в обществе, благодаря которому нужно держать себя всегда в форме, вот так бы сидел и не двигался, сидел бы, и все...

Михаил Григорьевич потянул из фужера шампанское. Щекотнуло по горлу абразского разлива, вспомнилось, как был там, всплыл в памяти смешной пьяньский экскурсовод, наверное, с каждой группой прикладывался к мензурке... Костьке тогда было пять. Какие чувства в нем вызывает сын? Уважение и боязнь, неприятную, ущемляющую самолюбие, волчонок превращается в волка, а ты, дружок сточил уже свои зубки, сточил...

Виденский стряхнул произвольно пепел с сигареты на мягкое, мышиноного цвета покрытие, наступил блестящим рабочим полуботинком, еще затлеет. А хорошо пожил, широко, красиво... А почему же пожил? Он еще поживет!

– Поживу... – прошептал директор ресторана.

В дверь, мягко оббитую коричневым дерматином заглянула миловидная, ярко раскрашенная девица, вступила в комнату.

– Миш, я тебя ищущу-ищущу, а ты вот где, – чуть капризно сказала вошедшая, голос у нее был приятный, грудной, но чуть с хрипотцой, это от табака. – Сидишь один, надулся, как сыч, а я скучаю, – она, подойдя, игриво прижалась бедром к его кисти, сжимавшей подлокотник.

Виденский ощутил струящееся тепло материи и упругость тела под ней, встряхнулся.

Тома, Тамара, врач-дегустатор ресторана, ответственная за санитарное состояние большой точки общепита Треста столовых и ресторанов, глупа, как курица, но красива и развратна до безобразия. У них уже год как все нормально. Он снимал для встреч с нею небольшой уютный дачный домик со всеми удобствами.

Тома, зашелестев вечерним платьем, чмокнула Михаила Григорьевича в зачесанный набок кудрявый чуб. Рука его легла ей на поясницу.

– Там тебя какой-то тип спрашивает, такой плешивый, – заговорила она ему в самое ухо, – противный такой, по-моему, от него навозом пахнет, помнишь, вчера приходил?

– Ну, – чуть отстранил ее директор.

– Что ну? Шоколадку мне сунул, дурак, в виде презента... ха-ха... позови, мол, самого, как будто я никогда шоколада не видела...

– А ты?

– Я взяла, что же не взять, в кабинете у тебя на столе... Полчаса уже тебя ищущу... Пошли?

«Ну вот и пошли все это к черту, куда денешься?.. Навозом пахнет... А от тех денежек, которые ты у меня тянешь, навозом не пахнет?» – подумал Михаил Григорьевич. Через минуту они уже спускались по узкой служебной лестнице на второй этаж.

Люся пришла домой. Жила их семья недалеко от вокзала, в старой пятиэтажке. Квартира была трехкомнатной, и девушка имела свою, сейчас уже в кавычках, детскую. Окно в ней выходило на железнодорожное полотно, и поэтому от тяжелых составов окна иногда дребезжали, а дом слегка покачивало, так что, если закрыть глаза, можно было представить себя едущей в купе куда-нибудь далеко-далеко.

В душе Люся была путешественницей, она садилась на тахту, которую ей пожаловали родители года два назад, приобрета себе две аккуратненькие кровати, и ехала, ехала, ехала то на север, то на юг.

Но так долго не попутешествуешь, обязательно заглянет кто-нибудь, и:

– Ну вот, Люда, что с тобой, снова сидя спишь? Иди, фильм начинается... – или еще что другое начинается, или что сделать надо, куда-то идти, или учить географию.

Девушка, сняв шубку и оставив дипломат на полке для обуви, прошла в светлую и маленькую, старой планировки, кухню. Исключительно маминим владением кухню назвать было нельзя, каждый вносил лепту в ее благоустройство и поддерживал в ней порядок. В семье Поповых само собой повелось, что особого распределения обязанностей не было. Кто что успевал, делал, варили так же, по такому же принципу ходили по магазинам, «кухонные» деньги лежали в верхнем шкафчике пенала. Так же выносили мусор и убирали в квартире, никто никого никогда не подгонял, все делалось само собой, естественно, не сбиваясь с невидимого ритма.

На заснеженный подоконник уселись два голубя, они потолкались сизыми боками и, заметив Люсю, сорвались в уже потускневшее хрустальное пространство зимнего воздуха. Девушка, быстро перекусив, удалилась в свою комнату, где всегда сразу после занятий учила уроки. Вечером, когда собирались все, всегда находилось какое-нибудь дело, кроме мечтаний с закрытыми глазами и общения с внепрограммными книгами.

Войдя в комнату, она выгрузила содержимое дипломата, положила перед собой химию, алгебру, физику и историю, усевшись на краешек стула, взялась за учебник алгебры. Математика всегда давалась Люсе с большим трудом, и поэтому она делала ее первой, чтобы уже потом, успокоившись, взяться за устные предметы. Оценив заданное, девушка вскочила, стала переодеваться.

В прихожей зазвонил телефон. Люся, не успев накинуть домашний халат, босиком выбежала, хлопнулась рядом с ним на трюмо, сняла трубку.

– Алло, Людочка, это мама говорит, – голос у мамы ровный, мелодичный.

– Да, мам, привет.

– Пришла, поела?

– Да, разогрела там котлеты, кашу рисовую, винегрет в холодильнике нашла... – Люся бы еще долго перечисляла в шутку съеденные ею блюда, но Инна Петровна перебила:

– Понятно, не зубоскаль, не нравится лапша, сготовь что-нибудь другое, у нас домработницы нет... – и без перехода, – уроки как?

– Банально, в любви никто не объяснялся, физик улыбнулся два раза, Костик... – бойко затараторила дочь.

– Я спрашиваю оценки.
– Пока не ставили.
– Дома порядок? – мама зачастила, видимо, кто-то стоял рядом в регистратуре, поторапливал.
– Порядок, папа не звонил, сижу, делаю уроки.
– Ну, молодец. Отцу, придет с работы, передай, что я задержусь, ужинайте без меня, мы Клару Аркадьевну на пенсию провожаем, помнишь, бабушка у нас в гардеробе работала?
– Помню, хорошо, передам, – Люся облокотилась голыми лопатками о полотно зеркала и тут же отстранилась от холодного стекла, – ну все?
– Все, – мама положила трубку.

Работала она в спецполиклинике медсестрой в процедурном кабинете, пришел, наверное, очередной больной, и ей пришлось оторваться от разговора с дочерью. Девушка тоже, положив трубку, побежала одеваться и решать свои задачи.

Справившись со всеми домашними заданиями к пяти часам, она, сдвинув учебники, достала дневник и положила перед собой, задумалась.

За окном вечерело. Снег потемнел, почернели присыпанные в палисаднике у привокзальной столовой елки, зажглись придорожные фонари освещения. У вокзала неподалеку ходят люди, останавливаются маршрутные «икарусы». По полотну подползает чумазый пригородный «спекулянт»...

Побежало по листочку: «Сегодня среда. Первым уроком была литература. Тамара Ивановна новую тему начала. «Александр Александрович Фадеев». «Все тридцать лет жизни Александра Фадеева в советской литературе пронизаны борьбой, происходившей во имя искусства», – примерно так сказал о нем Константин Федин...», а Самойлова в это время Косте уху пером щекотала, фу, противно... Я думаю, любовь...».

И полилась душа «Тридцать восьмой, расчет окончен» на разлинованные листочки тетради. Засверкали уголки ее, освещенные мечтающей мыслью девочки. Она прорабатывала увлеченно перечувствованное за день, делясь теплом и радостью с дневником.

Резко запел звонок. Люся от неожиданности вздрогнула и сначала не могла понять, в чем дело, до того увлеклась воспоминаниями сегодняшнего дня и фантазерством. Вскочила, быстро собрала со стола учебники и тетради и побежала в прихожую открывать дверь.

На пороге стоял отец, невысокий, плотный, немного нахмуренный, от чего очки казались еще более увесистыми, чем они были на самом деле. Павел Федорович любил, когда его встречают дома, и поэтому всегда звонил и пользовался своим ключом крайне редко.

– Добрый вечер, папка, – встретила его дочь. – Я пойду тебе чайник поставлю, – и побежала на кухню.

– Поставь, поставь, доченька, – нахмуренности Павла Федоровича как не бывало, он проводил взглядом яркий цветастый халатик, шепнул, – вот стрекоза, и когда ты вырастешь?

– Да, пап, – раздалось с кухни, – мама звонила, она задержится...

Павел Федорович приспособил на вешалку пальто и, глянув мимоходом в зеркало, чтобы поправить примятые шапкой волосы, направился, мягко ступая носками, вязанными женой, в спальню переодеваться.

Полчаса назад он еще сидел на работе и думал: «Вот и конец рабочего дня...» В коридоре конторы было шумно, просачивались в кабинет обрывки фраз:

– Прорвало, из подвала пар...

– В «Автолюбителе» есть...

– ...забором...

– ... как же без проездных?

– ...сегодня...

– ...грузчиком...

Да, Павел Федорович знал, что почти все его сменщики-аварийщики работают по совместительству грузчиками. Он ничего не имел против этого. Оклад у бытовиков маленький, да и скользящий график позволяет, у всех же семьи, деньги нужны. Ну и, конечно же, Павлу Федоровичу это неплохо. «Москвич» возьмем. Недавно в красный цвет перекрасил, сколько с ним нервов бы потратил, а тут в «Автолюбитель» зашел, все есть, Якимов, шофер из первой смены, свой человек. В «Универсаме» давка – очередь за колбасой, пенсионеры с начала обеденного перерыва начинают толкаться у дверей магазина, не пробьешься, ему и не надо, вынесут. Шампанского за две недели до Нового года - набегаясь по всему городу, не найдешь, Павлу Федоровичу, пожалуйста.

Хорошо быть начальником, с одной стороны, а с другой? Сегодня вон только аварию на Мелькомбинате устранили, самому тоже пришлось выезжать, поволновался, ответственность.

Ушел Павел Федорович от котельной к цеху, когда уже все кончилось, переходил через полотно, спугнул двух жирных крыс с горок зерна по обе стороны рельс. Они почему-то крепко засели в памяти. Пискнули серые, потрусил, как лошади, тяжело поднимая снег. Бросились в глаза толстенные, с палец задранные хвосты. Средь бела дня нажираются, не боятся. Спросил у директора, часто ли такие горки на полотно появляются, тот пожал плечами, отшутился что-то насчет крыс и народного контроля, черно юморнул.

Возвращаясь к машине, оставленной у центральных ворот, переступил Павел Федорович аккуратно через рассыпанное зерно и, не оглядываясь, ежась от ветра, сквозящего между огромными башнями хранилищ и зданиями цехов, пошел дальше. Предположим, нашел бы он лопату, а сгрэбал бы куда?

Противилось этому бегству внутри, впитанное с молоком матери, отношение к «царю стола» и основе нашей жизни, хотелось ткнуть раздобревшее лицо директора в рассыпанные холмики на снегу, но Павел Федорович сумел подавить в себе это неприятное желание и, садясь в служебный «газик» постарался переключиться на другое, но не вышло.

«Издержки? У всякого производства свои издержки, – думал он, – у самого, вон, сантехник – сан Тырочкин – берет по трояку с заявки, а что с ним сделаешь, что? За руку его никто не хватал, жильцы же не жалуются, знают, что, попробуй проболтаться, а случись что не дай бог, будешь потом ремонтировать год и бегать до ветру за гаражи. Вот так и у директора, ссыпал какой-нибудь Веня, мастер по разгрузке не доглядел, кто виноват, а сам так совсем просто забросал зерно снегом, и все, весной сгниет, не видно будет. У Павла Федоровича такой Тырочкин один, а у директора огромного предприятия таких Веней сколько?.. Все издержки из-за людей... Вот и думай, хорошо быть начальником или плохо? Ведь он, Павел Федорович, не к этому мастеру или Вене побежал выяснять, почему народное добро на снегу валяется, и его крысы топчут, а директора к ответу. Вот и получается...»

В кабинете, кроме него, никого не было. Главный инженер Злобин весь день сегодня пропадал в тресте, секретарь-машинистка Таня точила лясы с диспетчером. Это были люди, дышащие одним с ним воздухом в одной комнате, работающие за столами, стоящими напротив.

Злобин, высокий и худой, с угловатыми под неизменным серым свитером плечами, был молодым человеком с привлекательной внешностью. На бледном с рыжими усами лице выделялись коровьи, зеленоватого оттенка глаза. Давно не стриженные светлые волосы торчали во все стороны.

Злобин имел двойняшек, мальчика и девочку, но почему-то постоянно ссорился с женой и поэтому часто приходил на работу не выспавшийся и злой. «Бедняга, – думал в такое время Павел Федорович, – спит, вероятнее всего, на полу, без матраса, или проводит ночи на вокзале, надо бы как-нибудь сходить, проверить да «на чай» пригласить». Зато в оставшиеся случаи главный инженер сидел, как начищенный пятак. О разводе с женой не могло быть и речи. На столе Злобина под расцарапанным и запачканным пастой стеклом лежала фотография улыбающейся четы Злобиных. Фотография эта никогда не исчезала со стола и ни разу еще не была сокрыта бумагами.

Опаздывал на работу главный инженер от пяти до пятнадцати минут каждодневно, не изменяя себе на протяжении всей работы в этой организации. К этому все привыкли, это было его привилегией, в остальном Злобин был дисциплинированным служакой и толковым инженером.

Секретарь-машинистка Таня, крашенная блондинка, была гораздо моложе и Злобина, и Павла Федоровича, она была быстрой на движения и язык, с ловким взглядом коричневых вьедливых глаз, короткой стрижкой и гибким девчоночьим станом. Но у этой девчонки уже рос четырехлетний сын Тимошка, большеголовый, резвый мальчишка.

Прожила Таня в замужестве всего полгода. Дражайший муж, когда уходил к другой, менее едкой на язык, и не знал, что Таня беременна, и, женившись вторично, увез молодую супругу куда-то за пределы области. Не то что в одном городе, а даже в одной области он не смог бы прожить, знай, что где-то тут, рядом, дышит его бывшая половина.

Вот так и получилось, что у Тимошки отца не было вообще, ни далекого, ни близкого, никакого. Но Татьяна сильно не расстроилась от такой потери, по крайней мере, все так думали. Была весела, все свое свободное время отдавала сыну.

На работе секретарь-машинистка была не прочь посплетничать с диспетчерами о бабьих служебных шашнях и похождениях, но сама никогда ни в чем подозрительном замечена не была, и поэтому сплетен о ней не возникало. За эту житейскую чистоту и уважал ее глубоко Павел Федорович, уважал и любил по-своему, любил не по-мужски, а как младшую, немного невезучую сестру. И, чувствуя это уважение, Таня была с начальником сдержанно приветлива и ровна, никогда не допуская в его присутствии отповеди «ухажерам» с несколько крутыми оборотами речи.

Вот с этими людьми в прямом смысле этого слова бок о бок и работал Павел Федорович уже третий год. Да, все трое они изо дня в день находились в одном кабинете, и, хотя были взаимно приятны друг другу, особо сильных трений по службе у них не было, но это же непорядок. «Так удобнее, – успокаивал себя Павел Федорович...» На самом же деле не было другого помещения, сколько не выбивал в тресте, не давали. «Вам и там хорошо, – отвечают. – Вы уж там устроились, так что живите...»

Контора ОДС, объединенной диспетчерской службы, находилась на первом этаже пятиэтажного дома, занимала одну треть его между «Мебельным» и Детской библиотекой. Вот тебе и весь простор.

Если судить по справедливости, и правда, устроились хорошо. Нет отдельных кабинетов у него и у Злобина? Да что ж, ладно, зато красивый с подсветкой план всего города на стене, как в милиции, прекрасная комната отдыха с цветным телевизором, оборудованный под актовый зал широкий коридор. Линолеум Павел Федорович настелил новый, с узорами, красота... Да и вообще ему тридцать восемь лет, под его началом четыре смены, диспетчеры, лифтеры-обходчики, уборщицы, мастера, электромеханики и секретарь-машинистка Таня, он – хранитель спокойствия областной столицы, семья в порядке, рабочий день кончился, большую аварию устранили, пора идти домой.

По радио кончился выпуск новостей, Павел Федорович поднялся, одернул обеими руками полы пижамы, наклонившись, прочитал на календаре намеченные на завтра дела, перевернул лист и вышел из-за стола.

В комнате отдыха сидела вся, кроме Тырочкина, смена аварийщиков, сидели, переговаривались почти ни о чем, ожидая ухода начальства. Павел Федорович заглянул, попрощался, ответили нестройно. Он знал, что ждут его ухода. Хлопнет за ним дверь, и они включат телевизор, сегодня интересный матч, полуфинал по хоккею с шайбой, «ЦСКА» – «Спартак», достанут из тайника за цветочным горшком в углу колоду карт и начнут гонять «козла». К восьми придет другая смена на ночное дежурство, посидят, поговорят. Развезет шофер новой смены по домам, хотя это и не разрешено, сменившихся. Поиграют еще оставшиеся в карты и, если заявок не будет, лягут спать около часа ночи на деревянные скамейки в комнате отдыха. Обо всем этом он знает, хотя и карты, и сон во время ночного дежурства тщательно от него скрываются.

На стене рядом с огромным планом города висит ватман молнии «Они позорят наш коллектив», «За выход на работу в нетрезвом виде Тырочкин лишается премии на 50%...» Стенгазета недельной давности, пора уже снять. «Надо бы сказать завтра Тане», – подумал Павел Федорович.

В диспетчерской галдели, слышались бубнеж Тырочкина и смешки диспетчера Зои Васильевны, широкой и мягкой со всех сторон, с постоянным тугим узлом волос на затылке, да редкие восклицания секретаря-машинистки. Тырочкин, невысокий плотный мужик, с небольшой лысиной на растрепанной русой голове, утиным носом на комканом блине лица и плотно сбитыми короткопальными кистями рук с черной шерстью на них, сидел на корточках и накачивал красные колеса детского велосипеда.

Как не любил Павел Федорович таких мужиков, не именно Тырочкина, сорт таких, с вечными их пошлейшими шутками, которые женщины тут же им прощают, с прошлым, полным приключений и бабьей ласки. Тает женский пол перед этакой простотой, тянущей в угол, тает, и нет тайн у него перед Тырочкиным.

– Угораздило же тебя велосипед зимой купить, – наигранно ворчал сантехник, – где твой Темка кататься будет, по снегу?

– Дома, – ответила Таня. – Увидел и загорелся, купи, мама, купи, я и купила, ты только мне его наладь, а то мужиков у нас в семье, кроме него, нет.

Павел Федорович остановился в дверях, чтобы попрощаться и отпустить секретаря-машинистку.

– Не может быть, – отвинтил хоботок насоса Тырочкин. – Как же без мужика бабьему сословью? Надувает же кто-то сюда?!

Он, резко вытянув руки, сунул насос Тане под юбку и качнул пару раз, разразившись самым жизне-радостным смехом. Зоя Васильевна заколыхалась за пультом, хихикая над шуткой.

– Тырочкин! Свинья! – отскочила секретарша и, увидев начальника, смутилась.

Таня – «разведенка», а отношение к таким со стороны мужского пола всем известно, но с такой наглостью, с такой циничностью... Тырочкин не просто сполз в очередной раз, а наступил на что-то дорогое Павлу Федоровичу по отношению к Тане, да и представлялась начальнику в таких случаях его собственная семнадцатилетняя дочь. Вот такой же, так же или еще не дай бог... Случись, спутается до свадьбы с другим, Павел Федорович повесится от стыда перед будущим зятем, и никакого ей белого платья с фатой, пусть все знают о ее и его отцовском позоре, пусть все... А у нее ведь сейчас такой трудный возраст. Павел Федорович любил свою Люську крепкой, бескомпромиссной отцовской любовью и думал так, желая ей только добра. Пусть не повторит ошибку своей матери, часто заклинал он, глядя ей, уходящей, в спину, хоть и маленькая, а взрослая уже, ведь сколько бы мать за свою жизнь не пережила горьких часов размолвок и взаимного молчания?..

– Тырочкин, выйдете вон! – голос Павла Федоровича громыхнул, Зоя Васильевна застыла в неестественной позе с распахнутым ртом, будто была поймана с поличным на воровстве сгущенки, Тырочкин отскочил мячиком, втянув встрепанную голову в плечи, как от щелчка по макушке, Таню крик привел в себя:

– Павел Федорович, извините, пусть уж сначала докачает, а потом я ему сама последнее с башки выдержую.

Начальник круто повернулся, не дратья же, красиво бы получилось, «Попов избил сантехника Тырочкина в рабочее время на виду у...» и зашагал по коридору к выходу, решив: «Уволю, обязательно уволю...» А на доньшке души билось: «Куда я его уволю, кто мне позволит, работать некому, оклад мизер...» Настроение на вечер было испорчено. Подступила к горлу давнишняя, покореженная годами, сухая обида, заворчалась в душе, царапая в кровь ее тонике живые стенки.

Почему он должен страдать из-за какого-то такого же подлеца Тырочкина, почему? За что он всю жизнь должен чувствовать, что кто-то когда-то кусал его пирог, пирог, который он ест уже на протяжении стольких лет, да-да, именно пирог, тот, что и сейчас его мать печет иногда, если вся семья собирается. Ведь у него ни до свадьбы, ни после, кроме жены, так никого и не случилось... Сердитая сухая рука, похрустывая суставами, сжимает, как серую шейку охотник, чтобы переломить цепочку позвончиков еще трепещущей утке, ранимое сердце. Нет, нет, с годами не забылось и не простилось. Нет, возвращается обида каждый раз при каком-нибудь косвенном напоминании о ней и бьет с каждым годом все больней, все резче.

Знает Инна, почему иногда муж становится угрюм и зол. Знает из-за чего и не трогает его просьбами и разговорами. Прожить почти двадцать лет бок о бок и не знать кровотокающей мужниной болячки,

смешно. Да что уж поделаешь, не изменить течение жизни. Поварится в нем злора и выкипит, до следующего раза.

Знает Инна, а что поделаешь, когда была молода, рубцевала рану во всю, пыталась заживить, сейчас же поняла, не надо совсем тревожить, не зарубцется, такой уж человек ее Павел Федорович. Так воспитан в семье учителей, влюбленных друг в друга, как земля в воду, в духе верности, в духе неприятия измены в каком бы то ни было виде. Вся жизнь немного вкось из-за минутной ошибки и слабости.

А в остальном у них в семье всегда царили мир и согласие. По крайней мере, дочь никогда не чувствовала, если они бывали в разладе...

Люся позвала ужинать. Павел Федорович как таблетку успокоительного проглотил ее голос и вышел из спальни уже переодевшись в синий спортивный костюм и мягкие домашние тапочки.

Денис Антонович Роговцев в школе был молодым специалистом. Вся физика в школе и геометрия в средних классах лежали на нем, он же вел астрономию в трех выпускных. И вот ему, молодому специалисту сунули еще и классное руководство в пустозвонном 10 «а». Да он же для них или пустое место, как для Прохорова, или же объект пылких взглядов, как для Поповой, Кузьминой, Самойловой, так и для остальных с косичками. «Ничего, ты справишься! Ты молодой, энергии много, а опыта наберешься. Ушла старая классная из школы по семейным обстоятельствам, вас и взяли-то, Денис Антонович, на ее место, радоваться должны, – легко перешла на официальное «вы» директриса, – что в городе остались работать. У вас ведь пока семейных обстоятельств не наклеивается, так что выручайте, не подводите. Нырять в омут надо сразу головой вниз, выплыл, значит, герой, все пойдет как по маслу, а потонул, сам виноват, не ту профессию выбрал, дерзай, поможем...» – это было ее последнее слово. «Вот деловая...» – возмутился в душе молодой преподаватель и потянул классное руководство, чувствуя себя сразу и раком, и шукой, и лебедем.

Ко всему этому Денис Антонович был невысок, но подтянут, с гордостью носил каштановые усы, имел выпуклые, чуть влажноватые карие глаза. А главное, был холост, что в 10 «а» ставило его почти на одну доску с Костикум Виденским. В этом классе сегодня он давал первым уроком астрономию, и, к сожалению, совершенно не мог использовать влюбленность девчонок в своих интересах, учителя и классного руководителя. Воспитание не то.

Зайдя в кабинет физики, Денис Антонович как всегда застал несколько смешных сценок, улыбнулся про себя и принялся колотить указкой по крышке стола, призывая расшалившихся акселераторов к спокойствию и вниманию.

Шум постепенно осел за парты. Дежурные принесли схемы, карту звездного неба, Луны. Основная масса учеников успокоилась, и Денис Антонович стал спрашивать заданную на дом тему о движении спутников планет и затмениях. Выслушав несколько вялых ответов и в душе с некоторой горечью махнув рукой, весь утренний оптимизм от них улетучился, он стал рассказывать новую тему почти точно по учебнику Воронцова-Вельяминова, напрочь забыв о том, что готовился к уроку не только по этой книжке.

Класс ожил, небольшое напряжение, которое все-таки еще появлялось с приходом учителя на урок, пропало. Денис Антонович вещал:

– ...о Луне между прочим и ваш любимый поэт Асадов тоже, насколько мне помнится, писал, а вот из-за отсутствия на ней воздуха на спутнике нет звуков. Луна – это мир безмолвия, нет там ни облаков, ни воды...

– ...ни учительских, ни двоек, ни уроков астрономии, – шепотом продолжила Кузьмина.

– Угу, – согласилась Люся, – но, если верить Носову, там под лунной короной целые города.

– Да, но мы не в Солнечном городе, а в простой советской школе и улететь туда с Незнайкой не сможем...

– Ты что вчера делала?

– Гости были, шампанское пила, – почти в самое ухо сообщила Катя. – Сладкое, а немного горчит, а как выпила, мне в нос ударило.

– Я тоже пила, год назад на своем дне рождения, мне оно понравилось.

– И мне тоже... С дядь Сашей и тетей Надей их сын Толик был, мы с ним танцевали, он уже в институте учится, родители тоже, конечно, танцевали. Он меня все к себе прижимал, а мне смешно, наши мальчишки так не танцуют...

– Скажи лучше, нас с тобой наши мальчишки не приглашают, – хихикнула Люся...

– ...цирки бывают диаметром до двухсот километров, например, Клавий и Шикард. Кольцевые горы... – водил по схематической карте Луны Денис Антонович.

– Смотри, смотри, Самойлова снова Костику ухо перышком щекочет, – толкнула Попову подружка.

– Хм... – хмыкнула та и отвернулась, – все равно у нее ничего не выйдет.

– А у кого выйдет? – поинтересовалась Катерина.

– Тише ты, Кузя, слушать мешаешь, – повернулся к ним впереди сидящий рыжий парень.

– Тебе какое дело, Прохоров, снова пристаешь? – и Кузя сильно ущипнула «обидчика» за бок, тот напрягся от неожиданности, но не охнул, а только показал чумазый кулачище.

– Ну так у кого, у кого? – не унималась она, – по-моему наш Ален Делон ни на кого из наших не клонет, помада не та, и духи дешевые...

Девушки увлеклись разговором. Над дремотно жужжащим классом клубилось ожидание звонка. Где-то там, у доски, расплылся Денис Антонович.

– ...изучение лунного рельефа и его происхождение интересно и для геологии. Луна как бы музей древней истории ее коры, так как вода и ветер ее уже не разрушают. Но Луна – это не совсем мертвый мир, в отличие от вас, товарищи слушатели, – походя иронизировал учитель, – в 1958 году советский астроном Козырев заметил в кратере Альфокс выделение газов из лунных недр...

– Что, что он там насчет газов сказал? – обернулся к подружкам Прохоров.

– Молчи, пошляк, – ткнула его учебником Кузьмина.

Они снова заговорили о том, выйдет или нет у кого-нибудь из одноклассниц подружиться с Кости-ком. Дискуссия закончилась тем, что Кузя, закрыв ладошкой часть странички, написала печатными буквами: «Костя, я тебя люблю, проводи меня сегодня домой. Твоя Люда Попова» и, пошептавшись с Прохоровым, передала записку для Виденского.

Красивый мальчик сидел и поглядывал в окно. Если бы кто знал из этих сопливых девчонок, как они ему надоели, скачут на переменах, как лошади, по партам, а как он появляется, начинают изображать из себя светских дам в колготках со стрелками, томных Багир, во всю качать бедрами, растягивать слова...

А эти взгляды? А записки? Господи, какая глупость! И ведь все поголовно дуры, убожества, се-рость. Намалютуются вечером, побрякушки повесят и шатаются по городу, чистые красавицы со страниц «Плейбоя», красный фонарь над головой такой «Бригантине» вместо флага, и полный порядок, в добрый путь, открывайте свои Америки. А Колумб найдется, поставит на голову, как знаменитое колумбово яйцо, вот тогда покрутитесь... Шпарит на всех парусах, не приведи господь столкнуться на улице: «Костик, что... Костик, как...» Перед ребятами стыдно, «Ну и подружки же у тебя, одуванчики и фиалки, ароматная невин-ность...» Тьфу... Да, знали б эти соплячки, не дающие ему прохода, каких «дорогих» женщин он целовал...

За окошком искрится на школьном дворе подмороженный снег, погода солнечная, колючая. Тетя Маша, техничка, заведующая звонком, ковыряет наледь на крыльце. Доносится до слуха: «Ширк-шир-р... ширк-шир-р...»

«Боже мой, вот въелось это материно боже мой, быстрее бы школу окончить, да определиться ку-да... К черту послать бы эту безделовщину, просиживаешь штаны, ради чего? Отец говорит, обязательно хороший аттестат зрелости нужно, пристроит...»

– Костик, – погладила его по плечу Самойлова, – вам почта, извольте получить...

Виденский машинально взял записку, развернул и прочел. «И эта пигалица туда же...» Записка ока-залась последней каплей, переполнившей Костино терпение. «Ну, я вам покажу, я вам всем покажу, как с огнем шутить, это вам всем будет уроком, всем...» Он оглянулся, провел ладонью по кудрям и, встретив-шись глазами с «Тридцать восьмой, расчет окончен», улыбнулся ей, самым доброжелательнейшим образом.

После уроков Виденский догнал Катю и Люсю. Он не дожидаясь их в школьном дворе, а сделал свои дела и догнал, не бегом, а солидно, шагом. Поравнявшись, сказал спокойно, улыбувшись:

– Люся, я тебя провожу сегодня?

Девочки остановились, остановился и он, встал напротив нее, смотрит в лицо без боязни, прямо, от-крыто, только уголки губ чуть дергаются надменно в усилии остаться на месте, а не расползтись в ухмылку.

Люся растерянно заморгала глазами. Она стояла маленькая перед ним, даже в мутоновой ушанке не дотягиваясь до его плеча. «Он хочет посмеяться, – сначала подумала Люся, – он просто хочет посмеяться, ждет, что растаю, нетушки... Но зачем это ему? Зачем ему надо мной смеяться? – вынырнул спасительный вопрос. Ведь их жизни в классе никоим образом никогда не пересекались. Нет, это слишком дорогой пода-рок судьбы – десятиклассник в кожаном пальто, в ондатровой шапке, с красивым птичьим личиком. Нет, нет, это слишком дорогой подарок, это все равно что преподнести в день одиннадцатилетия девочке Куклу наследника Тутси.

А Костик просто стоял и ждал ответа, смотрел на нее молча и ждал. Ясность в затянувшуюся паузу внесла Кузя. Она подбадривающе взглянула на подругу и, сжав ей свободной рукой локоть, чисто по-женски желая ни пуха ни пера, заспешила на остановку автобуса, сказав на ходу:

– Мне еще надо съездить...

Куда ей еще надо было съездить, ребята не расслышали. Катя Кузьмина улыбалась во весь рот, ее добрые глаза светились счастьем.

Костя еще раз как можно доверчивее растянул губы и выставил руку к дипломату Люси Поповой. Вот и все, ничего не надо решать, ни о чем не надо думать, все состоялось само собой, и то, что единствен-ный неподдельный лев 10 «а» сегодня ее проводит до дому, – медицинский факт.

Дипломат перекочевал в теплую руку Костики, и они, молча и не торопясь, зашагали по улице. Ко-стик понимал, что нужно о чем-то заговорить и говорить без умолку, так, чтобы этот воробышек хохотал и смотрел на него, как язычник на свалившегося с небес бога Вакха. О школе говорить не хотелось, он не ре-бенок. Но так просто между двумя далекими и почти незнакомыми людьми разговор не возникнет, его нуж-но завязать самому, но о чем?

Люся же шла, гордо вскинув свой маленький носик, нисколько не тяготясь молчанием. Если этот далекий принц еще и заговорит, это уже будет свершением чего-то несбыточного. Какими глазами смотрела на нее Катя? Вот так вот. «Ни у кого не выйдет... У Самойловой не выйдет... У Курочкиной не выйдет...»

А она, Люся, чем она хуже других? Маленькая ростом? Так это ничего, зря что ли она на каблуках мучается? Сегодня же вечером прибежит выпрашивать, что и как. Вот так вот всем вам, неожиданно-негаданно утерла нос. Видели бы вы все, как сам Костик Виденский тащит ее дипломат...

А вокруг день стоит солнечный, яркий от сверкающего снега. Непривычными глазами даже смотреть невозможно, слезы блестки вышибают, но смежишь веки и иди, гляди через паутинку ресниц в свое удовольствие, пока не привыкнешь. Он везде, все им укрыто, все чисто, празднично, нет резких переходов и углов, свисает снег с карнизов домов округлыми наплывами, застыл на балконах и крышах, свернулся ленивым белым котом в старой железной бочке под водосточной трубой.

– Костя, а у тебя, правда, Прохоров говорил, последний диск Аллы Пугачевой есть?

– Алла Пугачева? Какая невидаль, да у меня... – и на Люсю посыпались названия ансамблей и имена, начиная с «Битлз» и Джона Леннона и кончая последними суперзвездами современной западной эстрады. Он развязал тесемочки своего багажа эрудиции. С эстрадной музыки, ее представителей и течений Костя перескочил на Кафну, с Кафны на Гойю, вспомнил кстати Вознесенского и его «Я Гойя...», потом стал развивать теорию о том, что все эти Македонские, Наполеоны, вершители судеб и прочие – ерунда, а историю, прогресс и культуру всегда двигали вперед замечательные женщины, начиная с Эвтибиды, Жанны Д'Арк, Перовской, Ковалевской, Кюри и кончая Терешковой, Савицкой и Мирей Мотье с той же Аллой Пугачевой в придачу, говорил, безжалостно сваливая все в одну кучу, перевирая понятия и факты, века и имена. Люся совсем запуталась, мало что поняла, но ей эта «лапша» понравилась.

Дома никого не было, мать работала во вторую смену с двенадцати, с предложением зайти и попить чаю Виденский согласился. Покончив с этим делом, они зашли в маленькую Люсину комнатку.

– А ты ничего устроилась, – скользнул Костик взглядом по письменному столу, книжным полкам, коврику и уселся на тахту, так как сесть было больше некуда, рядом с единственным стулом, прислонившись к его спинке, стояла хозяйка.

Вставка: У Люды была еще одна маленькая тайна, которую она предпочитала скрывать. Это то, что она, как многие героини сентименталистов увлекалась сентиментальными романами. Вот и сейчас на книжной полке поверх других книг лежала одна открытая. Она не успела ничего сказать, как книга уже оказалась в руках Костики. Он посмотрел на обложку и рассмеялся:

– О, одно из множества заурядных произведений заурядного Дюма. И эту ересь ты читаешь?

– Да, иногда заглядываю, в книгах легче найти сильных людей, чем в жизни.

– Ответ достоин королевы, сударыня, – и Костик ловко и в то же время уморительно скорчил гримасу, которая, вероятно, иногда украшала лицо господина Шико, и, сделав какую-то замысловатую фигуру, помахал книгой как шляпой у своих ног. – Графиня, – произнес он с патетикой, гордо вскинув свою и так гордую голову, – братья Ж???, герцог Анжуйский???, де Гис??? и оба Генриха к вашим услугам...

– Не смейся, – попросила девушка и отвернулась к окну.

– Сударыня, вы случайно не графиня де Монсоро? Я буду вашими сорока пятью... – Люда не ответила, и гость замолчал, почувствовав, что перегибает. Книга снова легла на свое место, Костик подошел ближе к столу. – Не обижайся, это просто ребячество читать эти сказки, в которых все или черное, или белое, полутонов не существует, а я вот считаю, что в мире все одна чернь и не хочу выглядеть среди других белой вороной.

– Ты не прав, Костя, как же так, а вспомни нашу первую учительницу...

– Вуру-Ванку-то, о, вспомнила эту развалюху пенсионного возраста.

– Не говори так, ты что? – повернулась к нему хозяйка.

– Что ты что? – переспросил вдруг, обозлившись, Костя, – это для вас она хорошенькая, а меня... чуть что сразу: «Виденский, вы не оправдываете положения в обществе своего папы...» Это я тогда не понимал, что она издевается надо мной, над сопливым еще пацаном, которого...

– Ладно, не злись, – улыбнулась ему девушка, и рука ее совершенно безотчетно вскинулась и погладила его по мелким кудряшкам.

Гость отклонился от неожиданности, но потом улыбнулся и уже будничным голосом произнес:

– Давай сменим тему разговора. Ты Пушкина любишь?

– Слушай, Люсь, – спросил как о чем-то очень важном, – а ты любишь Пушкина?

– Я Пушкина?... – удивилась девушка, частые неожиданные вопросы Костики Виденского сбивали ее с толку своей непредсказуемостью. – Да, конечно, но я его, наверно, не так много читала, как нужно бы...

– А я его очень люблю! – восторг получился несколько деланным. – Он в юности был большой пройдоха и охальник. Вот, например, ты его сказку «Царь Никита и сорок его дочерей» читала? – лукаво сверкнул глазами Виденский.

– Нет.

– Ну ты даешь! – так искренне удивился гость и, соскочив с тахты, забегал по комнатке, что Люсе стало стыдно за себя, свою недалекость и простодушие, – слушай, слушай... – и Костик встал в позу:

– Царь Никита жил когда-то

Праздно, весело, богато,

Не творил добра, ни зла,

И земля его цвела.
Царь трудился понемногу
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей...

Люся села на тахту, подтянулась до стенки, уперлась в нее спиной, удобно вытянув ноги. Виденский читал стихи прекрасно, живо, учительница литературы, Алла Степановна, часто хвалила его за артистичность. Вот и теперь он читал, стоя на одном месте, а казалось, что перемещался по всей комнате, заполнил ее всю необычными пушкинскими словами и своей жестикулирующей персоной. Слова с его губ слетали звонко, Люся, краснея, представляла все в лицах.

– ...им держал такой приказ:
«Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что у них не достает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет...

Вышел Костя Виденский на улицу около шести часов вечера, было уже почти темно, заспешил на остановку автобуса и вдруг подумал: «Вот дурак, она же все это в свой дибиллистический дневник буква к буквке запишет... А вдруг кто прочтет, что потом? Надо бы подождать дня три, пока девчонка все это переварит и зафиксирует, а потом украду дневник, и там видно будет...» – решил он, слава змия-совратителя Костику неожиданно показалась ненужной.

Темнело, Костик болтался по городу без дела, никого из ребят найти не смог, все как повымерли. Щеки пощипывал морозный ветер, но он не прятал лицо, а наоборот, подставлял его ветру. Глупая привычка с детства делать себе больнее там, где больно. Сколько раз бил по ушибленному месту кулаком, или пинал подвернутой ногой в стену, или сдирал запекшуюся ссадину, а потом кривился, чуть не выл от боли и злости, глотая слезы и представляя, как вонзает топор в растревоженную часть тела, и становится легче. Сейчас ничего не болело, но на душе было мутно, и он все больше и больше, как будто в издевку над собой, представлял себе Люськино тело, гладкое, белое, упругое, ее опавший полураскрытый рот, в глазах немой страх и непротивление его силе, а потом сразу же проворачивал последнюю встречу в классе, немые слезы, неровную взрослую походку...

После того, как он выкрал у нее дневник, в школе не появлялся почти неделю, но так ведь не могло продолжаться вечно. «Девочка, как ни странно, – думал Виденский, идя на занятия, – оказалась очень тонкой натурой с изощренной психикой, копаться в дневнике, выискивая строки о себе, даже было чуточку неудобно... и от этого неприятно, надо бы его вернуть...»

Добрался он в школу на второй урок, заглянул в класс уже после звонка. Шел урок литературы. На его «можно?» Анна Степановна только кивнула головой и продолжала:

– Первый Всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в тысяча девятьсот тридцать четвертом году, ярко продемонстрировал идейное единство и сплоченность художников слова. Это была блестящая победа нашей партии в одной из сложнейших областей идеологии – в области литературы. С трибуны Съезда...

Идя на свое место, Костик чувствовал на себе многочисленные взгляды, все было, как и всегда, только вот привычное чувство превосходства над всеми куда-то неожиданно прошло. А было это оттого, что одни глаза смотрели на него как-то по особенному, и он знал, чьи это глаза, знал и не мог с ними встретиться, потому что ненавидеть себя хотел из-за них, а не умел себя ненавидеть, и это было больней всякой физической боли. Виденский чувствовал, что краснеет, и от этого вместо себя возненавидел эти глаза, захотелось плюнуть в них, ударить ногой...

Сев на место, он вынул из дипломата коричневую тетрадь, повернулся к Самойловой, сухо и довольно громко попросил:

– Передай «Тридцать...», – и тут он увидел Люсино лицо, девушка смотрела на него влюбленно, не понимая, что произошло, почему ее дневник вдруг оказался в руках у Самойловой, а не лежит у нее дома в шкафчике стола, она уперлась глазами в коричневую обложку, и лицо ее стало медленно меняться, так рушится дом от прямого попадания авиабомбы, медленно опадая на землю всеми своими этажами.

Люся взяла тетрадь, открыла ее, быстро перелистала и снова подняла глаза на Виденского, тот все еще сидел к ней лицом, не в силах оторваться от видимого. Здание рухнуло, по щекам заструились безмолвные слезы.

Девушка подняла дипломат, сложила в него тетради и учебник, неловко поднялась и направилась, покачиваясь, к выходу.

– Первые пятилетки с их размахом... – споткнулась Алла Степановна, повернулась всем своим айсбергоподобным корпусом к идущей ученице, спросила, не сменив тон и скорость речи, – Попова, что случилось, тебе дурно? – Люда, молча кивнув головой, вышла в тихий коридор, и Алла Степановна, подумав, что в этом возрасте случаются с девочками всякие казусы, пусть бежит домой, продолжила, – строительства и социальных преобразований выдвинули перед писателями задачу – глубже постигать изменение происходящего в сознании людей...

Хлопок двери подействовал тогда на Костика отрезвляюще, он одернул себя: «Но-но, ты же не Неклюдов, дружок, время хоть и иное, но все так, и всегда так...» Успокоить-то себя успокоил, но безмолвные слезы на смявшемся девчоночьем лице и покачивающаяся маленькая фигурка в школьном платье запали в память намертво. Он еще и еще раз представлял ее уходящей, в груди щемило, но он не отступал, издеваться над своей слабостью ему доставляло истинное удовольствие, как и в детстве, доставляло удовольствие трогать порезанным пальцем соленый огурец и чувствовать в ранке жуткое жжение.

Медленно проходя мимо узкой перемычки между домами с аркой, ведущей во двор, Костя Виденский услышал, как его окликнули по-уличному:

– Птица, топай сюда, дело есть!

Под аркой, освещенной фонарями с улицы, стоял парень с глупой кличкой Комод. Кто придумал ему это несурзное прозвище, никто не знал. Так же никто не знал ни имени, ни фамилии этого нигде не работающего парня, завсегдатая пивнушек и полулегальных блат-хат, Комод, и все. Худющий, с узкими плечиками, маленькой головой и тонкой длинной шеей, он наводил страх на всех парней микрорайона. Комод был из тех людей, которых свалить физически просто невозможно, его можно было убить, только это смогло бы остановить в случае нападения его бешеную контратаку. С ним никто не мог сравниться в драке. С ним никогда не связывались, потому что знали его как страшного психа.

Жил Комод у какой-то, как он сам говорил, пожилой особы, кормился у нее и спал, все же остальное время проводил на воле. Разговоры его крутились лишь вокруг баб, кулака и бутылки, но пили с ним редко, боялись его сумасшедшего нрава и еще все боялись какой-то «пушки», которая якобы у Комода была всегда с собой, но которой никто у него не видел, или ложь, или прятал умело.

Поэтому Костик не отмахнулся, не сделал вид, будто не заметил, а сразу забыв о своих мыслях, направился к арке.

– В общем, так, Птица, – глаза Комода блестели в темноте, весь он подрагивал, от него разило, – поможешь мне вещи перенести, вон туда, – и он показал сухой, зябкой рукой через дорогу, – в тот двор, найдешь тачку, подгонишь, загрузим, полста плачу, понял?

– Понял, – мотнул головой Виденский-младший, он понял, что попал в ситуацию куда более интересную, чем с Люськой, но, во-первых, от Комода сейчас никуда не денешься, если даже и сможешь удрать сейчас, то потом он тебя встретит, а во-вторых, чем черт не шутит, кривая вывезет, да и он не дурак, выкрутится, если что, кто ни рискует, тот не пьет шампанского... Вещами оказались четыре увесистых чемодана.

Костик такси нашел быстро. За рулем сидел мужичок предпенсионного возраста. Покидали поклажу в багажник, один чемодан пришлось сунуть на сиденье.

– Садись, поедешь со мной, – проговорил Комод, глядя на Костика в упор горящими волчьими уголками.

– Комод, зачем? Ты же обещал... – запротестовал, было, тот.

– Садись, ты мне еще нужен... – сухие ручки порхнули на лацканы пальто, подтянули к дверце.

Виденский оказался на заднем сиденье. Счетчик работал торопко и одновременно мирно, машина тронулась.

Когда выезжали на проезжую часть, во двор, из которого они только что вынесли чемоданы, закатились два милицейских «газика». Комод истерично взвизгнул:

– Гони, папаша!

Таксист согнулся как от удара, сообразив, в чем дело и кого он к себе посадил, бросил машину на обочину и попытался выскочить на ходу, но сухая рука Комода яростно вцепилась в воротник форменного пиджака, в другой руке вдруг появился самодельный обрез резко пахнущий горелой смазкой и порохом... Щелкнул шпингалет. Дуло ткнулось шоферу в бок.

– Гони, курва, если хочешь внуков нянчить...

«Волга» резко рванула с места и понеслась по чистой полосе на окраину города. Сердитая невидимая рука, упершись в грудь Виденскому-младшему, вцепилась в вязкую спинку сиденья.

Дежурство старшего сержанта Кудряшова Жени, инспектора госавтоинспекции, подходило к концу. Ничего сногшибательного за дежурство не произошло, несколько незначительных нарушений, да двое в нетрезвом виде за рулем, вот и весь рабочий день, как впрочем, и вчера, и позавчера, и месяц назад.

Пришел Евгений в ГАИ сразу после армии два года назад, хотелось погонь, схваток. Но оказалось, что преступления на дороге случаются не каждый день, даже в таком большом городе, как его. Вработался в текучку, но романтика осталась, осталось ожидание чего-то такого плохого, нехорошего, которое должно случиться именно на его участке дороги, именно в его дежурство. Это что-то будет угрожать жизням людей,

а он выступит на их защиту, вооруженный знанием своего дела, его гуманной позицией и прекрасно смазанным и готовым в любое время вступить в дело личным оружием.

Едва ступились сумерки, сразу же стихло движение на шоссе. «Ну вот, можно и дух перевести», – подумал Кудряшов и посмотрел на часы. Дежурство несмотря ни на что благополучно шло к концу. Он уже и его готов был определить как прошедшее спокойно, как вдруг рядом с ним остановилась желтая «Волга» с шашечками. Водитель был чем-то напуган, он выскочил из машины навстречу инспектору и стал сбивчиво объяснять, что двое с самодельным обрезом и с четырьмя чемоданами, которых уже ищет милиция, заставили его довезти их до улицы Карла Маркса, там остановили красный «Москвич» и перебрались в него, а он сразу сюда, на ближайший пост.

Из дерганных объяснений таксиста Кудряшов понял, что двое с обрезом драпают с места преступления на «перекладных», запутывают след, надеясь, что при розыске одно звено выпадет обязательно, сейчас они уже на другой машине и едут, возможно, в обратном направлении следования такси... «Вот оно и произошло, его помощь срочно нужна...»

Дальше события разворачивались стремительно. Не успел старший сержант записать фамилию, имя и отчество водителя, номер «Волги», как со стороны перекрестка его улицы и улицы Карла Маркса стремительно стала приближаться легковая машина. «Куда гонят! – мелькнула мысль у Евгения, подмороженная дорога к концу дня как маслом смазана!» Автоинспектор выскочил на проезжую часть, поднял светящийся жезл, но «Москвич» пролетел мимо. Успел сержант разглядеть номер, двух парней, вжавшихся в сиденье и неестественную позу водителя, решил: «Они!»

Бегом к рации: «Примите меры к задержанию красного «Москвича». Пассажиры вооружены. Начиная преследование...» И желтые «Жигули» с работающей голубой мигалкой и сиреной рванулись с места. «Молодец водитель, нарочно выскочил на пост ГАИ, знал, что не обратит внимание на его машину невозможно...» – Евгения Кудряшова впервые в жизни захватил настоящий азарт преследования, ладони, вцепившиеся в баранку, стали скользкими...

Старшина милиции Петр Иванович Степанов узнал голос старшего сержанта. Они соседи, его пост находился недалеко. Машина шла в его направлении, он тоже приготовился к схватке.

Впереди замаячили огни фар. «Жигули» Кудряшова висели на хвосте «Москвича». Петр Иванович рванул патрульный «газик» наперед. Но тут «Москвич» неожиданно замер. Один из преступников выскочил и, отбросив что-то далеко в сторону, кинулся бежать. Евгений, подхватив с земли обрез-самоделку помчался следом.

Старшина, подбегая к «Москвичу», увидел, как водитель, невысокий плотный мужчина в очках, вытолкнул из машины парня в кожаном пальто и белой ондатровой шапке.

– Узнал все-таки, сукин сын?..

– Павел Федорович, пустите, больно же, я никуда не убегу... – скулил Птица, но Попов отпустил его только тогда, когда старшина оказался рядом.

Люся болела уже второй месяц. Первый раз в семье Поповых праздник Нового года прошел незаметно, без гостей и шума, без подарков, как будто и не было. Она лежала дома, ела и говорила мало. Болезнь была странной, без температуры и каких-либо видимых факторов. Вызов в первые дни врача «скорой помощи» ничего не дал, внешне девочка была полностью здорова, молодой терапевт, подрабатывающий в «скорой», посоветовал полностью ее обследовать. Но лечь в больницу Люся категорически отказалась, несмотря на слезы матери и уговоры отца.

О недавнем происшествии с ним и ее одноклассником решили не рассказывать, чтобы не травмировать больную девочку.

Вскоре мать договорилась со знакомым невропатологом, чтобы та осмотрела дочь, невропатолог тоже, побеседовав с Люсей около часа и осмотрев ее, уходя только пожала плечами и проговорила, что девочка пережила какой-то стресс и ей нужны покой и глюкоза, и все пройдет, в больницу класть необязательно, если только болезнь не начнет прогрессировать. Процесс же выздоровления легче и быстрее пройдет дома, под присмотром матери, ведь она сама тоже медработник, чем в больнице среди больных. Инна Петровна, обдумав ситуацию, сходила в школу и договорилась с директором оставить Люсю в связи с болезнью на второй год.

Прошел еще один месяц. Во всю пахло весной, одноклассники готовились к сдаче выпускных экзаменов, всерьез подумывали о том, куда бы определиться. Люся все так же, почти не вставая, лежала в постели. От маленькой Люси за это время почти ничего не осталось, когда мать или отец входили в ее комнату, перед ними лежал на тахте уже взрослый, исхудавший и бледный от болезни, человек. О причинах болезни так никто и не догадался, Люся никому ничего не рассказала.

Приходил за это время два раза классный руководитель, физик Денис Антонович Роговцев, посидит, поговорит с Люсиными родителями в присутствии девочки и уйдет, а как узнал, что Люсю Попову оставляют на второй год, совсем ходить перестал, это и понятно, конечно же, дел со здоровыми детьми хватает, да и свою личную жизнь как-то устраивать надо, холостой ведь, не женатый. Катя Кузьмина забегала несколько раз после школы, но и ей вскоре наскучило развлекать молчаливую, ничем не интересующуюся подружку.

Смотрела Люся в потолок, сжав под одеялом в руках коричневую тетрадку, и думала о том, что надругался Костик над нею, надругался и над ее душой, страницы в дневнике, где было написано о ее любви к нему, безжалостно выдраны. Торчат вместо них кусочки бумаги и пилят, пилят своими неровными краями Люсины глаза, пилят, текут слезы, смыывают опилки, капают на подушку, раскручивается в руках рулончик искалеченного дневника...

Но день ото дня менялось что-то внутри, менялось и вливалось в мышцы всего тела какую-то новую силу. Независимо от самой девочки, ей то становилось дурно до невозможности от принесенного матерью завтрака или ужина, то радостно, несмотря на то, что мысли в основном были гнетущие, и тетрадка дневника лежала под подушкой, то хотелось чего-то, непонятно чего.

И вот однажды Люся поняла, что с ней, не столько додумалась, сколько женским чутьем почувствовала, что означают ее превращения, связанные с новыми, неизвестными ей доселе, чувствами.

И как-то утром, когда отец уже ушел на работу, а мама принесла ей горячий завтрак, Люся расплакалась в голос, ткнувшись матери в теплый халат, и рассказала ей все. Долго они еще плакали вместе. Потом Инна Петровна ушла в поликлинику.

Два дня после этого мать с дочерью ни о чем серьезном не говорили. Инна Петровна думала, что-то решая про себя. Люся после бурного объяснения с мамой изменилась и явно пошла на поправку, стала вставать, разговаривать, даже позвонила подруге, узнала школьные новости. Крутилась у Кузьминой на языке новость о Костике Виденском, но Катя помнила о запрете родителей подружки сообщать Люсе что-либо сногшибательное, промолчала, а поправившаяся Попова не спросила о нем. Дневник, заслоненный новыми переживаниями, лег на старое место в письменном столе.

Между ней и матерью установилась какая-то невидимая связь почти на уровне биотоков, в присутствии отца, которого они категорически решили не посвящать в случившееся, они разговаривали глазами. И через полторы недели мать, забрав из школы Люсины документы, вызвала телеграммой свою двоюродную сестру из далекого черноморского городка.

Дня через два Люся с двоюродной теткой уже сидела в самолете, летящем через Москву. В аэропорту остался провожавший отец, которому объяснили, что отъезд Люси нужен, так как для выздоровления необходима смена климата, он стоял на втором этаже и смотрел на самолет, готовый вот-вот тронуться с места.

Мама плакала, когда собирала вещи, и шептала на ухо:

– Не забудь, пиши письма домой регулярно, чтобы отец не беспокоился, почаще, а то он возьмет отпуск за свой счет и прилетит к вам, а мне пиши на главпочтамт до востребования... поняла?

Люся качала головой.

Сейчас она сидела в салоне самолета, в мягком, удобном кресле, рядом с почти незнакомой тетей и готовилась вступить в большую жизнь, правда, вступить чуть до срока и не так радостно, как это должно было случиться.

Из зала суда Алла Петровна пошла не на работу, а сразу домой. Шла и думала, что опять обманывает себя, не домой она идет, а на квартиру к Виденскому, вещей-то там ее личных только что из одежды, и все, даже кастрюли в новую квартиру муж купил сам, аккуратненькие и шикарные одновременно, такие, что хоть из них гостей корми, не обидятся.

Открыв дверь, не раздеваясь, она обошла все комнаты, мужа нигде не было. Алла Петровна зашла на кухню, села на чистенький, беленький табурет, уронила голову на руки, заплакала, два года дали Костику, два... год колонии для несовершеннолетних и год общего режима... Суд учел все смягчающие вину обстоятельства... И все равно, как страшно... ее сын – пособник вору и спекулянт... боже мой... за что?..

Представьте себе торт с розочкой, да, да, такой, который можно купить в любой кулинарии города, повседневный, в меру симпатичный и сладкий. Так вот, когда вы подходите к ресторану «Север», вы видите перед собой именно этот трехслойный торт.

Первый этаж с кулинарией на лице и со складскими помещениями и цехами внутри – это прослойка нижняя, мокрая, с подгоревшей подошвой. Посетитель здесь пробегающий, серый в своей массе, хлебнет водянистого кофейку, клонет мороженого и поминай как звали.

Выше – масло с сахаром. Ведет на второй этаж широкая легкая лестница. Широкая, видимо, для того, чтобы спускающийся после ужина посетитель не чувствовал себя стесненным, а легкость не заслоняет кулинарию и дает ей возможность тоже приносить прибыль государству.

Кормят и поят в «Севере» тонко, дорого и красиво. Ребята с гитарами и трубами, одетые одинаково и подчеркнута просто, играют больше не сытый репертуар, а на заказ. Публика в двух залах деловая и причесанная, большинство свои, завсегдатаи, иные даже с телохранителями за соседними столиками. Здесь редко напиваются и гуляют с шумом, для этого есть заведения рангом пониже, здесь держат свою марку, отдыхают от суеты дня и наслаждаются лакированной женской красотой. Вежливость, икорка к шампанскому и чуть-чуть шика в скромных официантах.

Еще выше верхний слой, крепенькая мякоть с кремовой розочкой, на которой табличка не «Директор», а «Виденский М.Г.», служебные помещения, банкетный залик и изобретение директора – тщательно скрываемый от непосвященных, кабинет для деловых свиданий особо важных гостей. С улицы третий этаж

почти неразличим в общей массе здания, кажется, что оно имеет два этажа, но не ошибайтесь, перед вами трехслойный торт.

Алла Петровна, мама Костика и жена Михаила Григорьевича, работала в кулинарии буфетчицей. В том самом нижнем слое, где и сыро, и покупатель серый. Работала, стоя за стойкой, ближе, как она сама считала, к подгоревшему основанию. Служивцы звали ее просто Петровной, напрочь позабыв красивое имя Алла.

Петровна была женщиной тихой и незаметной, с голосом надтреснутым и вялым. Располневшая, мало следящая за своей внешностью, она как бы стала неотъемлемой частью стойки, убери ее, поставь другую, и получится уже не то. Именно такой усредненный портрет буфетчицы мы и привыкли видеть. Никто не знал, что это жена Виденского, а кто и знал, давно забыл.

Ломает жизнь слабых людей. Была когда-то Алла Петровна Кучменева молодой и красивой, и звали ее тогда Алкой, а не Петровной, ходила она тогда ровно с приплясом, как жеребенок-стригун, а не волочила отекишие ноги гусыней.

Родилась Аллочка, или Аленка по-отцовски, в семье благополучной, купалась в спокойной любви родительской, в школе училась хорошо, и там ее любили, не потому, что мать работала здесь же воспитателем в «продленке», а из-за ровного, спокойного характера и доброй души. Ее и обижать-то было стыдно, да и в голову просто не приходило. Новичков, не разобравшихся по отношению к ней, тут же учили по-детски жестоко.

Было так лет до пятнадцати, пока не случилось горе, пока не погиб Аленкин отец, электрик большого завода... «Ужасный несчастный случай, заискрило... пробило... убило!..» Кого-то сняли, статья в газете была, ну и что? Человека-то нет.

Было, ломает жизнь слабых людей.

Обрушилось все. Оросила мать водкой руины в первый раз, вроде полегчало, оросила второй, с работы уволилась и пошла орошать, слабавольно роняя слезы в кофточки появившихся вдруг подруг, совершенно забыв о дочери.

Оказалась Алка на свете одна, голенькая, мягкая, незащищенная, расцветающая, нет металла в голосе, нет стержня крепкого в мятущейся открытой душе. Какие руки погладят, те и воспитывают.

Окончила школу с грехом пополам, устроилась на железную дорогу проводником. Мать совсем пропала из поля зрения. Жила в общежитии, ездила по Союзу, понравилось на колесах. Сутками стучат они на стыках, течет людской поток перед твоими глазами, разносишь им чай, удивляются крепости, потом радуются и улыбаются. Ворчит напарница тетя Паша: «Чего так много-то заварки кладешь?..» А сама таит в уголках мудрых глаз улыбку: «Правильно, Аллочка, так меня, старую, зачерствела я...»

Семен вошел в Алкину жизнь, как нож в масло. Заболела тетя Паша, поставил его бригадир девушке в напарники. Песни ей пел под гитару цыганистый напарник, пассажиров веселил шутками, мел вагон, топил титан, разносил чай, бегал на станциях в рабочий тамбур, ничего не давал делать Кучменевой, читай, мол, книжки, я за свою жизнь намыкался, мне в привычку, а ты отдохни, мы еще с тобой побеседуем. И побеседовали. Тетю Пашу бригадир перевел в другой вагон.

Недолго горела счастливая звездочка. Недолго металась ласки в такт перестуку колес, недолго ловила на себе счастливая Анна доброжелательные взгляды пассажиров, пропал Семушка, растворился. Оказалось, уволился, отработал положенное после заявления и уволился. Не предполагал никто увольнения цыганистого проводника, попросил он начальство не разглашать до приказа, чтоб сохранить, мол, положение в коллективе, а не болтаться почти оторванной почти пуговицей.

И вот так бывает. Ломает слабых жизнь. Аборт и орошение руин, слезы в красивых удлинённых глазах, броская помада, горькая. Ничто не помогло, ни ворчание тети Паши, ни угрозы начальника поезда. Ну, пьет и пьет, и что? Работу свою выполняет, жалоб нет, даже благодарности, и оставили Алку в покое, пусть едет по жизни как может.

– Ту-ту... – пело на полустанках, мелькали километровые столбы.

Подобрал пьяную и красивую проводницу Виденский Михаил Григорьевич, отмыл от сажи и пыли, приодел. Блеснул бриллиант на солнце всеми гранями, и качнулся Михаил Григорьевич первый и последний раз в жизни необдуманно. Шевельнулось что-то у Медведя, сам не понял, что, лишило рассудка, женился. Ввел молодую супругу в свой полусвет, деловой и пошлый, но оказался в их среде бриллиант фальшивым.

Забросил тогда беременную жену Виденский, обдуманно не развелся, пусть себе живет, мешает, что ли? Родился сын.

Так и пошло, дома домработница тихая и мирная, на работе буфетчица неопрятная и непробивная. Восставать против такой жизни характер не тот, а к работе привыкшая. Соберется шайка-лейка на квартире, сиди в маленькой комнатухе, качай Костика и радуйся, что у тебя сын растет.

Лгала себе Алла Петровна Виденская, что так и надо, что так и должно быть в жизни, что она лишь тонюсенький вьюнок на стволе *attalea princeps*, что дело слабого держаться сильного. Лгала и знала, что лжет, понимала, что держит ее Виденский за домработницу, а приближается к ней лишь для того, чтоб зализать раны, нанесенные ему там, в ярком чужом и пестром мире другими женщинами.

Лгала и терпела, и не заметила, как постепенно потеряла сына, единственное дорогое, родное единственное.

А Костику с каждым годом все больше и больше нравились серьезные и немножко шальные отцовские гости, он хватал руками блестящую требуху их разговоров и жестов, примерял на себя, нравилось. Нравилось и возвышалось на седьмое небо брошенное отцом вскользь горделивое:

– Знакомьтесь, это мой сын...

А мать? А что мать? Надоела со своими школьными нравами и слезливыми жалобами.

Виденская встала из-за стола, качнулась, уперлась рукой об узорчатый кафель, пошла в комнаты. Где-то в кладовке валяется ее старый чемодан еще тот, с которым сошла с поезда. Нечего ей здесь больше делать, нет тут больше Костика, нет того, ради кого терпела, пусть найдет себе другую домработницу... А он найдет, быстро найдет... Скорее отсюда, куда угодно, лишь бы быстрее... Она сейчас не помнила о том, что идти ей совершенно некуда, что у нее нет даже просто хорошей знакомой, у которой она могла бы переночевать хоть одну ночь.

Алла Петровна вытащила из-под разного хлама потертый коричневый чемодан, отерла тут же с него ветошью пыль и стала собираться. «Надо же, – удивилась она, когда лишь половина чемодана была заполнена, – пришла сюда с полным, а ухожу с полупустым...» В богатой четырехкомнатной квартире с огромным количеством разнокалиберных вещей ее личного имущества оказалось лишь полчемодана.

В прихожей щелкнул замок, зашел и стал раздеваться Михаил Григорьевич. «Да, дали все-таки Костьке два года, – думал он, – ничего выберется, будет умнее...» Сам Виденский понимал, что и он давно уже за гранью закона, и он давно бы уже не миновал участи сына, не держи в своих руках десятки нитей, связывающих сотни людей, проваливались крупные махинации или мелкие делишки, имя Михаила Григорьевича нигде не фигурировало, потому что никто не хотел, чтобы открылось то, пусть даже незначительное, до чего следствие не докопалось.

Настроение у Виденского было паршивое, он в первый раз не смог добиться того, чего хотел, сына не оправдали. Михаил Григорьевич все свое влияние употребил, всех своих знакомых подключил, а результат? А результат хуже не придумаешь. Почувствовал Виденский, что и на него посмотрели пристально, запахло жареным, и отступил...

«Томка, дура, такое положение критическое, нет чтоб хоть словом добрым помочь, – плакался он сам себе, – дает понять, что я ей стал неинтересен... Еще лишь покачнулся, а они уж почувствовали, засуетились, ничего, я крепкий, устою, чтоб вас всех... еще приползете... Кто не рискует, тот не пьет шампанского...»

Терзаемый тяжелыми мыслями, Виденский направился в кабинет и вдруг столкнулся с женой. Алла посторонилась, пропуская его в зал, смотрит в пол, в руках чемодан.

– Куда собралась, дура?

Жена, не ответив, вышла в прихожую, щелкнула замком и так же молча закрыла за собой дверь.

– Сдохнешь без меня под забором! – успел выкрикнуть ей в след Михаил Григорьевич, голос его на последнем слове сорвался на фальцет, и ему показалось, что он услышал эхо: «...ором... ором... ором...», как в пустой квартире.

Инна Петровна работала в центральной спецполиклинике, где лечились артисты, преподаватели вузов, представители власти, контингент в большинстве своем немолодой и болезненный. Чего только не увидишь, чего только не понарасказывают тебе, ты ведь не врач, а медсестра, тебя стесняться нечего. Райкин, вон, говорит, что таксисту исповедуются, а я думаю, что медсестре тоже на свой век перепадает.

Сегодня Инна Петровна работала во вторую смену с двенадцати часов. Во вторую смену легче, народу меньше, почти все приходят на укол утром.

В этой поликлинике она работает не так давно, до этого дежурила в больнице на сменах. Трудно там работать, вот и перешла сюда. Узнала от знакомой, что освободилось место, и перешла. Сначала работала, присматривалась, а потом и разглядела, что вслух свои мысли по поводу ошибок начальства в руководстве лучше не высказывать, половину небольшого медперсонала составляли дальние и близкие родственники Сергачевой – заведующей поликлиникой.

Увидела, что убирающие коридор и некоторые кабинеты девушки получают по-разному, одна, моющая «бытовку» и небольшую часть коридора, – ставку, а другая за всю остальную площадь – лишь половину. На себе узнала, как Сорвачева снимает с недовольных проценты за уборку кабинетов и передает их другим... Стала разбираться на собраниях, воевала, не вынося сор из избы, в своем коллективе, добивалась справедливости, за что и прозвали девчонки ее Правдолюбкой, дразнили так за глаза, но любили за прямоту, умение постоять за другого, если что. Вот так на работе, а дома?

А дома плохо. Дома она совсем другая, тихая и любящая, но семья все равно сложилась не так, как хотелось. Любили и любят друг друга, жить не могут друг без друга, а вот так всю жизнь, то молчком, то бурные восторги. А чем она-то виновата перед ним?

Почему всегда виновата женщина? Если уж разбираться до конца, то виновата она перед тем мальчиком, Мишей Виденским, не перед сегодняшним владельцем ресторана, а перед прежним душевным Мишей, которого не дождалась с армии. Разве виновата она, что ошиблась в своем первом чувстве, полюбила по-настоящему позже, ведь тогда с Виденским казалось все так серьезно...

Инна Петровна сидела у себя в стерильном кабинете, подперев рукой голову. Заглянула Лена, медсестра с зубного, позвала почаевничать. Она отказалась, продолжала сидеть, не меняя позы. Через несколько минут в дверь постучали.

– Да, войдите! – выпрямилась она за столом.

Вошел немолодой уже мужчина, выглаженный и терпко наодеколоненный, виновато улыбнулся, глянув на оставленные мокрые следы на линолеуме, сказал:

– Опять я к вам, Инна Петровна. Замучили и меня, и вас эти внутривенные, но что поделаешь, что поделаешь...

Инна Петровна быстро встала, улыбнулась вошедшему, усадила его:

– Закатайте, пожалуйста, рукав, – попросила и, наполнив шприц, ловко вогнула в нащупанную пальцем вену иглу, стала вводить лекарство и вдруг вспомнила, что забыла нашатырь, крупные мужчины, как правило, падают от такой дозы. Но больной перенес укол нормально. Встал, раскатал рукав и снова присел за ширму на кушетке.

– Вам плохо? – быстро спросила Инна Петровна.

– Нет, чуть ноги ослабли.

– Ничего, ничего, – все-таки смочив ватку в нашатырном спирте, проговорила она и поднесла ее к самому носу больного, – это бывает, посидите минут пять...

– Спасибо, мне всегда приятно у вас отходить, тут тихо, а там дела, дела, вот, например, сегодня...

«Что, в сущности, случилось с моей дочерью? Довольно типичная для современной молодежи история. Полюбила, поверила... В результате – ребенок без отца. Учебу пришлось бросить и уехать, рассказать нашему папке невозможно. Такой уж это человек. Ему нельзя об этом даже намекнуть, таков его образ мыслей, воспитание, наконец, характер...

И вот ребенку уже скоро полгода. Верочка далеко от нее, на берегу Черного моря... Как там трудно Люсе с ней, почти одной, без меня, сегодня ровно год как улетела, мужественная все-таки она девочка. Трудно ей, хотя пишет обратное, но по письмам-то и чувствую, трудно. Помогаю продуктами, деньгами, письмами поддерживаю, а какой толк от этой моей заочной помощи? Без меня, без моих рук, моего ласкового слова...

– Спасибо, Инна Петровна, до свидания, – больной раскланялся и вышел, оставив после себя приторный запах одеколора.

– До свидания, до свидания... – пробормотала она.

«Как быть? Что делать? У кого спросить совета и помощи? Наверное, невозможно скрывать всю жизнь от мужа существование Верочки. Но страшно даже представить, какую реакцию способно вызвать такое сообщение... ведь он тоже любит дочь... Иногда плюнешь, будь что будет, вызову ее сюда, пусть колют семью, пусть! Пусть узнает, наконец, что он дедушка... И не могу, не молодая уже, строить жизнь по-новому, страшно, да и вывезу ли одна, на свой небольшой заработок троих?..»

И так каждый день думает Инна Петровна, ища решение, сталкивая все «за» и «против» и не находя его. Голова уже пухнет от таких мыслей. Изо дня в день, изо дня в день... Руки стали дрожать, а для процедурной сестры это почти профессиональная непригодность. В дверь снова заглянула Лена:

– Инна, скоро конец рабочего дня, а ты все сидишь сиднем, пошли чай поьем, все равно уж никто не придет...

– Простите, простите, Леночка, я пришла, – заглянула рядом с ней в дверь миловидная старушка. – Разрешите, Инночка? С внуками задержалась, такова уж наша старушечья доля, бросят на тебя, ты и сиди.

«Опять внутривенный...» – устало подумала Инна Петровна, пригласила:

– Проходите.

Игла быстро вошла в разбухшую вену, пружинистую как кусок глины. И вдруг, когда осталось ввести только четверть кубика, Инна Петровна вспомнила: «Письмо... Где же я оставила последнее письмо?.. Где?..» Шприц в руках дрогнул, старушка испуганно посмотрела на побледневшую медсестру.

С морозами, вьюгами и снегопадами была эта зима. Покрыла она землю дорогими белыми покровами. Заковала реки и ручейки, озера и пруды в звонкий голубой панцирь. Без теплой одежды носа на улицу не высунешь. День был короток, да и сейчас, в феврале, тоже рано темнеет. Вот уж и вечер, поголубело все вокруг, на небе зажегся месяц, явно к хорошей погоде, да и пора бы уже, весна скоро, а все никакого просвета в морозных и ветреных днях.

Шагал Игорь Нефедов по улице, шагал, думал о себе. Вот он студент, учится неплохо, женился недавно... И все? Нет, не все, он счастлив. Представил лицо жены. Познакомились они с Ларисой на картошке еще, любит она его, и он ее любит. Подруга и соседка по комнате ушла к сокурсницам, перенесли туда же ее кровать, приходится пока ютиться вдвоем на одной, но ничего, это временные трудности, помещаются. «Как, оказывается, хорошо быть просто вдвоем, друг и друзья – это хорошо, но жена куда лучше», – сделал такой вывод, он остановился перед дверью конторы ОДС, здесь ему предстояло работать. «Обзавелся семьей, – писал в письме отец, – зарабатывать на хлеб сам, мы, конечно, тоже поможем».

В полутемном коридоре конторы Нефедов чуть не столкнулся с высоким худым человеком, спешащим на улицу, на ходу обронившим:

– Вы к кому?

– Я на работу устраиваться лифтером, – ответил Игорь.
– А-а, знаю, – протянул незнакомец останавливаясь. – Нам звонили из отдела кадров, лифтеров у нас всегда нехватка, позже не могли прийти? Хорошо, что начальник задержался. Вы по совместительству?
– вылетело у него скороговоркой.

– Студент.

– Хорошо, будем работать. Я главный инженер Объединенной диспетчерской службы. У нас тихо, можно и заниматься, будешь сидеть один в кабинете мастера, сейчас прямо по коридору, последняя дверь направо, начальника зовут Павел Федорович... – перешел он на «ты» и заспешил дальше, но у самого выхода вдруг остановился. – А сумасшедшая все-таки у меня супруга, сегодня мне заявляет по телефону: «Сергея, я беременная...» – и, засмеявшись, выскочил на улицу.

«Двинутый», – поставил диагноз Игорь и пошел прямо по коридору. Дойдя, постучал в дверь кабинета, не дождав ответа, заглянул:

– Можно?

В дальнем углу комнаты за столом сидел человек и, казалось, спал, уронив голову на руки. Перед ним на календаре лежали очки. Человек недовольно покрутил головой, не отрывая ее от рук, проговорил вяло:

– Если ко мне, то подождите минутку, я сейчас занят.

«Пьяный, что ли? подумал Нефедов, – ну и контора». Он открыл дверь в комнату отдыха, там было накурено, несколько мужиков играли в домино. Кто-то забил «рыбу», загалдели, начали игру сначала. Игорь вошел, поздоровался, но никто не ответил. «Ладно, объявляю бойкот», – сел он, взяв предварительно с подоконника пачку журналов. Журналы были старинные, «Огонек» за 60-й год. Спустя несколько минут в дверь заглянула широченная в плечах круглолицая женщина:

– Ребята, кончай стучать, есть заявки.

– На всех? – спросил один из мужиков, лысоватый с утиным добродушным носом.

– На всех, Тырочкин, на всех, и на тебя тоже есть отдельная, от одной вдовушки.

– Не от тебя ли? – пошел за ней Тырочкин.

– Ну вот и доиграли... – проворчал кто-то еще.

– Так вам и надо... – буркнул Игорь, на что ворчун оглянулся и, оголив в улыбке ряд зубов, кивнул, как старому знакомому:

– А, здорово...

«...не всем, конечно», – добавил он мысленно и остался один. Вскоре ждать надоело, журналы были уже перелистаны, а начальник все еще не вызывал, и Нефедов решил пойти в диспетчерскую посмотреть телевизор, проходя мимо, он заметил на пульте маленькую «Юность».

Разговор завязался сам собой, на голубом экране играл симфонический оркестр, видно, женщина тоже скучала.

– Лифтер, говоришь? Людей, значит, из этих коробок будешь вынимать? – полушутя полусерьезно говорила Зоя Васильевна.

«Вот бы вынуть оттуда ради хохмы Валерку из параллельной группы, вот посмеялись бы, он тоже трудится, рекламы по вечерам включает», – улыбнулся в душе Игорь. Вдруг на пульте замигала лампочка, и зазвенело. Женщина выключила телевизор, щелкнула тумблером, и из микрофона понеслись шум, возня, плаксивый ребячий голос:

– Мы застряли.

– Где, на каком этаже, – спросила она.

Шум в кабине утих, и только плаксивый голос продолжал:

– В лифте...

– Цыц, сидите тихо и ничего не трогайте, вас сейчас вытащат, – властные нотки просочились в ее голосе.

«Наверное, жена начальника, – подвел черту под своими наблюдениями парень. Женщина отключила микрофон и спросила:

– Знаешь как и что делать?

– Нет, я в первый раз.

– Тогда жди здесь, пойду к начальнику, далеко наши уехали, рация не достает, может, он с тобой сходит, а то эти чертенята разнесут все, – и она, высвободив себя из крутящегося кресла, вышла из диспетчерской.

Вскоре она вернулась с Павлом Федоровичем, начальник нес на лице выражение потерявшегося ребенка. Диспетчер, все объяснив ему и еще раз при нем переговорив с детьми, плотно устроилась в кресло-вертушку. Павел Федорович, утвердительно покачав головой, взял ключи, побрел к выходу, Игорь направился за ним.

На улице было уже темно. Дошли быстро. Поднялись в машинное отделение. Подошли к щитку.

– Смотри и запоминай, сейчас мы их поймем, катаются вот так, лифты ломают, – первый раз за все путешествие заговорил начальник, щелкнул «релюшкой» и, переведя лифт на управление из машинного отделения, пустил лифт.

Спустились по железной лестнице на площадку двенадцатого этажа. Лифт мягко остановился, и из него радостно высыпали человек десять мальчишек. Павел Федорович устало скомандовал:

– Стоять.

Мальчишки растерялись. У нескольких из них шапки были умело спрятаны за пазуху. «Битые ребята», – улыбнулся Игорь.

– А знаете ли вы, что... – произнес Павел Федорович и прочитал маленькую лекцию о грузоподъемности лифтов, закончив ее так: – Давай, забирай у них шапки, пусть родители за ними придут.

– Холодно на улице, – попытался возразить Игорь, но начальника, кажется, ничто не интересовало, он даже не смотрел в их сторону, а думал о чем-то своем, тяжелом. И вдруг звонко, на весь подъезд, так звонко, что Павел Федорович даже вздрогнул, раздалось:

– Мы больше не будем.

Это заявил самый высокий мальчик, видимо, вожак, он смело выступил вперед и смотрел в глаза задержавшим прямо и твердо. Попову это понравилось.

Остальные же представляли из себя болото осенью. Они стояли жалкие и понурившиеся, только что ощутившие неволю и, казалось бы, уже вырвавшиеся на свободу, они вновь ощутили себя арестованными. На них невозможно было смотреть без слезы в глазу, до того они были потеряны, смущены и жалки:

– А ну марш домой! – совсем уж неожиданно рассмеялся начальник, – и чтобы мне больше не кататься по десять человек!

Пацанов сдуло с площадки.

– А ты что стоишь? Бегом наверх, поставь лифт на нормальную работу, пора вниз.

На лифте спустились вниз. Мальчишки каким-то образом были уже на улице и быстро удалялись от подъезда, бойко обсуждая случившееся. Казалось, стемнело еще больше и стало холодней. Шли молча. Игорь закурил. Павел Федорович тоже попросил:

– Знаешь, не курю, а что-то вдруг захотелось малость отравиться, – он прикурил, – не испугался техники?

– Научусь.

– Правильно, бояться никогда не надо. Главное взяться, а там уж дело мастера боится, это сначала боязно все и вроде все непонятно. Научись, у нас скоро курсы будут в учкомбинате...

– И долго там учат? Не забывайте, Павел Федорович, я ведь тоже учусь.

– Недолго, две недели. Учиться-то недолго, отучишься, а вот с каким настроением ты к нам пришел работать и как будешь работать?

– Хорошо, – заверил Нефедов.

– Понимаешь, – кажется не расслышал начальник, – всякое ведь может случиться, и в шахту ведь падали, случалось. – Павел Федорович говорил и постепенно грустнел, думал о чем-то своем. – А недавно вон было, не доглядели, а пацан забрался сверху на кабину и катался, нога соскочила, его и размазало по шахте, – начальник не поучал, а просто делился, и это Игорю понравилось. – Бывает и так, схватит у человека сердце, и все будет зависеть от тебя, как быстро ты с этой техникой справишься... – он посмотрел на часы. – Иди сегодня домой, завтра приходи после занятий часам к четырем, уточнишь с мастером график дежурств. До свидания, – и Павел Федорович, бросив недокуренную сигарету, протянул руку.

Игорь пожал ее и пошел в сторону общежития, оглянувшись, увидел ссутулившуюся фигуру Павла Федоровича, подумал: «Эх ты, Игорек, Игорек... ради «хохмы»...»

– Тьфу, – сплюнул он себе под ноги и зашагал быстрее, дома его уже ждала желтая пахучая картошка, поджаренная Ларисой.

Попов после случая с Виденским-младшим, одноклассником Люси, переменялся, позиция жизненная, как модно сейчас стало говорить, поменялась, что ли, теперь он не думал «так не должно быть», а изменял. Ведь ему вот-вот сорок, а он ползет по жизни тихо, по-черепашьи, никому не делая ни добра, ни зла. Появился рядом чей-нибудь сапог, втянул ноги и голову в коробку панциря, и тепло, и сыро. По другому жить надо. Для чего дана комната отдыха? Для того чтобы отдыхать, а не слоняться по ней без дела, когда заявок нет, так и пусть работает телевизор, хотя, пусть сидят в домино стучат, ведь они как тревожная группа, случилось что, на машину и вперед. Уволить Тырочкина? Ну и что? Он себе место найдет, а вот Павел Федорович обошел жильцов, которых обслуживал он в последнее время, да и пригласил их на профсоюзное собрание. Дело тут не в личной неприязни, конечно. Директор Мелькомбината всю свою железнодорожную службу перетряхнул, а крысы, наверное, давно передохли. Жена у Злобина оказалась прекрасной женщиной, а его главный инженер – ревнивцем и деспотом в семье. Вот так вот, по нашей жизни нужно ходить, засучив рукава, чтобы такие буржуа от общества, как Михаил Григорьевич, не плодились на нашей земле... Так было еще вчера, а сегодня?

А сегодня он пришел, как всегда, на обед домой и нашел на кухне на столе письмо от Люси, видно, Инна хотела прочесть да закрутилась и так и забыла его, не вскрыв даже. На газплите забулькала кастрюля с супом, Павел Федорович налил себе тарелку и, усевшись на табуретку, вскрыл конверт... Читал он долго, читал и перечитывал, посмотрел на конверт, ох, вон оно что, до востребования... Суп так и остыл нетронутый.

Теперь Павлу Федоровичу многое стало понятно, и этот скоропостижный отъезд, и эти чуть ли не каждодневные письма дочери о том, как она прекрасно живет у тетки, и эти уговоры жены в отпуск поехать

не туда, а к матери, помочь, еще подумал, дурак, вот молодец, как о свекрови заботится... Сама такая, еще и дочь просмотрела... Звонить Инне он не стал, а поплелся совершенно разбитый на работу, неся во внутреннем кармане тяжелую болванку письма. Этой болванкой судьба только что хряснула его по затылку, и Павел Федорович потерял точку опоры.

Как же это так получилось с его Люськой, какая же это беда, какое же это горе... Почему скрыли от него и по сей день скрывают, что он дед? «А? Почему?» – спрашивал он себя и тут же отвечал. – Что бы ты сделал в первую очередь? А вот что, назвал бы этот дом гадюшником, их бы шлюхами и ушел бы... насовсем...» Да, да, он не стал бы помогать, входить в положение, дуть как раньше на дочкино «бо-бо», а ушел бы, хлопнув дверью, вот почему ему не сказали. Вот почему, он не понял бы...

«Я бы не понял... А какое я имею право на непонимание? А что я сделал, чтобы этого не случилось, что? Я сидел с дочерью ночами, предостерегал, беседовал, оградил хоть как-то? Нет, я и пальцем не пошевелил... «Это обязанность жены...», а почему не моя? Боже мой, значит, Верочка... Уж который месяц живет на свете Верочка, а я о ней ничего не знаю. Это более чем печально! Вокруг меня, оказывается, вот уже год как ложь, а я ничего не знаю и хожу таким простачком по белу свету... Как же не догадаться было?.. А болезнь? А то, что ей становилось плохо, когда я заходил по утрам? От меня же перло одеколоном, она его, наверное, не переносила... и молчала. А я садился, целовал ей лоб, гладил по голове... а ей хотелось рвать... а я... я ничего не знал, не чувствовал...

Спасибо тебе, Инна, посмеялась ты надо мной, наверное, втихомолку, посмеялась... Вторично стал рогиносцем, во втором поколении так сказать...»

В кабинет заглянула диспетчер:

– Павел Федорович, там такое дело... никого нет, решила вас побеспокоить...

«Инна, Инна, какая же ты все-таки дура...» Сколько натерпелась-то от меня, сколько натерпелась. А кто я такой, чтобы ты от меня терпела? На возжах ты меня в загс не тянула... И всю жизнь терпеть, меня со своей ущербностью, гладить по шерстке мое ущемленное самолюбие... Господи, сколько же она со мной натерпелась, а я ее и не замечал, все о своей душе пекся, а ее душа, а ее? Сволочь я... Вот так и у дочери несчастье, а на меня не положиться, потому что я, сволочь, не пойму, и дочери жизнь поломаю, и себе доломаю, и Инне...»

И тут вдруг Павел Федорович увидел перед собой десять мальчишеских судеб, которые, может быть, в какой-то степени зависели от него, девять поникших голов и одну гордо вскинутую, и поразился вдруг счастливой мыслью: «Елки-палки, я же дед!» Он ощутил себя в новом качестве, и все остальное показалось таким мелким, таким несущественным. Он же дед, и этим все сказано, теперь все должно быть по-другому, а то так глядь, скоро и жизнь кончится, а он и живет с оглядкой, и любит с оглядкой, и счастье-то у него с оглядкой. «Люся, Люся, случилось горе, и ты сбегала от родного отца... Надо вас привезти, нечего вам на стороне мыкаться. Наконец-то пришло решение, ледоход кончился», – подумал Попов и вдруг услышал прямо перед собой:

– Руки-то вынь из карманов, вот и не будешь падать.

В трех шагах от него стоял Тырочкин одетый по-охотничьи и отряхивал снег с какого-то подвыпившего respectable гражданина.

– М-мерзнут, – мычал тот и снова пихал руки в карманы, – спасибо друг, что поднял... я те... не... не... забуду...

– Ну-ну, не забудешь, топай, топай домой... – отстранил его от себя сантехник.

– Ты человек, – вдруг ткнул под занавес пьяный пальцем в фуфайку Тырочкину, – а она сука последняя, – и пошел, качаемый всеми ветрами, которые только существуют на свете.

– А-а, Павел Федорович, здравствуйте, – заметил Тырочкин своего начальника и, отряхивая с себя снег, продолжал. – А я тут, видите ли, человека от обморожения спас.

– Видел, видел, здравствуйте, – первый раз улыбнулся Павел Федорович Тырочкину и протянул руку, тот, немного оторопев, отер свою руку о полу фуфайки и тоже протянул.

– Откуда вы, Тырочкин? – настроение у Попова было хорошее, ему, в сущности, было все равно, куда сейчас идти, и он пошел рядом с подчиненным.

– С охоты я, сегодня лось задницу показал на Пактыче и ушел. Была бы винтовка, а то что с двух стволов сделаешь? Бывали там когда-нибудь, речушка такая?

– Нет, а вы что, Тырочкин, охотник?

– О еще какой, – заулыбался сантехник, и от этого его утиный нос еще больше растянулся по лицу, – сколько я этого зверья перестрелял за свою жизнь... Вот, помню, лет восемь назад с другом пять лицензий на руках имели, и, представляете, сразу на четырех быков вышли, как так и получилось, что мы их не заметили, и они нас не учуяли, не знаю, а только столкнулись нос к носу, двоих успели завалить, а двое ушли... Сейчас совсем некого тут поблизости стрелять стало, надо далеко ехать...

– А мы вон прошлой весной за город с женой ездили, за Мирный, туда, так там зайцы прямо на дороге выскакивают.

– А-а, там-то, – протянул Тырочкин, там охота запрещена, там собак натаскивают, да и заяц, не люблю я его бить, убьешь – хорошо, а ранить, так он так заверещит, прям как ребенок...

Помолчали, Тырочкин продолжал:

– Избушку мою на Пактыче спалили, но я знаю, чьих рук дело. Местные не хотят, чтобы у них там охотились. Понятно, конечно, самим бить нечего, но избушку жалко... Домой сейчас приду опять пустой...

Павел Федорович вдруг вспомнил, что и ему надо домой, время-то позднее, Инна, наверное, уже волнуется, и остановился:

– Ну что, пойду я, Тырочкин. На работу, завтра твоя смена, не опаздывай.

– Не опоздаю, до свидания, – пожал руку Тырочкин начальству.

И они разошлись в разные стороны, один медленно, другой торопясь, лишь снег под тем и другим скрипел одинаково. И вдруг Павел Федорович услышал голос недавнего своего спутника и оглянулся. Тырочкин стоял в нескольких шагах, а рядом с ним на снегу сидел котенок. Маленький и дрожащий, мяукающий судорожно, без всякой надежды на жизнь. «Скрип, скрип», – мелькали мимо него ноги прохожих.

– Откуда тебя такого угораздило, – наклонился над ним охотник и взял его в руки, – замерзнешь же, бедолага.

Котенок перестал орать. Тырочкин оглянулся по сторонам и, заметив наблюдающего за ним Павла Федоровича, виновато улыбнулся, сунув дрожащий комочек себе под фуфайку. Попов махнул ему рукой и снова повернул к дому, выбивая в голове на каждый шаг взявшееся откуда-то «вот так-то вот... вот так-то вот... вот так-то вот...».

1983 год

Марк КАГАНЦОВ

Байки «скорой помощи»

Людей, преданных «скорой помощи», среди медиков не так уж много, но они все-таки есть. Такие работают в «скорой» десятилетиями и даже не помышляют уйти туда, где проще, легче, комфортнее. Старший врач воркутинской «скорой помощи» Марк Каганцов в этой службе со студенческих лет, на воркутинской «скорой» больше 30 лет, с 1972-го. И уж кому, как не ему, знать, насколько это тяжелый и горький хлеб: если больному не помочь на этапе «скорой помощи», надобности в других этапах уже просто не будет...

Только за одну эту смену у Марка Каганцова было 12 вызовов (очень среднестатистический, кстати, показатель). Был инсульт, выезжали к больной с приступом стенокардии, перенесшей инфаркт; была передозировка наркотиков с героиновой комой и нарушением дыхания (это был сравнительно молодой мужчина, азербайджанец, которого Каганцов с фельдшерами из этой комы вытащил). Выезжали к 15-летнему мальчишке с ножевым ранением в шею. Был бомж с нарушением практически всех жизненно важных функций, уже окончательно «дошедший» - из своей норы (жил он в подсобке одного из домов по улице Димитрова) он выполз совершенно голый (все тело - в сплошной коросте от сухого кала), крайне истощенный. Кто-то из жильцов дома его увидел и вызвал «скорую». У мужчины кроме всего прочего врачи обнаружили хроническое отравление алкогольными суррогатами. В реанимацию его приняли с неохотой, с большим трудом, а через полтора часа он умер. И с таким он сталкивается каждый день.

Первые бригады интенсивной терапии (БИТ) еще в начале 80-х, организовал в нашем городе тоже он, врач «скорой помощи» Марк Каганцов. Обслуживают они не только город, но и шахтерские поселки, спеша к больным, перенесшим инфаркт, попавшим в «автодоры», на ножевые и огнестрельные ранения, на все виды асфиксий (повешение, утопление и т. д.), на отравления медикаментами и химическими веществами. Самые трудоемкие вызова – суициды (потому что приходится и «мыть» и «капать», после чего везти больного реаниматорам, показывать его психиатрам). Представьте себе только, что значит промыть желудок человеку, находящемуся в коматозном состоянии. Работа и страшно трудоемкая и не очень приятная. А заниматься этим приходится практически каждый день. А героиновые передозировки? Несколько лет ушло у Каганцова на то, чтобы у врачей «скорой» появился антидот против препаратов морфийной группы. Эффект – потрясающий: буквально одного кубика в вену хватает, чтобы вывести человека из комы 3 степени, когда у больного редкое дыхание (4-6 раз в минуту, когда положено 16-18), когда он уже синий и не реагирует ни на какие внешние раздражители; почти покойник...

- Этот препарат, - рассказал Марк, - мы проходили еще в институте, но я его никогда не видел – только о нем читал. А когда эта проблема обозначилась и резко обострилась, начал добиваться, чтобы этот препарат на нашей «скорой» был. Ведь в Воркуте употребляют наркотики уже даже 12-13-летние дети. И лет так до 25. Люди постарше убивают себя «Снежинкой», «Тройей», всевозможными стеклоочистителями, которые дают сильнейшие желудочные кровотечения и полиневропатические реакции (таких людей очень плохо слушаются их руки и ноги), в самых тяжелых случаях - алкогольную кому. А как растет смертность! В «доперестроечные» времена на наш, так называемый «догоспитальный этап» приходилось не более 3 смертей в неделю. В период резкого обнищания народа - до 10 смертей в сутки стало случаться. Таким образом, самые слабые тогда, к середине 90-х, в Воркуте и вымерли. Но и сегодня мы имеем 3-4 смерти в дежурные сутки. Очень часто «скорую» вызывают старушки с голодными обмороками.

Можно ли привыкнуть к смерти, даже если сталкиваешься с ней каждый день?

«Нельзя», - отвечает Марк Каганцов. И рассказывает:

- Когда приезжаешь к уже умершему – это просто неприятно. Когда к агонирующему – это более чем неприятно. Когда застаешь умирающего еще в «речевом контакте» и общаешься с ним – это крайне тяжело, такое болит очень долго. Но страшнее и тяжелее всего, если этого человека ты еще и знал. А у меня на руках умирали даже самые близкие друзья.

Единственное спасение для врача «скорой» – это неистребимое ничем чувство юмора, философский взгляд на проблемы жизни и смерти, человеческого бытия. Смех – лучшее лекарство от стресса.

У каждого врача «скорой» поэтому – собственная коллекция всевозможных – веселых и не очень – «баек». Есть она и у Марка Каганцова.

Вот, к примеру, история о том, как Марк оказался за одним столом...

С папой Римским

Одно время (еще при «совке») работал на воркутинской «скорой» доктор Матыцкий (давненько уже из Воркуты уехал), жена у него стоматологом была и с моей «половиной» дружила. Так вот, повадились наши женщины по субботам в баню ходить. В очередную моя Ирина, та самая стоматологиня, еще одна их подруга, наш доктор и его друг снова в баньку отвалили. А после отправились домой к Володе. Позвали и меня. Пришел я. Вижу: хорошо сидят - за холодной водочкой под соленые огурчики, буженинку да домашние пельмени. Три, выходит, дамы, мой друг Володя и незнакомый мне мужчина - Володькин сосед. Я тоже присел. Вдруг - звонок. Володя подходит к телефону категорически не советуя, поскольку выпили, поскольку это наверняка что-то по линии «санавиации»... Но моя Ира возражает: а вдруг дети... Берет трубку. Там действительно какая-то девочка спрашивает папу. «Какого папу?», - переспрашивает Ирина. «Римского», - отвечает ребенок. Мы все – в недоумении: шутка такая, что ли? Но тут поднимается тот самый, незнакомый мне молодой человек и говорит: «Это меня». Оказалось, что у Володькиного соседа и приятеля фамилия такая была – Римский. Вот так я пил водку с «папой Римским». А еще я знал воркутинского геолога Миклуху Маклая. Водку, правда, пить с ним не пришлось.

«Санавиация»

Эта история тоже еще при советской власти приключилась, когда, как известно, никакого секса у нас в России еще не было...

В Воркуте, как известно, как? Три дня тепло – и мигом, за одну только ночь, все деревья уже зеленые стоят. В один из таких «трех дней» (все вокруг зеленое, жара за 30, а на козырьке «скорой» - шапка снега) поступает нам вызов на Кару (поселок такой на побережье Ледовитого океана) – ребенок в тяжелом состоянии. Звонят мне домой. Я человек практичный и реально отдаю себе отчет, что наше трехдневное лето туда, скорее всего, еще не дошло. И одеваюсь соответственно.

В помощь мне дают фельдшера (женщина эта до сих пор у нас на «скорой» работает, ей уже под 50, а в ту пору это была совсем молодая и очень красивая девочка Таня, которой когда-то я даже посвятил свое дустишье: «Не зря поют советские танкисты: броня крепка и Таньки наши быстры»). Дама эта (прекрасный работник, грамотный специалист) и сейчас отличается крайне упрямым характером, а в 25 убедить ее в чем-то было вообще невозможно. Так вот, Таня наша в это время загорала на крыльчке «Скорой помощи». И был на ней коротенький халатик да тапочки-вьетнамки: подошва и два тоненьких ремешочка. Я ее пытаюсь убедить: «Таня, мы летим в Кару. Это побережье Ледовитого океана. Надо бы еще хоть что-то на себя надеть»... Но и на этот раз убедить ее мне не удается.

Летим. Прилетаем в Кару. Прилет вертолета для местных жителей – событие огромной важности: вертолетчиков встречает весь поселок – взрослые, дети, собаки... Все живое, в общем. Высаживают нас прямо в сугроб. Сверху идет мокрый снег. Вертолет крутит винтами, создавая страшный ветер. И вот наша Таня начинает ловить этот свой халатик где-то выше своей головы. Под халатиком этим - тонюсенькие гипюровые плапочки и больше ничего. У всех аборигенов реакция самая естественная: раскрытые рты. Вертолетчикам тоже весело и любопытно, и вместо того, чтобы выключить, наконец, этот винт, они ветра еще «поддают». Закончилось все, в общем, благополучно. Первую медицинскую помощь ребенку мы оказали и в Воркуту с собой увезли.

Через неделю уже к другому ребенку я полетел с другой девушкой, тоже, кстати, Таней, но уже другой. И опять весь поселок столпился у вертолета – в ожидании повторения спектакля, надо полагать. Но спектакля не получилось. Там уже тоже все зеленело и было за +20.

«Приезжайте, я себя убила»

Горе, а тем более смерть, как правило, нелицеприятны, часто – безобразны. Может быть, потому мне так запомнился единственный, наверное, в моей практике случай, когда это было неправдоподобно красиво. К счастью, закончилось все благополучно, хотя ситуация была действительно смертельная: женщина и в самом деле хотела себя убить...

Итак, снова в Воркуте лето, самый разгар белых полярных ночей. В пятом часу утра в «скорой» раздается звонок: «Приезжайте, я себя убила». Едем. Дверь не заперта. Заходим. В квартире поразительная чистота, все тщательно прибрано. На кровати лежит очень красивая молодая женщина лет 35, восточной наружности, безукоризненно ухоженная: с прической, с макияжем, с маникюром и педикюром. На ней розовый пеньюар и кружевные фиолетовые трусики, а в груди, в области верхушки сердца, торчит какая-то металлическая штука и пульсирует в такт сердцебиения. Как оказалось, это было ортопедическое шило, длиной 18 сантиметров и в диаметре сантиметра в два. Именно этой штуковиной она и пыталась себя убить, но в момент сокращения сердца шило просто его не достигло: пройдя жировую подвеску перикарда и диафрагму, внутренних органов не поранило. Случай действительно просто уникальный – нарочно спровоцировать такую ситуацию абсолютно невозможно, специально так не сделаешь... Итак, пульс, давление у женщины нормальные, кожные покровы розовые, крови на ее пеньюаре – капля всего, «убитая» в полном сознании, даже разговаривает с нами. Но... эта штуковина из сердца ее все-таки торчит...

А история там была такая. Много лет эта женщина находилась в гражданском браке с врачом нашей инфекционной больницы. И вот он уезжает в отпуск и внезапно там умирает – инфаркт. Она страшно страдает. Пишет предсмертную записку: «Любимый, я уйду к тебе» и с распоряжениями насчет наследства. Был у нас фельдшер – Володя Тальшев. Зачем же, если себя убили, нас («скорую» то есть) к себе вызывали? – все допытывался он у нее. А она в ответ: «Не хотела, чтобы мое тело испортилось». Красивой смерти, выходит, хотела. Впрочем, красивое ее тело хирурги все-таки порядком подпортили: чтобы извлечь из грудной клетки шило, пришлось вскрывать грудную клетку и брюшную полость...

«Ужасный понедельник»

Или такая вот еще история. Рано утром (был понедельник) поступает вызов из экспериментального завода лечебно-трудового профилактория по изготовлению каких-то деталей на улице Автозаводской. У человека в станок затянуло телогрейку, а вслед за ней потянуло и сорвало... лицо. Такое я тоже видел в первый и последний раз в своей жизни: все, что ниже глаз и выше подбородка – уши, нос, губы болтаются у мужика где-то сбоку, а на месте лица – голый окровавленный череп. Картина – из фильма ужасов. Всем, кто вокруг, от такой картины ну очень нехорошо. Сам пострадавший чувствует себя вполне нормально: он ведь себя не видит... Большого кровотечения тоже нет: так, редкие капли. У мужика, опять же, нормальный пульс, нормальное давление. Мы его, естественно, обезболиваем. А дальше что? Начни его лицо перевязывать, он тут же начнет задыхаться. Так в больницу и поехали... А теперь представьте себе, что творится в приемном покое горбольницы в понедельник утром. Народу – как на вокзале. И тут заходим мы со своим монстром... Мы, значит, идем, а люди по обе стороны коридора падают в обмороки. Лицо у мужика свисает и болтается. Его ему, кстати, прекрасно пришили и оно замечательно прижилось. Главное, человеку неделю всего и осталось быть в том ЛТП, а тут такая беда...

«Счастливый»

Считается, что пьяницы очень живучие. Как врач, подтверждаю: это действительно так, ведь алкоголь – это мощнейшее протившоковое средство.

Был в моей практике удивительный случай. Не будь герой этой истории пьяным, она бы с ним точно не случилась, но будь он при этом трезвым, наверняка бы погиб...

Итак, на «скорую» поступает вызов: человек попал под поезд. Приезжаем. Сидит этот человек на рельсах, ноги за 100 метров от него валяются, из кармана торчит бутылка «Гуцульской», а сам он во все горло распевает украинскую какую-то песню, веселый-веселый такой. А ноги ему под самую, считай, завязку отрезало: до верхней трети бедра. Мороз на улице 42 градуса. Кровотечения почти нет. Но все равно одежда «переезженного» кровью пропиталась и к рельсам основательно мужика «припаяла». Для того, чтобы его от них отделить, пришлось достать ломик, а где-то и ножом поработать... Причем никто этого еще и делать не хотел: страшно всем, боятся. Еле-еле наш Володя Иванов от этих рельс его все-таки «отковырял». Тоже очень веселый был фельдшер. Несем мы его в машину, а Володька наш ему и говорит: «А знаешь, ты ведь самый счастливый мужик на земле!». «Почему?», – удивляется бедолага. «Ну, как же, – растолковывает ему наш фельдшер-весельчак. – У тебя ж «хозяйство» длиннее ног!». Безногий в ответ: «Точно! Ха-ха...»

На следующий день, окончательно протрезвев и придя в себя, мужик был в шоке.

«Водка... для вашего мальчика»

Или вот еще – классический случай. Зима. Разгар простудных заболеваний. Все врачи до предела измотаны. Не знаю уже, какой это был по счету за дежурство вызов. Короче, под утро приезжаю к маленькому ребенку. У малыша высокая температура и мне нужно побыстрее ее сбить. Проще всего это сделать, просто обтереть больного спиртом. «Водка в доме есть?» – спрашиваю маму. Что-то при этом ей объяснять, рассказывать... На это у меня уже просто не было сил. Женщина оскорбленно поджимает губы: «Есть», – отвечает. «Ну, так несите!», – тороплю я ее. Она уходит и вскоре возвращается с подносом. На нем – хрустальная рюмочка с водкой и крошечный такой бутербродик. «Больше нет», – извиняется, объясняется дама.

И смотрит на меня так осуждающе. «Да не мне это, - удивляюсь в свою очередь я. - Вашему ребенку». «Ребенку?!»... Глаза у нее становятся просто огромными... И только тут я начинаю, наконец, понимать, как же в этот момент я выгляжу, если она мне, как последнему алкашу, рюмку эту притащила: уже и щетина всю пробила, и халат не первой свежести. А водки, чтоб растереть ее малыша, к счастью, хватило.

«Реаниматор»

А еще на «скорой помощи» всегда работает очень много разных чудачков. Одна из самых ярких личностей – Исаак Абрамович Лемберский, с которым связано бесчисленное просто количество всевозможных смешных историй. В то время ему было под 50 (сейчас - за 70) и всю жизнь он был просто одержим всяческими новациями. Он первым их всегда подхватывал, и покоя от него не было никому. Появилось, к примеру, поверье, что человеку нужно периодически сбрасывать с себя накопившееся электричество, и по ночам он стал приматывать себя проволокой к батарее. Среди ночи бригаду зовут на вызов, он вскакивает, забыв, естественно, что сам себя к батарее привязал, и летит носом вниз... Очередное поветрие: периодически нужно очищать организм. И он стаканами пьет растительное масло. И стоит оно у него в шкафу. Шкаф, естественно, не закрыт, рядом обитают такие же, как он сам, чудачки – тот же Володя Матьцкий – ленивый увалень. Он зависает на этом шкафу, эта бутылка падает, масло разливается и все, кто заходит в «дежурку», скользят и падают. Какая уж тут ночь...

Или вот еще какая, тоже связанная с Исааком, история...

Солнечная полярная ночь. На окне в «скорой» – сиренево-голубые шторы. В ожидании вызова на кровать прилег совершенно замечательный наш врач-фронтвик, участник венгерских событий, Леонид Григорьевич Усачев. Храпун он был ужасный. Причем храпел он как-то удивительно, неровно очень, вздох-хлеб. Ночью с вызова приезжает Лемберский. Солнце, просочившись через сиренево-голубые шторы окрасило лицо Усачева в синий цвет. И при этом он еще непонятно как-то хрипит. Вот нашему Исааку и приходит в голову, что коллега его агонирует. Он бросается Леониду Григорьевичу на грудь и приступает к его реанимации, с жуткими, естественно, криками. В комнату сбегается вся «скорая». Последним просыпается крайне удивленный Усачев...

Владимир ПОЛЕЖАЕВ

МОИ МЕДВЕДИ

(очерк)

Посвящается моему дорогому брату Николаю Михайловичу

Это произошло в 1979 году. Отдыхали мы с братом на нашей родине – Вологодчине. Отпуск мой подходил к концу, и на завтра я должен был ехать в Сыктывкар.

Основательно попарившись в русской бане, умело истопленной моей старшей сестрой Галиной, которая к тому же после баньки налила нам по щедрой чарке, я легко поддался на предложение брата съездить в последний раз на охоту на медведя. Этот вид охоты всегда был очень распространен в наших местах – чаще всего на овсах, реже на приваде. К сожалению, в последние годы, когда посевы овса практически сведены к минимуму, пришел конец и этой мужской забаве.

Оседлав старенький «Восход», в белых рубахах и телогрейках мы рванули в родную деревеньку, находившуюся километрах в пяти от поселка. По пути встретили мою жену с еще одной сестрой, которые возвращались с ведрами смородины. Остановились. Те спрашивают: «Ножи-то у вас есть?» Я шутливо показал им перочинный ножик.

Загнали мотоцикл под крышу давно заброшенного родительского дома, набили рюкзаки сеном и отправились на поля, где еще раньше нами были обнаружены выходы медведя.

Уселись каждый на свой лабаз на рюкзак с сеном и затаились... Прошел час. Стояла звонкая тишина, нарушаемая гудом комаров и мошки да возней птиц в ветвях деревьев.

Скосил глаза на часы и отметил про себя: «Уже девятый час. Еще минут пятнадцать – и полные сумерки!»

Вдруг справа, сзади, где находился брат, - выстрел! Второй! И... тишина.

Минут через пять, осторожно спустившись с дерева, я вышел на опушку, с которой хорошо просматривался сектор обстрела брата. Он стоял на полосе овса и махал мне рукой. Оказалось, что на него сзади, из леса вышел медведь. Брат, развернувшись, с левого плеча сделал два выстрела. Медведь перевернулся и исчез.

Подойдя ближе, мы увидели разрытый мох, следы крови и измятый молодняк ельника, по которому ушел зверь. Мы сгоряча рванули в эту кущу елок, где нельзя было не то что ружье повернуть, а даже руку не поднять. Убийственная ловушка для охотников!

Вернулись обратно на поле, нашли входной след медведя и пошли искать. Позже обсуждая этот рискованный и изначально безумный шаг в темное уже время, решили, что поступили мы все-таки правильно. Нельзя раненого зверя оставлять в лесу, куда утром придет масса ягодников.

Отойдя по дороге метров сто от входного следа медведя, мы углубились в лес в направлении хода раненого зверя. Видимо, сыграло шестое чувство, и мы с братом, предвидя близкую опасность, отошли друг от друга метров на тридцать.

Если бы меня спросили, что я чувствовал в это время, сказал бы честно – ничего. Я был просто глух и слеп, когда из сухой травы практически бесшумно передо мной возникла туша медведя. Мне она показалась огромной! Дурацкая памятка, где-то и когда-то прочитанная, что нельзя взводить оба курка сразу, иначе они могут сдетонировать одновременно, сыграла со мной жуткую шутку. Выстрелив из левого ствола, я успел лишь выставить ружье навстречу зверю.

Дальше – провал в памяти. Хруст кожи. Дикая боль в голове, с которой медведь снимал скальп, и руках.

Запомнился эпизод, когда медведь, основательно двинув меня лапой и развернув к себе, словно для поцелуя, дыхнул на меня своим «амбрэ». В этот момент я выскользнул из телогрейки.

Все остальное – как во сне. Я вижу себя под елкой, надо мной окровавленная пасть зверя, а брат сует между нами ствол ружья и не понимает, куда стрелять. Каким-то невероятным усилием я оттолкнулся от навалившейся на меня туши, и в этот момент брат выстрелил в медведя.

Я с трудом поднялся на ноги. Кровь текла с головы и с кисти левой руки. А правую руку я поднять уже не смог.

Дошли до дома. Там брат густо залил рану на голове тетрациклиновой мазью, чудом оставшейся в давно разграбленном доме, перевязал руки кусками разорванной простыни и на мотоцикле умчался в поселок за автобусом.

Я лежал на полу, на какой-то подстилке. В окно светила яркая луна. Временами я впадал в забытье от обильной кровопотери и, очнувшись и видя лунный свет, думал, что уже подошел автобус.

Наконец, он пришел. Меня обложили подушками и привезли в поселок. Там сняли окровавленное белье, переодели и повезли дальше – в районную больницу, за двадцать километров. Был выходной день. В больнице дежурил детский хирург, который очень тщательно меня заштопал.

Наутро пришел участковый инспектор с допросом – как это случилось и кто виноват.

Через пять дней я выписался из больницы и уехал в Сыктывкар.

А спустя пару-тройку лет мы с братом снова оказались на родине почти в такое же время и пошли на то же поле. Я влез на елку, где на высоте метров четырех был сделан лабаз. Брат расположился напротив меня, метрах в шестистах.

Та же тишина, стрекот дроздов и звуки повизгивающих кабанов. Вдруг внизу справа, резко раздвинув заросли малины, совершенно бесшумно высунулась черная узкая морда. Через мгновение медведь уже стоял на задних лапах. Он поднял морду вверх, не достав до подошвы моих сапог каких-то полметра. Затем упал на все четыре лапы и исчез.

Ружье, одностволка, лежало на коленях, развернутое влево. «Все, - подумал я, - пропал, ушел медведь!»

Через мгновение, видимо, удостоверившись в безопасности, медведь с шумом ворвался в посевы и жадно стал хватать метелки овса, заталкивая их себе в пасть.

Мушка под правой лопаткой медведя. Щелчок бойка. Выстрел. Мгновенное исчезновение зверя...

Через поле ко мне бежал брат. Я его остановил метрах в двухстах от себя. С шумом сбросил вниз рюкзак с сеном, пошумел ногами по сучкам, спустился вниз. Тут подошел брат.

С ружьями наизготовку вошли в лес. Медведь лежал в десяти метрах от края поля. Это был мой последний убитый медведь в жизни...

Александр ПАРНАЧЕВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Глава 15

Зона. Сударь. Исповедь

Солнце припекало. Что поделаешь – июль. На открытом месте оводы с мошкаррой еще не так свирепствовали, а вот за рекой, ближе к лесу... Там они, наверно, совсем озверели. Василь Василич обмахнул платком лысину и глянул в сторону леса. Точно, все стадо коров, голов тридцать, залезло в речку по самые головы.

- Хоть бы ветерочек, - мысленно пожелал он и тут же пришел к выводу, - быть грозе... В кабинете по сравнению с улицей была полная благодать.

Вскоре появилась секретарша Валентина и принесла пухлую папку с почтой. Встретившись глазами с Василь Василичем, она спросила:

- В графике отпусков изменений не будет?

- Какие могут быть изменения, Валюша? У тебя, поди, и билеты уже взяты в Крым? А?

- Конечно! А Вы? Опять дома?

- Ну, нет! Меня дома не удержишь! Я в парму на весь август, до конца отпуска... И босиком по ро-се... А?! Из бани да в озеро... А?! С ружьишкой по лесу... А?! Сюда, - махнул он рукой влево, - за боровиками. Сюда, - махнул в другую сторону, - за груздями! Там, - показал прямо, - клюква! Там черника и брусника! - он размахался руками, и на его лице появилось такое счастливое выражение, какого Валентина давно у него уже не видела.

- Давай, Валюша, завизирую я эту папку. А следующую уже неси заместителю - будем соблюдать график!

Среди принесенных секретаршей бумаг Василь Василича заинтересовала одна из Москвы, из главка ИТУ - о склонении Сударя к явке с повинной. В ней говорилось, что срок содержания его в колонии истекает, а крупные суммы, нажитые им преступным путем, до сих пор не выявлены.

Валентина тем временем задержалась у окна и полила многочисленные цветы, которые так любил ее начальник. Закончив, она спросила:

- Как чай, Василь Василич? Как обычно, с мятой?

- Нет, Валюша, сегодня с меня причитается. Чуть позже сделаем с коньяком!

- Если честно, то... торт я уже купила. Кого будем приглашать?

- А кто на месте... Я вот в зону схожу, с людьми потолкую и... часам к четырем обещаю вернуться к чаю!

- Не опаздывайте!

«За пятнадцать лет не смогли склонить к явке с повинной, а теперь спохватились», - почесал он затылок и крепко задумался. Попытался поставить себя на место Сударя: «И как это я, Хозяин, могу уговорить Сударя отдать все ранее нажитое у «лохов»? Он не воровал, не грабил. А выигрывал в карты, в бильярд... Скупал и продавал бриллианты, золото, антиквариат... Нигде в мире это не наказуемо! Только у нас, в соцлагере».

Поразмыслив, он пришел к выводу, что это поручение ему придется исполнить самому, а то случайно наломают дров... И широко, размашисто поставил визу в углу документа: «Мне. Срок - до освобождения Сударя». Указал сегодняшнюю дату и кинул бумагу в свой сейф.

Быстро справившись с остальными документами, Василь Василич вынес папку в приемную, положил ее на стол Валентине и сказал:

- Я в зону.

- Не опаздывайте! - приказом прозвучало в ответ.

Подобный обход зоны Хозяин делал ежедневно. То в одиночку, то с кем-нибудь из заместителей. А порой набирал свиту и снимал стружку на наглядных примерах. Но сегодня он имел лишь одну конкретную цель - поговорить с Сударем.

Тот оказался на месте. По пояс голый, он возлежал в своей каморке со свежим номером журнала «Наука и религия» в руке. При появлении Хозяина он, как положено, встал и доложил.

- Оденьтесь, - распорядился Василь Василич, - Вы на работе...

- Извините! Духота... Нагрелось все, и ни ветерка, - но куртку Сударь все же накинул.

- Чего пусто в читальном зале?

- Отдыхающая смена ловит кайф на крышах. Обратите внимание - многие с книжечками! Кто же будет в духоте-то сидеть? А я вот соблюдаю трудовой распорядок - нахожусь на рабочем месте.

- Слушай, Сударь, - Василь Василич сразу перешел к делу, - у тебя в зале на самом видном месте висит лозунг «На свободу с чистой совестью!» И сам ты через месяц «откидываешься». Так как же быть с совестью?

- Знаете, - медленно ответил Сударь, - я недавно прочел книгу Феликса Чуева «Воспоминания о Сталине». Так, однажды Сталин пригласил к себе известного хирурга и спросил, видел ли он во время операций человеческую душу. Тот ответил отрицательно и, в свою очередь задал вопрос, есть ли у человека совесть. Подумав, Сталин ответил утвердительно. Тогда хирург сказал, что и совести человеческой он ни разу не обнаружил во время операций... Это, конечно, притча. Но я пятнадцать лет копался в себе и склонности к этой самой, к чистой совести не обнаружил!

- Может, не там копался?

- По моему «бриллиантовому делу» арестовали более дюжины человек. Четверых расстреляли. Я был не очень разговорчив, многое забыл - и мне повезло. Я остался жить! Хотя и под Вашей опекой... И отсидел от звонка до звонка! И все время чувствовал себя под «рентгеном». Даже во сне научился контролировать мысли...

- Ты опять все обобщаешь... Сейчас другое время. Внутри-то ты, наверно, осознал...

- Василь Василич, оглянитесь! Рыба стухла с головы! И началось это с Брежнева...

- Ты как будто поворотные рубежи истории определяешь?

- Пусть так! Но ведь именно тогда появился термин «теневая экономика».

- Ты не прав. Да, были отдельные отклонения в жизни нашего общества. Но партия и органы с этим успешно боролись...

- Уж Вам-то ли, Василь Василич, не знать, что уже тогда «теневая экономика» была целым пластом нашей жизни, но это тщательно скрывалось от рядовых граждан?

- Чего ты несешь? Какой пласт? Какая экономика?

- Такая! С Колымы крали золото, переплавляли его в ювелирные изделия в Кишиневе, а те поступали в торговую сеть – раз! В Свердловске было предприятие вторичного сырья. Оттуда регулярно тырили золотую и серебряную стружку, и она опять всплывала в ювелирторге – два! В Ленинграде существовала целая подпольная сеть складов, где хранились неучтенные алкоголь и продукты. Из-под полы можно было достать все! Это – три. А Трегубов в Мосторге? Четыре. А «узбекское дело» с многомиллиардными приписками? Пять. А что происходит с нашим руководством? На Политбюро словно мор напал! Команда старцев ушла...

- Да Андропов все эти дела и расшевелил! Потому и получили они широкую огласку.

- Да. Но халаты как шили, так и продолжали шить! Кольца и золотые перстни где-то продолжали делать. Бриллианты воровали... А «черные деньги» стали крутиться в политике. Круг замкнулся.

- Какую хронику событий ты тут развернул... Сам-то в нее веришь?

- Были в этой хронике герои и помимо Андропова. Гдлян и Иванов. Но и им мало что удалось... Сама наша система воспроизводила эту «теневую экономику»... Вот поэтому я у себя совести-то и не нашел. Наверное, поэтому и жив до сих пор.

Помолчали. Сударь вдруг взглянул на Хозяина дружелюбно и даже ласково:

- Что это мы с Вами все об экономике да о политике?.. Давайте поговорим о прекрасном!

- О прекрасном? – Василь Василич понял, что проиграл разговор о совести, и согласился переменить тему. – Давай о прекрасном...

- У Вас солитеры есть? – серьезно спросил Сударь.

- Чего?

- Ну, глисты у Вас есть? Чего Вы стесняетесь?

- Глистов нет, я их окунями неочищенными вывожу раз в год.

- Ну, и прекрасно! Вот и поговорили о прекрасном!!!

- О прекрасном?!

- Да о прекрасном же! О чем же еще!

- Ха-ха-ха! – рассмеялись оба.

Насмеявшись вдоволь, Василь Василич продолжил:

- Слушай, Сударь, сюда. Я тебе о совести, а ты мне о глистах... Если у тебя этой совести на самом деле нет, то хрен с тобой! Но пятнадцать лет мы все-таки дружили. Неужели ты хочешь «откинуться» втемную? Не уважишь Хозяина и не сделаешь ему на прощание приятное?

Сударь мгновение подумал, а потом, махнув рукой, пригласил:

- Пошли, Василь Василич. Угощу, чем Бог послал. Из запасов райсобеса...

Они прогиснулились в каптерку библиотекаря. Сударь мигом сбегал и закрыл входную дверь на крючок. Вернувшись, достал из тайника бутылку коньяка, сервелат, сыр «Рокфор», поставил два стакана с водой и кинул в один из них кипятыльник, сделанный из двух бритвенных лезвий.

- Понимаешь, Сударь, я с завтрашнего дня ухожу в отпуск и вернусь лишь в сентябре. За это время ты «откинешься», и мы больше не увидимся... Хотелось бы расстаться по-хорошему...

Сударь разлил коньяк в медицинские мензурки.

- За отпуск, - он медленно процедил напиток сквозь зубы и закусил сыром.

- За твое освобождение! – коньяк булькнул в открытую пасть Хозяина. Брезгливо отодвинув мензурку, Василь Василич заявил: - Это только из солидарности. А так, знай, я пью горилку стаканами и закусываю салом.

- Извиняйте! Я же предупредил – что Бог послал...

- Слушай, Сударь, да ты - не карась! Ты – налим или угорь, скользкий и верткий. Я ведь не на тридцать грамм коньяка напрашиваюсь, а на уважение, как к Хозяину! В последний раз прошу – помоги!

- Ладно, Василь Василич, не могу же я сразу с коня ходить... Надо и эндшпиль завершить... Есть у Вас во втором отряде Штырь. Так вот, ноги хочет сделать... Лучше стреножить его, чтобы не было беды. А как и где, не знаю, но готовится...

- Лады, стреножим, хоть и не в масть... А еще чего? Может, про сотовый слышал?

- Слышал... Пока в промзоне.

- Как «дурь» поступает?

- Как обычно. Через Кузнечика.

- А что-нибудь новенькое?

- Новенькое? – переспросил Сударь, прикрыв глаза. – Новенькое, новенькое... Есть! Шукшин поступил. В воспоминаниях историка кино Валерия Фомина...

- Ну, налим, ты и есть налим... Лады!

Митрофан КУРОЧКИН

ГОРЕ ГОРЬКОЕ...
(маленькая повесть)

1.

Город Гвардейск. Географичка городской гимназии “Тмыза” (Г.Г.Гмызова) гордилась Генкой Гореловой. Галина Гавриловна говаривала:

- Голова! Готовый географ. Горазд, горазд... Гордость города! Генкины героини - Грибоедов, Гоголь, Гамзатов, Гафт, Гоген, Гарибальди, Геродот, Ганнибал... (громчайшая галерея героев гимназиста Генки Горелова). Гореловские гербарии – грандиозны!

Геометрию, грамматику Горелов готовил, громко говоря. Грыз галеты, груши.

- Генка Ганны Гореловой, - говорили горожане, - Геркулес! Гостеприимен, галантен.

Гранты Горелова - гармонь, гвоздики, готовальня, глобус, гири, гантели, грампластинки, гладиолусы...

- Гордись! - гладила Генкину голову географичка. - Гордись!

«Грай, Геночка, грай», - говорила глуховатая Глаша Гордеева (“Горемыка”). Глаша - гостя Гореловых. “Горе горькое...”, - громко голосила Генкина гармошка. - “Гори, гори...”

- Гопака, гопака, - гомонили гости. - Готов?

Грянул «Гопак»...

2.

Гимназист Гена Горелов гонял голубей. Голубятник! Горячий горожанин говаривал гвардейским гаврикам: “Глобусу”, “Гвадалупе”, “Гвоздику” (Гаврилову, Гвиадзе, Гвоздикову):

- Голубятня - голубиный городок!

- Га-га-га, - гоготали гаврики. – Гнутые гвозди гвоздодером, «Гандон», гребни...

- Говорю городок, головастики, голопопые “гавроши”, - гневался Генка.

...Градначальник Гвардейска Габрюсов Г.Г., горячась, громыхал: «Голуби - гадость! Гадят... Гоняйте гадов, голубятни громите, гнезда грачей...»

Горожане голубей гоняли, громили голубятни, гнезда грачиные. Генка горевал:

- Головоотяпы... Геростраты... Громили... Гвардейск губят гангстеры, гашиш, губят “градусы”. Город-гадюшник...

Городская газета “Голос Гвардейска” географом, голубятником Генкой Гореловым гордилась: Геннадий гнал “Голосу...” головоломки, “Говорушки”, “Глаголят габровцы”, “Герои Гвардейска”...

Гарик Гороспан - “Горилла” (говорят, грабил горожан) грубил Горелову:

- Гонорарчики гребешь! Гони, гаденыш, галеты, груши, гранаты, грелку «горилки»... Годится?

Горечь, горесть горячили Генкину грудь. Горелов гоношился:

- Годится, говоришь? Годится ГОВД, гарантирую. Говейте, гиены-грязнули!

- Гавкнешь - грохнем: гадайте героини-газетчики! Горелова грохнул Гиви, Гедеон?..

Глазевшие “гвардейцы” (горожане Горский, Габышев, Говорунов) гоготали.

- Гориллы, громили, - гаркнул Генка! - Горстка гнид. Грязные гадины, - гневался Горелов. - Гнойники, гниль, грязь. Героини гибнут, глупые гады – глумятся... Гадюки! (Генкин ген – геройствование!).

- Гребанулса Генчик, - говорил Гарик. – «Гандон Гандоныч» гребанулса... Голиаф!

3.

“Голос Гвардейска” готовил газетчиков. “Глазастый Геннадий Горелов, - говаривал Гавриил Геннадьевич Глянцев (“Глянцеватель”), - готовый годный газетчик. Гордимся Гореловым!”

Геннадий Гаврилович Горелов - гвардеец!.. Грыз «Глаголицу».

- Газета говорит голосами голодранцев: горечь, гадости, голое головоотяпство, - громыхал Горелову главный газетчик города. - Гробовщики... Губительно! Грамота газете “горит!”

Голос главного газетчика грубый, глуховатый. Глянцев – губаст, грузен.

- Готовишь “Говорушки-говорушечки”, “Голоса”, “Глаголят габровцы”, головоломки, Гиннесовское головокружительное?..

- Готовлю.

- Гут, - говорил Глянцев. - Гребни гранки, грамотей Горелов. - Готовь “Героини города”, гороскопы, горяченькое, глуповатое. Громи “Горводоканал”, гостиницу “Ганс Гималайский”, гонористого газосварщика Галушкина... Гут?..

- Говори, - гудели газетчики Геннадий Горельский, Галина Габышева, галантный Глеб Гладков. -

Громил «Глянцеватель»?

- Громил... Газета - голос голодранцев, головоотяпство, горести горожан... Грамота газете “горит”...

Грустно!

Газетчики, гримасничая, гневались:

- Горбатись, горбатись... Гонорары говённые... Гав-гав-гав, - гневаясь, гавкает главный. Гроза: гром гремит! Грустно! Газетчики “Голоса Гвардейска” - глупцы, голодные горемыки, голь... Готовь, Галина, горячие грени голодным гвардейцам. Горилки газетчикам, горилки! Гена, голубчик, гармонь! Гони гимн гвардейских гвардейцев!

“Горе горькое...”, - грянула голосистая гармошка Генки Горелова. «Голос Гвардейска» гудел... Гремело: “Гондурас, Гондурас, где?..”

Главный газетчик грустно глазел:

- Смотрите-ка, горюют громкоговорители. Говорущечкин Геннадий Горелов – гордость газеты. Громоотвод. Грамотный! Годится... «Голос Гвардейска» горяч, готов геройствовать. Гм, горькую газетчики глотать горазды...

Грусть гасла. Глянцев глядел горделиво. «Гондурас, Гондурас, где?..- гнусавил Гавриил Геннадьевич. Губы главного горели: «Господи, глупо!..»

4.

- Глотнете грамульку гвардейской, Гавриил Геннадьевич?

- Гм, - гмыкнул Г.Г.Глянец.

Глотнув горячительного, Гавриил Геннадьевич громко гундосил-гутарил:

- Голоснешь «Газель», говоришь газельнику: гони гнедых, голуба! Годится? «Годится!» Газанув, гонит: галька гремит, гнутые гвозди, гайки... Главное, горемыки, глядеть. Головотяпство – греховно.

Говорун (глазастый городской грибник) глаголил газетчиком: «Глядеть, где горка горела (гумус), где головешки, голенькие гнилушки, где грибница, гнезда, глухари, где голубика голубеет, гогочут гуси, гадкий гнус гудит... Глазом горпунишь головки грибов. Глядишь – грузди горой! Горячеет грудь, голова. Господи, грузишь-грузишь голубчиков-груздей, гребешь горстями голубику... Голодный! Горбатишься гномом! Гордости-то, гордости... Губастому, глуховатому гончару Гнездышеву – голубики, грибов, горбатый гончар Гарик Гаврилович – горшков, грабли... Где-то главная готовка – говядина, галушки, голубцы, грибнику главное – грузочки, графинчик «горилки», горбуша, горчица, гомон гостей! Гневаться грех. Грузди, господа, Государю готовили. Грандиозно! Гамбургеры – гадость!»

Голенастая грациозная Галина Габышева гримасничала:

- Глупая говорильня!.. Грибы – гастрит – грыжа – госпиталь...

Горластые газетчики–«гусары» Геннадий Горелов, Глеб Гладков грозными голосами гаркнули:

- Голословно гадости глаголишь, Галина! Главный – гвоздь гвоздям! Гадюшничаете...

...Грядущий год готовил главному газетчику Гвардейска Гавриилу Глянцеву головомошкой: горяч глава города Г.Г.Габрюсов... Громовержец! Государственник!

5.

- Галиматью, грубо говоря, гонит газета, - громыхал глава города Габрюсов. – Грамотеи!.. Где ГАИ, где горвоенкомат, где горбольница, где ГОВД, где гормолзавод, где горпрофтехучилище, ГРЭС, где горсовет, где газификация, где гниющая гречиха, где госслужба, где госдумовцы, где гражданственная громкость, где?..

Глянец, глядевший грустно, глумливым голосом:

- Где гроб Господен?! Глупости говорите, Григорий Гаврилович. Голословные глупости!

- Гм, - гмыкнул градоначальник, громивший газету «Голос Гвардейска».

Глумливость главного газетчика города гасила гнев горячего градоначальника. Глуховатым голосом

Григорий Габрюсов, гмыкнув, гаркнул:

- Горпрокурор города Гичев говорил: «Горожане готовы газетчиков-гордецов «гладить» граблями... Говорят, газетчики горячительное глотают графинами...

Гроздя гнева градоначальника, гвоздившие Глянцева, гасли. Гмыкнув, Габрюсов глаголил: «Газете – гибкость, Гавриил Геннадьевич! Гоняй гавриков-газетчиков. Глобальность газеты – г...но! Глыбы галиматьи газете грести – глупость! Голословно говорю? Грешу, господин главный газетчик города Гвардейска?

Глянец гмыкнул:

- «Горит» грамота газете, Григорий Гаврилович?

- Грамота «горит»? – гоготнул градоначальник. – Грамота (Государственная!) «Голосу Гвардейска» гарантирована губернатором Гвоздаревым... Геннадий Горелов – гарный газетчик. Гордись!..

...«Глянцеватель» гнусавил: «Гренада, Гренада...», «Гардемарины», «Геолог»... Гаврил Геннадьевич гмыкнул: «Градоначальник Габрюсов говорил грамотнее грузного гаранта (главы государства)». Глядел горделиво: «Голос Гвардейска» готов геройствовать.

6.

Генка Горелов, гамая горячую глазунью, говорил Глаше:

Глазунья горчит. Губы горят. Горелая! Гигиена...

Глотай, глотай глазунью, гигиенист! Горяченькая! Грызи горбушку, - горячилась «гувернантка» Глафира Гурьевна.

Гигиенист Горский говаривал: «Гигиена – главное!»

Голодный газетчик главному говэдэшнику города горше грязного гигиениста. Глупости говорю, Геночка?..

...Горелов, громыхая гамашами, гарцевал городом (Глянец «гонял» Геннадия: ГОВД, горвоенкомат, Горстрой, ГАИ...). Глядел грифом. Гоголь-гоголем!

Глава ГОВД Герман Глазьев – горбоносый, гибкий, голос – грубоватый. Глазьев говорил газетчику Горелову:

- «Горилла» (Гарик Гараспян) героинил, грабил горожан. Главварь гангстеров! Гадкий «герыч» (героин) губит горожан. «Горилле» горит годков... Горсуд готовит гаденышам... ГПК – грозен, господин Григорий Гаймаков, гособвинитель гангстера Гараспяна – гораздо грознее...

Голубели гардины, «горела» герань, гремели голоса Градского, Гребенщикова, Галича, Газманова («Голицын...»). Генка, грызя галеты, готовил «Главаря» (головорезы Гвардейска). Гореловский «Главварь» глушанул горожан. Город гудел...

- Газетчик Горелов – герой! – гомонили горожане Гвардейска. – Громит гадов: грабителей, громил...

Глазьев громыхнул: «Грамотно!». Галина Габышева, глядя Генкину голову, говорила: «Гений!..» (Галина – грандиозная гулёна! Гортензия! Гименей горюет...).

Горожане гомонили: «Габышева – главная гетера (говорили голословно!). Горбоносый грек Гедеон Гурьянов, Галинин гинеколог, горстями гребет гроши...» Габышевский «Гиппократ» готовил газете «Голос Гвардейска» греческие головоломки, гороскопы...

Гавриил Геннадьевич Глянцев гвозданул Горелова громадным гонораром, говоря: «Гениально!»

Главбух газеты Герта Генриховна Гробанюк гартала* годовой гроссбух. Горелов, глянув графу «Гонорары», грустно гмыкнул: «Грошевые гонорарчики газетчиков – говённые гешефты! Гривенники»...

- Герта Генриховна, гонорар...

- Гребни, гребни гонорарище, Геннадий Гаврилович. Главный говорил: «Горелов – головастый газетчик!» Гордится...

Геннадий Горелов, грабастая гонорар, глядел гордым гусем, гоношился:

Гуляем, гвардейские гвардейцы. Гурьбой!

Гулять, гулять, - гомонили газетчики. – Готовы!

Гут...

«Гарсон! Гамать, глотнуть газировочки... Грузди, груши, горячую говядину, горчицу. Гарнир – греча, горошек. Горилки «Горбачев» – графинище! – гаркал Горелов. - Гуляем!»

Газетчики гуляли: гул, гвалт, гомон, гогот, галдёж. Гульбище! Геннадий глядел горделиво, грозился громить городских гадов, говорил: «Готовлю «Греховодницы». Глаза Горелова горели. «Греку – греково, газетчику Глебу – грамульку горбачёвки, груздочков, горчицы, - гоготнул Гладков. – Гонки ГОВД – глубокое горе гоппикам. Гигантские глыбы горя... Гетакомы города!»

...Грустили гитары. Гостям глянулся гавот горожан – Германа Говора, Глафиры Горбуновой. Гости города глушили графины горячительного. Гарсоны гарцевали гордыми гусаками...

Гулявшим газетчикам губастик Геннадий Горелов говорил: «Готовятся «Гречанка», «Горнист», «Гордеич» (главврач горбольницы), «Генерал» («Герои Гвардейска»), «Граффити – горожанам!», «ГОЭЛРО – городу», «Геологоразведка громко грохнулась», «ГКО – гроздя гнева граждан государства», «Газпром».

- Голливудские грёзы, - глумился Глеб Гладков. – Гамлет!

Горелов гневался, Глеб – гоготал.

- Глеб Горельский глотнет грамульку «Гудзона». Гемеопатия годится, - гоготнул Генка. – газетные гвозди готов гнуть «Голосу Гвардейска»? Готов геройствовать, гвардеец? «Глянцеватель» громадным гонорарищем гвозданет. Гульнем... Гуттулакса глотнем, грифы газетные...

- Генерируешь глупости, гениальный голубчик Горелов. Грустно. Геночка...

- Грубишь, Глеб, грубишь! Готовь, грофолог, гетерограммы. Годное говорю?

...Готова газете «Грабителей», Генка гадал: «Гигант-гуманист» Гайдар грабанул граждан государства. Господа-губители (Гайдар, Глузман, Греф...) – главари грандиознейшего грабежа горожан, государства? Гусманы, гельманы... - грохочут глупостями. Горняки голодают... Геноцид?... Глумление? Гетто?

7.

Геннадия Горелова гнели (гнули) горести горячих горожан, говорливых гостей «Голоса Гвардейска» - горнорабочих, грустных горничных, гимнасток, геологов, гривастых гонщиков, гордых горянок, героических гранатометчиков, гибких гандболистов, грейдеристов, грязных грузчиков, гулаговцев, геодезистов, гастрарбайтеров, герентологов, генетиков...

- Готовые газетные «гвозди», - говаривал гипертонику Глянцеву Генка. – Готовить?

- Готовь... «Глубинка глазами городского газетчика». Гитарист ГДК Григорий Голованов гитарой гипнотизирует горожан. Готовь, Геннадий, гвоздь – «Гитарист»...

...Головастый горняк Герасим Гудыма, горестно глядя, говорил Горелову:

- Гитлер грезил грабить государства. Гитлеровцы гестаповцы грабили... Грубо! Горбоносые «господа-господчики» грабят граждан государства (газ гонят, «гроши» горстями гребут, «горилкой», гашишем-героином губят...) гораздо грамотнее гитлеровцев. Голгофа! Голодаем, глouxнем, гибнем группами. Генофонд государства губится!

- Гентос, глицин глотайте, господа горняки. – Генофонд государства – главное! – глумил Горелов.

- Горе горькое гниды-губители горемыкам–гражданам гарантируют. Гаишники – грабят, Госдума – глумит, Госсанэпиднадзор – глух, гарант (глава государства) – глух... Границы государства – голые (гео-

политика гадов-губителей). Гадаем: «Где гавань гордости государства?» Гороскопы говорят: горемыкам-гражданам гарантированы горбылевые гробы. Грядут горестные годы, газетчик? Горько... Громко грохнемся?

Генка гмыкнул.

Горняк Гудыма Герасим гвоздил:

- Годы «Г» (грабителей, глупцов, головотяпов, графоманов, гнусарей...) – говённые. Годами гу-бошлеп Горбачев г...но грел, гусь гороховый. Глотаем горяченькое, гоблины гофрированные. Глоба, говорят, гогочет... Гениально! Геть, гайдуки-губошлепы, господа-грабители! Гоните голодранцам государства гроши... Говорим, гоните! Горизонт – грозовой... Грозовой! Гонг гремел, гунны-грабители, - горячился Гудыма. – Голодранцы государства готовят гамбит. Гараморт грозой грозит, глядите!!! Губителям гегемона, граждан государства готова геенна... Где Генпрокуратура, где? Гиббоны глухие...

- Гастрономовская «Горбачевка» гасит горести, грусть, гроздь гнева, - гмыкнул Геннадий Горелов. – Гони гнедых, гладиатор Гудыма! Говорю: годы «Г» - г...но! Газетчик Горелов годное глаголет. Главное – грусть, горести гнать грамотно. Граждане государства гордятся горняками. Гордятся!

Гудыма громко-громко гоготал: гы – гы – гы...

- Гостя Глаша готовит голубцы, галушки, - говорил Генка Горелов. – Громадные горшки! «Горемыка» - готовальщица гарная...

Глотнув граммов... «горбачевки», горняк Гудыма гладил голову голубоглазого губастого Геннадия, говоря:

- Глубокоуважаемый Гомер, головастый газетчик Горелов. Глупому горняку горечь гасишь. Гордость горнорабочим горстями грузишь! Главный газетчик города Гавриил Геннадьевич Глянцев головастый (гениальных!) газетчиков группирует. Гвардейских гвардейцев! Горнорабочие «Голосу Гвардейска» грошамми (гривнами**) громадный грант готовят. Гарантирую грант горняков газетчику Геннадию Горелову (города Гагры, Гурзуф – гостить!). Готовься!

- Гаити, Гана, Гавана, Гавайи греют гораздо горячее! – гоготнул Генка. – Газетный гусар-географ Горелов грезит Гонконгом, Германией, Гаагой, Генуей. Голую греческую Галатею горю гладить...

Гудыма гоготал: гы-гы-гы.

- Громовержцу Герасиму Григорьевичу готов гостинец: «Грани горизонта» горняка Гринера, - громко гаркнул гостеприимный Генка. – Грант городской газеты «Голос Гвардейска» горнорабочему Гудыме. Годится? «Грани горизонта» говорят: горнорабочие – герои! Гордость государства. Глянешь «гвоздь» гонористого Гринера?!

Головастый горняк горячо говорил:

- Грант Гудыме?! Гарно, гарно... Горжусь, Геннадий Гаврилович!

...Генкина гармошка грянула «Гондурас, Гондурас, где...» Герасим, глядя глобус, говорил: «Гоп-гоп, гномам – гром... Гоп-гоп...» (Гудыма гордился густой гривой).

Глотнув граммульку горячительного («Горбачёвки»), глуховатая «Горемыка» гундосила, «готовенькие» Горелов, Гудыма – громко горланили «Гори, гори...», «Горе горькое», «Галактика», «Геолог», «Гренада»... Глаша, глядя горделиво, гутарила:

Гости Геночки – Глашины гости! Гомоните, гостнойте, горланьте.

- «Горемыка» говорила, грызя грильяз...

8.

«Городок» громоздил глупости: говорил гадости, гавкал, гримасничал. «Городошные гномы, город Глупово, - гмыкнул Глянцев. Глотнув галстены, гипотезита, глянул грязнющие гранки «Горный гипноз» Гладкова.– Говно, годное грызунам, гонит Глеб. Гладкова губит гордыня. Гусь гаражный... Громко гремит горохом. Господи, грешу!..»

Газетчики «Голоса Гвардейска» готовили ГПТУ (гэпэтэушникам) гостинец: Грина, Гете, Германа, Гроссмана, Генри, Горького, Гоголя, Гамсуна, Гарднера, Гаршина, Гейне, Гельмана, Герцена, Гладкова, Гольдони, Гончарова, Горина, Гофмана, Грибоедова, Грига, Гуляма, Гумилева, Гусмана... Груз (гостинец) грузили Глеб Гладков, Горелов, Горельский. Гардеробщица Глафира Ганичева громко гомонила: «Геночка Горелов – гарненский голубок, Габышева - горихвостка». Галина Габышева глазела: «Господи, гора гостинцев!..»

Главный гэпэтэушник города Гордеев горячо говорил: «Гаврики-горлопаны громко гигикнут. Газетчикам – глубокий...». Глянцев глубокомысленно: «Головастикам – грызть гранит... Годится?»

...График газеты «Голос Гвардейска» горел. «Глянцеватель» гонял газетчиков, грозился гвоздануть грошёвыми гонорарами. Гремел: «Генерация графоманов. Газету губите, гуманоиды!» Гвардейцы горевали. «Грёбанный график, гадкая гарнитура. Глянцев – «Гобсек», говорящая голова, гадюка-гюрза!» - галдели газетчики, грызлись...

Геннадий Горелов горланил:

- Готово! («Гуцулка Галя», «Городошники», «Греховодницы»). Гавриил Геннадьевич, гляньте глазом... Годятся?

«Глянцеватель», глянув, громыхнул:

- Годятся... Готовь «Гимн, герб Гвардейска». (Герб города – гвардейский горн, гимн – «Гвардейцы» Гения Горчаковского). Готовь «Генеалогию»... (Генка гордился генеалогией Гореловых).

9.

Генка грипповал. Градусник говорил горячими («густыми») градусами. «Горемыка» (горе-горюшко гнуло Глашу: глохла!) гутарила:

- Геночка, голубчик, глотни горяченького. Глотни! Гнушаться – грех... Глуши грипп!

Горелов, глотнув Глашиного «горячительного», глухим голосом говорил:

- Гадость!.. Где гребень?

- Гребень? Где-то, где-то... Гляну! – глухо гукала «Горемыка».

...Главврач горбольницы «Гордеич» (Григорович Гордей Георигиевич) – гордость Гвардейска!

Глянув голубыми глазищами, гмыкнул:

- Гемоглобин, голуба, говнистеный... Гланды гноятся, господин газетчик. Герпес! Грипп! Глотай глюкозу. Грейся горчичниками, грелкой. Гепарин греет... Глотай горькие «горошины». Горстями! Грипп, гадкий гайморит, глаукома – губительны...

- Геморрой, гипертония, гепатит, гемофилия грознее, - гоготнул Горелов.

- Геморрой грозен газетчикам, гениальный глашатай! – грубовато громыхнул «Гордеич».

Генка «глушил» грипп: глотал горстями горькие «горошины», Глашино горячительное (горло, гортань, губы горели, гудела голова), гамал гусятину, голубцы, гречу, «Геркулес», говядину «Главпродукта»...

Горелов глядел газеты, где гороскопы, Гринписовские «геройства», где «Глобализм грозит государствам гибелью» Геннадия Ганова, где героинчики, грабежи, где геройства городошников Грибовых – Георга, Григория... Губернская газета «Горожанин» голословно громила глазьевцев (гадость года!).

Горелов гадал: «Газетчики «Голоса Гвардейска» горбатятся?» Гей, гвардейцы!

10.

Громыхнуло... Гурьба гостей-газетчиков (Гладков, Горельский, Габышева...), гнездясь, галдела грачами. Гвардейцы, грохая гамашами, галошами, гомонили громко:

- Генка, гребни груши, гранат... Галеты грызи, газировку глотай. Грейфрут, гербалайф – гостинец гардеробщицы Глафиры Ганичевой, грузди, голубика – «Глянцевателя». Глянец говорил: «Гони, Горелов, грипп!». Горвоентоматовцы готовят газете «гвоздь» - «Горожанин Голбуцкий – генерал ГРУ». «ГАЗик» гибэдэдэшников гангстеры-громили грохнули гранатой. Гротеск! Гвардейск гудит...

- Гуси, гуси, га-га-га, - гоготнул Генка. – Гаденьши-гробовщики гадить горазды. Гадкие глисты... Громилам главное – грохнуть! Голливуд...

...Газманов горланил гимн грызловцев. Гусь! Галкин «гумарыў»***, грипповавший газетчик Генка Горелов гоготал.

...«Горизонт» голосил. Группы («Галлюцинация», «Горбуны», «Гвалт», «Гравитация», «Гангрена», «Гротеск») гнусными голосами горланили, глумились, гойсали гольшом... Голопупые, голопопые гиены гнусабили... «Геройствовали» геи (голубые)... «Голубой гром», - гоготал Горелов. «Говорящие головы» (гораздо глупее германского Геббельса) глумились, городили глупости, говорили гнусности. Грязные горжетки! Горелов горевал: «Гопники, глупо! Гарнизонная гауптвахта грустит...»

Гарант (глава государства) глядел гордо: грызловцы головокружительно грабанули голоса. Голосовальщики!.. (Горячее голосование глушцов годами гнетет граждан-горемык. Греховность государства, госслужащих, газетчиков, горлопанов... Господи, грехи глушцов-голосовальщиков – горе гражданам гниющего государства! Госдума грызловцев, говорят, готовит газетам, горожанам, гражданам гадости. Горько!..

...Геннадий горестно глотал горькие горошины, глюкозу, грелся горчичниками, грелкой, «глушил» Глашино горячительное (газовые горелки – горели!). Градусы градусника гасли. Грандиозно!

- Геночкины грусть, грипп Господь гонит голопом, - громко говорила Глаша Гордеева.

Генкин грипп «гробанулся»...

11.

- Главка граненого газетчика Геннадия Горелова (границы – грипп!) готова, - говорил Генка Глянцеву. – Готов горбатиться, готов гонорары грабастать. Газете «Голос Гвардейска» (государственной газете) – гип-гип!.. Гармония. Грести громадные Гонорары Гонорарычи, Гавриил Геннадьевич – гордость газетчиков! Гвардейцам – грядку гладиолусов!

- Гм, - гмыкнул Гавриил Геннадьевич. – Готов горбатиться? Гут. Готовь газете «Гимназисты-грантовцы – гордость города Гвардейска!» Гляди глубоко! «ГАЗик» – готов! Гони, геноссе Горелов, гони... Горим!

Грубоватые, глуповатые, грузные гибэдэдэшники газетчику Горелову гораздо горше говорливых, грудастых (гирлянды галантности!), голенастых гимназисток. Гордый Геннадий Горелов, готовый геройствовать (глядеть глубже, «гвозди гнуть!»), гундосил: «Гори, гори...» Глаза газетчика горели!.. Генка гарцевал гордым гусем... Галдели галки, голуби – грустили, гребли густые газоны, гадили... Громадьё гонористых городских голубей.

- Гули, гули, гули, - говорил Горелов голодным голубям. Гостинец Генки (горстки гречи!) голуби, горлицы глотали, «гулькали»... Горожане гомонили: «Голубятник Горелов!» Гремел голос «Глюкозы». «Гремучий Гвардейск, грязный город», - горевал газетчик.

Голубела громадина «Гамлета». Грудились гости-гурманы. Гордоватые горожанки (горгоны грудастые!), гримасничая, «греблись» галсом. Горожане «греблись» гуськом. Гарсоны, готовальщики «Гамлета» готовили грузинскую горьковато-горяченную «гастрономию». Гарно готовили!

- Глюкают граждане, - гмыкнул Генка. - Глотать горячительное граждане горазды. Годы глюков... Горькие годы! Гадкие...

- Гони «ГАЗик», Григорий Герасимович! Городская гимназия горюет... Главный говорит: «Горит газета!»

...Гимназистка Герочка Горностаева – героиня гореловского газетного «гвоздя», готовься! «ГАЗик» газеты «Голос Гвардейска» громыхает! Герочка – готовый гид гимназии. Гитаристка-гипнозистка! «Глянцевателю» глянется газетный гвоздь?» - гадал Геннадий Горелов.

- Герочка, губернские гастроли... «Гнездо глухаря». Готова гульнуть?

- Готова... Губернские гастролёры – грандиозно!

- Грежу горами: Гутаури (Грузия), Гималаи, Говерла, Гросглокнер, Гунташань, – говорил Горностаевой Генка. -Горнолыжники – герои! Главный горнолыжник государства - гвардеец... Генералиссимус!

Герочка, «гёлз» Горелова, горячо говорила:

- Глупости, глупости! Гиблые горы гробят «героев». Группы героев гробят...

Газетчик гневался:

Грибоедовское «Горе...»

Ге-ге-ге, - гегекнула Горностаева. – Гневайся, гневайся, голоштаный газетчик!..

Глумилась гимназистка. Герочкины глаза горели.

12.

«г.Гвардейск, городская газета
«Голос Гвардейска»,
господину Горелову Г.Г.

Глубокоуважаемый Геннадий Гаврилович! Газета «Газета» гарантирует громадный гонорар. Готовы готовить «Газете» гвоздь – «Градоначальник Гвардейска – гонитель глобалистов?». Георгий «Глускер».

Генка Горелов громко говорил Глянцеву:

- «Газета» – громовая газета! Гляньте, Гавриил Геннадьевич! Глужкин гонорар гарантирует...

«Глянцеватель», глянув, громыхнул:

- Гонористые говнюки... Габрюсова громить?! Государственника... Горынычи! Гермофродиты! Гробить главу Гвардейска?! Гордыня гусакон! Гордыня... Гантелью Глускера... - гоношился Гавриил Геннадьевич. Глядя грудину, Глянец глотнул гранулу глицерина.

- Гормоны «Глянцевателя» гуляют. Гневается, горячится главный, - говорил Глебу Гладкову Генка. – Гарантировавшемуся Глускером громадному гонорару «Глянцеватель», гарантировал гнилой горбылевый гроб...

Генка глухо гундосил: «Гули-гули, гули-гули.«Газете» - гоп – гоп!..»

13.

... Грабанули ГЦНК. Глянец, Глазьев гутарили: «Грабанули госимущество ГЦНК (гитары, графины, голубые гардины), гольфы, гетры, гроши...»

Говэдэшники гадали: грабили городские гаврики, гастролеры-горцы? Главное, где гитары?

- Гитаристы ГЦНК гневаются, «гнут» говэдэшников. Геннадий, - говорил Глянец, - готовь гумарэску «Гаврики, гастролеры!»

...Горничная городской гостиницы «Ганс Гималайский» Галина Григорьевна Градская глухим голосом говорила главному говэдэшнику города Глазьеву: «Гляжу, гавроши гитарами гремят... Гришка Гичев («Герцог»), Георгий Горшков («Герц»), Герман Горский («Гора»)... Глупые, глупые гаврики...»

Гореловская гумарэска**** «Горничная гостиницы – гроза гавриков!» глянулась Глянцеву, говэдэшникам, горожанам...

Гордый Геннадий Горелов говорил газетчикам:

- Где горняцкий грант «Голосу Гвардейска»? Герасим Гудыма грозился Геленджиком... Големы городовые!

- Готовят горнорабочие грант, готовят, - гоготали Глеб Гладков, Гришка Горельский. – Габардином!.. Гы-гы-гы... Гравюру гравируют... Гы-гы-гы... Гороскопы грозят Генке Горелову гульденами, гривнами...

14.

«Галка Галкина» (Галина Габышева) грызла гранит... Госуниверситета города Горького.

- Гавриил Геннадьевич, госэкзамены грядут! Готовлюсь...
- Гут, Галочка! Грызи, грызи гранит... «Голос Гвардейска» гордится! Горьковский госуниверситет годных газетчиков готовит. Гвардейцев... Гедеон Гаспарович гордится?
- Гурьянов гордится! Горжусь «Гиппократом»! Гроссмейстер...
- Гипертрофированная гордость, Галина? Гоблиновская?

Габышева гмыкнула:

- Горошины гентоса глотайте, Гавриил Геннадьевич. Говорят, гентос грубость гасит... Гриновский Грэм гораздо галантнее!
- Гасит грубость?! Гм... Грэм галантнее?!

«Галка Галкина», глянув гранки «Гимнастика глаз», «Герпес», «Гиподинамия» (готовилгорячий грек Гедеон Гурьянов), говорила громко: «Годится газете». Глотнула газировки...

«Голос Гвардейска» геройствовал... Глеб Горельский, Геннадий Горелов горбатились. Герои! Габышева Галина – «гуляла» (госэкзамены – горе горькое!)... Горняцкий грант городской газете гроссбух Герты Генриховны Гробанюк «гарпунул» галантно. Глаша («Горемыка») готовила Генке голладских гусей, голубцы, галушки, глазуню...

Геннадию Горелову «Голос Гвардейска» – гарнило!

Глянцев готовился «гарпунить» головки грибов. Говэдэшники гоняли городских гопников, горячих горцев, гурты глумливых гуляк. Горсуд «громил» гнойники города. Гастролировавший Гальцев городил греховные глупости: горожане Гвардейска гоготали...

- Грызуны грызут газеты, - горевали горархивисты. – Горархив губится, Григорий Гаврилович...
- Главврача горсанэпидстанции Грузнова гнать! – горячился градоначальник Габрюсов. – Гавриил Геннадьевич, гвоздани Грузнова. Громко гвоздани! Горе-главврач...

Геннадий горелов «гвозданул» («Грузновские грызунишки, гуляя, гадят...»). Горсанэпидстанция грамотнее губила грызунов.

... Гимн газетчиков «Горе горькое» гремел! «Голос Гвардейска» геройствовал... Горожане «гудели». Гвардейск газифицировался...

Иван БЕЛЫХ

БРЕВНО И ЩЕПКИ (рассказ)

Я люблю приезжать в свою родную деревню с женой. И хотя она у меня из других краев, ей тоже нравится неторопливая жизнь в моей родительской деревушке, ее люди. Особенно душевно сидеть дома вечерами, попивать горячий чаек да слушать материнские сказки. Вот и сегодня она приготовила нам одну...

Плыли по большой полноводной реке толстое бревно и оторвавшиеся от него щепки. День стоял солнечный и не предвещающий никакой беды. Изредка налетал мягкий западный ветерок. Тогда на реке появлялась игристая рябь, которая, покачивая, сталкивала тихонечко щепки с бревном.

А бревно и щепки плыли себе дальше и разговаривали между собой, о чем душе было угодно.

- А что если доплыть до устья этой реки и попасть на просторы безбрежного моря, - сказало бревно. – Я еще ни разу не бывало там. Хотя много хорошего слышало о море.

- И мы, и мы тоже хотим доплыть до моря, - весело пищали, качающийся на волнах щепки.

Действительно, и щепки никогда не видывали моря, и лопотали о том, что обязательно надо бы побывать там, и посмотреть, как это так бывает, когда воде ни конца, ни края не видать. Вот бы и вдоволь на волнах покачаться. Они на море-то, поди, не такие маленькие.

- Но ведь дорога туда очень дальняя, - стали жаловаться бревну щепки. – Едва ли у нас хватит сил туда добраться...

- А вы держитесь самой середины реки, - ответственно отвечало бревно, - тогда течение вас и принесет в самое море. Смотрите, как я плыву.

Бревно старательно плыло по самой середине реки, и быстрое течение несло его все больше и больше удаляя от щепок. Тогда спутницы бревна тоже ринулись на быстрину и стали его догонять.

- Мы не отстаем от тебя. Мы тоже можем плыть по перекатам, - стали они кричать бревну.

- Не очень-то хвалитесь, - строго прикрикнуло оно на них, - вы еще не знаете, как часто меняется ветер на реке. Если он рассердится, то может прибить к берегу не только вас, но и меня.

Само бревно не любило похвастаться. Старалось плыть вперед и вперед и во что бы то ни стало добраться до самого моря. Оно опасалось, что неугомонные щепки своим громким хвастовством могут испортить все дело.

- А мы не боимся, мы нисколько не боимся грозного ветра, - все громче горланили щепки, - мы даже можем тебя обогнать!

Чуткий ветер услышал их писк, обиделся и решил проучить зарвавшихся выскочек. Он сильно задул с северо-запада. И мгновенно всколыхнулась река огромными волнами и бурунами. Могучие волны накрыли бревно и щепки, стараясь подтолкнуть их к берегу. Бревно было большим и сильным, оно боролось с волнами изо всех сил, держась стремнины. А у щепок силенок хватило только на очередной визгливый хор:

- Бревно, помоги нам, не оставляй одних. Мы больше не будем хвастаться, мы тоже хотим увидеть синее море...

Но бревно рассудило в ответ:

- Мне вас жаль, но уже слишком поздно что-либо менять. Я само еле-еле справляюсь с течением и ветром...

В шуме волн его голос становился все тише и тише, а вскоре и вовсе умолк. Бревно плыло дальше к своей мечте, оно боролось с волнами, и победило их, оставшись в центре водной стремнины.

Волны с еще большей яростью набросились на щепки и мгновенно разметали их в разные стороны и, наигравшись вдоволь, выбросили на берег. Вот и пришлось щепкам остаться гнить на берегу реки. И поделом. Не надо было хвастаться.

А бревно оказалось упорным. Молча плыло оно все вперед и вперед и, наконец, добралось-таки до самого безбрежного моря. Там оно вволю накачалось на высоких волнах, понежилось в морской пене и лучах солнца. Так могло продолжаться, наверное, вечно, но поймали бревно поморы и распилили его на гладкие доски.

Недолгим оказался век у нашего бревна. Но оно сумело исполнить свое заветное желание, исполнить мечту всей своей жизни – увидеть безбрежное море. В этом и заключалось его счастье...

А щепкам гнить там, куда их прибила мутная волна...

Было уже поздно, когда мать стала смахивать со стола в ладонку хлебные крошки, собирать чайные чашки. А мы с женой все так и сидели зачарованные материнской сказкой на лавочке за столом у небольшого окна. Пора было уже ложиться спать. Жена мечтательно потянулась и произнесла:

- Хочу в Париж... и умереть...

Перевел с коми Андрей КАНЕВ

У СВЕРКАЮЩЕГО ФОНТАНА (рассказ)

Володьке Селиверстову не везло по жизни никогда. Он был человеком маленького роста, пьющим втихую и совершенно безвольным, что давало окружающим его людям постоянный повод не считаться с ним ни в чем, а зачастую и незаслуженно обижать. В свои сорок пять лет он так и не женился, детей у Володьки не случилось, работал он в одном из РЭУ сантехником, а жил в махонькой ведомственной комнатенке муниципального общежития.

И хотя светило солнце, настроение у него как всегда было мерзкое. Шел Володька после смены домой, проходил мимо театра, где струился фонтан.

В этот, наверное, последний теплый вечер поздней осени у сверкающего на солнце фонтана в сквере театра собралось особенно много народу. Ярко-красное солнце все быстрее клонилось к западу и кумачовым светом окрашивало медленно плывущие по небу облака, очень похожие на овечьи головы. Было полетнему тепло и тихо. Но этот полетнему теплый вечер, конечно же, не мог обмануть собравшихся у фонтана людей.

Все понимали, что еще, может быть, день-другой постоит такая погода. А потом с далекого Ледовитого океана повеет зимним холодом, ледяной ветер принесет с собой угрюмые, серые тучи и сверкающие снежинки. И всему живому тотчас же станет холодно. Исчезнут куда-то и сидящие сейчас у фонтана люди. Кому охота в такую холодину сидеть на скамейке. Может только влюбленным. Да и то ненадолго. А потом и сам фонтан уснет до будущей весны.

Об этом знал и сам фонтан. Знал, что до весны ему придется спать беспробудным сном. Поэтому и он в этот вечер радостно переливался особенно неповторимыми яркими красками. Выходящие из маленьких отверстий водяные струи поднимались высоко-высоко и игрались под тихим ветерком то голубыми, то красными, то зелеными, то желтыми тонами струящейся воды. А потом снова падали вниз, чтобы, немного накопив силенок, подняться еще выше.

Этот фонтан как бы перед долгим зимним непробудным сном старался в последний раз развеселить собравшихся людей, которые тут же рядом сидели на скамейках и, любуясь струящейся водой не спеша, разговаривали между собой.

Пожилые вспоминали прожитые годы, говорили о том, что еще одно прекрасное теплое лето позади. И кто его знает, сколько им осталось жить под этим солнцем. Все ближе и ближе тот миг жизни, вспоминая о котором вдруг тревожно забьется сердце. Ведь так хорошо земное житье-бытье и так быстротечно... Вот и печалится сердце от понимания неумолимости времени.

А молодые потихоньку обнимали друг дружку и шептались о том, что вся жизнь у них еще впереди, что все будет хорошо, и что завтрашний день принесет им море счастья. Ведь молодые полны сил и здоровья, потому так громко и счастливо бьются у них в груди сердца. И, как будто, желая себе счастливой жизни, они время от времени бросали в фонтан медные деньги.

А маленькие детишки, под заботливым присмотром папаш и мамаш, громко крича, неугомонно бегали вокруг фонтана. У них не было никаких забот и волнений.

Эти мальцы мало что знали о жизни и жили только сегодняшним днем. Они визжали от восторга, глядя на сверкающий фонтан, на то, как неожиданно поднимались так высоко водяные струи и даже не догадывались, что этот фонтан вскоре замолкнет до весны.

А сам фонтан вспоминая солнечные летние деньки не переставая веселил пришедших к нему в гости людей, высоко-высоко поднимал свои водяные струи. Сейчас он вспоминал, как весело было у фонтана в июле в пик отпускного сезона, когда с раннего утра до позднего вечера было полно народу. Всем хотелось посидеть у фонтана и освежиться в его брызгах, отогнать от себя хоть ненадолго эту палящую жару.

А как забавно и радостно было детишкам, которые нарочно приходили сюда поплескаться в струях фонтана и целыми днями купались в его бассейне, смеясь, гонялись друг за другом. И сколько радости и счастья было в их глазах.

Только поздними вечерами расходились по домам люди, когда фонтан уже не так ярко сверкал и, как бы, затихал в вялой дреме на короткую летнюю ночь. Но и тогда не всегда оставались пустыми скамейки вокруг фонтана. Его окрестности оглашали своим пением молодые люди под аккомпанемент гитар. И даже в предутренние часы рядом с ним продолжали сидеть влюбленные.

Только когда появлялся из-за городских крыш огненный диск солнца, ненадолго все вокруг замирало. Хотя под первыми утренними лучами фонтан окрашивался в особенно нежные тона. Но редко кто из жителей города видел эту красоту. И в те мгновенья фонтану становилось немного тоскливо.

Но потом постепенно просыпались улицы. И снова скамейки вокруг него заполнялись людьми. И опять фонтан веселил сидящих своей игрой. У одних, после недолгого сидения у льющейся воды, исчезали куда-то сердечные боли. Другим яркие брызги фонтана вселяли большие надежды на светлое будущее. Третьи радостно здоровались с фонтаном и потом эту радость уносили с собой домой...

А сейчас фонтан доживал свои последние праздничные дни, не долго ему осталось радовать своей игрой людей. Но ему самому сейчас было радостно от того, что таким нужным оказался людям в те, уходящие, летние месяцы. Вдруг какая-то печаль-тоска охватила его, что вскоре придется погрузиться в долгий сон на всю зиму. А какими будут предстоящие весна и лето, кто его знает? Немного осталось времени насладиться своей игрой.

От этих дум особенно грустно было фонтану. Хотя он старался спрятать свою грусть и снова и снова веселиться в последние, по-летнему теплые деньки. Что же ему поделать, коль так на роду написано, умирать по осени до весны. Так с ним бывало уже не раз. Но он снова оживал. И снова веселил людей и себя своей восторженной игрой на солнце. И снова радоваться зелени сквера вокруг, красоте здания театра, слушать иногда доносившуюся оттуда музыку... Дай то Бог, дай то Бог...

Сегодня был вторник. Селиверстову в конторе на планерке в понедельник было поручено начальством отключить в пятницу фонтан. Вентиль, дающий ему жизнь, находился в подвале театра. Когда Волodyкка проходил мимо фонтана, ему вдруг так противны стали все счастливые люди сидящие рядом с ним на скамейках, что он спустился в театральный подвал и со словами:

- Я Бог! - накрепко закрутил вентиль...

Перевел с коми Андрей КАНЕВ.

Иван ПОВАРОВ

ПРОРОК (повесть)

Глава I

Вечерний вызов на госдачу Президента не был чем-то необычным. За время работы в должности советника Зубаир Магомедович Имраев привык к тому, что его могли разыскать в любое время и в любом месте. И все же сегодня пригласили не в Кремль. Значит, разговор будет не о текущих делах.

Он попытался выяснить причину вызова у помощника Президента, но тот сам был в недоумении. Никаких срочных или провальных дел в ведении советника на сегодняшний день не числилось. Никого другого в этот раз к Президенту не пригласили. Никакого ЧП, слава Богу, не было.

Может быть, новое назначение? Но Зубаир Магомедович не принадлежал к числу выдвинутых из спецслужб или генеральского корпуса. Те, пользуясь практически неограниченным доверием Президента, одновременно были готовы к тому, что их в любой момент могли снять с освоенного участка работы и перебросить на решении других задач в другой части света. Армейская дисциплина и субординация не позволяли им ни на секунду усомниться в своих способностях. Как говорится, приказы не обсуждались.

Но Имраев был выходцем из научной среды и ничем другим, кроме анализа проблемных ситуаций, заниматься не умел и не желал. Честно говоря, и в советники к Президенту он не напрашивался. Стараясь быть отстраненным от новоявленных и короткоживущих политических партий и течений, Имраев сумел занять позицию над схваткой, и его суждения могли быть в равной степени нелицеприятны как правящей элите, так и оппозиции. Но они были трезвыми и всегда содержали зерно истины, из-за чего к ним стали прислушиваться и правые, и левые. Это совсем не означало, что его мысли становились руководством к действию. Напротив, часто они рождали яростную дискуссию, в которую вовлекались широкие политические и общественные круги.

Поэтому, когда ему предложили стать советником Президента, Зубаир Магомедович поначалу удивился, но потом решил, что по мере сил согласен послужить новому режиму, тем более, что подать в отставку с этой должности он мог в любую минуту безболезненно для общего дела и своей научной карьеры.

Президент оказался контактным и очень эрудированным человеком. Чувствовалось, что он тщательно готовится к каждой встрече. И в беседах с советником фактически обсуждал тезисы своих будущих политических заявлений, проверяя их на обоснованность и восприимчивость. Охотно шел на дискуссию, которая порой перерастала в острую полемику, но всегда удерживалась в корректных рамках.

Видимо, желание и умение служить делу, а не человеку позволило Имраеву удержаться в должности советника дольше других. Он стал своего рода старожилом президентской администрации. «Может, заседелся? Пора менять коней? Тем более, что никакой переправы не предвидится», – думал он, глядя в затененное стекло автомашины, везущей его на госдачу.

Глава 2

День обещал быть хлопотным. С утра намеревалась прийти корреспондентка, чтобы взять интервью в связи с началом двадцатого сезона в творческой карьере народной артистки республики Алии Коротковой. Затем надо было хотя бы одним глазом просмотреть готовый макет будущей книги. Вечером в театре – «Летучая мышь», где Алия исполняет партию Адели. И после всего этого, наверно, уже ночью – собрать чемодан для завтрашнего отъезда в Москву.

С некоторых пор отпала нужда заводить будильник, чтобы проснуться с первыми звуками русского гимна на первом канале ТВ. Десятимесячный сын успевал это сделать раньше и радостно и громко сообщал о начале нового дня спящим родителям. Вот и сейчас он уже решительно настаивал на том, чтобы его забрали из детской кроватки. Спорить с ним было бесполезно. Несмотря на очень юный возраст, Толик обладал твердым характером и умел добиваться своего.

Муж усадил сына в изголовье супружеской кровати и вручил ему пульт от телевизора. Это любимая игрушка карапуза. Пока он восхищается этой штукой и пробует ее на зуб, можно попытаться урвать еще пару десятков минут для полусна-полудремы. Но сегодня этот номер не прошел. Толик проявил повышенный интерес к прическе мамы и крепко вцепился в ее волосы. Борьба с сыном прогнала остатки сна.

- Толя! Ну, чего ты пристал к моим волосам? Вон, дергай папку! – попыталась она урезонить расшалившегося малыша.

- У папки волос нет, – пробурчал муж, приоткрыв один глаз. И правда, она же сама вчера коротко постригла его.

- Хитрые вы оба! – сказала Алия. – Пойду умоюсь и заварю чай.

- Давай-давай, – ответил муж и затеял веселую возню с сыном.

Пока пили чай и кормили Толика кашей, она раздумывала над тем, что следует сказать корреспондентке. Ее отношение к газетчикам много раз менялось. Поначалу, будучи начинающей актрисой и певицей, она их почти боготворила и покупала сразу дюжину номеров газеты, где хотя бы мельком упоминалось ее имя. Когда же таких публикаций стало довольно много, Алия обнаружила их странную похожесть друг на друга. Как заезженная пластинка не может выбраться из проторенных кем-то борозд, так и корреспонденты дружно выхватывали из ее жизни одни и те же факты и заворожено плясали вокруг них, не отступая ни на шаг. Она начала сердиться и даже презирать их за этот штамп. Но делу это помогло мало.

И лишь совсем недавно Алия поняла, что неправильно строила свои отношения с прессой. Она, как прилежная ученица, пыталась отчитываться перед теми, кто ничего не понимал в искусстве. Да и не должен был понимать. Газете нужны были сенсации – пусть маленькие, пусть надуманные, но яркие и хлесткие! А скучные рассуждения о роли и месте высокого искусства в жизни обычного русского гражданина, наверно, вызвали непреодолимую зевоту у редактора, и он решительно вычеркивал всю эту «мусть» из газетной полосы.

Попавшийся в руки учебник по менеджменту в искусстве окончательно прояснил эту проблему. Оказалось, что вокруг талантливого артиста непременно должен складываться миф из догадок, слухов, сплетен, скандалов и интриг. Именно они поддерживают накал интереса публики к фигуре кумира в период между выступлениями. А если еще и на сцене выкладываться на все сто!..

Глава 3

Президент встретил Имраева в зале и сразу предложил поужинать. На столе уже были приготовлены два прибора. Да и отказываться в таком случае вроде бы не полагалось.

Быстро перекусили, перекидываясь за едой короткими и малозначительными фразами. «Сказывается военное прошлое Президента. Наверное, укладываемся в норматив, отведенный Уставом для приема пищи», - неожиданно пришло на ум Зубаиру Магомедовичу.

- Давайте устроимся поближе к огню, - предложил Президент, когда с ужином было покончено, и указал на два удобных и глубоких кресла возле камина. – Кстати, Зубаир Магомедович, здесь тепло, можете снять пиджак.

Имраев воспользовался этим предложением и даже немного ослабил узел галстука. Тем более что сам Президент в этот час был в рубашке без галстука.

- Курите, - предложил Президент. Имраев кивнул, но от сигареты пока воздержался, зная, что сам Президент не курит.

- Что ж... Перейдем к делу. Вызвал я Вас вот по какому вопросу. Самая главная и болезненная проблема, которая мне досталась в наследство – это Чечня. Конечно, и других важных дел и забот выше головы, но они либо решаются, либо более-менее понятно, что надо делать. А вот Чечня... Чем больше делаем, тем меньше виден свет в конце тоннеля.

- По-моему, у Вас достаточно советников и советчиков по этому вопросу, - отозвался Имраев. – Такой спектр предложений – от «давайте их отпустим» до «давайте их добомбим», - что я вряд ли смогу предложить что-то новое.

- Советчиков хватает, - согласился Президент. – И званных, и, особенно, незванных. Но мне нужен новый взгляд на эту проблему.

- Я в последнее время занимался несколько другими вопросами, как Вам известно. Если бы я знал тему сегодняшней беседы, то немного освежил бы свои знания и...

- Не надо ничего освежать. Я специально сделал все, чтобы Вы приехали ко мне такой, какой приехали. Специалистов, владеющих текущей информацией, я могу заслушать в любую минуту. Мы так с Вами и поступим, если это потребуется в ходе нашего разговора.

Президент замолчал и несколько минут смотрел на огонь. Имраев воспользовался паузой и закурил.

- Я все больше и больше прихожу к выводу, что в Чечне нам надо быть готовым к многолетнему – очень многолетнему – процессу решения создавшихся там проблем, - услышав это, Зубаир Магомедович согласно кивнул, но вступать в разговор пока не стал. – Причем, наряду со всеми военными и гражданскими мероприятиями, которые нами там проводятся в последнее время... требуется еще кое-что. Я бы сказал – неординарное.

Имраев стряхнул пепел и приготовился слушать дальше.

- Нам все еще мешает старое советское представление о едином народе. Нет этого единого народа. Есть огромное множество национальных и не национальных, крупных и мелких групп населения, которые в разное время могут преследовать разные цели. Хорошо, если их устремления совпадают с интересами сохранения и построения единого государства. А если нет? – Президент задумчиво поворошил угли в камине. – Я по убеждениям и по должности - сторонник сильной и единой России. Но средств и методов достижения этой цели у меня пока недостаточно.

- Вы хотите сказать, что у Сталина, например, методов было побольше? – намеренно обострил беседу Зубаир Магомедович. – Депортации целых народов, репрессии по национальному признаку, уничтожение национальной интеллигенции... И внешне – тишь да гладь!

- Внешне – да... А вы не задумывались, почему мы больше всего кричим на всех перекрестках о травле каких-нибудь крымских татар и в ответ получаем совершенно наглое – а не справедливое, как хотелось бы! – поведение этих бывших советских «униженных и оскорбленных»? Вроде, давили их, давили, а голос остался! А русские молчат... Молчание – вот самый страшный и явный признак подавленности. Подавленности мысли, души, смелости... Будущего и перспективы, если хотите.

- Да, об этом мало говорят, - согласился Имраев. – Считается, что расхлебывать общие старые проблемы и отдуваться за них предстоит русскому Ивану. Кстати, Россия сама в этом виновата, объявив себя правопреемником и наследницей СССР. Кроме собственности, она получила еще и кучу старых долгов, в том числе моральных и политических. А все остальные сделали вид, что начали свою историю с чистого листа.

- Вот и мы давайте решать проблему Чечни с чистого листа, - неожиданно предложил Президент.

Глава 4

- Знаете, Даша, - сказала Алия, усаживая корреспондентку за стол, на котором все было готово для долгого чаепития, - если наш разговор пойдет по накатанному пути – где родилась, кто родители, как начала петь и так далее... то, мне кажется, это будет нам обоим не интересно!

- Я сама хотела предложить поговорить о том, что Вас волнует именно сейчас, - спокойно ответила Даша. – Ваше прошлое мы описывали много раз, читатель его более-менее знает. Ваши успехи тоже стараемся отслеживать. Но за фактурой часто теряется душа. Не так ли?

- Ну, всю душу я Вам не открою... Хотя наболело!

- Вот и расскажите об этом!

- Понимаете, Даша... Не все так просто! Давайте сразу договоримся, что мне в жизни все-таки крупно повезло. Я – народная артистка республики. А их не так много. Можно по пальцам пересчитать. А

ведь судьба могла сложиться и по-другому. Поначалу-то после консерватории меня направили в Омск. А там претенденток на любые маломальские роли было выше головы. И руководству театра я сразу не понравилась. Вот и сидела бы всю свою жизнь где-нибудь в углу сцены, изображая массовку!

- Но и Сыктывкар Вас встретил не с распростертыми объятьями...

- Да... А как он должен был меня встретить? Я была цыпленком, только-только начавшим издавать звуки, отдаленно напоминавшие пение. Не пишите об этом в статье, но вот смотрю я на наших молодых вокалистов и понимаю – при всех их способностях и трудолюбии, амбициях и обидах им не хватает обычного мяса в теле! А это приходит только с возрастом и при хорошем питании...

- И сколько лет Вы... питались?

- Восемь, - усмехнулась Алия. – Но я ведь и работала все это время. Где сама, где подскажут, а где... и подножку поставят! Всякое бывало. Конечно, пела я тогда только в сказках – котят да поросят. Тоже могла бы навсегда остаться в этом амплуа...

- Что помешало?

- Просто повезло... Сумасшедше повезло! Без всяких на то оснований – а в нашем театре все делается без всяких на то оснований! – мне поручили настоящую роль. Правда, в самом последнем составе... Видимо, кто-то в руководстве решил, дескать, пусть девочка поймет, что этот уровень не для нее. А я к сдаче спектакля оказалась лучшей... И пошло-поехало! Целый год ехало...

- А потом что? Бензин кончился?

- Наверно, - пожала плечами Алия. – Я ведь уже десять лет пою тот репертуар, который тогда отговаривала. Хотя многие в театре и этого не имеют! И никогда не будут иметь.

- Похоже, Вам их не жаль, - утвердительно спросила Даша.

- Может быть, это выглядит жестоко, но это так. Хотя с талантливыми людьми я умею дружить. Это сложно, особенно, когда работа заставляет нас конкурировать друг с другом... Но время не только лечит, но еще и все расставляет по местам. Я в последние годы стараюсь без особой нужды не лезть в драку. Но зубы периодически показываю. И руководству, и молодым... Без этого нельзя. Съедят!

- Какая страшная у Вас профессия!

- Это так... Это везде так. Просто у нас это предельно обострено... У нас есть люди, отдавшие работе всю жизнь. Они всю жизнь выходили на сцену и говорили: «Кушать подано!» Что это? Верность профессии? Или полное жизненное фиаско?

- Сами-то они, наверняка, упирают на верность?

- И даже награды получают... Вот их-то мне жаль. Как, например, ненароком раздавленную гусеницу...

Глава 5

- Что Вы имеете в виду? – удивился Имраев. – Наш «чистый лист» уж слишком обильно полит кровью. И русской, и чеченской... И арабской, и какой только еще там крови не намешали...

- Давайте, как это не кощунственно звучит, абстрагируемся от этого. Так ведь принято говорить в науке, когда хотят вывести за рамки рассмотрения некоторую конкретную ситуацию?

Имраев кивнул.

- Ну, вот... Я все удивляюсь этим поискам внеземных цивилизаций, - неожиданно сменил тему Президент. – Считается, что мы сразу найдем с ними общий язык и рванем в своем развитии вперед семимильными шагами!

- Есть и другая точка зрения, - не согласился Зубаир Магомедович. – Посмотрите голливудские фильмы. То какие-нибудь пауки нападут и начнут жрать всех подряд, то дебилы космические пожалуют за нашими богатствами.

- Это тоже крайность! Реальность, скорее всего, будет гораздо более сложной. Какие инопланетяне?! Мы с землянами-то найти общий язык не можем! Не желаем понять, что у нас могут быть разные нравственные ценности, разный уклад жизни, разные взгляды на эту самую сегодняшнюю и будущую жизнь. Зачем папуасу, живущему в райских условиях, все прелести нашей европейской цивилизации? А мы сильные – мы лезем к этому папуасу!

- Может, не лезть? – снова обострил беседу Имраев.

- Не получается, - отрезал Президент. – Мы не влезем - вломится кто-то другой. И не всегда лучше нас! Да и своих попробуй удержи... Не с танками, так с презервативами припрутся... А самое главное в другом – нельзя уходить оттуда, куда уже влезли!

- Да, природа не терпит пустоты... Эта аксиома верна и в физике, и в политике.

- Эта аксиома требует огромных денег. А когда деньги рассыпают по карманам да по западным банкам, то на страну-то и не хватает. Ладно, не об этом речь... Конечно, уход с Кубы, из Африки, из Европы, из Вьетнама – наша большая ошибка. И исправлять ее придется долго. И, - вздохнул Президент, - может быть, кроваво... А вот уходить из Чечни мы не будем. Некуда уходить... Позади, как говорится, Москва!

- Далековато до Москвы-то от Грозного...

- Смотри как считать... Если временем полета баллистической ракеты, то получится, что мы спим на одной подушке... А если брать уровень жизни, то Москва, оставшись по сути тем же дикарем, рванула далеко вперед с тампаксом в заднице и смокингом на плечах...

- Вот именно, - согласился Ибраев. – А Вы хотите, чтобы тот, кто в смокинге, понял того, кто в бурке и газырях. Я читал, по-моему, у Гумилева, что все страсти и эксцессы татарского ига, которого, как он считает, не было, - исключительно от непонимания. Разные цивилизации, соприкоснувшись, высекли такие искры, которые сожгли все хорошее, оставив в памяти только язвы. А ведь главное было в том, что монголо-татары были веротерпимы, и некоторые сами приняли православие. А вот крестоносцы, которых в то же время купал князь Александр в Неве и озерах, шли огнем и мечом насаждать католицизм. Поэтому татары стали наемными союзниками Руси. А инциденты... Что у нас с нашей армией нет проблем? А она ведь в своей стране расквартирована, хотя ведет себя порой хуже любых наемников...

- У Гумилева нестандартный взгляд на нашу историю. Конечно, когда он говорит про «пассионарность», то это не очень конкретная категория... Хорошо рассуждать и анализировать прошлое. А попробуйте предсказать будущее с помощью этой категории... И почему на один народ изливается эта «пассионарность», а на соседний нет? Объяснить это можно, анализируя конкретную сложившуюся ситуацию... но тогда и «пассионарность» не нужна. Хватит марксизма-ленинизма, как бы его сейчас ни ругали... А взаимопонимание цивилизаций – это проблема и прошлого, и настоящего. Меня поразило, помню, у того же Гумилева объяснение этого зверства с князьями. Когда на них, раненных, положили помост и устроили пиршество победителей... Оказывается, они и своих уважаемых и высокопоставленных соплеменников, ставших врагами, не убивали оружием, а именно давили или душили... Это своего рода оказание последних почестей... Хотя мне этого не понять.

- А человеку Востока не понять ваших домов для престарелых! Неуважение стариков – это самое худшее зверство! Человек должен очень постараться грешить в жизни, чтобы у него не осталось близких, или чтобы они потеряли человеческий облик и оставили родного старика помирать среди чужих людей.

- Да... Но мы все время уходим от основной темы нашего разговора...

Глава 6

- Бог с ними, с неудачниками. Предоставим их самим себе, - предложила Даша. – Как сказано в Библии, «пусть мертвые сами погребают своих мертвецов». Поговорим о Вас. Вам-то грех жаловаться на жизнь, не так ли?

- А я разве жалуюсь? То, что я колочусь башкой в эту стену не понимания и ору от боли и обиды, не означает, что я хочу выжать у кого-то слезу сострадания... Со стороны, конечно, почти никому, кроме разве что моего мужа, не понятны мои метания.

- Зачем Вы так, Алия? Наша газета, например, всегда Вас поддерживала.

- Не обижайтесь, Даша, но этого мало! Понимаете, надо менять всю сложившуюся систему взаимоотношений нашей культуры и нашей власти. Когда я пытаюсь об этом говорить, Вы, действительно, меня публикуете. А в следующем номере, к примеру, сообщаете, что один из наших профессиональных ансамблей занял первое место на международном конкурсе. Фанфары в уши и лавровый венок для супа! Но почему-то забываете сообщить, что конкурс-то проводился для самодеятельных коллективов. А это совсем другой аромат победы! С душком... Поэтому и складывается мнение в головах руководства и простых людей, что Алия о чем-то бурчит, а люди занимаются делом и первые места завоевывают!

- В конце концов, наше дело – информация, а не выяснение, кто прав, кто нет... А чем Вам не нравится существующий порядок вещей?

- Лично мне он не нравится тем, что он лично меня ущемляет всегда!

- Как это?

- Очень просто. В искусстве на первом месте должны стоять соображения или приоритеты творчества. И лишь потом – политика, экономика и администрирование. А у нас во главу угла поставили администрирование, которое все время оглядывается на экономику и политику. Ну, к примеру... Мало кто у нас, положив руку на сердце, спорит, что я – уникальная певица. Но на практике, увы, это означает, что мой репертуар совершенно не подходит другим. Вот и думает директор театра – зачем удовлетворять творческие потребности Алии, если при этом не будут охвачены работой, например, Глаша, Паша и Саша? Их же больше, не уникальных!

- Но Вам же дают возможность петь на других сценах!

- Хорошая формулировка – «дают возможность»! Во-первых, эти возможности я всегда нахожу сама. А во-вторых, не мне снисходительно разрешили поработать на стороне, а я на грани осуществления угрозы увольнения меня из театра добилась того, что мне это дозволено. При этом театр мне не только не платит каких-то там командировочных, но и не ставит рабочие дни! Официально считается, что я в это время бездельничаю! Со всеми вытекающими последствиями...

- Вами что, дураки руководят?!

- Иезуиты.

- Я серьезно! Разве не очевидно, что Вы на других сценах отстаиваете, как это принято говорить, честь республики?

- Когда-то и я так думала... Но мое руководство не любит вольнодумства и свободы действий. Если бы я, как циркачка, ходила только по их канату – цены бы мне не было! Правда, я ничего бы и не добились... Знаете, Даша, я по-хорошему завидую нашим спортсменам. Прыгнул, сбежал, стрельнул да еще и попал – и информация на первых полосах всех наших газет! Это ведь не само собой получается. Просто, в

Минспорте думают о пропаганде достижений своих спортсменов, справедливо считая их успехи своими. А в Минкультуре в этом отношении – мозги набекрень!

- Странно... Я, конечно, понимаю, что в наше Минкультуры приходят работать те, кто раньше возглавлял сельские клубы, дворцы культуры строителей и шахтеров, школы, наконец. Им понятно и привычно работать с самодеятельностью, а не с профессионалами Вашего уровня. Но Вы, кроме классики, еще и наши национальные песни поете!

- Пою... Беда, видимо, в том, что слишком хорошо это делаю.

Глава 7

- Ну, так обозначьте эту тему, - предложил Имраев. – Видимо, она как-то связана с Чечней?

- В практическом «узком» смысле – да, - согласился Президент. – А в широком... В общем, для решения всего комплекса имеющихся у нас проблем и в Чечне, и на Кавказе... и с исламским терроризмом, и с Бен Ладеном, будь он неладен... И для обеспечения будущего единой и сильной России, какой она нам видится... нам с Вами, Зубаир Магомедович, или без Вас придется выполнить в некотором смысле обязанности Господа Бога!

- Ну, меньшего я и не ожидал, - пошутил Зубаир Магомедович. – С Богом уже согласовано?

- В общих чертах, - глаза Президента стали строгими. – Нет, действительно, как бы цинично это не звучало, пофантазируем... Политика – девушка без комплексов, как известно... И еще известно, что в трудные времена, а они у нас тоже нелегкие, появлялся мессия или пророк. И, худо-бедно, поворачивал ситуацию в свою сторону.

- Порой ценой своей жизни, - уточнил Имраев.

- Да... Но я не об этом. Давайте побеседуем как двое простых людей, а не знатоков религии. Я что-то знаю о христианстве, вы – о мусульманстве. Наши знания не хуже и не лучше знаний других людей. Если мы договоримся до чего-то путного, тогда подключим специалистов. Согласны?

- Попробуем, - кивнул Имраев. – Кто начнет?

- Я, раз уж затеял этот разговор, - Президент собрался с мыслями. – Итак, пророк. Или мессия. Конечно, Иисус считался Сыном Божиим. Но он имел вполне обычную биографию, которая, видимо, современниками могла быть легко проверена. У него были реальные земные родители – плотник Иосиф и Мария. Генеалогическое древо Иисуса, мне кажется, взлелеяли позже, когда пошла мифологизация его личности. Я, как человек своего поколения, помню, что мы мальчишками бегали на фильм «Корона Российской империи». Там была сцена, когда искусствовед рассказывает: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его...» И так три раза по четырнадцать родов. Итого – сорок два поколения от Авраама. Это по Евангелию от Матфея... А по Луке происхождение Иисуса через Иосифа, Давида, Сима, Ноя, Каина и Адама возводилось напрямую к Богу. И, тем не менее, это был человек, живший по соседству и ничем особенным до определенного времени себя не зарекомендовавший. До тридцати лет. Даже по нынешним временам возраст не юношеский, а тогда – зрелость, если уже не старость...

- В этом плане Магомед, точнее Мухаммад, стал проповедовать в еще более зрелом возрасте – в сорок лет. У него тоже вполне обычная биография на первых порах. Уроженец аравийского города Мекки, из рода хашим племени курайш. Рано лишился родителей, с пятнадцати лет зарабатывал себе на пропитание. В двадцать пять женился на состоятельной вдове Хадидже, стал отцом, участвовал в торговых и военных предприятиях. Словом, тоже вполне земная и проверяемая история. Кстати, в отличие от Иисуса, у него есть реальная могила в Медине. Он умер 8 июня 632 года.

- Да, через шесть веков после Иисуса... И что-то больше пророков не было...

- Их хватало до этого. Первым пророком был первочеловек Адам, который еще на заре человечества исповедовал единобожие и предрекал появление мессии. Число древних пророков огромно, по-моему, их насчитали примерно 124 тысячи.

- Сколько?! – ужаснулся Президент.

- Именно столько, - невозмутимо подтвердил Имраев. – Хотя, в Коране упомянуто лишь двадцать восемь. Из них девять названы «стойкими». Среди них – Иса или Иисус и сам Мухаммад.

- Интересно... А ведь там тоже существует своя иерархия. Пророки, они по статусу выше, например, ангелов? Те - тоже посланники Бога.

- В отличие от ангелов, пророки – не сверхъестественные существа, а люди, через которых вещает Господь. Поэтому в исламе пророки считаются достойнее всех ангелов небесных. Но и пророки не одинаковы. Я уже говорил о двадцати восьми стойких. А есть еще посланники. Их триста тринадцать. Это высшие из пророков, им Бог ниспослал Писание. Высший из посланников – Мухаммад. И он, по представлениям ислама, замыкает цепь пророков. Он – Посланник Аллаха.

- Да, это важный тезис – «замыкает цепь пророков». Надо обязательно запомнить...

- Это может стать серьезным и даже непреодолимым препятствием в осуществлении Вашего замысла, - заметил Имраев.

- Может. Но я и не ожидал ничего легкого в этом вопросе. Надо проговорить все проблемы и трудности. Из их осознания, возможно, родится решение... А скажите, Зубаир Магомедович, почему Мухаммад не творил чудеса, как например, Иисус? Тот возвращал зрение слепцам, оживлял умерших...

- Как я уже говорил, ислам считает Ису или Иисуса всего лишь одним из пророков, предшествовавших Мухаммаду. Пророки, и Иса в том числе, творили чудеса и этим доказывали свою близость к Богу. Но Посланник Аллаха, или Мухаммад, не делал этого, так как все его помыслы, слова и поступки сами по себе были ясным указанием на его исключительную миссию.

Глава 8

- Чего-то я не понимаю, Алия! – воскликнула Даша. – Если Вы хорошо делаете свое дело, то надо Вам помогать, а не мешать. Это логично.

- Но бесчеловечно, - парировала певица. – Точнее, это противоречит человеческой природе. Скажите, Даша, а Вы всегда хорошо воспринимаете очевидные успехи Ваших коллег по перу? Или все-таки пытаетесь объяснить их то хорошими связями, то необъективной оценкой руководства, то предвзятостью читателей?

- Бывает... Кстати, иногда это оказывается правдой!

- Даже чаще, чем хотелось бы. Но, например, когда побеждает лыжник, Вы же не думаете о том, что, может быть, именно ему тренеры подобрали хорошую мазь, или больше уделяли внимания на тренировках, или пустили его раньше других, когда лыжня еще не так разбита? Да мало ли еще какие детали стали определяющими в этой победе!

- Действительно, это мне не приходило в голову...

- В артистической среде все тоже очень жестко! Или жестоко, как хотите, - Алия немного помолчала и продолжила. – Не знаю, надо ли об этом писать... Но журналист, первым хорошо отозвавшийся о моем исполнении национальных песен, тут же получил выговор из уст одного из признанных народных певцов. А когда я по наивности стала выступать на республиканских песенных фестивалях, взвыли все остальные! Я же профессионал и из любого дерьма могу конфетку сделать... Словом, плюнула я на них... А им и ответить-то не чем. Конечно, я не владею национальным языком, как они. Но деревенские бабки на моих выступлениях спорили о том, из какой я деревни родом! А народный поэт республики сказал, что у меня произношение лучше, чем у профессиональных артистов нашего национального театра!

- Уйдя с нашими песнями с республиканской сцены, Вы, по-моему, успешно продвигаете их на российской?

- Продвигаю... Хотя другая на моем месте, может быть, и не стала этого делать. Чего метать бисер? Все равно ведь не оценят... И не заводите мне пластинку про «честь республики»! Я все больше склоняюсь к выводу, что наше руководство предпочитает этой честью торгануть. И покупатели все больше склонны эту честь изнасиловать. А тут я – «защищаю»!

- Оставим честь... тому, у кого она есть! - предложила Даша. – И все-таки, Вы же поете наши песни в Москве...

- И в Москве, и в Петербурге, и в Вене... Везде. Меня ведь поначалу воспринимали как национальный кадр из какой-то там Тьмутаракани. Поэтому, конечно, пусть туземка пошебечет что-нибудь из классики, но главное – пусть споет свое, народное для придания концерту национального колорита! При этом, уверяю Вас, ничего особенно выдающегося не ждали услышать. Так, какие-нибудь топотушки-дрободушки... Кстати, многие певцы эту жилу «примитивизма» успешно разрабатывают. Неплохие бабки делают! Но я признаю полуфабрикаты только в еде... А на сцене надо выкладываться полностью.

- И как оценивают наши песни профессионалы?

- Если я просто скажу – хорошо, то наши Орфеи задерут носы! И, кстати, зря.

- Почему? – удивилась Даша.

- Да потому что песне, как хорошему алмазу, огранщик нужен. Я же их не только голосом и техникой исполнения облагородила! Я заплатила свои личные деньги, чтобы из тонюсенькой нотной строчки получились партитуры для огромных, многоголосных оркестров. Лучших оркестров России! Этого тоже никто не хочет понимать...

- По крайней мере, я поняла.

- Спасибо, - усмехнулась Алия. – А, действительно, забабахайте-ка что-то вроде: «Благодаря многолетней подвижнической работе Алии, наша песня стала полноправной и органичной частью великой мировой культуры»! Слабо?

Глава 9

- Давайте теперь поговорим о том, что стало первым толчком к проповеднической деятельности, - предложил Президент. – Что касается Иисуса, то вряд ли визит волхвов к нему сразу после рождения явился таковым. Хотя искали-то они Царя Иудейского, не больше и не меньше...

- Да, - согласился Имраев. – Это были знаки не Иисусу, а его родителям. И волхвы, и Вифлеемская звезда, и явления ангелов Марии и Иосифу... А самому Иисусу, по-видимому, толчком послужило крещение в Иордане. Тогда Иоанн Креститель поначалу заявил: «Это мне надо креститься от тебя!»

- Вы правы. Именно после крещения и выхода Иисуса из воды отверзлись небеса, и Дух Божий в виде голубя ниспустился на него. Это видел Иоанн Креститель и слышал глас небесный: «Это мой сын возлюбленный!»

- Но, кроме этого, были еще сорок дней и ночей искушения дьяволом в пустыне! Устояв, он начинает проповедовать. Причем подкрепляет проповедь чудесами исцеления всякой болезни и немощи в людях. Кроме того, сразу обретает верных последователей в лице сначала Петра и Андрея, а затем Иакова и Иоанна. Все они были рыбаками.

- Иными словами, был всеми уважаемый человек, пользовавшийся бесспорным авторитетом, который всенародно подтвердил исключительность Иисуса. И были люди, обычные, из простолюдинов, которые безоговорочно последовали за ним учиться и проповедовать его учение... Знаете, Зубаир Магомедович, все это выглядит как хорошо продуманная и подготовленная операция по легендированию и внедрению агента! Искушение дьяволом – это, конечно, трудности первых дней адаптации в новой роли. Они естественны...

- Может, Вы и правы... Но все могло быть и наоборот. Возможно, что не к Иисусу были применены приемы разведки, а разведка училась на примерах Библии.

- Может быть, - усмехнулся Президент. – А что стало толчком для Мухаммада?

- Встреча с ангелом. Причем, первым словом, которым ангел небесный предварил откровение Божие, посланное Мухаммаду, было повеление: «Читай!» В этом смысле и ислам, и христианство являются религиями книги – Корана и Библии.

- Мне тоже кажется, что у этих религий много общего...

- Знаете, сам Мухаммад не называл ислам новой верой. В Аравии до него были праведники, так называемые ханифы. Они отвергали местных племенных богов и идолов, верили в единого Бога, но не считали себя ни христианами, ни иудеями, - Имраев помолчал, припоминая детали. - Первым ханифом мусульмане почитают пророка Ибрахима или библейского Авраама, друга Аллаха. Мухаммад видел свою миссию именно в восстановлении древнего завета Авраама. Иудеев и христиан он первоначально причислял к своим единоверцам, так как их объединяло с ним единобожие, вера в божественное откровение, ниспосылаемое через пророков, вера в День суда в конце веков, в рай и ад, отвержение идолопоклонничества, понятие о грехе и воздаянии... Видите, сколько общего! А размежевание с иудеями и христианами произошло после переезда Мухаммада из Мекки в Йасриб, который позже назвали Медина или Город Пророка.

- Понятно... А как первоначально восприняли проповеди Пророка его знакомые, соседи, горожане? В штыки?

- Нет. Я бы сказал – равнодушно. Проповеди Мухаммада собрали вокруг него группу верующих, не более тридцати человек. Так продолжалось несколько лет. И лишь потом Мухаммад обратился к жителям Мекки с первой публичной проповедью, объявив себя Пророком и призвав слушателей к почитанию единого Бога – Аллаха.

- По-видимому, это был глас вопиющего в пустыне? – поинтересовался Президент.

- Как сказать... Врагов-то он нажил быстро! Равнодушие к его проповедям сменилось раздражением, когда он заявил землякам, что их предки за свое неверие горят в адском огне!

- Не мудрено!

- Мухаммад попытался помириться, признав местных богинь дочерьми Аллаха. Но вскоре отказался от своих слов, объяснив их наущением Сатаны. Это еще больше усилило напряжение... Его спасло приглашение в качестве третьей судьи в город Йасриб, куда он и отправился.

- Н-да... В этом случае отсутствовала личность типа Иоанна Крестителя, которая бы засвидетельствовала исключительность Мухаммада. И, тем не менее, последователи нашлись! Хотя время... время... время...

Глава 10

- А почему Вы перестали ездить в Вену? – неожиданно сменила тему Даша. – По-моему, одно время Вы туда частенько наведывались.

- И не одна. Еще и концертмейстера, и баяниста возила за свои деньги. Кстати, мой баянист быстро пристроился там на работу при российском посольстве.

- А Вы чего же?

- А я честно тратила время и деньги на агентства, прослушивания, занятия... Правда, не совсем уж зря. Мне повезло взять несколько платных уроков у профессора Венской оперы, выдающейся оперной певицы Оливеры Милякович. Наверно, и я ей понравилась, потому что она, понимая, что денег у меня немного, сама предложила дать еще несколько бесплатных занятий. Но я отказалась. Не из ложной гордости или скромности. Просто считаю, что труд должен оплачиваться. Бесплатно щебечут только птицы...

- Что было дальше?

- Опять поездки, агентства, прослушивания... Я столько денег оставила в Вене! Наверно, могла бы на них купить квартиру в Москве, если бы была поумнее в то время. А так, пришлось ждать, пока не встретился умный, а, может быть, честный человек, который сказал буквально следующее: «Вы нас устраиваете с точки зрения Ваших профессиональных качеств. Не устраивает только одно – Вы живете где-то в России. Ни одно агентство не заключит с Вами договор!»

- Не понимаю. Им не нравится наша страна? Почему?

- Потому что всегда будет стоять проблема получения визы для меня. А это – время. А время, как говорится, - деньги. В самом деле, чего им связываться со мной? Да они позвонят любой другой певице куда-нибудь в Берлин или Венецию, она сядет в автомобиль и через несколько часов будет там, где ее ждут.

- Печально...
- Словом, мне ясно сказали: «Хотите быть европейской певицей – живите в Европе без виз и границ. А если уж живете в России – делайте карьеру там». Вот я и делаю... изо всех сил.
- А кого из известных можно считать «крестным отцом» Вашего успеха в России? Есть такой?
- Есть. Дога. Композитор Евгений Дога. Это он сразу и однозначно сказал, что я стоящая певица, и стал меня поддерживать. Не только на словах. Он познакомил меня с дирижерами московских оркестров. Написал для меня вокальное произведение, и я его спела в кинофильме. Кто еще в нашем северном углу может этим похвастаться?
- Думаю, что никто... Вы ведь и на «Славянский базар» ездили?
- Ну, не просто ездила, - улыбнулась Алия. – Я там выступала. И пела, между прочим, наши песни тоже!.. Это меня Николай Николаевич Калинин пригласил. Дирижер Национального оркестра народных инструментов России. Я с ним и на ракетном крейсере «Москва» выступала! В Севастополе.
- Туда-то Вас каким ветром занесло?
- Смешной был случай. Хотя начинался грустно и противно. Я тогда послала документы для участия во Всероссийском конкурсе исполнителей романса во Владимире. Время идет, люди получили приглашения, а я – нет. Стала выяснять, в чем дело. Оказалось, кто-то в жюри решил меня тихонечко «отодвинуть». И про меня «забыли». Думали, что я поскромничаю и звонить им не буду. Не на ту напали! Словом, вытребовала я приглашение... Когда Калинин об этом узнал, то обрадовался и сказал: «А после конкурса поедем в Севастополь! Я туда победительницу повезу». Он ни минуты не сомневался в моей безусловной победе. Хотя и не был там членом жюри.
- И жюри прямо так, единогласно и проголосовало? – поинтересовалась Даша.
- Не думаю... Споров, наверно, хватало. Припоминаю, что, например, в Таллинне, где я тоже взяла первое место на международном конкурсе, члены жюри долго спорили между собой, что лучше – копировать уже признанный стиль исполнения или искать новое в известнейших произведениях. Решили поддержать мои искания...
- Приятно, наверно, когда понимают?
- Да. Но понимание не означает, что прекращаются споры и дискуссии. В том же Таллинне, если уж быть до конца честной, первое место поделили между мной и местной певицей. Она пела точь-в-точь, как восставшая из гроба Изабелла Юрьева. Зачем нам две Изабеллы Юрьевы, убей Бог, не пойму! Но жюри-то оценило эту экзгумацию...

Глава 11

- Вас еще не утомила наша беседа? – поинтересовался Президент.
- Отнюдь! Не знаю, правда, насколько она плодотворна для Вас...
- Если бы она была пустая, я бы ее давно прекратил. В этом смысле я – человек решительный... Вам не кажется, Зубаир Магомедович, что судьба к Мухаммаду была более благосклонной? Иисус кончил жизнь на кресте, а Пророк фактически умер в царском величии.
- Да, он при жизни добился торжества своего дела. Начав с нуля, за несколько лет обратил все аравийские племена в ислам! Причем, проповедь у него хорошо сочеталась с убеждением силой. Он оказался талантливым или, если хотите, удачливым военачальником. Его войска отобрали у Сирии оазисы Хайбар и Фадак, вступили в Мекку, взяли Таиф... И дипломатом был неплохим - заключил с рядом северных христианских племен договор о покровительстве, который давал иноверцам право на безопасность и свободу богослужения в обмен на выплату подушной подати.
- Ну вот, полное торжество идеи, воплощенной в жизнь! То, что он оказался хорошим полководцем, меня не удивляет. Массовые народные движения всегда выдвигали талантливых вожаков. Спартак, Разин, Пугачев... Да и Чапаев с Буденным «академиев не кончали»... Умение заключать союзы, временные и постоянные, делает честь любому человеку, а руководителю в особенности... Видимо, именно эти качества позволили Мухаммаду еще при жизни увидеть плоды своих дел. Да и последователи, похоже, не подкачали?
- Мухаммад не оставил распоряжения о своем преемнике. В этом смысле он повторил, точнее, предвосхитил судьбу Ивана Грозного и Петра Первого. У Пророка не имелось прямого мужского потомства, и его смерть стала началом трудного времени для ислама. Племена отказались платить подати Медине, в них выдвинулись собственные пророки. Короче – смута!
- И что, некому было подхватить выпавшую власть? – удивился Президент.
- Первым преемником стал халиф Абу Бакр, отец любимой жены Пророка. Он силой и дипломатией сумел привести к повиновению племена Аравии... Вторым был халиф Омар, тоже тесть Пророка. При нем в состав мусульманского государства вошли Палестина, Сирия, Египет, Ирак и Иран... При третьем халифе Османе началась гражданская война. Она особенно разгорелась при Али ибн Аби Талибе, последнем из четырех «праведных» халифов или преемников. После убийства Али власть перешла к династии Омейядов, родственников Османа. Они покорили Северную Африку, вторглись в Испанию, угрожали Франции. Воины ислама захватили Хорезм, Армению, Азербайджан и Западную Грузию, нанесли поражение китайским войскам... Затем, династию Омейядов свергла династия Аббасидов. И так далее...
- Ну, и мы пойдем далее, - предложил Президент.

- После таких успехов, наверно, все пошло, как по маслу?
- Если бы... Именно тогда произошел один случай. Я никому о нем не рассказывала, - улыбнулась Алия. – Моя подруга решила стать моим импресарио. Я была не против. Куда лучше думать только о творчестве, отдав решение организационных и финансовых проблем надежному человеку! Увы, все кончилось быстро...
- Почему? Деньги не поделили? – предположила Даша.
- До денег не дошло, - махнула рукой Алия. – Представьте, моя подруга звонит в солидную компанию и задушевно говорит: «У Вас скоро праздник. Я хочу предложить Вам лучшую певицу нашей республики – Алию!» А там спокойно отвечают: «А мы ее таковой не считаем!» И сразу отбили охоту у моего импресарио...
- М-да... Обидно ответили...
- Честно, - уточнила Алия. – Всем не угодишь. Конечно, приятно, когда пригласят в солидную фирму и также солидно заплатят. Но это бывает не так часто, как хотелось бы.
- А сколько надо Вам заплатить за выступление?
- Так я и сказала! Чтобы завтра на первой полосе шарахнули про мои гонорары? Впрочем, одно мое интервью как-то озаглавили: «Я стою не тридцать тысяч!»
- Хорошая цена! – воскликнула Даша.
- Это было до деминации... По-нынешнему, это тридцать рублей.
- Извините...
- За что? Знаете, когда звонят из какой-нибудь компании и предлагают пару сотен за концерт, то мой очень вежливый муж очень корректно отвечает: «За такие деньги только я могу спеть!»
- Соглашались?
- Не смейтесь... Он частенько ведет мои концерты. Надо же между песнями и ариями дух пережить! Вот он и читает в это время свои стихи. Правда, несколько скованно себя ведет на сцене... Но с опытом придет и свобода.
- Я не смеюсь! Упаси Бог... Просто хочу понять... Как это – вроде известная певица, и вдруг – «мы ее таковой не считаем»?!
- Хотите сказать, «мордой в грязь»? – Алия пожала плечами. – Москва и не такое научит переносить...
- Например?
- Ну, представьте, что Вы только что блестяще спели в Кремле, Вам надарили кучу букетов, наговорили комплиментов, на шикарной машине довели до крыльца... Вы поднимаетесь по загаженной малолетними и немалолетними подонками лестнице на второй этаж... Открываете дверь семикомнатной коммуналки и по темному коридору, слушая несмолкаемое журчание воды в сломанном бачке унитаза и громкие семейные разборки пьяных убудочных соседей, идете в свою крохотную нору... Блеск и нищета куртизанок!
- Там все иногородние мучаются...
- Добавьте сюда еще восточную национальность... Пока не сделала себе прописку в Москве, боялась каждого милиционера... В террористки, может, и не записали бы, но нервы бы вымотали все! Однажды все-таки не убереглась, попросили предъявить документы. Долго вертели в руках мое удостоверение народной артистки и решили не связываться... После этого старалась еще быстрее и незаметнее обходить нашу славную милицию.

Глава 13

- Почему в исламе так много различных течений? У меня складывается впечатление, что каждый мулла трактует учение по-своему...
- Вы преувеличиваете, уверяю Вас! – горячо ответил Имраев. – Действительно, во все времена в исламе велась борьба религиозно-политических группировок, каждая из которых обвиняла оппонентов в заблуждении. А все дело в том, что в исламе, в отличие от христианства – и православия, и католицизма, - никогда не было централизованного института, который можно было бы назвать «церковью», не было и механизма утверждения догматов. Нет и того, кого европейцы называют папой, а русские - патриархом.
- Армия без полководца! Какая-то партизанщина...
- А, может быть, демократия? Мусульманские религиозные деятели обладают авторитетом не по должности, а по реальным знаниям. Поэтому их мнения не являются обязательными - навечно и для всех! Это дает простор для толкований и образования различных течений и школ.
- Ну, вот видите! Это положительный момент для нашего начинания... Важно найти грамотное и более-менее разумное объяснение появлению нового пророка. И того, кто это объяснение будет активно насаждать в сознании масс. Этот кто-то, возможно, и будет новым пророком.
- Тяжелая у него будет миссия! – покачал головой Имраев. – Присоединить к «замкнутой цепи» новое звено... Оно может оказаться лишним!
- Волков бояться... - отмахнулся Президент. – А когда реально появился Коран в виде книги?
- Считается, что Коран записан между 650 и 656 годом по повелению халифа Османа.

- А Мухаммад как с ним ознакомился?

- Я уже говорил, что ему явился ангел... И хотя ангел держал в руках свиток с полным текстом Корана, Мухаммад запоминал откровение с голоса, частями, ибо полная Божественная истина, явленная человеку сразу, испепелила бы его.

- Ну-ну, - задумчиво протянул Президент. – Вот и зацепка... А почему бы нам не предположить и не стоять насмерть на том, что в «османовский» текст вкрались неточности? Осману-то ангел, похоже, не являлся. А устная традиция, передающая легенды, как всем хорошо известно, что-то в них добавляет, а что-то теряет.

- Предположить-то можно... - согласился Имраев. – Но как быть с тем, что еще в девятом веке в исламе победило учение о «неподражаемости Корана»? С тем, что он есть предвечное и несотворенное слово Божие? Коран написан «арабским чистым языком», который, как считает исламская традиция, не поддается переводу. Возможны лишь толкования текста...

- Вы сами и ответили на свой вопрос! Возможны толкования текста – это для нас главное! Кроме того, наверняка, и позже были попытки как-то этот текст подправить или отредактировать?

- Конечно! Как и в христианстве, где, например, все известные письменные первоисточники разделили на правильные и неправильные или апокрифы... В десятом-одиннадцатом веках мусульманские ученые попытались выделить правоверное ядро ислама – «первоначальный ислам».

- Замечательно! – воскликнул Президент. – Выделение чего-либо из целого – это всегда очень субъективная процедура. Она обычно преследует какую-то сиюминутную цель. За прошедшие века эта цель, наверняка, утратила свою злободневность. Поэтому надо найти нескольких молодых и активных ученых, занимающихся историей ислама, которые бы запустили в религиозную среду мысль о том, что нечто важное было утрачено и во время Османа, и в десятом веке.

- Нечто важное – это возможность прихода нового мессии? – уточнил Имраев.

- Да! Именно возможность при каких-то условиях, а не обязательное его появление. Дескать, поэтому этот тезис и выпал из Корана.

- И как Вы собираетесь это сделать практически? – осведомился Имраев.

- Единственным путем, - спокойно сказал Президент. – Найти апокрифы, не попавшие в «первоначальный ислам». Или создать их!

- Создать?!

- Именно. Я не специалист в области религии, но кое-что смыслю в политике и разведке. И припоминаю, что накануне Великой Отечественной войны немцы сострипали некое досье, которое пагубным образом сказалось на судьбе маршала Тухачевского и ряда советских военачальников.

- Бытует мнение, что их гибель была предрешена, - осторожно заметил Имраев. – Досье было лишь формальным поводом...

- Какая разница? – пожал плечами Президент. – Главное, Зубаир Магомедович, что цель была достигнута. Заметьте, никто и не думал проверять достоверность представленных материалов.

Глава 14

- Не знаю, как подойти к этому вопросу, - честно призналась Даша.

- Попробуйте прямо, - предложила Алия. – По крайней мере, это будет быстрее.

- Хорошо... Говорят, что большинство Ваших проблем связано с тем, что у Вас не сложились отношения с коллективом театра. Это так?

- Ну... Наверно. Хотя творческий коллектив – понятие эфемерное, по-моему.

- Как это? Есть штатное расписание, места в котором занимают конкретные люди.

- Я понимаю, что не святые духи! Я хотела сказать об эфемерной сплоченности конкретно нашего коллектива. Тут не лебедь, рак и щука, а весь животный мир – от кровососов до хищников-людоедов. Где-то в промежутке есть и нормальные люди, конечно...

- Поясните, - попросила корреспондентка.

- У нас каждый тянет в свою сторону. Поэтому и топчемся на месте. Но пыли и вони много! Поэтому кажется, что стараемся изо всех сил.

- Вы все время прячетесь за образами... Ладно, о Вашем директоре мы уже говорили. А что делает, например, художественный руководитель?

- Ну, об уровне его постановок говорить не будем... После премьер, на которые люди идут, потому что в нашем медвежьем углу и идти-то больше некуда, зрителя обычно калачом в театр не заманишь. Конечно, везде есть фанаты... Для них потусоваться в зале и театральном фойе – словно в элитный клуб сходить.

- Что Вы имеете против постоянных зрителей?

- Я вообще ничего против зрителей не имею! В конце концов мы работаем только для зрителя... Но наш зритель и зритель большого города, где культурная жизнь богата и многообразна, - это две очень большие разницы! Там, хочешь - не хочешь, но если ты ходишь в разные театры, то они тебя начинают воспитывать своим уровнем, талантливой игрой актеров, гением музыкантов и творческими порывами режиссеров... Там конкуренция выдающихся личностей на сцене тащит за уши, к свету и души, и мысли зрителя!

А у нас... Это все равно что всю жизнь питаться в одной и той же захудалой столовой. Уже с души воротит, но кушать-то хочется...

- И... что?

- То самое... Театр ведь не односторонне воспитывает зрителя. Зритель, начав разбираться в тонкостях и прелестях сценического действия, сам начинает активно влиять на качество театра. Начинает носить на руках настоящих мастеров и бойкотировать серость. Но для этого надо сначала определить, кто есть кто... А как это сделает наш зритель? Он ничего другого не видит.

- Ну, а сами мастера сцены растут?

- А зачем? Молодые еще как-то шевелятся, чтобы глоткой и локтями, а то и другим местом – мы обе знаем, о ком идет речь, – пробиться в первые, жиденькие, провинциальные ряды. Но тот, кто туда попал, как правило, быстро начинает «бронзоветь». Конкуренции-то нет. Зато возможностей отхватить к юбилею грамотку, звание или госпремию – достаточно... Надо только молча смотреть в рот руководству и не рыпаться.

- Вы не назвали фамилий... А эти люди прямо возникли у меня перед глазами!

- Бог с ними... Мы говорим о тенденции, а она может обойтись и без имен. Так вот... А что делать руководителям республики? У них, помимо театра, столько проблем... То наши шахтеры касками на Горбатом мосту стучат... То заезжие ребята хотят протащить мимо нашего руководящего рта аппетитный кусок республиканской собственности, не поделившись с кем надо... Какая культура?! Пусть подавятся эти артисты званиями и медалями и не морочат занятым людям мозги! А то, что наших «медалистов» не только слушать, но и видеть на сцене нормальному человеку противопоказано...

- Какой выход?

- Никакого!

- Что – правда?

- Правда! Пока, как я уже говорила, не сломать существующую, годами выстраиваемую и лелеемую систему отношений нашего театра и нашей власти... Не буду я Вам сейчас прожекты строить... Надоело... Главное, нужен человек, который придет и... «до основания, а затем»... Я на эту роль не гожусь. Увольте! И никого из нашего круга не вижу...

- Почему?

- Тут нужна личность, обладающая огромной и беспощадной волей и пользующаяся вместе с тем непререкаемым авторитетом. У нас таких нет. Жидковаты по обоим позициям...

- А «варяг»?

- Для него наш «ренессанс» должен стать делом всей жизни! Главным делом! Не мелковата ли цель для великой личности? Чего он будет чистить наши «авгиевы конюшни»?

- Значит, все безнадежно?

- Сегодня – да! А завтра, может быть, нет.

- Что Вы имеете в виду?

- Могут измениться внешние факторы... Знаете, я была в одной компании. У нее, похоже, не нефть, а сразу доллары изливаются из скважин! Располагается она в микроскопическом городишке. Но для своих работников создала реальный коммунизм, оставив заодно и огромные зарплаты. Так они повара выписывали из Англии! И если у него что-то не получалось, в тот же день отправляли его назад к берегам туманного Альбиона. Взамен привозили следующего... Вот если в нашем городе появится богатая фирма, озаченная не только телесной, но и духовной пищей для своих сотрудников... то она хоть Гергиева, хоть Герберта фон Караяна сюда выпишет! А тот, имея карт-бланш, выполет все наши сорняки за пару недель!

Глава 15

- Меня беспокоит агрессивность ислама. Конечно, «крестовые походы» из истории не выкинешь... Но они все-таки не являлись и не являются обязательной составляющей христианского вероучения. А джихад, по-моему, главная и неотъемлемая часть мусульманской религии. Так? – было очевидно, что вопрос Президент задал, заранее предвидя положительный ответ.

- Если быть предельно точным, то нет! – решительно заявил Имраев. - Догматико-ритуальной основой ислама являются пять столпов веры. Первый – это исповедание веры: «нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад – посланник Аллаха». Второй – молитва, третий – пост, четвертый – обязательная милостыня и пятый – паломничество. Как видите, джихад сюда не входит.

- Никогда бы не подумал! И какое же место он занимает?

- Он определен как важная обязанность, примыкающая к пяти столпам веры. Джихад – это «усилие» или борьба за веру.

- Понятно, - хмыкнул Президент. – Здесь, как и в политике, важны оттенки. Значит, примыкает...

- Примыкает... - задумчиво повторил Зубаир Магомедович. – И вот здесь-то и кроется возможность агрессивного толкования ислама. Поскольку весь мир, согласно Корану, разделен на три сферы. Первая – это «область ислама». В нее входят страны, исповедующие ислам и находящиеся под властью мусульманских правителей. Вторая сфера – это «область мирного договора». Сюда входят регионы, подчинившиеся мусульманам путем договора. Здесь немусульманское население находится под покровительством ислама и платит за это подушную подать. А третья сфера - «область войны»! Это все немусульманские страны, не

имеющие мирного договора с мусульманами. А раз нет мирного договора, следовательно, они находятся с исламом в состоянии вечной войны.

- Похоже, мы в эту вечную войну и вляпались! Но не может же Россия платить подушную подать! Попахивает тринадцатым веком и монголо-татарским игом...

- Не все так грустно! – Имраев позволил себе закурить вторую за этот вечер сигарету. – Джихад – это не такое простое понятие, как иногда нам преподносят. Он подразделяется на несколько видов. Во-первых, существует джихад сердца или борьба с собственными недостатками. С собственными! Во-вторых, есть джихад языка – это разрешение одобряемого и запрет порицаемого. Своего рода цензура. И лишь потом - джихад меча! Да, это вооруженная борьба с неверными. Этот вид джихада также называют «газават», то есть набег, или «фатх», то есть победа. В такой войне запрещено убивать женщин, детей, стариков и невооруженных священнослужителей любого вероисповедания. А воинам противника можно оказывать пощаду без каких-либо дальнейших обязательств.

- Если попытаться подвести итог, то джихад не сводится к газавату. Но его усиленно сводят именно к нему. По крайней мере, в случае с Россией.

Глава 16

- Значит, Вы ждете появления «богатого дяденьки»? – удивилась Даша.

- Ну, Вы-то уж, Даша, хорошо знаете, что я ничего не жду. Работаю и борюсь в одиночку.

- Получается?

- Как сказать... Мне кажется, я научилась балансировать на поверхности болота. По крайней мере, по горло в воющую жижу давно не проваливалась... тьфу-тьфу-тьфу! Приходится считаться с реальностью, искать компромиссы, иногда идти на обман...

- На обман? – поразила Даша.

- Да... Вы лучше об этом не пишите. Не поймут... Меня столько раз обманывали конкретные люди, что я не вижу ничего зазорного в том, чтобы отплатить им тем же. Особенно, когда обман не раскрывается...

- Например?

- Обойдетесь без примеров! Хотя... Я об этом тоже никому не рассказывала... Однажды пришлось обмануть зрителя. Был какой-то праздничный концерт, и моему руководству втемяшилось в голову, что я должна спеть одно конкретное произведение. Чего они к нему пристали, не знаю. Может, кто-то «сверху» заказал? У меня-то проблем не было, я это произведение люблю и часто пою. Но наш оркестр никогда его не играл! Судорожно, за пару дней попытались его разучить – кто в лес, кто по дрова, а кому просто медведь на ухо наступил... Словом, поняли, что не судьба... Но почему-то Алия должна была выступить только с этим! Тут я и брякнула, что у меня есть отличная запись... И единственный раз в жизни пела под «фанеру»! Зрители ничего не заметили.

- Любопытно!

- Пишите-пишите, - усмехнулась Алия. – Все равно не догадаетесь, когда это было... Не знаю, почему, но вспомнила еще один случай. Вот тогда-то был стресс!

- Расскажите, - оживилась Даша.

- Меня пригласили спеть на юбилее одной нефтяной компании. И я решила блеснуть песней на английском языке. Я только-только начала разучивать несколько штук... Выбрала одну и несколько дней усиленно тренировалась, а другие отложила до лучших времен... Выхожу на сцену. В зале – вся наша элита, включая Главу республики. Даю знак звукорежиссеру, и он пускает «минусовку»... Это запись музыкального сопровождения... Пока шло вступление, я с ужасом осознала, что включили не ту музыку!

- Кошмар!

- Хуже... Но тут уже выручил чистый профессионализм. Не могла же я замахать руками и заорать, чтобы сменили пластинку! И я спела на английском языке неподготовленную мною песню. Отлично спела! Потому что один из руководителей, а он хорошо знал язык, сказал, что впервые в жизни полностью понял все слова...

- Вот это да!

- Одна моя подруга, пианистка, как-то призналась, что иногда, играя хорошо знакомое произведение по памяти, вдруг начисто забывала его посередине. И просто импровизировала, тщетно пытаясь вспомнить конец. Я тоже бывала в такой ситуации! Знаете, что в ней самое трудное?

- Нет.

- Самое трудное – раскланяться как ни в чем не бывало перед публикой! И принять аплодисменты, как должно! И царственно уйти со сцены с гордо поднятой головой.

- Похоже, Вы умеете держать удары...

- Лучше все-таки их избегать! Но не всегда получается...

Глава 17

- Вы не устали? У меня остался всего лишь один вопрос, - Президент взглянул на Имраева.

- Задавайте, - кивнул головой Зубаир Магомедович. – С трудом представляю себе, что мы еще не обсудили...

- Одну важную деталь. Ислам ведь, наверняка, не един? Есть течения и школы. Тем более что предать их анафеме некому!

- По-моему, существует пять основных течений. Дело в том, что ислам строится на Священном писании или Коране и Священном предании. Составной частью последнего является сунна Пророка, то есть его пример. Вот вокруг взаимоотношения Корана и сунны, в основном, и ломаются копыя.

- И много путного наломали?

- Я не специалист и могу сказать только в общих чертах...

- Попробуйте, - согласился Президент. - Как я уже сказал, специалистов я еще послушаю.

- Ну, во-первых, ханафиты – последователи Абу Ханифы. Сунна ими признается, но с оговорками. Распространен в Турции, на Балканах, на Кавказе, в Поволжье, на большей части Средней Азии, в Афганистане, Индостане, Индонезии, - Зубаир Магомедович подумал и продолжил. - Затем, маликиты – последователи Малика ибн Анаса. Они рассматривают Коран и сунну как единый источник. Это течение распространено в Ливии, Тунисе, Алжире, Марокко, Западной Африке, Кувейте, Бахрейне, частично – в Египте и Судане...

- А говорите – не специалист! Да Вы как с листа читаете!

- Религия – часть культуры народа. Можно не верить, но знать полезно.

- Полностью с Вами согласен, Зубаир Магомедович! Извините, что прервал. Продолжайте.

- Третья школа – это шафииты или последователи Мухаммада аш-Шафии. Они – некий синтез двух предыдущих школ. Шафииты многочисленны в Сирии, Ливане, Палестине, Иордании, Йемене, Иране, частично – в Ираке, Восточной Африке, Пакистане, Индии, Малайзии, Индонезии...

- У Вас повторяются регионы. Это означает, что в одной и той же стране могут быть разные течения ислама?

- Разумеется, - подтвердил Ибраев. - Продолжаю... Ханбалиты – последователи Ахмад ибн Ханбала. Они стремились очистить ислам через сунну, в которой видели комментарий к Корану. Бытует в Саудовской Аравии. Это течение популярно среди всех мусульманских фундаменталистов!

- Ого!

- Да... И, наконец, джафариты – последователи Джафара ас-Садика. Эти считают, что вера – не подражание, а следствие доказательств. Преобладает в Иране... Уф-ф!!!

- Так-так-так, - задумчиво побарабанил Президент по подлокотнику кресла. - Весьма предварительно... я бы остановился на... джафаритах. Доказательства – это всегда дискуссия, спор, публичное обсуждение вновь открывшихся обстоятельств... Словом, возможностей ввести в религиозный оборот новые идеи хоть отбавляй!

Глава 18

- Алия, а Вы пытались обсуждать Ваши проблемы вне театра?

- Конечно! Одно время, как Вам, Даша, известно, я увлеклась написанием проблемных статей. Ваша газета их охотно и очень оперативно печатала... Конечно, они будоражили наш театральный омут, но реальных положительных для меня последствий не имели. Отрицательные последствия были...

- Какие?

- Кислые рожи моих руководителей... Да Бог с ними!

- А кроме статей?

- Я пробовала говорить с нашим министром культуры и советниками Главы республики...

- Безрезультатно?

- Смотря что считать результатом... Окружение Главы, как это ни странно, всегда меня поддерживало. Не только на словах. И не только путем телефонного права. Даже деньги давали на поездки. Прямо в конверте...

- А министр?

- В принципе, он ничего не запрещал... Но очень советовал не выносить сор из избы и найти общий язык с моими противниками в театре... Но мне-то в театре в то время предлагали не компромисс, а полную и безоговорочную капитуляцию! На это я не пошла...

- И каковы теперь Ваши отношения с театром?

- Как у России с Японией! Войны нет, но мирный договор не подписан.

- И каковы перспективы? Радужные?

- Знаете, у них кишка тонка вышвырнуть меня из театра! А я по своей воле выйду оттуда только вперед ногами!

- Ну, об этом рано говорить! Значит, больше не спорите?

- Спорю, но сор не выношу... Наверно, мудрею. Или позвоночник гибче становится...

- По Вам не скажешь!

- И слава Богу! Конечно, враги никуда не делись... Но враги – это понятно. Не понятно и обидно, когда моими неприятелями оказываются люди, которым я лично ничего плохого не сделала. Иногда такое ляпнут – хоть стой, хоть падай!

- Что, например?

- Вернулась как-то с конкурса, где заняла первое место, а другая наша певица – второе в той же номинации. Радость хлещет через край! И тут подходит ко мне одна молодая солистка и прямо с болью в голосе и со слезами на глазах спрашивает: «Ну, почему ты заняла первое место, а не она?» И так откровенно переживает!

- Какая глупая!

- Не глупая... Настроенная!

- Вы хотите сказать, что ее специально настроили против Вас?

- Да. На войне как на войне, Даша. Это не значит, что ей все время говорят: «Алия плохая!» У нас действуют тоньше. Говорят: «У нас такая-то хорошая! И только она!»

- А что говорят Ваши московские друзья?

- Говорят: «Плюнь на свою Тьмутаракань и переезжай в Москву! Здесь для тебя работы навалом!»

Глава 19

- Ну, Зубаир Магомедович, вот и все... Спасибо! – Президент сделал движение, чтобы подняться.

- Знаете, - остановил его Ибраев, - у меня появился к Вам вопрос...

- Давайте!

- В принципе, я понял Вашу идею. Сногшибательно, если она осуществится...

- Надо не бояться ставить великие цели! И не надо размениваться по мелочам... Так что Вы хотели спросить?

- А чего Вы не определили на роль пророка Кадырова? Он же был религиозным лидером Чечни... Казалось бы, ему и карты в руки! А Вы его – в бюрократы...

- Эх Вы меня... поддели! – усмехнулся Президент. – Если честно, тогда у меня не было этой идеи. Была задача любой ценой прекратить широкие боевые действия. Любой ценой! Правда, с учетом территориальной целостности России и сохранения нашей юрисдикции над Чечней. Нужна была авторитетная фигура, способная оторвать людей от Масхадова с Басаевым и объединить абсолютное большинство чеченцев для мирной жизни в составе России.

- Вас даже не смутил тот факт, что в свое время он объявлял газават России!

- Не смутил... В России то коммунизм объявят, то газават... Он сам предложил свои услуги. Это звучит несколько двусмысленно, но дело обстояло именно таким образом. Он сам пришел к выводу о бесплезности вооруженного конфликта с Россией. И сам решил положить конец войне.

- И, кстати, преуспел в этом.

- Несомненно! Но... тогда он был нам нужен именно как политический, а не духовный лидер Чечни. К сожалению, он погиб...

- Пророк может быть мертвым. Но не может быть Героем России!

- Не передергивайте! Героя он получил за политическую деятельность! Если хотите – за смерть на своем посту. В пророки мы его не готовили и не планировали готовить.

- Да... Но что-то я не вижу никакой достойной фигуры претендента на этот пост.

- И слава Богу! Или Аллаху, как хотите... - засмеялся Президент. – Не приведи Господь, если бы такой очевидный лидер уровня Мухаммада или Иисуса был бы уже виден на горизонте! Что прикажете с ним делать? Договариваться? То есть платить подушную подать? Или, что не лучше, устранять с арены? В прямом смысле - физически?

- Н-да... Не знаю.

- Я тоже пока ничего не знаю, - устало признался Президент.

Глава 20

В День Конституции в Администрации Президента России состоялся традиционный концерт. Президент, как обычно, сидел в зале на первом ряду. Он считал свое присутствие здесь необходимым. Конституция – главный закон страны, поэтому лидер должен подавать пример уважения к ней.

В этот раз организаторы обошлись без приглашения всем известных и надоевших «звезд». «И правильно, - подумал Президент. – Я эти лица уже видеть не могу. Одни и те же...»

Среди прочих очень приятное впечатление оставила певица с необычным именем – Алия.

- Я ее немного знаю, - сказал Ибраев. – Из глубинки. Отличное вокальное образование. Всего добилась сама.

- Звание имеет?

- Народная артистка своей республики.

- Почему – не России? Уровень, по-моему, достойный.

- Вот Вы и дайте ей звание, - усмехнулся Ибраев. – Вы же Президент. Для начала – хотя бы «заслуженной России»...

- Чего Вы усмехаетесь? Думаете, только в военной сфере разбираюсь? И лишь в генералы способен людей производить?

- Отнюдь... Просто сразу вспомнил историю получения ею предыдущих наград.

- Интересно. Выкладывайте!

- Как мне рассказывали, звание заслуженной артистки своей республики ей присвоили лет десять назад.

- Давненько! Действительно, пора ей дать российскую награду.

- В тот раз без «руки Москвы» тоже не обошлось. На одном из концертов высокопоставленный российский чиновник спросил их Главу: «А почему она без звания? Всех остальных Ваших певцов можно было просто не слушать!» Глава-то и прозрел.

- Повезло. Бывает...

- А республиканское звание «народной» она получила года три назад. Тоже с приключениями. Ее руководство согласно давать награды всем, кроме нее. А тут был бенефис, и кто-то из близкого окружения в последний момент попенял Главе. Тот, видимо, припомнил предыдущий случай и ждать подсказки из Москвы не стал. Прямо с борта вертолета дал указание министру пойти на бенефис и объявить указ! Газеты потом написали, что Глава был в приподнятом положении...

- Н-да... Нет пророка в своем Отечестве... Это я не только о ней... И о нашем прошлом разговоре тоже...

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Раиса КУКЛИНА

НЕЖНЫЕ СЛОВА, ПОСВЯЩЕННЫЕ МАТЕРИ

Жителям республики, которые читают газету «Эском» (Вера), имя православного журналиста Евгения Суворова очень хорошо известно. От своего имени он опубликовал уже много сотен статей. Слово Е. Суворова возвышенно и свежо. Он горячо призывает людей жить чисто, в любви и согласии. Именно это и является самым главным и ценным в его работе.

С 1982 года Евгений Суворов публикует свои стихи в газетах «Огни Вычегды», «Красное знамя» и других. С его поэзией можно познакомиться в альманахах «Звезда забытого завета» (1994), «На изломе» (1995), «Берега» (1996), «Сыктывкар» (2001 и 2002). Его поэтическое слово также светло. Аура каждого стихотворения отличается легкостью и свежестью. Мне известно, что многие его стихи стали мелодичными песнями.

Хочется познакомить читателя со стихами Евгения Суворова, посвященными матери. Поэт раскрывает свое теплое сердечное чувство. Его слова нежны, теплы, чисты, мягки. Они по-своему удивляют и изумляют. Даже сладкоголосый поэт Сергей Есенин не сумел так осветить свое чувство любви, обращенной к матери. Прочитайте отрывок из стихотворения «Маме» и сами согласитесь со мной:

Мамочка родная –
Белый свет в окошке,
Наполняет душу
Нежное тепло.
За окном ненастье,
Все пути-дорожки
До родного дома
Снегом замело.
Далеко от дома
Увела дорога,
Носит меня где-то
По чужим краям,
Пройдено немало,
Прожито немного,
Все во славу Бога
Людам я отдам...

Чистые и мягкие, теплые чувства, конечно же, от Бога. В этом и других стихотворениях божественная энергия (Енру), по-русски она называется синергия, проявляется очень хорошо. Ею пронизано каждое слово, каждый звук. Как теплый ветер, она греет сердце. Бывает, что вольно и невольно мы обижаем своих матерей, людей, которые живут с нами рядом. И такие стихи рождают желание так же тепло и с любовью обращаться с близкими.

Во многих стихах, посвященных матери, поэты благодарят своих матерей за то, что они отдают свои силы, чтобы вырастить своих детей. Накормить-напоить, одеть. Такая поэзия часто встречается и в коми, и в русской литературе. В поэзии Е. Суворова звучит сердечная благодарность матери за ее молитвы. Поэт искренне верит, что в жизни каждого человека материнская молитва играет благотворную роль. Он проникновенно пишет об этом:

Где б меня, родная, в жизни не носило,
Согревает душу нежное тепло.
Знаю, что всегда ты молишься о сыне.
Дай Вам Бог здоровья!

И храни Вас Бог!

Стихотворение «Маме в день рождения» пронизано летним теплым ароматом. Сюжет как бы создает своеобразную картину. Поэт идет по лугу. Он хотел собрать грибы и подарить их матери. Грибов он не нашел. Вместо них в корзине «Улыбаются» ромашки.

Автор использует такие уменьшительно-ласкательные слова: «травка-муравушка», «березоньки», «доньшко», «плетеночка», «вдовушки». Они, действительно, очень украшают текст стихотворения:

Не закрыл и доньшка,
Не набрал нисколечко.
Наберу я солнышек
Целую плетеночку.
Пусть смеются вдовушки:
«Эк, набрал Евгений, а!»
Подарю я солнышки
Маме в день рождения.

Поэзия Евгения Суворова очень богата и разнообразна. Он выражает свои чувства, раскрывает восприятие мира. Они близки к сегодняшней жизни, которая уже в течение многих лет быство, незаметно, неожиданно меняется и оставляет ранящие отметины в человеческих сердцах. С этим связаны грустные и печальные мотивы во многих стихотворениях. И все же более явственно и ощутимо звучат вера и надежда поэта на лучшую жизнь. Хочется также уверить читателей, любителей поэзии, что скоро мы сможем лучше познакомиться с чистым и одухотворенным словом Евгения Суворова. Издательство «Эском» готовит к выпуску в свет сборник его стихотворений, который называется «Листопады души».

Вениамин ПОЛЕЩИКОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

В феврале 2003 года я работал над очерком о Павле Николаевиче Полещикове. Он – мой земляк, а возможно и родственник, был одним из организаторов молодежного движения в республике. С 1924 по 1927 год он был первым секретарем обкома комсомола, 1927-1929 годах возглавлял Усть-Сысольский горком партии. Павел Николаевич – участник сталинградской битвы, погиб при освобождении Украины от фашистов в 1943 году.

В честь него с 1979 года одна из улиц поселка Чкаловка Криворожья носит имя Павла Николаевича Полещикова.

При работе над очерком о нем постоянно возникали вопросы, на которые я не находил ответа ни в немногочисленных публикациях о нем, ни в архивах. Поэтому мне пришлось искать людей, прежде всего его родственников и земляков, которые бы располагали какими-либо сведениями о Павле Николаевиче. Одним из таких людей оказалась Клавдия Ивановна Макарова, заслуженная учительница Республики Коми и Российской Федерации. Она и Павел Николаевич, оба уроженцы села Серегово.

В конце февраля, несмотря на свои 88 лет, она пришла ко мне на квартиру и, как оказалось, не с пустыми руками. Клавдия Ивановна передала мне фотографию П.Н. Полещикова, внесла некоторую ясность по ряду моментов его жизни и деятельности. Но самое неожиданное и удивительное ожидало меня впереди. Кроме Полещикова я заинтересовался сереговским писателем Иваном Алексеевичем Шергиным. Клавдия Ивановна немного помнила писателя и его жену Марию Густавовну, которая в Сереговской школе преподавала немецкий язык. Во время беседы Клавдия Ивановна быстрым движением достала из старенькой сумки пожелтевший лист бумаги и сказала: "Я принесла вам стихотворение Шергина".

В моем архиве имеется несколько произведений писателя, написанные им в последний период жизни, но такого стихотворения не было. С большим волнением я прочитал его. Как живая предстала передо мной природа родного края и многих уголков окрестностей села Серегово, в которых и я бывал неоднократно. Привожу текст стихотворения:

РОДНОЕ СЕЛО

*На правом берегу реки Выми,
Что в Вычегду впадает,
Раскинулось высоко на горе
Серегово – село мое родное.*

*Все живописно здесь:
И горы, и холмы,
И полоса родных полей,
И полоса лесной каймы.*

*И эти улицы, которые
В Серегове зовут рядами,*

*Зеленым бархатным ковром
Легли красиво меж домами.*

*Все так красиво здесь!
Так все ласкает глаз
У каждого, хоть видит он
Уж это в сотый раз.*

*На севере – Шидма и Седняй,
Там, за горой, Пенник, Клюка,
Мыс Боровой, иначе называют,
На юг Усолье и река.*

*Красавец Рипин за горой,
И страшная Демидова тропа,
Середняя и Крюк с Большой
Веретией – знакомые места.*

*Красивый Сондыс так хорош
В вечерние часы заката.
И дали за рекой,
И роца лиственниц у тракта.*

*Но всех милее Бор,
Неясимы и Гаревая.
Гиганты сосны, белый мох,
Боровики, брусника боровая.*

*Народ веселый заводской,
С находчивой и острой речью,
Порою правду скажет так,
Как будто проберет картечью.*

*В селе за эти годы вырос
Курорт – здравница для народа.
И скоро будут там лечить
На протяженьи всего года.*

*Мне с детства дорого здесь все:
И каждый уголок в родных полях,
В лесных труппах тропка –
Напоминает все о прожитых годах.*

*Ряд длинных варниц у реки,
Где солевары соль варили
В больших черенах день и ночь
И соль в столицы вывозили.*

*С мешочками картофеля в руках
По вечерам осеннею порою
Девчонки и мальчишки из села
Туда варить бежали мы гурьбою.*

*Теперь иное все в селе,
Жизнь новую счастливо начинают.
О тяжелой доле и труде
Лишь старики со вздохом вспоминают.*

(Стихи написал Иван Шергин. Переписала К.И. Макарова с записи Нины Кесаревны Новиковой-Ешкелевой 12 июня 1995 года. Духов день, с. Серегово)

Это стихотворение Ивана Алексеевича Шергина можно смело датировать 1929 годом. Именно в этот год открылся Сереговский курорт, упоминаемый в стихотворении. Позднее этой даты Иван Алексеевич написать стихотворение не мог, так как 31 декабря этого года был арестован.

Возникает вопрос об авторстве стихотворения. Писатель и поэт Андрей Валерьевич Канев, когда я ознакомил его со стихотворением Ивана Алексеевича, посоветовал мне взять от К.И. Макаровой письменное подтверждение, что именно она переписала стихи из тетради Н.К. Новиковой-Ешкилевой. Ведь обнаружение ранее не известного стихотворения поэта, это своего рода открытие в коммунитативном литературоведении, и оно должно подтверждаться неопровержимыми свидетельствами. Наверное, так и следовало сделать. Но для меня авторство И.А. Шергина настолько очевидно, что я не стал лишним раз беспокоить старого человека.

И.А. Шергин в этом стихотворении, как и в других произведениях, выступает как большой мастер описания природы. В рассказе "На Буткинском волоку", полном трагизма, он так описывает зимний морозный день: "На третий день солнце даже не показывалось из-за тумана, а лишь на вершинах леса временами вспыхивали кровавые отражения и скоро мертвенно гасли в хвойной поросли бледно-розовые оттенки кровавых отражений. Затем над гущей леса, сквозь кудрявые шапки сосен, мигало бриллиантовыми узорами звезд морозное небо. Среди мертвого равнодушия, царившего кругом, скрип полозьев звучал болезненно, как "тянул за душу", и в лесах разливалась печальной музыкой тяжкая скорбь однообразной жизни. Из-за хвойных переплетов леса вдруг показались световые полосы, опоясывая небосклон севера желтоватыми и фиолетовыми лентами. Угрюмые ели, свесив хвойные космы ветвей, осыпанные снегом, как будто ожили в дивном свете северного сияния, а световые ленты переливались в радужные тоны и скоро над головами возчиков сложился царственный венец, сверкавший ослепительными искрами".

В стихотворении имеется фраза "лесные труппы", а одна из книг писателя носит название "В северных труппах".

Для стихотворения И.А. Шергина свойственно использование формы свободного, белого стиха. Он пишет так, что читать сам в состоянии разобраться и найти то, что может его волновать, быть дорогим его душе.

Стихотворение "Вождю красного движения", тоже написано в этой форме.

И.А. Шергин родился 4 ноября 1866 года в селе Серегово Яренского уезда Вологодской губернии. С 1906 года начал заниматься литературной деятельностью. Им написаны книги: "Богатства Севера", "В дебрях Севера", "На Севере", "Поездка на Север", "Жизнь на Севере", "В северных труппах".

В 1912-1914 годах Иван Алексеевич издавал в Петрограде журнал "Вестник Севера", одновременно являясь его редактором и издателем. В журнале и книгах Шергин против грабителей природных богатств Севера, против "засилья столбопромышленников" и мародеров. Он бичевал роскошь, капиталистическую эксплуатацию и духовенство, разврат "лаврских котлов", как он называл их в своих произведениях.

Царское правительство неоднократно подвергало журнал и его издания конфискации, грозило ссылкой.

Со времени издания журнала Иван Алексеевич свою ходатайскую деятельность считает не менее важной, чем литературную.

Он заступался не только за отдельных людей, но и за весь северный край. Об этом говорят помещенные в журнале статьи: "Распродажа Архангельской губернии оптом и в розницу с людьми и без оных", "Мертвые богатства", "Сереговские мученики" и другие.

В февральской и октябрьской революциях Шергин, проживая в Петрограде, а затем в Серегове, участия не принимал.

По своим политическим убеждениям И.А. Шергин, как он неоднократно заявлял в ходе следствия, являлся крестьянином – трудовиком, индивидуалистом. Проживая в селе Серегово, Иван Алексеевич вместе с женой и младшим братом писателя Павлом Алексеевичем занимались сельским хозяйством. Имели одну лошадь и две коровы. Кроме занятий по хозяйству, Иван Алексеевич по просьбе местных жителей писал различные заявления, жалобы, ходатайства, в которых вставал на защиту безвинно пострадавших и добивающихся правды людей. За подобную деятельность власти стали преследовать его. В 1918 году за статью "Свободная Россия" он был арестован, около года провел в Устюжской тюрьме и был осужден на ссылку в Сибирь.

5 марта 1919 года в газете "Петроградская правда" была опубликована его статья "Коквицкие коммунисты". В ней речь шла о расстреле без суда и следствия пяти крестьян из деревни Нижние Коквицы: "Пока Окулов ходил за патронами, "коммунисты" добивали Першукова штыками... А Василий Васильевич Порсьюров замерз с пальцами, сложенными в крестное знамение... После расстрела "коммунисты" возвратились в деревню, потребовали хлеба, масла, молока. Десять фунтов масла растопили в печке и макали кусками хлеба. В избе расстрелянного особенно весело пировали..."

За эту статью Иван Шергин в 1919 году был осужден на три месяца заключения.

В 1922 году за написание жалоб в центральные органы власти Шергин снова арестовывается, но вскоре за недоказанностью улик дело прекращается.

В 1923 году, когда Шергин представил во ВЦИК сорокастраничное сообщение о "налогово-взыскательном погроме в Северо-Двинской, Вологодской и других губерниях", он опять находился на грани ареста.

В 1925 году – новый арест. Поводом послужили обращения Шергина в защиту ограбленных и разогнанных из Кытловского монастыря монахинь. Одно из писем было адресовано Председателю ВЦИК Калинину.

Другая статья И.А. Шергина "В Кылтовской детской колонии" также вызвала отрицательную реакцию новой власти. В заявлении от 10 марта 1925 года он сообщает: "Я написал о страшных заболеваниях детей кылтовской детской колонии и пригрозил, что пошлю эти материалы через Патриарха Тихона за границу".

В том же, 1925 году, дело в отношении И.А. Шергина было прекращено в связи с амнистией.

В сентябре 1929 года И.А. Шергин направил во Всероссийский Союз писателей статью под названием "Строительство социализма". В ней автор подверг жесткой критике раскулачивание крестьян и коллективизацию сельского хозяйства, которая привела "к сокращению размера хозяйства, к упадку скотоводства, к ограблениям и расстрелам крестьян".

Из Всероссийского Союза писателей статья была направлена в ОГПУ. 23 ноября 1929 года начальник Секретного отдела ОГПУ Агранов дает указание начальнику Коми-Зырянского областного отдела ОГПУ и копией в Полномочное представительство ОГПУ Северного края: "Обыскать Шергина, изъять у него материалы, арестовать и дело прислать на Особое совещание. Прилагаемое письмо можно использовать в качестве следственного материала".

Чтобы сделать писателю больнее, ему не дали возможности встретить новый 1930 год в кругу семьи и родственников. Его арестовали 31 декабря 1929 года.

При обыске у него обнаружили статьи: "Ленинско-коммунистическое самообольванивание", "Верхоглядство и бюрократизм", "Строительство социализма" и стихи "Вождю красного движения", а также другие "компрометирующие" документы.

8 января 1930 года начальник Коми областного ОГПУ сообщил в ОГПУ Севкрая и в Секретный отдел ОГПУ в Москву, что "Шергин Иван Алексеевич (до революции литератор) писал и направлял контрреволюционные письма во Всероссийский Союз писателей и в "Правду". Произведенной проверкой подобные письма и контрреволюционные статьи обнаружены в массовом количестве и предназначены за границу, о чем показал сам Шергин при следствии. Шергин и его брат Павел содержатся под стражей".

На допросах он сказал: "На ВКП(б) я смотрю также, как на Соввласть, то есть ее идеям я сочувствую, но практическую ее работу теперь считаю совсем неправильной... Построение социализма – это фантазия... Учение Ленина я признаю. Ленина гениальным я не считаю. Деятельность Сталина считаю в корне неправильной... По своим политическим убеждениям я – народник, считаю необходимым организацию народной власти с дачей возможности индивидуального развития крестьянства. Настоящая политика Соввласти привела к разорению страны, наступил голод и это Советская власть еще сама усугубляет..." 23 марта 1930 года тройка ОГПУ Северного края осудила И.А. Шергина и брата его Павла на три года ссылки. Его отправили в Архангельскую область; по дороге в том же году И.А. Шергин умер от истощения.

Иван Алексеевич Шергин не был врагом Советской власти. В одном из своих заявлений в 1924 году он писал, что "власть в большой опасности и надо спасать ее всеми силами..." Он был обличителем. Своими статьями И.А. Шергин вскрывал гниль социализма, пытался обратить внимание властей на его недостатки и упущения с тем, чтобы исправить и устранить их. Он по-своему заботился о здоровье и благополучии нации. И в этом его колоссальная заслуга.

Мария ПЛОСКОВА

ИСТОКИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Прочитав рассказ И.И. Белых «Лёз из» («Синий камень»), я наткнулась на удивительное явление: человек в языке и язык в человеке. Вспомнила тогда слова Бодуэна де Куртэне: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» и появилось желание исследовать его выражение и подтвердить высказывание учёного на рассказе коми писателя И.И. Белых.

Надо обратить внимание на то, что автор И.И. Белых с детства усвоил тонкости языка и вместе с ним культуру своих родителей, а также и менталитет коми народа, и они, как на зеркальной глади, ясно отражаются в маленьком рассказе. Этот рассказ специфичен и уникален, где маленький мальчик с достоинством фиксирует в себе «мир коми языка» и житейские явления в социуме. Информация о мире мальчику приходит по лингвистическому каналу, через слово, и этот дар настолько благороден, что через него узнаёшь не только культуру и нравственность коми зырян, но и владение народом собственным языком. И здесь сам писатель проявляется не столько в плане культуры речи, сколько умением проникнуть в тайны языка прародителей.

Если анализировать этот рассказ со стороны структуры изложения, то невольно остановишь свой взгляд на названии рассказа «Лёз из» («Синий камень»). Название рассказа очень простое, ассоциируется с детским понятием о синем камушке. В первом предложении автор даёт некоторую установку на восприятие текста, а во втором предложении слова отца «Синий камень синим камнем и останется» (*Лёз из лёз изйён и коляс!*) становятся плотно намотанным клубком, который надо размотать. «Нить» в клубке необычная: связь языка и культуры, связь души и ума, связь взрослого мира и детства, связь трудового процесса и физических возможностей. «Клубок» – социум «разматывается» **через трудовые процессы** маленького мальчика, он проходит так называемую «жизненную школу», чтобы раскрыть тайны слов отца. Уже в самом начале расска-

за мы чувствуем культуру воспитания детей коми. Спокойный, тактичный ответ отца «*подрастёшь да сам узнаешь*» («*быдман да ачыд тӧдмалан*») стал для него жизненным «ключом», только мальчик не мог представить, где найти для него «замок».

Надо сказать, что выражение (*Лӧз из лӧз изйӧн и коляс!*) бытует в Сыктывдинском и Усть-Куломском районах Республики Коми, но дословный перевод его для многих – это пустой звук. Только в **практическом контакте** человека с природой можно узнать **природные качества «синего камня»**. Из рассказа мы узнаем, что камни использовались в строительстве и в быту, для улучшения здоровья людей; они приносили пользу, радость, а неумелым, непрактичным – горе. А эта непрактичность – вина родителей, следствие неумения передать свой опыт молодым, а ведь к детям надо относиться с большей ответственностью и с искренней любовью. Только проанализировав происшедшее в его жизни, мальчик находит «замок для отцовского ключа»: как оказалось, «волшебную дверь» не нужно искать за горами и морями, она все время была рядом, но только такая незаметная.

Чтобы постичь **содержание**, надо погрузиться в этнокультурологические особенности коми народа, его этническое самосознание и этнолингвистические наблюдения, вернее, войти в национальную языковую картину в ее объективной реальности. Сама поговорка «*Синий камень синим камнем и останется*» в этом рассказе реализует помимо своих прямых и переносных значений ещё **потенциальную информацию**. Она в скрытой форме находится в содержании текста. Это культурно-идеографическое поле, в котором писатель продуктивно оценивает самого себя, где яркое отражение народной мудрости: *учить и воспитывать детей через слово*. Эта поговорка и её сегмент «лӧз из» («синий камень») в душе у мальчика хранились всю жизнь. И возникает вопрос: «Почему же отец не ругался бранными словами, а использовал простую поговорку»? На это есть простой ответ: чтобы беречь детей от зла! От злых слов, от злых людей, от злого общества, от порчи. Это сакральный обет, этнокультурологическая основа жизни истинно коми человека в сохранении своих детей, рода, нации. Истинны в этой жизни только практическая деятельность и контакт с природой. Прямой контакт и потенциальная информация о природных материалах создают реальную картину о характере человека и о менталитете коми народа. **Характер** коми народ называет «*ру*», что в переводе на русский язык означает «пар». В этом слове источник сознания, мышления коми человека. А он это «вычерпал» из природы, жизни. «*Ковш горячей воды выплеснет отец на каменку, и тут же горячий пар охватывает детей*». Пар не только лечит, но и калечит, смотря на какой камень попал... И пар, и камень создают образ человеческого **характера**. В данном случае недоброго человека.

Захотелось мне самой посмотреть на этот камень (дзимбыра из) и убедиться в его силе. Нашла я его в институте геологии КНЦ. Во-первых, в слове «дзимбыра» есть суффикс –а, который несёт в себе информацию «имеется». Что же здесь имеется? Выемка, где сохраняется или держится вода, когда на каменку выплескиваешь воду, и в камне серо-зелёные крапинки, солевые вкрапления. В нем, я думаю, и есть эталон видения человека. Как мог писатель найти такой источник? А Иван Ильич Белых не думал об этом и не искал, это явление само вышло из его души. Вот как «выплёскивается» из души «национальный продукт», из опыта жизни языковой личности. Вот эта потенциальная информация о создании характера человека и его образа не всегда доступна читателям. Человек в языке и язык в человеке – ассоциация жизни, ассоциативные реакции на создание источника языка. Для поговорки «Лӧз из лӧз изйӧн и коляс» идентичной поговорки я не нашла ни в коми языке, ни в русском языке. У коми есть поговорки, такие как «У чёрной собаки шерсть не меняется», «Своя собака сильнее укусит», «От зла добром не отвяжешься», а в русском языке «Горбатого могила исправит» – и ни одна из них не выделяет **потенциальную информацию о характере** так, как в произведении Ивана Ильича Белых «Лӧз из». По содержанию рассказ небольшого размера, а семантический объём огромный. Уникальное этнокультурное произведение. В данном рассказе автор использовал 14 антонимических пар, что тоже приводит нас к восхищению. Все пары являются лексическими антонимами и разными частями речи.

В контексте через антонимы **читатель воспринимает информацию:**

- *О практическом отношении к объектам быта, к старому и новому в жизни.*

В рассказе отец вначале построил новую баню, а затем уже разобрал старую. Практический опыт подсказывает, что без *старой* бани пока нельзя жить, мало ли чего... но... *новая* нужна, конечно, детям – вот смысл жизни!

- *О традиционной закалке организма.*

Здесь отец выплеснет на каменку *горячую воду* и пар окутает их. Помывшись, облившись *холодной водой*, направляются домой. Истинный коми человек в бане никогда на каменку не плескал холодную воду (камни могут потрескаться), холодной водой обливался – закаливал организм, сосуды организма восстанавливал после парилки. И т.д..

Все антонимы в рассказе переплетены настолько искусно, что без них нельзя представить настоящую коми баню. Приёмом передачи содержания этого рассказа выступает антитеза и она передаёт всю суть реальной коми жизни.

На произведении «Лӧз из» можно наглядно показать самые лучшие качества современного коми языка, его неисчерпаемые жизненные силы и художественные возможности. На основе антонимов легко развивать навыки правильного использования лексики коми языка, воспитывать языковое чутьё и высокую культуру речи.

Этнокультурная специфика антонимической лексики побудили меня и к исследованию их с точки зрения происхождения и я была удивлена тем, что «лэптис» (поднял) – «резьодис» (разобрал), «тэчны» (сложить) – «разны» (разобрать) существовали уже две тысячи лет до нашей эры. Значит, человек в душе, в памяти и в крови сохранил данные лексические единицы как символ жизни и продолжение рода.

Я рада и безмерно благодарна Ивану Ильичу Белых за богатство его души, за прекрасную передачу нашему поколению национально-языкового сознания, за создание национально-культурной картины бытовой жизни коми народа.

Чтобы представить перед глазами информационный мир его детства, я попросила у Ивана Ильича Белых фотографию. С маленькой фотографии художник Валентин Александрович Клейман сделал точную копию в цветном исполнении. Уже на лице мальчика можно заметить истоки его таланта.

Андрей КАНЕВ

«РУКОЮ НЕЖНОЮ Я СЛОВО НАПИШУ...»

Женская проза в русской литературе Республики Коми является заметным явлением современного регионального литературного процесса. Наиболее яркими ее представительницами можно назвать Тамару Ломбину, Любовь Терентьеву, Марину Плеханову, Ирину Величко, Людмилу Изьюрову и совсем еще юную Нику Невинскую. Это уже сложившиеся писательницы со своим взглядом на литературу и жизнь, со своим самобытным видением мира и житейской философией. Разнятся они лишь объемом опубликованной прозы, но ни в коей мере не профессиональным уровнем ее исполнения.

У Ирины Величко сыктывкарской художницы, журналистки и фотохудожника, щедро наделенной творческой энергией и различными талантами, литература, на мой взгляд, занимает в жизни самое значимое место. К сожалению, у нее пока нет отдельной книги прозы, к чему автор, как мне кажется, судя по опубликованным произведениям, уже давно пришла.

С одинаковой легкостью, как мне кажется, она справляется и с большой, и с малой прозаической формой, а не так давно попробовала свои силы и в написании киносценария. В литературном сборнике «Выбор» И. Величко опубликовала повесть «В тот год...», в журнале «Север» и республиканском литературном альманахе «Белый бор» рассказы «Завтра мы будем жить долго...», «Главная тема вечернего выгула», «Промозглый дождь», в двух номерах городского литературного альманаха «Сыктывкар» повесть «Злой дядька Стрептоцид» и мелодраму «Тася, милая...». Так что, отдельная книжка добротной женской прозы уже давно созрела.

Основной темой прозы Ирины Величко является тема женского одиночества в странном и страшном современном мире, непонимание тонкой женской природы порой грубыми и неотесанными самцами-мужчинами, которых хлебом не корми, а только дай подержаться за чью-нибудь юбку. При прочтении ее повестей и рассказов подкупает та естественная искренность, с которой писательница окунает читателя в жизнь современной несколько эмансипированной от мужского неучастия в судьбе, нервно-интеллигентной женской природы. Философия жизни ее героинь сводится к неизбежному самокопанию и постоянному поиску спутника жизни. Чем, по большому счету, проза Ирины Величко и интересна. Она умело сочетает порой авантюрную сюжетную линию с развернутыми диалогами и внушительными нравочтениями, все это оформляя сочным языком опытного рассказчика.

Любовь Терентьева – известный в России драматург, пьесы которой ставились во многих драматических театрах страны, известна современному читателю еще и как автор поэтического сборника «Женская логика», а также автор нескольких прозаических произведений. Ее проза выходила в свет в журналах «Север», «Войвыв кодзув», сборниках «Было - не было» и «Берега», а также в литературном альманахе Республики Коми «Белый бор».

Проза Л. Терентьевой представлена повестью «Было – не было» и двумя десятками рассказов, из которых самыми яркими, на мой взгляд, являются «Простое-двусоставное» и «Двойник». Персонажи произведений писательницы проживают сложную, полную душевных взлетов и падений жизнь, но созидательное начало у героинь Л. Терентьевой всегда превалирует над разрушающим. И будь то две «равзеденки» Ритка и Маринка из повести «Было – не было» или «взрослая» школьница из рассказа «Простое-двусоставное», тяжело переживающая разлад в семье между родителями – концовка историй, рассказанных о них это всегда, как мне кажется, рождественский «хеппиэнд». Чем проза писательницы и хороша. Устал современный читатель от постоянной «чернухи», ему уже давно хочется сказки с доброй концовкой. Хочется отметить замечательную конструктивную выстроенность прозы Любви Терентьевой, ее тонкую продуманность и компактность, что тоже немаловажно для современной литературы.

Людмила Изьюрова заявила о себе как о тонкой писательнице женского психологического портрета, издав в литературном альманахе «Сыктывкар» за последние годы две откровенные повести «Здравствуй и прощай» и «Мифы и реальность». Мир ее героинь – это мир любовного переживания, который строит свои города и маленькие хуторки от первого «взрослого» контакта с противоположным полом до полной самоотдачи большому чувству опытной салонной львицы. Людмила Изьюрова помимо прозы про-

бует свои силы, как в поэзии, так и в литературоведении, что, как мне кажется, благотворно влияет на написание ею прозы.

Мое первое знакомство с Тамарой Николаевной Ломбиной произошло в ноябре 1987 года на республиканском семинаре русских авторов, и то первое ощущение добра и света, исходящих от этого красивого человека, не покидает меня по сей день. Помню, тогда известная поэт Надежда Мирошниченко написала о ней в своей статье «В начале пути»: «Рассказы преподавателя СГУ Тамары Ломбиной, которые появляются и в «Красном знамени», высоко оценены московскими прозаиками. Вызывает сожаление, что до читателей республики доходит лишь усеченный вариант ее творчества, так как площадь газетной страницы мала для развернутого психологического письма, свойственного этому автору».

Мы все тогда были в начале пути. Мне повезло в те годы стать участником литературного объединения при газете «Молодежь Севера» «Сыктывкарская мастерская», которым самозабвенно и мастерски руководила Надежда Мирошниченко. Вот почему, даря мне свою новую полную книгу прозы «И был мне сон», вышедшую в этом году в Коми книжном издательстве, Тамара надписала: «Солицисту...»

«Тамара Ломбина, - отмечал в своем двухтомнике «Писатели Коми», - профессор В.Н. Демин, - вошла в сознание читателей в середине 90-х годов двумя прекрасно изданными книгами «Берестяная шкапулка с северным сиянием» (1994) и «Сказки прадеда Кондрата» (1994), вышедшими в Москве, и стало ясно, что это очень интересный писатель со своеобразным видением мира, которое отличается яркой фантазией, связанной с фольклором – с рассказами о русалках, ведьмах, колдунах, ворожеях. Именно в 90-е республика и открыла Т. Ломбину, а ведь до этого был долгий путь поисков и писательского самоутверждения...»

Книга «И был мне сон» вобрала в себя пятнадцать рассказов, почти дюжину побасенок и две повести «Анна Степановна» и «Жалельщики». Это искренняя и открытая проза, которая отзывается в душе читателя верой в силу добра, трепетным ожиданием неминуемого счастья и по-детски светлой надеждой на продолжение любви.

«В своей прозе, - пишет в книге «Литераторы земли Коми» литературовед В.И. Мартынов, - Тамара Ломбина продолжает гоголевские традиции по раскрытию духовных устремлений людей к добру, к непримиримой борьбе со злом. Ее фантазия опирается на украинские народные предания, раздумья, надежды и фольклор народов Севера. Произведения писательницы насыщены самобытными характерами, легким юмором, сочным языком».

В современной женской русской литературе Республики Коми по глубине, масштабности и силе художественного слова рядом с Тамарой Ломбиной, на мой взгляд, можно поставить, наряду с Любовью Терентьевой, Ириной Величко и Людмилой Изъюровой еще и Марину Плеханову с ее книгой повестей и рассказов «Вам двоим», вышедшей в коми книжном издательстве в 2001 году. Проза М. Плехановой, так же как и у Т. Ломбиной, не так проста, как может показаться на первый взгляд. Главное, ключевое она прячет в сокровенной глубине подтекста, подобно тому, как самое важное знание кроется в подсознании. Может, именно на уровне подсознательных решений и наступает прозрение в жизни ее героев, молодых, почти не обремененных серьезным чувственным опытом. В сложных жизненных коллизиях обретают они этот опыт подлинных взаимоотношений между любимыми и нелюбимыми, честными и не очень, изначально мудрыми и простоватыми... Совсем как в жизни, за плоскими картинками быта, за эмоциональным штилем, за неброским слогом в рассказах и повестях Марины Плехановой таится пламя, которое может сжечь, а может и закалить человеческую душу...

При составлении книги «И был мне сон» случился рассказ «Родные братья», в котором Ломбина поднимает очень острую проблему современного российского общества, проблему брошенных при живых родителей детей. Сюжет этого рассказа тоже достаточно незамысловат, трое, два мальчика и наблюдающая за ними женщина едут сначала в автобусе, а затем в электричке. Вот и все, в рассказе больше ничего не происходит, повествовательная ткань рассказа строится на диалоге между детьми и бессильных слезах подслушавшей их разговор женщины. Этот рассказ, на мой взгляд, единственный «прокол» в представленной автором прозе. В нем, сбившись на получившееся в этом случае пошловатым сюсюканье, автор пытается поднять огромную и страшную проблему и... не делает этого. Вернее, это у нее не получается. Там где нет четко выписанного психологического характера героев, нет и глубины повествования. Да, весь мой педагогический опыт и опыт общения с «трудными» подростками подсказывает, что автор попыталась не только сгладить остроту проблемы брошенных детей, но еще ее и приукрасить, вложив в детское сознание совершенно взрослое отношение к проблеме.

«Мы все втроем дружно ревели, - пишет Ломбина, - Я, размазывая тушь по щекам, не могла ее (мать – **А.К.**) простить, не могла!!! А они простили. Вот ведь какое чудо: уже простили...» Для психологии подростков в описываемом возрасте, это действительно «чудо». Было бы реальней, и это бы сработало на усиление художественного отображения проблемы, если бы подростки спланировали и осуществили убийство своей матери-проститутки, а главная героиня рассказа, не достигшим четырнадцатилетнего возраста и поэтому не подсудным, устроила последующую жизнь, приютив детей в своей семье.

При прочтении же других произведений Т. Ломбиной, представленных в книге не возможно не согласиться со следующей характеристикой творчества писательницы: «Русская писательница Тамара Ломбина знает чудесную тайну настоящей любви, которая во все времена возносила и возносит судьбы человеческие до невыносимого счастья, до бессмертной трагедии. Душевная чистота, сердечная нежность, бесконечное терпение и незащитность ее героинь и героев, романтическая красота их взаимоотношений с миром так

безыскусны и просты, что воспринимаются не мечтой, а самой необходимой, самой естественной основой нашей прозаической, но такой беспощадной жизни» (Культинформ, № 6, март 2003 г.).

«В прозе Т. Ломбиной, - пишет в своей статье «В поисках новых форм» литературовед Л. Изъюрова (Арт, № 2, 2001), - соотносимой со стилем Н. Лескова, на способ изображения героев влияют именно литературные традиции сказочных форм, это – русская деревенская женщина, несущая все тяготы женской доли. Таковы образы сильной женщины, знающей свою высшую мудрость быть покорной и верной, Дарья в рассказе «Я люблю тебя, как жизнь свою» («Белый бор», 1997), Мартынечиха, родившая мужу детей, ждавшая его возвращения с войны, но простившая его, когда он ушел к другой женщине («Тыны-Тына у Мартына», сб. «Диалог под звездами», 1990).

Другой образ, характерный для сказов – юродивый, про которого считается, что он ближе стоит к Богу, чем обыкновенный человек. Такова «полуюродивая» Катерина в рассказе «Крест-дор» (Выбор», 1999), которая рассказывает о своей чуть не состоявшейся помолвке с представителем потусторонних сил, посланником дьявола, представшим ей в образе суженного. Это перепев баллады Жуковского, и основа, естественно – мифологические представления, характерные для русского сознания в средних веках. Правда, в отличие от героев Лескова с их «контурностью» (когда характер героя не меняется на протяжении всего повествования – термин), у Ломбиной есть психологические оттенки, герои ее эволюционируют».

Одой молодому поколению можно назвать рассказ «Дед Хиба из домика у моря». В этом рассказе писательница сталкивает три поколения, как говорится, лбами в сложной бытовой ситуации, ретроспективно показывая нравственное преломление в сознании героев. Сюжет рассказа прост и неоригинален, тем сложнее задача автора самобытно, по-своему его обыграть. С чем, надо признаться, Ломбина блестяще справляется.

Дед Антип перебирается в город из своего домика на берегу моря на жительство в семью сына. Сын и его жена Лия Сергеевна терпят «чужачества» старого человека, полагая, что он выгодно продал свой домик у моря и является владельцем немалой суммы денег, которую прячет в своем узелке, завернутыми в платочек. Сложно складываются отношения у Антипа и с внуком Гришкой, который стесняется «деревенского» до мозга костей деда. Среднее поколение испорчено урбанизацией, и уже по мысли автора не может быть «исправлено». Вскоре выясняется, что в платочке старик хранит не деньги, а свою «родовую память»: землю с могилы жены и фотографии родственников. Да и домик у моря он не продал, а подарил соседке для сына. Лия Сергеевна делает невозможным дальнейшее пребывание старика в их квартире, и дед Хиба уходит в никуда, собрав свой немудреный скарб. И тут происходит преломление в сознании мальчика Гришки, который самое дорогое для старика – землю с могилки – украл у деда и смыл в унитаз, как нечто ненужное и мешающее дальнейшему протеканию жизни. Но совершив этот страшный поступок, он вдруг понимает, что его дед - это та нравственная основа, на которой и будет строиться вся его будущая жизнь. Таким образом, Ломбина доносит до читателя основную мысль рассказа о том, что в российском обществе наступила новая жизнь, более нравственная, более духовная, а строят ее молодые люди, которым не безразличны цельные, предельно чистые и жизнестойкие народные корни.

Не менее интересен, на мой взгляд, и рассказ «Леха-зэк», в котором автор на достаточно ярком примере из жизни простого народа доносит до читателя идею примирения в обществе на основе понимания того, что все мы русские люди, на основе национальной идеи. И сибиряк Леха, и уголовник Штырь, и молодые милиционеры, и девушка Надя, и даже «злющая» проводница – все они существуют в одном жизненном пространстве и друг без друга просто не могут жить дальше. Не спроста, как кажется, сюжетная линия рассказа строится вокруг поездки по стране. Тем самым Ломбина дает понять читателю свое отношение к современной российской жизни – общество, по ее мнению, находится еще только в пути своего становления на основах духовной нравственности и единения людей.

Повести Тамары Ломбиной «Анна Степановна», «Жалельщики» и структурно выстроенный как повесть цикл побасенок, требуют основательного литературоведческого разбора, который не уместен в короткой рецензии, и еще будут проанализированы учеными. К повестям я бы еще отнес рассказ «Чистый четверг». Особенно, на мой взгляд, автору сборника «И был мне сон» удались рассказы «Степан и Стефания», «Разлучница», «Федька-Ананас», а так же «И был мне сон». Именно в них высвечивается философия жизни писательницы, ее авторская позиция, в них особенно выразителен самобытный язык повествования, и яркое неповторимый авторский стиль.

«История двух сердец» – так назвала свою книгу прозы юная писательница Ника Невинская, которую составили повесть «Наташа» и несколько рассказов «Паутинка», «История двух сердец», «Родственник», «Зимняя сказка» и «Когда музыка не поможет». Своим выходом в свет эта небольшая по объему книжка подтвердила истинность некогда сказанных Сервантесом слов о том, что «Писатель творит не своими сединами, а разумом». Так же и Н. Невинская в своих представленных произведениях, описывая нашу современную жизнь, зачастую опирается не на нажитый жизненный опыт, а на умение фантазировать и создавать свой, пусть даже иногда иллюзорный, мир человеческих взаимоотношений. Что сразу бросается в глаза при прочтении «Истории двух сердец», так это то, что автор хотя и стоит только в самом начале своего пути в большую литературу, а в нем уже силен испытательский дух стремления познания земной жизни.

Так в повести «Наташа» автор описывает с момента зарождения и до полного, многогранного развития большое чувство любви между мужчиной и женщиной. Повествование охватывает почти полувековой жизненный путь главных героев Натальи и Дмитрия, пронесших свое нежное чувство друг к другу почти

через всю жизнь, несмотря на порой трагические события, связанные с изменами, с непониманием между близкими людьми.

Персонажи повести живут интересной жизнью. Они ездят по стране и за рубеж, занимаются своим любимым делом, Наталья – тележурналист, Дмитрий – известный спортсмен-мотогонщик. Но жизнь их постоянно сталкивает друг с другом, не позволяя забыть еще в школьные годы чувству. Удивляет, с каким ненадуманным психологизмом выписаны автором портреты действующих лиц повести, как главных, так и второстепенных. Образы героев даны не статично, а в развитии, они меняются, учатся понимать друг друга. Характеры героев не схематичны, как может показаться с первого взгляда, а, наоборот, в них присутствуют как отрицательные, так и положительные черты. То есть все как в настоящей жизни.

В рассказе «Паутинка» Н. Невинская затрагивает такую острую проблему современной молодежи, как одиночество в реальной жизни. Вот откуда в рассказе появляется мотив виртуальных взаимоотношений между двумя молодыми людьми Майей и Кириллом, живущими в разных очень далеких друг от друга городах. Так называемое, знакомство по переписке в сети интернета, общение не с живым человеком, а с его фотоотображением в дальнейшем вряд ли может перерасти в другие «живые» взаимоотношения, но молодые люди не теряют надежды на такой исход своей переписки. Однако... в созданный ими виртуальный мирок неожиданно вторгается третье лицо Дэн – злодей, который и разрушает зародившиеся было взаимоотношения. И протянувшаяся было между двумя одинокими сердцами во времени и пространстве «паутинка» безвозвратно рвется. Вообще, мотив стороннего злодея, влияющего на развитие жизненных событий главных персонажей постоянен в прозе Н. Невинской.

Автор не боится затрагивать в своих рассказах такие еще совсем недавно запретные темы, как лесбийские взаимоотношения («История двух сердец»). И делает правильный, на мой взгляд, вывод о том, что однополюе взаимоотношения противостественны и разрушающе влияют на «правильные» с точки зрения природы и православия «детородные» взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Таковы взаимоотношения Кати и Славы, главных героев рассказа, которые естественным для автора итогом завершаются их воссоединением и беременностью Кати, не смотря на ее дружбу с лесбиянкой с мужским именем Александрой и, появление злодейки Ирины, распускающей нелепые слухи о главной героине рассказа. Хочется отметить, что проза Н. Невинской зачастую строится по принципу доброй сказки со светлой концовкой разрешения всех жизненных проблем и неурядиц и неминуемым воссоединением любящих друг друга персонажей. И, как мне кажется, в наш век «порнухи» и «чернухи» – это самый достойный путь для любого русского писателя.

Главенствующим мотивом в рассказе «Родственник» – является мотив сохранения семьи, как первого, а порой и единственного оплота человеческой жизни. Интересен авантюрный сюжет с элементами детективного жанра, заложенный в текстовую ткань этого рассказа. Тут и элементарный рэкет, основанный на шантаже, денежный долг, попытка мошенничества... Однако не это главная мысль, заложенная в повествование. Родная кровь, взаимопомощь и выручка попавшего в беду человека, вот что ставится автором рассказа «родственник» во главу угла человеческих взаимоотношений.

В рассказах «Зимняя сказка» и «Когда музыка не поможет» Н. Невинская как бы берется доказать светлую мысль Виссариона Белинского о том, что «Женщина мыслит сердцем, а мужчина любит головой». Именно таковы по ее мнению должны быть идеальные любовные отношения между этими двумя разными биологическими и психологическими мирами. Ко всему прочему, в рассказе «Зимняя сказка» появляется экстрасенсорный мотив магического воздействия на любовную связь интересующего молодого человека, но главная героиня вступает в борьбу с «силами зла» и выигрывает сражение. В рассказе же «Когда музыка не поможет» автор делает вывод о том, что ради настоящего чувства люди просто обязаны жертвовать своими увлечениями, в частности, как в приведенном примере – занятиями музыкой.

А еще я рад тому, что Нике Невинской повезло, и ее произведения увидят свет и будут доступны читателю тогда, когда родились. А не спустя десятилетия. Я думаю, что такой поворот событий в ее жизни только благотворно повлияет на ее дальнейшую творческую судьбу, поможет вырасти мастерству, развиться дару виденья человеческих взаимоотношений и судеб мира, а также таланту исполнения задуманного. И пусть слова Максима Горького о том, что «Труд писателя – это именно труд, то есть ежедневное, может быть, ежечасное писание на бумаге или в уме», станут девизом молодого автора. Книге же «История двух сердец» хочется пожелать внимательного, доброго и заинтересованного читателя.

Так что, не мудрствуя лукаво, хочется сделать вывод. Повести Любви Терентьевой «Было – не было», Ирины Величко «В тот год...», «Злой дядька Стрептоцид», Людмилы Изъюровой «Мифы и реальность», «Здравствуй и прощай», а так же книги прозы Тамары Ломбиной «И был мне сон», Марины Плехановой «Вам двоим» и Ники Невинской «История двух сердец» внесли свой значимый вклад в развитие регионального литературного процесса, стали заметными явлениями в истории русской литературы нашей республики.

Владимир СОЛОВЬЕВ

**ТЫ – МОЕ СОЛНЫШКО
(духовные стихи Раисы Куклиной)**

Большим радостным событием для настоящих любителей поэзии стал выход в свет сборника молодых поэтов Республики Коми, который состоялся из шести отдельных книжек, под общим названием «Общий дом». Лично меня порадовало участие в нем моего давнего друга и коллеги по научной работе Раисы Куклиной. До этого события, а знакомы мы более двадцати лет, Раиса Куклина была мне известна как профессиональный литературовед, специализирующийся по комедийной драматургии коми советского периода (преимущественно по творчеству Н. Дьяконова). Работает она в ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. И как оказалось, в свободное от работы время пишет стихи.

И вот передо мной лежит первая ее книга. Называется она «Ты – мое солнышко». Сразу же отмечу, что все стихи Р. Куклиной (а пишет она на коми языке) моментально приковывают внимание своими мягкими (иногда трепетными) интонациями, тонким лиризмом и интимной задушевностью. Открыв книгу, я не мог оторваться, пока не дочитал ее до конца. В своем творчестве Раиса Куклина предстает и как философ, своей ни на кого не похожей дорогой. Ее богатый поэтический мир пропитан любовью к Богу, к окружающей природе, ко всему сущему.

Думаю, что никого из читателей, тем более читателей православных, стихи Куклиной не могут оставить равнодушными, потому что половину стихотворений сборника смело можно отнести к духовной поэзии. Стихотворение, открывающее книгу, и заключительное обращены непосредственно к Богу. В первом стихотворении читаем:

С тобой по настоящему дышу,
В замерзшем сердце песню я ношу...
И в прошлом бездыханье... в прошлом...
К нему букет цветов возможен!

Заключительное стихотворение сборника представляет собой как бы молитву, обращенную к Богу. Одновременно это благодарственная песнь Всевышнему и Вездесущему Творцу:

О, Боже! Милый Отче,
Отцовская рука!
Согрей мое сердечко,
Холодное пока...
Как светлячок я полечу
И хоть немного посвечу.

На духовную направленность сборника указывают и названия стихотворений: «Вера», «Надежда», «Любовь». В большинстве стихотворений Р. Куклина обнаруживает уникальное в ее творчестве свойство, которому по-доброму позавидовал бы любой поэт: она обладает удивительной способностью вочеловечивать окружающую природу во всех ее проявлениях. Как яркий пример этого приведу стихотворение «Дождик»:

За окном холодный дождик
Пел мне жалобно: «Прости!
Приоткрой окно, голубка,
И так скорбно не грусти!
Ну и что я – морозящий,
Для души зато – бодрящий!
Сердцем сам раним – не груб:
Кто хулит, кому-то люб!
- Дождик, заходи, погрейся!
Печь топлю, в окно не бейся! -
Я окошко приоткрыла, -
Тишина вновь наступила...

Пронзительный лиризм и авторская сопричастность (я бы даже сказал совоплощенность) завораживает читателя в другом стихотворении «Плач березы»:

Я живая береза – не пень:
Плачу я...
День и ночь, как дождем,
Омывают вдвоем
Мои слезы...
Плачу я...
Как дождем
Омывают вдвоем –
Ночь и день, -
Омывают вдвоем
Сердца слезу!

Особое и принципиально важное место в цикле духовных стихотворений занимает тема молитвы. Молитва для Раисы Куклиной, как средство восхождения ко Всевышнему, как средство душевной стойкости перед жизненными неурядицами:

Сгустились облака – солнце спряталось за тучи,

Погрустнела земля. Оробела природа.
Я молилась день и ночь, днем и ночью плакала.
Тучи рассеялись... Выглянуло солнце:
Вместо мертвой воды пьет живую воду;
Его сердце радуется, оно полно жизненной силы.
На земле стало светло. Запели леса и реки.
Я отчетливо ощущаю движение солнца.
Маленькому человеку уже нечего бояться,
Можно жить свободной душой.

Так выразила свое отношение к молитве поэт в стихотворении «Надежда».

Молитва служит для Р. Куклиной и средством душевного раскрепощения, избавления от превратностей мирской суетности и сомнительных соблазнов. Через молитву, обращенную к Богу, поэт обретает духовную свободу:

До смерти не устану я молиться,
И сердцу моему – не приземлиться,
Хоть в клетке на земле роскошной рай,
Не мне ты золотую клетку предлагай!
Пусть сердце в небе будет бесконечном,
Чем в клетке, и в довольствии беспечном...
Оттуда, знаю я, под грузом злата
Истаявшему сердцу нет возврата!
За помощь добрую поклон тебе земной!
Ты друг мне и товарищ мой;
Но мне не до златых чудес –
Мое богатство – ширь небес!

Одно из своих стихотворений Р. Куклина так и озаглавила «Молитва»:

Живу – поживаю...
Чаек попиваю,
Впадаю в грех
И вновь молюсь за всех...
В молитвах милости
К народу я б хотела;
В молитвах всех мне жаль, -
Ведь я молюсь,
Чтоб жизнь звенела!
И чтоб подобно снегу
Растаяла печаль...

И, наконец, нельзя обойти вниманием стихотворение «Вера», как мне кажется, программное стихотворение поэта, представляющее по своей сути жизненное кредо Р. Куклиной:

В пересохший родник
Душа закатилась:
Страдала... рыдала...
Угомонилась...
В тихой молитве
Солнце взойдет:
Родник пересохший
Вновь оживет!
Видит Господь,
Что душа в западне:
Сам снизойдет
На белом коне!
В ключе пересохшем
Жизнь снова забьется,
Душа оживет,
И живую водою прольется!

Я не сомневаюсь, зная много лет Раису Куклину, что именно такая ее молитва и вера в Бога, защищает ее от уныния и жизненных неурядиц.

Никогда не приходилось мне видеть ее в подавленном состоянии, чем то крайне удрученной, жалующейся на свою судьбу. Никогда я не слушал от нее ни одного недружелюбного слова. Со всеми она приветлива, всем готова прийти на помощь, хотя и сама, нуждается в помощи и человеческом участии.

Но как тяжело бы ей ни было, все невзгоды она переносит с христианским смирением и мудростью, щедро раздаривая свою любовь и дар своей светлой души окружающим людям. Хотелось бы пожелать Раисе Куклиной дальнейших творческих свершений, как в научной работе, так и на поэтическом поприще,

которые не отделимы для нее от христианского долга и служения Богу и людям. Дай ей Господь доброго здоровья на ее многотрудном пути!

(Подстрочные переводы стихов Р. Куклиной В. Соловьева).

Елена ЧЕРНАВСКАЯ

В ЕГО СТИХАХ ЛЮБВЬ И СВЕТ

Алексей Анатольевич Иевлев, поэт, прозаик, литературовед, кандидат геолого-минералогических наук, родился 5 июля 1960 года в Архангельске. Опубликовал более ста научных работ в российских и зарубежных изданиях. Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников стихов. Проза выходила в свет в литературных альманахах и журналах. На протяжении нескольких лет является редактором-составителем литературных альманахов Института геологии КНЦ УрО РАН.

Скажите о любви красиво
И искренне,
И высоко.
Скажите о любви счастливо –
Не легковесно, но легко.

Эти строки вполне могли бы быть эпиграфом для нового сборника стихов. Как было бы хорошо, если бы все мужчины поэты объединили свои стихи о женщинах и о любви в один прекрасный сборник и сделали бы большой подарок для женщин. Читая стихи Алексея Иевлева, сразу обращаешь внимание на его личное отношение к женщинам. С какой теплотой и любовью он пишет о них:

Скажи, королева,
Кому я являюсь пажом?
Или вот еще, например, такие строки:
Здесь принцессы и золушки ходят
Но обычные туфли на всех,
А хрустальные им не подходят...

Не один раз в своих стихах он называет женщину звездой, то павшей с неба, то наоборот не достигаемой. В одних стихах она королева, в других наоборот, обычная женщина с ее обидами и капризами. Отношение автора к ней неизменно – он влюблен.

Очевидно, желание слушать женщину, понимать ее – именно, этим и притягательны стихи Алексея Иевлева для его почитательниц:

Как бы нам обмануть зеркала?
Их так много вокруг повешено.
Принимаю неправду стекла,
Если с ней соглашается женщина.
Что же все-таки женщины ждуг,
Глядя на отраженья зеркальные?

Теплые и сердечные стихи, в них говорится о чувствах и переживаниях, сотни раз описанных, но эти стихи написал человек состоявшийся как мужчина. Что я имею ввиду? В обыденной жизни мы часто сталкиваемся с неуважительным, даже грубым отношением к женщине. Сталкиваясь с такими проявлениями, я всегда думала, что это не мужчина, он еще не дорос, не повзрослел, не состоялся. Стихи Алексея Иевлева – не стихи семнадцатилетнего юнца, а стихи человека, который разобрался в этой жизни, научился ценить дружбу, любовь, преданность.

Мне хотелось бы, чтобы молодое поколение полюбило поэзию, чтобы оно видело в стихах пример отношений между мужчинами и женщинами, высокие чувства, не ряды зарифмованных строк, а живое сердце человека, написавшего эти стихи.

Когда моим детям было по пятнадцать лет, я им говорила, что еще рано играть в любовь. Сначала нужно научиться дружить. Ведь это не секрет, далеко не все люди умеют дружить, уже не говоря о том, чтобы просто научиться любить. Поэзия Алексея Иевлева, на мой взгляд, именно учит молодое поколение любви и дружбе. В его поэзии много тепла и света.

Митрофан КУРОЧКИН

КНИГИ И ИХ ТВОРЦЫ (заметки обозревателя)

В конце 2004 года увидела свет очень интересная книга – литературный альманах «Был у меня хороший друг». Он вышел по инициативе геологов нашей республики в издательстве «Геопринт» (объем – 480 стр., тираж – 300 экз.). Произведения почти полусотни авторов включены в книжную новинку. Альманах посвящен Александру Беляеву, трагически ушедшему из жизни (одному из составителей предыдущих кни-

жек). Об этом удивительном человеке повествует и вступительная статья широко известного сыктывкарского литератора Алексея Иевлева под заголовком «Александр Беляев». К слову, названный альманах – юбилейный, десятый по счету.

Сборник открывается повестью «Каталкино-тихая пристань», принадлежащая перу известного писателя Василия Журавлева-Печорского (из архива литератора). Редакционному совету альманаха ее представил сын Сергей Журавлев.

Надо отметить, что интересных прозаических произведений в книжной новинке читатель найдет немало. В их числе – «невыводимые истории» Николая Юшкина, повесть в новеллах Алексея Иевлева, фантастически-документальная повесть «Враг не дремлет» Якова Юдовича, мемуары Альфии Коротаевой, рассказ «Маленькая война» Андрея Канева, оригинальная повесть «Процесс прошел» автора этих строк и др.

Широко представлена и поэзия (В. Вьюхин, Е. Суворов, А. Ельцова, Н. Беляева, Ю. Войтеховский, М. Курочкин, А. Сандула, Т. Курочкина, Э. Калинин, В. Демидов, Е. Калинин, Н. Старцева, Вольта Штейнер и многие другие). Внимательный читатель не может не заметить известные в Сыктывкаре фамилии поэтов и прозаиков. А это означает, что редакционный совет не нарушил добрую традицию – дал «зеленый свет» в альманах не только геологам, но и другим сыктывкарцам, произведения которых у него вызвали интерес. И это очень похвально!

Уместно будет назвать поименно всех членов редакционного совета литературного альманаха «Был у меня хороший друг». Это – А.А. Иевлев (редактор-составитель), Н.Н. Герасимов, А.П. Боровинских, Н.П. Юшкин, С.И. Плоскова.

Тематическая палитра напечатанных произведений весьма яркая, что подтверждают и те несколько стихотворений, отобранных для публикации в одном из номеров журнала «Культура». И еще. Очень порадовал новый раздел сборника, в котором собраны последние рецензии на книги, вышедшие с участием геологов нашей республики. Их авторы – Андрей Канев, Митрофан Курочкин, Алексей Иевлев («Дорога с грустным перекрестком», «Высокое чувство – любовь», «Полеты души романтика от геологии», «Романтика нехоженых дорог», «Лучшие годы Марка Фишмана», «Юмор – состояние души»). По моему глубокому убеждению, такую книгу не стыдно выдвигать на любой престижный творческий конкурс.

В заключение следует сказать, что название юбилейному номеру альманаха дала строчка из стихотворения «Памяти Саша Беляева», которое написал Юрий Юровский.

Во второй половине 2003 года вышел ряд интересных книг, напечатанных в Кировской областной типографии, а также в федеральном государственном унитарном издательско-полиграфическом предприятии «Вятка», в Коми республиканской типографии. В их числе: «Литераторы Эжвы» (Библиографический справочник-антология), мемуары сыктывкарца Л.П. Маркизова «До и после 1945» (глазами очевидца), «Русские в Коми», т. 1 и ряд других.

Администрация МО «Эжвинский район г. Сыктывкара» и МУК «Эжвинская ЦБС» преподнесли эжвинцам прекрасный подарок, выпустив библиографический справочник-антологию «Литераторы Эжвы». Объем книги - 224 страниц с иллюстрациями.

Составителем справочника-антологии является И.И. Петибская - ведущий библиограф Эжвинской централизованной библиотечной системы. Огромную работу она провела, подготовив не только биографические справки 33 эжвинских литераторов, но и подобрав стихи или отрывки прозаических произведений, ярко характеризующие того или иного автора.

К читателям обращается не только она, но и Глава администрации МО «Эжвинский район г. Сыктывкара» В.А. Гончаренко. А член Союза писателей России, член-корреспондент Санкт-Петербургской Петровской академии наук и искусств Андрей Канев для этой книги написал вступительную статью «Эжву воспеваю я в стихах...» Эпиграфом к ней он взял прекрасное четверостишие:

Мы - братья и сестры,
Родство наше свято,
Мы служим торжественно
Музе крылатой.

В числе авторов книжной новинки не только известные в республике литераторы (В. Журавлев-Печорский, Ю. Ионов, А. Канев, Г. Горчаков, Н. Дьяконов и др.), но и те, кто еще не имеет своих книг, те, кто уже ушел из жизни и о них уже стали забывать (Александр Вахнин и др.).

Полезна и познавательна заключительная статья «Земля, где дружат все наречья», принадлежащая перу С.А. Притчиной - заведующей отделом культуры МО «Эжвинский район г. Сыктывкара». Приведу лишь два абзаца из ее статьи:

«Эжву строили и обживали люди 90 национальностей, что обусловило особенности культурной жизни района и бережное отношение к каждому человеку как носителю национальной культуры.

Сегодня учреждения культуры располагаются в 20 зданиях, 4 из которых имеют отдельные помещения. Среди учреждений культуры: Централизованная библиотечная система, состоящая из пяти библиотек; два учреждения дополнительного образования (детская музыкальная и художественная школы), единственный в республике литературно-театральный музей им. Н. Дьяконова, в составе которого этнографический отдел и мемориальная мастерская народного мастера М. Кочева; многофункциональный развлекательный кинотеатр «Эжтас»; магазин «Книги», работающий со специальной литературой; Центр коми куль-

туры; культурно-досуговые учреждения - «Шудлун», дворец культуры бумажников; организационно-методическая служба; выставочный зал (подразделение детской художественной школы), работающий как экспозиционная выставочная площадка, и строящийся парк».

Книга «Литераторы Эжвы» вышла тиражом в 1000 экземпляров на хорошей бумаге. Для всех книголюбов нашей республики она представляет несомненный интерес.

Коми республиканский благотворительный общественный фонд политических репрессий «Покаяние» со дня создания выпустил уже пять томов одноименного названия мартиролога, готовится шестой. Сотрудники фонда заслуживают добрых слов похвалы не только за эту важную работу. По инициативе Михаила Рогачева, Надежды Бушмановой и других было решено начать выпуск приложений к мартирологу. Сказано-сделано!

В конце прошлого года увидел свет первый выпуск приложения - «Страницы политических репрессий в Коми АССР в 30-50-е гг. XX века». Это - сборник работ студентов и школьников нашей республики, представленных на различные конкурсы и конференции (редактор-составитель Михаил Рогачев). Из особенно интересных в первую очередь назову два исследования: «Из истории ярегских нефтешахт. 1939-1945» (автор - В. Ветюшкина), «По следам маршала Рокоссовского в Республике Коми» (автор - И. Тонких).

Недавно из Кировской областной типографии в Сыктывкар доставлен второй выпуск приложения - мемуары Л.П. Маркизова «До и после 1945. Глазами очевидца». К слову, Леонид Павлович еще 20 августа 2002 года отметил свое 85-летие.

В книге охвачен его период жизни в Харбине и Шанхае, последующая жизнь в ГУЛАГе... «Объем книги - 208 страниц, но читается она на одном дыхании», - говорили на своем очередном заседании, посвященном этому важному событию, сотрудники и активисты фонда. Отмечалось, что его сотрудница Ольга Патракеева мастерски подготовила к печати фотографии, в том числе и те, которым уже более восьми десятилетий... Они очень украшают книгу.

Все участники заседания были единодушны: это доброе дело следует продолжить, выпускать ежегодно хотя бы одно приложение. К сказанному следует добавить вот что: на книги-приложения не истрачена ни одна копейка бюджетных средств, а только пожертвованные суммы.

Давно известно, что геологи – люди, идущие по жизни рука об руку с романтикой. А еще они дружны с литературой (прозой, поэзией, драматургией). Подтверждением сказанному являются дела и поступки, творческие удачи геологов Коми. Не буду рассказывать об их вкладе в экономику республики, а вот на творческой стороне их жизни остановлюсь более подробно.

Начиная с 1995 года, любители словесности РК имеют возможность познакомиться с творчеством многих геологов Коми. А старт был дан в 1995 году, когда вышел первый коллективный сборник «Моя звезда была полярной». За ним последовали очередные – «Давно пора остепениться» (1996), «Прерванная точкой строка» (1997), «Благослови идущих по земле» (1998), «Романтика нехоженых дорог» (1999), «Забыты запахи костров» (2000), «Не ждите нас жаркие страны» (2001), «Дорога с грустным перекрестком» (2002).

В 1996 году в Екатеринбурге в свет вышла документальная повесть Николая Юшкина «Начало пути», в 2002 г. – сборник трагически погибшего в конце декабря 2001 г. Сергея Попова «Я законченный идеалист» (издательство «Геопринт»). Эта книга была составлена его друзьями и коллегами по Институту геологии в память о С. Попова.

Попутно отмечу: геологи не замыкаются в своей скорлупе. Дорога в сборники не закрыта никому. Критерий отбора произведений один – была бы в творчестве человека изюминка.

За прошедшие годы ведомственные сборники переросли в добротные книги, представляющие интерес для широкого круга читателей. Заметным явлением стал выход книги «Уезжают друзья с Северов» (конец 2003 года). Ее объем – 432 страницы, тираж – 300 экземпляров. Книга посвящена 45-летию Института геологии и издана по инициативе геологов нашей республики. Название ей дала первая строчка стихотворения Н. Герасимова «Моим Северам». Составителями являются: А.А. Беляев, С.И. Плоскова – сотрудники Института геологии Коми научного центра УрО РАН, А.А. Иевлев – сотрудник Фонда экономических и политических технологий.

Произведения 45 авторов отобрали они для этой книжной новинки, в числе которых значатся знакомые по газетным публикациям, литературному альманаху «Сыктывкар» фамилии (Алексей Иевлев, Андрей Канев, Яков Юдович, Виктор Демидов, Маргарита Прилуцкая и др.). В сборнике – много настоящих изюминок. Одна из них – повесть Андрея Канева «Почем фунт лиха в сапогах». Его же перу принадлежит и обстоятельная рецензия на уже упоминавшиеся книги геологов Н. Юшкина и С. Попова.

Тематика отобранных составителями произведений для книги «Уезжают друзья с Северов» весьма и весьма разнообразна: наша суровая действительность, природа, любовь, взаимоотношения людей... Сыктывкарское издательство «Геопринт» по-настоящему порадовала книголюбов республики добротной книгой. Будем надеяться, что не в последний раз.

В первом квартале вышла в свет и эта книга – «Кто они, женщины Сыктывкара?». Проект осуществлен при финансовой поддержке ОАО «Продтовары». Книгу выпустило издательство «РА «Город С»» тиражом 500 экземпляров. Названная книга – это сборник ранее помещенных в газетах публикаций о женщинах столицы нашей республики («Красное знамя», «Республика», «Экспресс-неделя», «Панорама столицы», «Столица», журнал «Регион»). Составители книги – сотрудницы общественного движения «Женщины города Сыктывкара» Т.А. Курманова, Т.И. Худяева.

Не все включенные в книгу публикации равноценны по мастерству написания, однако следует отметить, что коллективный портрет сыктывкарцев получился обаятельным и привлекательным. В числе добротных материалов – интервью Т. Королевой («Экспресс-неделя») с генеральным директором ОАО «Продтовары» Галиной Лапшиной. Знание предмета разговора, добротный русский язык публикации и делают материал читабельным, привлекательным. Публикация помещена в книге под заголовком «Мольба души шестого дня творения». С интересом читается и материал Г. Добрыниной («Красное знамя») об актрисе Галине Мамонтовой.

Всего в книге 22 публикации, которые в той или иной мере освещают жизнь сыктывкарцев. Составители в «Предисловии» обратились к читателям со словами: «Ждем ваших предложений и пожеланий», поэтому будет правомерно высказать некоторые замечания. Затратив немалые средства на выпуск сборника, не следовало уж экономить на корректоре, а потому, к сожалению, приходится читать такое: «Сыктывварско-го...» (стр. 61). Интервью «Она мечтает ... и действует» (стр. 54-56) непонятно откуда взято (из какого издания?). Эти и другие «огрехи» – ложка дегтя в бочке меда – конечно, не умаляют достоинства сборника, но все же вызывают досаду у вездливого читателя.

Оформлена книжная новинка хорошо (художник Г. Шарипков). Она отпечатана в Коми республиканской типографии.

В Сыктывкаре очень много замечательных женщин и очень хотелось, чтобы сборник «Кто они, женщины Сыктывкара?», став первой ласточкой, не стал последней.

Для Андрея Канева апрель явился месяцем хороших сюрпризов. В журнале «Культинформ» (№4 за 2004 год) о нем напечатан большой очерк, на который Андрей Валерьевич получил много лестных оценок и поздравлений.

В апреле ему вручена Почетная грамота Главы РК (за большой вклад в развитие литературного процесса в Коми). В апреле из Москвы пришла добрая весть о том, что А.В. Канев стал лауреатом третьей премии Всероссийского Лермонтовского конкурса военно-патриотической поэзии «Люблю Отчизну я!». Он проводился Общероссийской общественной организацией ветеранов войны и военной службы совместно с министерствами (Образования, Оборона и Культуры) России при поддержке Росвоенцентра при Правительстве Российской Федерации и РОСТО. Конкурс посвящен 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

В апреле Андрей Канев в Москве, в торжественной обстановке, получил диплом лауреата этого конкурса и приличную денежную премию.

И, наконец, в апреле вышел очередной сборник стихов «Судьба была разной...» (Издательство «Эском», 2004, 108 с.). Тираж – 1000 экземпляров. Этой книгой автор как бы подводит своеобразный итог и прожитым годам (он уже отметил свое 40-летие), и своему творчеству.

Сборник состоит из восьми разделов («Любви опавший лист напоминая...», «А мысли возвращаются в войну...», «А вдоль полосы колосились кресты...», «Судьба была разной...», «Посвящения», «Когда поэт в пивной...», «Милицейские будни», «Басни», «Переводы»). Даже простое перечисление разделов книги говорит о широком диапазоне творчества члена Союза писателей России, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург).

Обстоятельную и добрую вступительную статью с разбором помещенных в книге стихов написал член Союза писателей России Алексей Иевлев. Он подчеркивает: «Тем у поэта А. Канева много: о предназначении поэта и поэзии, о Пасхе и вербном воскресенье, о своей жизни и судьбе, о трагедии репрессированных, о любви к женщине, о труде учителя, о Родине, о Севере, о заключенных и конвоирах, о родных и близких, о детстве... Это не разбросанность и не метание из стороны в сторону. Это бешеный интерес к жизни! И это зрелость, предполагающая опыт и знания, а также личные переживания и личное отношение ко всему». А в конце Алексей Иевлев ставит жирный восклицательный знак: «Книга Канева состоялась».

Добавлю только вот что: в новый сборник А. Канев включил более 100 стихотворений. Прочитав их внимательно, невольно приходишь к выводу: семена его размышлений обязательно дадут всходы в душах и умах читателей.

Суровые реалии наших дней стали предпосылкой для создания таких подразделений, как отряды особого назначения (ОМОНЫ). Десять лет минуло с тех пор, как при МВД нашей республики тоже появился такой отряд. Служба в нём - нелёгкая и рискованная, потому что приходится подставлять грудь под пули бандитов, боевиков, террористов. Об этих мужественных парнях и рассказывается в только что увидевшей свет книге «Нам выпала судьба служить в ОМОНе». Её авторы - Андрей Канев и Александр Сурков, которые тоже понюхали пороховой гари в «горячей» точке страны - в Чечне.

Как указано в подзаголовке книги, это - исторический очерк создания и жизнедеятельности отряда милиции особого назначения при Министерстве внутренних дел Республики Коми. В сборнике переплелись хронология и документалистика, рассказы очевидцев и авторские ремарки. В книге множество фотографий. Предисловие к ней написал командир ОМОНа при МВД РК полковник милиции А.В. Балбуцкий, второе - зам. министра внутренних дел РК В.Ф. Грибенников. В сборнике - 13 небольших главков, список руководителей Сыктывкарского ОМОНа при МВД РК и библиография (перечень публикаций об этом отряде в республиканских средствах массовой информации).

За выполнение специальных заданий в ходе контртеррористических операций 118 человек удостоены 224-х государственных и ведомственных наград (многие - посмертно). Все они перечисляются в публикации «За мужество и отвагу».

Эта книга получилась яркой и содержательной. Её изюминкой, безусловно, стал поэтический раздел, в котором выступают Михаил Васильев, Владимир Олофинский, Виктор Демидов, Александр Лобанов, Андрей Канев, Митрофан Курочкин, Алексей Иевлев. На суд читателей «Культинформа» представляются произведения «чеченской» тематики сыктывкарских авторов.

В заключение следует сказать, что книга издана тиражом всего в 500 экземпляров. Читателям республики с ней можно будет ознакомиться только в библиотеках.

В сентябре текущего года прошла презентация книги А. А. Иевлева «Дорога к высокому слову». Алексей – известный литератор, член Союза писателей России. На презентации уважаемые и очень известные, заслуженные люди нашей республики много теплых слов высказали в адрес автора книги и ее главного героя – поэта, прозаика, литературоведа Андрея Канева, тоже члена Союза писателей России.

Как появилась эта книга? Ответ на заданный вопрос дал сам автор вот в этих двух абзацах из ее предисловия.

«Настоящая книга обязана своим появлением моему желанию познакомить широкий круг читателей Республики Коми и России с писателем, поэтом, литературоведом и организатором литературного процесса Андреем Каневым не через призму его многочисленных произведений, а через отношение к его творчеству различных людей - писателей, поэтов, журналистов, ученых. Их отклики и критические замечания, иногда весьма острые и нелестные, и составили основу этой книги.

К сожалению, в силу понятных причин наша республика не может себе сейчас позволить аналогичные издания в отношении своих известных поэтов и писателей. Кроме, пожалуй, основоположника коми литературы Ивана Куратова. Пусть эта книга будет своеобразной «первой ласточкой», летящей в заданном направлении».

Много любопытных материалов включено в данный сборник – писателей, журналистов, ученых... В их числе – литераторы А. Алшутков, О. Чупров, Ю. Коврижных, А. Клейн, А. Иевлев, Ю. Ионов, С. Журавлев, ученые В. Демин, Р. Куклина, Л. Гаврилина, ответственные работники Н. Садовский, В. Шевцов, Б. Шенкман и другие – всего 33 автора. В названную книгу включен и большой очерк автора этих строк, опубликованный в журнале «Культинформ» (2004, №4, с. 15-17) под заголовком «Канев Андрей Валерьевич. В поиске талантов».

Объем сборника – 160 страниц, тираж – 500 экземпляров. Ценность его еще и в том, что в конце помещен библиографический указатель о жизни и творчестве А. В. Канева (литература, не вошедшая в книгу). А это еще 48 публикаций, в том числе в зарубежных изданиях (например, в «Голасе Радзімы», что издается в Минске и распространяется в 48 странах мира).

Для почитателей творчества Андрея Канева, любителей русской словесности, литературоведов, учителей и их питомцев будет полезен и перечень напечатанных произведений автора с 1988 по 2004 год.

Большую и полезную работу проделал Алексей Иевлев, подготовив такой подарок читателям, о чем говорили многие выступавшие на презентации названной книги в музее Ивана Куратова. Спасибо ему! Вот бы регулярно выходили подобные издания о видных литераторах республики! Будем надеяться, что когда-то воплотятся в жизнь эти «маниловские» мечты.

Следует добавить, что эта книга вышла под эгидой Петровской академии наук и искусств (Сыктывкарский филиал).

В многочисленном и громком хоре сыктывкарских литераторов голос Алексея Карпова до этого звучал не очень громко, хотя его стихи нередко встречались в периодической печати нашей республики – в газетах «Красное знамя», «Трибуна», «Коми му», «Республика», в журнале «Чушканзи» и др. И вот большая радость. Лучшим друзьям-товарищам и почитателям его творчества поэт Карпов подарил свой первый сборник «В краю отцов», который отпечатан в Госкомитете статистики РК с иллюстрациями заслуженного деятеля искусств Коми АССР Аркадия Мошева.

А предисловие к книге написал старейший коми поэт, член Союза писателей России Н. А. Щукин. Предисловие обстоятельное и теплое. Вот лишь два абзаца из него: «Поэт никогда не отворачивает лицо от читателя, всегда говорит глаза в глаза. Читая его сатирические или юмористические, а основное, это лирические стихи, начинаешь понимать, что глагол для него не просто часть речи, как по грамматике, а сам язык, как у Пушкина, это прежде всего – голос и мысль предков, глагол-действие. У Карпова ладный слог и стиль, четкое и вместе с тем сложное развитие мысли... Это говорит о том, что в характере дарования поэта органично сливаются и поэзия, и публицистика, и проза. Поэзия подкреплена публицистикой, публицистика – прозой, хотя Карпов не любит писать прозу.

Хочу отметить редкостную доверчивость поэта к своему читателю, природную его демократичность что ли, чуждую даже малейшей парнасской позы, книжной отрешенности и показного интеллектуализма».

Алексей вручил свою книжку и мне вот с такой дарственной надписью: «Митрофану с добром и уважением от автора». С большим интересом прочитал творения поэта, собранные под одной обложкой. Особенно последнюю главку «Души свободные напевы» (в сборнике, кроме нее, еще две главы – «Раздолья заданный мотив», «Полей недоброе затишье»). А всего в книгу поэт включил 110 стихотворений, в том чис-

ле и романсы «Встреча», «Если бы знала...». Многие его стихи, что называется, просятся на музыку. Кстати, местный композитор Гелий Кочанов (бывший руководитель ансамбля «Русская гармонь») на стихи Карпова написал десять песен, а именно: «Береза», «Сирень», «Ива» и др. На взгляд поэта, интересными получились песни «Рябина», «Возвращение», романс «Встреча». Слова и ноты некоторых песен в 2003 году напечатаны в эколого-краеведческом сборнике «Родничок» (вып. 7).

А. Е. Карпов родился 27 марта 1938 г. в селе Большое Васильево Семеновского района горьковской (ныне Нижегородской) области. Первый стих он напечатал в райгазете «Ленинский путь» своего района. После школы – учеба в Московском юридическом институте, после чего был направлен в Коми. Случилось это в 1975 году. А. Карпов трудился в Министерстве юстиции республики, в Верховном Совете Коми АССР, в Арбитражном суде... Ныне – на заслуженном отдыхе. Алексей Карпов удостоен правительственной награды – медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Этот ветеран труда неоднократно награждался почетными грамотами и ценными подарками, его портрет дважды заносился на Доску почета Министерства юстиции республики.

Находясь на заслуженном отдыхе, Алексей Карпов старается, чтобы не ржавело его перо: пишет стихи, завершил работу над поэмой, готовит к изданию свой второй сборник. Земля Коми, на которой он живет уже три десятилетия, помогла раскрыться таланту этого человека. Пожелаем же ему новых творческих удач! А пока прочитайте его романс из книги.

ПОЭЗИЯ

Юрий ГРИНЬКО

* * *

Ты молчишь, и я молчу...
Но учти, нечаянно
Соберусь и прикачу.
Я – мужик отчаянный.

Не хочу тебе пенять,
Но на что надеешься?
Ну, куда ты от меня
Из России денешься?

Не сбежишь. В любом краю –
Даже и в Америке –
Отыщу. Перекрою
Глупые намеренья.

Кой резон тогда бежать?
Только тратить ноженьки.
Все равно тебе рожать
На меня похоженьких.

Помнишь, нет ли? Ах, молчу...
Словом, знай: нечаянно
Соберусь и прикачу.
Я мужик отчаянный.

Алексей ИЕВЛЕВ

* * *

Скрипки хотя бы во сне, половица.
Солнце, добавь в наши окна огня.
В рамках на стенах смогли уместиться
Те, кому раньше казалась тесна
Горница – светлая, с ликом окошек.
В них, как невеста, прекрасной была
В ветреном платице в клевер-горошек
Самая мне дорогая земля.

Как велика эта горница стала
Для поселившейся здесь пустоты...
Словно на старом перроне вокзала,
Всё говорит об ушедшем...
Чисты,
Словно умыты дождем и слезами,
Воспоминания...
Как образа,
Что молчаливо и властно над нами
Высятся.
И не отводят глаза.

Валентин ГРИНЕР

Из неопубликованного

РОССИЯ ПЬЕТ

Качаются столы, скрипят полы,
Висит над Русью перегар сивушный;
Снеся в музей стальные кандалы,
Свободная Россия водку глушит.
Россия пьет с удачи и с тоски,
Россия пьет с приезда и с отлучки,
С рожденья пьет и с гробовой доски,
Россия пьет с аванса и с получки.
Россия пьет по праздникам своим,
По воскресеньям пьет и по субботам,
Россия пьет, запреты схоронив,
Перед началом и после работы.
Россия пьет за деньги и в кредит,
Аккордно пьет и сдельно, и поденно,
Пьет на двоих Россия, на троих,
Потысячно и двестимиллионно...
С чего бы ей, советской, водку пить?
Зачем губить пшеницу ей и жито?
К чему ей, обновившейся, влачить
Сермяжно-буржуазный пережиток?
К чему шальные градусы нужны,
К чему нужны хмельные наважденья?
Девчоночкам, не нюхавшим нужды,
Парням послевоенного рожденья!?

Россия захмелевшая плюет
На все нравоучительные бредни,
Россия морщится
И вновь стакан берет,
И говорит:
«Дай, Боже, не последний!»...

1964 год.

Оксана НАРКЕВИЧ

* * *

Невзнузданною кобылицей осень
тревожит пажити копытами дождей;
в небес тускнеющую просинь
врезается прощанье журавлей.

Отчетливей становятся морщины
на скорбных лицах пожелтевших трав;
туманной влагой стянуты низины

и солнца дни лишились своих прав.

И с каждым разом все морознее закаты –
по краскам лета поминальные костры.
И отходящие леса, смирением объята,
целуют землю золотом листвы.

Живет во всем неясная тревога
о брэнной участи земного бытия.
Все чаще вспоминает имя бога
клубком змеи уснувшая земля.

Юрий ВОЙТЕХОВСКИЙ

* * *

Какая страстная гроза!
Какое торжество погоды!
Нас двое: я и стрекоза -
Два порождения природы.

Неважно, что из разных ниш -
Укрылись под одною крышей.
И я молчу, и ты молчишь.
И, кажется, согласно дышим?

Или не дышим вообще
В холодной дождевой пыли?
Ты - тихо на моем плече,
Я - тихо на плече Земли.

Раиса КУКЛИНА

* * *

Хочешь, я тебя достану
тихой песней, миром грез?..
Ждать тебя я не устану
и не будет горьких слез.

Будет нежность, будет сказка,
свет в ночи и радость дня.
Для тебя я – лишь загадка,
Ты – загадка для меня.

Хочешь, встану на колени,
прошепчу: «Любимый мой...»
И уйдут сомнений тени
этой ночью под луной.

Лишь с тобою я – оазис,
без тебя – пустыня я.
И мне кажется порою,
оживаю я, любя.

Хочешь, стану я твоею,
буду верною женой.
И любить я не устану,
потому что Ты со мной.

Мой любимый, мой желанный,
солнца лик и лунный свет,
мой родной и долгожданный...
Что Ты скажешь мне в ответ?..

* * *

Мы странники.
Наш посох – Разум,
Наша пища – Знание,
Наши дороги – Мысли.
Наш посох крепок,
Пища никогда не кончится,
Дорог много.
Мы – вечные странники.

Александр ЛОБАНОВ

В НОЧНОМ

Томилась ночь в большом урочище за полем.
Промеж стогов блуждал неоновый туман,
И был по-летнему бездонен и огромен,
Мерцающая звёздами, небесный океан.

Природа тешилась ниспосланным затишьем,
Цветы ночные источались волшебством,
И, как поэт, июль слагал четверостишья
В любвеобильном вдохновении своём.

В ночном, блаженствуя, стреноженная лошадь
Негромко хрумкала сочащейся травой
И размышляла про себя о жизни прошлой,
Когда была она кобылой молодой,

Такой – в искрящемся саврасовом окрасе,
С холёной шеей, мощным крупом, грудью вширь.
Земля, бывало, под копытами тряслась,
Тревожа эхом каторжанскую Сибирь.

Ах, эта молодость! Широкой иноходью
Пробарабанила подковами сквозь век,
Когда считалась лошадь тварью благородной,
Когда белее даже был зимою снег.

Рассвет с востока подбирался к горизонту.
Залиловело. Потянуло ветерком.
Возникли первые горластые экспромты,
И зашуршало, зашумело всё кругом.

В большом урочище за полем запыхали
Верхушек елей золотые острия.
Туман развеялся, и выспавшихся далее
Шагнула в утро вековая толчея!

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

Уставшая, беременная смерть
Брела, ругая старую дорогу,
Которая людей не привела
Ни к черту, и, тем более, ни к Богу.
Все поросло, разрушилось, сгнило.
Нет больше жизни, значит, человека.
Ах, как теперь ей вспомнить не грешно,
Когда она губила жизни век от века.
Война, подруга пьяная от крови,

Чума чумевшая от умиравших тел,
Еще стихия, что добила смелых,
Которые пришлись ей не удел.
Ее подруги, славные подруги,
Окончен бал и след простыл уже.
Смерть перешла чернобыльское поле,
Споткнувшись, села с вздохом на меже,
Потом рыдала, вспомнив, ту крестьянку,
Которая родила в поле дочь,
И под палящим солнцем умирала,
Не зная, как себе и ей помочь.
Все замерло, не ляжет в землю семя,
Не будет песен в мире и хулы.
И как же им прожить без человека,
Устроить пир в преддверии беды.
Быть человеком трудно безнадежно,
Смерть этим ранним утром поняла.
И чтоб самой еще «пожить» немного,
Взяла и человека родила.

Андрей КАНЕВ

* * *

1.

А это было выше моих сил,
Простить непонимание полета.
Меня, увы, никто не пригласил
Вальяжно плыть по выстрадаанным нотам.

Мне было больно ощущать ступней
Стерню недавно скошенного поля,
Сжимал я сердце влажной пятерней
И вспоминал забытые пароли.

Все сказанное просто, как каблук.
Пускай повиснет маревом тумана.
Твоим ладоням нужно больше слуг...
А мне уже достаточно обмана.

Скривилась улица в ухмылке фонаря,
Бредет тоска дворяжкой не придворной.
Она в анфас похожа на меня,
А в профиль на свои родные корни.

2.

Когда сюжет души не посещает,
И Муза сторонится старика,
Лишь сердце все вещает и вещает
О жизни, не остывшее пока.

Ему в лесу дороги не помеха
И городская суতোлка – блажь,
Смеется, хотя вроде, не до смеха,
Выискивая по нужде типаж.

И кровь сочится карандашной пылью
На лист бумаги ветхой от проблем.
Любовь с годами порастает бьялью,
Не прибавляя ни стихов, ни тем...

А сердце беспокойное вещает
О жизни, не остывшее пока,
Хотя сюжет души не посещает,

И Муза вновь сбежит, наверняка...

Валентин ОХАПКИН

* * *

*«Быть русским – такой восторг»
Ф.М. Достоевский*

Когда я слышу голос странный,
Что он, друзья, поэт гитарный,
И эти вещие слова –
Людская разнесла молва.

Но не зови меня поэтом,
Я этой участи лишен.
Я отрекаюсь! Но при этом
Молитвой русской я крещен.

Меня крестил священник скромный
В родной сусанинской глуши;
Звучал усладно голос томный
В церковной Костромской тиши.

Я ныне Русью очарован,
И Коми краем околдован,
Святой Десницей осенен
И в слово Пушкина влюблен.

Нет! Не зови меня поэтом,
Я этой участи лишен.
Я отрекаюсь! Но при этом
Я словом русским восхищен.

Воскресенье Христово. Пасха. 11 апреля 2004 года.

Елена ШЕВЕЛЕВА

* * *

Покидают отеческий дом,
Свой привычный очаг покидают –
Уезжают друзья за кордон,
В ту страну, где зимы не бывает.

Спешно учат нелегкий иврит.
Все сильнее озабочены лица.
Лишь душа отчего-то болит,
Да в последнее время не спится.

Где-то лучшая доля их ждет.
Но такая тоска нависает!
И в заржавленный колокол бьет
Тот, кто нынче Россию спасает.

Уезжают друзья за кордон,
И под новым, необжитым кровом
Будет снится покинутый дом
И земля, где так зимы суровы.

Аркадий КАЛИМОВ

РЕКВИЕМ

Не пойте хвалебные оды

Над телом холодным моим.
Промчались, как сон, мои годы –
Над бездной могильной стоим.

И дух мой витает над лесом,
А я прохожу вдоль берез,
И снова сражаюсь я с бесом
Без чувства, без сердца и слез.

Не плачьте, слез горьких не стоят
Труды мои, думы о вас,
Враги мои праздник устроят,
От счастья возвысив свой глас.

Но прожита жизнь не напрасно,
Хоть многого сделать не смог.
Жил дни свои густо и страстно...
Пусть время подводит итог!

Так пойте церковные песни,
Гармонии звуков канон.
Дух Божий услышит возвестье,
Набат и малиновый звон.

Маргарита ПРИЛУЦСКАЯ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Все сильнее влажный запах тумана,
В лиловатых отсветах земля.
Как вокруг нереально и странно
В ранних сумерках теплого дня.

И на сердце так смутно сегодня,
Отчего-то раздумья горьки.
Теней плеск на струящихся водах
Настороженно тихой реки.

Ветерок не тревожит рябину,
Замерла на поляне трава.
Вечер полон прохлады и сини
И отчетливо – гулки слова.

Скоро летние краски живые
Незаметно согрет темнота.
А наутро увидишь впервые,
Что листва кое-где чуть желта.

Евгений ТЕКУЧ

* * *

Открываются глаза,
Распускаются осколки,
Тают белые иголки,
И стальные кофемолки
Измельчают небеса...

Зажигаются огни,
И расходятся навечно.
Удаляясь бесконечно,
Расставаясь безупречно,
Вновь встречаются они...

* * *

Солнце разлилось
на белой заколке
И шариком ртути исчезло
В траве.
Бездонное небо
Разбито в осколки
Серебряной пулей
В моей голове.

Валерий УДАЛОВ

* * *

Осень облетела золотом волос,
Серебром застряла в нимбе твоих кос.
Не задела осень зелень твоих глаз,
Тропками по лику словно прилегла.
Не грусти ночами, не печалься днем,
Что любовной страстью обожглись вдвоем.
В памяти закаты в пламени костров,
Душу согревают нежностью без слов.

Данил ДЖИГАЛЛО

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Зимний путь.
Пейзаж унылый.
Крик вороний из полей.
Ты о чем подумал, милый?
Да о Родине своей.

Отчего печали эти,
Что несутся по пятам,
Ни за что на этом свете
Никому я не отдам.

Так на родине бывает.
Только здесь и может быть.
А душа всю правду знает:
Надо верить и любить...

Елена ИВАНОВА

* * *

Снег падает и тут же тает,
Не оставляя след кругом.
Он на стихи не вдохновляет,
Нет, просто, рядом никого.
А утром ляжет снег ковром.
Шагает осень босиком.
Снег серебриться, душу греет
Пушистым маминым шарфом.
Снежинки падают, кружатся,
Как скатерть белой пеленой
На землю медленно ложатся...

Сергей МАЛЫХ

* * *

Одиночество тихо придет,
Заглянув мне в пустые глаза,
Сядет злою тоской в уголок,
Снова душу мне будет терзать.

И, шепча колыбельной слова,
Страшной кутаясь тишиной,
Подкрадется ко мне темнота
И заухает злобной совой.

Забываю тогда обо всем,
Закрываю рукою глаза...
Снова, снова хочу быть с тобой,
Но исправить, исправить нельзя...

Александр СЕЛЕЗНЕВ

* * *

Сижусь один я в тишине,
А свечка тихо воском плачет.
Вновь размышляю о судьбе.
Могло ль случиться все иначе?

Любовь – не птица Феникс, знаю.
К иным приходит навсегда.
Но, если чувство угасает,
Не возродится никогда...

Сергей СТАНОВОЙ

* * *

Облака белоснежные, легкие
Пролетают, куда-то спеша,
Очень близкие, очень далекие...
И стремится за ними душа.

И полета свободного хочется,
Хоть и сломаны оба крыла,
Хоть все тело от страсти корчится,
Я кричу, мол, была не была!

Хоть остался один я над бездною,
Точно знаю, мне все по плечу.
И какой-нибудь ночью звездною
Все равно полечу, полечу!

Олег ЖДАНОВ

* * *

Осеннею прекрасною порою
Я по лесу волшебному бродил,
Болтал с березкой, говорил с сосною
И в чащу неприступную ходил.

По листьям там ступая золоченым,
Из ручейка ладонью воду пил...
И был тогда я в этот мир влюбленный,
Слова чудные, помню, говорил.

* * *

Я люблю, когда пенятся волны,
Когда птицы поют в небесах!
А еще – колокольные звоны
Наяву и в чарующих снах!

Я люблю многозвучное пенье
Улетающих вдаль журавлей!

Я люблю своё сердцебиенье
Среди блеска ночных фонарей!

Я люблю, когда иволга плачет,
Когда дышит покоем земля...
Я люблю! Разве можно иначе,
Если рядом со мною друзья?

Виктория МАРТЫНОВА

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Ночь. Заколдованный принц – деревянный солдат
Щуриться сладко, зарывшись в тяжелую хвою
Тонкие пальчики свеч ноготками горят
К окнам приник снегопад – наблюдает за мною.

Ночь. Горький кофе. Щенячья нежность огня-
Млеет, пристроив малиновый лоб под ладони.
Милый шелкунчик, не надо смотреть на меня
Может другая слезу над тобою проронит

Синие тени – на бархат, на ворс, на шелка
Пыльный покой старых кресел, потертость дивана
Зала глотает шаги – посмотри как близка
Девушка в платье воздушном и пахнущем пряно

Медом пропитаны слезы. По краю щеки,
Тонко за ворот, на грудь – обжигает и манит...
Старец...солдат, милый принц!...
воск иссохшей руки
Изнеможенно застынет на жестком диване

Чудо любовь потеряло и стало чудным
Быстро от слез высыхают густые ресницы
Милый шелкунчик, нельзя быть всегда молодым
Но для меня ты навечно останешься принцем.

Запах нагретых камней и сквозь мантию сна-
Острые брызги, прилива густого скольженья...
Принц, перед смертью ты будешь стоять у окна
И удивленно смотреть на свое отраженье...

Михаил ИЕВЛЕВ

* * *

Прозрачных глаз твоих
Зеркальная бездна.
Ловушка для надежды
Бесполезной,
Застывшей навсегда
В иллюзии движенья...
Но тщетно взгляд мой
Ловит отраженье
В кристалле льда...

Тамара КУРОЧКИНА

* * *

Виктору Кушманову

Ушел поэт, и мы там будем.
Ну а пока несем свой крест,
О многом по-другому судим,
Путь жизни тоже наш не прост.
Куда-то все спешим, судачим,
Смеемся, а порою плачем,
Стремимся ухватить удачу...
Живем вот так, и не иначе.
И в суете обыденно-мирской,
Себя не замечаем мы порой.
А взять бы, и хоть чуть передохнуть...
Но мы спешим, не выбирая путь.
Одно лишь жаль, совсем не замечаем
Чужих несчастий и чужих печалей.
И сможем ли остановиться, люди?
Ушел поэт, и мы там тоже будем...

Митрофан КУРОЧКИН

ПАМЯТЬ О КОРНЯХ

Твоих детей, родная Беларусь,
Пораскидало, как листву берез.
И не измерить выплаканных слез,
Я сосчитать их даже не берусь.

Развеяли листву по белу свету
Ветра времен, событий, перемен.
Нас с детства покоряющих планету.
И лишь несчастья мающих в замен.

Листва, листва, что авиабилеты,
И ее цвет зеленый и живой.
И цвет такой не только летом –
Ведь листья помнят о земле родной.

Ведь крону дерева всегда земля питает,
Родные корни иль святая Русь...
Об этом помнит и об этом знает
Блуждающий по свету белорус.

На подсознание память о корнях...
Питает человеческие души.
К нам родина является во снах,
А память, знаю, время не задушит!

Не помнишь если о корнях своих,
Не будет тебе счастья, лучшей доли!
И на просторах вольных, но чужих,
Былинкой перекастной будешь в поле...

Иван КАМЕНСКИЙ

1. ГЕНИИ И ДУРАКИ

Мыслишки постоянно бродят,
Что гении приходят и уходят...
Но утверждают знатоки,
Что остаются дураки.

2. ФРЕЙД И ФАБЕРЖЕ

У Фрейда на приеме как-то был

Тот Фаберже – известный ювелир.
А после сколько было сил
Он только яйца мастерил.

3. ЗОЛА И НАВОЗ

Мы – удобренья? Это не этично, -
Вдруг заартачилась Зола.-
Я – более прилична,
Да и в отличие от Навоза
На свет явилась романтично...
Зола – поэзия, Навоз же – проза!

Дарья ШУЧАЛИНА

* * *

Я боюсь тебя, город родной,
В этой немощной тишине
Век за веком живешь ты уныло.
Люди, судьбы – тебе все постыло.
Все в тумане, все словно во сне.

Я молю тебя, город родной,
Прекрати изгонять дарованья
И кричать им: «предатели!» вслед.
Бумерангом непрошенных бед
Возвратятся тебе их страданья.

Я желаю, мой город родной,
Чаще слышать напев колокольный
Белоснежных старинных церквей.
Меньше грустных, недобрых вестей,
От которых так на сердце больно.

Я мечтаю, мой город родной,
В бой пойти ради войвывса кар
Даже если война – газетная.
Лишь была бы любовь ответная
К тебе, милый, родной Сыктывкар!

Любовь ГАЛОЯН

ПОМОГИ МЕНЬШОМУ БРАТУ ВЫЖИТЬ

Однажды шла я городским кварталом,
Весенний воздух бодрость придавал,
Но только в миг весны в душе не стало –
Увиденное стало, как удар.

Из мусорного бака мужичонка
Съестное длинной палкой достает,
У ног его худая собачонка
В надежде ждет: авось, перепадет.

С тревогою я шаг свой задержала:
Неужто зло в ответ рождает зло?
В то утро доброта торжествовала –
Меньшому другу, к счастью, повезло.

Чervонец я в ладонь мужчине положила –
Надежды маленькой, но все-таки росток.
И то, что мысленно ему сулила,
Сама услышала: «Да помощи Вам Бог!»

В десятке метров – в суете земного
Летящим в иномарках не понять,
Как два изгоя общества людского
Друг другу помогают выживать...

Алексей КАРПОВ

МЕЧТА

Не спрашивайте, грустного меня,
Зачем я взглядом устремляюсь в небо.
Та синева во мне живет, маня –
Туда умчаться так хотелось мне бы.

Умчаться потому, что на земле
Свиваются недобрые туманы.
А добрый дух таится в синеве,
Больной души залечивая раны.

Не спрашивайте, грустного меня,
Давно ли я живу такой мечтою.
И у иных – бывает горечь дня,
Которую не каждый в сердце скроет.

Не по душе туманность бытия
И ложная натянутость улыбки.
Но всякий, мысля, двигаясь, живя,
Не хочет быть... всегда со счастьем зыбким.

Не спрашивайте, грустного меня,
Зачем я взглядом устремляюсь в небо.
Та синева всегда манит меня,
В тиши которой никогда я не был.

Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ

* * *

*В. Шахову, А. Каневу, Л. Шеренас,
Е. Шелест, Л. Анищуковой и всем
Моим друзьям по работе в «Вечернем
Сыктывкаре»*

Как жаль, что нельзя в одну реку вернуться два раза.
Желание это ко мне прицепилось, как будто зараза.
И то, что нельзя в одну реку войти, мне обидно и горько.
А так бы хотелось еще раз вернуться в «вечорку»!
Такого нигде не встречал я ни «до» и не раньше,
Когда в воскресенье зовешь понедельник пораньше.
Не манит постель, ни рыбалка и ни поллитровка,
Когда – редкий случай – один коллектив, что тусовка.
Служебный роман на работе – всегда аморально и бячно.
Но все наши помыслы были чисты и прозрачны.
Тогда и сейчас, я считаю, нам было все ясно:
Когда все друг в друга чуть-чуть влюблены – есть прекрасно!
Строчила доносы дурында в ментовских погонах,
Что каждую пятницу мы выполняем, как стая влюбленных,
Но наш командир объяснял ситуацию мэру,
Что мы принимали гостей иностранных, поэтому пили, но в меру.
Хорошему длиться подолгу, увы, никогда не бывает.

И мы разлетелись по разным газетам, как утром из парка трамваи.
А я все ищу, и за это мне даже неловко,
Такой коллектив, что б обычаи в нем, как в тусовке...
Как жаль, что нельзя в одну реку вернуться два раза.
Желание это ко мне прицепилось, как будто зараза.
И то, что нельзя в одну реку вернуться два раза мне горько.
А так бы хотелось еще раз вернуться в «вечорку»...

Людмила ЧЕБЫКИНА

* * *

Друг мой, зачем я узнала тебя?
И не хотела, да вот – проглядела,
Сердце твое мимоходом задела,
Силу и нежность твою пригубя.

Необратимая жизни игра:
Ты все заботливее и нежнее,
Значит все громче сигнал и нужнее –
Други, да вам расставаться пора.

Значит – пора.
Тепловозным гудком –
Это не то, что свистулька трамвая.
Мы расстаемся, на миг забывая:
Встречи не будет когда-то потом.

Николай ЕВСТРАТОВ

* * *

Я не очень-то в Бога верую
И не стану его просить
Ни о чем, да и он, наверное,
Лучше видит всю боль Руси,
Слышит стоны и знает многое,
В чем живет православный люд
В наше время разгульно-строгое,
Как воруют, дерутся, пьют,
Как смеются и как тревожатся,
Как влюбляются и грешат
Богомольцы и безбожницы,
Не имеющие гроша
За душой оборванцы грязные
И крестьяне в полях с жнивьем.
Вместе, все одним миром мазаны,
Все под небом одним живем!
И, скорее всего, не в Бога я,
Моя гордость и в чем-то грусть,
Величавая и убогая,
А в тебя верю я, о Русь!

Андрей КРАЙЛЬ

* * *

Алексею Иевлеву

Твои горы высоки и нетленны.
К ним дорога нелегка и зыбуча.
На твоём пути пели Сирены,
И катились обвалы по кручам.

Ты шагал по житейским болотам

И наивно слагал свои вирши,
Как подлодка своим эхолотом
Взглядом в небо опутывал крыши.

В твоих броднях, усталость не знавших,
Ныне сладкий уют поселился,
Потому что на той, что из завтра
Взял однажды ты да и женился...

Вадим КИТОВ

* * *

Если такие, как я,
Будут стихи писать,
Сразу вздохнет земля,
Так как вздыхает мать.

Если такие, как я,
Бросят топор войны,
Сразу вздохнет земля,
Стали мудрей сыны.

Если такие, как я,
Будут уметь любить,
Сразу вздохнет земля,
Станет ей легче жить...

Наталья ИВАНОВА

НОВЫЙ ГОД

Бьют часы двенадцать,
На дворе темно.
Слышишь кто-то тихо
Постучал в окно.
Скрипнула калитка,
Это Новый год.
Он с собою сказку,
За руку ведет.
В сказке той прекрасной
Тысяча чудес,
И Кощей ужасный,
И волшебный лес.
Новый год на елке
Лампочки зажжет
И тебя тихонько
В сказку уведет...

Ольга ВИШЕРАТИНА

* * *

Давай посмотрим ночь –
Она пришла тихонько.
Давай, кивнула дочь
И засмеялась звонко.
Потом притихла вдруг,
И засветились глазки.
Вошли мы в лунный круг –
Круг чуда, сна и сказки.

Ирина ЗАГОРЯНСКАЯ-ГАРТМАН

* * *

Совью себе венок
Из запахов лугов,
Из трелей соловья
Надену ожерелье,
Из многоцветья трав
И полевых цветов
Сошью себе наряд
Воздушный и весенний...

И в жемчуге
Предутренней росы,
Свое в реке
Увижу отраженья
И шелковую прядь
Своей косы
Земным овею притяженьем...

Нина НИКОЛАЕВА

* * *

Н. Мирошниченко

Таежный и суровый Коми край,
Тебя люблю безмерно и до боли.
О, господи, смиренья в душу дай!
Прошу не лени, а спасенья доли.

Надеждой этой душу окрыли,
Чтоб я себя совсем не упрекала.
Была певцом родной своей земли.
Нигде другого счастья не искала.

Как не возможно отчий дом забыть,
Любимейших людей сердцебиенье,
Так память лучезарную не скрыть.
И с Вечностью ищу прикосновенья.

Юрий КОЧЕВ

СКАЖИ, КУКУШКА...

Люблю я серую кукушку
За то, что всем из века в век
Предскажет громко у опушки,
Велик ли нашей жизни бег.

При том учет души усталость
И счастья шумного вино
И скажет, что еще немало
Пожить под солнцем суждено.

И все ж спрошу я непременно
Свою гадалщицу в тиши.
Хотя известно: в мире бренном
Бессмертья нет и для души...

Геннадий ТРОФИМОВ

ПЕРВЫЙ

В.Я. Назарову

...Цепь отброшена. Вмята. Втоптана.
Смерть сплошная – чуть выше лба.
Но рывком на бруствер окопа

Перекинул тело комбат.

Оглянулся. Поднялся, натужась.
Гневным криком разорван рот.
И к победе сквозь смерть и ужас
Батальон рванулся вперед...

Сколько ж надо силы и веры,
Чтоб подняться и всех поднять!
В это трудно сразу поверить.
Это трудно сразу понять.

Надо делать, отбросив нервы,
Будь ты штатский или солдат,
Точно так же, как этот
Первый
С фронтовой открытки «Комбат».

Владимир КУЛИКОВ

* * *

Философия пути.
Зыбь песка и твердь базальта.
Нескончаемая нить
Из бетона и асфальта.

Шум колес и звук шагов
Запах трав, порывы ветра.
Сотни тысяч городов.
Миллионы километров.

Необъятная Земля –
Синь небес и непогода.
Перелески и поля
От восхода до восхода.

Нескончаемая даль
Из дорог и расстояний
Бесконечная спираль
В круговерти мирозданий.

Серафим ПОПОВ

СЕРАФИМ И ГАНС

Никому война не в радость,
Лишь до горя доросла,
Только в муках появлялась
И страдания несла.

Командир задачу ставит
В часть доставить «языка».
Хоть задача непростая,
Выполнять наверняка,

Чтоб живым... Ночного боя
Избежать не удалось,
А потом пошло такое,
Словно снилось, коль спалось.

Пленный взят, в пылу атаки
В рот забыли втиснуть кляп.

Путь обратный сквозь овраги
Пленный Гитлера все клял.

Посмотрели: одноглазый!
Что здесь делает такой?
Для таких ведь путь заказан –
Он же на передовой?!

Был он схвачен, испугался.
Не хотелось умирать
И поэтому старался
Громко Гитлера ругать.

Сердцу русского солдата
От чужой беды больней,
Да и был ли виноватым
Одноглазый в той войне?

Улыбнулся случай грустный
Гансу, чтобы не пропал,
Потому что повар русский
Нынче в госпиталь попал.

Старшина был с немцем четок:
- Коль ты с кухнею знаком,
С той войной свели мы счета –
Повоюешь черпаком.

Ганс был поваром от Бога
И до Эльбы взвод прошел
Сытым, толстеньким немного –
Полным был всегда котел.

Распрощались мы с боями,
Распрощались мы с войной.
Ганс расстался тогда с нами
И отправился домой.

Годы быстро пролетали,
Ганса стал я забывать...
Только так мы забывали,
Чтобы вспомнилось опять...

Есть примета, есть и будет:
Камень к камню не пойдет.
Но совсем другое – люди,
Их всегда свиданье ждет.

Посетил Берлин однажды,
Как турист, а не солдат,
Я давно той встречи жаждал,
Мирной встрече был я рад.

Как-то раз нам в ресторане
Был накрыт шикарный стол,
И ко мне, в своем старанье.
Их шеф-повар подошел.

Я взглянул, он одноглазый!
Это... Ганс! Его размах!
Обнялись мы с Гансом сразу
Со слезами на глазах.

Целовались, наглядеться
Друг на друга мы должны.
Ну, куда из сердца деться
Могут годы той войны?

Я сказал всем в ресторане:
- Лучше мир, чем ужас войн,
А народ и так изранен
Той войной, и твой, и мой.

Ну а если неутешен
Новый фюрер без войны,
Он народами повешен
Должен быть для тишины

Перевел с коми Анатолий ПОПОВ

Юрий ФИДЕЛЬГОЛЬЦ

ЗВЕНЬЯ
(поэма)

1.
Нам дарит небо, будто в сказке
За светом дня – ночную тьму,
Лазури переменной краски.
То чудо вряд ли я пойму.
И вверх смотря, как бы впервые,
Заметив стаи облаков,
За ними в дали ветровые
Лететь без удержу готов.
Еще мальчишкой большеглазым
Мечтал пуститься я в полет.
Чем занят был мой детский разум? –
Да тем, что я уже пилот.
Я – Водопьянов. Он немножко
Чапаев будет, мой сосед.
А мама сверху из окошка
Кричала: «Юрочка! Обед!»
Поем и рвусь из рук мамыши,
Стыдясь их нежного тепла.
Как нам, так и героям нашим
Ты, ласка, не к лицу была.
Зато как громко ликовали
Мы на плечах отцов своих,
Когда по праздникам врывали
На площадь красную. В тот миг
Душой восторженно немея
Среди трепещущих знамен,
Искали мы на мавзолее
Вождя народного. Вот он!
Шинель солдатская простая
(Из генеральского сукна).
Рукой он машет, замечая
Меня, лишь одного меня.
Нет, не двойник, а сам, конечно,
Из-под фуражки взглядом строг!
Казалось, мир наш многогрешный
Обозревал, прищурясь, Бог.
И точно в мифе об Антее,
Нам Сталин силу прибавлял,
Когда на глянце мавзолея
Бессменным символом стоял.

2.

Звенел от сосен жарким летом
Год сорок первый. Наш курорт
Прозеленел июньским светом,
Переплетя любовь и спорт.
Тут дама подарила мужу
Рогов внушительный багаж...
Студенты пели про Катюшу
И Любушки влюблялись в Саш.
Манила кухня... А за клубом
Скрывался сутками подряд
С улыбкой типчик кривоzubый,
Китайцам вроде бы собрат.
Шпионя, он глаза косил,
Сигналил фонарем случайно,
Тянушки публике дарил...
Какая в нем скрывалась тайна?
Следить за ним, не уставая!
Морозов Павлик мне – пример.
Будь начеку, страна родная!
И с нею – юный пионер.
Ах, бдительность! Тобою мудро
Напичкан каждый мальчуган...
Двадцать второго, ранним утром
«Китайцем» я на речку зван.
Сырой и бражный запах сена:
Под солнцем золотится стог.
Росой обрызган по колено
Я к берегам «послушно тек».
Весельем лился новый день,
Согнав последнюю дремоту,
И улыбался встречный пень
Колес кругами... Громко кто-то
Окликнул нас. Бежали люди
К тарелке на столбе. Она
Глушила всех, как из орудий,
Пальнувши враз: «Война! Война!»
И закружило – где автобус?
Кто в давке общей потонул?
Пьянчуга круглый, будто глобус,
Захныкал: «Гитлер обманул!»

3.

Москва, бульжная, родная!
Встречала ты своих жильцов
Вокзальным треньканьем трамвая
И перекличкою гудков.
И вот вам – рев ночной сирены,
Прожектора лучистый перст.
В развалинах дымятся стены,
И «Юнкерса» чуть виден крест
Над детской вознесен качалкой,
Застрявшей меж зубов стропил...
Могу ль забыть подвал? Вповалку
Лежащих на полу без сил?
Да что припомнить? Что, возможно,
Не беря прошедших ран?
В ту пору Сталин, как нарочно,
Зубами клацал о стакан.
Растерянный, он звал на помощь
Родимых братьев и сестер...
И маршалов. Их, словно, овощ

Срезал, в своей расправе скор.
Кому кумир наш гениальный
Гнал с хлебом не один состав?
Кому поверил моментально,
Союзником фашистам став?
А мы?.. Мы верили в победы.
И парни наши полегли
Среди дорог московских где-то
Под танками, в густой пыли!

4.
Перепопсанный ремнями,
Обутый в кирзы сапогов
Менялся город вместе с нами,
Знаком с пеленок и так нов.
Новь перечеркнутых окон,
Ежи из рельсов у порога,
И, словно снятые с икон
Шеренги лиц. О, как их много!
Тогда что изучать бы мог
Пацан, не думая о школе?
Но сводки ТАССа назубок
Учил я. О Москве – тем боле.
Как был бы рад я по-дикарски,
(Пускай жжет пальцы автомат),
Дырявить вражеские каски,
На шаг не отступив назад.
Увы, мальчишеские грезы!
Иначе свистнула судьба.
И побежала под колеса
Шпал набегающих резьба.
Моя семья в мгновенье ока
Эвакуировалась в тыл.
Стыдись за нас, заря Востока,
Красней, красней, что было сил.
Укрыла Фергана «гарунов»
Среди арыков, под листвой,
Паек голодный в руки сунув,
Болезнью одарив с лихвой.
Итак, под драным одеялом
Масластый, голый как птенец,
В больнице, провонявшей калом,
Лежал тифозный мой отец.
Ему нельзя есть «Затируху».
Сметану надобно, а то...
Эй, продаю пальто! А ну-ка
Купите, дяденька, пальто!
Галдел базар разноязычный.
У разомлевшей чайханы
Корнаи рокотали зычно –
Сюда, приبلудные сыны!
Все на продажу, на обмен –
От орденв до табурета.
Да здравствует свобода цен,
Животворящих сил примета!
Изнанкой юбочной, в приплясе
Кружился барахолки сброд.
Я чавкал по мясистой грязи,
Зарывшись в толчее, как крот.
Гранатов россыпь. Перед нею
Урючные лотки подряд.
Лозою тяжкою чернея,
Свисал с прилавка виноград.

Протягивалась к фруктам этим
Из-за спины моей рука.
Она взяла (кто б не заметил!)
Урюк и вздрогнула слегка.
Прикрыл я бравшего «на пробу»:
Ребенок был прозрачно худ.
Пустела и моя утроба.
Чего молчишь, народный суд?
Пусть будет приговор суров
Тому, в ком совести – ни капли,
Но, ради беспризорных ртов,
Я воровство такое славлю.
Мой Вечный Жид, знакомый ребе,
Он божий дар хранил, старик...
А я? Подай мне корку хлеба,
Чтоб заглушить желудка крик.
Припоминаю, двор с колонкой.
От истощенья... иль во сне
Донесся голос тонкий-тонкий –
То скрипка плакала по мне.
Мотив из песни всем знакомый,
О том, как широка страна,
О том, как вольно дышит дома
И молодость, и старина.
Орфей играл. Босые ноги.
Для подаяния – картуз.
Пылал смычок на солнцепеке
Да лба морщинистого груз.
В тени, сквозь ситец и цветочки
Пыхтел ответно самовар.
Хозяйки розовели мочки.
Потели щеки сквозь загар.
Рыдала скрипка средь двора.
Вдруг защемило сердце в муке:
Пора домой, в Москву пора.
Терпеть не в силах я разлуки.
От горизонта к горизонту
Дыми, пыхти, локомотив.
Колесным тактом испокон ты,
Перекрывал любой мотив.
И вот леса навстречу встали.
Не оторвусь, гляжу до слез,
Где у опушек заплясали
Стволы белеющих берез.
Вы, луковицы куполов,
Сиянье солнца вы вобрали
И корневищами костров
Вверх поросли в лиловой дали.
Вечернего заката звон
Закинут в реки и озера.
Я до земли вам шлю поклон,
Родные русские просторы...
Уже по травам Подмосковья
Пороховой рассеян мрак.
Лишь вымя трогает коровье
Не захороненный костяк.
Нам нелегко далась победа.
Ее начало – Сталинград.
Салютов звездные букеты –
За подвиг твой, простой солдат.
Ты погибал и не напрасно,
Готовый взять хоть Чертов мост...
Салюты, рассыпаясь, гаснут

Среди кремлевских, красных звезд.

5.

Про их мундиры голубые
И замордованный народ
Летописали... Мы, живые,
Перемахнем на век вперед.
Наш поводырь ведет умело:
Отступишь – сразу носом в грязь.
Крепка, берущая на дело,
Святая сталинская власть.
Под сапогом его горбата
Шестая часть земли. Табак
Вминает в трубку сам. Когда-то
Подруг с друзьями вмял он так.
Генералиссимус! Раз в тыщу
Ты превзошел всех палачей,
Развеселившись на кровище
Варфоломеевских ночей...

6.

Столичный день – совсем обычный,
Не ахнул в день тот стадион,
Игрой футбольной восхищен,
Раскатом древнеримским зычно.
Бессменно и кривоколенно
Очередей вились хвосты,
И милицейские посты
Стояли с важностью степенной.
Из ГИТИСа пешком домой
Я торопился, окрыленный
Искусством и одной мадонной,
Единственной само собой.
Ее я полюбил всерьез.
Как жгла она меня очами,
Впиваясь жадными губами,
Укутав запахом волос!
Бегу к себе, не чуя ног.
«Да, это он, - шепнули в спину, -
Живее, сука, лезь в машину
С названьем «черный воронок».

7.

Мне душу в темень, спозаранку,
Вывертывали наизнанку.
Не шибко и не валко спело
Мое «огромнейшее дело».
Был капитан слегка игрив,
Чуть-чуть неграмотен, красив.
Он аккуратен, как занозы,
Мне ставил четкие вопросы.
Был каменный чулок с решеткой,
Где я сидел овечкой кроткой.
Был «вертухай» багроворожий
На знак вопроса так похожий.
Был мир, как сновидений ком
С парашно-каменным душком.
Электролампы желтый свет –
В тюрьме земли и неба нет.
Когда конец и где начало
Судьба загадочно молчала.
И стало как-то невдомек
За что готовится мне срок.

От скуки капитану пелось.
Майором стать ему хотелось.
(Жизнь без стремления – пуста)
- Гори, гори, моя звезда!

8.
Нас двадцать семь, пропавших душ
И камера с намордником.
Обломится «наседке» куш –
Держись, стукач позоренький!
Нас гонят в баню с блокпостом.
- Раздвинь при шмоне задницу!
Видать насквозь поскольку ртом
Кишка твоя кончается.
Начальник входит как кремень.
Мы рапортуем слаженно:
«Нас двадцать семь, нас двадцать семь,
Все ни за что посажены».
Молчит мой остров гробовой
Средь моря ошалелого.
Сижу в Бугьрках. Сам – не совй
И сам – ворона белая.

9.
Кто там грохочет и гремит,
Как будто в бочке полой?
«Веселый, - кто-то говорит, -
Пожаловал Веселый».
Полне тележка передач,
Единственная с воли.
Не убивайся, мать! Не плачь!
Привет тебе, Веселый!
По коридорам тарахтишь
Ты, словно в бочке полой.
И пискнула в застенке мышь –
Пожаловал Веселый.
Я осужден на десять лет,
Срок детский до предела.
В усмешке сохнет мой портрет,
Спрессованный из мела.

10.
Этап. Спросонку – вял и глуп,
Очнись за стрелкой, у халуп.
Гоню озноб из тела прочь.
Не циферблат – глухая ночь
Фосфорецирует путями.
И вздернут светофор над нами,
И отпевает нас гудок,
Протяжной грустью одинок.
Промчат по рельсам поезда,
Змеиные составы.
Изгиб и прогиб. Маята,
Как в трущихся суставах.
Зато стальной вагон
Ничем не выделяется.
По окнам клетками снабжен –
Так это полагается.
И охраняет мой покой
Солдат краснопогонный.
Проезд бесплатно-дармовой,
А я в нем – заключенный.

11.
Снаружи летит, расстилается пар,
Теряясь по разным просторам,
Куда и телят не гоняет Макар.
Мелькает забор за забором.
На те расстояния мерка одна –
Меж вышек в колочках ограда.
Ко мне повернулась родная страна
Изнанкой, распахнутой сзади.
Полей и лесов богатырский размах,
Да взгляд под ушанкой суровый.
Встречай арестантов, паучий ГУЛАГ.
В строю рядовой я твой новый.

12.
Коль наша жизнь взята в кавычки
И обмарали нас в дерьме,
Мы доверяемся привычке
Гнуть шею, как волы в ярме.
Привык валяться я на нарах,
Затертых ребрами людей,
Привык к жилью бараков старых,
Где надзиратель – лиходей.
С привычкой к номерам на лбу
И на спине, и на колене
Перетаскал я на горбу
Сизифа веские каменья.
Лесоповал, рудник вольфрама...
Рабы не мы. Мы – из рабов.
Зовет, зовет дорога к храму.
Из сердца бьется вечный зов.

13.
Отяжелели, потемнели
В серебряных сугробах ели
Засеребрилась голова...
К чему высокие слова?
Они бумажной канителью
Висят над новогоней елью,
От зон запретных далеки...
Мат напрочь вытеснил стихи.
Зато мы не придурки.
Слюнявые окурки
Подкинь-ка нам, конвой!
Табак ух! Мировой!
Отяжелели, потемнели
В серебряных сугробах ели...
К свободе тянутся года
Из тундры – к сопкам, в никуда.

14.
О, дух бараний шашлыка!
Он сам на шампуре горячий
Сочится соком. Лук в придачу...
А перламутр балыка?
А плова пестрая чалма?
И поросеночек на блюде,
И мрамором застывший студень,
Что вилка в нем стоит торчмя.
Раздайся, стол, - сама форель
Пред вами в кардинальском сани;
За ней – анчоусы в сметане,
Гурманов толстопузых цель.

Вид блюд различных полюбя,
Как чудо поварского рая,
Я смак обжорства поменяю,
Баланда, только на тебя.
Когда тебя в бочонке с крышкой
Из кухни тащат к нам в барак,
Зека цветет, как алый мак,
С пустою мискою подмышкой.
Какое счастье отыскать
В чуть мутно сваренной водице
Картошку иль овса крупичу:
Иль это вам не благодать?
Соорудили мы плотины
На вечно-жидкой баланде.
Она на вечной мерзлоте
Взрастила разлюли-малину.
Она – победа и беда
Пожарче солнца, может, даже.
Да здравствует питање наше,
Баланда или баланда!

15.

Из лета в лето, из лета в лето
Прокомиссованы скелеты.
Им тычут пальцем в ягодицы –
Коль мякоть есть – пошел трудиться.
А доходным, в ком кость да кожа,
Врач выбирает легче ношу.
Акт гуманизма, говорят.
Ты, сокол, Сталин, очень рад?
Из лета в лето, из лета в лето
В бушлаты серые одеты,
Средь пыли лагерной ты – сер,
Стой на поверках, будто хрен!
Вот сноведенья серы стали...
Тебе за серость – браво, Сталин!
Поскольку серостью согрет,
Ты для других – ярчайший свет.

16.

Друг другу труп передают
Зека, как палку эстафеты.
Тем временем в Москве кладут
Тяжелый гроб на верх лафета.
Усопшего в канун весны,
Чернее нету той печали,
России верные сыны
В последний путь сопровождали.
На строгом кладбище элиты
Ждут гостя мрамор и гранит.
А заключенный позабытый
Под сопкой гольшом лежит.
Затылком пепельным к востоку,
С чернильной цифрой на ноге,
Освобожденный раньше срока.
Он онемел на век в пурге.
У головы воткнута палка,
На ней – заржавленный жетон.
Не отгадала б и гадалка,
Кем был в прошедшей жизни он.
Позвякивают тихо-тихо
Кругом консервные жетоны,
И это верная улика,

Что здесь зарыты миллионы.

17.

Трупы под трубы,
Трупы - в цемент!
Жив я остался,
Вечный студент.
Звезды в погосты
Колют лучи.
Я возрожден
Из студеной ночи.
Стали мы, Сталин,
Как ангелов рать.
Только где нам
Правду сыскать?

18.

Даны права и паспорта
(Берите, кто оплеваны!)
Чтоб не раскрыть в дальнейшем рта
Для дум своих рискованных.
По-прежнему ладью луна
Плывет в бездонном море.
Прохладой, как бадью вина,
Упьюсь я на просторе.
Темней, морозней глубина
В реке моей житухи,
Но тем она-то и сильна,
Что в ней терпел я муки.

19.

Вместо набатов – безмолвие. ПОМНИ.
Смерть человека в могилу свела.
Пепел Клааса стучит, запомни,
В поднебесной империи зла.
В любом подлеце, в карьеристе, ПОМНИ,
Усы прорастают, снижается лоб.
Кладут ежедневно гвоздику, ПОМНИ,
Там, где зарыт сталинский гроб.
Глаз наших мрак говорящий, ПОМНИ.
Все не расскажешь – не хватит ума.
Сердце толчется – ПОМНИ, ПОМНИ –
Братск, порт Ванина и Калыма.

20.

Нам дарить небо, словно в сказке
За светом дня – ночную тьму,
Лазури переменной краски.
То чудо вряд ли я пойму.
И вверх смотрю, как бы впервые,
На бег далеких облаков.
Но эти выси ветровые
Послужат для иных сынов...

(1996-2001 годы)

Галина МАРКОВА

ДВА ИЗМЕРЕНИЯ

Ничто так не чарует наши взоры,
Как золотая осень в октябре.
Деревья фантастическим узором

Окутывают небо в вышине.

Сквозь редкую листву увидеть звезды,
Во тьме ночной посеять Млечный рой,
И осторожно, как до чайной розы,
Дотронуться до вечности рукой.

Но ход времен, увы, нам не подвластен.
Не безграничны сроки наших лет.
Нам свет звезды сияет сквозь ненастье!
Жаль, что самой давно в помине нет...

Виктор ДЕМИДОВ

ПО ОСЫПЯМ ЗВЕЗД
ЛЮБЛЮ ВОСХОДИТЬ...

Андрею Каневу

По снежнику,
По осыпям звезд,
По зыбучему Млечному пути
На вершину,
Где живет Дед Мороз,
Мне хотелось взойти.

Но крик восхищенья
Некстати возник, -
И сорвалась звезда...
Рухнул лавиной слепой карниз,
И понесло в никуда...

Я удержался на гребне волны
И даже – упряжку спас...
Солнечноликим Богом весны
Мне улыбался Спас.

Он не грозил: - Ужо погоди!..
Он в небе парил невесом.
Он страстно желал мне:
«Живи и дыши
С миром моим в унисон...»

Люблю восходить по осыпям звезд,
В ладони ловить первый снег.
В самый крутой
Российский мороз
Сердцем открыт весне.

А. ВАСИЛЕНКО

КАВКАЗ

Кавказ, где Лермонтов сражался
И где Мартыновым убит,
Места, куда поэт ссылался...
Над ними дух его парит.

Там горцев огненные взоры,
Народ войною изнурен,
Сребрятся в снежных шапках горы,
Сам воздух смертью напоен.

Там, где служил поэт и воин,

Лишь грозы, мечь со всех сторон,
Был восхищения достоин
Кавказа пленник вечный он.

Он Бородинского сраженья
Восславил русский ратный пыл.
Любимой родины свершенья
Он так неистово любил!

Зазнавшимся персонам «света»
Бросал он вызов, не молчал,
В стихе своем «На смерть поэта»
Чинов придворных обличал.

В России, видно, так ведется:
Своих пророков будто нет,
Зато для гениев найдется
Изгнанье, пуля иль запрет.

Сгорая в небе метеором
И освещая путь творца,
В веках немеркнувшим узором
Сияют гениев сердца.

Сергей ПОТОЛИЦЫН

* * *

Был тяжелым этот час,
Раз и два... И где ж беспечность?
Сник огонь души, погас...
Распахнется ли мне вечность?

Плоть бледна... бледна лазурь,
Что звала меня с собою,
И светила среди бурь
Камнем, сердцем и судьбою.

Только кажется мне что,
Толи камень, толи сердце...
Будто черное оно
И горько как жменя перца.

А. КОЖЕВНИКОВ

ПАМЯТЬ

Не могу спокойно слушать
Передачи о войне –
Все бывшее держит душу
То в печали, то в огне.

Вспоминаю похоронки,
Слезы, хлеб из лебеды...
Детство, детство, ты в сторонке
Не сидело в дни беды!

Потому не только даты
Мне напомнят о войне.
Это было не когда-то,
Это и сейчас во мне...

Мария ВАСИЛЬЕВА

ОПАЛЕННОЕ ДЕТСТВО ВОЙНОЙ...

Трудное детство досталось и мне,
Знала я горе и голод-нужду...
Страна полыхала в Великой войне
Едала не хлеба – траву-лебеду.

Я помню, как трудно я в школе училась.
Исполнилось девять... И умер отец...
Подумали с мамой, что жизни конец!
В колхозе в свободное время трудилась.

Упорным трудом всего в жизни добилась...

Елена МАРКОВА

МЕРТВЫЙ ОЛП

*Восставшие на Мульде заключенные
были расстреляны. После уничтожения лагеря,
туда пригнали женский этап.*

Нас пригнали этапом.
Зона странно молчала.
Нас пригнали на Мульду.
Весь лагерь был пуст.
Тишина нас пугала.
Тишина угрожала.
И предчувствием тяжким
теснила нам грудь.

Мы вошли и застыли...
Там на стенах бараков
Пятна свежие крови и выстрелов след...
На полу и на нарах –
Всюду страшные знаки,
Темно-красные знаки
окровавленных тел...

Что же было на Мульде?
В черной горестной тундре?
Кто расскажет,
Опишет самосудный расстрел?
Сколько душ погубили в дальнем ОЛПе на Мульде?
Кто ответит,
заплатит за такой беспредел?

Нас пригнали на Мульду.
Зона тяжело молчала.
Нас пригнали этапом, а лагерь был пуст...
Тишина нас пугала,
Тишина угрожала,
И дыхание смерти
не давало уснуть.

Роберт РАЗМЫСЛОВ

* * *

Здравствуйтесь, родные дорогие,
Я пишу вам с дальних северов,
Вы меня простите, не вините,
Что попал сюда я пацаном.

Срок пройдет, годами мы сочтемся,
Выйду я, приеду к вам опять,
За столом домашним соберемся.
Хорошо, смогла так долго ждать.

Мир блатной по жизни очень строгий.
Им не надо душу заполнять.
Здесь, кому везет, молитесь Богу,
А кому за них в ночи не спать...

Ведь свобода хитрая не в совесть,
Всех зовет красиво отдыхать...
А потом опять на север в робе
По этапу срок свой коротать...

Татьяна ШАХОВА

НОВЫЙ ГОД

Танцы, песни, бурное веселье,
До свиданья, старый наш декабрь!
Нет помех, зимой кипит веселье,
Новый год встречаем и январь!

И луна на небе ярко светит,
И у звезд дружнее хоровод,
Дед Мороз у елки может встретить,
Чтобы подарить нам Новый год.

Ну а где-то в снежной круговерти
Исчезает в полночь старый год.
Кто-то шар земной так быстро вертит,
И не замедляет жизни ход.

Вам добра, счастливых нам мгновений
Всем всегда желает щедрый Бог,
Пусть же без волшебных манований
Будет полон изобилья рог!

Наталья СТАРЦЕВА

ОДНАЖДЫ МНЕ СНИЛОСЬ

Однажды мне снилось,
Что нет между нами дорог,
Слись все они в одну
Судьбоносную встречу.

Укутались счастьем,
Мы переступили порог,
И глядя в глаза,
Меня обнимал ты за плечи.

Всему есть финал,
Хоть больно и тошно, - увы!
Пора расставанья не минула,
Спрятанных счастьем.

И столько уж раз
Через это мы оба прошли,
А хочется жить
По законам совсем иной власти.

Однажды мне снилось...
Зачем? Для чего? Ночь прошла,
А день обещает забвение
Сердечных скитаний.

Пусть каждую ночь
Повторяется эта игра,
Ее не гоню и себе не ищу
Оправданий.

Лана ШЛЫЧКОВА

* * *

А я люблю тебя, не помню и люблю,
Я это чувство ритмом сердца говорю.
Как будто в люльку я с ладоней лью
Тепло «люблю» и бесконечно мир благодарю.

Все трепетом горит, томит и рвет слезу
Как близко мы, как вольно ты, как тесно я дышу.
Как стихло в миг, в молитве все и ждет грозу.
А губы шепчут быстро – молча, что тобой дышу.

Такой безмерный миг, как вечность предает,
И лентой сходят дни в солнце – любвिवорот.
Глаза в глазах живут, судьба судьбу зовет,
За небом предназначенный счастливый поворот.

Ирина КОВАЛЬ

* * *

Мое сердце биться перестало,
Когда увидела тебя с другой.
Но боли я совсем не ощущала –
Еще не поняла, что ты чужой.

Я, как в тумане, в танце закружилась,
В хмельном угаре путала слова,
Но за тобой вдогонку не пустилась,
Я ничего еще не поняла.

Ты обнимал меня и говорил, что любишь,
Я безмятежно слушала слова.
И не хотела думать то, что будешь,
Мне снова врать про счастья острова.

Она стояла тихо в уголочке,
И томно наблюдала за тобой,
Она одна на свете понимала,
Что просто ты прощаешься со мной...

Анастасия РЫБАКОВА

БЕЗ СЛОВ...

Увидишь свет – закрой глаза.
Услышишь «нет» – сомкни уста.
Узнаешь боль – ты спрячь слезу.
Сыгравши роль – отдай звезду...
Забыв любовь – сердце закрой.
Потратив жизнь – не жди другой...

* * *

Надо себя уважать,
И мать, и отца, и ближнего,
Душу свою напрасно не обижать,
И душу вселенной, и душу Всевышнего.

Надо себя холить.
Телу дренаж, приятная еда,
Дрянью всякой себя не неволить –
Травка, трубка, стакан, игла...

Надо себя лелеять
Полезным изыском и удобством,
Извне может радость или не радость навеет,
И успеть «подстелить соломку».

Надо себя понимать,
И Вивальди, и Рембрандта, и Ахматову,
Чужого места в жизни не занимать –
Быть на своем месте, да и жить по богатому...

Мария ХОЗЯИНОВА

* * *

В душе моей капельки крови
Потихоньку сливаются в лужу...
Предательство, ложь, обвинения...
Нет!
Такой ты мне больше не нужен!

Душа...
Разрывается в клочья.
Оглушительно – громко рыдая...
Никто не поймет, не излечит
Сердце раненное.
...другая...

Нина ПУНДИКОВА

* * *

Вновь вечером ступаю за порог...
Любовь моя! Здесь сердцем отдыхаю:
Ценю твои заботы, видит Бог,
Как ты прекрасна – тоже понимаю.
Все мило в доме: ужин и покой,
Диван и телевизор, и газета...
- Сегодня, дорогая, матч такой!
Я так люблю футбол! Ты знаешь это.
Ты, милая, с собакой погуляй,
Вечерним Сыктывкарком полюбуйся,
Но в мыслях я с тобой, ты так и знай
И за меня сегодня не волнуйся.
Я за детьми б, конечно, поглядел,
Но ведь они мечтают о прогулках!
К тому же криминал так обнаглел,
Черт знает, кто шныряет в переулках!
Так вы идите вместе, так верней...
Любимую до двери провожаю...
Она, детишки, пес... Захлопну дверь.
Родные! Как же я без вас скучаю!

* * *

В эти тёмные окна
 смотреть не хочу.
Я сегодня с утра
 без причины молчу.
Эту темную ночь
 освещает луна.
Как и я в эту ночь,
 она тоже одна.
Даже звёздочек нет,
 даже ветер утих.
И мне плох этот свет
 без улыбок твоих.

Ольга ДРИНДРОЖИК

ТЕРЗАНИЯ МОЛИТВОЙ

Что в жизни нам пережить суждено?
Что в жизни нашей случится еще?
Какая же выбрана наша судьба?
-Мы так рассуждаем, смотря в небеса.
И есть ли на свете всевидящий Бог?
Нам хочется, чтобы он в жизни помог,
Мы жаждем прожить и не встретить тревог
И чтобы земля не ушла из-под ног.
А есть ли он вовсе?
Кто верит, кто нет.
Когда мы найдем на вопрос тот ответ?
Мы смотрим на Бога прекрасный портрет
И думаем: «Есть он.
А, может, и нет!»
Кто сможет ответы нам точные дать?
И сколько нам в жизни придется страдать?
Нет вечного счастья и вечного зла...
Старушка-судьба нам урок подала.

Юрий КОНАКОВ

НЕ ГОРЮЙ, НЕ ГРУСТИ, НЕ ЖАЛЕЙ...

Не горюй
Оттого, что нет денег!
Выпал жребий -
На то и судьба.
Не измерить
Душу и сердце -
Уж поверь мне -
Толщиной кошелек.

Не горюй
Оттого, что удача
Не с тобой
Пьет, смакуя, вино.
Поверни ...
На другую дорогу -
Вместо двери
Выйди в окно.

Не грусти,
Если так рано

Заискрилась
В волосах седина.
Кто хлебнул
И горе, и радость,
Тот на ветер ...
Не бросает слова!

Не грусти,
Если не выпал
Счастливый
Лотерейный билет.
Значит, что-то
Ты неправильно сделал,
А у кармы ...
На все есть ответ!

Не жалей
О том, что уходит
От тебя
Тот, кто дорог и мил.
Запевай ...
Новую песню-
Кто страдал,
Тот и любил!

Не жалей
О том, что стрелки
С каждым годом
Идут все скорей...
Все проходит,
Все уйдем на тот берег...
Постарайся
Все сделать быстрее!

Удивись-
зеленой траве!
Помолись-
за тех, кто в беде!
Повернись-
лицом к судьбе!
Эта жизнь-
твоя жизнь!

Ольга МИШУРОВА

* * *

Весны шальной прикосновенье
Меняет городской пейзаж.
И всюду видно оживленье,
И блеск веселых женских глаз.

Мужчин растерянные лица...
В тот день они на женский суд
Букеты в северной столице,
Как скипетр, царственно несут.

Николай ТЮРНИН

ИРИНЕ

Пусто в доме моем
и тяжело на душе.
Тебя сейчас со мною

рядом нету.
Рассвет весенний, ранний
за окном уже
Дает свои раскинув
крылья свету.

Минует час,
а может быть, другой.
И небо вновь
нальется синевою,
Венец на плечи бросит
радугой-дугой
И окольцует
с феею лесною.

Александр КЛЕЙН

САНКЮЛОТ

*Статуэтке, подаренной
мне дедом.*

Этот бодрый Санкюлот
Двести с лишним лет живет.
Он француз и на английском
Не болтает языке;
Он всегда в своем фригийском
Несуразном колпаке.
В нем в Бастилию ворвался,
Взял монархии оплот
И отправить постарался
Короля на эшафот.
В нем же с шуткою веселой
По Парижу он гулял
И, танцую карманьолу,
Марсельезу напевал.
В нем живет душа народа,
Вера в правды торжество;
Братство, равенство, свобода!» –
Клич на знамени его.
Славя вольности законы,
Страх нагнал он на владык,
Так, что зашатались троны
Под седалищами их.
И тогда во время оно,
Новой эры торжество,
Он нашел Наполеона
И всех маршалов его.
Санкюлот – безштанник значит.
Не беда, что нищ и гол.
Без штанов, но глаз не пряча,
Он в историю вошел.
Не случайно наши предки,
В тайниках, на зло царям,
Санкюлота статуэтке
Сохраняли здесь и там.
Он как символ правды чистой
Жандармерию пугал,
На столах у декабристов
И у Пушкина стоял;
И царю глаза он резал:
Вдруг ожив – разинет рот,
И, о, ужас, Марсельезу

Во все горло запоем.
Но нельзя же долго в жмурки
С революцией играть
И французские фигурки,
Как людей в тюрьму сажать.
Из металла ведь, литые,
Как наденешь кандалы?
И они по всей России
Разошлись во все углы.
На одну, среди книжек пыльных,
Бросил дед мой зоркий взгляд
В бедном домике близ Вильно
Полтора года назад.
И берег он эту штуку,
Как игрушку – раритет.
Чтоб единственному внуку,
Мне, вручить на склоне лет.
Но пришло другое время,
Санкюлот уже не нов.
И совсем иное племя
Щеголяет без штанов.
Толи денег нет, толь, мода,
Толь «особые права...».
«Братство, равенство, свобода», -
Позабытые слова.
Второпях, бывшее скомкав,
Мы живем – скорей, скорей,
Оставляя для потомков
Только кладбище идей.

Олег ЧУПРОВ

* * *

Пусть вбегу в твой дом легко я,
Ворот куртки теребя...
Не смогу найти покоя
Ни с тобой, ни без тебя!

Ты откроешь. Скажешь: «Здрасьте!»,
За разлуку не вина...
Но найти не сможешь счастья
Ни со мной, ни без меня!

Людмила ХАНАЕВА

* * *

Не ревнуй меня к прошлому, милый,
И не спрашивай, как в листопад
Листья желтые ветром кружило
И летели они наугад.

А когда побелела равнина,
Снег укрыл ее всю, не спеша,
Ты не спрашивай, с кем у камина
Вьюгу слушала молча душа.

Не ревнуй меня к прошлому, милый,
За порогом утихнет пурга.
Нас волшебной пьянящей силой
Ароматные встретят луга.

Как туман растворится бывшее.
И пусть ветер безудержно злой

Снегом стелет под тихой луною,
Мне не холодно будет с тобой...

Лара ГОНСКОВА

НА НЕРВНОМ НАКАЛЕ...

В. Высоцкому

Ходил, вопил, хрипел
О верности и чести.
Ходил, вопил, хрипел,
А воз опять на месте.

Вновь мечущихся глаз
Не сосчитать до веку.
Невыносимо жаль
Святого - человеку...

Иудам несть числа,
И Каин, веришь? С нами...
Раскручивают жизнь
Сплошь липкими руками...

Что плавающий нож:
Нет точек для опоры...
У братии такой –
Повадки дикой своры!

Лесть! Зависть! Подлость! Злость!
Все, что мирком сим правит.
Но вера – все ж сильнее.
Нет, Бог нас не оставит...

О Ч Е Р К И

Николай ЮШКИН

ПОКОЙНИЦКАЯ

Надежда В., помощница ученого секретаря, женщина не пожилая и миловидная, не прочь выпить по случаю и за компанию, под хмельком становилась избыточно общительной и впечатлительной.

Во время встречи Нового, 2002, года Володя, воспользовавшись радостно-возбужденным состоянием Надежды, затащил ее в свою лабораторию, блистающую от пола до потолка белым кафелем, уставленную крупногабаритным электронным оборудованием, с отдельным препараторским боксом для подготовки минеральных проб к анализу. Сферой деятельности Надежды до сих пор были канцелярские и бухгалтерские кабинеты, и она между объятиями и поцелуями бросала любопытные взгляды на загадочное помещение и необычную технику.

- Ой, Володя, а там что у Вас такое? - кивнула она на препараторскую.

- А там - покойницкая. Валентина трупы препарирует. Биоминералы вырезает. Из почек, из печени, из сердца. Зубы выдирает.

Надежда, конечно, докторантку Валентину хорошо знала, знала и то, что та изучает различные минеральные образования из человеческого организма. Но то, что их надо как-то извлекать, а, тем более, из покойников, ее потрясло. Даже малейшего сомнения не вызвало то, что покойников режут именно здесь, где она готова была уже заняться любовью с Володей. На Надежду нахлынул приступ истерики. Из глаз брызнули слезы, размазав по щекам ресничную тушь и краску. Она затряслась в рыданиях, уткнувшись в Володину грудь, начала сползать на пол.

- Покойничков жалко... Бессердечная Валентина, - вырвалось у нее сквозь рыдания.

За этой сценой наблюдала Татьяна, одна из бесчисленных любимых женщин Володи. Она пошла за ними сразу же, как Володя прихватил Надежду и увлек ее в коридор, ведущий в лабораторию. Превращение намечавшейся любовной сцены в трагическую вызвало у Татьяны бурю восторга и веселья, и она стала хва-

тать всех, проходящих мимо, приглашая посмотреть. У полураскрытой двери собралась приличная толпа любопытных, и я попал в их число.

Володя уже определился в неожиданной ситуации (он никак не думал, что кто-то может поверить в сказанную чепуху) и приводил Надежду в чувство. Подволок ее к раковине, умыл лицо, успокаивающе приговаривая:

- Да ты что, Надя, так расстроилась-то? Дело-то обычное. Ведь в научном учреждении работаешь. Тут чем только нам заниматься не приходится для познания истины и для счастья человеческого.

Утром я зашел к Валентине, которая сидела за биноклем, внимательно изучая очередную партию поставляемых стоматологической поликлиникой, выданных у пациентов кариесных зубов. В данный исторический период она работала над главой докторской диссертации с названием «Минералогия полости рта». Полость живота она отработала еще в кандидатской диссертации и систематически переходила к другим полостям и органам.

- Слушай, Валентина, тут про тебя разные слухи по институту ходят. Будто ты у Володи в кабинете трупы препарировать.

И я рассказал ей вчерашнюю историю.

На Валентину она впечатления не произвела.

- Зачем мне это? Я органы у себя в холодильнике храню.

- Какие еще органы? Откуда они у тебя? - ужаснулся я.

- Как какие? Сердце, легкие, почки ... Некоторые другие. В больнице взяла.

- Для чего они тебе?

- Как зачем? Должна же я знать, где и как биоминералы образуются. Хотите, покажу?

- Да что ты! Не надо, не надо...

Я выскочил от Валентины почти в том состоянии, в каком оказалась Надежда у Володи.

ШЛИТЕ ТЫЩУ

Председателю Президиума Коми филиала АН СССР принесли телеграмму: «Сыктывкар. Вавилову Петру. Шлите тыщу». Без подписи. Выслана из Троицко-Печорска.

Это было то ли в самом конце пятидесятых, то ли в самом начале шестидесятых. Сыктывкар – городок небольшой. На телеграфе быстро вычислили Петра Вавилова, который располагает возможностью по первому требованию выслать такую фантастическую сумму, и телеграмму доставили по назначению.

Петр Петрович Вавилов, прочитав это послание современного потомка Ваньки Жукова, молча выматерился, вызвал главбуха, зама по общим вопросам, ученого секретаря.

Стали думать думу.

Телеграмма, очевидно, от какого-то из филиальных отрядов. Просят деньги, скорее всего на транспорт, на вывозку. Сумма соответствующая, но из какого отряда? В Троицко-Печорском районе работают пять филиальных отрядов. Во всех отрядах – начальники аккуратные, ответственные. А вот – Василий Иванович Чалышев... С ним вечно разные приключения случаются, ни одного сезона без разборок не завершились. Он может и не такое начудить. К тому же, только у Чалышева в графике финансирования стоит тысяча рублей. У других – иные суммы.

Отправили тысячу рублей в Троицко-Печорск В.И. Чалышеву до востребования. Угадали правильно.

На послеполевой разборке вылепилась такая ситуация.

Василий Иванович, когда приблизилось время выделения денег, послал из полевого лагеря в ближайший населенный пункт, которым был Троицко-Печорск, рабочего, передав ему текст вполне внятной телеграммы и деньги точно под расчет. Рабочий, попав из тайги в цивилизованный поселок, затосковал. А когда увидел киоск с пивом, так пивка захотелось, что совладать с собой не смог. Купил кружку, потом вторую. Когда опомнился, денег осталась самая малость. Узнал у телефонистки стоимость слова и точно под остатки мелочи составил максимально лаконичное, но достаточно информативное, как оказалось, послание.

А случай с телеграммой вошел в филиальный фольклор.

СМЯТЕНИЕ

Однажды в институт пришли известные киноактеры: Наталья Крачковская, симпатичная толстушка, сыгравшая множество ярких женских ролей, и Анатолий Кузнецов, особенно запомнившийся образом товарища Сухова из «Белого солнца пустыни». Их, вероятно, пригласили в рамках очередной агиткампании в связи с какими-то выборами, и наш институт попал в число коллективов, которые включены в план их встреч. Мы с удовольствием приняли артистов, они, действительно, талантливы и популярны. Наталью Крачковскую перед встречей опекали женщины, а Анатолия Кузнецова я свел с Петром Петровичем Юхтановым, человеком во всех отношениях приятным, а внешне таким же худым и щедушным, как Петруха, из знаменитого кинофильма. Кто-то сделал их выразительную фотографию, которую подписал «Товарищ Сухов и наш Петруха».

Перед встречей, а ее начинал Кузнецов, он попросил меня провести его к телефону, чтобы позвонить в Москву. Решили, что уйдем после его выступления. Он говорил минут тридцать, больше о «Белом

солнце пустыни», ставшем не только любимой народной кинокартиной, но и культовым фильмом космонавтов, о викторине, созданной на основе этого фильма. Говорил и о своей жизни, о других ролях. Ответил на множество вопросов.

Потом к трибуне пошла Крачковская, мы встали, чтобы в этот промежуток незаметно выйти.

В нашем конференц-зале трибуна стоит на довольно высокой сцене в метре с небольшим от стенки. И в этот проход между стенкой и трибуной ведет довольно крутая лесенка. Крачковская, несмотря на свою многообъемность, старалась выглядеть шустрой, подвижной, даже летающей. На этом она строила и свой имидж во время встреч со зрителем. Подчеркивала, что ей нравится своя полнота, что это ее особое достоинство. Вот и сейчас, она порывисто вскочила и легко и изящно запорхала к сцене. И вдруг на второй или третьей ступеньке неожиданно споткнулась и с размаху упала в тот промежуток между стенкой и трибуной. Но поскольку промежуток был рассчитан на нормальных людей, даже очень упитанных, а не на супертолстухек, таких как Крачковская, то она не упала на пол, а встала на колени и на руки, накрепко заклинившись необъятной задницей, которая оказалась эффектно возвышающейся над всеми остальными частями тела.

Я в это время был рядом, и только Крачковская начала свой кульбит, бросился, чтоб придержать. Но когда подскочил к лесенке, она уже находилась в заклиненном состоянии, и я метался и смущенно махал руками, не зная, за что ухватиться, чтобы помочь ей подняться. Везде была только одна туго обтянутая плащом, необъятная попа. Даже ладони между крутыми бедрами и стенками не просунешь.

Зал укатывался в хохоте, кто-то захлопал, обрушился шквал аплодисментов. Прошло мгновение, а мне оно показалось нескончаемым, Наталья вскочила, выдернулась из тесной ловушки, с пленительной улыбкой вспорхнула на трибуну.

А я до сих пор не могу забыть то смятение, в котором метался у задницы именитой артистки перед сотней пар внимательных глаз разгоряченной публики.

Егор ФЕФЕЛОВ

СУДЬБА, ОПАЛЕННАЯ ПЛАМЕНЕМ (очерк)

Жизнь человека, бывает, складывается не предсказуемо. Разве думал на заре своей жизни простой шельяюрский паренек Женя Кушманов, что, спустя несколько десятилетий, на рубеже своего пятидесятилетия, добьется в своей жизни таких вершин, о которых другие только мечтают. Сейчас он полковник внутренней службы, заместитель Председателя Комитета по делам гражданской обороны и ликвидации чрезвычайных последствий Республики Коми по кадровой, воспитательной работе и профессиональной подготовке. Должность, конечно, достаточная хлопотная, особенно, сейчас в эпоху перемен, кадровых перестановок и организационно штатных мероприятий, но и авторитетная в любой правоохранительной структуре.

Вся жизнь Евгения Кимовича связана со служением Отечеству. В начале семидесятых он служил во вневедомственной охране отдела внутренних дел Сыктывкарского горисполкома. Несколько лет своей жизни отдал военной службе, в 1980 году уволился из армии с должности начальника передающего центра и связал свою судьбу с уголовно-исполнительной системой. Был начальником отряда одного из исправительно-трудовых учреждений, затем старшим инспектором группы по организации воспитательной работы, трудоустройства и учета условноосужденных Управления исправительно-трудовых учреждений МВД Республики Коми.

Но самая главная его служба, где Кушманов, как он сам считает, нашел себя по-настоящему, развивается в пожарной охране, в которую перешел служить в организационно строевой отдел инспектором. С этой незначительной в табеле о рангах должности и начался его путь в Государственной противопожарной службе. Со временем профессиональные качества сотрудника были по достоинству оценены руководством, и он стал расти не только в звании, но и в должностях. Стал сначала заместителем начальника оргстроевого отдела, а потом и его начальником. В 1990 году Е.К. Кушманов окончил Московскую высшую школу милиции МВД СССР, став квалифицированным юристом.

Выпало Евгению Кимовичу принимать участие в боевых действиях на Северном Кавказе. В 2001 года он был направлен в служебную командировку во временный отдел внутренних дел Грозненского сельского района Чеченской республики, где принимал участие в контртеррористической операции, и зарекомендовал себя профессионально подготовленным руководителем. Личный состав временного отдела внутренних дел вернулся к месту постоянной дислокации из служебной командировки без потерь. Кушманов Е.К. за добросовестное исполнение служебных обязанностей в Чеченской Республике неоднократно поощрялся правами Командующего ВОГО и П МВД Российской Федерации, Военного коменданта Грозненского сельского района.

В 2002 году Государственная противопожарная служба была выведена из структуры Министерства внутренних дел и стала самостоятельной службой. Затем произошло ее объединение с МЧС России, УПС Республики Коми в полном составе влилось в Комитет по делам ГО и ЧС Республики Коми. Происходили изменения и в служебной карьере полковника Кушманова. Сначала его назначают на должность заместителя

начальника Управления Государственной противопожарной службы, а затем Евгений Кимович становится начальником Управления кадровой, воспитательной работы и профессиональной подготовки и одновременно заместителем Председателя Комитета по делам ГО и ЧС Республики Коми.

Как сказано в служебной характеристике Евгения Кимовича: "За время прохождения службы Кушманов Е.К. зарекомендовал себя исполнительным, дисциплинированным, добросовестным сотрудником. Со своими функциональными обязанностями справляется в полном объеме. Настойчив и последователен в вопросах контроля за исполнением служебных документов.

В целях улучшения качества воспитательной работы с личным составом по его предложению в Управлении создано отделение воспитательной работы и в подразделениях введены должности психологов, что положительно сказывается на морально-психологическом климате и способствует снижению количества нарушений дисциплины.

Благодаря активной, целенаправленной работе, проводимой Кушмановым Е.К. по комплектованию подразделений ГПС республики удается на протяжении последних лет удерживать некомплект личного состава на одном уровне и сохранить в подразделениях стабильное профессиональное ядро, способное выполнять поставленные перед пожарной охраной задачи.

Кушманов Е.К. регулярно выезжает в районы с оказанием практической помощи. Способен к принятию самостоятельных решений по наиболее сложным вопросам кадровой работы. Имеет большой опыт по разбору конфликтных ситуаций в подразделениях, обладает высоким чувством такта при их разрешении. Досконально вникает во все моменты при разборе того или иного вопроса, касающегося человеческой судьбы и служебной деятельности подразделений. Им установлен деловой контакт со всеми руководителями подразделений. К подчиненным сотрудникам и кадровым аппаратам подразделений проявляет должную требовательность и взыскательность, сочетая это с заботой о них и оказанием практической помощи.

Кушманов Е.К. большое внимание уделяет профессиональной подготовке сотрудников. Кушманов Е.К. ежегодно проводит семинары сотрудников кадровых аппаратов Республики, на которых оказывается не только практическая помощь, но и изучаются новые материалы и передовые формы по воспитанию сотрудника ГПС. В совершенстве знает структуру пожарных подразделений. Имеет высокий уровень интеллектуального развития, понимает задачи стоящие перед пожарной охраной. В работе проявляет инициативу и находчивость. В экстремальных ситуациях самообладания не теряет, проявляет выдержку и внимание в обращении с людьми. Способен самокритично анализировать свою деятельность. На замечания и критику реагирует правильно. Наличие высшего юридического образования позволяет Кушманову Е.К. квалифицированно и грамотно принимать решения по трудовым спорам, возникающим в подразделениях, давать соответствующие консультации руководителям.

Кушманов Е.К. большое внимание уделяет воспитанию личного состава. Им разработаны и направлены на места методические рекомендации по работе общественных организаций. Кушманов Е.К. в коллективе пользуется уважением и авторитетом. Организует встречи ветеранов с молодыми сотрудниками, организует помощь ветеранам как моральную, так и материальную; встречи, дни рождения, выделение техники и т.д. Ежегодно ветеранам пожарной охраны оказывается материальная помощь на сумму более 100 тысяч рублей. Кушманов Е.К. является Председателем комиссии по жалобам и заявлениям граждан, комиссии по соблюдению режима секретности в Управлении, аттестационной комиссии, специальной комиссии по выплатам единовременных пособий и сумм в возмещение ущерба.

Кушманов Е.К. имеет классную квалификацию "Специалист 1 класса - наставник", он постоянно делится большим опытом работы с молодыми сотрудниками, оказывает им практическую помощь в решении служебных вопросов. По складу характера коммуникабелен, уравновешен, спокоен. Физически здоров. Кушманов Е.К. в коллективе пользуется уважением и авторитетом. Обладает строевой выправкой. Присвоенную форму одежды уважает и требует ее соблюдения от всех сотрудников Управления". За этими строгими и сухими строчками служебной характеристики скрывается судьба настоящего российского офицера.

За хорошую работу Кушманов неоднократно поощрялся руководством. Он награжден нагрудными знаками: "Лучшему работнику пожарной охраны", "За отличную службу в МВД" двух степеней, «200 лет МВД России», "За верность долгу", "Участник боевых действий", "За службу на Кавказе", а также медалями "За безупречную службу" всех степеней, «200 лет МВД России», "70 лет Вооруженных Сил СССР", "50 лет Победы в Великой Отечественной войне", Почетными грамотами МЧС России, Северо-западного регионального центра МЧС России, МВД Республики Коми и Комитета по делам ГО и ЧС Республики Коми.

В семье Евгения Кимовича царят взаимопонимание и уважение. Ведь и его жена Алефтина Изосимовна и дети Евгения и Роман тоже являются офицерами и служат в Государственной противопожарной службе. Вот такая получается семейная династия.

Альфия КОРотаева

КОМИ ПЕСНЯ В МОЕЙ СУДЬБЕ (очерк)

Я появилась в Сыктывкаре, в Государственном театре оперы и балета в 1985 году после окончания Уральской консерватории в Свердловске. Причем видела свое будущее именно как оперная певица. Ведь народные песни требуют другой манеры исполнения. Но, к сожалению, в то время оперный репертуар нашего театра был невелик, и мое лирико-колоратурное сопрано не было востребовано. Поэтому несколько лет ушло на детские постановки и сказки. Кроме того, в театре тогда была «эпоха» другой солистки. И если бы я позволила себе опустить руки в первые годы своей театральной карьеры, то ничего и не представляла бы из себя сейчас.

Впервые коми песни я услышала по радио в исполнении уже тогда знаменитой Лидии Логиновой. Поразила их мелодичность и нежное, проникновенное исполнение. Появилось желание их петь. Но я отдавала себе отчет в том, что мне не стоит идти по пути подражания. Все-таки я оперная певица, и следовало использовать эти мои профессиональные возможности, которых нет у исполнительниц народных песен.

Кроме того, была еще серьезная проблема. С одной стороны, коми языком я не владела. С другой стороны, в программу подготовки оперных певцов входит исполнение партий на языке оригинала – как правило, на итальянском. Это не значит, что мы в совершенстве знаем этот язык. Но мы шлифуем правильное произношение. Таким образом, знание точного перевода песни и безукоризненное произношение должны были стать ключом к моему успеху.

Моим учителем коми языка стала Нина Васильевна – вахтер нашего театра. Как я ей благодарна! Она переводила на русский язык тексты коми песен, буквально ставила мне произношение, слушала мои первые попытки исполнения. И знаете, мы с ней добились большого успеха. Ведь если Народный писатель Республики Коми Геннадий Юшков говорит, что такое правильное произношение, как у меня, редко услышишь даже от коми актеров, значит, это высочайшая оценка не только моих усилий, но и трудов моей учительницы. Кроме того, забавная история произошла на одном из песенных праздников «Василей» в Усть-Куломе. Зрители после моего выступления ничуть не заподозрили во мне «иностранку», а спорили, из какого я района! А сама я в тот раз получила приз за «проникновение в коми песню».

В 1993 году в театре проходил конкурс вокалистов на лучшее исполнение произведений композиторов Республики Коми, где я завоевала Гран-при. Мне особенно запомнился второй тур, где я исполнила две песни. Спела, поклонилась после выступления, ушла за кулисы. И тут у меня покатались слезы, сердце сжалось... И всегда, когда я исполняю песню Марка Новоселова на стихи Геннадия Юшкова «Войвыв кодзув», состояние такое же. После этой песни я всегда делаю перерыв или исполняю ее в конце концерта, потому что после нее ничего уже петь не могу. Кстати, на конкурсе после моего выступления был объявлен перерыв, так как эта песня произвела сильное впечатление и на членов жюри.

В конце 1995 года я получила приглашение от одной из общественных организаций Австрии – Церкви Иисуса Христа Святых последних дней - выступить с концертом в Вене. При этом предложили представить публике не привычные мне партии из опер и оперетт, а именно коми песни. Я, конечно, с радостью согласилась. Мало того, что мне самой очень нравится петь эти песни, но и появилась возможность выступить с ними перед взыскательной зарубежной аудиторией.

Концерт прошел замечательно! Публика удивительно хорошо принимала наши песни, будь то лирические или веселые и шуточные. Я, конечно, очень волновалась, так как это совсем незнакомая для западного зрителя музыка. С уверенностью могу сказать, что в тех стенах она звучала впервые. Но так как песни, по-моему, интернациональны по своему характеру, они все – о любви, о дружбе, о Родине, поэтому мои волнения были напрасны. Коми песни оказались понятны австрийскому зрителю! Надеюсь, что в этом успехе была и частичка моего труда. Успеху способствовали и замечательные коми костюмы, выполненные в сыктывкарской мастерской по пошиву национальных костюмов «Левана» по эскизам художника Тамары Кольчуриной. Аудитория воспринимала дух песни не только на слух, но и визуально.

Было очень приятно, что организаторы того концерта пригласили представителей нашего посольства в Австрии. Видимо, мое выступление пришлось им по душе, потому что спустя некоторое время я пела коми песни и в стенах российского посольства.

17 ноября 1996 года в Центре при Организации Объединенных Наций в Вене в Моцартовском зале состоялся многочасовой концерт, посвященный 30-летию ЮНИДО, и для меня была большая честь принять в нем участие. Выбрала для исполнения мою самую любимую коми песню «Войвыв кодзув». Когда же вышла на сцену, то невольно почувствовала огромную ответственность, которая легла на меня в те минуты. Я представляла Республику Коми, пела перед огромной аудиторией песню, никому во всем мире, кроме нас, неизвестную. И ведь они все слушали, затаив дыхание! Думаю, не ошибусь, если скажу, что все зрители, сидящие в зале, поняли, о чем пелось в этой песне.

В 2001 году вышел в свет мой аудиоальбом «Тебе, моя республика» из 16 песен авторов Коми земли. Народный артист СССР композитор Евгений Дога так написал в своей рецензии: «Мелодии народа коми нам знакомы больше по прошлым радиопередачам в рубрике «Дружба народов». Сегодня же значительную часть этой самобытной музыкальной культуры мы узнаем в новом ее качестве, благодаря блестящему, подобно горному кристаллу, голосу Альфии Коротаевой. Исключительные музыкальные данные этой молодой певицы позволяют исполнять самые разнообразные по стилю и сложности музыкальные произведения. Пение поражает не только точностью, я бы сказал **исключительной** точностью интонирования... Бархатная тембральная основа голоса канвой живого таежного ковра еще ярче высвечивает отблески искристого голоса и уносит его туда, в поднебесье».

Честно говоря, я сама не ожидала, что аудиоальбом получится таким удачным. Но три года мучений, потраченных на его выпуск, с лихвой оправдались.

Последние годы я, пожалуй, больше времени проводила в Москве, чем в Сыктывкаре. Выступала с Академическим Большим концертным оркестром имени Ю.Силантьева. Меня приглашал в свои концерты «Любовь моя - поющая Россия» Национальный академический оркестр народных инструментов имени Н.Осипова. Эти выдающиеся российские музыкальные коллективы с удовольствием включают в свои концерты коми песни в моем исполнении.

Важным событием в моей жизни стало выступление на 10-м Международном музыкальном фестивале «Славянский базар» в Витебске. Коми песни органично вошли в канву многоязычного гала-концерта мастеров России, вызвав бурные аплодисменты зрителей. А перед концертом была пресс-конференция, на которую меня тоже пригласили. Когда мне дали слово, сказала: «Здорово, что география фестиваля расширилась, и Вы услышите певицу из далекой северной республики. Пусть и дальше фестиваль «прирастает» таким образом».

Вот так коми песня стала неотъемлемой частью моей судьбы. Именно благодаря коми песне меня узнали в России и за рубежом, благодаря этим песням меня знают и любят в моей республике, стараются мне помочь, и я благодарна всем моим слушателям.

ПОДАРОК

Я уже привыкла к поклонникам. Редкий по тембру и красоте голос располагает к тому, что почитатели моего таланта буквально сходят с ума и могут отколоть такой номер, что только держись!

Однажды меня пытались украсть. Причем потенциальные похитители вели себя настолько нагло и самоуверенно, что я не только поверила им на все сто процентов, но и испугалась до смерти. Поэтому совершила то, на что не решилась бы ни при каких иных обстоятельствах. Я обратилась в ФСБ с заявлением о похищении! Слава Богу, там оказались ребята крепкие и сноровистые. С горе-похитителями они разобрались по полной программе! Не только вблизи меня - в городе от них не осталось ни слуху, ни духу!

Но это было скорее исключение из правил. Обычно никто на мою жизнь и свободу не покушался. А вот на особые – очень дружеские и неформальные – отношения желающих всегда было хоть отбавляй. При этом большинство людей оказывались вполне нормальными – автограф, интервью, беседа, совет профессионала, ни к чему не обязывающее знакомство действительно были приятными обязанностями «суперзвезды».

Но эта новая поклонница доставляла мне беспокойство. Начало отношений было вполне нормальным. Женщина увлеклась культурой Японии и отдала всю себя заморской диковинке – икебана. И достигла таких успехов, что даже состоялась ее персональная выставка в одном из местных музеев. Там мы и познакомились. И даже составили план совместного выступления – я пою цикл произведений на стихи средневековых японских поэтов, а моя поклонница иллюстрирует пение своими цветочными фантазиями.

Но потом все пошло насмарку. Мне пришлось в достаточно резкой форме отказать новой почитательнице в ее желании приобрести для меня туфли в подарок. Затем также решительно были пресечены попытки сопровождать меня на работу и домой.

Но сегодня поклонница скромно подошла ко мне после концерта и вежливо сказала:

- Я знаю, что вы любительница растений. Я хочу подарить Вам семена пальмы. Пусть они вырастут и радуют Вас.

Я готова была снова отвергнуть очередной подарок, но простенький пакетик из газетной бумаги успокоил меня, и я приняла его.

Придя домой, я развернула обрывок газеты и остолбенела. Внутри лежали три финиковые косточки. От тех самых фиников, которые продаются в любом продовольственном магазине!

КАК Я СЭКОНОМИЛА 800 РУБЛЕЙ

Несколько лет назад я приобрела мобильный телефон. Этим сейчас никого не удивишь. Но в моей профессии певицы он оказался незаменимым помощником. И верой и правдой служил мне все это время. Но вдруг неожиданно, среди бела дня отказался обеспечивать необходимую связь – не принимал входящие звонки и не соединял с нужными людьми.

Я сразу же обратилась в мастерскую, благо их броскую рекламу легко встретить в центре нашего города. В мастерской повертели в руках мой «мобильник» и сказали:

- Вышел из строя передатчик. У нас их сейчас нет. Можем заказать, но это обойдется Вам минимум в 800 рублей, и ждать придется недели две.

Пошла в другую мастерскую. Там было несколько горемык с такой же, как у меня, проблемой. Симпатичный, хорошо одетый молодой человек унес мой телефон куда-то в глубину офиса, а, вернувшись, сообщил:

- Да, это сломался передатчик. Мы не возьмемся за ремонт.

Шла домой грустная и, чертыхаясь, думала о том, какая я несчастная. Неожиданно, Бог знает отчего, мне вспомнился мой супруг, который порой, тоже чертыхаясь, отключал от питания «зависший», отка-

зываются работать компьютер. А потом снова его включал, и – о чудо! – машина перезагружалась и функционировала, как ни в чем не бывало.

Мне подумалось, что мой телефон – это своего рода тоже маленький компьютер. Я его выключила. А потом включила. И он стал работать, как новенький.

Мало того, что я сэкономила 800 рублей. Я теперь подумываю, а не открыть ли мне мастерскую по ремонту мобильных телефонов? По крайней мере, оказалось, что кое в чем я разбираюсь лучше наших ремонтников.

Андрей КРАЙЛЬ

ГУСАР В ДУШЕ – ГУСАР НА СЦЕНЕ (очерк)

- Дядя Волк! Дядя Волк! – такими криками встречает сыктывкарская детвора актера Республиканского театра фольклора Николая Бутенина. Наверное, это можно назвать признанием публики, которое греет душу и дает силы для дальнейшего творчества. Нынешний год для Николая Владимировича – юбилейный. В августе ему исполнилось сорок лет – возраст середины жизни.

- Я давно уже не играл так, чтобы выходить пустым со сцены... - говорил он мне. Моя неостребованность – это все равно, что фотоаппаратом гвозди заколачивать...

Что можно сказать на такое положение вещей, творящееся с отдельно взятым актером? Наверное, черная полоса. Наверное, можно только посочувствовать всей отрасли культуры республики и театральному искусству в частности. Но не будем о грустном, а начнем рассказ о его жизни по порядку.

Коля Бутенин родился в поселке Водном города Ухты в интересной и одновременно обычной для севера семье. Его отец Владимир Николаевич, всю жизнь проработавший слесарем-инструментальщиком на ухтинском заводе "Прогресс", сын порутчика царской армии Николая Федоровича Бутенина – дворянина, русского офицера, кавалера трех боевых крестов за первую мировую войну. Николай Федорович после революции служил в Красной армии, а в 1932 году был репрессирован. Москвичка жена приехала к нему в ссылку на Север в 1935 году, а уже в 1937 родился отец актера Николая Бутенина.

Мать Николая Владимировича Татьяна Ивановна тоже из ссыльных. Казацкая семья жила в селе Высокое Тверской области, когда ей было два годика, родителей вместе с детьми выслали в село Керки Сосногорского района. После окончания школы Татьяна пошла работать на завод "Прогресс", где и познакомилась с Владимиром Бутениным. Свою трудовую деятельность начала простой рабочей, а окончив заочно технологический техникум, стала инженером-технологом. С тех пор так и живут на Водном.

Николай после окончания школы пошел работать на завод в цех, в котором трудился отец. Потом окончил школу ДОСААФ, а в армию в 1980 году пошел служить водителем, попал на строительства БАМа. После года службы Бутенин был направлен и поступил в Ленинградское высшее военное училище железнодорожных войск и военных сообщений. Но через полгода подал рапорт на отчисление. Его романтическое отношение к офицерскому званию не нашло понимания среди сокурсников. Дослуживал срочную в железнодорожных войсках, строил тайшетскую магистраль.

После демобилизации в запас Николай Бутенин вернулся в Ухту, снова пошел работать на завод, затем крутил баранку в организации со сложным названием "Комиспезэнергоремонт". В актеры, можно сказать, попал случайно. А произошло это так.

Потеряв водительские права, Николай вернулся на завод. Из увлечений у него была одна страсть – он играл в хоккей, в 1977 году на республиканских юниорских соревнованиях был даже признан лучшим вратарем. Ни о каком театре, конечно же, и не помышлял. Тем более, что имел от рождения дефект речи – не выговаривал букву "л". Эта черта, как говорится, была наследственной привилегией дворянского происхождения.

При заводе существовал театральный кружок, возглавляла его Ольга Ракетская. Она-то и уговорила Бутенина начать посещать занятия, увидев его однажды в самодеятельном концерте "А ну-ка, парни!" А вернее, услышав пение под гитару. Ракетской понравился настоящий сочный низкий мужской голос. Правда, чтобы "поставить" "л" Николаю пришлось тренироваться два года. Но он своего добился. Искоренив в речи признаки бархатных кровей.

- Первая моя работа, - говорит Бутенин, - роль Терентия в "Жестоких играх" Арбузова. А в 1985 году в честь сорокалетия Победы в Ухте проходил конкурс самодеятельных и народных театров, где я на удивление получил самую высокую оценку за свою мужскую роль. В тот же год, так сложилось, в республике набирали курс в Щукинское училище в коми студию. Приехал в Сыктывкар и поступил, причем так, как и сам не ожидал. С первого тура сразу же прошел на третий. Поступал вместе с известным ныне режиссером Евгением Малафеевым. Помню, читал любовную лирику Некрасова, совершенно, казалось бы, не свойственную для этого поэта-трибуна и басню Михалкова "Лев и ярлык"... Выпил пивка, чтобы снять напряжение и, как все, ближе к вечеру пришел к стенду посмотреть результаты первого тура. Смотрю, а моей фамилии в списках нет... Расстроился неимоверно, потом смотрю, внизу списка несколько фамилий и моя в том числе тех, кто сразу переведен на третий, минуя второй, тур...

Общеобразовательные экзамены Николай сдал хорошо и поступил в Щукинское училище. Особенно преподавателям понравился голос абитуриента. Надо сказать, что он может быть достался ему от бабушки Маргариты Бутениной, которая еще до войны пела в Большом театре.

В Щукинском училище руководителем курса, на котором учился Николай Бутенин, был Альберт Григорьевич Буров, актерское мастерство преподавал Ю.В. Катин-Ярцев, запомнились ему и другие педагоги Авшаров, Поглазов, Кайдановский... Во время учебы Бутенин сыграл директора завода в спектакле "Высокое напряжение" по пьесе Андрея Платонова, телеграфиста в "Свадьбе" Антона Павловича Чехова, Йорика в спектакле Галина "Крыша". Особенности впечатления у молодого актера оставило его участие в инсценировке Койдановского "Три ножа из страны Вэй", классический японский спектакль, где он сыграл сразу три женские роли: принцессу, служанку и походную наложницу.

Тяга и любовь к спорту во время учебы в училище вылились у Николая в его занятия вне программы обучения сценическим боем и фехтованием. Тогда же пробовался на роли в тринадцати фильмах, но ни в один не попал. Вот и не верь после этого в магию чисел. Снялся в одном из эпизодов фильма Александра Сакурова "Круг второй". Два проекта художественных фильмов, куда проходил на роли второго плана, были закрыты из-за проблем с финансированием.

- С Алексеем Серебряковым, - рассказывает Бетенин, - пробовались на одну роль на киностудии имени Горького, но прошел он... В этом деле огромную роль играет элементарное везение.

После окончания в 1989 году "Щуки" Николай Бутенин вернулся в Сыктывкар, и в свой день рождения был зачислен в актерский штат Республиканского театра драмы им. Виктора Савина. Вместе с ним вернулись и выпускники Коми студии Е. Малафеев, М. Шапин, А. Попов, А. Софронова и Н. Надуткина. Сначала молодую театральную поросль поселили в гостиницу "Сыктывкар" – тогда у театра были деньги оплачивать такое "барство".

- Первый свой спектакль играл, - продолжает рассказ Николай, - "Королевство кривых зеркал", в "Детях Арбата" Рыбакова главную роль Александра, в "Иване Чонкине" - "дерьмоведа"-мичуринца... Отработав сезон, уехал снова в Москву, там устроился на службу в Московский камерный драматический театр-студию под руководством А.Г. Щекочихина. Открылась студия на старой сцене "Театра на Таганке", в завершение мероприятия в гримерке Высоцкого распили бутылочку...

Но жилья, извечная проблема актера-"лемиты", у Николая Бутенина в столице не было. И хотя он получал в театре-студии пять сотен рублей, деньги для тех времен немалые, в Москве не прижился, пришлось снова вернуться в Сыктывкар. Тут уж ему предоставили жилье комнату в театральном общежитии на улице Морозова. Там он так и живет до сих пор.

С 1991 по 1998 годы в драматическом театре актер Николай Бутенин сыграл роли более чем в тридцати спектаклях. Самые запомнившиеся в них для сыктывкарского зрителя это главный герой Александр в спектакле по пьесе Владимира Федорова "Предчувствие гражданской вины", дон Педро в "Чудесах любви" Лопе де Вега, казак Спирид в "Панночке" по повести Николая Гоголя "Вий", юродивый в "Чарах", которую Николай получил в наследство от талантливого и рано ушедшего из жизни актера Андрея Канева и многие, многие другие.

В 1998 году Бутенин перешел в Государственный театр фольклора Республики Коми. Практически не зная коми языка, начал свою карьеру в национальном театре с игры животных, оно и понятно – твари-то бессловесные. Но сейчас, как шутит сам актер, изучив язык, досрочно дошел до человеческих ролей, например, играет в постановке С. Горчаковой "Заступница небесная" роль начальника Генерального штаба Василия Шапошникова и роль второго плана – вешего старца, в "Осени – времени свадеб" управляющего совхозом Панюкова, а в спектакле по пьесе Сергея Журавлева "Медвежья родня" отца Кудым Оша.

Николаю Бутенину всегда очень шла военная форма. "Гусарить", в хорошем смысле этого слова, в его характере. И хотя давно уже не приходилось играть на сцене царских офицеров, всегда отличавшихся статью и выправкой, он в жизни остается настоящим гусаром.

- Мне кажется, - говорит Николай, - я нашел свое место, мне хорошо в театре фольклора. Мне нравится быть с молодежью, от ребят подзаряжаешься задором, и хочется жить дальше...

А мне, как рядовому зрителю, хочется пожелать в юбилейный год талантливому актеру Николаю Бутенину новых постановок, новых ролей, и нескончаемого творчества на радость любителям театрального искусства.

Альберт БЕРНШТЕЙН

СУДЬБА ЭКГАРДТА-СТАРШЕГО: ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЫТЬ НЕМЦЕМ

«Родился я 30 октября 1923 года в селе Бекетное (хутор Бекетный) Пролетарского района Ростовской (на Дону) области. Мои родители оба из крестьян. Отец – Экгардт Андрей Кондратьевич 1882 года рождения, уроженец хутора Золотаревка Константиновского района Северо-Кавказского Края (ныне Ростовская область). Мать Экгардт (рожденная Фусс) Екатерина Ивановна, 1882 года рождения, уроженка хутора Романовского Пролетарского района того же Северо-Кавказского Края».

Так начал рассказ о своей судьбе Иван Андреевич, бывший работник шахты Аяч-Яга комбината «Воркутауголь», а ныне – пенсионер, житель Германии Иоханес Эггардт.

Наша встреча, о которой мы сговорились еще весной, состоялась в первых числах сентября 2003 года в московском гостиничном номере.

– Время весьма милосердно к вам, – не удержался я от замечания, удивленный тем, что Иван Андреевич совсем не изменился со времени нашей последней встречи более двадцати лет назад: он никак не походил на старика, которому вот-вот, менее чем через два месяца, стукнет восемь десятков. В ответ Иван Андреевич едва заметно улыбнулся, приняв, видимо, мои слова за проявление обычной вежливости.

Несколькими месяцами ранее я отправил ему в Германию два десятка вопросов о его жизни в Воркуте и до Воркуты и попросил подготовить ответы на них, поскольку собирался сделать очерк о нем. И тут Иван Андреевич еще раз удивил меня, вручив мне толстую тетрадь в шестьдесят с лишним страниц, испи-санную без единой помарки убористым каллиграфическим почерком.

– Вот моя автобиография и воспоминания о прошлом, – кратко пояснил он.

Затем состоялась долгая беседа, а после нее до глубокой ночи я читал эту настоящую повесть его жизни. Под впечатлением прочитанного долго не мог уснуть: сколько же страшных испытаний выпало на долю человека, все «преступление» которого состояло в том, что он родился немцем на территории СССР.

Российские немцы, занимавшиеся, в основном, сельским хозяйством, являются потомками тех переселенцев из Германии, которые переехали в Россию на основании Манифеста Екатерины II от 22 июня 1763 года. По этому Манифесту им предоставлялись льготные условия переселения на пустующие земли южных окраин с передачей земли в частную собственность независимо от сословий. Сначала было образовано 117 коренных немецких колоний на Волге, затем на Кавказе, Украине, в Крыму, Южной Сибири, на Алтае и Казахстане.

По переписи 1908 года в Российской империи насчитывалось более двух миллионов граждан немецкой национальности [«Немцы Коми», Сыктывкар, 2001г.].

Родина Ивана Андреевича – одна из таких колоний на Северном Кавказе.

Село Бекетное: чуть более полутора сотен крестьянских дворов на трех улицах, сельский совет, школа-семилетка, медицинский пункт, магазин со складом и ледником, пункт приема молока, мельница, молельный дом. Все население села – немцы со своими обычаями, традициями, вероисповеданием (евангелисты-лютеране) и языком. А вот их жилища, пожалуй, мало похожи на традиционные немецкие постройки: стены из самана, крыши соломенные или камышовые, полы земляные, периодически протираемые навозной жижей и посыпаемые песком. Других строительных материалов в тех местах просто не было.

«Местность была не очень живописная, – вспоминает Иван Андреевич, – леса даже поблизости не было, одни просторные степи. Реки или другого существенного водоема возле села тоже не было. Самая близкая река Маныч протекала в 15 км от нас у станицы Буденовская». Зато был «ключ с чистой, как слеза, и вкусной питьевой водой», который подпитывал искусственный водоем в большом глубоком овраге за селом, служивший местом для летнего купания и рыбной ловли. Действительно, степи тех мест – зрелище довольно унылое (мне приходилось там отрабатывать сельскохозяйственную студенческую практику в середине пятидесятых годов), тот пейзаж для глаз еще более скуден, чем заснеженная заполярная тундра. Для жизни семьи из девяти человек (отец с матерью, четыре сестры и три брата) при натуральном хозяйстве это самое хозяйство должно было быть немалым: шесть голов лошадей, две-три коровы, несколько голов овец, свиней и коз, куры. И все это надо было кормить. Вот и приходилось работать круглые сутки на огороде, в саду и еще на 11 гектарах пахотной земли.

«Родители были в постоянной работе, – рассказывает Иван Андреевич. – Особенно в весенне-летний период, когда нужно было вовремя посеять, а затем в страду все быстро убрать в закрома. А сколько хлопот было в домашнем хозяйстве! Ведь все делали сами без найма поденщиков. Родители и старшие дети не имели покоя ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в выходные дни... Во время урожайной страды отец и четверо старших детей должны были круглосуточно находиться на току... Отец поздно вечером устраивал свой ночлег у телеги, подушкой ему служила спица в колесе. Как только его голова первый раз падала со спицы, сон у него пропадал, и всем давались команды «подъем» и «за работу». Позже, когда отца уже не стало с нами, вся работа легла на плечи матери. Я не понимал, как она выдерживает и когда она спит. Вечером возится по хозяйству до 12 часов, а утром надо было доить коров до выгона на пастбище, т.е. до четырех часов утра. Несмотря на тяжелый труд, родители были по-своему счастливы: все у них ладилось и получалось, они работали для себя и своих детей. Но в 1929 году все резко изменилось».

Коллективизация дошла и до затерянного в ростовских степях села. Отец под давлением властей (мы знаем, как это делалось) вынужден был вступить в колхоз «Красный труженик» и сдать туда все свое хозяйство: шесть лошадей со сбруей, скот, сельхозинвентарь, сани, телегу.

Поскольку отец был хорошим шорником, то его определили в мастерскую по ремонту лошадиной упряжи. После появления в 1931 году знаменитой сталинской статьи «Головокружение от успехов» о перегибах при организации колхозов часть крестьян вышла из колхоза, в их числе был и отец. «Но эта затея вышла отцу боком», – так дословно оценил это Иван Андреевич.

Председатель колхоза, он же секретарь партийной ячейки Ф. Шитц написал донос на отца в районные органы внутренних дел, и его сразу же арестовали с обвинением в контрреволюционной пропаганде. До сентября 1931 года его содержали в камере предварительного заключения в станице Пролетарская, а 22 сен-

тября выездной суд, который состоялся в школе села Бекетное, приговорил Андрея Кондратьевича Экгардта к лишению свободы в НТЛ сроком на три года. После суда ему уже не суждено было увидеться со своей семьей. Один раз старшему брату Андрею, который был уже женат и жил отдельно, удалось навестить отца в пересыльном пункте в Ростове. По его словам, отца нельзя было узнать: он сильно похудел и совсем пал духом. Затем он был этапирован для отбывания наказания в НТЛ куда-то в район Ярославля, откуда он написал письмо матери с просьбой прислать ему посылки с продуктами. Но помочь ему мать не могла, а объяснять, что все продукты в семье были после суда конфискованы, не хотела. А в 1933 году было получено сообщение из Ярославля, что отец скончался.

Много лет спустя, в конце 1994 года, Иван Андреевич получил два документа из прокуратуры Ростовской области. В «Справке о реабилитации», подписанной заместителем прокурора области говорилось: «Гражданин Эккарт (Экгардт) Андрей Кондратьевич, 1882 года рождения, уроженец хутора Золотаревка Константиновского района Северо-Кавказского края, гражданин СССР, национальность – немец, проживающий в хуторе Бекетовка Пролетарского района Северо-Кавказского края, 22 сентября 1931 года осужден народным судом 1 участка Пролетарского района Северо-Кавказского края по ст. 58-10 УК РСФСР к лишению свободы в НТЛ сроком на 3 года за контрреволюционную агитацию. На основании ст. 3 и 5 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гр-н Эккарт (Экгардт) Андрей Кондратьевич реабилитирован».

Справку сопровождало письмо помощника прокурора области Ю.Н. Охнянского, который сообщил следующее:

«Вопросы выяснения судьбы вашего отца не входят в компетенцию прокуратуры. Однако, поясняя, что архивное уголовное дело в отношении вашего отца не разыскано, о месте его хранения (если оно еще хранится) в главном Информцентре МВД Российской Федерации, а также в Информцентре УВД Ростовской области сведений не имеется. Реабилитация нами произведена по высланной Ярославским УВД карточке заключенного, где, действительно, имеется отметка: «бежал в 1932 г.», других сведений нет. Поэтому органы внутренних дел не в состоянии сообщить вам о причине смерти отца и месте его погребения».

Можно только гадать, что скрывается за этим сообщением о побеге. Действительно ли бежал и погиб где-то в дороге? Или был ликвидирован при спровоцированной попытке к бегству: «шаг влево, шаг вправо считается попыткой к бегству». Может быть, лагерное начальство такой отметкой в карточке «улучшало» свои показатели по смертности заключенных. Этого нам уже никогда не узнать...

Вот так после ареста отца мать осталась одна с семью детьми в возрасте от 5 лет до 18, Ивану было в это время 8 лет. После конфискации в доме не осталось никаких продуктов: забрали все запасы зерна и муки. А вслед за этим наступил так называемый «голодный» 1933 год. И хотя по урожайности этот год был не самым худшим, но вездесущими уполномоченными ОГПУ в колхозах и личных хозяйствах изымались все запасы продовольствия. И если бы не помощь брата матери и одного из друзей отца Бахмутского, что жил в соседнем селе, до весны семье Экгардта было бы не дожить. «Если бы не они, не удалось бы нам выжить, – вспоминал Иван Андреевич. – А весной 1934 года жить стало легче: на лугах появилась зелень, потом в огороде – овощи, в саду – фрукты». «Наступление» новых советских порядков на немецкое село продолжалось: закрыли молельный дом, затем в 1937 году преподавание в школе было переведено на русский язык, для чего был сменин весь преподавательский состав. Немецкий язык теперь стал иностранным по 2 часа в неделю. Для школьников, изучавших русский язык в качестве иностранного, это был очень сложный переход.

В 1938 году, после окончания 7-го класса Ивану (теперь уже точно Ивану, а не Иоханесу) пришлось идти в колхоз работать, поскольку средствами для продолжения учебы семья не располагала. Вначале учетчиком в бригаде огородников, а затем помощником бухгалтера управления колхоза.

Казалось, что жизнь снова стала налаживаться. Три сестры Елена, Лея и Екатерина и брат Богдан обзавелись своими семьями, а трое детей еще оставались с матерью: Элла еще училась в школе, брат Яков работал в колхозе. Выдаваемого на трудодни зерна хватало на жизнь, а с одеждой и мануфактурой по-прежнему было плохо: надо было сутками выстаивать в очередях у магазина.

В 1940 году брат Яша задумал перестроить родительский дом (об этом мечтал еще отец), точнее – построить новый дом. К июню 1941 года дом с помощью родственников был отстроен; осталось только побелить внутри дома и вселиться. Но этому уже не суждено было свершиться: война.

Руководство села срочно собрало переполошенный народ на митинг: выступающие единогласно осуждали агрессора и подтверждали свою готовность сражаться с фашистами. Большинство военнообязанных отправились на призывной пункт военкомата с просьбой отправить их на фронт, но их вернули назад: «придет время, мы вас позовем».

Горячая страда на уборке хлеба было особенно напряженной, она шла под лозунгом «все для фронта, все для победы».

Вскоре появились беженцы – еврейское население из Молдавии, их расселили по семьям и выдали продукты за счет колхоза. Но фронт стремительно приближался к Северному Кавказу, и к осени беженцы переселились куда-то дальше в Среднюю Азию...

Вслед за «черным» воскресеньем 22 июня пришла вторая «черная» дата в истории советских немцев: Указом Президиума ВС СССР от 28 августа на основе огульного обвинения в пособничестве врагу предписывалось поголовная депортация всех немцев в восточные районы – Сибирь, Алтайский край, Казах-

стан и другие. Страшная безжалостная репрессивная машина практически не оставляла надежду на выживание.

10 сентября, ночью, село было окружено солдатами с полным боевым снаряжением, были перекрыты все дороги, заблокированы здания сельского совета, правления колхоза, магазины, склады. Сельские руководители Шмидт, Шнор и другие ночью под конвоем были доставлены в штаб в здании поссовета, где им предложили сдать ключи от сейфов, печати, служебные документы. С этого момента вся власть в селе перешла к уполномоченным представителям НКВД, а магазин, склады с товарно-материальными ценностями были опечатаны.

Утром 11 сентября уполномоченные НКВД прошли по дворам и оповестили жителей села:

- Сдать оружие, если оно есть; за уклонение – трибунал;
- Домашнее хозяйство, скот, дома взяты на учет, соответствующие акты выданы главам семейств, которым пояснили, что на новом месте жительства местные власти по этим актам компенсируют оставленное добро; (конечно, никто ничего никому не вернул!);
- Каждая семья могла взять с собой до 150 кг груза на человека, но не более 500 килограммов на семью.

Уполномоченные пояснили также, что по пути следования по возможности будут выдавать горячее питание и хлеб.

И село в пожарном порядке начало готовиться к переезду. И хотя скот резать строго запрещалось – он подлежал сдаче на колхозный двор, все ночью забивали свиней, птицу. Мясо обжаривали и заливали жиром, чтобы продлить срок его хранения.

И вот 13 сентября наступил роковой день расставания с родным селом, родными местами, отчим домом, где Иван родился и прожил 18 лет.

Утром из соседних русских сел приехали подводы, запряженные лошадьми, волами и даже верблюдами из калмыцкого села. [Кстати, через три года та же участь постигла и калмыков]. Погрузка вещей, ящиков, сундуков, чемоданов, узлов, кастрюль, мешков закончилась довольно быстро, и была дана команда трогаться.

Сцены прощания с родным домом навсегда врезались в память Ивана Андреевича. Плач, крики, вопли, причитания – все слилось в бесконечном и страшном отчаянии людей, покидавших обжитые многими поколениями места. А впереди – пугающая неизвестность, которая не сулила ничего хорошего...

Даже сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, вспоминать то страшное сентябрьское утро без волнения и душевного трепета невозможно.

... Вереница подвод растянулась на несколько километров. Женщины, дети, старики сидели на подводах, мужчины и молодежь шли пешком до самого вокзала на станцию Пролетарская. На каждой подводе ехал вооруженный солдат, который следил, чтобы никто не сбежал. Железнодорожные составы из товарных вагонов подали быстро. Один состав был направлен в Казахстан, второй в город Мариинск Новосибирской области.

Семья Экгардтов, а также семьи двух братьев и двух сестер попали во второй эшелон, который практически без задержек в пути доехал до Сталинграда. А уже за Волгой от Сталинграда до Мариинска эшелон был в пути почти месяц. Действительно, за это время в пути два раза давали горячую пищу – какой-то немудреный суп.

По прибытию в Мариинск семьи по разнарядке распределили по селам: три семьи попали в мордовское село Николаевка Верх-Чебулинского района, в которое пришлось добираться двое суток, а две семьи – в село, расположенное неподалеку от города.

В Николаевке три семьи, а это 15 человек, поместились в маленьком домишке с двумя комнатами в 12 и 16 квадратных метров. Местное население относилось к приезжим неприязненно. Впрочем, почему они должны любить чужаков, да еще и немцев? Ни продуктов, ни скота никто переселенцам не выделял, и полуголодное выживание удавалось только за счет обмена еще кое-каких сохранившихся вещей на картошку у местного населения. И все же самое страшное – ГУЛАГ НКВД – было еще впереди.

11 сентября 1942 года вышло секретное постановление Госкомитета обороны СССР о мобилизации всех трудоспособных немцев-мужчин в возрасте 16-60 лет в так называемые трудовые колонны – «трудармию», а позже стали призываться и женщины в возрасте 16-45 лет и юноши 15-летнего возраста. У женщин, имевших несовершеннолетних детей старше 3-х лет, их забирали в детские приюты.

Трудармия – это на самом деле был обычный лагерь заключенных, состоящий из бараков, высокого забора с колючей проволокой и сторожевыми вышками. Режим и питание – соответствующие. Отличие заключалось в том, что в лагерях были заключенные по приговору (справедливому или нет – это другой вопрос) и с определенными сроками. В трудармии же не было ни приговоров, ни судов, ни сроков наказания.

2 января 1942 года НКВД СССР утвердил «Положение о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев», в соответствии с которым фактически трудармейцев переводили в разряд заключенных, только без приговора.

В конце января Иван с двумя братьями и мужем сестры были отправлены в район Казани на строительство железной дороги Свяжск-Ульяновск. Но вначале трудармейцы построили себе лагерь, ставший новой единицей Волжлага под названием трудовой колонны № 31. Работа каторжная – строительство же-

лезнодорожной насыпи с помощью лопаты, тачки и мускульной силы. Но самое страшное – это выгрузка из трюма баржи пропитанных антисептиком сырых тяжелых шпал, которые до костей стирали кожу на плечах. «Это был настоящий ад», – вспоминает Иван Экгардт.

[Иногда я, автор, задаю себе вопрос: а надо ли так подробно рассказывать все что, вроде бы, не имеет прямого отношения к истории шахты Аяч-Яга? И сам себе отвечаю: конечно, надо. Фамилия Экгардтов навсегда вписана в историю шахты. И в истории этой семьи, как в капле росы отражается весь мир, отражена история шахты, история нашей страны. В конечном итоге, это наша с Вами, уважаемый читатель, история, которая не должна быть забыта, не должна быть стерта из памяти прошедшими десятилетиями. Мы должны это знать и помнить].

И при такой работе питание было предельно скудное: рыбный суп из гнилой селедки, заправленный крапивой. Приходилось приворовывать на колхозных полях, чтобы как-то выжить в этих нечеловеческих условиях. С горечью вспоминает Иван Андреевич и издевательства лагерного начальства.

В своих воспоминаниях Иван Андреевич рассказывает об одном страшном для него эпизоде, который мог закончиться трагически. Однажды бригадир уговорил его после работы ночь подежурить в конюшне с больными чесоткой лошадьми. Утром оказалось, что дверь в конюшню открыта, и трех лошадей нет. Оперуполномоченный, который был вызван по этому поводу, предъявил обвинение в продаже лошадей местному населению и посадил подозреваемого в камеру предварительного заключения к уголовникам. Затем по два-три раза на день вызывал на допрос с одним и тем же вопросом: кому продал лошадей? Иван плакал и клялся в своей невиновности. Но через неделю лошади нашлись: их нашли в нескольких километрах от лагеря околевшими от сильного мороза и болезни. Следователь вернул Ивану изъятые при аресте личные вещи и со словами «ты свободен» отправил в тот же лагерь.

«Я плакал от счастья», – вспоминает Иван Андреевич. Быть свободным в то время означало для трудармейца перейти из КПЗ в общий лагерь. ...Страшное, страшное время.

В конце декабря 1942 года из другой трудовой колонны привезли старшего брата Андрея, который, судя по его состоянию, был уже смертельно болен. Тяжелый труд (а Андрей числился в своей колонне стахановцем), скудное питание сделали свое дело: в марте следующего года он скончался в возрасте 35 лет. Но еще за месяц до этого Иван с братом Яковом перед отправкой в Воркуту зашли попрощаться с Андреем. «Он с печалью посмотрел на нас и заплакал, – рассказывает Иван Андреевич. – Он знал, что обречен, и что мы больше не увидимся».

В начале марта 1943 года эшелон с трудармейцами прибыл на станцию Предшахтная города Воркуты. Так начался воркутинский период Иван Андреевич Экгардта. Разместили новоприбывших в бараках общей зоны ОЛПа (отдельное лагерное поселение) № 59 Воркутлага НКВД, отгороженного от заключенных внутренним забором с калиткой. Впоследствии весь лагерь был заселен немцами. Вначале работали на лесоскладе на различных работах, затем на перевалочной базе. Работа, по-прежнему, была очень тяжелой, а кормили три раза в день одним турнепсом: каша из турнепса, суп из турнепса, запеканка из него же, изредка давали соленую рыбу. Вместе со мной работали трудармейцы Дейснерд Д.Г., Найверт А.Г., Гунштейн М.А., Бергер Н.И., Пфетцер И.И. и другие.

По отчетным данным НКВД СССР в Воркуте в 1944 году насчитывалось 6873 граждан немецкой национальности (5361 мужчин и 1512 женщин), что составляло 20,5% от списочного состава рабочей силы. Наибольшая численность немцев-спецпоселенцев в Коми приходится на середину 1946 года – около 13 тысяч человек.

После года каторжной работы на перевалочной базе молодому Ивану «улыбнулось» счастье: главный бухгалтер базы Лайс Эмиль Иванович взял грамотного парня к себе счетоводом. Война откатывалась все дальше на запад, ее исход уже был предрешен, и только тогда впервые произошло «потепление» режима: некоторым из немцев разрешили проживать за пределами зоны.

Иван Андреевич вспоминает: «В 1946 году закончилась эра трудармии, нас освободили из лагеря НКВД. Четыре с половиной года я провел в «адском котле» за колючей проволокой. Многие из наших братьев и сестер от голода, холода и непосильного труда навсегда остались в безымянных могилах ГУЛАГа НКВД. Время, конечно, лечит раны. Но рубцы остаются, они болят и ноют. Тот, кто прошел эту «мясорубку», никогда не забудет ни загубленной молодости, ни замученных родных и близких. У меня на этом «поле битвы» остались навсегда два брата: старший Андрей 35 лет в Волжлаге ГУЛЖДС НКВД и Богдан 27 лет на строительстве железной дороги Абакан-Тайшет. Эта боль – навсегда».

Освобождение из лагеря оказалось освобождением условным: один режим сменился другим. Указом ПВС СССР все немцы поголовно переводились на положение спецпоселенцев «навечно». Два раза в месяц надо было отмечаться в комендатуре, в «волчьем» паспорте стоял штамп «без права выезда». Нарушение режима каралось лишением свободы до 20 лет. На каторжных работах немцам запрещалось занимать руководящие должности, поступать в высшие учебные заведения. Но работать теперь можно было за зарплату.

Полное восстановление прав немецкого населения было осуществлено только 18 октября 1991 года законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Вопрос же об образовании Республики немцев Поволжья так и не был решен. Впрочем, спустя 50 лет после поголовной репатриации этот вопрос практически потерял свою актуальность.

В жизни Ивана Андреевича Эгардта 1947 год стал годом важных событий, определивших всю его последующую жизнь.

В начале года один из друзей – Саша Найверт – познакомил Ивана Андреевича со своей двоюродной сестрой Амалией Андреевной Репп, родом из Поволжья. Спустя несколько месяцев, 9 мая 1947 года, в День Победы они стали мужем и женой. А через год в другой праздничный день 1 Мая родился первенец – сын Виктор, которому суждено было пройти путь на шахте «Аяч-Яга» от слесаря до директора шахты. В августе этого же года Иван Андреевич перешел работать на шахту «Аяч-Яга», носившую в то время название «Шахтоуправление № 2».

Так с 1947 года история шахты «Аяч-Яга» и история семьи Эгардтов стали общими.

На фотографии того периода счастливая семья. Крепкий, крупный мужик – глава семейства Иван Андреевич, красивая молодая женщина с джокондовской полуулыбкой – его жена Амалия, годовалый Виктор. Пристально всматриваюсь в лица, пытаюсь уловить оттенки настроения в тот миг, когда сработал затвор фотоаппарата. Они счастливы, в этом нет сомнения. Грусть и тревога – они тоже неуловимо присутствуют в их взгляде. Жестокие, несправедливые, выпавшие на их долю потрясения и тревожное ожидание будущих испытаний, независящих от их воли, наложили свой отпечаток на их счастье. Тревожное счастье... И еще одна деталь, вызвавшая у меня улыбку: маленький, худенький, годовалый Виктор, почти заморыш с темными кругами под глазами пальчиком что-то показывает впереди себя.

Говорят, что устами младенца глаголет истина. Может быть, перстом этого младенца, будущего генерального директора одного из крупнейших объединений угольной отрасли страны, владело само провидение, указывая далеко в будущее на счастливые свершения, которые произойдут в этой семье, спустя несколько десятилетий.

Но вернемся в 1947 год. Создание молодой семьи неизбежно приводит к проблеме жилья. Иван Андреевич жил в то время в доме барачного типа в двадцатиметровой комнате со своими «друзьями-товарищами», как он сам их называет: Штрак К.Я., Линсбург А.И., Нейфельд А.А. Сложный квартирный вопрос решился очень просто: кровать молодых была отгорожена раскладной ширмой. Так случилось, что двое из коллег уехали, и с семьей Эгардтов остался жить Штрак Константин Яковлевич. Он был «человеком большой души», как пишет о нем Иван Андреевич, «он был мне и моей жене, как родной отец, а затем нашим детям, как родной дедушка, жаль, что он так рано ушел из жизни, – сокрушается Иван Андреевич, – он скончался в возрасте 55 лет».

В конце 1949 года в семье Эгардтов родилась дочь, которую назвали Анной. «Растить детей всегда трудно, – вспоминает Иван Андреевич, – а тогда, в послевоенное время, было очень тяжело. Я получал мизерную зарплату, продуктов в магазине почти не было. Чтобы достать для детей несколько литров свежего молока, жена ходила пешком за 3-4 километра в отделение совхоза, оставляя детей на присмотр соседям, а иногда и под замком. Я же мало в чем мог ей помочь: с раннего утра до позднего вечера занят на работе, часто и в выходные дни.

Итак, с 1 августа 1947 года Иван Андреевич начал работать на шахтоуправлении № 2, в состав которой тогда входили три шахты № 12, 14, 16, расположенные на одной площадке.

«Территория ШУ-2 была обнесена высоким забором из колючей проволоки со сторожевыми вышками по углам с вооруженной охраной и одной общей контрольно-пропускной вахтой. Рабочая сила на шахтах состояла главным образом из заключенных – каторжан. В экономической службе, в которой я был назначен на должность старшего бухгалтера, кроме меня был еще кассир Остертаг из спецпоселенцев – немцев; остальные работники отдела также были из заключенных. Вольнонаемным был только главный бухгалтер Токарев.

Отдельный лагерный пункт (ОЛП), на котором содержался этот контингент, располагался в метрах 300-400 от шахты. Вначале заключенных водили на работу колонной через рабочий поселок ШУ-2 под строгой вооруженной охраной с собаками. Впоследствии от КПП ОЛПа до промышленной зоны был построен высокий коридор, обнесенный колючей проволокой, по которому заключенные стали ходить на работу и обратно без конвоя. В 1947 году из трех шахт в эксплуатационном режиме по добыче угля работала только одна шахта № 12, шахта № 14 находилась в подготовке к сдаче, а шахта № 16 – в строительстве.

Летом 1962 года Ивана Андреевича назначают главным бухгалтером ШУ-2, но с одним немаловажным условием: получить хоть какое-либо образование. Но для этого вначале надо было закончить школу. И в сорок лет Эгардт Иван Андреевич поступил в восьмой класс вечерней общеобразовательной школы № 15 в поселке Аяч-Яга, которую и закончил в 1967 году. В этом же году он поступил на третий курс среднетехнического факультета Тульского политехнического института по специальности «Бухгалтерский учет» на заочное отделение.

«Конечно, совмещать учебу с работой было очень сложно. После рабочего дня на основной работе начиналась «вторая смена», до собственной постели раньше 12 часов ночи не добирался никогда. А что было делать? Никакой другой профессии у меня не было. Но у меня была семья и дети, которых я должен был прокормить и поднять на ноги. Без огромной поддержки жены и прекрасного коллектива отдела бухгалтерии, который оказывал мне всяческую помощь, мне бы этой нагрузки не вынести». Так вспоминает в своих мемуарах Иван Андреевич о том трудном и все-таки счастливом периоде.

Да и бытовая ситуация начала постепенно улучшаться. В начале 1952 года семье Ивана Андреевича, а семья была уже из четырех человек, выделили комнату в двадцать квадратных метров с общими на четыре

семьи коридором, кухней и холодным туалетом (с выгребной ямой), а через год – уже двухкомнатную отдельную квартиру в новом 4-х квартирном деревянном доме. Такая квартира в то время – это уже счастье.

И еще одно немаловажное событие для семьи, лишенной личных гражданских прав: летом этого же года с разрешения органов МВД впервые разрешили выехать всей семьей в санаторий «Серегово», что в 50 километрах от Княжпогоста. А ведь прошло всего несколько месяцев после смерти Сталина. Следующим летом – новое послабление режима: разрешили съездить в отпуск к родственникам в Омскую область. Планировали еще заехать к сестрам, что проживали в Кемеровской области, но туда разрешения не дали. Пришлось навестить их на свой страх и риск. Риск оправдался – никто из властей ни разу не потребовал на проверку документы, и удалось посетить всех родственников, которые остались в живых после всех испытаний, выпавших на долю семьи Экгардтов. (Казалось бы, что частные события семьи Ивана Андреевича не имеют прямого отношения к судьбе шахты, но страшные приметы того времени, в которое довелось жить десяткам миллионов жителей нашей страны и есть часть нашей общей истории... И это выпало на долю одного поколения, весьма немногочисленные представители которого еще живут среди нас).

В середине декабря 1972 года приказом начальника комбината «Воркутауголь» Иван Андреевич назначается главным бухгалтером Шахтоуправления «Воркутинское», в которое входят объединенные групповой реконструкцией шахты № 40 и № 1 «Капитальная». Конечно, это было серьезное кадровое повышение: с небольшой шахты, поставляющей уголь, в основном, на местные нужды, перейти на мощное современное предприятие, производящее стратегическое сырье – коксующийся уголь для нужд металлургии.

Перевод на новую работу был очень непростым шагом. Вот как придет об этом сам Иван Андреевич Экгардт: «В общей сложности я проработал на шахте «Аяч-Яга» немного более четверти века; точнее – 25 лет, 4 месяца и 15 дней., в том числе в должности главного бухгалтера – 10 лет, 5 месяцев, 24 дня. (Не удивляйтесь точности учета стажа, ведь бухгалтер – это сочетание знаний, опыта, твердого характера с педантизмом). Конечно, расставаться со слаженным и славным коллективом шахты было совсем нелегко. Я прикипел к нему сердцем, здесь все было родное. Здесь прошла вся моя молодость, сложилась семья, выросли наши дети. Сын Виктор уже был женат и работал на шахте горным мастером. Здесь работали мои племянницы Гильда и Эмма Экгардт. Надо ли к этому добавлять, что связь Экгардтов с шахтой «Аяч-Яга» не порвется никогда.

Через полтора года Ивана Андреевича ждало новое назначение – заместителем главного бухгалтера комбината «Воркутауголь», а в 1974 году после реорганизации комбината в производственное объединение он становится первым заместителем главного бухгалтера. В этой должности он проработал до выхода на пенсию в связи с выездом из Воркуты на новое место жительства в Омск в августе 1982 года. Так закончился почти сорокалетний период жизни Ивана Андреевича Экгардта в Воркуте.

Как сложилась судьба нашего героя далее? Все вроде бы нормально устроилось на новом месте: хорошая квартира, рядом – многочисленные родственники, благополучно складывается жизнь у оставшихся в Воркуте.

Но ... течение жизни непредсказуемо. На рубеже 80-90 годов начались массовые выезды российских немцев на историческую родину. всего из всех бывших республик СССР в Германию переехало около полутора миллионов человек. Многочисленная родня, включая семью дочери Анны, двинулась на Запад. Засобирались и старшие Экгардты. Но вначале затяжная болезнь Ивана Андреевича, а затем смерть его жены Амалии в феврале 1995 года отдалили срок выезда. Скоропостижная смерть супруги, а это произошло внезапно, повергла Ивана Андреевича в шок. «Мне не верилось, что дорогого и любимого мной человека больше нет со мной, – с горечью пишет он в своих воспоминаниях. – Только что мы беседовали с ней о простых житейских делах, и вдруг – ее нет. Внезапно я потерял самого дорогого мне человека. Совсем, навсегда...»

В конце января 1999 года Иван Андреевич выехал в Германию – жить одному в Омске было невыносимо и бессмысленно.

... Снова возвращаюсь к нашей встрече с Иваном Андреевичем в московской гостинице в сентябре 2003 года.

– Как живется вам сейчас в Германии?, – я не мог не задать традиционный вопрос.

– Хорошо. Можно сказать, очень хорошо. Очень мягкий климат. В Москве зимой сугробы, а в Германии – зеленая трава. С июня 1999 года я перешел жить в дом для лиц пожилого возраста, что в городе Стендаль. Моя квартира расположена на четвертом этаже и состоит из гостиной, спальни, кухни, ванной комнаты и прихожей, общая площадь – 37,7 кв. м. что для меня одного вполне достаточно. Рядом с домом все городские учреждения: магазины, коммунальные службы, аптека, почта, отдел социального обеспечения. Медицинское обслуживание на очень высоком уровне, везде идеальная чистота. Как у пенсионера, у меня нет проблем: пенсию, которой вполне хватает на питание, оплату коммунальных услуг и прочие расходы, регулярно зачисляют на мой счет ежемесячно. Скучать нам не дают, часто организуют однодневные экскурсии.

Особых контактов с коренным населением у нас, переселенцев, нет. Мы для них, по-прежнему, остаемся чужаками. Я не уверен, что для детей и внуков положение изменится. Впрочем, мы и в России таковыми считались. Германия – чудная, сказочная, свободная, демократическая страна, родина моих пред-

ков. А моя родина – это село Бекетное в Ростовской области. И главная родина – Воркута. Суровая, неласковая, несправедливая. И в то же время наполненная многими счастливыми событиями, свершениями, из которых и состоит человеческая жизнь.

Конечно, Воркута была наказанием за преступления, которых мы, немцы, не делали. Но страдание возвышает. Оказавшись за колючей проволокой, мы не озлобились. И те, которые были рядом с нами, как торжаны, политические, были очень интеллигентными, порядочными людьми. Мы были людьми одной судьбы. Воркута расширила наши горизонты. Не будь Воркуты, я и, возможно, мои дети остались бы крестьянами на хуторе. В доме с саманными стенами и глиняным полом. И едва ли мой сын стал бы генеральным директором самого крупного в республике предприятия. Душой, сердцем, своими мыслями я навсегда связан с Воркутой, со своей родной шахтой «Аяч-Яга».

Я живу одновременно как бы в двух измерениях: в чудесном немецком городке Стендаль, который все еще остается мне чужим, и в далекой заполярной Воркуте, бывшей моим наказанием за несуществующее преступление и моим счастьем, которое нежданно-негаданно подарила мне судьба.

Константин АНДРЕЕВ

ЧЕЛОВЕК С РАБОЧЕЙ ЗАКАЛКОЙ И ГОЛОВОЙ УЧЕНОГО. (очерк)

Иногда судьба сталкивает с человеком, и ты через некоторое время поражаешься его настоящности, энергетике, накопленному опыту и тому молодому задору, который и в тебе рождает почти неосуществимые планы на будущее. Именно вот это самое «почти» за всю свою сорокалетнюю жизнь генеральному директору фирмы «АСС» Сергею Федоровичу Холмову приходилось и приходится преодолевать чуть ли не ежедневно. Княжпогостский район, вообще славится замечательными выходцами из этой лесной окраины Коми края, будь-то всемирно известный Питирим Сорокин, генерал-майор в отставке Фотиев, живущий ныне в Питере, или не так давно ушедший из жизни замечательный поэт Дмитрий Фролов. После знакомства с Сергеем Холмовым, на ум приходит мысль, что на них список знаменитостей не окончится. Есть еще продолжатели замечательных традиций любви к родному краю, к его людям, к его создаваемой нашими руками истории.

В КНЯЖ ПО КУЛАЦКОЙ СТАТЬЕ.

Как показывает статистика, более половины жителей Княжпогостского района Республики Коми оказались там, или являются детьми тех, кто прибыл туда не по своей воле. Недавняя история страны пропала по их судьбам кирзовым сапогом сталинских репрессий. В стране, строящей социализм, не хватало рабочей дешевой рабочей силы. Вот и везли ее в богатый углем, нефтью и лесом северный край по решению «троек» создавать и строить предприятия добывающей промышленности.

Сергей Холмов выходец из такой семьи.

Его отец Федор Егорович Холмов был сослан в Коми край в 1937 году из Новгородской области. Сначала, как и все трудился на лесоповале, а спустя несколько лет работал в Княжпогостском строительном участке № 2 и многие годы до выхода на заслуженный отдых на Княжпогостском механическом заводе. Мама, Мария Николаевна, так же в тридцатые годы прошлого столетия была выслана из Ленинградской области и всю свою жизнь проработала на районном узле связи экономистом.

Сергей Федорович не любит говорить о том страшном для его семьи времени. Его взгляд устремлен не в прошлое нашей республики, а в будущее всей страны, с той ее судьбой, с которой он связывает и судьбы своих земляков. Ведь поднимется с колен Россия, наладится жизнь и в нашей провинции. Все зависит, как он считает, от нас самих.

СЕМЬЯ. ЧЕСТЬ СМОЛОДУ.

Еще не так давно нынешний город Емва именовался безликим названием Железнодорожный и имел статус поселка городского типа, который состоялся на месте бывших нескольких зон Главного управления лагерей и прилегающих к ним населенных пунктов. В поселке Железнодорожном 11 июля 1962 года и родился Сережа Холмов.

Мальчик родился и вырос в многодетной семье, где всегда ценились трудолюбие, честность и порядочность. С малолетства трех сестер и двух братьев мать с отцом учили простым истинам понимать и уважать людей, трудиться так, чтобы быть ответственным и всегда успевать. Сейчас наша сложная жизнь раскидала семью по разным городам. Старшая Наталья и младшая Марина живут и работают в Москве. Средняя Лариса, историк по специальности живет в Санкт-Петербурге. А самый младший Миша, работает под крылом старшего брата Сергея в Сыктывкаре.

По воспоминаниям сверстников, он рос нормальным пацаном, который не боялся немного похулиганить и постоять за свою мальчишескую честь, не дать в обиду заезжим сезонникам-молдаванам знакомую девчонку, а, по мнению учителей, это был дисциплинированный юноша, добросовестно учившийся и не пропускающий занятий. Уже тогда стали проявляться у Сергея качества неформального лидера, способного повести за собой сверстников.

ГОДЫ ИСКАНИЙ И ПЕРЕМЕН.

Свою трудовую жизнь Сергей Холмов начал с того, что пошел по стопам отца. После окончания десятилетки в 17 лет устроился учеником слесаря на Княжпогостский механический завод. Трудился, как говорится, до седьмого пота под зорким взглядом Федора Егоровича, который порой отпрыску не давал времени даже на перекур с такими же как он молодыми рабочими. Строго следил, чтобы сын не пристрастился к рюмочке с аванса да с получки. Чем, думаю, и заложил в сына смолоду страсть к здоровому образу жизни.

Затем более десяти лет жизнь С.Ф. Холмова была связана с авиацией. После окончания летного училища он работал радиотехником в Печорском аэропорту. Именно в эти годы в стране началась разруха, на головы людей обрушились первые невыплаты зарплат. Чтобы прокормить семью Сергею пришлось уволиться и перебраться в столицу республики, как тогда ему казалось, в тот город, где можно было без труда найти приложение его профессиональным знаниям и опыту.

В Сыктывкаре он устроился на работу в ремонтно-монтажный комбинат, принадлежащий «Респотребсоюзу». За год техническое образование и трудовые навыки помогли ему выдвинуться из рядовых монтеров в начальники цеха. В семью, а к тому времени у него уже было два сына, наконец-то, пришел какой-никакой, но достаток. Однако долго радоваться не пришлось. «Респотребсоюз», а вместе с ним и комбинат пришли в полный упадок и вскоре были уже на грани ликвидации.

Вот тут-то Сергею и пришлось впервые задуматься над тем, как жить дальше. И он в паре со своим другом Андреем Валом организовал свое первое дело. Они во время полного экономического хаоса, неразберихи и разрухи госсектора услуг создали свое предприятие по монтажу и наладке охранно-пожарной сигнализации. И работа закипела, эта ниша экономических услуг предприятиям различных форм собственности была другими еще не занята.

Дело наладилось и шло своим спокойным, как казалось Сергею, чередом. Заказов было много, тем более, что за предприятием сразу же закрепилась слава, как о надежном партнере, который выполнит названные в договоре работы качественно и в срок. Но активная натура Холмова, организатора и лидера по своей сути характера, не могла остановиться на достигнутом. Нужно было заняться еще чем-нибудь стоящим и интересным.

А, как известно, когда человек ищет себе приключений на одно место, то по русской пословице он их всегда себе найдет.

От одной фирмы поступил заказ на поставку в Сыктывкар двадцати тонн рыбы. Холмов решил попробовать заняться доставкой. А почему бы и нет? Арендовали фуру, закупили и привезли из Мурманска требуемое количество товара, а фирма заказчик от него... отказалась. В такой ситуации молодому предпринимателю еще быть не приходилось. Но делать нечего, в тогдашних рамках рыночного беспредела и беспомощности неотработанных новых законов, такое поведение некоторых партнеров было обычным явлением.

С рыбой нужно было что-то предпринимать. Стали продавать в сыром виде. Товар шел плохо, груз мог начать портиться. И тут вдруг Сергею в голову пришла здравая мысль. А что если организовать цех по переработке рыбы? Ведь и эта, казалось бы, не самая сложная, экономическая ниша по переработке морепродуктов в те годы в Сыктывкаре была не занята.

Придуманно, почти что сделано. Дело оказалось за малым. Взять кредит в банке, арендовать бывшую столовую «Агропрома», закупить оборудование и на ее площадях открыть копильный цех. Первая партия переработанной рыбы ушла, что называется, влет. Сергей постепенно так увлекся своим новым делом, что передал предприятие по монтажу и наладке охранно-пожарной сигнализации в другие руки.

ЖИЗНЬ СВОИМИ РУКАМИ.

Так в 32 года в 1994-м Сергей Федорович Холмов открыл свое новое предприятие – общество с ограниченной ответственностью «Фирма АСС». Сегодня это одно из самых известных и перспективных в республике рыбоперерабатывающих предприятий. Рыба и другие морепродукты поступают на него из Мурманска и Калининграда, а после переработки реализуются населению через магазин «Океан» и сеть других торговых точек по всей республике.

Будучи руководителем, заочно окончил Санкт-Петербургский институт управления экономикой. Сейчас учится на втором курсе заочного отделения аспирантуры этого же прославленного вуза страны. Тема будущей диссертации звучит так: «Комплексная стратегия развития предприятия и его маркетинговой среды». После ее защиты нынешнего аспиранта ожидает научная степень кандидата экономических наук. Такое стремление к новым уровневым профессиональным знаниям многое говорит о личности этого молодого руководителя и организатора производства.

А главной целью для себя, как производственника, он ставит постепенное возрождение и развитие промышленности Республики Коми. Совершенно обоснованно полагая, что только так можно улучшить жизнь и всего региона, и каждого населенного пункта, большого города или маленькой деревни. Развитое производство даст людям работу, а значит и возможность не только зарабатывать на жизнь, но и возможность профессионального роста. Ведь деньги для больших пенсий и товары для достойной жизни не появятся по мановению волшебной палочки из воздуха. А доверие людей в наше время можно заработать только достойными делами, и никогда пустыми обещаниями, за которыми ничего не стоит.

Своей работоспособностью Сергей Холмов обязан родителям, которым помогал по хозяйству наравне со своими сестрами и братом. Строгое воспитание привило честность и порядочность. Эти качества характера и помогают ему легко сочетать без отрыва от производства руководство предприятием с научной деятельностью.

Добившись успехов своим трудом, он уверенно смотрит в завтрашний день. За ним динамично развивающееся предприятие и сильная команда единомышленников. А также крепкая семья: жена и двое сыновей. Вот почему содействовать развитию экономики нашей республики Сергей Федорович старается не только как производственник, но и как отец, которого волнует будущее своих детей. Он, ни на кого не надеясь, строит свою жизнь своими собственными руками и учит этому работников созданной им фирмы.

РАЧИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН.

В рабочем кабинете С.Ф. Холмова царят чистота и порядок. Даже некий аскетизм в обстановке дает повод полагать, что заработанные предприятием средства не тратятся на ненужный лоск начальничьего кабинета, а полностью идут на «социалку» для сотрудников и развитие производства. За спиной директора в аккуратных рамках висят «заслуги» фирмы перед республикой и ее населением.

Прежде чем начать разговор с хозяином кабинета, рассматриваю, что же написано на документах убранных под стекло. Диплом дан за вклад в развитие экономики Республики Коми, так и написано: «Награждается предприятие общество с ограниченной ответственностью «Фирма АСС» как «Лучшее предприятие Республики Коми» в 2001 году». Благодарность Комитета по поддержанию и развитию предпринимательства в Республике Коми дана С.Ф. Холмову за большой вклад в развитие предпринимательства Республики Коми и успехи в развитии предпринимательства, а также собственного производства. Премия Главы Республики Коми предприятием получена за высокие достижения в области качества производимой продукции сельди соленой. Диплом Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми и Министерства торговли, бытового обслуживания населения и легкой промышленности Республики Коми присвоен «Фирме АСС» за лучшую экспозицию Республиканской оптовой ярмарки «Продовольствие – 2002».

Усаживаюсь напротив Холмова и мы начинаем беседовать.

- Сергей Федорович, что на ваш взгляд происходит сейчас в стране, в ее экономике?

- Мне кажется, что правительство, да и само государство, должно работать с нами по четко обозначенным правилам, которые бы были закреплены в стойком законодательстве. Российские предприятия, которые работают в Коми крае, мало, на мой взгляд, вносят адресных инвестиций в социальную сферу. А должны бы, открыто и адресно. Просто обязаны работать с местными предприятиями по продуктам питания, медикаментам, строительству... А то нефтяники, например, строят себе офисы, а строителей везут из Москвы.

Некоторые предприятия нарушают экологию, а заинтересованности в разведении рыбы в озерах и реках республики как не было, так и нет. А развитие рыбного хозяйства могло бы приносить немалую прибыль, как этим гигантам, так и местному населению. Прежним Правительством в Республике Коми была принята целая программа по «зарыблению» наших водоемов, но она так и не была воплощена в жизнь... У республики должны быть ясные отношения с центром, закрепленные действительно действующей законодательной базой. Если в наш край пришла огромная добывающая компания и качает прибыль из наших недр, господа магнаты, будьте добры, оказать помощь республике в подъеме, скажем, ее сельского хозяйства. Почему в Швеции, Дании такое возможно, а у нас нет?

В этом, я думаю, и заключается экономическая безопасность региона. Пусть качают, но пусть и помогают местным производственникам. Упадёт цена барреля нефти, и снова дэфолт? А сколько у нас в республике земель простаивает, сколько людей могло бы на этих землях работать? Мне кажется, наше Правительство должно устанавливать такие экономические правила игры, по которым простые люди имели бы возможность работать.

- А ваше отношение к еще одной болевой точке в нашей общественной жизни, к войне в Чечне?

- Какое же может быть еще отношение? Я за целостность России, видимо, надо воевать, необходимо родину защищать... Другое дело, что армия должна быть профессиональной на контрактной основе. Мы не бедное государство, денег не только хватит, но еще и экономия получится...

- Сергей Федорович, мы с вами затронули вопросы экономики и политики, расскажите немного о своей семье, увлечениях.

- Семья у меня, что надо. Жена Галина Степановна трудится в пенсионном фонде, сыновья Максим и Федор оба еще учатся в школе, одному пятнадцать, второму восемь. Оба занимаются спортом, Мак-

сим футболом, а Федор, как все мальчишки его возраста, карате. Есть еще два полноправных члена семьи, два «азиата» хороших элитных кровей Зеид и Гурат. Псов воспитываю сам, они у меня ребята серьезные... Люблю охотиться, рыбачить. Но есть у меня и настоящая страсть. Собираю ракушки. И сам привожу с разных концов света, и друзья дарят. Есть представительницы из Китая, Тайланда, с Багамских островов, Кубы, Анапы, Сочи и Владивостока... Читаю о них разную литературу. Они лежат у нас в квартире на видном месте, смотрю на них и отдыхаю...

Я слушал Холмова, представлял, как он смотрит на свои ракушки, и думал о том, что каждый из нас заслуживает лучшей жизни. Но, к сожалению, не у каждого есть возможность за нее бороться. А вот Сергей Холмов чувствует в себе такие силы, а главное помогает своим участием в экономической жизни республики, отстаивать и наши права на достойную пенсию и зарплату бюджетникам, хорошую работу и учебу. Ведь одними выступлениями с высоких трибун результата не добьешься. Он понимает четко, что республике и стране нужны полезные, работающие законы, которые помогут навести порядок в любой сфере, будь то производство, или социальная защита населения.

Как уроженец небольшого поселка, Сергей Федорович не может спокойно смотреть на гибель сельских предприятий и отсутствие работы в деревнях. Он часто бывает на своей малой родине и хорошо знает ее трудности. Холмову не безразличны и городские проблемы, разбитый асфальт дворовых территорий, обнищавшие больницы, закрытые детские клубы, растущий уровень преступности. Но он уверен, что можно справиться со всеми бедами, если работать, создавать новые производства, благоустраивать улицы, помогать слабым... И человек работает, пусть на своем маленьком участке нашей жизни, но работает, и так будет всегда.

Вот с каким замечательным человеком столкнула меня однажды судьба, с человеком с рабочей закалкой и головой ученого, с оптимистом, реально смотрящим в будущее, верящим в лучшую для нас всех жизнь, и все делающим для этого.

Валентин ОХАПКИН

СЕАНС ВСЛЕПУЮ...

Богата Русь на выдумки. Придумают умные головы вроде толковое дело, раструбят на всю страну, и пошло, поехало: постановления, распоряжения, приказы по изучению передового опыта, но, как правило, вся эта компания сим и заканчивается. Канули в Лету некогда передовые педагогические системы учителей-новаторов, туда же – новые формы совместной деятельности учреждений культуры и спорта (КСК), созданные в восьмидесятых годах.

На зимних каникулах как-то и послали нас, пятерых преподавателей культурно-просветительного училища, изучать опыт КСК в Тульскую область. Встретили нас дружелюбно, вручили, как водится, план мероприятий и повели знакомиться в родственное учреждение культуры. Здание училища деревянное, старое, ветхое находилось в центре города. Посмотрели мы кабинеты, планы учебной и воспитательной работы, побеседовали с преподавателями и руководством училища. А приютили нас в общежитии училища, которое находилось у черта на куличках. Надо было ехать примерно час на трамвае, а затем еще километра два идти пешком. Здесь, на окраине города, рядом с совхозными полями и располагалось двухэтажное общежитие. Здание, вероятно, не так давно было построено, но доведено обитателями до такого состояния, что так и хочется написать, что там побывал Мамай. В общежитии проживали все тогдашние социальные слои советского общества: работники химических предприятий и милиции, строители, интеллигенция и студенты.

Мне предложили довольно простую, но холодную комнату, в которой кто-то уже обосновался, но в данный момент отсутствовал. В комнате, дверь которой, вероятно, часто открывали ногами, находились три кровати, стол и два стула. Из единственного окна просматривались бесконечные совхозные поля, чуть покрытые снегом, отгороженные друг от друга чередой деревьев. На столе были разбросаны шахматные фигуры, доска и валялся какой-то шахматный журнал.

Оставив свои нехитрые вещи, мы пошли выполнять программу по изучению опыта. Не стану описывать этот опыт, так как он не представляет ничего особенного из того, что могло бы заинтересовать читателя. Мы посмотрели КСК Щекинского района, производственного объединения «Азот» имени 50-летия СССР, совершили интересный поход в музей оружия.

Вечером, придя в свою келью, я убедился, что дверь открыта, и мой сосед уже вернулся. Мы познакомились.

Его звали Сергей Иванович. Это был мужчина средних лет, высокого роста с пытливыми серыми глазами. Печать доброты и обаяния сразу привлекли мое внимание. Одет он был в синий спортивный костюм. Он, как и мы, находился на учебе, повышая квалификацию, как директор музыкальной школы из Тульской области.

- Откуда же вы соизволили прибыть в наши края? – спросил Сергей Иванович.

- Мы из столицы Коми края города Сыктывкара. Приехали изучать КСК, - восхищенно ответил я.

- О городе мало слышал, а вот о трио баянистов наслышан. Это Волохов, Данилочкин, Майсерик...

- А вы, я вижу, коротаете время за шахматными задачами? – спросил я.
- А что прикажете делать вечерами? – ответил он вопросом.
- Я, пожалуй, могу вам составить компанию, если вы не против.
- С превеликим удовольствием, - услышал я желанный ответ.

И мы стали играть. Не выдавая свою настоящую силу, он выигрывал у меня партию за партией. За этот вечер я проиграл семь или восемь партий, и только уже далеко за полночь мне удалось выиграть одну партию, когда Сергей Иванович немного снизил внимание.

- Сергей Иванович, вы профессионально занимаетесь шахматами? – спросил я.

- Нет, дорогой, я профессиональный баянист, а в шахматах я всего лишь любитель. Но иногда играю в шахматных турнирах и, случалось, одерживал победу даже у мастеров, чуть помоложе играл и вслепую, то есть не глядя на доску.

Я был удивлен, потому что читал и слышал, что есть шахматисты с феноменальной памятью, которые могут играть в шахматы вслепую. Но встречать такого партнера не приходилось.

- Сергей Иванович, может, сыграем партию? Мне это очень интересно, - попросил его я.

- Нет, нет! Я уже давно это не практикую, - ответил категорично он.

Я не настаивал, и мы отправились спать.

Утром нам предстояла поездка на экскурсию в Ясную Поляну.

Одухотворенным вернулся я в нашу келью, и стал с восхищением рассказывать Сергею Ивановичу об аллее, ведущей к дому, о том как мы поднимались по лестнице в гостиную, по которой ходил сам Лев Толстой, его кабинете, знаменитом кожаном диване, в ящиках которого хранились наиболее ценные рукописи, простой могиле на краю оврага, где была зарыта палочка Николеньки, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях.

- А знаешь, дорогой мой, что в окрестностях Ясной поляны много есть людей, похожих на великого писателя?

- Неужели, но ведь он был самоед и в молодые годы пытался бороться с похотью, - я читал в дневниках.

- Да, пытался, - сказал Сергей Иванович, - только похотью и боролся с похотью, а затем казнил себя за малодушие, но ничего поделать не мог. Да разве только он один. Многие дворяне были грешны в этом, хотя они считали этот порок за грех. Сам Пушкин и сам Тургенев не избежали этого.

- Сергей Иванович, мне не так давно пришлось побывать в усадьбе Тургенева в Спасском-Лутовинове и нам показали изящный шахматный столик с набором фигур и сказали, что Толстой и Тургенев играли в шахматы.

- Да, хотя отношения между ними были дружелюбно-холодные, но все же взаимно уважительные, и они действительно встречались за шахматной доской. Тургенев играл сильнее Толстого, и Лев Николаевич философски повторял, что в шахматах есть дурная сторона: выигрывая, мы огорчаем своего партнера. Надеюсь, я не слишком огорчил вас, мой друг? – сказал он.

- Что вы, Сергей Иванович, я очень благодарен вам за прекрасно проведенное время, за наставления и учебу. Теперь я еще больше отравлен шахматным ядом...

- Что же касается взаимоотношений Толстого и Тургенева, то вот какие стихи послал Тургенев Фету:

*Толстого Николая поцелуйте
И Льву Толстому поклонитесь, также
Сестре его. Он прав в своей приписке:
Мне не за что к нему писать. Я знаю,
Меня он любит мало, и его
Люблю я мало – слишком в нас различны
Стихии; но дорог на свете много:
Друг другу мы мешать на захотим...*

(Стихи Тургенева, посланные Фету 16 июля 1859 года).

Прочитав стихи и выдержав небольшую паузу, он добавил:

- Поскольку завтра вы уезжаете, я соглашусь сыграть вслепую в честь сегодняшней беседы.

Я согласился.

Он взял стул и отошел в дальний угол нашей уютной комнаты и сел. Я расставил фигуры. И он сделал ход белыми фигурами королевской пешкой.

Я диктовал ему свои ходы, а он, не записывая, отчетливо «видел» шестьдесят четыре черные и белые клеточки шахматной доски, все держал в памяти. До середины партии борьба была равной, но где-то я совершил ошибку и проиграл легкую фигуру.

Я стал нервничать и один ход передал ему ошибочно. Он это тут же заметил и сказал, что эта клетка занята, и без малейшей ошибки продиктовал расстановку шахматных фигур на доске. Его тренированный ум не допустил ни одной ошибки. А ведь игра вслепую, то есть не глядя на доску, требует гигантского напряжения умственных сил, нервов, памяти, и, тем не менее, я все же проиграл эту партию Сергею Ивановичу.

Интересно анализировал шахматные ошибки Лев Николаевич Толстой, он писал в своем знаменитом на весь мир романе «Война и мир»: «Хороший игрок, проигравший в шахматы, искренно убежден, что его проигрыш произошел от его ошибки, и он отыскивает эту ошибку в начале своей игры, но забывает, что в каждом его шаге, в продолжении всей игры, были такие же ошибки, что ни один его ход не был совершен. Ошибка, на которую он обращает внимание, заметна ему только потому, что противник воспользовался ею».

Утром мы уезжали домой, а мой случайный сосед по командировке еще оставался.

- Сергей Иванович, спасибо вам за науку, теперь я верю, что наш шахматный гений, четвертый в истории шахмат чемпион мира Александр Алехин играл вслепую на тридцати пяти досках...

- Да, играл и много раз. Найди и прочти, что говори о шахматах гений комбинаций Алехин, - посоветовал, прощаясь со мной, мой шахматный учитель и партнер.

Спустя некоторое время я нашел эти слова. Вот они: «Посредством шахмат я воспитывал свой характер. Шахматы прежде всего учат быть объективным. В шахматах можно сделаться большим мастером, лишь осознав свои ошибки и недостатки, совершенно так же, как и в жизни».

Но жизнь – это не шахматы. Она часто не подчиняется законам логики...

Анатолий ПОПОВ

НАШ УЧИТЕЛЬ

Мы часто вспоминаем школу. Мы – это несколько бывших одноклассников, которые окончили школу № 7 города Воркуты в 1959 году. И всегда воспоминания начинаются с имен учителей. Первым из них мы всегда называем Валентина Константиновича Истомина, учителя физики.

...1957 год. В класс стремительной походкой входит высокий, рыжеватый неулыбчивый человек. Здоровается. Сразу четко определяет свое и наше поведение в классе. Рассказывает о себе кратко, отрывисто, по-военному.

- Я бывший партизанский разведчик. Кличка – Рыжий. Бездельничать на уроках не позволю. Разрешаю ничего не делать только один день в году, когда у вас день рождения...

Лучше бы он этого не говорил. Все, чьи дни рождения приходились на учебные месяцы, в свой день настойчиво тянули руку на уроке физики, просто умоляя вызвать к доске. Валентин Кириллович, наверное, понимал, откуда прет такое рвение, но следовал тем правилам игры, как ныне говорят, которые сам и предложил.

Я, как декабрьский уроженец, тоже был удостоен «приглашения к доске», нес чепуху, класс держался за животы, Валентин Кириллович улыбался и затем басил:

- Садись, Попов, ко-о-ол!

Слово «кол» было с растяжкой и его звучание успевало заглушиться мощным протестом класса:

- Нельзя, у него день рождения!

Тогда следовала в общем хохоте улыбка Учителя, и он примирительно говорил:

- Мог бы отказаться и не выходить к доске. Но в следующий раз спрошу обязательно.

Мы, мальчишки и девчонки, которым в 8 классе учителя уже объяснили, что отныне к нам они обязаны обращаться только на «вы», за всей строгостью Валентина Кирилловича сразу распознали доброе и отзывчивое сердце. Требовательность нами принималась естественно, а уж похвала из его уст была словно награда – даже выше пятерки.

Слушая меня, можно заподозрить в том, что ходил этот самый Попов у учителя физики в любимчиках... Но под моими словами подписывается и мой друг и одноклассник Игорь Балутто. И не только он, наверное, сделает это.

В 2002 году в журнале «Воля» (журнал узников тоталитарных систем) опубликованы воспоминания Ирины Владимировны Скаковской «О Воркуте и воркутянах (1948-1959)». Вот несколько ее строк о школьном воркутинском периоде:

«Школу я любила. Учиться было интересно. После экзаменов в десятом классе у нас было десять медалистов (утвердили в Сыктывкаре двоих, у которых родители не были заключенными, но поступили в институты все).

Первые два года в институте мне было легко учиться, был хороший школьный фундамент – физика, химия, биология. Физику в старших классах преподавал Валентин Кириллович Истомин. Бывший артиллерист, он пришел в школу в военном френче, прекрасно считал в уме, мы решали у него задачи в общем виде и он, поглядев некоторое время на доску, на многоцифровую дробь, говорил нам ответ. Он был прекрасным учителем, у него физику понимали даже девочки, хотя и побаивались его баса. Он очень редко улыбался, но уж на его улыбку класс отзывался хохотом...

На выпускном вечере он советовал моей маме отправить меня в университет на филфак, но было известно, что в университет не берут с подпорченной анкетой...»

«подпорченная анкета» – это расстрелянный отец и мать, отбывшая лагерный срок на Воркуте. Ирина Владимировна поступила в медицинский институт, после окончания которого вернулась работать в Воркуту. В настоящее время живет в Германии.

Несколько дней назад я получил письмо из США от Маи Александровны Симановской, одноклассницы Ирины Владимировны. Ее отец, А.Я. Гуревич, срок отбывал на Воркуте, затем работал в ПТУ. Вот несколько строк из ее письма:

«Ира написала мне о судьбе Валентина Кирилловича Истомина; я рада, что не ошиблась в нем. Мы никогда с ним не разговаривали, за исключением двух-трех раз в месяц, когда он вызывал меня к доске, и, явно жалея, почти вздыхая, говорил:

- Садись, четыре...

(Физика мне не давалась). Если у него остались дети (жив ли он?), я хотела бы, чтобы они знали и гордились своим отцом».

Валентин Кириллович Истомин родился в 1918 году в селе Межадор Сысольского района Республики Коми (это ныне так).

В 1938 году окончил физико-математический факультет Коми государственного педагогического института и был направлен преподавателем физики и математики в с. Усть-Усу, работая там и завучем средней школы.

В 1940 году призван в ряды РККА. Участник Великой Отечественной войны с первого и до последнего дня. В октябре 1945 года демобилизован в звании капитана артиллерии.

В 1945-48 годах был директором Усть-Усинской средней школы.

В 1948-50 годах – заведовал ГОРОНО города Воркуты, затем учитель физики и завуч Воркутинской средней школы № 7, директор средней школы № 27, а в 1959-69 годах учитель физики в средней школе № 1 – это все в Воркуте.

Умер в феврале 1970 года после продолжительной и тяжелой болезни.

В те годы, когда Валентин Кириллович директорствовал в Усть-Усинской школе, эта должность была номенклатурной, то есть, решение о назначении на должность принимал Коми Обком ВКПб. Вот как назначался в Воркуту Валентин Кириллович:

«Воркута. Горисполком. Голосову.

Рекомендованные Вами кандидаты депутаты Горсовета отводятся...

...Вместо них рекомендуем: должность зав ГОРОНО Истомина Валентина Кирилловича, 1918, члена ВКПб, коми, высшее, работает директором Усть-Усинской средней школы...

...Изменения согласуйте политотделом комбината. Результат сообщите Обкомпарт 22 ноября. Секретарь ОБКОМПАРТ Залыгин. 20.09.47 г.»

(ГУ РК НАРК П-1 оп. 4 д. 148 л. 53).

С будущей женой Истомин познакомился в Усть-Усе: Прасковья Васильевна преподавала в начальных классах после окончания педучилища в с. Мохча. У них четверо детей, трое из которых пошли по стопам родителей, а сын Николай стал кадровым военным.

Валентин Кириллович был призван и служил на границе, то есть принял первый бой в первый день войны. Был в окружении, был в партизанах...

Но о военном периоде жизни нашего Учителя нужно будет рассказать отдельно, так как с фронта он писал часто супруге, интересовался школьными новостями, скупно рассказывал о боях. Я приведу выдержки лишь из двух его писем:

«О своей жизни и службе, ты сама понимаешь, что многое из нашей жизни ты не должна (подчеркнуто в письме – А.П.) знать, но то, что можешь знать, коротенько сообщу... В настоящее время нахожусь не на передовых позициях, а в глубоком тылу... О том, что здесь были бои, говорят сожженные и ограбленные дочиста деревни. Вряд ли ты, Паша, находясь за 2-3 тысячи километров от фронта можешь представить себе все ужасы, грабежи, насилия и разрушения, чинимые немецкими бандами при их отступлении...» (1 февраля 1942 года).

Из письма 14.03.42 года.

«Требования к себе и учащимся должны быть усилены. Выжимать из себя и из ребятшек все. Не жалея ничего, ибо этим самым вы укрепляете наш тыл, а, следовательно, оказываете большую помощь фронту.

Напишу несколько слов и стихами (находим время и на поэзию):

Ты обо мне в слезах не вспоминай,

Оставь свою заботу и тревогу.

Не близок путь, далек знакомый край,

Но я вернусь к родимому порогу.

По-прежнему любовь моя с тобой,

С тобою, родина, ты не одна, родная.

Ты мне видна, когда иду я в бой,

Свое большое счастье защищая.

На голос твой я сердцем отзовусь,

На верность верностью и подвигом отвечу.

Я далеко, но я еще вернусь

И ты, как прежде, выйдешь мне навстречу».
Таким был и остался в нашей памяти наш Учитель Валентин Кириллович Истомин, Учитель от
Бога...